

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 2 (68), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

при финансовой поддержке
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА
проект № 16-04-14033

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016

*Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол № 10 от 27 октября 2016 г.*

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Ищенко Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Яценко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Селендили Лемара Сергеевна – д-р филол. наук, доц.
(ответственный секретарь выпуска)

*Научные материалы апробированы на «10-й Всероссийской научно-практической
конференции «Актуальные проблемы тюркологии и востоковедения:
история, этногенез, язык и литература тюркоязычных народов Крыма». – Симферополь,
13–18 сентября 2016 г. ». Статьи публикуются в авторской редакции.*

Подписано в печать 28.11. 2016 г. Формат 70x100 1/16.
Усл. п. л. 43,05. Тираж 45 экз. Заказ № 10/17.
Отпечатано в типографии ООО «Эльиньо»
295006, Республика Крым, г. Симферополь, б. Ленина, 5 /7.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.19'28

САКИ И АЛАНЫ В КРЫМУ И ИХ УЧАСТИЕ В ЭТНОГЕНЕЗЕ КРЫМСКИХ ТАТАР¹

Меметов А.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии Крымского
федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь*

E-mail: aydem44@mail.ru

Меметов И. А.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии Крымского
федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь*

E-mail: jsken25@mail.ru

В статье приводятся сведения о первоначальных местах обитания саков и алан, описываются их история, образ жизни, материальная культура, обычаи и традиции. Особое внимание уделяется выявлению родственных сакам и аланам племён на основе изучения письменных исторических памятников, оставленных Иосифом Флавием, Птолемеем, Аммианом Марцеллином и Прокопием из Кесарии. Часть саков и алан осела в Крыму и приняла участие в этногенезе крымских татар.

Ключевые слова: саки, аланы, массагеты, курган, земледелие, скотоводство, тамги.

ВВЕДЕНИЕ

Древняя территория обитания саков и родственных им массагетов находится на восточном побережье Каспийского моря в северных и восточных районах Средней Азии, Казахстана и южной Сибири.

В древнеперсидских источниках засвидетельствованы четыре группы саков: саки-тиграна хауда, саки-хаомаварга, саки-парадаёя и саки-парасугудам. Однако такое деление саков скорее является взглядом сторонних наблюдателей, т. е. в данном случае персов, а не их самоназванием. Об этом свидетельствуют и их значения. Так, в переводе с древнеперсидского языка *тигра* означает «острый», *хауда* – «шапка» или

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 15-34-10116 «Электронный словарь диалектов крымскотатарского языка».

«шлем». Следовательно, саки-тиграхауда – это «саки в остроконечных шапках (или шлемах)». Заметим, что остроконечные головные уборы на протяжении многих столетий были отличительным знаком не только саков, но и других тюркских народов, проживавших от Дуная на западе, до Алтая на востоке.

Внешний этноним «саки-хаомаварга» означает «саки, варящие хаому – дурманящий напиток». Как известно, не только саки, но и многие другие среднеазиатские народы в древности варили хаому в ритуальных целях.

Саки-парадарайя – «саки, которые за морем (за рекой)» и саки-парасугудам – «саки, которые за Согдианой» получили свои названия по месту проживания в бассейне Аральского моря в низовьях Сырдарьи и Амударьи.

Истинные самоназвания некоторых сакских родов сохранились в письменных источниках: массагеты, даи (дахи, даки, даги), апасиаки, парны, кангхи и др.

В статье о скифах мы уже писали о том, что все племена, родоначальниками которых были сыновья Таргитая, обобщенно назывались *сколотами*. Судя по всему, это было их самоназвание. Слово *сколот* Ю. Н. Дроздов этимологизирует на тюркской языковой основе и выделяет в этом слове три компонента: **ск-оло-т**. В первом компоненте, очевидно, выпал гласный **а**: **сак-** – это древний этноним; второй компонент **-оло-** – это фонетически измененное общетюркское слово **олы/улы/ылы**, что в кыпчакских языках означает «сын», «муж», «мужья». Третий компонент **-т** – это аффикс, выполняющий в данном случае роль племенного маркера. Исходной формой данного этнонима было **сакылы** > **сакулы** > **саколы** > **саколоты** > **сколоты** с семантикой «сакские сыны», «сакские мужья» [4, с. 28, 29].

В древнеперсидских источниках саков называли «могучими мужами», «турами с быстрыми конями» [5, с. 196].

Образ жизни саков и их материальная культура (по письменным данным и археологическим раскопкам) очень близки к скифам. Ювелирные изделия, найденные в захоронениях, выполнены в скифском «зверином стиле». Наиболее известным археологическим памятником саков является могильник в Иссыке под Алма-Атой (Казахстан). В погребальной камере кургана Иссык вместе с богатым облачением «золотого человека» было обнаружено свыше четырех тысяч изделий из золота. Парадный костюм сакского царя (золотого человека) состоял из золотой чешуи на кожаной основе [6, с. 12]. Благодаря сходству со скифами Северного Причерноморья древнегреческие авторы называли саков «азиатскими скифами» [11, с. 96]. Так как культура саков не несёт на себе следов эллинского влияния, в исторической литературе иногда употребляется термин «культура сако-массагетского круга» [2, с. 68].

Саки, как и скифы, вели оседло-мобильный образ жизни. На юге Казахстана и в долине Сырдарьи они занимались земледелием. В степях Западного и Центрального Казахстана наиболее развито было кочевое скотоводство. В степных и полустепных районах Западного и Южного Казахстана саки разводили верблюдов, которых использовали как вьючное животное.

В середине 1-го тысячелетия до н. э. саки принимали активное участие в торговых связях с народами Алтая, Сибири и Европы.

В VII–III вв. до н. э. сакские племена объединились в союзы, во главе которых стояли вожди. Советом вождей избирался царь, который распределял между родами и племенами пастбища и другие земельные угодья.

В 530 году до н. э. на массагетов, занимавших области у Аральского моря, совершил поход основатель Ахеменидской державы Кир II. В войне с массагетами, которыми правила царица Томирис, персидская армия была полностью разгромлена, а великий Кир II погиб.

Через 11 лет, т. е. в 519 году до н. э., персидский царь Дарий I совершил победоносный поход на саков и пленил их вождя Скунха, рельеф которого высечен на Бехистунской скале среди покорённых Дарием правителей.

Саки были вынуждены платить дань персидским царям династии Ахеменидов и поставлять в их армию воинов. В составе персидской армии саки участвовали в греко-персидских войнах, в частности, в битве при Марафоне [3, 113].

После завоевания персидской империи Александром Македонским одна из групп сакских племен вторглась в пределы сатрапии Селевкидов Парфиены (III в. до н. э.) и сыграла значительную роль в образовании Парфянского царства: вождь племени парнов Аршак стал основателем парфянской династии Аршакидов [12, XI.9.1, англ. текст // Project Perseus].

Страбон подробно описывает походы саков в Дрангиануз, заняв которую они дали ей название Сакастан, что в переводе означает «страна саков» (совр. Систан на территории Ирана и Афганистана). Далее он сообщает, что саки добрались даже до Каппадокии [12, XI.8.2-9 англ. Текст // Project Perseus].

Возможно, во II веке до н. э. часть сакских племен проникла на территорию Северного Причерноморья и осела в Таврике. Об этом косвенно свидетельствует г. Саки, находящийся на западном побережье Крыма в 45 км от Симферополя, который, вероятно, был основан ими.

Древнегреческие авторы слагали о саках стихи. Так, историк Эфор, цитируя Херрилу, пишет: «Саки, пасущие агнцев, рождением – скифы; живут же в Азии хлебом обильной. Хотя и номадов потомки, но непорочных людей» [12, с. 3].

Из этого отрывка следует, что саки имеют родственные отношения со скифами, занимаются скотоводством (пасут овец), живут в Азии, предки их были кочевниками, а сами они выращивают в больших количествах пшеницу; отличаются честностью и порядочностью. Точно так же древнегреческие авторы положительно характеризовали и скифов, проживающих в Северном Причерноморье.

Аланы

Во втором веке н. э. аланские племена, вытеснив сармат из Причерноморских степей, отчасти заняли и степную часть Крыма [10, с. 117].

С конца II века, после проникновения аланов на Боспор, там распространяются Т-образные склепы, которые археологи считают аланскими. На городском некрополе

Пантикапея, расположенном на северном склоне горы Митридат, были раскопаны захоронения, относящиеся к Рискупоридам и другим представителям правящего рода. По деталям обряда захоронения археологи относят их к аланским. Два из них завершены подкурганными насыпями. Первое было раскопано в 1837 году. Тело умершего находилось в мраморном саркофаге. На черепе лежали золотая маска, возможно, исполненная по слепку, снятому с лица умершего, и венки. В саркофаге лежали золотые серьги и браслеты с гранатовыми вставками, двучленные подвязные фибулы, железные меч и нож, сбруйные ремни с удилами и серебряными бляхами, обтянутые золотой фольгой, серебряные и бронзовые сосуды. На двух бляхах изображены *тамгообразные* знаки [1, с. 54].

Археологические останки, датируемые V–VII веками, найденные вблизи Чёрной речки, Бельбека, Долинного, Озёрного, на Чатыр-Даге, вблизи Партенита и Харакса, также носят сармато-аланские черты, включая деформацию черепа.

Иосиф Флавий в рассказе о походе алан в 72 году в Закавказье сообщает: «...племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера» [14, с. 7].

Дионисий Харакский, упоминая об аланах уже в первом веке н. э., называет их сильным народом и богатым конями, обитающим от нынешнего Кинбурна на север между Доном и Днепром, в соседстве с роксоланами, единоплеменными с ними, по словам Плиния [9, с. 25].

Географ II века Птолемей размещал алан в Европейской Сарматии к западу от реки Танаис, рядом с населявшими берег Меотиды язигами и роксоланами, т. е. сарматскими племенами [7, 14–15].

По мнению Аммиана Марцеллина, аланы в древности назывались массагетами и жили между Каспийским и Чёрным морями [8, гл. 2].

Прокопий из Кесарии называет алан готфским (готским. – А. М.) народом, ибо они считались массагетами, то есть Великими Готами.

Таким образом, из сообщений вышеуказанных авторов становится ясным, что скифы, массагеты, готы (геты), сарматы (роксоланы и язиги) и аланы являются родственными племенами и говорили, естественно, на отдельных диалектах древнетюркского языка.

Косвенным доказательством родства алан со скифами и сарматами могут служить их образ жизни и некоторые обычаи. Парные слова сармато-аланов, часто встречающиеся в исторической литературе, также могут свидетельствовать о родстве этих двух племён и их языков.

Вплоть до третьей четверти IV века приазовские аланы были кочевниками. Их образ жизни Аммиан Марцеллин описывает следующим образом: «Аланы... как кочевники перекочевывают на огромные пространства... У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве... живут в кибитках с изогнутыми крышами из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их, наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми» [8, с. 12–25].

По сообщениям историков, аланы славились отменной храбростью, отважно искали смерти в битвах. Единственным божеством у них был меч: воткнув его в землю,

аланы поклонялись ему как идолу. Аммиан Марцеллин отмечает, что обычаи аланов имеют большое сходство с традициями гуннов (а также скифов. – *А. М.*).

Отдельные группы алан под давлением гуннов в IV веке отступили на запад, однако многие остались в местах прежнего обитания и впоследствии растворились среди родственных тюркских народов: гуннов, болгар, хазар, половцев, которые последовательно, сменяя друг друга, становились хозяевами Северного Причерноморья и юга Восточной Европы.

Еще задолго до гуннского вторжения в западные области Северного Причерноморья в результате тесного общения двух родственных тюркских народов алан и готов их материальная культура стала настолько близкой, что археологи затрудняются отличить аланские погребения от готских.

Однако есть некоторые специфические предметы, присутствие которых в захоронениях чётко указывает на сармато-аланское происхождение погребенного человека. К таким предметам, по мнению Т. Сулимирского, относятся маленькие бронзовые зеркала и золотые пластинки с характерным узором, пришитым к одежде. Аланы также переняли от готов «готские фибулы», и после готского вторжения они, вместе с остготами, внесли свой вклад в распространение более или менее модифицированной формы «готских фибул» среди нескольких тевтонских племён [13, с. 169].

Археологи приписывают готам т. н. «готские фибулы», даже те из них, которые были найдены на севере Франции, несмотря на то что находка датируется более ранним временем, чем предполагаемая дата прибытия готов во Францию. Западные «готские фибулы» и другие фибулы подобного типа, найденные в ряде различных могильников в Центральной Европе, по мнению Т. Сулимирского, могут быть отнесены к западным аланам, отступившим под натиском гуннов.

Небольшую группу алан между Крымом и Уралом в XIII веке встретил Гийоме Рубрук на своём пути ко дворцу великого хана Золотой Орды в Каракаруме. Т. Сулимирский пишет: «Небольшие аланские сообщества на побережье Чёрного моря, в районе Херсона, отмечаются в XIII веке. Другие небольшие группы алан, искавшие убежище в Крыму и частично слившиеся с готами, упоминаются даже в конце XVII века, когда они всё ещё сохраняли обычай деформации черепа. Скорее всего, они жили преимущественно на Южном берегу [13, с. 179].

Известно, что в первой половине XIII века аланы уже приняли христианство и их епископом был Федор.

Особый интерес представляет группа алан, очевидно, восточно-европейского происхождения, составившая отряд монгольской армии в Китае. По свидетельству францисканского миссионера Одорико Порденоне, совершившего путешествие по странам Востока в 1316–1330 гг., 30 тысяч алан состояли на жаловании у великого царя. Они исповедовали православие и жили вместе со своими семьями на побережье напротив острова Формоза (Тайвань). К сожалению, о дальнейшей их судьбе ничего не известно. Вероятно, их затем переселили в Китай, где они в XIII веке были ассимилированы местным населением.

Тадеуш Сулимирский собрал значительное количество археологического материала и краткие упоминания исследователей, разбросанные в письменных источниках, которые дают представление о расселении алан по всему миру. Ниже в сокращённом варианте приводятся эти сведения, взятые нами из работы Т. Сулимирского «Сарматы».

В 380 году группа аланов вместе с остроготами и гуннами переместилась на север и осела в Паннонии. Через 20 лет они присоединились к вандалам и перешли в римскую провинцию Норик. Здесь их встретили римские войска под предводительством Стилихона, который пообещал им землю в обмен на мир и сотрудничество. В 402–408 годах аланы уже сражались в составе римской армии против своих соплеменников вестроготов. В 406 году они вместе с вандалами и свевами вторглись в Галлию. Под предводительством царя Респендиала перешли Рейн около Майнца и нанесли поражение франкам.

Не встречая серьёзного сопротивления, аланы вместе со своими союзниками дошли от Майнца через Трир, Реймс, Аррас, Амьен до Парижа, Орлеана, Тура, Бордо и Тулузы. В 408 году после двух лет бесчинств и грабежей в Галлии аланы двинулись в Испанию и вместе со своими союзниками полностью опустошили полуостров, после чего осели в Лузитании (территория современной Португалии и Испании к северу от Мадрида).

В 418 году н. э. аланы потерпели сокрушительное поражение от своих соплеменников вестроготов, которых нанял римский император для усмирения «варваров». Царь аланов Аддак погиб в сражении, а остатки его войска вместе с семьями бежали в Галисию, где они смешались с вандалами.

Король вандалов принял титул *Rex Vandalorum et Alanorum* (Король вандалов и аланов), который сохранился за его преемниками до падения королевства вандалов в 533 году н. э.

В 422 году аланы вместе с вандалами покинули Галисию и переехали на юг Испании, а в 429 году переправились в Африку, где постепенно были полностью ассимилированы вандалами.

Другая группа аланов также добралась до Франции. По-видимому, в 452 году они были покорены вестроготами. В конце концов аланы слились с коренным населением Франции, но в память о себе оставили больше тридцати французских топонимов, образованных от названия «сарматы» или «аланы», среди которых название города Алансон. Вполне возможно, что их потомки – жители провинции Бос, в исторической области Орлеан.

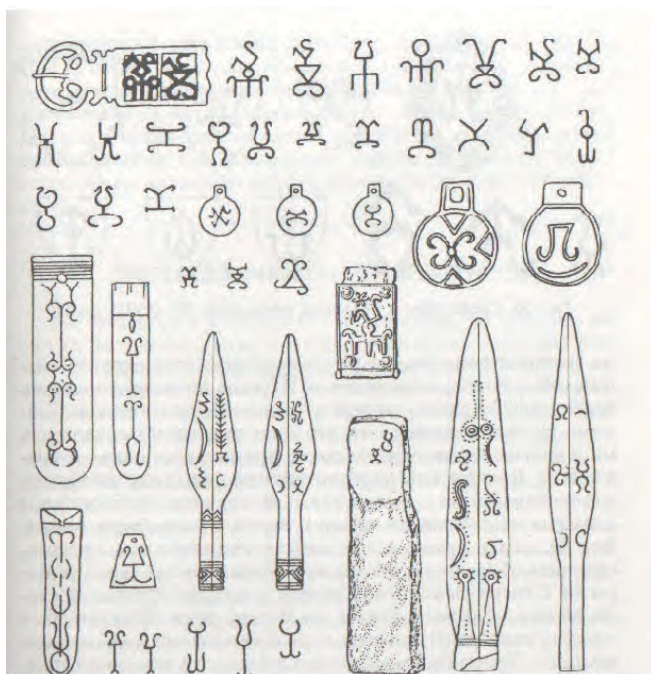
Немногочисленные археологические останки, которые относятся к отдельным группам сарматов-аланов, были найдены на западе Венгрии. В их число входят богато обставленные захоронения в Лаа-на-Дие, Унтерзибенбрунне (недалеко от Вены) и Эране (Нормандия), датируемые приблизительно 400 годом н. э. Среди их погребального инвентаря встречаются так называемые «готские» серебряные фибулы (2 экземпляра из Эрана позолочены и украшены цветными камнями), различные украшения и маленькие бронзовые зеркала. Известно множество «готских» серебряных фибул из

Франции (Труз, долина Соны, департамент Об), найденных в местах, где из исторических хроник известно о присутствии аланов. Аналогичные фибулы были найдены в Испании в Альбаине (рядом с Гранадой) вместе с частью золотого ожерелья; в погребении рядом с Карфагом были обнаружены мелкие сарматские золотые бляшки.

О присутствии сарматов в Польше упоминается в Лангобардских хрониках VI века (*Origo Gentis Langobardorum*), в которых описывается путешествие лангобардов с их исконных земель в низовьях Эльбы в район среднего течения Дуная, в ходе которого им пришлось с боем пробиваться через Антоиб – земли антов. Королевство аланских антов в Польше просуществовало недолго и в V веке было покорено родственными сарматам гуннами, пришедшими из Венгрии.

В богатых захоронениях, которые, очевидно, были могилами сарматских правителей, вместе с характерными сарматскими завитковыми фибулами с «ножкой, загнутой вверх» обнаружены и железные наконечники для копий, на которых серебром инкрустированы тамги (атрибуты, характерные для тюркских народов).

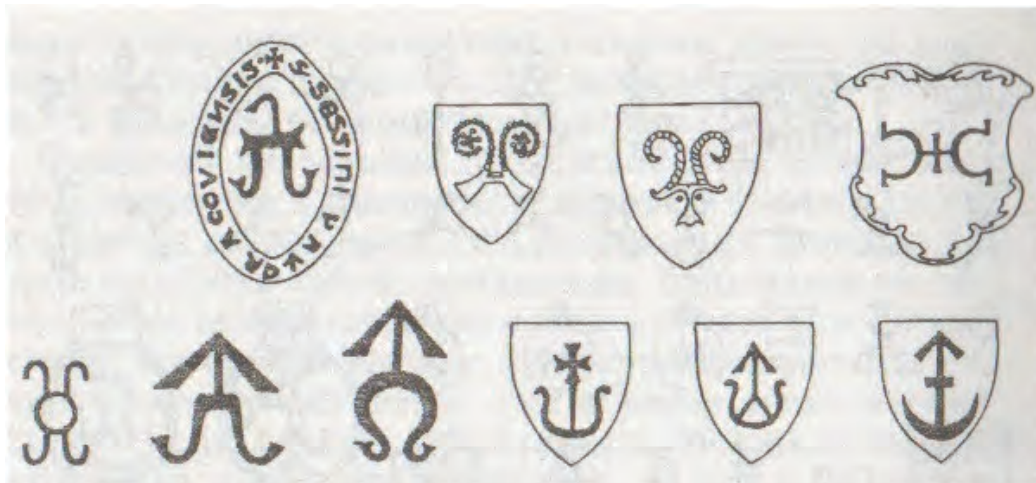

Сарматские тамги I–III веков: *вверху* – знаки тамги на ременных пряжках и наконечниках

из Боспорского царства и на бронзовых зеркалах преимущественно с Южной Украины;

внизу – серебряные инкрустации в виде тамг на наконечниках копий из Польши; измененные тамги, часть из них на наконечниках ремней (V–VI века), Украина [13, с. 138, рис. 55]

Древние сарматские традиции сохранялись в Польше ещё в течение долгого времени. Вера в сарматское происхождение поляков была широко распространена среди польского дворянства. Тамги появляются на монетах XI века и сохраняются в польской геральдике, где они присутствуют в стилизованной форме полумесяцев, стрел, подков и т. д. [13, с. 149–150].

Следы тамг в польской геральдике XI–XVIII веков
[13, с. 138, рис. 56].

История сармато-аланов, охватывающая более одного тысячелетия, развивалась на обширных пространствах протяженностью от Алтая и Сибири на востоке до Карпатских гор на западе, а если рассматривать также историю отколовшихся от них групп, то территория их обитания протянется на запад до Франции, Испании и Британских островов и на восток до Восточно-Китайского моря [13, с. 7]. В разные периоды своей истории аланы и сарматы и воевали против Римской империи, и защищали её от многочисленных врагов.

Часть саков и алан, осевшая в Таврике, приняла участие в этногенезе крымских татар юго-западного и предгорного Крыма.

Список литературы

1. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР / А. К. Амброз. – САИ. М., 1966. Вып. Д1-30. – 142 с.
2. Андроновская культура // БРЭ. – Т. 1. – М., 2005.
3. Геродот. История. Кн. IV. Мельпомена. [Всеобщая история] [Библиотека «Вехи»] / Геродот. – 2008. – 52 с.
4. Дроздов Ю. Н. Тюркскоязычный период европейской истории / Ю. Н. Дроздов. – М., 2011. – 599 с.
5. Зепп Т. Б. История Казахстана / Т. Б. Зепп. – Алматы, 2006. – 196 с.
6. Иссык // БРЭ. – Т. 12. – М., 2008.

7. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей / Ю. Кулаковский. – Киев, 1899. – 73 с.
8. Марцеллин Аммиан. Римская история / Аммиан Марцеллин. – СПб., 1996. – 558 с.
9. Плиний Старший. Естественная история. Кн. IV. (Перевод Б. А. Старостина). Эта книга посвящена географическому описанию Балканского полуострова, стран Черного моря, Дакии, Сарматии и Скифии / Старший Плиний. – М., 1953.
10. Симоненко А. В. Сарматы Таврии / А. В. Симоненко. – Киев, 1993. – 144 с.
11. Сосанов К. История Казахстана / К. Сосанов. – Алматы, 2007. – 112 с.
12. Страбон. География. Кн. VII. (Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского) / Страбон. – М. 1964. – С. 265–300. (Конец VII книги не сохранился). – 837 с.
13. Сулимирский Т. Сарматы. (Древний народ юга России) / Т. Сулимирский. – М., 2008. – 191 с.
14. Флавий Иосиф. О войне иудейской (Пер. с лат. М. Алексеева) / Иосиф Флавий. – СПб., 1786–1787. – Ч. 1, 1786. – 267 с. – Ч. 2, 1787. – 341 с. – Переизд.: ч. 1, 1804. – 267 с.; ч. 2, 1818. – 341 с.

Memetov A., Memetov I. The sakas and alans in the crimea and their involvement in the ethnogenesis of the crimean tatars / A. Memetov, I. Memetov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 3–11.

The article provides information about the original settlements of the Saka and the Alan, describes their history, lifestyle, material culture, customs and traditions. Special attention is paid to identification of the tribes related to Sakas and Alans. This study is based on the investigation of historical writings left by Josephus Flavius, Ptolemy, Ammianus Marcellinus and Procopius of Caesarea. Some part of Sakas and Alans settled down in the Crimea, and participated in the ethnogenesis of the Crimean Tatars.

Keywords: the Saka, the Alan, Massagets, mound, cultivating, cattle breeding, tamgas.

УДК 811.512.145 (477.75)

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В РОМАНЕ У. ЭДЕМОВОЙ «АЙДЫН ГЕДЖЕДЕ» («СВЕТЛОЙ НОЧЬЮ»)

Меметова Э. Ш.

*Зав. кафедрой крымскотатарской филологии ТА КФУ им. В. И. Вернадского,
к. филол. н., доцент
E-mail: edie70@mail.ru*

Целью исследования явилось рассмотрение образных средств в романе Урие Эдемовой «Айдын геджеде» («Светлой ночью»).

Образные средства большей частью представляют из себя устоявшиеся формы, близкие к разговорным формулам, но, вместе с тем, отличающиеся авторской индивидуальностью. Кроме того, благодаря лингвистическим закономерностям художественный текст выступает в качестве носителя усложненной эстетической информации.

Нами были рассмотрены следующие тропы: эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, иносказания, гиперболы и литоты. Определено, что наиболее часто используемый автором троп – сравнение. В процессе написания художественного произведения используются различные языковые средства, которые могут быть нейтральными в системе языка, однако в контексте данные языковые средства обретают художественную выразительность. Они существуют в контексте не обособленно, а вступают в сложные взаимосвязи. В результате в воображении читателя рождаются новые ассоциации.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, роман, Урие Эдемова, образные средства, фразеологизмы, тропы, стилистика, метафора, сравнение, иносказание.

ВВЕДЕНИЕ

Образные средства, являясь неотделимой частью стилистики, во все времена вызвали интерес не только литераторов, но и лингвистов [5; 6; 7; 8; 9]. Вопрос о средствах создания художественного образа, образных средствах напрямую связан с понятием «выразительность речи». Понятие «выразительность речи» в науке представлено различными подходами. Б. Г. Головин отмечает, что выразительность может создаваться средствами языка всех его уровней. Им выделена выразительность «произносительная, акцентологическая, лексическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая интонационная и стилистическая» [3, 67].

Цель исследования: рассмотреть образные средства в романе Урие Эдемовой «Айдын геджеде» («Светлой ночью»). Исходя из цели, нам необходимо решить следующие **задачи:**

- рассмотреть образные средства в романе «Айдын геджеде» («Светлой ночью»);
- охарактеризовать образные средства, вычленить тропы;
- проанализировать использование образных средств с точки зрения авторской позиции.

Объектом исследования является роман Урие Эдемовой «Айдын геджеде» («Светлой ночью»).

Предметом исследования являются образные средства, использованные автором в романе.

Образные средства романа «Айдын геджеде» («Светлой ночью») до сегодняшнего дня не подвергались отдельному рассмотрению, что и подтверждает **актуальность** исследования.

Методы исследования: описательный, метод семантического дифференциала.

Воздействующая сила выразительности речи увеличивается, если автор использует разнообразные изобразительно-выразительные средства, апеллирующие к миру чувств и эмоций [2, 132]. Соответственно, особую область исследований словесного образа составляют словесные тропы: метафора, сравнение, олицетворение, символ, аллегория, а также художественная деталь, которая служит для создания целостной художественной системы» [11, 155].

Образные средства определенного писателя, в данном случае Урие Эдемовой, еще более интересны и своеобразны. Это объясняется тем, что указанная писательница начинала свой творческий путь на чужбине, в местах ссылки, впоследствии, вернувшись на историческую родину, продолжила и воплотила многолетний труд в романе «Айдын геджеде» («Светлой ночью»). Естественно, что выбор писателем лексики, в нашем случае образных средств, всегда значим. Здесь безусловно прослеживается связь между языком и мышлением. Образные средства большей частью представляют из себя устоявшиеся формы, близкие к разговорным формулам, но, вместе с тем, отличающиеся авторской индивидуальностью. Потому что именно она диктует писателю и определяет его выбор из огромного количества лексического богатства. Кроме того, благодаря *лингвистическим закономерностям художественный текст выступает в качестве носителя усложненной эстетической информации. К лингвистическим средствам создания образа относятся, прежде всего, средства номинации персонажей, выражающие различные модальные оттенки, оттенки логизированной речи, вскрывающей отношения причины, следствия, аргументов, выводов* [10, 368].

Е. А. Болтовская совершенно справедливо отмечала, что самобытность автора может раскрываться «не только через тематику, систему образов и эмоциональный настрой его произведений, но и через выбор языковых средств, с помощью которых адекватно авторскому замыслу отражаются чувства и мысли» [1, 18], в которых автор может высказать свое отношение к герою, и т. д. [1, 20]. Это лингвостилистические средства, используемые при воплощении художественного образа. В системе языка они, как правило, бывают нейтральными, но в определенном контексте обретают художественную выразительность. Лингвостилистические средства, вступая в сложные взаимосвязи, выстраиваются в единый художественный образ и, таким образом, порождают в воображении читателя новые ассоциации.

Стиль каждого писателя индивидуален. В тексте отражены образ мышления, передача мысли, а порой и характер писателя. Произведение автора практически всегда

отражает его отношение к происходящим событиям, его позицию, точку зрения по тем или иным вопросам. Произведение отличают личные черты и способы передачи информации. Кроме того, естественно, что автором, дабы донести и передать читателю, помочь читателю, вызвать у читателя интерес, используются образные средства. Это способствует сближению читателя с героями произведения, помогает понять происходящее. Говоря об образных средствах, мы не можем обойти вниманием фразеологизмы, используемые автором. В связи с тем, что в данной статье нами поставлена цель рассмотреть тропы, фразеологизмы, мы представим несколько примеров.

Лякин бу ярдым онынъ бурнундан чыкъты. – «Однако, эта помощь вышла ему носом» (12, 24).

Яш экенде, кузьюге дикъкъатнен бакъаркен, табиатнынъ онъа нисбетен джумертлик косьтергенини биле, лякин ич те гъурурланмай, буруныны котермей. – «В молодости, глядя в зеркало, никогда не гордился, нос не задирал» (12, 29).

Къыз онъа къулакъ асмады. – «Девушка не обратила на него внимания» (12, 32).

Клава токъталды, эр бири озъджесине джан чекишеяткъан яралыларгъа бакъты, чырайыны экиштти. – «Клава остановилась, глянула на мучающихся каждый своей болью больных, скривила мину» (12, 130).

Къадын бирден таш кесильди. – «Девушка вмиг застыла камнем» (12, 195).

Чюнки Джеваирнинъ чырайы энди буз кесильген эди. – «Так как выражение лица Джеваир уже было льдом» (12, 289).

Алиме де, Асан да агъыз ачмадылар – «И Алиме, и Асан не раскрыли рта» (12, 135).

Шимди, яшым энди чагъына еткенде, бу мектюпнен юрегимдеки гунахны, шу масхаралыкъ ишлерде иштиракъ эткеним ичюн, гунахымны азачыкъ олса да, ювмакъ истер эдим. – «Сейчас, уже в пожилом возрасте, этим письмом грех с моего сердца, из-за того, что я принимал участие в этих позорных делах, хотел бы я хоть немного смыть свой грех» (12, 139). В данном предложении автором, несмотря на активное использование в языке привычной для крымских татар разговорной формулы «*гунадан арынмакъ*» («очиститься от греха»), использована не совсем привычная форма «*гунахымны... ювмакъ истер эдим*» («хотел смыть свой грех»), фраза, более напоминающая фразеологизм русского языка.

Тропы служат для создания художественного образа и достижения большей выразительности. Также отметим тропы (от греч. tropos – поворот, оборот речи), которые изучаются в стилистике в рамках проблемы взаимодействия значений слов при создании художественных образов и определяются как слова или выражения, употребленные в переносном, образном смысле. В более узком значении троп определяется как словообразование, посредством которого достигается эстетический эффект выразительности речи, как правило, художественный.

К тропам относятся такие приёмы, как **эпитет**:

Бир гонъюльсиз вакъиа олса, оны чокъ вакъытларгъадже унутып оламай, ичтен янып-куйип юре, не айтса, шу вакъианен багълай. – «Если случается какое-либо бездушное происшествие, долгое время не может о нём забыть, что бы ни говорил, всё

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В РОМАНЕ У. ЭДЕМОВОЙ
«АЙДЫН ГЕДЖЕДЕ» («СВЕТЛОЙ НОЧЬЮ»)

связывает с этим происшествием» (12, 42). Привычное для крымскотатарского языка выражение «джансыз вакъиа» («безжизненное происшествие») автором передано в новой интерпретации – «гонъюльсыз вакъиа» («бездушное происшествие»);

Адамлар чешиш тазе хаберлер тапып келелер. – «Люди приносят свежие новости» (12, 155). «Тазе хабер» («свежие новости») вместо «янъы хабер» («новые новости»);

Азачыкъ бир сыджакъ сёз эшитилъсе, о арзу джанлана, къабара, юреки эеджангъа кетире. – «Если прозвучат мало-мальски теплые слова, то желание оживает, приводит сердце в волнение» (12, 155). «Сыджакъ сёз» («теплые слова») вместо «мунис сёз» («приятные слова»);

Къаршысындаки йигитке серт-серт бакъты. – «Строго глянула на парня напротив» (12, 158). «Серт-серт бакъты» («строго глянула») вместо «ачувлы бакъты» («зло глянула»).

Наиболее часто встречающийся троп – **сравнение**. Это категория стилистики и поэзии:

О, яш фидан киби. – «Она, словно молодой побег» (12, 48);

Онынъ чырайы дивар киби бем-бездэ эди. – «Лицо, белое как стена» (12, 134);

Меним арслан киби огълум вар. – «Мой сын, словно лев» (12, 136);

Адамларны, мал киби, кирли ве сасыкъ вагонлар ичине тез-тез сокъмагъа даврандылар. – «Они торопились как можно быстрее затолкать людей, словно скот, в грязные, вонючие вагоны» (12, 141);

Гъарип адамлар энди къайда чевирилъсинлер, быралкъы копек киби, тепме ашайджакъларыны анъладылар. – «Бедные люди поняли, что, куда бы они ни кинулись, везде будут получать пинка, словно бродячие собаки» (12, 149);

Киши, домузнынъки киби сарылы, беззлы кирпикли, быланчыкъ, ешилъ козьлерини сыкъты, сюйрю ченгесини огге узатты. – «Человек прищурил свои обрамленные, как у свиньи, белесыми, желтоватыми ресницами мутные, зеленые глаза, вытянул вперед свою острую челюсть» (12, 9);

Джеваирнинъ беденини хафиф ель сыйпап кечкен киби олды. – «Словно легкий ветер погладил тело Джеваир» (12, 21);

Кокни къылычнен кескен киби, кескин ярыкълар корюнди. – «Словно острым мечом, полоснули лучи света небо» (12, 33);

Череси ярыкъланды, ури буруны чёкюч киби корюнди. – «Лицо озарилось светом, большой нос был словно молоток» (12, 144);

Не япаджакъсын, – озь башына мыдырданды Хатидже, – кимисине Алла узун тиль вере, кимисине – бина... – «Что поделать, – пробурчала себе под нос Хатидже, – кому Аллах длинный язык дает, кому – здание...» (12, 150);

Мыйыкълары энди чыкъып башлагъан, къырмызы кольмекли огълан къызынынъ трафында, биринджи кере авгъа чыкъкъан къыргъыйчыкъ киби, чевирилъмекте. – «Парень в красной сорочке, с только пробившимися усиками, крутился вокруг девушки, словно вылетевший впервые на охоту молодой ястреб» (12, 157);

Буюк чеберликнен тыраш олунгъан мыйыгъы, ягълангъан киби йылтырай. – «Подстриженные с большим мастерством усы блестели, словно смазанные маслом» (12, 157).

Метафора:

Ерге япышып яткъан Джеваир, учакъ тёпелерине кельгенде, башыны азачыкъ котерип, учакънынъ къанатларына бакъты. – «Прилипшая к земле Джеваир, когда самолет пролетал над ними, подняв голову, взглянула на крылья самолета» (12, 32);

Ертёденинь агъызында бир къадын кыычырды, вайвалыды. – «Урта подвала кричала, вопила женщина» (12, 49);

Сен мында фериште кесильмек истейсинъ. – «Ты хочешь здесь обратиться в ангела» (12, 197).

Олицетворение:

Эй, Раббим, къара юреклерден чыкъкъан якъыджы, зезрлейиджи, ёкъ этиджи рузгярлар бу диярнынъ фиданыны, гъондже гулюни, ярашыгъыны къайдаларгъа учурып кетмекте?! – «О, Господи, эти вышедшие из черных сердец, жгущие, отравляющие, уничтожающие ветры куда уносят ростки, бутоны роз, украшение этой страны?! (12, 140) (къара юреклерден чыкъкъан якъыджы – «вышедшие из черных сердец, жгущие», зезрлейиджи – «отравляющие», ёкъ этиджи рузгярлар учурып кетмекте – «уничтожающие ветры уносят»);

Батаяткъан кунеш, бу фаджиалы вакъиаларны корьмеге тырышкъан киби, тез-тез озь ятагъына ашыкъты. – «Заходящее солнце, словно стараясь не видеть эти трагические происшествия, очень скоро торопилось к своему ложу» (12, 161) (кунеш озь ятагъына ашыкъты – «солнце торопилось к своему ложу»);

Ичериге темиз танъ авасы кирди. – «Внутри вошел чистый утренний воздух» (12, 146);

Байдар озь бульбулинден айырылды. – «Байдары лишились своего соловья» (12, 186);

Озь ятагъына якъынлашкъан кунеш, гуя бир ерде токътап, салынып къалгъан киби. – «Торопящееся к своему ложу солнце, словно остановившись в одном месте, зависло» (12, 165);

Саба эрте, кунеш догъмаздан эвель, Абибуланынъ бир къолтугъында Назим, экин-джисине Энвер кирди, Алименен Азизе эписи, берабер джаяв-джалпы хастаханеге кеттилер. – «Рано утром, до восхода солнца, под одну подмышку Абибулы Назим, под другую – Энвер влезли, Алиме с Азизе все вместе, кое-как пешком пошли в больницу (12, 174).

Метонимия:

Алимлернен ян-янаша къомишулар, бир къуюдан сув ичелер. – «Соседи, живущие рядом с Алимами, пьют воду из одного колодца» (12, 28);

Хаста кунь бою бир къач дефа илядж ичкен сонъра, къурсагъынынъ агърысы эк-сильди, сьджагъы тюшип башлады. – «У больного, неоднократно принимавшего на протяжении дня лекарство, боль в животе уменьшилась, температура стала падать» (12, 174).

Разновидность метонимии синекдоха:

Вагондан тюшкен сонъра, Хатидженен Джеваир дёрт якъкъа чаптылар. – «После выхода из вагона Хатидже и Джеваир побежали на четыре стороны» (12, 143).

Иносказания:

Табельчининъ кысыкъ козьлери даа да кысылдылар. «Айнеджи тильки. Сен оны кьорчаламагъа чаре таптынъ», – деп тюшюнди. – «Узкие глаза табельщика сузились еще больше. «Хитрый лис. Ты нашел возможность его оградить», – подумал он» (12, 188);

Бу йылмаювлар артында не къадар феналыкълар бар, татлы сёзлер айткъан тиль, йыланынъки киби, зеэрли экенини Джеваир яхиы анълай. – «Джеваир хорошо понимала, сколько за этими подлизываниями неприятностей, насколько ядовит язык, который произносит сладкие речи» (12, 192);

Кулюмсиремеге, незакетли олмагъа тырышса да, асылында, адамнынъ козьлери ичине ат хырсызы оларакъ бакъа. – «Несмотря на то, что старается улыбаться, в сущности, в глаза человеку смотрит конским вором» (12, 196).

Иногда к ним относят **гиперболы** и **литоты**: *дев киби* («словно див»), *тырнакъ дайын козьлери* («глаза с ноготь»), *къуш баши дайын эт* («мясо с голову птички») и т. д.

Вагон ичиндеки ильки гедже бинъ тюрлю беляларнен кечти. – «Первая ночь в вагоне сопровождалась тысячью горестями» (12, 144);

Шимди исе бу бир пудлыкъ кетменни юксекче котерип, ерге терендже урмакъ керек весселям! – «А сейчас нужно повыше поднять этот пудовый кетмень и поглубже ударить оземь, все!» (12, 183);

Хатидже. Лейля ве дигерлери тургъанда, табельчи энди, сычан делигине зувгъан эди. – «Пока Хатидже с Лилей стояли, табельщик сбежал в мышиную дыру» (12, 187).

Таким образом, согласно поставленным задачам, мы можем сделать следующие **выводы**:

– нами были рассмотрены следующие тропы: эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, иносказания, гиперболы и литоты; наиболее часто используемый автором троп – сравнение;

– выбор автором отдельных образных средств играет немалую роль в формировании индивидуального почерка писателя;

– в процессе написания художественного произведения используются различные языковые средства, которые могут быть нейтральными в системе языка, однако в контексте данные языковые средства обретают художественную выразительность. Они существуют в контексте не обособленно, а вступают в сложные взаимосвязи. В результате в воображении читателя рождаются новые ассоциации.

Список литературы

1. Болтовская Е. А. Актуализация значения относительных прилагательных в лирике А. Ахматовой // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 18.

2. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. – Ростов-на-Дону: Феникс. 1998. – 556 с.

3. Головин Б. Н. Основы культуры речи. – Учебник для вузов. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1988. – 320 с.
4. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. – 2-е изд. доп. и перераб. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – 519 с.
5. Меметова Э. Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. – 144 с.
6. Меметова Э. Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети ве нутукъ медениетининъ эсаслары. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2002. – 82 с.
7. Меметова Э. Ш. Лексические особенности крымскотатарской художественной речи // Научное издание «Мова и культура». – Киев, 2004 г. – Выпуск 7. – С. 250–260.
8. Меметова Э. Ш. Лексико-фразеологические экспрессивные средства крымскотатарского языка // Ученые записки ТНУ. Серия «Филология» – Т. 18 (57). – 2005. – № 3. – С. 45–57.
9. Меметова Э. Ш. Основы стилистики и культуры речи / Учебное пособие для студентов филологических факультетов (рекомендовано МОН Украины). – Симферополь: Тезис, 2014. – 224 с.
10. Минина В. И. О двух способах отражения действительности в художественных произведениях // Вопросы языкознания. – 2003. – № 4. – С. 368.
11. Чвалова Л. В. Роль тропов в создании художественного образа // Вопросы языкознания. – 2001. – С. 155.
12. Эдемова У. Айдын геджеде. Роман. – Акъмесджит: Таврия, 2005. – 340 с.

References

1. Boltovskaya E. A. Aktualizaciya znacheniya odnositel'nyh prilagatel'nyh v lirike A. Ahmatovoj // Voprosy yazykoznanija. – 1999. – № 6. – S. 18.
2. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. Kul'tura i iskusstvo rechi Sovremennaya ritorika. Rostov-na-Donu: Feniks. 1998. – 556 s.
3. Golovin B. N. Osnovy kul'tury rechi. – Uchebnik dlya vuzov. – 2-e izd., ispr. M.: Vysshaya shkola, 1988. – 320 s.
4. Efimov A. I. Stilištika hudozheštvennoj rechi. – 2-e izd. dop. i pererab. – M.: Izd-vo MGU, 1961. – 519 s.
5. Memetova E. Sh. Kyrymtatar tilinin" uslyubieti. – Simferopol': Krymuchpedgiz, 2001. – 144 s.
6. Memetova E. Sh. Kyrymtatar tilinin" uslyubieti ve nutuk" medenietinin" ehaslary. – Simferopol': Krymuchpedgiz, 2002. – 82 s.
7. Memetova E. Sh. «Leksicheskie osobennosti krymskotatarskoj hudozheštvennoj rechi» // Nauchnoe izdanie «Mova i kul'tura» – Kiev– 2004 g. – vypusk 7. – S. 250–260.
8. Memetova E. Sh. Leksiko-frazeologicheskie ehkspressivnye sredstva krymskotatarskogo yazyka» // Uchenye zapiski TNU. Seriya «Filologiya» – T. 18 (57). – 2005. – № 3. – S. 45–57.
9. Memetova E. Sh. Osnovy štilištiki i kul'tury rechi / uchebnoe posobie dlya študentov filologicheskikh fakul'tetov (rekomentovano MON Ukrainy). – Simferopol': Tezis, 2014. – 224 s.
10. Minina V. I. O dvuh sposobah otrazheniya dejstvitel'nosti v hudozheštvennyh proizvedeniyah// Voprosy yazykoznanija. – 2003. – № 4. – S. 368.
11. Chvalova L. V. Rol' tropov v sozdanii hudozheštvennogo obraza // Voprosy yazykoznanija. – 2001. – S. 155.
12. Edemova U. Ajdyn gedzhede. Roman. – Akmesdzhit: Tavriya, 2005. – 340 s.

Memetova E. Sh. Figurative means in the novel written by W. Edemova «Aydin gedzhede» / E. Sh. Memetova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 3–11.

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В РОМАНЕ У. ЭДЕМОВОЙ «АЙДЫН ГЕДЖЕДЕ» («СВЕТЛОЙ НОЧЬЮ»)

Figurative funds which are an inseparable part of the style, at all times draw writer's and linguistic's attention. The matter of creating an artistic image, shaped media is directly related to the concept of «expressive speech».

The aim of the study is the consideration of figurative means in the novel written by Urie Edemova «Aydin gedzhede». Based on the aim, we have the following tasks:

- Consider means shaped in «Aydin gedzhede» novel;
- Describe the imaginative means to isolate the trails;
- Analyze the use of figurative means in terms of the author's position.

The object of the study is the novel of Urie Edemova «Aydin gedzhede».

The subject of the study are shaped tools used by the author in the novel.

Figurative means of the novel «Aydin gedzhede» had not been studied properly, which confirms the relevance of the study.

In the paper were used the following methods: descriptive, semantic differential method.

Figurative means of the certain writer, in this case, Urie Edemova, even more interesting and unique. This is due to the fact that this writer began her career in exile, in exile, later returning to their historical homeland, and continued long-term work embodied in «Aydin gedzhede» novel. Naturally, the choice of language writer, in this case, the figurative means, always significant. There is definitely a correlation between language and thinking. Figurative means, for the most part represent a well-established form, close to the spoken formulas, but, at the same time, characterized by the author's personality. Because that's what dictates to the writer and determines her choice of a large number of lexical richness. Moreover, thanks to the linguistic laws literary text acts as a carrier of the sophisticated aesthetic information.

The style of each writer is unique. The text reflects the way of thinking, the transmission of thought, and sometimes the nature of the writer. Author of the work is almost always reflects its attitude towards the events, his attitude, point of view on certain issues. The product is distinguished by the personal traits and ways of transmitting information. In addition, of course, that the author in order to inform and convey to the reader to help the reader to call the reader's interest in the author uses figurative means. This helps the reader to feel closer to the hero of the work, helps us to understand what is happening. Trails are used to create an artistic image and achieve greater expressiveness. Also note the trail (from the Greek «tropos» -turn of speech) that are studied in the framework of the stylist in the problems of interaction between the meanings of words to create artistic images and defined as a word or expression used in a metaphorical, figurative sense. In a more narrow sense it is defined as the derivational paths through which the aesthetic effect achieved expressive speech generally art speech.

To contact paths include the following methods: epithet, simile, metaphor, personification, metonymy, synecdoche, allegory, hyperbole and litotes

Thus, according to the objectives, we reached the following conclusions:

– Following the trail we were considered: epithet, simile, metaphor, personification, metonymy, synecdoche, allegory, hyperbole and litotes; most commonly used by the author of trails – a comparison;

– The choice of the individual author of figurative means plays a significant role in the formation of the individual style of the writer;

– In the process of writing a work of art using a variety of language tools, which can be neutral in the language system, however, in the context of the data language means acquire artistic expressiveness. They exist in the context inseparable, and come in a complex relationship. As a result, produces new associations in the reader's imagination.

Keywords: Crimean Tatar language, novel, Urie Edemova, shaped tools, idioms, trails, stylistics, metaphor, simile, parable.

УДК 811.512.145»33

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ГЛАГОЛА НА – ИМЯ + ЭКЕН В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л. И.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии,
Таурическая академия (структурное подразделение),
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: bekirova..79@mail.ru*

В статье исследуется форма прошедшего времени глагола изъявительного наклонения на – *имя* + *экен* в современном крымскотатарском языке. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре систему.

Установлено, что форма прошедшего времени на – *имя* + *экен* относится к аналитическим формам прошедшего времени.

Ключевые слова: морфология, глагол, функция, прошедшее время, крымскотатарский язык.

ВВЕДЕНИЕ

В грамматиках тюркских языков аналитические формы времен со служебным элементом *экен* не рассматриваются в составе грамматической структуры времён, а переносятся в раздел о модальных значениях времён. Это происходит потому, что в существующих грамматиках в основном преобладает семантический принцип рассмотрения форм грамматических категорий, а не принцип исследования по формам значений, что приводит к выпадению из систем времён некоторых форм [2].

К числу подобных грамматических форм относятся и формы прошедшего времени, образуемые при участии служебного глагола *экен*.

Этимологически *экен* восходит к форме причастия кыпчакского типа, образованной от древнего глагола *эр* («быть, становиться») посредством известного аффикса *-кен* (один из фонетических вариантов аффикса *-гъан*), в результате образования новой формы *экен* в современных языках придаёт ей значение «был», «оказывается, (кажется) был» [1, с. 219].

Экен в качестве служебного грамматического элемента играет большую роль в образовании сложных форм с различными оттенками значений. Кроме того, присоединяясь к основному смысловому глаголу в различных формах, оно указывает на заочное совершение действия, результат которого известен говорящему из других источников. Слово *экен* в современном крымскотатарском языке в аналитических конструкциях существует и как модальное слово со значением «оказывается», «кажется».

Экен придает прошедшему времени значение модальности: недостоверность, возможность, предположение. Это модальное значение свойственно всем аналити-

ческим формам с *экен* [3]. В этом главное отличие семантики форм с *экен* от форм, образуемых посредством служебного глагола *эди*, которые в противоположность формам с *экен* выражают достоверность, очевидность, окончательность совершенного действия.

Актуальность. К числу наименее исследованных, грамматических форм относятся и формы прошедшего времени, образуемые при участии служебного глагола *экен*.

Цель и задачи исследования – описание категории прошедшего времени глагола на – *имя* + *экен* изъявительного наклонения в современном крымскотатарском языке с использованием современных достижений тюркологии.

Из поставленной цели вытекают следующие главные задачи:

– выявить форму прошедшего времени на – *имя* + *экен* изъявительного наклонения глагола, существующую в современном языке, определить её функциональные формы;

– показать основные семы, характерные для выявленной формы, их употребление в языке;

– показать место форм и семантики, данной категории в грамматической структуре крымскотатарского языка.

Методы исследования – в основном описательный, в необходимых случаях используются сопоставительный и сравнительно-исторический методы, метод компонентного анализа форм и семантики глагола.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Прошедшее время на *имя* + *экен*

Структура *имя* + *экен* – весьма распространенная модель прошедшего времени, образуемого посредством служебного глагола *экен*. При этом первым компонентом формы выступают имена существительные в двух падежных формах – основном и местном. В образовании этой формы участвуют также имена прилагательные и предикативы. Имя существительное само по себе не выражает семантику времени, оно лишь констатирует наличие предмета, значение прошедшего времени возникает при присоединении к нему служебного элемента *экен*.

При всех моделях этой формы присутствует значение уточнения, выражаемого по-русски словом «оказывается». Значение подобных конструкций часто бывает близко к семантике настоящего времени – настоящего обычного, повторяющегося действия.

Имя существительное в основном падеже + *экен*

Эта модель выражает состояние предмета до момента речи. *Учь юз дегиль, учь юз еди гектар экен* [4]. – «Оказывается, было не триста, а триста семь гектаров».

Имя существительное при сочетании с *экен* может при себе иметь определение, выраженное именем прилагательным или причастием. *Фератнынъ бабасы керчектен де зенгин адам экен* [5]. – «Отец Ферата, оказывается, на самом деле

был богатым человеком». Смысл этого предложения может восприниматься и как настоящее время, так же, как и следующего предложения. *Нияр онынъ артындан бакъып кулюмсюреди, гонъюли ачыкъ адам экен* [5]. – «Нияр, посмотрев вслед ему, улыбнулась, оказывается, он очень чистосердечный человек». В приведенных примерах имя имеет определение, выраженное разными именами прилагательными, по-разному характеризующими сочетаемые с *экен* имена существительные, обозначающие человека.

В следующем предложении имя, сочетающееся с *экен*, имеет при себе определение, выраженное причастием: *Лякин эшиткениме коре, о, ишини бильген адам экен* [6]. – «Однако, судя по тому, что я слышал, он был человеком, знающим дело».

Имя в местном падеже + экен

Из всех форм косвенных падежей в аналитической конструкции с вспомогательным глаголом *экен* участвует лишь форма местного падежа. Эта модель весьма распространена в крымскотатарском языке. Употребительна как в художественной речи, так и в разговорной речи: *Паром къаршы ялыда экен*. – «Оказывается, паром был на противоположной стороне берега». Говорится о событии, которое наблюдал говорящий в прошлом. Значение формы в этой модели может быть также близко к настоящему времени.

Имя прилагательное + экен

Эта модель выражает различные качества и состояния предмета, которые были свойственны ему в прошлом, когда говорящий имел какое-то отношение к нему. *Сагъ олунъыз, къартанай, къарпыз нек татлы экен* [5]. – «Спасибо, бабушка, ара буз, оказывается, был очень сладким»; *Онынъ къучагъы тек озюнинъ къадынына дегиль, умумен къадынларгъа сыджакъ экен* [5]. – «Оказывается, его объятия были горячими не только для своей жены, но и для всех женщин».

Предикативы + экен

В качестве предикативов в модели *имя + экен* так же, как и в модели *имя + эди*, выступают два слова: 1) *бар*, которому обычно присуще значение настоящего времени «есть, имеется, существует», а в указанной модели значение прошедшего времени придает ему служебный элемент *экен* «оказывается, был»; 2) его антоним *ёкъ* в настоящем времени имеет значение «нет, не имеется, отсутствует, не существует», а в составе модели *ёкъ экен* приобретает значение «оказывается, не было, отсутствовало, не существовало».

Бар + экен

Эта модель выражает значение присутствия события: «оказывается, был, находился, присутствовал» в момент, когда говорящий встретил какое-либо событие, действие или состояние, автор речи, как правило, является очевидцем этого события. *Джесетнинъ янында немсе автоматы да бар экен* [7]. – «Оказалось, рядом с

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В РОМАНЕ У. ЭДЕМОВОЙ «АЙДЫН ГЕДЖЕДЕ» («СВЕТЛОЙ НОЧЬЮ»)

телом находился и немецкий автомат». В этом примере автор речи был очевидцем, свидетелем того, что при трупe был автомат.

Экен в этой модели в определенных контекстах может иметь свое лексическое значение – «был». Таким образом, реконструируется первоначальное его значение, чему способствует наличие в аналитическом сочетании рядом слова *бар*: *Бу та-рафларда танышлары бар экен* [5]. – «В этих местах, оказывается, у него были знакомые»; *Онынъ тюрко сейлеген адети бар экен* [7]. – «Оказывается, у него была привычка петь».

Ёкъ + экен

Эта модель представляет собой фактически форму отрицательного аспекта формы модели *бар + экен*. Она означает отсутствие события: «оказывается, не было, отсутствовало». *Кериме эвде ёкъ экен*. – «Оказывается, Кериме не было дома».

Экен с именами *бар*, *ёкъ* встречается часто во вступительной части сказок (в присказках) и выражает действие очень отдаленных, незапамятных времен: *Бир заманда бар экен, бир заманда ёкъ экен...* – «Давным-давно, то ли было, то ли нет, оказывается...»; *Бар экен, ёкъ экен, бир адамнынъ учь огълу бар экен*. – «То ли было, то ли нет, в какое время – не известно, у одного человека, оказывается, были три сына».

Помимо антонимичного слова *ёкъ* отрицательное значение к модели *бар + экен* выражается также посредством приименной частицы отрицания *дегиль* («не»). *Бой-ле тюшюнджелер алтында юрьген адам янъгъыз дегиль экен, онын талийи ичюн раатсызлангъан баишка адамлар да бар экен* [5]. – «Человек, находясь под тяжестью этих мыслей, оказывается, не был одиноким, были и люди, беспокоившиеся за его судьбу».

ВЫВОДЫ

Таким образом, исследование показало, что в современном крымскотатарском языке широко распространены формы прошедшего времени, образуемые посредством служебного глагола *экен*. Однако по сравнению с формами, образуемыми вспомогательным глаголом *эди*, частотность у конструкций с *экен* значительно ниже.

Список литературы

1. Меметов А. М. Крымскотатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология : учебное пособие / А. М. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымчпедгиз, 2003. – 288 с.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 386 с.
3. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. – М.: Наука, 1965. – 274 с.
4. Болат Ю. Садакъат = Преданность: «Анифе». – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешрият, 1979. – 325 б.
5. Эдемova У. Юрек атеши : повестлер / У. Эдемova. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешрият, 1987. – 336 с.
6. Эмин С. «Ираде дерьясы» : Роман. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешрият, 1917.– 376 с.
7. Осман А. Тутушув : Повестлер, икяелер – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешрият, 1988. – 400 с.

Бекірова Л. І. Минувий час дієслова на – имя + екен в сучасній кримськотатарській мові / Л. І. Бекірова // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С 20–24.

У статті досліджується форма минулого часу дієслова дійсного способу на – *имя* + *екен* в сучасній кримськотатарській мові. В ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові є складною і багатобразною по граматичній структурі системою. Встановлено, що форма минулого часу на – *имя* + *екен* відноситься до аналітичних форм минулого часу.

Ключові слова: морфологія, дієслово, функція, минулий час, кримськотатарська мова.

Bekirova L. I. The past tense of the verb on the – name + eken in the Modern Crimean Tatar language / L. I. Bekirova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 20–24.

In the article the form of the past tense of the verb in the indicative mood – *name* + *eken* in the Modern Crimean Tatar language. The basis of the approach adopted for the study of the form – the value of the grammatical category. The starting point for this study is the grammatical form of time, ie formally adopted – the semantic approach. Each form of the past tense is the linguistic expression of the natural (conceptual) time. Each form of the past tense are identified and described in detail the functioning of its basic forms of language and speech, then analyzed its core values (Seme) in question. Consideration of the forms on time to their existing titles, traditionally coming from the grammar of the Indo-European schemes, does not always provide the opportunity to fully explore each of the forms of time.

The study in the paper model – the most common among all the models produced by the call of the verb Eken. This takes the form, as well as all other forms with Eken, affixes the first group of persons who join word Eken, and the verb in the form of on-the-*r* remains unchanged.

Use of the form on the – *name* + *eken* in the form of a positive aspect in the third person – the most common.

In this Crimean Tatar language is different from some other Kipchak languages in which the interrogative particle is attached to the word Eken, and moving closer to the Oghuz languages.

Form on – *name* + *eken* expresses «an action that was indeed the case in the past, but the speaker does not witnessed it, he knows this firsthand, from the stories of others. Typically, the functioning of this form are fairy tales, stories about the past».

The shape of the past tense on – *name* + *eken* refers to the analytical forms of the past tense.

Keywords: morphology, verb, function, past tense, the Crimean Tatar language.

УДК 530.14

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Куртсеитов А. М.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, РФ
E-mail: otarli@mail.ru*

В статье обобщены результаты многолетней научной и преподавательской работы. Рассмотрены многочисленные труды языковедов, которые исследовали фразеологию, произведения писателей и тексты исполнителей крымскотатарского фольклора, давние и современные периодические издания.

В работе общие и специфические фразеологические средства систематизированы в нескольких аспектах, а также дано толкование большого количества фразеологизмов, относящихся, в частности, к истории и этнографии. Широко использованы описательный, сравнительно-исторический, структурный методы исследования, что способствовало углубленному анализу крымскотатарских фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, крымскотатарский фольклор, фразеологический оборот, крымскотатарский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Крымскотатарский язык остается одним из наименее исследованных среди всех тюркских языков. На это есть свои известные объективные причины, которые препятствовали изучению данного языка. Те же немногочисленные исследования, проводившиеся в конце двадцатого века, носили, в основном, фрагментарный, поверхностный характер.

Особенно малоисследованной остается фразеология, проблематика которой и рассматривается в представленной работе. Излагая результаты своих наблюдений, отмечаем, что нарушения норм речи многими крымскими татарами являются в основном следствием недостаточного постижения общих и специфических свойств крымскотатарских фразеологизмов. Устранение этого недостатка позволит избежать указанных ошибок. Именно поэтому владение крымскотатарским языком предполагает знание не только определенного минимума слов. Правильное понимание крымскотатарской речи как в устной, так и в письменной форме, свободное общение на крымскотатарском языке совершенно невозможны также без освоения достаточного количества фразеологических оборотов, особенно таких, которые входят во фразеологическое ядро крымскотатарского языка, которые очень частотны и придают крымскотатарской речи особую прелесть, живость и образность.

Анализ литературы. Методологической основой исследования послужили работы В. М. Мокиенко, Н. М. Шанского, В. В. Виноградова, А. Ларина, П. Смирницкого, Н. Н. Амосовой, С. И. Ожегова, Г. А. Байрамова, Т. Рахматуллаева, С. К. Кенесбаева, В. Н. Телии и А. М. Меметова, которые общеизвестны, много раз были предметом самой придирчивой критики. Они стоят в ряду лучших исследований фразеологии языка, и значение их трудно переоценить.

Из работ европейских авторов были изучены: Лонгмановский словарь английских идиом; Deyim Hazinemiz (Adigüzel H.); Divanü Lugat-it-türk tercemesi (Atalay B.); Osmanlı tarih deyimleri ve terimleri sozlugu (Pakalin M.) и др.

В области изучения фразеологии тюркских языков «Фразеологический словарь казахского языка» С. К. Кенесбаева является ценнейшим вкладом в тюркологическую науку. Словарь содержит более десяти тысяч фразеологизмов, а также их варианты, отлично систематизирован; все фразеологизмы тщательно документированы, раскрыто их содержание, прокомментированы случаи и обстоятельства их употребления.

В словаре подробно толкуются фразеологизмы, относящиеся к историческому прошлому, разъясняются многочисленные архаические элементы и сочетания, непонятные для современного читателя. С. К. Кенесбаев дает интересное толкование обширной группы фразеологизмов, относящихся, в частности, к шаманизму, мифологии, этнографии. Особенно много таких архаических элементов во фразеологизмах из эпических произведений акынов. В словаре снабжены специальными пометами также не всем понятные историзмы и диалектизмы. Словарь составлен в алфавитном порядке по первому компоненту фразеологического сочетания.

Во всех тюркоязычных странах бывшего СССР фразеологизмы зафиксированы в основном в двуязычных и толковых словарях. Однако ни один из таких словарей не в состоянии охватить все фразеологическое богатство того или иного языка. Внимательное ознакомление с материалами фразеологического словаря С. К. Кенесбаева убедительно показывает, что богатство языка может быть раскрыто только путем исследования его фразеологизмов.

Цель статьи. Крымскотатарская фразеология относится к числу сравнительно молодых отраслей языкознания. Она находится на стадии первичного накопления языковых фактов и их предварительной классификации. Однако уже возможно системное осмысление объекта исследования в фазе более тонкого и глубокого анализа тех языковых явлений, которые на интуитивной основе можно выдвинуть на начальном этапе развития фразеологии в качестве ее основных понятий.

Фразеология крымскотатарского языка ещё не подвергалась полному исследованию, нет и толковых словарей фразеологизмов. Поэтому приходится проверять и уточнять интуитивно устанавливаемые значения через их структурное описание. Изучение условий контекстуальной реализации фразеологизма позволит нам определить типы окружения и семантическую группу слов, составляющих окружение, зависимость окружения от лексико-грамматических классов фразеологизмов и выявить формальные признаки выражения смысла.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Несмотря на наличие огромного материала, накопившегося по теории фразеологии, многие теоретические положения в этой новой лингвистической области крымскотатарского языка ещё не устоялись, не стали общепринятыми, а посему и являются дискуссионными, что вполне закономерно на данном этапе развития теории фра-

зеологии. Объектом исследования являются иностранные слова во фразеологизмах крымскотатарского языка. В образовании фразеологизмов крымскотатарского языка наряду с исконно крымскотатарскими словами на равных с ними правах участвуют и иноязычные арабские и персидские слова. В настоящей статье предметом подробного рассмотрения стали иранские, греческие, монгольские, арабские и турецкие слова во фразеологизмах крымскотатарского языка.

1. ИРАНСКИЕ СЛОВА В КРЫМСКОТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

С древнейших времен тюркоязычные предки крымских татар находились в непосредственном контакте с ираноязычными племенами, известными в III в. до н. э. под общим названием «сарматы». Иранизмы глубоко вошли в лексическую систему крымскотатарского языка.

Иранские племена, жившие в Крыму, начиная с IV в. были ассимилированы тюркоязычными предками крымских татар, оставив память о себе в виде большого количества лексических, грамматических и синтаксических элементов иранского происхождения. С учетом заимствования арабских и персидских слов в составе фразеологизмов считать эти фразеологизмы заимствованными не стоит. Потому что эти устойчивые словосочетания с переносным значением возникли на почве собственно крымскотатарского языка, хотя в качестве их компонентов употреблены иноязычные.

Собранный нами фразеологический материал свидетельствует о том, что определенная часть иранизмов активно участвует в формировании фразеологизмов, сохраняя при этом значение языка источника, например: *пенджер* – окно; *атеш* – огонь, *пенджересине бармакъ* – прийти к окну (знакомство молодых перед свадьбой); *атеш сачмакъ* – сеять огонь, поджигать.

Значительная часть фразеологизмов, включающая в свой состав иранские слова, по-видимому, образована в XIII веке, о чем свидетельствует словарь «Кодекс Куманикус». Обычно арабские и персидские слова, арабско-персидские составные слова и сложные словосочетания в тюркские языки проникали как в результате непосредственных контактов носителей этих языков, так и через литературу. Написанные на крымскотатарском языке газели Ашика Умера (XVIII в.) пестрят иранизмами, воспринятыми главным образом в качестве элементов высокого стиля.

Некоторые иранские слова, входящие в состав крымскотатарских фразеологизмов, изменили свою первоначальную семантику и приобрели новые значения, порой значительно расходящиеся с исконными, например: *бекяр* (иран.) – безработный; *дубара* (иран.) – заново; *бекярлык султанлык* – холостая жизнь (царская жизнь); *дубаралы той* – свадьба с интрижкой.

2. ГРЕЧЕСКИЕ СЛОВА В КРЫМСКОТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Из исторических источников известно, что в VII–VI вв. до н. э. южное побережье Крыма вошло в сферу колониального движения греков. Греки, ассимилированные тюркоязычными предками крымских татар, оставили в языке заметные следы. Заимствованные слова греческого происхождения широко представлены в крымскота-

тарских фразеологических оборотах. В семантическом плане значительная их часть не претерпела существенных трансформаций, например: *фуртуна* – буря; *къокъла* – кукла; *панти бурун* – курносый; *фуртуна къопты* – буря оторвалась (началась буря).

3. МОНГОЛЬСКИЕ СЛОВА В КРЫМСКОТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Пестрая этническая и языковая среда, в которой формировался крымскотатарский народ, наложила своеобразный отпечаток на все стороны материальной и духовной культуры крымских татар, в том числе и на язык. Установлено, что в крымскотатарском языке около 30 слов монгольского происхождения. Следует отметить, что в семантике монгольских слов, вошедших в состав крымскотатарских фразеологизмов не обнаруживается значительных отклонений от семантики соответствующих слов языка источника, например: *тоз* – пыль; *босагъа* – порог; *чырай* – лицо; *тозуны къакъмакъ* – пыль встряхнуть, проучить; *босагъасына басмамакъ* – не переступить порога; *чырайы тюрленди* – лицо переменялось.

4. АРАБСКИЕ СЛОВА В КРЫМСКОТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Около 20 процентов фразеологизмов крымскотатарского языка, исследованных нами, включают в свой состав слова, заимствованные из арабского языка. О наличии арабских заимствований в крымскотатарском языке свидетельствует словарь «Кодекс Куманикус», например: *ашыкъ* – влюбленный; *девлет* – государство; *гъам* – горе; *Ашыкъ Умер* – влюблённый Умер; *Девлет къушу* – Государственная птица; *гъам чекмек* – горе тянуть, горевать.

Анализ исследованных фразеологических оборотов показал, что арабские заимствования не изменили своей семантической структуры, например: *къабир* – могила; *адиль* – справедливый; *къасевет* – тревога; *къабир соравы* – могильный допрос; *адиль инсан* – справедливый человек; *къасевет дюнъасы* – мир тревоги.

В крымскотатарском языке вообще и в языке устного народного творчества в частности имеется значительное количество арабских и персидских слов, а также сложных сочетаний, например: *къадимий заман* – древнее время; *Азиз* – Святой; *акъ* – белое, истина.

В качестве примера приведем несколько сочетаний, содержащих арабские слова: *арагъа шейтан кирди* – вмешался чёрт, чёрт попутал; *эджели эткен* – судьба predetermined, обреченный.

Вызывают интерес пути проникновения в крымскотатарский язык, в язык его эпических произведений этих чисто книжных арабских слов и словосочетаний. Крымскотатарский народ не имел непосредственных контактов с арабами. Однако арабские элементы в крымскотатарском языке нашли широкое распространение, активное употребление и в разговорной речи. Они не связаны с одной только религией. Более того, они отражают быт и культуру народа. Арабские слова, связанные с культурой и литературой, занимают в крымскотатарском языке большое место.

Этот факт наглядно свидетельствует о том, что такие слова вошли в крымскотатарский язык не столько из языков соседних народов, сколько из письменной средневековой литературы, широко распространенной в тот период у крымских татар.

В крымскотатарском языке встречаются фразеологические обороты, в состав которых входит заимствованное из арабского языка слово: *къафа* – затылок (ар.); голова (кр.-т); *алтын къафа* – золотая голова; очень умный. В крымскотатарском языке это слово обозначает «голова». Здесь произошло смещение в семантике.

Тенденция дословно переводить составные части фразеологизмов нередко приводит к неточностям и даже курьёзам.

5. КРЫМСКОТАТАРСКО-ТУРЕЦКИЕ СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

В крымскотатарском языке так же, как и в других языках, есть такие фразеологические обороты, которые свойственны только крымскотатарскому языку. Однако есть и такие фразеологические обороты, которые отличаются только фонетическим оформлением.

В крымскотатарском языке:

акъкъан сувлар токътар – проточные воды остановятся;

балтаны ташкъа урмакъ – бить топором по камню;

джеби тешик – карман дырявый;

дёрт къолнен сарылмакъ – четырьмя руками обниматься.

В турецком языке:

акан сулар дурур – совершить невозможное;

балтаи таша вурмак – заниматься бесполезным делом;

джеб делик – бедняк;

дёрт элле сарылмак – сильно обнять.

Подобрать к крымскотатарским фразеологизмам турецкие (и наоборот) очень просто. Вот примеры соотносительных крымскотатарско-турецких фразеологизмов:

тапкъан сайын курсемек – как найдёт, бесится; беситься с жиру;

миннет ве шукретмиер – не ценит того, что есть; беситься с жиру;

чалкъадан йыкъылмакъ – упасть на спину; проиграть;

сырт устю дюшмек – упасть на спину; проиграть;

союлгъан танадай окюрмек – как резаный телёнок орать; очень громко кричать;

богазланмиши дана гиби багириер – как резаный телёнок орать; очень громко кричать.

Турецкий язык является самым близким языком к крымскотатарскому, поэтому и фразеология крымскотатарского языка имеет много общих черт с турецкой фразеологией.

К этому убеждению мы пришли, изучив работы ведущих турецких ученых.

Хотя турецкая лингвистическая литература богата различными сборниками фразеологического содержания, материалы в них, как правило, включались без

дифференциации, поэтому они охватывали обычно, кроме пословиц и поговорок, также афоризмы, формулы благословения, собственно фразеологизмы и другие самые разнообразные устойчивые сочетания, в том числе и идиоматические выражения.

Первым, дошедшим до нас сборником такого рода, является, по-видимому, «Atalar sözü», составленный в 1480 году неизвестным автором. Позже, в 1547 году, Мустафой-эфенди был составлен персидско-турецкий фразеологический словарь.

В XIX веке появляется ряд интересных сборников: «Durubi emsali osmaniyye» (1870), Şinasi, Ebüzziya (1885).

Значительно позднее были изданы: «Atalar sözü» (1939) Сади Кирилми, «Atasözleri ve deyimler» (1965) Омера Асима Аксоя. Каждый из этих сборников имеет свои особенности. От издания к изданию заметно улучшалось их техническое оформление, повышался научный уровень.

Из словарей, изданных за последние годы, особо стоит отметить словарь Кемал-ля Эйубоглу, состоящий из двух книг.

Первая книга в основном включает пословицы и поговорки. Приведем из нее несколько примеров:

Bülbül ağlar, gül güler (с. 51) (досл.: Соловей плачет, роза смеется);

Bitmez iş olmaz (с. 47) (досл.: Нет дела, которое не имело бы своего завершения);

Eçeli gelen köpek çobanın ekmeğini yer (с. 82) (досл.: Собака, которой пришло время сдохнуть, съедает хлеб пастуха).

Во второй книге помещены собственно фразеологизмы и другие устойчивые сочетания различного характера:

bağrı yanmak (с. 45) – изнывать от жажды;

insan oğlu (с. 260) – подлинный человек;

bir ağızdan (с. 304) – быть в настроении.

Здесь же приводятся формы проклятий и благословения:

ağzından yeller alsın (с. 10) – чтобы его чёрт побрал;

başın sağ olsun (с. 61) – будь здоровым.

В сборнике имеется немало и однословных выражений:

afsunlamak (с. 5) – колдовать;

yolunmak (с. 436) – быть ошипанным.

Заслуживают быть особо отмеченными в словаре материалы по исторической фразеологии турецкого языка:

yüz suyu dökmek (с. 448) – опозорить;

kenara çekmek (с. 300) – удалиться;

dünya gözüme dar olmak (с. 150) – сильно страдать.

Словарь построен по алфавитному принципу. Источником для него послужили письменные памятники турецкого языка.

В первой книге приведены 6840 пословиц и поговорок из произведений 714 авторов.

Более капитальной как по объему, так и по охвату материалов является вторая книга, включающая фразеологизмы. Здесь собрано 11 112 фразеологизмов с 13 526 подтвердительными цитатами.

Фразеологический словарь Кемаля Эйубоглу – самый большой из существующих в тюркологии, он охватывает примерно 600-летний период.

В конце книги даны два указателя, содержащие ценный материал историко-ведческого характера.

Толковый словарь фразеологизмов Сабахата Эмира интересен тем, что в нём встречаются формулы проклятия и благословения:

ağzi kurusun (с. 47) – пусть рот высохнет;

Allah akıl versin (с. 60) – пусть Аллах образумит.

В словаре Х. Фетхи Гёзлера отмечены редкие фразеологизмы:

kanına ekmek doğramak (с. 232) – радоваться чужому горю.

Особо следует отметить работы Омера Асима Аксоя, который четко разграничивает пословицы и поговорки от фразеологизмов.

В целом работы турецких ученых представляют значительный интерес с точки зрения тюркской фразеологии.

6. КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВОЗНИКШИЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

В современном крымскотатарском языке функционирует группа фразеологизмов, возникших под влиянием неродственных языков, в основном русского. Прямых заимствований, т. е. единиц, употребляющихся без перевода, не обнаружено. Здесь имеются в виду те единицы, которые образованы путем буквального перевода с русского языка. Они возникали, как правило, для выражения отсутствующих в крымскотатарском языке понятий.

Фразеологические кальки в подавляющем своём большинстве возникали в письменной речи, чаще всего в публицистике. Количество слов и конструкция фразеологизма могут соответствовать единице языка – источника, т. е. быть точной калькой, например:

акъкъуш йыры – лебединая песня;

биринджи къарылгъач – первая ласточка;

сувдан къуру чыкъмакъ – выйти сухим из воды;

таш устюнде таш къалдырмамакъ – не оставить камня на камне; уничтожить;

бир аягъынъ мында экинджиси анда – одна нога здесь, другая там; быстро сходить;

Къана, давран, бир аягъынъ анда, экинджиси мында олсун (Ш. Алядин). – Ну-ка, поторопись, пусть одна нога там, другая здесь будут.

В письменном памятнике XIII века «Кодекс Куманикус» зарегистрировано семь русских слов: *изба*, *овус* – овес, *печь*, *салам* – солома, *самала* – смола, *толмач* – переводчик, *урс* – русский.

После присоединения Крыма к России из русского словаря в крымскотатарский стали проникать слова в большей части бытовые, заимствованные в тот период слова, вошедшие во фразеологические словосочетания, максимально приспособлены к фонетическим нормам крымскотатарского языка:

ишлер къартон – дела картошка; дела плохи.

къапыста баи – капустная голова; глупый.

ВЫВОДЫ

В образовании фразеологизмов крымскотатарского языка наряду с исконно крымскотатарскими словами на равных с ними правах участвовали иноязычные – арабские, греческие, персидские, монгольские слова.

Сравнительный анализ фразеологии тюркских языков показывает совпадение значения, образной основы и лексического состава значительного числа единиц не только в близкородственных, но и в отдаленно родственных языках. Это свидетельствует о том, что образно-номинативные единицы были характерны для ранних этапов существования языка. Это может быть только результатом параллельного развития языков или их контактирования.

Без знания истории фразеологизма, особенно истории становления и изменения его формы, имевших место в прошлом, невозможно судить не только о реальном генетическом источнике его, о том словосочетании, из которого возник фразеологизм, но и правильно соотнести составы фразеологизмов современного языка и прошлых веков.

Фразеологические обороты очень тесно связаны с жизнью и ясно показывают ее состояние и развитие, поэтому огромное значение имеет исследование фразеологии именно с этой точки зрения.

Список литературы

1. Бабайцева В. В. Современный русский язык. / В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. / В. Даль. – М.: Русский язык, 1979. – 779 с.
3. Зачевский Е. Д., Ковалевская Е. Г. Общее и национальное в лексике языков народов СССР. / Е. Зачевский. – М.: Просвещение, 1983. – 111 с.
4. Изидинова С. Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении. Автореф. дис... канд. филол. наук. / С. Изидинова. – М., 1982. – 21 с.
5. Кашгари М. Девону лугат-ит турк. / М. Кашгари. – Т.: Укитувчи, 1960.
6. Adigüzel H. Deyim Hazinemiz. / H. Adigüzel. – İstanbul, 1990. – 163 s.
7. Aksoy A. Atasözleri sözlüğü. / A. Aksoy. – Ankara, 1971.
8. Pakalın M. Z. Osmanlı tarih deyimleri ve terimleri sozlugu. / Pakalın. – İstanbul, 1993.

Kurtseitov A. Foreign words phraseologisms in the crimean tatar language / A. Kurtseitov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 25–33.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

The paper summarizes the results of many years of research and teaching work. Examined numerous works of linguists, who studied rhetoric, the work of writers and artists of the Crimean Tatar folklore texts, ancient and modern periodicals.

In general and specific phraseological tools are summarized in several aspects, as well as the interpretation given to a large number of idioms relating, in particular, to the history and ethnography. Widely used descriptive, comparative-historical, structural research methods that facilitate in-depth analysis of the Crimean Tatar idioms.

Keywords: idiom, Crimean Tatar folklore, idiomatic, the Crimean Tatar language.

УДК 811.512.19'28

**СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ
И ОСОБЕННОСТИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ
В СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА.
ПОСЛЕЛОГИ¹**

Меджитова Э. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Таврическая академия, факультет крымскотатарской и восточной филологии,
кафедра крымскотатарской филологии
E-mail: medzhitova-ydi2008@yandex.ru*

В статье «Служебные части речи и особенности их употребления в северном диалекте крымскотатарского языка. Послелогии» сделана попытка рассмотреть служебные части речи в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка. В представленной статье изучены наиболее употребительные в диалекте послелогии и те, которые не используются в крымскотатарском языке. Классификация послелогов производится по нескольким признакам: по признаку общеграмматической природы их лексических прототипов (глагол, имя) и по признаку падежного управления. По характеру выражаемых значений послелогии выступают в следующих значениях: на первом месте послелогии с пространственным значением, затем временные, далее причинно-следственные и сопоставительные.

В рамках данной статьи рассматриваются только собственно послелогии, послелогии-имена – предмет нашей следующей статьи.

Ключевые слова: диалект, северный (степной), крымскотатарский, части речи, послелог, собственно послелогии, послелогии, управляющие различными падежами.

В северном (степном) диалекте крымскотатарского языка выделяются следующие служебные части речи – послелогии, частицы, союзы. В статье будет сделана попытка описать особенности употребления служебных частей речи в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка.

ПОСЛЕЛОГИИ

ВВЕДЕНИЕ. Послелог – служебная часть речи, исторически восходящая к знаменательным частям речи и служит для выражения инструментальных, целевых, причинных, временных, пространственных и других отношений. В северном диалекте крымскотатарского языка, как и в литературном языке, послелогии могут употребляться только в сочетании с другими словами, занимая положение после них. Обычно послелогии не изменяются и управляются падежами, например: *уйге (уйге) табан кетти* – «пошел в сторону дома», лит.: *эвге таба кетти (уйге – направительный падеж); азбарынъ артында* – «за домом» (азбарнынъ – притяжательный падеж), лит.: *азбарнынъ артында*.

Послелогии северного диалекта, как, собственно, и послелогии во всех тюркских языках можно разделить на две группы: 1) собственно послелогии, или послелогии-ча-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 15-34-10116 «Электронный словарь диалектов крымскотатарского языка».

стицы, 2) послелогои – служебные слова, т. е. имена, употребляющиеся в роли послелогов [1, с. 482–483].

Собственно послелогои. Собственно послелогои в северном диалекте крымскотатарского можно подразделить на такие группы: 1) послелогои, образованные от имён: *баш, усть, аст, табан, башкъа, тыш, бырын (бурун), акъкъында, бертли, боюница, шекилли, джакътан (якътан)*; 2) послелогои, образованные от глагольных основ: *коре, къаран, къарагъанда, кеце*; 3) послелогои, связь которых со знаменательными словами частично или полностью утеряна: *сайын, пытын*.

Семантически послелогои тесно связаны с падежными аффиксами и являются особыми средствами выражения синтаксических отношений.

По синтаксическим признакам послелогои можно разделить на следующие группы: 1) послелогои, управляющие основным и притяжательным падежами местоимений; 2) послелогои, управляющие направительным падежом; 3) послелогои, управляющие исходным падежом.

Послелогои, употребляющиеся с основным падежом имён и притяжательным падежом местоимений, служат выражением инструментальных, причинных, целевых и уподобительных отношений: *барабар* («с», «вместе с...»), лит. *берабер*; *иштин* («для»), лит. *ичюн*; *санъке* («словно»); *шекилли* («как»), лит. *шекильде* («словно», «подобно»); *гъадар, такъыл* («до»), лит. *къадар* («столько»); *сайын* («каждый раз»); *боюница* («по», «согласно»), лит. *боюнджа*; *догърында* («о»), лит. *акъкъында*; *ягъыны/ягъында* («сторона»), лит. *якъта, тарафта*.

Послелогои *къаршы* («против»), *табан* («по») лит. *таба* («в сторону», «по направлению»), *къаран* («по», «смотря по...»), лит. *бакъып, къарамай* («несмотря»), лит. *бакъмадан, къарагъанда* («по отношению»), лит. *бакъкъанда*, («по сравнению») требуют направительного падежа.

Послелогои, управляющие исходным падежом, служат для выражения сравнения, сопоставления, отделения или удаления. Сюда входят следующие послелогои: *сонъ* («после», «после того, как», «в конце»), *башкъа, гъайры* («кроме»); *бертли* («с тех пор»), лит. *берли*; *бырын* («до»), лит. *эвель*.

ПОСЛЕЛОГИ, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕСЯ С ОСНОВНЫМ ПАДЕЖОМ ИМЕН И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ МЕСТОИМЕННИЙ

Барабар («с», «вместе с...»). Послелог является заимствованием из персидского языка и передаёт следующие значения:

1) совместность, сопровождение, соучастие, например: *джемаатке ашаткъан сонъ, экинди вакътында еди-секиз сохтаман барабар бир арабагъа минип...* (Мемет Нузет, в дальнейшем – М. Н.) – «После того, как накормил людей, с семью-восемью студентами влез в телегу...»; *Къуртмуратман барабар бир полкта болгъанын, Къуртмуратман бек якъын дост болгъанын...* (М. Н.) – «Как вместе с Куртмамумом служил в одном полку, как были они лучшими друзьями...»;

2) в сочетании с глагольными формами *барабар* выражает совместное, коллективное действие: *Оля! Салта озюнъиз айтышып кулюшменъиз, ара-сыра бизге де анълатынъыз, барабар кулюшейик* (М. Н.) – «Эй! Вы только между собой говорите и смеетесь, вы иногда и нам рассказываете, будем вместе смеяться»;

3) тождество; начальное действие отождествляется с последующим по значению, также могут отождествляться явления, лица и предметы, например: *Экеви барабар бир-биринден къалышмай* – «Оба (вместе) одинаковы друг от друга не отстают.

Очень часто послелог *барабар* используется в сочетании с аффиксальным послелогом *-ман/-мен* и выражает при этом самые различные синтаксические отношения, например: *Лейляман анав оджаны барабар корьдим* (М. Н.) – «Видел я Лейлю вместе с тем учителем»; *Бекайчыкънынъ озюмен барабар турып, анълашылмаз бир тильмен эр шейге аралаштыгъыны корьдюкче...* (М. Н.) – «Увидел, как, стоя вместе с Бекайчиком и объясняясь на непонятном языке, вмешивался во все...».

Ичюн («для», «ради», «из-за того») выражает:

1) цель, например: *Олар ичюн оледжеклер уй халкъынынъ эписи* (М. Н.) – «Готов умереть за них каждый из домочадцев»; *Чалышкыыр халкъ тоз-топракъка булашып, къышлыгъы ичюн къан терлерин тегерлер* (М. Н.) – «Работающий народ, пачкаясь в грязи и пыли, льёт пот ради получения урожая»;

2) причину: *Бунынъ ичюн эп нишанлар болып кечкен яшыртын, нишанлылар анъламагъан не къыбласын, не сыртын* (М. Н.) – «Поэтому смолоду выходили они замуж, не понимая ничего (букв.: не видя ни севера, ни юга)»; *Бу дюньяда болгъан шейлер эпси олар ичюндир* (М. Н.) – «Всё, что происходит в этом мире из-за них».

Санъке, шекилли, гъадар, такъыл, сайын, боюница, догърында, ягъыны/ягъында.

Послелог *санъке, шекилли* («как», «словно») выражают значения сравнения, сопоставления, уподобления, например: *Буны сэйлеп, санки гече озюнден, бурчакъ гиби яшлар дюше гозюнден, тез-тез эсин топлап, тюше ёлуна, къар окъалай манънайына* (М. Н.) – «Сказав это, словно вышел из себя, как градины, слёзы полились из глаз, собрался он поспешно и пустился в путь...»; *Къары бунъа эки къолнен сарылды, севинчинден санки отю ярылды* (М. Н.) – «Женщина ухватилась за это обеими руками, от радости словно лопнула у неё селезёнка»; *Файдаланып болмайман тувгъан куньден, санки дюнья, алай шей магъа даргъын!* (М. Н.) – «Не могу воспользоваться новым днём, словно мир, все на свете на меня в обиде»; *Гъарип къушчыкъ чекише озь алына, санки джылап, Алиге о джалына* (М. Н.) – «Бедная птичка всё бьется и словно плачет, жалуясь Али»; *Отурып, инсан шекилли аша* – «Сядь и поешь, как человек».

Послелог *къадар/гъадар, такъыл, о такъыл* обозначают отношения сравнения (чаще по количеству), например: *Бир гъарипни инсан беллеп, бир такъыл сёз айтмазлар, таш дедими бир тахтаны, инат этер, къайтмазлар* (М. Н.) – «Какому-нибудь бедняге, сочтя его человеком, не скажут столько слов, если назовёт доску камнем, так и станут утверждать»; *О такъыл айттым, къылакъ асмады* – «Я столько говорил ему, он так и не послушался».

В сочетании с именами в направительном падеже послелог *къадар/гъадар* может выражать:

1) предел действия во времени, например: *Асмазмедимми мен сени, вай, туймадым, Моминем» ни сабаларгъа къадар джырлатыр эди* (М. Н.) – «Эх, повесил бы я тебя, да не почувствовал, песню «Моминем» заставил бы петь до утра»; *Беи яшыначе къадар койнинъ байында догърулыгъы ве намусыман ыргъатлыкъ этип, ниает бир уй болып чыкъкъан сонъ, озъ башына чалышмагъа башлап, эки атман бир сыйырчыкъкъа саип болгъан эди* (М. Н.) – «До пяти лет он верой и правдой служил у богача, наконец, когда приобрёл себе дом и стал работать на себя, стал владельцем одной лошади и коровы»;

2) предел действия в пространстве, например: *О ерден кочип, Отарга баргъаче къадар арадан йигирми дакъкъа къадар бир вакъыт кечти* (М. Н.) – «Выехав из того места, и до тех пор, пока доехал до Отара, прошло около двадцати минут»;

3) всесторонний охват действующих участников, например: *Баладан балабангъа къадар эписи къуванып кульдилер* – «Все, от мала до велика, смеялись от радости»;

4) другие количественные отношения: *Моминенинъ озюне саип болгъан къадар къуванып, тамагъына аш-сув кетмез эди* (М. Н.) – «Он так сильно был рад тому, что Момине принадлежит ему, что кусок не лез ему в горло»; *О къадар ки, тойгъа барып кельген сохталардан той хаберлерин эшиттикче, ичинде маджарларман одун джагъалар беллий эди* (М. Н.) – «Настолько, что когда он слышал от студентов о свадьбе, ему казалось, что внутри него жгут воз дров»; *Бир дереджеге къадар сакълап болды* (М. Н.) – «Смог до определенной степени сохранить»; *Ким бильсин, не къадар кийик джанаварлар авджыларнынъ къанлы къуриунларындан къачып яшынырлар* (М. Н.) – «Кто знает, сколько диких животных спрячется от кровавых пуль охотников».

Сайын («по мере того, как», «каждый раз», «все более»). Может выражать следующие значения:

1) регулярно повторяющееся действие или явление, например: *Адым сайын атлар токътай, мен де тыныш этемен* (М. Н.) – «Шаг за шагом лошади останавливаются, да я тоже отдыхаю»;

2) длительность или постоянство совершаемого действия, например: *Тургъан сайын беля энъседен басты, эм дерт артты, къанбурайтты аркъамны, башымнынъ сачын агъартты* (М. Н.) – «Всё больше беда давила на затылок, страдания росли, сгорбили мою спину, выбелили голову»; *Тургъан сайын атышып, о чувулды, азар-азар токътамай ичке толар...* (М. Н.) – «Непрекращающийся шум перестрелки понемногу заполнил дом...».

Послелог **догърында** («о», «про»). Выражает отношения, указывающие на повод суждения, речи, чувства [11, с. 320]. С этими предлогами обычно выступают глаголы *айтмакъ* («говорить»), *сорамакъ* («спрашивать»), *ойлямакъ* («думать») и т. д., например: *Онынъ догърында бир ший айталмады* – «Он ничего не смог сказать об этом»; *Эр кес бонынъ догърында ойлянып къалды* – «Все задумались об этом».

В тех случаях, когда послелог **догърында** сочетается с глаголами другого типа, он выражает косвенный объект, например: *Шеэрге иш догърында барып кельдим* – «Я съездил в город по своему делу».

Ягыны/ягында/ягындан («сторона», «в стороне», «на стороне», «со стороны», «о», «об»). Послелог указывает на субъект действия, например: *Бу къалавнынъ о ягында шеэрлер бар, койлер бар, сагъа юва ясагъандай сарайлар бар, уйлер бар* (М. Н.) – «На той стороне ограды города есть сёла есть, есть дворцы, годные для того, чтобы свить тебе гнездо, есть дома»; *О ягындан ич шеким ёкъ, къуванырлар, иншалла!* (М. Н.) – «У меня не вызывает сомнений эта сторона вопроса, будут рады, даст Бог!»; *Къулакъ салдым сеске табан, джелъмен къарышып ягындан, эшитиле талгъын-талгъын джолнынъ къыбла ягындан* (М. Н.) – «Я прислушался к звукам, вблизи, смешиваясь с ветром, слышен с южной стороны утомлённый шум дороги»; *Амет: О ягын сонъ айтарман, токъта бираз, бир тавукъман кунь этмез эр бир къораз* (М. Н.) – «Амет: Об этом я потом расскажу, погоди немного, ведь и петуху недостаточно одной курицы».

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ НАПРАВИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

Табан («к», «в», «по направлению»). Выражая пространственные и временные отношения, послелог *табан* управляется только направительным падежом и обозначает следующее:

1) направление, например: *Атчыкъларны къамчылап, талаштырып, койге табан къачкъаны* (М. Н.) – «Как бежал он, погоняя плетью коня, в деревню»; *Джырылашырлар арман джыйып, уйге табан къайткъанда, уй алдында, салкъын ерде ёргъун-байгъын джаткъанда* – «И пели они, когда, собрав урожай, возвращались домой, и в тени во дворе утомлённые лежали»;

2) приблизительное время совершения действия, например: *Ийлеге табан уйге къайтып кельди* – «Ближе к полудню он вернулся домой».

Коре («по», «смотря по...», «по причине», «поэтому», «в связи»). Послелог *коре* может выражать такие отношения:

1) сравнение; такая форма часто встречается в пословицах и поговорках, например: *Тырыпкъа коре, къыаргъа шукюр* – «Лучше огурец, чем редька»; *Къазанына коре къашыгъы* – «По котлу и ложка»; *Озюнье коре пай пичме* – «Не суди по себе (букв.: не крои на части по себе)»;

2) в сочетании с указательным местоимением в направительном падеже, образует формы *бунъа коре, шогъа коре, огъа коре* («поэтому», «в зависимости от...»), например: *Анълашмакъ къыйын, анайым, яшынъ да элли, магъа коре, дюнъямыз бек темелли* (М. Н.) – «Трудно нам понять друг друга, мамочка, тебе пятьдесят, поэтому мир наш очень устойчив...»; *Сонъ, кевдени улештир учюмизге, корейим, бунъа коре хызметинъ мукъфатын берейим* (М. Н.) – «Затем подели тушу на нас троих, посмотрю, в зависимости от этого воздам тебе награду за труд»; *Койде бутюн джан эсапкъа алынды, джангъа коре топракълар пай олунды* (М. Н.) – «В селе каждая живая душа взята была на учёт, в зависимости от этого была распаёвана земля»;

3) в сочетании с местоимением *магъа* («мне») послелог *коре* употребляется в значении «по-моему», «по моему мнению», например: *Эки дане тальтинке, магъа коре...* (М. Н.) – «Две вертихвостки, как по мне...».

Къаршы («против», «вопреки»). Выражает следующие отношения:

1) противопоставление, например: *...Хорандасынынъ кечинмесини догърултмакъ ичюн базарларда саткъан инсангъа къаршы бир ачув догъургъан...* (М. Н.) – «...Для того, чтобы поправить пропитание семьи, он возбудил ненависть против рыночного продавца...»; *Ёлда озюндже бир чокъ шей ойланды, онда байгъа къаршы бир кин уянды* (М. Н.) – «В дороге он много думал, в нём проснулась ненависть против богача»;

2) модальные отношения, например: *Къарсанбагъа къаршы кетсенъ, сонъу хайыр болакен, шайтип яргъа къавушкъанда, козьге де яш толакен* (М. Н.) – «Оказалось, что когда идёшь навстречу испытаниям, итог бывает благим, и когда соединяешься с любимой, глаза наполняются слезами».

Къарамай («несмотря», «вопреки»), лит. *бакъмадан*. Послелог *къарамай* образован от глагольной основы *къара-* («смотреть») + отрицательный аффикс *-ма* + аффикс настоящего времени глагола *-й*. В северном диалекте крымскотатарского языка выражает отношение к действию, вопреки которому совершается другое действие [11, с. 322], например: *Вакъыт кец болгъанына къарамай, шилерин питирмеге тырышты* – «Несмотря на позднее время, он постарался закончить дела».

Къарагъанда («по отношению», «по сравнению», «судя по...»), лит. *бакъкъанда*, требует направительного падежа и выражает отношения сопоставления, например: *Онынъ уйине къарагъанда, менкиси сарай болып корюне* – «По сравнению с его домом, мой кажется дворцом».

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ИСХОДНЫМ ПАДЕЖОМ

Сонъ («после», «после того, как»). Иногда артикулируется как *сунъ*. Послелог *сонъ* употребляется при выражении времени, по истечении которого совершается действие, процесс [11, с. 323], например: *Кеткенден сонъ халкъ бездирген, яман къыш, бааръ келип, откъа, чёпке джан берер* (М. Н.) – «Когда уйдёт надоевшая всем злая зима, придёт весна и оживит траву и ветви»; *Шинди нишан ясайыкъ да, армандан сонъ бир де той* (М. Н.) – «Сейчас засватаем, а после молотьбы и свадьба»; *Бугуньден сонъ бу дюнья арам магъа* (М. Н.) – «С сегодняшнего дня весь этот мир противен мне...».

В составе вопросительных или восклицательных местоимений послелог *сонъ* может выступать в роли частиц, например: *Сонъ, селямнынъ келямы?* (М. Н.) – «Ну и в чём же смысл привета?»; *Мемет: Сонъ, сонъ, айтып питирсе шонынъ фаслын, уйренийик шо ишининъ ичин, аслын* (М. Н.) – «Мемет: Ну-ну, доскажи же уже в чём суть, давай разберёмся, в чём тут дело»; *Мемет: Безмейджекми сонъ уйде къара козю?* (М. Н.) – «Мемет: А что же, не будет ли тосковать в доме его черноглазая?»; *Мемет: Къатмек керек, сонъ, оля?* (М. Н.) – «Мемет: И что же делать, братец?»; *Не беклемек мумкюн сонъ шашкъын къулдан?* (М. Н.) – «Чего же ждать теперь от ошалелого раба?»

Баикъа («кроме», «без», «кроме того»). Послелог *баикъа* исторически восходит к имени существительному *баиш* («голова», «вершина», «начало») + аффикс направительного падежа *-къа* и употребляется в значении исключения, неучастия в совершении действия, например: *Бу икиси олгъандан сонъ, баикъа даа не керек?* (М. Н.) – «Когда есть эти два, чего желать кроме этого?»; *Селим ичюн азаптан баикъа бир шей болмагъан джыллаар авуштыкъча, онынъ дертлери де артыша эди* (М. Н.) – «Менялись годы, которые не приносили Селиму ничего, кроме страданий, а мучения его всё возрастали»; *Салдат огъа бир-эки парча шекер береджек болып (зира, салдатта баикъа тюрлю не боладжакъ?), уйге кирип, онъача джыламакътан баикъа чаре тапалмады* (М. Н.) – «Солдат хотел дать ей несколько кусочков сахара (как-будто у солдат есть что-то другое?), а она не нашла ничего другого, как уйти в дом и вволю наплакаться».

В качестве синонима послелого *баикъа* выступает послелог *къайры/гъайры* («кроме»), например: *Менден гъайры огъа ярдым этеджек киши джокъ* – «Нет никого кроме меня, кто мог бы ему помочь».

Бертли/берли («с», «с тех пор»). Выражает отрезок времени, с которого начинается действие или после которого продолжается определенное действие, например: *О вакъыттан бертли корьген ший тувулман* – «С тех пор я его совсем не видел»; *Не унум бар уюмде, не джагъар, не май, не этим, тиленмек, десенъ, яшлыкътан берли тувул адетим* (М. Н.) «Ни муки нет в доме, ни дров, ни масла, ни мяса, может, милостыню попросить, да не привык я с детства попрошайничать».

Отдельного рассмотрения требует аффиксальный послелог **-ман/-мен**, который отсутствует в литературном крымскотатарском языке; вместо него употребляется послелог *иле* или аффиксальный послелог *-нен*. По словам А. М. Щербака, это последняя группа послелогов, находящаяся на грани перехода в морфологические элементы («послелого-аффиксы»). [12, с. 57], например: *Тюрлю захметлер ичинде чекишип оледжекмен, эльден топлангъан садакъаларман комюледжекмен* (М. Н.) – «В трудах различных измучившись, умру, похоронят меня на деньги, собранные на пожертвования»; *Джебде пара питкен сонъ, учь баламан бир бикенинъ башларына джеткен сонъ* (М. Н.) – «Когда уже кончились деньги в карманах, когда погубил жену с тремя детьми».

Таким образом, в статье сделана попытка рассмотреть особенности служебных частей речи – послелогов. В статье изучены собственно послелого, т. н. послелого-частицы. Отдельного рассмотрения требуют послелого-имена, речь о которых пойдёт в нашей следующей статье.

Список литературы

1. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, 1. / Н. А. Баскаков. М. 1952. – С. 482–483.
2. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период / А. Н. Кононов. – Л., 1972. – 272 с.
3. Материалы по истории АН, Т. II. – СПб., 1886. – 898 с.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ В СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА. ПОСЛЕЛОГИ

4. Меджитова Э. Н. Къырымтатар чѣль шивесининь муреккеп шарт табиле джумлелернинь базы хусусиетлери / Э. Н. Меджитова. – Культура народов Причерноморья ISSN 1562-0808, № 147, Симферополь, 2008. – с. 33–35.
5. Меджитова Э. Н. Шиве лексикасы ве онынъ къырымтатар тили тарихынынъ огренювинде эмиети / Э. Н. Меджитова. – Культура народов Причерноморья ISSN 1562-0808, № 158, Симферополь, 2009. – С. 22–25.
6. Меджитова Э. Н. Къырымтатар тили шималъ шивесининь шиве лексикасы. Диалекталь фразеология / Э. Н. Меджитова. – Культура народов Причерноморья ISSN 1562-0808, № 182, Симферополь, 2010. – С. 16–18.
7. Меджитова Э. Н. Къырымтатар чѣль шивесинде сой-соплукъ терминлерининь къуланув хусусиетлери / Э. Н. Меджитова. – Культура народов Причерноморья ISSN 1562-0808, № 199, т. 2, Симферополь, 2011. – С. 44–46.
8. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных турецких (тюркских) племен. Ч. VII. Наречия Крымского полуострова / В. В. Радлов. – СПб., 1896. – 408 с.
9. Решетов В., Шоабдурахмонов Ш. Ўзбек диалектологиясы / В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. – Тошкент, 1962. – 360 с.
10. Чобанзаде Б. Тюрко-татарская диалектология / Б. Чобанзаде. – Баку, 1927. – 240 с.
11. Современный татарский литературный язык. Лексикография, фонетика, морфология. М.: «Наука». 1969. – 380 с.
12. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Служебные части речи) / А. М. Щербак. – Ленинград. «Наука», 1987. – 150 с.

Лексикография

1. Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский – крымскотатарско-русский словарь. 37 000 слов / С. М. Усеинов. – Симферополь: «Тезис», 2007. – 639 с.

Художественная литература

1. Нузет Мемет. Къырымнынъчѣлябатындан / Мемет Нузет. Симферополь: «Доля», 2003. – 239 с.

Medzhitova E. Functional parts of speech and peculiarities of their usage in the northern dialect of the tatar language. Postpositions / E. Medzhitova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 34–42.

In the article «Functional parts of speech and peculiarities of their usage in the northern dialect of the Tatar language. Postpositions». We have made attempts to study the functional parts of the speech in the northern (prairie) dialect of the Crimean Tatar language. In the present article we studied the most commonly used postpositions and the ones that are not used in the Crimean Tatar language. The classification of postpositions is made on several grounds: on the basis of the nature of their lexical grammar prototypes (verb name) and on the basis of case pattern. According to the nature expressed by postpositions values appear in the following values in the first place postpositions with spatial value, then the time, then the causal and comparative.

In this article we consider exclusively postpositions, postpositions names - the subject of our next article.

Actually postpositions in the northern dialect of the Crimean Tatar can be divided into the following groups: 1) postpositions derived from nouns: баш [bash], усть [ušt], аст [ašt], табан [taban], башкъа [bashcha], тыш [tish], бырын (бурун) [birin (burun)], акъкъында [akkinda], бертли [bertli], боюнша [boyunsha], шекилли [shakilli], джакътан (якътан) [djachtan (yachtan)]; 2) postpositions derived from verbal stems: копе [kore], къарап [charap], къарагъанда [charaganda], кеше [keshe]; 3) postpositions, which connection with the significant words are lost partially or totally: сайын [sain], пытын [pitin].

Semantically postpositions are closely related to case affixes and are specific means of expression of syntactic relations.

On syntactic features postpositions can be divided into the following groups: 1) management of the postpositions over the personal and possessive pronouns; 2) management of the postpositions over the guide case; 3) management of the postpositions over the original case.

As examples of the usage of the certain postpositions we learned works of the well-known Crimean Tatar poet and writer Memet Nuzet, who had been writing on the northern (prairie) dialect of the Crimean Tatar language.

Keywords: language, the Crimean Tatar dialect, dialect, Northern (steppe), part of speech, the postposition, in fact the postpositions, postpositions that govern various cases.

УДК 81`1. 512. 145

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗУЕМОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Алиева Л. А.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии,
Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
E-mail: fox__ne@mail.ru*

В статье рассматриваются структурные особенности сказуемого современного крымскотатарского языка. Проанализировав имеющуюся научную литературу по проблеме классификации сказуемого тюркских языков и фактический материал крымскотатарского языка, нами сделаны соответствующие выводы: сказуемые современного крымскотатарского языка, с точки зрения их морфологического выражения, классифицируются как глагольные и неглагольные. По структуре глагольные сказуемые крымскотатарского языка можно разделить на: простые глагольные, осложнённые глагольные, сложные глагольные, составные глагольные. Неглагольные сказуемые также делятся на: простые неглагольные, осложнённые неглагольные, сложные неглагольные, составные неглагольные сказуемые. Сложные сказуемые современного крымскотатарского языка состоят из неразложимого, единого по функции сочетания двух и более слов, выражающих в предложении одно действие, состояние. В составных сказуемых один компонент выражает основное значение, другой – вспомогательное.

Ключевые слова: синтаксис, крымскотатарский язык, сказуемое, классификация, структура.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на многочисленные работы, которые посвящены описанию структуры сказуемого как ядра предложения, этот вопрос в славянском и тюркском языкознании остаётся в числе неразработанных. Классификация структурных типов сказуемого в лингвистике не охватывает всего их разнообразия.

Теоретический подход к этой проблеме в языкознании различен и противоречив. Украинские лингвисты, по выражению модально-временных значений, выделяют простые, составные (двухэлементные, трёхкомпонентные) и сложные сказуемые [18]. Н. П. Дыренкова [7] и Г. Д. Санжеев [14] классифицируют сказуемые как простые и составные. По мнению И. А. Андреева, сказуемое может быть одночленным, двучленным и многочленным (состоящим из одного, двух и более словоформ) [4].

В крымскотатарском языке в работах А. Ислямова [9], Э. В. Севортыяна [15], А. Меметова [10, 11], Э. С. Акмоллаева [1], Л. С. Селендили (Оказ Л. С.) [12; 13], Л. А. Алиевой [2,3] дана обзорная характеристика морфологических, синтаксических и семантических особенностей сказуемого. Однако данных исследований для представления полной картины рассматриваемого явления недостаточно.

Цель статьи: проанализировать имеющуюся научную литературу по проблеме структуры сказуемого тюркских языков, исследовать фактический материал крымскотатарского языка, классифицировать сказуемое крымскотатарского языка, охарактеризовав структурные особенности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В современном крымскотатарском языке А. Ислямов [9, с. 23], Э. В. Севортян [15] подразделяют сказуемые по их структуре на два вида – простые и сложные. По мнению исследователей, сказуемое, выраженное одним словом, – простое, а сказуемое, состоящее из нескольких слов, – сложное.

Оказ Л. С. в статье «Особенности функционирования сказуемого в крымскотатарском языке» резюмирует: «По структуре сказуемое может быть простым или составным. Простое сказуемое состоит из одного слова, составное – из двух частей: основной и вспомогательной, одно из которых обычно выражено модальным словом, инфинитивом, вспомогательным глаголом или деепричастием» [12]. Семантика глагольного сказуемого широко представлена в монографии Селендили Л. С. «Микросинтаксис крымскотатарского языка (формальный и прикладной аспекты)» [13, с. 266–273].

Э. С. Акмоллаев в современном крымскотатарском языке выделяет простые и сложные сказуемые по составу, классифицируя каждое из них по форме выражения на глагольные и именные [1].

Однако следует отметить, что при классификации сказуемого с точки зрения его морфологического выражения не учитывается то, что в образовании именного вида участвуют не только именные части речи – имена существительные, имена прилагательные, числительные и местоимения, но и наречия, модальные слова, звукоподражательные слова, которые не принадлежат к именным частям речи: *Къой сюрюси андадыр.* (Ш. А.) – Стадо овец – **там** (наречие); *Бу иштен онынъ бир тюрлю хабери ёкъ.* (И. П.) – Об этом деле у него никакой информации **нет** (модальное слово); *Сабадан ашханеде савутлар – тасыр-тусур.* (И. П.) – С самого утра в кухне посуда – **тасыр-тусур** (звукоподражательное слово).

В связи с этим мы предлагаем классифицировать сказуемые по способу их выражения на глагольные и неглагольные.

Простое неглагольное сказуемое, с морфологической точки зрения, выражается одним словом, выраженным именем существительным, именем прилагательным, числительным и местоимением, наречием, модальными, звукоподражательными словами. Одной из особенностей крымскотатарского неглагольного сказуемого является то, что в крымскотатарском языке, в отличие от русского, нет связки, образующей составное именное сказуемое, есть лишь аффиксы сказуемости [2]:

для I лица: *-м, -ым, -им (-мыз, -миз);*

для II: *-синъ, -сынъ (-сынъыз, -синъиз);*

для III: *-дыр, -дир, -тыр, -тир.*

Эти аффиксы формируют сказуемое не как составное, а как простое: *Мен талебем* – «Я ученик»; *Сен талебесинъ* – «Ты ученик»; *О, талебе (-дыр)* – «Он ученик» и т. д. Неглагольное сказуемое крымскотатарского языка может употребляться и без аффиксов сказуемости: *Мусафирликке кельген адам – акъсакъалымыз* (Ш. А.); *Сёзге чыкъкъан инсан ёлбашчымыздыр* (Ш. А.).

Простые неглагольные сказуемые могут выражаться парными словами. Такие сказуемые, по нашему мнению, можно отнести к осложнённым: *Бахчасарайдан кельген тютюнлер десте-дестедир.* (И. П.); *Бу мазалы йигитлер агъа-къардаштыр* (И. П.).

В крымскотатарском языке часто употребляются составные сказуемые, состоящие из двух и более знаменательных слов, каждое из которых самостоятельно выражает определённое значение: *Къартанасынынъ къолуны алгъан къыз – севимли торуны* (Ш. А.) – Девочка, поцеловавшая её руку, – её любимая внучка; *Эрзаденинъ элинде – онынъ меракълы романы* (Ш. А.) – В руках Эрзаде – её любимый роман. *Кяр – зарарнынъ ортагъы* (Ат. с).

Сказуемые, первым компонентом которых являются имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, звукоподражательные слова, вторым компонентом – связка «эди, экен», ряд учёных относит к сложным [16]. Некоторые учёные считают эти сказуемые составными [17]. По мнению З. И. Будаговой, использование частиц, вспомогательных слов или послелогов не приводит к каким-либо изменениям в структуре ни простого, ни составного сказуемого [6]. Анализ сказуемых, первым компонентом которых являются имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, звукоподражательные слова, в крымскотатарском языке показал, что с присоединением связки «эди, экен» меняется значение и осложняется состав сказуемого: *Онынъ агъасы – оджа.* – Его брат – учитель; *Онынъ агъасы оджа экен.* – Его брат, оказывается, учитель; *Бу эсер – меракълы.* – Это произведение – интересное; *Бу эсер меракълы эди.* – Это произведение было интересным; *О, биринджи эди.* (И. П.) – Он был первым; *Эвнинъ ичи – патыр-гюдюр эди* (И. П.).

Следовательно, неглагольные сказуемые, первым компонентом которых являются имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, звукоподражательные слова, а вторым – связки «эди, экен», можно считать сложными.

Таким образом, можно отметить, что неглагольные сказуемые крымскотатарского языка отличаются множеством и разнообразием грамматических форм и по структуре могут быть: простыми, осложнёнными, составными, сложными.

Глагольные сказуемые выражаются различными видами, формами, наклонениями, залогами глагола и по структуре могут быть простыми, состоящими из одной словоформы: *О, яхшы окъуй;* *Шиирни ифадели окъу;* *Бу шиирни ифадели окъумалы;* *Шиирни юксекче сеснен окъугъайды;* *Шиирни даа бир кере окъуса,* *эзберелер* и т. д.

В тюркологии спорным является вопрос о классификации сказуемых, выраженных глаголом «имя + глагол». Некоторые лингвисты, в том числе и Э. С. Акмоллаев, относят такие сказуемые к именным. Семантический анализ подобных сочетаний в крымскотатарском языке показывает, что такие сочетания выражают глагольное действие. *Инсан иш башында белли олур* (Ат. с.). – Человек становится известным в процессе работы. Следовательно, несмотря на то что вещественное значение его содержится в имени, сказуемое, выраженное глаголом «имя + глагол», должно рассматриваться как глагольное.

В современном крымскотатарском языке часто употребляются сложные сказуемые, представленные неразложимыми словосочетаниями. Такие сказуемые в предложении обозначают одно действие, состояние. Сложные сказуемые состоят из неразлагаемого, единого по функции сочетания двух или более слов. К ним относятся сказуемые, выраженные:

1) устойчивыми словосочетаниями: *Бала кошеде тургъан кеманеге козь таишлады* (И. П.); *Аризагъа аджеле имза чекти* (И. П.);

2) сложными глаголами *имя + глагол*: *Олар бу ерден тездже кетмеге аркет эттилер*. (И. П.); *Ярын бу мевзу боюнджа марузанен чыкъышта булунмалысынъ* (И. П.).

Следует отметить, что в современном крымскотатарском языке наиболее употребляемыми являются сказуемые, имеющие в своем составе вспомогательные элементы. Такие сказуемые мы рекомендуем отнести к составным. Составные сказуемые семантически богаче, т. к. ими, кроме основного лексического значения, передаются различные модальные и эмоциональные оттенки. В составных сказуемых один компонент выражает основное значение, другой – вспомогательное.

Составные сказуемые выражаются следующими сочетаниями:

1) глагол + эди, (экен): *Языджы нек меракълы эсер язгъан эди* (И. П.); *Топлашувгъа койлюлернинъ эписи кельмеген экен* (И. П.);

2) инфинитив + модальные слова: *Анда сабадан бармакъ керек* (Ш. А.); *Эсерни окъумакъ лязим* (Ш. А.); *Бойле агърыларгъа даа даянмакъ мумкюн* (Ш. А.);

3) деепричастие или инфинитив + глагол: *Кязим бугунъ энишитесининъ эвине барып кельди* (И. П.); *О, Велининъ догъгъан кунюне хайырлав шиирини язмакъ истей* (И. П.).

В крымскотатарском языке также можно выделить осложненные глагольные сказуемые, которые образуются путем повтора одного и того же глагола, а также соединения самостоятельного глагола с вспомогательными глаголами и частицами, выражающими модальные и экспрессивные отношения, обозначающими длительность, экспрессивность, эффективность действия: *Ойле экен, мени къартбабама алсын да берсинлер* (Ш. А.); *Мен сени де тизенъе мусафирликке алып да барарым*; *Эндиден сонъ кунъ чыкъкъаныны бекле де отур* (Ш. А.).

ВЫВОДЫ

Проанализировав имеющуюся научную литературу по проблеме классификации сказуемого тюркских языков и фактический материал крымскотатарского языка, нами сделаны соответствующие выводы: сказуемые современного крымскотатарского языка, с точки зрения их морфологического выражения, классифицируются как глагольные и неглагольные.

По структуре глагольные сказуемые крымскотатарского языка можно разделить на: простые глагольные, осложнённые глагольные, сложные глагольные, составные глагольные.

Неглагольные сказуемые также делятся на: простые неглагольные, осложнённые неглагольные, сложные неглагольные, составные неглагольные сказуемые.

Сложные сказуемые современного крымскотатарского языка состоят из неразложимого, единого по функции сочетания двух и более слов, выражающих в предложении одно действие, состояние. В составных сказуемых один компонент выражает основное значение, другой – вспомогательное.

Список литературы

1. Акъмоллаев Э. Кърымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис / Э. Акъмоллаев. – Ташкент: Укьитувчи, 1989. – С. 28–34.
2. Алиева Л. А. Некоторые особенности именных сказуемых крымскотатарского языка, выраженных существительными / Л. А. Алиева // Культура народов Причерноморья, 2012. – № 224. – С. 17–20.
3. Алиева Л. А. Къырымтатар тилинде филь-хаберлернинъ семантик хусусиетлери / Л. А. Алиева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 52–57.
4. Андреев И. А. Структура простого предложения современного чувашского языка / И. А. Андреев. – Автореф. докт. дис. – Москва, 1970. – С. 25.
5. Баскаков Н. А. К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках / Н. А. Баскаков // Советская тюркология, 1972. – № 2. – С. 68.
6. Будагова З. И. Структура сказуемого в тюркских языках / З. И. Будагова // Советская тюркология, 1971. – № 1. – С. 8–14.
7. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка / Н. П. Дыренкова. – Москва, 1940. – С. 230.
8. Закиев М. З. Хэзерге татар эдэби теле / М. З. Закиев. – Казань: Изд-во КГУ, 1966. – С. 66.
9. Ислямов А. Татар тилининъ грамматикасы. Синтаксис / А. Ислямов – Симферополь: КъАССР девлет нешриятъ, 1940. – 120 с.
10. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч. II. Морфология: учебное пособие / А. Меметов. – Симферополь, 2003. – 288 с.
11. Меметов А. Земаневий къырымтатар тили / А. Меметов. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2006. – 320 с.
12. Оказ Л. С. Особенности функционирования сказуемого в крымскотатарском языке / Л. С. Оказ // Культура народов Причерноморья, 2006. – № 83. – С. 65–68.
13. Селендили Л. С. Микросинтаксис крымскотатарского языка (формальный и прикладной аспекты). – Симферополь: «ДИАЙПИ», 2012. – 348 с.
14. Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка / Г. Д. Санжеев. – Москва, 1941. – С. 139–142.
15. Севортян Э. В. Крымскотатарский язык / Э. В. Севортян // Языки народов СССР, т. 2. – Москва: Наука, 1966. – С. 234–259.
16. Сэйетбатталов Ф. Ф. Башкорт теле. I том. Ябай ьейлэм синтаксисы / Ф. Ф. Сэйетбатталов. – Офе: Китай, 1999. – С. 90–91.
17. Тикеев Д. С. Хэзерге башкорт теле. Ябай ьейлэм синтаксисы: югары укыу йорттары есен дэреслек / Д. С. Тикеев. – Офе: Рилем, 2002. – С. 50–67.
18. Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови / К. Ф. Шульжук. – Київ, Видавничний центр «Академия», 2004. – С. 408.

Сокращения

- Ш. А.** – Алядин Ш. С. Сайлама эсерлер. I том. – Т.: Гъ. Гъулам адына эдебият ве саньат нешриятъ, 1976. – 416 с.
- И. П.** – Паши И. Джанлы нишан. Роман, повесть. – Симферополь Таврида нешриятъ», 1988. – 207 с.
- Ат. с.** – аталар сёзлери.

Алієва Л. А. Структурні особливості присудка кримськотатарської мови / Л. А. Алієва // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 43–48.

У статті розглядаються проблеми, пов'язані зі структурними ознаками присудка кримськотатарської мови.

Класифікація структурних типів присудка в кримськотатарській мові, як і в усіх тюркських мовах, не охоплює всього їх розмаїття. Проаналізувавши наявну наукову літературу з проблеми класифікації присудка тюркських мов і фактичний матеріал кримськотатарської мови, нами зроблені відповідні висновки: присудки сучасного кримськотатарської мови, з точки зору їх морфологічного вираження, класифікуються як дієслівні і недієслівні.

За структурою дієслівні присудки кримськотатарської мови можна розділити на: прості дієслівні; ускладнені дієслівні; складні дієслівні; складові дієслівні.

Недієслівні присудки також діляться на: прості недієслівні; ускладнені недієслівні; складні недієслівні; складові недієслівні присудки.

Складні присудки сучасного кримськотатарської мови складаються з нерозкладного, єдиного по функції поєднання двох і більше слів, що виражають в реченні одну дію, стан. У складених присудках один компонент виражає основне значення, інший – допоміжне.

Ключові слова: синтаксис, присудок, класифікація, структура.

Aliyeva L. A. Structural features of the Crimean Tatar language of the predicate / L. A. Aliyeva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 43–48.

The article is about structure peculiarities of the Crimean Tatars predicate.

The classification of structural types of the predicate in the Crimean Tatar language, as in all Turkic languages, language does not cover all their diversity.

After analyzing the available scientific literature on the problem of classification predicate Turkic languages and the actual material of the Crimean Tatar language, we have made the appropriate conclusions: predicates modern Crimean Tatar language, in terms of their morphological expression classified as verbal and neglagolnye.

According to the structure of verbal predicates of the Crimean Tatar language can be divided into: simple verb; complicated by race; complex verbal; compound verb.

Neglagolnye predicates are also divided into: simple neglagolnye; complicated by neglagolnye; neglagolnye complex; neglagolnye compound predicates.

Complex predicates modern Crimean Tatar language consist of indecomposable, single function on a combination of two or more words in a sentence expressing a single action, condition. The predicate one component expresses the basic meaning, the other – support.

Keywords: syntax, predicate, classification, structure.

УДК 811.512.145'373.2

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ТОПОНИМОВ В РОМАНЕ ЮСУФА БОЛАТА «АНИФЕ»

Абсемиева Л. С.

*старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии
факультета крымскотатарской и восточной филологии
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
E-mail: leniyar.absemieva@mail.ru*

В данной статье все топонимы извлечены из романа Юсуфа Болата «Анифе». Выявлено и проанализировано 454 топонима. По принадлежности к географическим объектам топонимы были сгруппированы в определённые классы: ойконимы, оронимы, гидронимы – и отдельную группу топокомпонентов, выражающие в микротопонимии физико-географические особенности территории. Макро- и микротопонимы в процентном отношении распределены таким образом: ойконимы – 10,9 %, оронимы и оронимические топокомпоненты – 13,8%, гидронимы и гидронимические топокомпоненты – 16,3%, отдельная группа топокомпонентов – 41%.

Ключевые слова: топокомпонент, ойконимы, астионимы, комонимы, оронимы и оронимические топокомпоненты, гидронимы, гидронимические топокомпоненты.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к ономастике и топонимии Крыма.

Крымскотатарская топонимия в лингвистическом плане ещё недостаточно изучена, а топонимы в художественных произведениях совсем не исследованы. В поэтических текстах песен, музыкальных и художественных произведениях сохранились содержательные по своей природе крымскотатарские макротопонимы и микротопонимы.

Географические названия являются единственными правдивыми свидетелями, которые могут предоставить много интересных фактов лингвистического, географического, исторического характера. Топонимы – это целая подсистема языка, где топообъекты представлены от крупных географических названий до самых мелких названий.

В середине и в конце XX в. научный интерес к тюркоязычной топонимии резко возрастает, следует отметить работы В. В. Струве, Л. М. Меликсет-Бека, С. Г. Кляшторного, А. П. Дульзона, В. А. Никонова, Э. М. Мурзаева [4], Г. К. Конкашпаева, Г. Ф. Саттарова и Ф. Г. Гариповой и др.

Среди работ, посвящённых непосредственно изучению топонимики Крыма, следует отметить труды А. В. Суперанской [6, 7], А. М. Меметова [3], И. Л. Белянского, И. Н. Лезиной, Х. Ф. Исхаковой, В. А. Бушакова [2] и др.

Предметом исследования стал роман «Анифе».

Целью данной статьи выступает выявление и анализ топонимов в романе «Анифе» Юсуфа Болата. Для достижения поставленной цели обозначены следующие задачи:

- выявление лексического состава топонимов в романе;
- классифицировать топонимы на макро- и микроуровнях, определить топокомпоненты.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Богатство и таинства крымскотатарского языка открываются лишь тому, кто кровно любит свой народ и чувствует духовную силу родной, крымской земли.

Для обозначения географических названий в крымскотатарском языке есть огромное количество лексики. Чтобы убедиться в этом, надо обратиться к классикам крымскотатарской литературы. Непревзойдённым мастером в области крымскотатарского языка был и остаётся крымскотатарский писатель Юсуф Болат.

Юсуф Болат родился 16 марта 1909 года в Алуште. Юсуф Болат писал в самых разных жанрах – рассказы, романы, юмористические произведения. Среди наиболее известных произведений писателя – пьесы «Той девам эте», «Арзыкьыз», романы «Анифе», «Садакьат», «Алим» и др.

Художественный мир писателя насыщен всевозможными выразительными средствами. Топонимы придают тексту особую значимость, выразительность. Богатейшая лексика классика крымскотатарской литературы Юсуфа Болатата включает великое множество географических названий. Изображая своих героев, места событий, писатель прибегает к использованию топонимов. Топонимический материал обширен: от названий государств и селений до названий мелких топообъектов. В романе перекликаются топонимы довоенного Крыма (до высылки крымских татар 1944 года), а также топонимы Узбекистана (места ссылки крымских татар).

Топонимический материал в произведениях художественной литературы имеет неоднородный характер. Классифицируя топонимы, использованные в тексте художественного произведения, большинство исследователей сходятся во мнении, выделяя три группы топонимов:

к первой группе относятся **вымышленные**, то есть созданные творческим воображением автора, топонимы. Как правило, создание таких топонимов происходит в соответствии с уже имеющимися в языке моделями;

вторую группу составляют **реальные** топонимы. В данном случае автор использует действительно существующие, не вымышленные им топонимические единицы;

топонимы третьей группы занимают **промежуточное** положение. Они представляют собой воспроизведение реальных топонимов в той или иной степени изменённом виде» [5, 3].

В ходе анализа топонимов в романе «Анифе» Ю. Болатата все географические объекты реальные, т. е. обозначают подлинные географические объекты.

Таким образом, основное назначение топонимов в романе – достоверно передавать представление о географическом пространстве, о месте событий.

В романе выявлено и проанализировано 454 топонима. Результат анализа показал удельный вес топонимов в романе. Ойконимы – 10,9%, оронимы и оронимические топокомпоненты – 13,8%, гидронимы и гидронимические топокомпоненты – 16,3%,

отдельная группа топокомпонентов – 41%. Географические названия были распределены на определённые классы:

1. **Ойконимы** (от греческого οἶκος – «обитель», ονομα – «имя») – названия населённых пунктов: городов, кишлаков, сёл и деревень. **Гурзуф, Форос, Кырым (Крым), Сибирь, Самаркандобласты (Самаркандская область), Кавказ.**

Акъяр берильгенсонъ матрослар **Кавказгъа** чыкътылар [1, 43]. – После сдачи Севастополя матросы взяли путь на Кавказ.

а) **астионимы** (из греческого ἀστικός – «городской», ονομα – «имя») – вид ойконимов, названия городов. **Акъяр (Севастополь), Москва, Кефе (Феодосия), Норильск, Карл-Хорст шеэри (город Карл-Хорст), Берлин, Керчь, Ташкент.**

Ишибиткенсонъ, директорнынъ къадыны Мансура апаны **Ташкентке** озгъарып-кетеджекмиз [1, 11]. – После работы поедем провожать в Ташкент супругу директора Манзуру-апу;

б) **комонимы** (от греческого κόμμη – «село», ονομα – «имя») – вид ойконимов, который включает все названия сельских поселений **Бештереккъышлагъы (кишлак Бештерек), Джамбайпосёлкасы (посёлок Джамбай);**

в) **хоронимы** (от др.-греч. ὄρος – «межевой знак, граница, рубеж» + ὄνομα – «имя, название») – собственное имя территории, имеющей определённые границы: историческая область, административный район или страна. **Германия, Финляндия, Румыния, Польша, Италия, Болгария, Буюк Британия (Великобритания), Узбекистан (Узбекистан), Америка Къошма Штатлары (Соединённые Штаты Америки).**

2. **Оронимы** (от греческого ορος – «гора», ονομα – «имя») – наименования гор, вершин, равнин, впадин, пещер, оврагов. **Къошкъя (гора Кошкая), Чаткъалдагълары (горы Чаткал), Тарханкутбогъазы (перешеек Тарханкут).**

Байырнынъ тек биршималькъысмыкъаплыбакъабоюныкибиузанып, эпокъары, Чаткъалдагъларынакотериле [1, 109]. – Только северная часть холма, извиваясь подобно шее черепахи, поднимается на Чаткальские горы.

В романе выявлены такие оронимические топокомпоненты: **дагъ (гора), дагъ арты (задняя сторона горы), дагътёпелери (верхняя часть горы), дагъджаплары (склоны горы), дагъэтеги (подножие горы), учурым (круча), байыр (холм, возвышенность), къыр (гора), къыр арты (задняя сторона горы), къыртёпеси, къырустю (верхняя часть горы), къырэтеклери (подножие горы), тар богъаз (узкий, горный проход, перевал, перешеек), тёпе (возвышенность), скеле (скала).**

3. **Гидронимы** (от греческого ὕδωρ – «вода», ονομα – «имя») – названия водных объектов: морей, рек, озёр, колодцев, источников, прудов, и др.

а) **потамонимы** (от греческого ποταμός – «река», ονομα – «имя») – названия рек, ручьёв: **Волга озени (Река Волга), Чырчыкъозени (речка Чирчик), Дегирмен дере (речка Дегирмен), Дон, Байкал.**

Анифе клуб артынакечип, яваш-яваш **Дегирмендереге** энди [1, 127]. – Анифе, пройдя за клуб, потихоньку спустилась к речке Дегирмен;

б) лимнонимы (от греческого λίμνή – «озеро», ονομά – «имя») – вид гидронимов, который включает в себя названия озёр, прудов, водохранилищ. **Башарыкь (арык Главный), Дегирменарыкь (арык Дегирмен).**

Онда **Чырчыкьозенининь** бир ирмагьындансув алгъан **Баш арыкь** мынабу тарбогъазданашагъыакъа [1, 110]. – Главный арыкь подпитывается ручейком, берущим воду из речки Чирчик, и протекает через узкий перешеек;

в) пелагонимы (от греческого πέλαγος – «море», ονομά – «имя») – вид гидронимов, включающий названия морей или других частей океана (залива, пролива, течения и т. д.). **Къараденьиз (Чёрное море).**

Оларялыданкирагъаелькенликъайыкълалып, гедженинъ дер вакъытынадже Къараденьизнидоланалар [1, 20]. – Они взяли с побережья в аренду лодку и катались по Чёрному морю до глубокой ночи.

В романе широко представлены гидронимические топокомпоненты: **сув (вода), озен (река), озенбашы (начало реки), тыйнакь (пруд, водоём), денъиз (море), денъизбошлукълары (островки в море), дере (река, речка, поток, ручей), деренинъ кенары (берег, край речки), дере ялысы (побережье реки, речки), арыкь (канал, арык), арыкьнынъустю (поверхность арыка), арыкьнынъагъызы (начало арыка), деренинъюкъларыбашы (исток реки), деренинъкъыргъагъы (берег, край реки, речки), чокълракь (источник, родник), ирмакь (ручей).**

Ниже приведём отдельную группу топокомпонентов, выражающих в микротопонимии физико-географические особенности территории: **сув (вода), ер (земля), топракь (почва, глина), къаратопракь (чёрная почва), орман (лес), тогъай (луг), тюземлик (равнина), айланмаёл (извилистая дорога), ташёл (каменистая дорога), кестирмеёл (укороченная дорога), азизлик ер (святое место), сазлыкь/батакълыкь (болотистое место), бадемлик (место, где произрастает миндаль), къамышлыкь (место, где изобилует камыш) и др.**

ВЫВОДЫ

Таким образом, в романе Юсуфа Болат «Анифе» выявлен весь спектр топонимических названий. В романе, безусловно, хранится ценная языковая, историческая информация. Используемые писателем макро- и микротопонимы являются реальными.

Список литературы

1. Болат Ю. Анифе : Роман / Юсуф Болат. – Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1969. – 319 с.
2. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму / В. А. Бушаков. – К.: Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського. – НАН України, 2003.
3. Меметов А. М. Происхождение крымских татар // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – Том 26 (65). – № 1, ч. 1. – 2013.
4. Мурзаев Э. М. География в названиях / Мурзаев Э. М. / М.: Наука, 1982.
5. Никольский А. А. Рязанские топонимы в художественной литературе: Материалы и комментарии. / Рязань, 2007. – 48 с.
6. Суперанская А. В. Топонимика Крыма / Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф.; Москва: Московский лицей, 1995. – 215 с.

7. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. – 182 с.

Абсемієва Л. С. Семантична роль топонімів у романі Юсуфа Болата «Анифе» / Л. С. Абсемієва // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 49–54.

У цій статті всі топоніми витягнуті з роману Юсуфа Болата «Анифе». Багатство і таїнства кримськотатарської мови відкривається лише тому, хто кровно любить свій народ і відчуває духовну силу рідної, кримської землі. Зображуючи своїх героїв, місця подій Юсуф Болат, вдається до використання топонімів. У романі топонімичний матеріал різноманітний: від назв держав та селищ до назв дрібних топооб'єктів. У романі перегукуються топоніми довоєнного Криму, а також топоніми Узбекистану. Виявлено та проаналізовано 454 топоніми. По приналежності до географічних об'єктів топоніми були згруповані на певні класи: ойконіми, ороніми, гідроніми та окрему групу топокомпонентів виражають у мікротопонімії фізико-географічні особливості території. У романі дії відбуваються в різних географічних місцях: Гурзуф, Форос, Кирим (Крим), Сибір, Самаркандобласть (Самаркандська область), Кавказ. Назви населених пунктів ойконіми (астіоніми: Ак'яр (Севастополь), Москва, Кефе (Феодосія), Норильськ, Карл-Хорст шеэри (місто Карл-Хорст), Берлін, Керч, Ташкент, комоніми: Бештереккышлагъы (кишлак Бештерек), Джамбайпоселкасы (селище Джамбай), хороніми: Німеччина, Фінляндія, Румунія, Польща, Італія, Болгарія, Буюк Британія (Великобританія), Озьбекистан (Узбекистан), Америка Къошма Штатлары (Сполучені Штати Америки) складають 10,9%, ороніми і оронімичні топокомпоненти – 13,8%. Наприклад: Къошкъяа (гора Кошкая), Чаткъалдагълары (гори Чаткал), Тарханкутбогъазы (перешийок Тарханкут); гідроніми та гідронімичні топокомпоненти – 16,3%, окрема група топокомпонентів – 41%.

Таким чином, виявили в романі Юсуфа Болата «Анифе» весь спектр топонімичних назв. У творах, безумовно, зберігається цінна мовна, історична інформація. Використовувані письменником макро- та мікротопоніми є реальними.

Ключові слова: топокомпонент, ойконіми, астіоніми, комоніми, ороніми і оронімичні топокомпоненти, гідроніми, гідронімичні топокомпоненти.

Absemieva L. S. Semantic role of toponyms in novel «Anife» of Yusuf Bolat / L. S. Absemieva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 49–54.

In poetic lyrics, musical and works of art the Crimean tatar macrotoponyms and microtoponyms, substantial by the nature, have remained. Unique place names of the Crimean peninsula live in memory of the people to this day. Geographical names are the only true witness, who can provide a lot of interesting facts about the linguistic, geographical, historical character. Toponyms are an entire subsystem of language, where they presented by major geographical names to the smallest names.

For designation of place names in the Crimeantatar language there is a huge number of lexicon. To be convinced of it, it is necessary to address classics of the Crimeantatar literature. The Crimeantatar writer Yusuf Bolat was and remains the unsurpassed master in the field of the Crimeantatar language.

Yusuf Bolat was born on March 16, 1909 in Alushta. Yusuf Bolat wrote in the most different genres: stories, novels, comic works. Among the most known works of the writer there are plays «That to Maidens These», «Arzyqyz», novels «Anife», «Sadakjat», «Alim», etc.

The art world of the writer is sated with various means of expression. Toponyms give to the text special importance, expressiveness. The richest lexicon of the classic of the Crimeantatar literature of Yusuf Bolat includes great variety of place names. Representing the heroes, places of events the writer resorts to use of toponyms. Toponymic material is extensive: from names of the states and settlements, to names of small toponyms. In the novel toponyms of the pre-war Crimea (before expulsion of the Crimeantatars of 1944), and also toponyms of Uzbekistan (the place of the reference of the Crimean Tatars) have something in common.

In this article all toponyms derived from novel «Anife» of Yusuf Bolat. Value and mystery of Crimean tatar language opens to those, who deeply loves his own nation and feels soul of his homeland. Yusuf Bolat used toponyms to describe heroes and scenes. His novel has very rich toponymic materials which include names of states, villages and even small toponymic features. Moreover, in this novel toponyms of prewar

Crimea aligned with toponyms of Uzbekistan. Identified and analyzed 454 toponyms. Toponyms have been grouped according to their relations to geographical features: oikonym, oronym, hydronym and separate group toponymic components that express in microtoponymic physiographic nature of the territory. In percentage terms, macro and micro toponyms shared in following way. Stories in the novel happen in different geographical locations: Gurzuf, Foros, Qyrym (Crimea), Siberia, Samarkand province, Caucasus. Place names oiconyms (astionyms: Aqyar (Sevastopol), Moscow, Kefe (Feodosia), Norilsk, Karl-Horst, Berlin, Kerch, Tashkent, қоронимы: Beshterekqyshlaghy (Beshterek village), Djanbayposelkasy (Djanbay village), қоронимы: Germany, Finland, Romania, Poland, Italy, Bulgaria, Great Britain, Uzbekistan, United States of America are 10,9%. Oronyms and oronymictoponymical components compose 13,8%. For an example: Qoshqaya (Koshkaya mountain), Chatqaldagly (Chatkal mountains), Tarhankutboghazy (Tarankut isthmus), hydronyms and hydronymictoponymical components – 16,3%, separate group of toponymical components – 41%. In such manner, we discovered full range of toponymical components in novel «Anife» of Yusuf Bolat. Writings store very valuable linguistic and historical information. Author used real macro and micro toponyms.

Keywords: toponymic components, oikonoms, oronyms and oronymictoponymical components, hydronyms and hydronymictoponymical components.

УДК 811.512.145»373.4

ПОДРАЖАНИЯ ЗВУКАМ ВОДЫ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аджимуратова З. Н.

*кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской
и восточной филологии Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
E-mail: lzarema@mail.ru*

Согласно теории происхождения языка слова, появились как результат подражания звукам окружающего мира, т. е. названия предметам, действиям, явлениям давались в соответствии со звуками, которые издавались этими предметами, явлениями. На протяжении многих лет русские и зарубежные лингвисты занимались вопросом о соотношении звука и значения (С. В. Воронин, А. П. Журавлев, В. фон Гумбольдт и др.) [4; 8; 11]. Ими было установлено, что звуки могут аккомпанировать смысловому содержанию стихотворения и песни, тем самым, придавая им благозвучие.

Примерами данной статьи служат подражания звукам воды, жидкостей.

Ключевые слова: звукоподражательные слова, подражания звукам воды в крымскотатарском языке.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема звукоизобразительности в крымскотатарском языке малоизученна.

Актуальностью данной работы является то, что звукоизобразительные слова не исследовались в крымскотатарском языке, их изучение остается одной из актуальных проблем крымскотатарского языкознания.

Основной **целью** работы является выявление фоносемантического этимона корневой морфемы подражания звукам воды в крымскотатарском языке.

Задача исследования – выявить фоносемантический этимон морфемы *шыр* на основе сравнительно-сопоставительного анализа данной корневой морфемы с родственными и неродственными языками.

Методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Одной из широко распространенных в период XVII–XVIII вв. была теория «Звукоподражательное (ономатопоэтическое) происхождение языка». Согласно этой теории, язык появился как результат подражания звукам окружающего мира, т. е. названия предметам, действиям, явлениям давались в соответствии со звуками, которые издавались этими предметами, явлениями.

Человек в соответствии с имеющимися у него средствами издавна пытается воспроизвести то, что существует во внешнем мире, и в той форме, в какой оно существует. При этом звукоподражания только приблизительно передают звуки окружающего мира, и в разных языках подражание звуками одному и тому же предмету,

явлению или живому существу происходит по-разному. В данной статье рассмотрим подражания различным видам состояния воды, жидкостей в крымскотатарском языке, приведём примеры из других тюркских языков.

Звукоподражания являются единицами языка и используют звуковой состав языка, поэтому они не могут быть полностью идентичными естественным звукам. Каждый язык по-своему осваивает звучания внешнего мира, и звукоподражания разных языков не совпадают друг с другом, хотя нередко обладают сходством. Количество ономастических в конкретном языке является открытым. Как правило, есть группа общепринятых и употребительных звукоподражаний, которые могут даже входить в словари. Однако помимо них в речи встречаются и другие звукоподражательные слова, образуемые по мере необходимости, когда человек сталкивается с новыми, непривычными для него звуками внешнего мира [10].

В результате сравнения подражаний звукам воды в неродственных языках (русском и финском) были сделаны следующие выводы: «после анализа данных, полученных экспериментальным путём об употреблении звукоподражаний, связанных с водой в финском и русском языках, можем констатировать следующее. Вопреки нашим ожиданиям, ответы опрашиваемых носителей финского и русского языков существенно отличались между собой. В финском языке вариация реализовалась сериями похожих звукоподражаний, в русском – в основном употреблением разных, не связанных между собой фонетически звукоподражаний, или окказионализмов. Употребление русских звукоподражательных междометий в функции сказуемого не было распространено в этом материале. Наблюдается фонетическое сходство в случае некоторых типовых ситуаций, но в основном материал подтверждает предположение, что носители разных по фонетической структуре языков не только называют, а также воспринимают звуки различным образом. Тестировалась также общечеловеческая способность к быстрому языковому реагированию в периферийной области языковой интуиции, а именно в случае нечастотных, экспрессивных слов» [3].

В крымскотатарском языке подражания звукам воды передаются в основном при помощи звуков *ш/с/ч/щ* + *р*: *шырыл-шырыл* – подр. журчанию воды, *шырылты* – «журчание, подр. звукам струящейся воды, швырканья», *шырылдамакъ* – «журчать», *шыркъылдамакъ* – «шлёпать по воде, шоркать», *шыра* – «сок», *шорба* (северный диалект – *сорпа*) – «суп», *шыр-сув* – «промокший насквозь», *чырыл-*, *чыбыр-* (северный диалект – *цыбыр-*) – звуки при жарке, *чыбыртмакъ* – «лить струйкой», *сачратмакъ* – «брызгать», *шапырмакъ* – «взбалтывать, плескать», *чагъламакъ* – «капать, шуметь (о воде), бурлить, пениться».

Подражания звукам воды также передаются при помощи морфемы *шув*: *шувулдамакъ* – «шуметь (о воде), шелестеть», *шувулты* – «шум (дождя, листьев...)».

С точки зрения звукоизобразительности, щелевой звук передаёт текучесть, протяженность действия, движения; дрожащий сонорный – продолжительный шумовой эффект.

В других тюркских языках подражательными основами данного значения являются *сор/шор*: каз. *сор* – «сосать, всасывать, высасывать, поглощать», *сорпа* – «бульон»,

сорпылда – «шумно сосать, издавать швыркающие звуки», *соргала* – «струиться, течь тонкой струей», *шорылда* – «течь с шумом, журчать, литься или течь с булькающим звуком». В киргизском языке чередование анлаутных *с* и *ш* в некоторых случаях, судя по материалам словаря К. К. Юдахина, несет смысловозначительную функцию: фрикативный *ш* чаще встречается в начале слов, обозначающих шум при сосании и течении воды. В туркменском наблюдается дальнейшее разграничение звукоизобразительной функции анлаутного согласного: при обозначении звучного сосания употребляется фрикативный, а журчания и шумного течения воды – аффриката. Сонорный щелевой *л* в татарском *шулна* («суп, бульон») является коррелятом дрожащего *р* в других тюркских языках. Анлаутная аффриката *ч* в турецком и азербайджанском *чорба* соответствует глухим фрикативным в других тюркских языках. Ср.: кирг. *шор* – подражание швыркающему звуку, шмыганию носом, *шор-шор уурта* – «с шумом втягивать в рот (жидкость)», *шоркуратып ич* – «пить, швыркая», *шарпулда* – «издавать шум, шумно втягивать воду (о пьющем верблюде)», *шоргало* – «струиться, течь струей», *шоркура* – «производить звук, подобный швырканию ртом или бульканью в только что перерезанном горле или урчанью воды в кальяне», *сор* – «сосать, высасывать», *соргак* – «обжора, прожорливый», *сормо* – «трясина», *сорук* – «впитываться»; туркм. *шорпулды* – звук, возникающий при еде или питье, *шорпулда* – «хлебать (суп, борщ)», *шок-шок* – подражание звучному сосанию, *жор-жор* – подражание журчанию воды, *жорк* – «жижа, болото», *жорла* – «течь с шумом»; як. *сэп* – подражание звуку втягивания в рот очень малого количества жидкости, *собургаа (сон)* – «шумно втягивать вытянутыми губами», *сабырраа* – «издавать звуки *сан-сан*, шумно втягивать, всасывать губами»; тув. *шорга* – «деревянная трубка для стока жидкости, желоб», *шоргала* – «пускать воду по деревянной трубке, желобу (обычно о минеральных источниках – *арша-нах*)», *шоргалан* – «стекать, вытекать тонкой струей»; тат. *шулна* – «суп, бульон»; узб. *шурва* – «суп, шурпа»; чув. *шўрне, шөрне* – «бульон, жидкий суп, похлебка», *шарка* – «течь (о ручье, струе)»; к.-калп., ногай. *сорпа*; уйг. *шо(р)ва*, кумык., карач. *шорпа*; азерб., тур. *чорба* – «суп, бульон» [24, 112].

ВЫВОДЫ

Следовательно, проведя сравнительный анализ подражательных корней и их производных в крымскотатарском и других тюркских языках, можно сделать вывод: в крымскотатарском языке, в корнях подражаний звукам воды используются звуки *ш/с/ч/щ* (щелевые звуки, передающие текучесть, протяженность действия, движения) и *-р* (дрожащий сонорный, передающий продолжительный шумовой эффект). Звуки *б/п* (символизируют смыкание губ), *к* в производных словах корня *шыр* (*шорба*, *шыркъ-*) обозначают предельность движения. Гласные звуки дифференцируются по принципу звуко-символизма: переднерядные звуки ассоциируются с «приятным», «слабым», «маленьким», заднерядные – с «неприятным», «сильным», «большим».

В других тюркских языках подражательными основами данного значения являются *сор/шор/жор*. Чередование анлаутных *с* и *ш* в некоторых случаях, по материалам словаря К. К. Юдахина, несет смысловозначительную функцию: фрикативный *ш*

чаще встречается в начале слов, обозначающих шумы при сосании и течении воды. Анлаутная аффриката *ç* соответствует глухим фрикативным в других тюркских языках. Сонорный щелевой *l* является коррелятом дрожащего *r*.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та. Общест. науки. 1925. – Том 2–3, с. 143–157; Том 4–5. – С. 75–99.181.
2. Ваапова М. Р. Методы словообразовательного анализа и словообразовательного синтеза в словообразовательной системе крымскотатарского языка // Современное общество, образование и наука. Часть 11. Тамбов, 2015. – С. 20–21.
3. Виймаранта Й., Александрова А. А., Богомолов А. С., Пасмор Е. С., Тикканен Л. «Водные» звук коподражания в финском и русском языках. Режим доступа: <file:///C:/Users/%D0%90/Desktop/Interjections%20pertaining%20to%20sounds%20of%20water%20in%20Finnish%20and%20Russian.pdf>
4. Воронин С. В. Основы фоносемантики: монография. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982 – 248 с.
5. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1977. – С. 86–112.
6. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. – М., 1959. Т. – С. 173–201.
7. Горелов И. Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: Наука, 1969. – С. 17–20.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
9. Гурджиева Е. А. Элементарный звуковой символизм (Статистическое исследование). Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1973. – 31 с.
10. Добрушина Н. Звукоподражание // Кругосвет. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZVUKOPODRAZHANIE.html
11. Журавлев А. П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 160 с.
12. Корнилов Г. Е. Теория имитативов и данные чувашских диалектов / Г. Е. Корнилов // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1977 – 1981. – № 5–9. – С. 35–39.
13. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка: Уч. пособие / Меметов А. М. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2000. – 69 с.
14. Петухова Е. В. О словообразовательной продуктивности звукоподражательных основ // Англистика в XXI веке. СПб., 2002.
15. Русско-азербайджанский словарь: В 3-х т. – 3-е изд., исправл. и дополн. / [Под ред. А. А. Оруджева] – Баку: Элм., 1976. – Т. 1. – 605 с; Т. 2. – 1979. – 719 с; Т. 3. – 1978. – 555 с.
16. Русско-казахский словарь / [Под ред. Н. Сауранбаева] – Алма-Ата.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1954. – 935 с.
17. Русско-карачаево-балкарский словарь / [Ред.: Суюнчев Х. И., Урусбиев И. Х.] – М.: Сов. Энциклопедия, 1965. – 744 с.
18. Русско-киргизский словарь / [Ред. К. К. Юдахин] – М.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1957. – 991 с.
19. Русско-татарский словарь / [Ред.: Ахунзянов Э. М., Газизов Р. С., Ганиев Ф. А. и др.] – М.: Русский язык, 1984. – 734 с.
20. Русско-турецкий словарь / [Сост.: Мустафаев Э. М., Щербин В. Г.] – М.: Сов. Энциклопедия, 1972. – 1028 с.
21. Русско-узбекский словарь: В 2-х т. / [Сост.: С. М. Халдарова, Р. Данияров, А. А. Усманова] – Ташкент: Изд-во Узбекской Советской Энциклопедии. – Т. 1. – 1983. – 808 с; Т. 2. – 1984. – 800 с.
22. Русско-уйгурский словарь / [Авт. Т. Рахимов] – М.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1956. – 1414 с.
23. Русско-якутский словарь / [Ред. П. С. Афанасьев] – М.: Сов.Энциклопедия, 1968. – 720 с.

24. Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке: Монография / К. Ш. Хусаинов – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232 с.

Аджімуратова З. Н. Наслідування звуків води в кримськотатарській мові / З. Н. Аджімуратова // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 55–60.

Згідно теорії походження мови слова з'явилися як результат наслідування звуків навколишнього світу, тобто назви предметів, дій, явищ давалися у відповідності зі звуками, які видавалися цими предметами, явищами. Прикладами даної статті служать наслідування звуків води, рідин.

У кримськотатарській мові наслідування звуків води передаються в основному за допомогою звуків *ш/з/ч/щ* (щілинні звуки, передають плинність, протяжність дії, рухи) та *-р* (тремтячий сонорний, передає тривалий шумовий ефект). Звуки *б/п* (символізують змикання губ), *кь* в похідних словах кореня *шыр* (шорба, шыркъ-) позначають граничність руху. Голосні звуки диференціюються за принципом звуко-символізму: переднерядні звуки асоціюються зі «слабким», «маленьким», заднерядні – з «сильним», «великим».

Ключові слова: звуконаслідувальні слова, наслідування звуків води в кримськотатарській мові.

Adjimuratova Z. N. Imitations of the sound of water in Crimeantatar language / Z. N. Adjimuratova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 55–60.

According to the theory of the origin of language, the words appeared as a result of imitation of the sounds of the surrounding world, i.e. the names of objects, actions, phenomena was given in accordance with the sounds that were published by these objects, phenomena. The examples in this article are the imitation of the sounds of water, liquids.

In the Crimeantatar language the imitation of the sounds of the water are transmitted mainly by means of sounds, *sh/sch/ch/s* (slot sounds that convey the fluidity, the length of the action, movement) and *-r* (trembling sonamy transmitting continuous sound effect). The sounds of *b/p* (symbolize the closing of the lips), *q* derived words root *shyr* (chorba, sharky-) denote the limit of motion. Vowel sounds differenziata on the principle the sounds of front row associated with «weak», «small», the sounds of back row associated with «strong», «big».

Formulation of the problem. The problem of sound imitation in the Crimeantatar language insufficiently studied.

Relevance of the work. Due to the fact that onomatopoeic words were not investigated in the Crimeantatar language, their study is one of the urgent problems of the Crimeantatar linguistics.

The main purpose of the work is to identify the root morpheme of phonosemantic etymon imitate the sounds of the water in the Crimeantatar language.

The research problem – to identify phonosemantic etymon morpheme *shir* based on comparative benchmarking of the root morpheme to related and unrelated languages.

Methods: descriptive, comparative benchmarking.

One of the most common in the period of XVII–XVIII centuries was the theory of «onomatopoeic origin of language». According to this theory of language emerged as a result of imitation sounds of the world, the names of objects, actions, events were given in accordance with the sounds that issued these objects, phenomena. Person in accordance with the means at its disposal has long been trying to reproduce what exists in the outside world, and in the form in which it exists. This onomatopoeia only about transmitting the sounds of the world and in different languages, imitating the sounds of the same object, phenomenon, or living entity comes in different ways. In this article we consider the various kinds of imitation water conditions, liquids in the Crimeantatar language, give examples from other Turkic languages. The Crimeantatar language emulate the sounds of water are transmitted mainly through sounds *sh/s/sch/ch + r*: *shyryl-shyryl* «implied murmur of the water», *shyrylty* «babbling, consecutive, the sound of running water», *shyryldamak* «splatter», *shyryldamak* «slap on the water», *shyra* «juice», *shorba* (northern dialect –*sorpa*) «soup», *shir-suv* «wet through and through»,

chyryl-, chybyr- (northern dialect –*schybyr-*) «sounds when frying», *chybyrtmak* «pouring stream», *sachratmak* «spritz», *shapyrmak* «shake, splash», *chaglamak* «drip, noisy (on the water), boil, froth».

Imitation of the sound of water is also transmitted by means of the morpheme *shuw*: *shuwuldamak* «noise (on the water), rustle», *shuwulty* «noise (rain, leaves ...)». From the point of view of sound imitation, crevice sound conveys the fluidity, the extent action motion; sonorous trembling – long sound effect.

Therefore, having carried out the comparative analysis of imitative roots and their derivatives in Crimeantatar and other Turkic languages, it is possible to draw a conclusion: in the Crimeantatar language, in roots of imitations sounds of water sounds *sh/s/ch/sch* (the slot-hole sounds transferring the fluidity, extent of action, movement) and – *r* are used (the shivering sonor transferring a long sound effect). Instant sounds (symbolize a closing of lips), *kh* in derivative words of a root *shyr* (*shorba, shyrkh-*) designate limitation of the movement. Vowels are differentiated by the principle of sound symbolism: sounds of forward row are associated with «pleasant», «weak», «small», sounds of back row – with «unpleasant», «strong», «big».

In other Turkic languages imitative bases of this value are a *sor/shor/zhor*. Alternation of *s* and *sh* in certain cases on materials of the dictionary of K. K. Yudakhin, bears function of various meanings: fricative *sh* meets at the beginning of the words designating noise during the sucking and a current of water more often. The affricative *h* corresponds to deaf fricative in other Turkic languages. The sonor slot-hole *l* is a correlate of the shivering *r*.

Keywords: onomatopoeic words, sound imitation of water in Crimeantatar language.

УДК 811.512.145(36)

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВНУТРИГЛАГОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ваапова М. Р.

*преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета
крымскотатарской и восточной филологии Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»*

E-mail: merem.vaapova@mail.ru

В данной статье рассмотрены способы внутриглагольного образования, проанализирована классификация структурных моделей словосложения и их характерные особенности, определяются функции компонентов сложных глаголов, а также строго обоснована словообразовательная функция их второго компонента (вспомогательного глагола). Особое внимание уделено словообразовательным возможностям вспомогательного компонента, выявлению всех его свойств и признаков.

Ключевые слова: внутриглагольное образование, структурные модели, словосложение, семантика, компоненты, вспомогательный глагол.

ВВЕДЕНИЕ

Способ внутриглагольного словообразования активно использовался в предшествующие периоды развития крымскотатарского языка, и сегодня тенденция к словосложению в современном крымскотатарском языке не ослабевает, так как оно относится к разряду активных и выразительных средств словообразования. Процесс этот чрезвычайно интересен и многоаспектен. В живой крымскотатарской речи, устной и письменной, продолжает образовываться большое количество новых сложных слов.

В тюркологии словосложение всегда было объектом пристального внимания ученых. Интерес не случаен, поскольку оно является их специфической чертой и среди многообразия словообразовательных средств аналитические (сложные) глаголы занимают значительное место.

Необходимость изучения аналитических сложений вызвана не только многочисленностью этой своеобразной группы слов, но и тем, что в них наиболее ярко выражены межуровневые связи языковых единиц, т. е. взаимодействие лексического, словообразовательного и синтаксического уровней.

Целью настоящей работы является описание некоторых существующих глагольных аналитических образований, выявление закономерностей образования их семантико-грамматических моделей.

Задачи:

- охарактеризовать способы образования аналитических глаголов,
- определить их основные семантико-грамматические типы;
- выяснить связь между компонентами.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Язык, как и все явления в мире, находится в процессе постоянного изменения. В особой мере это касается словообразования, как наиболее открытой и динамичной области в системе языка. Словообразование играет большую роль в выполнении языком важнейшей задачи – обеспечить все стороны жизни и деятельности человека новыми наименованиями. Основная масса новых единиц образуется с помощью словообразовательных средств.

Как известно, словообразование подразумевает образование слов согласно различным способам: конверсии, словосложению, суффиксации, префиксации, фонетическому словообразованию, аббревиации, звукоподражанию, лексико-семантическому словообразованию и т. д. Естественно, тяжело описать все способы словообразования в одной работе, поэтому мы остановимся на словосложении.

Слососложение – синтаксический способ словообразования, в результате которого образуются сложные и составные слова, вследствие лексикализации словосочетаний, а также по моделям словосочетаний, а также парные слова, в результате словосложения.

Глагол является во всех языках мира, в том числе и в тюркских, не исключая и крымскотатарский, одной из самых древнейших частей речи и занимает особое место и положение среди всех частей речи и по отношению к своему составу – происхождению слов и является наиболее национальной частью речи: в нём редко бывают заимствования из других языков.

Аналитические глаголы – это, с одной стороны, слова, у которых должны присутствовать все признаки слова, с другой – аналитические образования, которые возникают в результате сложения двух слов или в результате лексикализации словосочетаний. Аналитические глаголы составляют значительную часть словарного состава и, хотя являются лексической единицей со своим собственным значением, в словарях они не составляют отдельной словообразовательной статьи.

Аналитические глаголы выполняют особые функции в акте коммуникации, различны и мотивы употребления их в речи.

Аналитические глаголы составляют значительную часть словарного состава крымскотатарского языка, и все они, функционирующие как самостоятельные лексические единицы и имеющие высокую степень употребительности, могут претендовать на роль заглавных слов в словарях.

Процесс образования аналитических глаголов непосредственно связан и с изменением значения (расширением, сужением, метафорическим выражением значения) слов, основ, словообразовательных средств. При этом слово выходит за рамки обычных лексических связей с другими словами, перемещается в другой семантический план, нарушается привычный контекст его употребления, что следует рассматривать как одно из основных изменений в смысловой структуре аналитического глагола.

В классификациях сложных слов аналитические глаголы подразделяют на глаголы, образованные путем словосложения с сочинительным (парные глаголы) и комплетивным (объектным и обстоятельственным) отношением компонентов.

Внутриглагольное сложение, представляющее собой сложение двух глагольных основ, производится аналитическим путем в организованном порядке, первый компонент сложного глагола выступает в форме деепричастия, лишённого всякого значения и синтаксической функции. При организованном внутриглагольном сложении в создании основного лексического значения роль компонентов не одинакова: 1) основное значение выражается обоими компонентами на паритетных началах: *язып бер* – «написать для кого-либо» и др.; 2) основное значение выражается первым компонентом: *кычырып йибер* – «закричать» и др.; 3) основное значение выражается вторым компонентом: *алып кель* – «принести» и др. Рассмотрим наиболее употребительные модели внутриглагольного словосложения в крымскотатарском языке. Форма на *-n/-a + бер* лексикализовалась слабо, мало чем отличается по смыслу от своей производящей основы. Разница лишь в том, что в форме *-n/-ып/-ип + бер* действие, названное производящей основой, совершается для кого-либо; ср. *яз* – «писать» и *язып бер* – «написать (для кого-либо)», *окъу* – «читать» и *окъуп бер* – «прочитать (для кого-либо)», *сат* – «продать» и *сатып бер* – «продать что-либо, по чьему-либо поручению» и др. Форма *-a + бер* обозначает действие, совершающееся как бы вне зависимости от обстоятельства или повторно и употребляется только в устной речи: например: *ала бер* – «бери, не обращая внимания». Форма на *-n/-ып/-ип + бакъ* выражает совет, просьбу, пожелание, рекомендации: *ятып бакъ* – «попробуй полежать», *язып бакъ* – «попробуй написать». Форма на *-n/-ып/-ип + тур* выражает эпизодический или регулярно повторяющийся процесс: *билип тур* – «узнавать (регулярно)» обозначает «заниматься тем, что выражено производящей основой» (*окъуп тур-окъумакъ* – «читать», *язып тур-язмакъ* – «писать» и др.). Формы *-n/-ып/-ип + йибер*: *кывып йибер* – «прогнать, отогнать» и др. Эти глаголы обычно обозначают произвольное или неожиданное результативное действие, данная форма обозначает исчерпанность определенной фазы действия, а именно – внезапной интенсивной его завязки: *кулип йиберди* – «захотел», *кычырып йиберди* – «крикнул». Форма на *-n/-ып/-ип + кет-* во множестве глаголов состояния выражает внезапную интенсификацию процесса как законченного акта: *учып кетти* – «улетел», *чыкып кетти* – «вышел (внезапно)» и др. Большинство же глаголов этой формы выражает исчерпанность, необратимость действия.

Вспомогательный глагол *кет* в них не изменяет значение производящей основы, а дополняет. Ср. *кечмек* – «пройти, проехать» и *кечип кетмек* – «пройти, проехать (мимо)», *кочьмек* – «переезжать, переселяться (куда-либо)» и *кочип кетмек* – «уехать насовсем; выбыть». Форма на *-n/-ып/-ип + кьал-* выражает неожиданное проявление действия: *юкълап кьалмакъ* – «проспать». Форма на *-n/-ып/-ип + кьой-* в основном ориентирована на выражение неожиданного результативного действия: *сындырып кьоймакъ* – «сломать что-то (неожиданно)».

Парные глаголы характеризуются как сложные слова, состоящие из двух глагольных основ и имеющие семантику собирательности и обобщения. По лексическим особенностям, то есть по наличию или отсутствию самостоятельных значений у компонентов парные глаголы делятся на группы: 1) парные глаголы, оба компонента ко-

торых обладают самостоятельным значением, обычно входят в одно семантическое поле, обозначая действия, близкие по своему назначению. По отношению друг к другу они являются синонимами: *янмакъ – куймек* («гореть – поджарить»), *бильмек – сезмек* («знать – чувствовать»), *кийинип – къушанмакъ* («одеться – опоясаться»); 2) парные глаголы, у которых самостоятельным значением обладает первый компонент, второй компонент является своеобразным фонетическим отзвуком, «словом-эхом» первого компонента: *кульмек – мульмек* («смеяться», употребляется в устной речи); 3) внешне парные глаголы напоминают сочетания двух глаголов в причастной форме на *-р/-ер/-ар*, где первый компонент выступает в положительной форме, второй – в отрицательной. Сочетание глаголов подобного типа служит выражению неуверенности в совершении того или иного действия: *билер-бильмез* («знать не знаешь»); 4) повторение одного и того же глагола выражает усиление и интенсивность действия: *келе-келе* («по мере прихода»).

ВЫВОДЫ

Внутриглагольное сложение является наиболее продуктивным способом образования глаголов и производится аналитическим путем. Оно бывает организованным и неорганизованным. Первое производится по стереотипной деривационной модели, где компоненты, претерпевая частичную или полную десемантизацию, принимают в создании нового значения примерно одинаковое участие. Второе создается в индивидуальном порядке на базе уникальной лексической сочетаемости двух глагольных основ и занимает, по сравнению с организованным сложением, небольшое место. Аналитический глагол является особым феноменом в системе лексики и словообразования, представляющим интерес с различных точек зрения, активно пополняет лексический запас современного крымскотатарского языка во всех его функциональных разновидностях.

Аналитические глаголы способны в силу своих структурных и семантико-грамматических особенностей не только обозначать отдельно взятые процессы, ситуации и события, но и описывать и оценивать их, фиксировать отношение говорящего к названному явлению.

Продуктивность способа словосложения в области образования глаголов отвечает потребностям в наименовании новых сложных понятий.

Итак, словосложение в современном крымскотатарском языке является продуктивным способом образования сложных глаголов. Продуктивность способа словосложения обусловлена коммуникативными потребностями.

Список литературы

1. Аджимуратова З. Н. Синтаксическая роль звукоподражательных слов в крымскотатарском языке. – Материалы II Международной научно-практической конференции «Современные научные достижения – 2006», Том 39 «Филологические науки», 2006 г.
2. Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. М., 1982. – 150 с.
3. Ганиев Ф. А. Словообразование глаголов // Татарская грамматика. В 3-х томах. I том. – Казань, 1995.

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВНУТРИГЛАГОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

---

4. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М., 1978. – С. 35–44.
5. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Симферополь, 2003. – 228 с.
6. Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке / А. И. Моисеев. – М., 1994. – С. 19–23.
7. Ряшенцев Ю. П. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке / Ю. П. Ряшенцев. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1976. – С. 215–223.
8. Терентьев М. Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб., 1875–1876.
9. Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. – М.: Изд-во АН СССР. 1958.

Ваапова М. Р. Структурні моделі внутріглагольного утворення в кримськотатарській мові / М. Р. Ваапова // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 61–66.

У даній статті розглянуті способи внутрішньодієслівного утворення кримськотатарською мовою, проаналізовано класифікацію структурних моделей словоскладання і їх характерні особливості. Внутрішньодієслівне складання є найбільш продуктивним способом утворення дієслів і проводиться аналітичним шляхом. Воно буває організованим і неорганізованим. Перше виробляється за стереотипної дериваційної моделі, де компоненти, зазнаючи часткову або повну десемантизацію, приймають у створенні нового значення приблизно однакову участь. Друге створюється в індивідуальному порядку на базі унікальної лексичної сполучуваності двох дієслівних основ і займає порівняно з організованим складанням, невелике місце.

Ключові слова: внутрішньодієслівне утворення, структурні моделі, словоскладання, семантика, компоненти, допоміжне дієслово.

Vaapova M. R. Structural models of in verbal formation in Crimeantatar language / M. R. Vaapova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 61–66.

The way of intraverbal word formation was actively used during the previous periods of development of the Crimeantatar language, and today the tendency to a composition in modern Crimeantatar language doesn't weaken as it belongs to the category active and means of expression of word formation. This process is extremely interesting and multidimensional. In the live Crimeantatar speech, oral and written, a large number of new compound words continues to be formed.

In a Turkology the composition always was object of close attention of scientists. Interest isn't casual as it is their peculiar feature and among variety of word-formation means analytical (difficult) verbs take an important place.

The necessity of studying of analytical additions is caused not only large number of this peculiar group of words, but also the fact that in them inter-level communications of language units, i.e. interaction of lexical, word-formation and syntactic levels are most brightly expressed.

This article examines the ways of in verbal formation in the Crimeantatar language, analyzed classification of structural patterns of composition and their characteristics.

In verbal addition is the most productive way of formation of verbs and produced an analytical way. It is organized and unorganized. The first is produced by stereotypical derivational model, where components, undergoing partial or complete desemantization take in the creation of new values about the same part. Second is created individually on the basis of a unique lexical combination of two verbal bases, and is compared to a organized addition small place.

Language like all events in the world in the process of continuous change. In particular as it applies to word formation as the most open and dynamic sphere in language. System of word formation plays an important role in the implementation of the language of the most important task – to ensure all aspects of life and human activities with new names. Most of the new units is formed by means of word-building. As you know, word formation involves the formation of words according to different methods: conversion, compounding, suffixes, prefixes, phonetic word-formation, abbreviation, onomatopoeia, lexical-semantic word-building, etc. Naturally, it is difficult to describe all the ways of word formation in the same work, so we will focus

on compounding. Compounding – syntactic way of word formation, resulting in the formation complex and compound words, due to lexicalization phrases, as well as models of phrases, as well as a pair of words, as a result of compounding.

The verb is in all world languages, including Turkish, not excluding the Crimeantatar, one of the oldest parts of speech and has a special place and the position of all the parts of speech, and with respect to its composition – the origin of words and is the national part of speech: it rarely borrowing from other languages.

Analytical verbs is, on the one hand, the words that have to be present all the features of the word, on the other – analytical formations which result from the addition of two words or phrases resulting lexicalized. The classifications of compound words are divided into analytical verbs formed by compounding a coordinative (paired verbs) and complective (object and adverbial) component ratio.

Inverbal addition is the most productive way of forming verbs and made analytically. It is organized and unorganized. First performed on stereotyped derivation model, where the components undergoing partial or complete desemantization take in creating new value is approximately the same part. The second is created on an individual basis based on the unique compatibility of the two lexical verb stems and covers, as compared to the addition of organized, small place.

Keywords: inverbal formation in Crimeantatar language, structural model, compounding, semantics, components, auxiliary verb.

УДК 811.512.145.

СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Фетиева Э. О.

*старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания
факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврической национальной академии Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского*

В статье рассматриваются определительные компоненты и определительные конструкции в предложениях крымскотатарского языка. Описаны их грамматические и семантические признаки. Определения выделены с учетом признаков формы, функции и синтаксических отношений. Отмечается значимость определений в предложениях крымскотатарского языка. В крымскотатарском языке определения выражены разными частями речи и обозначают различную семантику.

Ключевые слова: синтаксис, крымскотатарский язык, определение, определительные конструкции, семантика, предложение.

ВВЕДЕНИЕ

В предложениях крымскотатарского языка определение связано с определяемым словом, которое выполняет синтаксическую функцию подлежащего, дополнения и именного сказуемого. Определение, находясь в препозиции к определяемому слову, образует с ним едино-целый определительный компонент и определительную конструкцию. «При выделении членов предложения в тюркских языках опираются не только на формальный, но и на семантический признак» [5, с. 43]. С точки зрения семантического подхода к анализу компонентов предложений, определения как составная часть конструкций крымскотатарского предложения не анализировались, их обязательность и необязательность как компонента предложения представляют интерес к изучению, и поэтому возникает необходимость охарактеризовать их семантику, определить их место в системе синтаксиса крымскотатарского языка.

Из этого вытекает актуальность данной работы.

Изучению семантики предложений посвящен ряд работ таких ученых, как: Е. В. Падучева [14], А. С. Сафаев [15], М. В. Никитин [11], Т. Б. Алисова [2], И. П. Сусов [18], Н. Д. Арутюнова [4], И. Х. Ахматов [5], и других. Синтаксису крымскотатарского языка посвящены работы Л. С. Селендили (Оказ) [12, 13, 16].

Объектом нашей работы являются предложения крымскотатарского языка с определительными компонентами и конструкциями, выбранные из художественной литературы.

Предметом исследования являются грамматические и семантические особенности определений и их выражение в предложениях крымскотатарского языка.

Целью работы является описание структуры и семантических особенностей определений в предложениях крымскотатарского языка, **задача** – охарактеризовать грамматические и семантические признаки определительных конструкций.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

«Определение относится исключительно к определяемому слову, составляя вместе с ним единый конструктивный член предложения, единое и неразрывное смысловое целое, поэтому определение имеет строго фиксированное место в предложении, в позиции перед тем членом предложения, к которому оно относится» [6, с. 116]. В предложениях крымскотатарского языка определение, находясь в препозиции к определяемому слову, обозначает признак и качество предмета или же определяет члены предложения по какой-либо особенности. По Э. С. Акмоллаеву, определение, находясь в предложении перед существительным, к которому оно относится, определяет признак, цвет, количественные признаки и признак принадлежности предмета [1].

Къарысыны къувандырмакъ ичюн, онъа **мор, сары, къырмызы тюсте, энъ дюдъбер, къокъулы** чечеклер алып азырлады (И. П.).

Основными формальными средствами выражения определительных конструкций в предложениях в крымскотатарском языке являются прилагательные с аффиксами *-лы, -ли, -лу, -лю; -чакъ, -чек; -гир, -кир* и другими, существительные в основном и родительных падежах, существительные с субстантивированными послелогоми, числительные, местоимения, причастия с аффиксами *-гъан, -къан, -ген, -кен* и другими. Детальному изучению частей речи, их грамматическим и семантическим признакам в крымскотатарском языке посвящены работы А. М. Меметова [8, 10].

В большинстве своем в крымскотатарском языке определение выражается прилагательным, так как прилагательное обозначает сам признак, но также определение может выражаться существительным в основном и родительном падежах. Но чтобы существительное выполняло роль определения, ему надо поменять свое предметное значение на значение признака, таким образом между существительным и определяемым словом посредством отношения «признак – предмет» возникает определительная связь.

Мунасебетлерининъ бир йыллыгъына Асиеге **алтын** саат багъышлагъан (Р. А.).

Существительное **алтын** в роли определения обозначает материал, из которого сделано определяемое слово, указывая на признак по происхождению.

Атешнинъ шавлелеринде онынъ юзю бакъыр тюсте олып корюне (А. О.).

Существительное **атешнинъ** в данном предложении выполняет синтаксическую функцию лично-притяжательного определения. В крымскотатарском языке определения делятся на два вида – определительные и лично-притяжательные [1].

Йыргыкъ булутлар арасындан джилъпилъдеген акъчилъ йылдызлар ел-излерини айдынлатмакъ кучюнден аджиз эдилер (Ю. Б.).

В крымскотатарском предложении между определением и определяемым словом, как уже отмечалось выше, связь определительная. «Это связь как бы заранее данная, готовая. Для нее характерно то, что она образует такие сочетания, которые в предложении выступают как цельные единицы, как цельные комплексы, включаемые в предложение в собранном, готовом виде» [17, с. 174].

Даа деми эвлерине къайтмакъны арзлагъан Алимнинъ козьлерине къайтадан Саранынъ къыяфети корюнди (Ю. Б.).

Кунешнинь тек алтын таракълары уфукътан чыкъмагъа башлагъан эдилер (Дж. С.).

По своим семантическим признакам определение выражает качественную характеристику предмета, внешний вид, положение в пространстве; по своим функциональным признакам определение поясняет определяемое слово и является вспомогательным компонентом при нём. Но хотя и функция определений является вспомогательной, «опущение определений может привести к изменению смысла предложения, а иногда даже к образованию ложных суждений» [5, с. 64].

Коллективнен оладжакъ биринджи корюшювге саба ишке бир саат эвель кельди (Дж. С.).

Агъалары арасындаки къавгъанынь башлагъанына бир къач ай олса да, о токъятагъаны екъ, вакъыт-вакъыт эп къозгъала (И. П.).

Если в данных предложениях опустить определения, то, конечно же, смысл предложения изменится и предложение будет неполноценным в смысловом значении. «Определение в структуре предложения занимает особое место... Но нельзя определение исключать из ряда других членов предложения, делая его придатком» [15, с. 29]. В предложениях крымскотатарского языка определение, поясняя признаки других членов предложения, выполняет тем самым функции распространителя, что немаловажно.

Учитывая грамматическое выражение определений в предложении, мы выделили некоторые их виды по семантическим признакам.

Определения, обозначающие склонность к чему-либо или постоянное проявление характера человека. Эти определения выражаются качественными прилагательными, прилагательными с аффиксами *-лы, -ли, -лу, -лю; -чакъ, -чек; -кир, -гир, -къыр*; причастиями с аффиксами *-гъан, -ган, -къан, -кен* и поясняют, конкретизируют определяемое слово.

Къуветли, ирадели адам акъарет-ифтирадан шашмалай (Р. А.).

Амма, о, **низам-къайдени кутькен, урьмет эткен, бунынь устуне утанчакъ** адам, шунынь ичюн сеске тараф айланды ве алчачыкъ бойлу, лякин гузель бичимли яш къадынчыкънен юзь-юзьге кельди (Р. А.).

Сара **пек лафазан** бир къыз экен (Ю. Б.).

Шу арада о, **бу чалышмагъа севмеген, макътанчакъ** огъланни таныды да, ве сокъакънынь башкъа тарафына бурулды (И. П.).

Халиль **сыныфнынь гузель, чалышкъыр, низамлы** талебелеринден бири эди (Дж. С.).

Онынь бабасы-икметли, адалетли, алтын адам ве шимди оларнынь башына бекленмеден келип тюшкен мусибетнинь огюни ялынъыз о, ала биледжек ве эм алыр да (А. О.).

Определения, указывающие на место с оттенком принадлежности. Такого рода определения выражаются существительными в исходном и родительном падежах с субстантивированным послелогом в местном падеже с аффиксом *-ки*; местоимением в родительном падеже с субстантивированным послелогом в местном падеже с аффиксом *-ки*; существительными в местном падеже с аффиксом *-ки* с ме-

стоимением в родительном падеже; существительным в местном падеже с аффиксом *-ки* с существительным в родительном падеже. В распространенных определениях главное может выражаться вышеназванными грамматическими признаками, к которому, в свою очередь, присоединяются остальные компоненты.

Онынъ янындаки къыз корюнмей (Р. А.).

Мен оданынъ ичини козьден кечиргенде, дикъкъатым **дивар тюрбюндеки** кроватка тышти (Р. М.).

Адамнынъ элиндеки атом къувети исе, учъ яшындаки баланынъ элине тесаду-фен тышкен акъикъый пыштав киби корюне (Р. А.).

Олар азбаргъа киргенлеринен, **пычма ташлардан къалангъан бир къатлы сары кирамет бинанынъ сачакъларындаки** гогерджинлер, къанатларыны шапылдатып, кокке авелендилер (Ю. Б.).

Онынъ богъчасындаки татлы-шырын мейваны, бакълаваларны къолум-къомшу балаларына бахшыш этип берирсингъыз (Ю. Б.).

Определения, указывающие на внешний вид. Эти определения выражаются прилагательными с аффиксами *-лы, -ли, -лу, -лю*, причастиями и причастными оборотами, поясняя определяемое слово.

Анда кирпи киби томарланып, **ипрангъан джуббели, ал фесли, ялынаякъ бир адам ятмакъта эди** (Ю. Б.).

Онынъ алдында, кенъ маса башында, **элли яшларында, орта бойлу, сачлары агъарып башлагън, безз бетли, ири козьлю** къадын отура (Э. У.).

Аллы-гуллю кольмеклер, къырмызы ве мавы тюсте штанлар кийген эки яш, кенъ балакъларынен босагъаны сипирип, судьянынъ одасына кирдилер (Р. А.).

Онынъ къаршысында **узун бойлу, къара перчемли, къаверенкли костюмли** яш кельмекте эди (Ю. Б.).

Определения, указывающие на место. Такие определения выражаются прилагательными, обозначающими отношение к месту с аффиксами *-ги, -ки, -даки, -деки*.

Этраф ерлерни, къарт-къурт адамларны карандашларнен, **къутучыкълардаки** бояларнен къагъыткъа кочюре (Ю. Б.).

Атта **коктеки** йылызлар биле эсленмей эдилер (Ю. Б.).

Рустем **чанакътаки** шейни яваш-яваш иче башлады, ичкенде ичине-багъырына сыджакълыкъ кирди (Э. У.).

Сокъакътаки адамлар эеджанлы лакъырды этмектелер (Р. М.).

Определения, обозначающие количественно-обобщенность. Эти определения выражаются местоимениями.

Бутюн булар оны дефаларджа тышонджеге далдыра (Р. А.).

Эр ер тазе ешилликке комюльген (Э. У.).

Апансыздан пейда олгъан гурюльти **эписининъ** назарыны джелъп этти (Э. У.).

Определения, обозначающие положение счета с признаком принадлежности. Такие определения выражаются числительными с существительным в родительном падеже, числительным с местоимением в родительном падеже, характеризуют определяемое слово по его положению при счете.

Концертнинь биринджи кьысмы битти (Р. А.).

Шунунь ичюн **омюримнинь биринджи** иш кунюни нефтьчиликтен башламакъ кьарарына кельдим (Ю. Б.).

Оларнынь учюнджи кандидатларыны Тайгъакънынь озю косьтерди (Р. А.).

Тарихнинь энъ кьанлы саифелери оны **отузынджи йылларнынь** аджнынкълы куньлерине кьайтарды (И. П.).

Определения, обозначающие неопределенное отношение. Такие определения выражаются местоимениями. Для усиления признака неопределенности употребляется слово *бир*.

Лакъырды эснасында оларгъа **бир кьач** яш нефтьчи даа келип кьошулды (Ю. Б.).

Тамам бу арада ер тюбюнден **насылдыр бир** гурюльтилер эшитилди (Ю. Б.).

Онъа **насылдыр** таныш чизгилер корюнген киби олды, о кьадынны кьайда корьгенини бирден хатырлап оламады (С. С.).

Мен оны корьмейим,лякин сезем, онынъ **насылдыр бир** баарь тазелигини сезем (Э. У.).

Определения, обозначающие определенный отрезок времени. Эти определения выражаются числительным в сочетании с нумеративным словом и указывают на отрезок времени при реальной ситуации, составляющий часть момента показателя времени.

Конферансье **он беш дакъкъалыкъ** тенефюс элян этти (Р. А.).

Сизнен окъугъан вакъытта, **алты айлыкъ** юкюмден зар-зорнен кьуртулгъан эдим (Р. М.).

Хатырладым, **бир йыллыкъ** яшайышым бу уджсыз-буджакъсыз челлерде кечкен (Р. А.).

Бундан эки ай эвельси **дерт йыллыкъ** дженк мешакъатларыны сагъ-селямет баштан кечирген (Ю. Б.).

Определения, обозначающие ослабленное качество. Такие определения выражаются в основном прилагательными.

Къара мешинден тикильген **уфачыкъ** чантасы омузына асылы (Р. А.).

Къолда олгъан **эски-пуски** кягъытларны топлармыз (Ю. Б.).

Эсли-башлы адамны де анда, де мында чаптырды, энъ агъыр ишлерни япмагъа меджбур этти (И. П.).

Онынъ **кичкене** эллери, индже-узун пармакълары кьансыз эдилер (Ю. Б.).

Оны кимерде **уфакъ-тюфек** озенчиклер ярып кечелер, ешилликлер ичинде кьашкьырлар пусып яталар (Р. А.).

Определения, указывающие на оттенок времени. Такие определения выражаются прилагательными, обозначающими отношение ко времени, поясняя временное отношение определяемого слова.

Онынъ сезлеринде **бир вакъыттаки** самимийлик кольгеси биле екъ эди (Э. У.).

Бугуньки ишни, ярынгъа кьалдырма (Ат. с.).

Онынъ бутюн тюшонджелери Джафернен багълы эди, **акъшамдаки** сезлерини ич унутмайджакъ (Р. А.).

Определения, обозначающие состояние. Эти определения выражаются причастиями на *-гъан, -ген, -къан, -кен*.

Даа деми аякъ излеринен чанакълашкъан ерлер кене къаргъа толып, тегизленип къалдылар (Ю. Б.).

Энь огден бойнуна къайыш кечирильген, бели букюльген, къушагъынадже чыплакъ Алим кельмекте (Ю. Б.).

Ель даа зияде увулдай, онынъ увуладамасындан къачкъан ягъмур ве курпечиклер пенджерелерге шыпырына, гуя якъынлашкъан фелякеттен хабер бермек истер киби, пенджерелерни къакъалар (Дж. С.).

Бу эвчикнинъ кунеште къуракъшыгъан ве бир къач ерден чатлагъан джарты тахта къапусы яз ве къыш ачыкъ тура эди (Ю. Б.).

Как видно из вышеприведенных примеров, определения в предложениях крымскотатарского языка по своей структуре делятся на простые и распространенные или сложные. Компоненты распространенных определений создают единую определительную конструкцию, где дополняют, уточняют и поясняют друг друга семантически.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно сделать следующие выводы: определение в предложениях крымскотатарского языка значимо для раскрытия функции и семантики предложения, являясь в препозиции к определяемому слову, поясняет его признаки. Проанализировав грамматические и семантические признаки определительных конструкций, можно сказать, что определения в предложениях крымскотатарского языка указывают на различные семантические оттенки и в работе охарактеризованы далеко не все особенности.

Список литературы

1. Акъмоллаев Э. С. Кырымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис: Учебное пособие / Э. С. Акъмоллаев. – Ташкент: Укъитувчи, 1989. – 160 с.
2. Алисова Т. Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений. / Т. Б. Алисова // ВЯ, 1970. – № 2. – С. 186–189.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. / Н. Д. Арутюнова. – М.: «Наука», 1976. – 246 с.
5. Ахматов И. Х. Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках: Статьи / Предисл. М. З. Улакова и М. Б. Кетенчиева; послесл. М. З. Закиева. / И. Х. Ахматов. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 280 с. – ISBN 5-7680-2087-X.
6. Баскаков Н. А. Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке / Н. А. Баскаков // Вопросы составления описательных грамматик. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 111–121.
7. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. / М. З. Закиев. – Казань: Изд-во Казан. унта, 1961. – 286 с.
8. Меметов А. М. Земаневий кырымтатар тили. / А. М. Меметов. – Симферополь: Кырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2006. – 320 с. – Кырымтатар тилинде. – ISBN 966-3540-25-7.
9. Меметов А. М. Кырымтатар тили. 10–11 сыныф ичюн дерслик. / А. М. Меметов. – Симферополь: Кырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2004. – 216 с. – Кырымтатар тилинде. – ISBN 966-8025-50-4.

СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

10. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка: учебное пособие. / А. М. Меметов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 288 с. – ISBN 966-7283-62-3.
11. Никитин М. В. Основы учения о второстепенных членах предложения. Исследования по семантике. Семантический аспект синтаксиса / М. В. Никитин // Межвузовский научный сборник, – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1985. – С. 102–108.
12. Оказ Л. С. Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка. Сложное предложение. Учебное пособие. – Симферополь: Инф.-изд. Отдел ТНУ, 2002. – 120 с.
13. Оказ Л. С. Функциональные особенности конструкторов крымскотатарского предложения / Л. С. Оказ // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». – 2005. – Т. 18 (57). – № 3. – С. 25–31.
14. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1974. – 292 с.
15. Сафаев А. С. Семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке / А. С. Сафаев. – Ташкент: ФАН, 1977. – 142 с.
16. Селендили Л. С. Микросинтаксис крымскотатарского языка (формальный и прикладной аспекты). – Симферополь: ДИАЙПИ, 2012. – 348 с.
17. Смирнитский И. А. Синтаксис английского языка. / И. А. Смирнитский. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 286 с.
18. Сусов И. П. Вопросы лингвистической семантики. / И. П. Сусов. – Тула, 1975. – 128 с.

Художественная литература

19. Али Р. Бурульшта. Роман. – Т.: Эдебият ве санат нешрияты, 1989. – 304 с.
20. Болат Ю. Анифе: роман. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1969. – 320 с.
21. Болат Ю. Омюр эзгилери: Икяелер ве пьесалар. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1984. – 256 с.
22. Къырымтатарларнынъ аталар сезлери / Пословицы и поговорки крымских татар. / Составитель и автор предисл. проф. Р. И. Музафаров. – Симферополь: Тарпан, 2007. – 143 с. – ISBN 5-7780240-8.
23. Муедин Р. Ана къайгысы. Икяелер. – Акъмесджит: Таврия нешрияты, 1996. – 208 с.
24. Осман А. Тутушув: Повестьлер. Икяелер. – Т.: Эдебият весанъат нешрияты, 1988. – 400 с.
25. Паши И. Джанлы нишан: Роман, повесть. – Симферополь: Таврия нешрияты, 1998. – 208 с.
26. Паши И. Йылдызлы геджелер: Повестьлер. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1978. – 180 с.
27. Сеутова С. Алем мас мавы: Икяелер ве повестьлер. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1989. – 200 с.
28. Умеров Э. Эки атеш арасында. Икяелер ве пьеса. – Т.: Эдебият ве санат нешрияты, 1975. – 114 с.
29. Ю. Аким, Дж. Сарычев, Р. Алиев. Таныш эзгилер. Икяелер. – Т.: Эдебият ве санат нешрияты, 1976. – 120 с.

Фетієва Є. О. Семантика і способи вираження визначень в пропозиціях крымськотатарської мови / Є. О. Фетієва // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 67–74.

У статті розглядаються визначальні компоненти та визначальні конструкції в пропозиціях крымськотатарської мови. Описані їх граматичні та семантичні ознаки. Визначення виділені з урахуванням ознак форми, функції і синтаксичних відносин. Відзначається значимість визначень в пропозиціях крымськотатарської мови. У крымськотатарській мові визначення виражені різними частинами мови і позначають різну семантику.

Ключові слова: синтаксис, крымськотатарська мова, вираження, визначальні конструкції, семантика, пропозиція.

Fetieva E. O. Semantics and ways of expressing attributes in Crimean Tatar language / E. O. Fetieva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 67–74.

This article studies the components of attributes and attributive constructions in sentences in Crimean Tatar language. Their grammatical and semantic features are also presented in this paper. Attributes were accentuated based on signs of the shape, function and syntactic relationship. The importance of the attributes in Crimean Tatar language sentences is also noted in this article. Attributes can be denominated by various parts of speech and express different semantics in Crimean Tatar language. According to its semantics the attribute expresses qualitative characteristics, appearance, position in place, and according to its functional characteristics attribute explains the defined word and appears to be its auxiliary component. In Crimean Tatar sentences the attribute, which is in preposition to attributive word denotes the characteristics and quality of the object, or determines the parts of the sentence by some particularities. Primal formative ways of expressing attributive constructions in Crimean Tatar sentences are attributes with affixes *-ly, li, -lu, -lyu; -chak, -chek; -gir, -kir* and etc., nouns in nominative and genitive cases, adnoun, numerals, pronouns, participles affixes *-gan, -kan, -gen, -ken* and etc. In Crimean Tatar sentences the attributes are related to the defining word, which serves as syntactic function of the subject, object and nominal predicate. The attribute, placed at the preposition to the defined word, form together a complete attributive component and attributive construction. The attributes by their structure are divided into simple and common or complex in Crimean Tatar sentences. Components of common attributes create a single attributive construction, which complement, clarify and explain each other semantically. The attributes are significant for interpreting the function and semantics of the sentence and explains its features, while being in preposition to the defined word. After analysing the grammatical and semantic features of attributive constructions, it's clear that the attributes in Crimean Tatar sentences indicate different semantic nuances, and it's impossible to fit all the features in this article.

Keywords: syntax, Crimean Tatar language, attribute, semantics, attributive constructions, sentences.

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШИХ ТЮРКОВ ЧЕРНОМОРСКОГО АРЕАЛА

Закиев М. З.

*академик Академии наук Республики Татарстан, г. Казань,
Российская Федерация. Email: m.z.zakiev@mail.ru*

В докладе речь идет о несостоятельности европоцентристской точки зрения о времени появления первых тюрков на Алтае якобы лишь в начале нашей эры и о переселении их в Европу лишь в период «великого переселения народов» в IV–VII вв. нашей эры. В действительности тюрки Черноморского ареала жили вперемежку с другими этносами еще задолго до нашей эры.

Ключевые слова: европоцентризм, тюрки на Алтае и в Европе, великое переселение народов, древние лингвистические следы.

Некоторые историки считают, что тюрки пришли на европейскую территорию как гунны только в VI – VII вв. нашей эры. До этого, особенно в древности, в Европе тюрков не было вообще. Посмотрим, что по этому поводу пишут европоцентристски настроенные историки Я. А. Федоров и Г. С. Федоров. В своей книге «Ранние тюрки на Северном Кавказе. Историко-этнографические очерки» (М., 1978) они пишут: «До вторжения гуннских полчищ в степных пространствах Северного Причерноморья и в Прикаспии, в Среднем и Нижнем Поволжье и в степях Северного Кавказа безраздельно господствовали индоевропейцы... звучала иранская речь» и продолжают, что «движение тюркоязычных племен, втянутых в гуннское наступление на Запад, частичное оседание их в степях, создание в VI в. Тюркского, а в VII в. Хазарского каганатов положили конец сарматскому, т. е. иранскому господству. Тюркская речь вытеснила иранскую и распространилась не только в степях Азовско-Каспийского междуморья, но и на Кавказе вплоть до самых предгорий» [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978, с. 6–7]. В настоящее время доказано, что сарматы были не ираноязычными, а тюркоязычными.

Основной причиной возникновения европоцентризма С. Н. Артановский считает тот факт, что «возникнув в тесных границах феодальной Европы, он получил рас-

пространение тогда, когда европейские народы, опередив остальное человечество по своему научно-техническому уровню, вышли на авансцену мирового прогресса» [Артаковский С. Н., 1967, 19]. В гуманитарной сфере европоцентризм сформировался в процессе изучения проблем истории и современного состояния европейских, если шире – индоевропейских народов.

Европоцентристы в решении исторических вопросов исходят прежде всего из интересов европейцев и индоевропейцев, стремятся доказать, что Европа с самого начала принадлежала только европейцам, что во многих плодородных регионах Азии первоначально жили исключительно индоевропейцы, а другие – неиндоевропейские народы – пришли на свои современные территории значительно позже, в большинстве случаев как дикие кочевники, как завоеватели.

Европоцентристская историческая наука к этим диким кочевникам относит и тюрков. Она изображает тюрков только как диких воинственных кочевников, осуществлявших регулярные опустошительные набеги на оседло-земледельческие мирные народы.

Беспорным является тот факт, что если бы тюрки были «дикими» кочевниками, то у них не существовало бы развитой рунической письменности не с VII века н. э., как мы привыкли слышать, а со второго тысячелетия до н. э., не было бы совершенного «звериного стиля» в изобразительном искусстве, они не смогли бы создать систему арыков для орошения бахчевых и земледельческих культур. И лингвистические исследования доказывают, что тюрки располагали целой системой тюркской терминологии по земледелию, скотоводству, ремесленным навыкам, металлургии, торговле и т. д. Тюрки-шумеры создали письменную цивилизацию и государство ещё в IV тысячелетии до н. э.

Европоцентристская тюркология ошибочно считает, что тюрки являются самыми молодыми, неопытными народами, что они сформировались на Алтае лишь в V–VI вв. н. э. из остатков хуннских племён и оттуда распространились по Евразии.

Выводы европоцентристской исторической науки не подтверждаются этимологическими исследованиями древнейших топонимов Кавказа. В данной статье мы решили рассмотреть тюркскую этимологию некоторых древнейших топонимов этого региона.

1. Итак, начнем с этимологии топонима *Кавказ*.

В «Большой советской энциклопедии» написано, что происхождение слова *Кавказ* точно не установлено, возможно, оно связано с хеттским «каз-каз» – название народа, жившего на южном берегу Черного моря. Впервые встречается у древнегреческого драматурга Эсхила в трагедии «Прикованный Прометей» [Гвоздецкий Н. А., 1973, с. 113].

Кавказ – это явно тюркское слово, состоит из двух тюркских корней: *кыу/кау/кав* – ‘белый’, *каз/кас* – ‘скала, скалистые горы’, его тюркский синоним – *кыя*. *Кас/кас* – от слова *кэс/кис* ‘резать’, *кыя* – также от корня *кый* ‘резать’: *кыу/кав+кас* ‘белые скалистые горы’.

Скифы *Кавказ* называли как *краукас* [Пьянков И. В., 1997, с. 56]. *Крау* – ‘снег, изморозь’. *Краукас* – ‘снежные скалы’. Этот же автор И. В. Пьянков в своей книге «Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ», локализуя географические объекты, отмечает, что современный Кавказ и вся цепь гор, тянущихся от него на восток вплоть до Гималаев, называли словом *Кавказ*, т. е. по-тюркски ‘белыми скалистыми горами’. В тех случаях, когда надо было отличить настоящий Кавказ от восточного Кавказа, т. е. от Гиндукуша и Гималаев, первый называли *Скифским*, второй – *Индийским* или просто Индийскими горами [Пьянков И. В., 1997, С. 283].

2. Тюркская этимология слова *понты/понт* – древнейшего названия Черного моря.

А. М. Муромцев в статье, посвященной Черному морю, которая помещена в 29-м томе «Большой советской энциклопедии» [1978, с. 98] пишет, что относительно происхождения современного названия «Черное море» нет единого мнения. Греческие мореплаватели в V в. до н. э. называли Черное море *Понт Аксинский*, что означает «негостеприимное море», а в начале нашей эры – *Понт Эвксинский* – «гостеприимное море». Возникает вопрос: почему сначала называли негостеприимным, и почему затем гостеприимным. Такое мнение было высказано переводчиком и составителем примечаний к книге Геродота «История в девяти книгах» Г. А. Стратановским. Книга Геродота издана на русском языке в Ленинграде в 1972 г. Тогда все древние слова ученые пытались отнести к иранской лексике. В своем примечании Г. А. Стратановский в скобках заявляет, что по-персидски «ахшайна» – черный. Автор примечаний, по-видимому, полагал, что «черный» означает «негостеприимный», поэтому решил, что персы сначала называли Черное море негостеприимным (?), лишь потом якобы его начали называть гостеприимным. Ясно, что здесь нет никакой логики, нет попытки объяснения, почему слово *негостеприимный* позже было понято своим антонимом – *гостеприимным*.

А. М. Муромцев пытается объяснить, почему Черное море понималось как негостеприимное: по-славянски «черное» – суровое, штормовое; другое иранское название – *Ахшайна* (Темное море), что означает «суровое море». Если бы автор исходил из тюркского значения *кара* – *черный*, то высказал бы мнение, что Черное море называлось *черным* именно потому, что оно очень богатое, скажем, продуктами питания. Ведь в тюркских языках *кара* применяется со словом *бай* ‘богатый’ в смысле ‘очень богатый’ – *карабай*.

Древнее название Черного моря – *Понты/Понт*. Первая часть этого слова восходит к тюркскому *бун/пун* ‘суп, пища, еда’, вторая часть *-ты* – это аффикс обладания, в современных тюркских языках он имеет формы *-ты/-ды/-лы/-ле*. *Понты* – богатый пищей. Греки перевели тюркское слово *пунды/понты* ‘гостеприимный’, т. е. *богатое едой*.

3. Этимология слова *каппадок* (Каппадокия).

Слово *понт* ‘богатое едой’ в древности применялось весьма активно. Мы знаем, что Понтийскими назывались Северо-Анатолийские горы, т. е. горная система на севере Турции. Эти горы протягиваются вдоль побережья Черного моря, включают в себя Западно-Понтийские горы, горы Джаник и Восточно-Понтийские горы. В Малой Азии еще до нашей эры возникло Понтийское царство, основным населением были каппадокийцы, которых относят к хеттоязычным племенам. Как известно, хетты были тюркоязычными, они среди турков сохранились до наших дней как *Hetit/Heti/Eti*.

Топоним *Каппадок*, возможно, состоит из двух тюркских корней: *кана* ‘покрышка/крышка’ и плюс *док* – вариант этнонима *сак/дак*. Не намек ли это на то, что каппадокийцы жили в подземных домах (в подземном городе)?

4. Этимология слова *парды/parthe* (русск. *parfi/парфяне*).

Во всех русских, восточных и западных источниках слово *парды/парфы* рассматривается как иранский этноним и топоним. В исторических источниках, особенно в книге Малькольма Колледжа «Парфяне. Последователи пророка Заратустры» о *пардах/парфах* упоминается как о воинственных, заносчивых и лживых варварах со странными обычаями.

Автор, используя данные археологических раскопок и научных исследований, приводит обширные, ранее неизвестные сведения, которые трудно найти в других источниках. Естественно, М. Колледж при изучении Парфянского государства полностью исходит из постулатов европоцентризма, рассматривающего Европу и основные территории Азии как родину только индоевропейских народов. Возможности присутствия в этих древних регионах тюрков автор не мог даже допустить. Поэтому парфян он представляет только как иранский народ и все особенности парфян пытается идентифицировать с иранцами. Между тем в последние годы доказано, что парфяне были тюркоязычным народом.

Этноним *парды/барлы* (турец. *varlı*) ‘богатые’ и соответственно топоним *Барды/Парды* в официальных русских источниках представлен как *Парфы/Парфяне*, язык которых якобы принадлежал к северо-западной подгруппе иранских языков, был близок к древним мидийским диалектам.

По нашему мнению, *Парфы/Парды* и мидийцы были тюркоязычными. Поэтому *Парды [Parthians]* изучается нами как тюркское слово, также и этноним *парды* топоним *Парды* считаются тюркскими.

В русском языке [th] в заимствованиях принимается буквой [ф], поэтому *парды / parthians* пишется и читается как *парфы*.

Создание Парфянского государства как русские историки, так и Малькольм Колледж связывают с возвышением (по их терминологии, с приходом, откуда – не общается) племен *парны*, т. е. тех же *парфян*. Ведь по-тюркски *парны* и *парды* – одно и то же слово, образованное на основе корня *пар/бар* ‘имеется’ при помощи обладательного аффикса *-ды/-ны/-лы/-зы/-сы*: турецкое *varlı* ‘богатый’, *барды/парды*

‘богатый’ и его диалектные варианты *парзы/парсы, парны/барны* в том же значении. Парны во всех источниках считаются сакскими. *Саки* – это тюрки.

Парфянское царство возникло в III в. до н. э. на юге и юго-востоке Каспийского моря. Своей власти оно подчинило обширные области от Месопотамии до границ Индии. Около 250 г. до н. э. сакское кочевое племя *парнов*, т. е. дахов, во главе с Аршаком – родоначальником династии Аршакидов – вторглось в сатрапию Селевкидов Парфиену, или Парфию, незадолго до этого отпавшую от них. Парны завоевали ее территорию. Однако, Парфия вскоре восстановила свою самостоятельность, парны были ассимилированы [Кошеленко Г. А., 1975, с. 255–256]. Тюркоязычность *парфян (парды)* подтверждается кроме того тем, что у близкородственных парнов предводителем был Аршак, который по-тюркски этимологизируется как *ар/ир* ‘человек’, *шак* ‘удивительный’ (ср. *шак кату* ‘удивляться’), в целом – ‘мужчина удивительный’.

Парды были расселены и в Урало-Поволжье. Они и сегодня под названием *барды* живут на левом берегу Камы в Пермском крае.

С самого начала изучения парфянский язык был отнесен к индоевропейской группе, поэтому обнаруженные в 1948 году в городище Новая Ниса в Туркмении надписи были отнесены к иранскому языку. В ходе изучения города Нисы было найдено много надписей. Их пытались читать и на семитском, и на иранском языках. И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц попытались расшифровать их на основе иранского языка и по итогам «чтения» написали книгу «Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы» [М. 1960]. Авторы этой книги даже не подозревали, что парфянские надписи надо было попытаться прочесть на основе тюркского языка. Если бы ученые, впервые приступившие к изучению этих надписей, имели представление о тюркоязычности *парды/парфян*, то они давно достигли бы существенных успехов.

Молодым тюркологам необходимо заниматься расшифровкой как парфянских надписей, так и авестийских текстов на основе тюркского языка, возраст которого датируется с XXX–XX тысячелетий до н. э.

5. Этимология топонимов *Керчь, Пантикапей и Фанагория*.

В скифский период в языке тюрков Причерноморья активно использовались топонимы *Керчь, Пантикапей и Фанагория*.

Топоним *Керчь* – тюркское слово, восходит к тюркскому *Кереш/Керчь* ‘вход’ в Понт.

Он как топоним применяется в двух основных значениях: как имя города и как имя пролива.

Керчь является крупным портом на берегу Керченского пролива. Археологические данные дают возможность считать, что Керчь основана в VI в. н. э., она была столицей Боспорского государства. Керчь в скифское, а может быть, даже в доскифское время, имела еще синонимичное название Пантикапей.

Как было уже сказано, топоним *Пантикапей* восходит к тюркскому сложному слову *Понты+капы* ‘ворота в Понт’, является синонимом тюркского слова *Керчь/Кереш* ‘вход’.

Топоним *Фанагория* является тюркским словом, оно восходит к тюркскому этнониму *хун-огур*. *хуногуры* были предками болгар. Тюркский фрикативный [h] в греческом языке обозначался звуком [ф], поэтому тюркское слово *хуногур* в греческом звучало как *фоногор*, отсюда и *Фанагория*. Этот город расположен на Таманском полуострове. Считается, что он основан в VI в. до н. э. Расцвет Фанагории приходится на V–II вв. до н. э., с V в. до н. э. здесь чеканились монеты. С V в. до н. э. Фанагория входила в состав Боспорского государства. В I в. до н. э. она носила также название *Аргиппей*, так как в то время доминирующим племенем там было племя аргиппей, по-тюркски *аргы+ниш* ‘баи-богатые той стороны’ или ‘бии дальние’. Город был еще и столицей Кубрат-хановской Болгарии. С течением времени часть города оказалась затоплена морем. Город просуществовал до XI–XII вв. н. э.

В настоящее время в Фанагории работает археологическая экспедиция, члены которой убеждены, что они изучают греческий город. Никто из них и не подозревает, что это поселение было городом древних тюрков – *хун-огуров* ‘хунских огуров’, предков болгар.

Список литературы

1. Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. – Л., 1967. – 268 с.
2. Гвоздецкий Н. А. Кавказ // БСЭ. Том 11. – М., 1973. – С. 113.
3. Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. – М., 1960.
4. Кошеленко Г. А. Парфянское царство // БСЭ. III изд., т. 19. – М., 1975. – С. 255–256.
5. Малькольм Колледж. Парфяне. Последователи пророка Заратустры (перевод с англ. яз.). – М., 2004. – 190 с.
6. Муромцев А. М. (Черное море). Экономико-географический очерк. История исследования // БСЭ. III изд., т. 29. – М., 1978. – С. 98–99.
7. Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции. – М., 1997. – 343 с.
8. Стратановский Г. А. Евксинский Понт // Геродот. История в девяти книгах. – Л., 1972. – С. 563–564.
9. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. Историко-этнографические очерки. – М., 1978. – 269 с.

Zakyeв M. Z. Linguistic Traces of Ancient Turks in the Caucasus / M. Z. Zakyeв // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 75–80.

In the report the author discusses the Eurocentric perspective's incompetence concerning the time when first Turks appeared. According to the perspective, the Turks appeared supposedly only in the beginning of AD in Altai and relocated to Europe only during «Great Migration» in the IV – VII centuries AD. Turks in Europe (and in the Caucasus) were mixed with other ethnic groups long before our era what is proved by the presence of ancient linguistic traces of the Turks in Europe.

Keywords: Eurocentrism, the Turks in the Altai and in Europe, the Great Migration, ancient linguistic traces.

УДК 811.512.141

ОГУЗСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Хисамитдинова Ф. Г.

Институт истории, языка и литературы

Уфимского научного центра РАН, Уфа

E-mail: hisamitdinova@list.ru

В статье на материале диалектов и говоров башкирского языка обосновывается гипотеза об огузской основе башкирского языка. Для этого сначала рассматриваются основные особенности огузских языков, среди которых наиболее определяющим является употребление звонких или озвонченных смычных в анлауте. Данная особенность огузских языков характерна для башкирского языка. В статье подчеркивается мысль о том, что звонкий или озвонченный анлаут отличает башкирский язык от близкородственного татарского, одного из кыпчакских языков региона, в котором преобладает глухой анлаут.

В диалектах и говорах башкирского языка звонкий или озвонченный анлаут представлен гораздо больше, чем в литературном языке. Далее в статье рассматриваются материалы по говорам, в которых по сравнению с литературным языком и другими говорами звонкий анлаут представлен гораздо шире. Таковыми являются айский, аргаяшский, кызылский, кубалякский, миасский, сальютский говоры восточного диалекта. В статье делается вывод о том, что звонкий и озвонченный анлаут является специфической особенностью говоров восточного диалекта. Далее в статье дана таблица сравнения анлаутных звонких говоров башкирского языка и языков огузской группы. Выявив огузские элементы в говорах восточного диалекта, делается попытка объяснения появления этих элементов особенностью языка определенных племен, в языке которых звонкие и глухие смычные не различались, дифференциация проходила по признаку сильный – слабый.

В статье делается и этническая привязка данного явления. Делается вывод о том, что огузские черты были характерны для языка древних табынских и катаякских племен, которые унаследовали их от древнеогузских племен, создателей памятников древнетюркской письменности. Что же касается кыпчакизации, то она связана с массовой инкорпорацией средневековых кыпчакских и кыпчакизированных племен в состав башкир.

Ключевые слова: башкирский язык, кыпчакские языки, огузские элементы, анлаут, смычные согласные.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно башкирский язык относят к кыпчакской группе тюркских языков. Однако, по мнению ряда тюркологов, в своей основе он был языком огузского типа, подвергшимся неоднократной кыпчакизации [2]. К сожалению, сторонники данной точки зрения практически не приводят никаких доказательств. Поэтому, на наш взгляд, генетическая классификация башкирского языка остается до конца не решенной. Ни в тюркологической, ни в башкироведческой литературе нет работ, которые бы подтверждали или опровергали предположение об огузской основе башкирского языка.

К сожалению, в тюркологии не представлены исследования и по кыпчакизации башкирского языка со стороны других кыпчакских языков. Даже в фундаментальной монографии Т. М. Гарипова «Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхрони-

ческой и диахронической характеристики» не говорится ни слова о кыпчакизации башкирского языка [1]. Между тем, как свидетельствуют языковые данные, в башкирском языке, особенно в его говорах, представлен огромный пласт лексики, множество морфологических и фонетических форм, имеющих параллели в современных огузских тюркских языках или памятниках письменности древних тюрков.

В настоящей статье мы остановимся только на некоторых фонетических особенностях башкирских говоров, сближающих их с языками огузской группы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Традиционно к огузской группе тюркских языков относят такие языки, как азербайджанский, турецкий, туркменский, гагаузский, а также некоторые диалекты крымскотатарского, караимского языков. Известный тюрколог А. В. Дыбо и другие авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» к данной группе также отнесли саларский язык и хорезмские говоры узбекского языка [3].

Как известно, перечисленные выше языки и диалекты, относящиеся к огузской группе тюркских языков, объединяет некоторый набор фонетических явлений, которые, по-видимому, восходят к праогузскому периоду. К числу таких явлений огузских языков следует отнести употребление звонких или озвонченных смычных в анлауте слова. Ср.: тур. *gel* ‘приходить’, аз. *gäl*, гаг. *gel*; тур. *bojun* ‘шея’, аз. *bojun*, туркм. *bojun*, гаг. *bojni*; тур. *dinle* ‘слушать’; аз. *dinlä*, турк. *dinle*; тур. *dokuz* ‘девять’, гаг. *dokuz*, аз. *doqquz*; тур. *depre* ‘шевелить’, гаг. *debre*, турк. *depre*, аз. *däbär* и др.

Следует отметить, что по употреблению анлаутных смычных башкирский язык отличается от близкородственного татарского и других кыпчакских языков.

В башкирском литературном языке, а также его диалектах и говорах звонкий анлаут представлен гораздо больше, чем в татарском языке. Ср.: баш. *бесән* ‘сено’, тат. *печән*; баш. *бысак* ‘нож’, тат. *пычак*; баш. *быскы* ‘пила’, тат. *пычкы*; баш. *бәке* ‘ножик’, тат. *пәке*; баш. *бешерәү* ‘варить’, тат. *пешерү* и др. Явление звонкого анлаута в башкирском языке коснулось и заимствований. Ср.: баш. *батша* ‘царь’, тат. *патша*; баш. *бәрәй* ‘бес, нечистая сила’, тат. *пәри*; баш. *билмән* ‘пельмени’, тат. *пилмән* и др. О звонкости башкирского анлаута известный тюрколог Т. М. Гарипов писал: «Башкирский язык занимает полнос звонкости среди языков Урало-Поволжья» [1].

Как уже говорилось выше, в говорах башкирского языка звонкий или озвонченный анлаут представлен гораздо больше, чем в литературном языке. Рассмотрим примеры из диалектов и говоров башкирского языка, сравнив их с литературным языком. Ср.:

Куб. гов. вост. диалекта [4]	Перевод	Лит. яз.
дәңгәл	‘прямо’	тәңгәл
дуғай	‘луг’	туғай
дәртелдәү	‘вздрагивать’	тәртләү
дәртәнә	‘оглобли’	тәртә

ОГУЗСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

дүрә	‘начальник’	түрә
дулау	‘брыкаться’	тулау
дулкын	‘волна’	тулкын
дунәрәк	‘круглый’	түнәрәк
дуғыу	‘взбалтывать’	тукыу
дәгәрмәс	‘колесо’	тәгәрмәс

Арг. гов. вост. диал. [7]	Перевод	Лит. яз.
данышыу	‘знакомиться’	танышыу
дамыр	‘корень’	тамыр
дауыш	‘голос’	тауыш
дәм	‘вкус’	тәм
дуп	‘мяч’	туп
домғойок	‘лилия водяная’	томбойок
дилбәрән	‘белена’	тилебәрән
дандыр	‘медленный’ (об огне)	тандыр
дас	‘таз’	тас
дырамбай	‘трамвай’	грамвай

Ай. гов. вост. диал.	Перевод	Лит. яз.
дулкын	‘волна’	тулкын
дулау	‘биться’, ‘брыкаться’	тулау
дамға	‘тавро’	тамға
гәүзә	‘стан’	кәүзә
гисеү	‘переправа’	кисеү
гәрәсин	‘керосин’	кәрәсин

Сальют. гов. вост. диал.	Перевод	Лит. яз.
гәүзә	‘стан’	кәүзә
гәрәш	‘вика’	кәрәшкә

гөмбэз	‘купол’	көмбэз
гәрлисә	‘крыльцо’	болдор
гарунка	‘коронка’	коронка
дауар	‘товар’	тауар
дорба	‘труба’	торба
дәрәндек	‘водоворот’	өйрөлтмәк
доба	‘омут’	тоба

Миас. гов. вост. диал.	Перевод	Лит. яз.
дарих	‘история’	тарих
дүнәрәк	‘круглый’	туңәрәк
дәкдир	‘судьба’	тәкдир
дәртнә	‘оглобля’	тәртә

Кыз. гов. вост. диал.	Перевод	Лит. яз.
дән	‘тело’	тән
дәрән	‘глубокий’	тәрән
дулкын	‘волна’	тулкын
дөрөнөү	‘кутаться’	төрөнөү

В кызылском, иногда в миасском и айском говорах восточного диалекта некоторые слова в анлауте имеют звуки то д, то т. Ср.: дулкын – тулкын ‘волна’, дуғай – туғай ‘луг’, дулау – тулау ‘брыкаться’, даға – таға ‘подкова’, дошман – тошман ‘враг’, дүрт – түрт ‘четыре’, дүңгәүер – түңгәүер – название племени, дуғын – туғын ‘обо’, дегет – тегет ‘деготь’, дилбәгә – тилбәгә ‘вожжи’, даған – таған ‘таганок’, ‘опора’, дамға – тамға ‘тавро’, димгел – тимгел ‘крапчатый’, димдәү – тимдәү ‘сватать’. Молодой ученый Л. К. Ишкильдина рассматривает явление озвончения как вторичный процесс, вызванный регрессивно-ассимилятивным воздействием последующих сонорных и фрикативных согласных [5].

Вышеприведенные и другие примеры из говоров показывают, что явление звонкого анлаута в основном характерно для говоров восточного диалекта башкирского языка. Эта особенность практически все говоры восточного диалекта сближает с языками огузской группы. Во многих случаях примеры на употребление звонких или озвонченных анлаутных смычных в говорах башкирского языка и языках огузской группы совпадают. Ср.:

ОГУЗСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Куб.	Арг.	Ай.	Сальют.	Миас.	Кыз.	Тур. яз.	Аз.	Туркм.	Гар.	Др. гов. баш. яз.	Перевод на рус. яз.
дулкын	дулкын	дулкын	дулкын	дулкын дыулкын	дулкын / тулкын	dalga	dalga		dalga	тулкын	волна
дауар	дауар	дауар	дауар	дауар	тауар	davar	davar	dovar	davar	тауар	товар
дөш	дөш	дөш / төш	дөш	дөш / төш	дөш / төш	düş	–	düş	düş	төш	сон
дүрт	дүрт	дүрт	дүрт	дүрт	дүрт / түрт	dört	dört	dört	dört	дүрт / түрт	четыре
дөрән	дөрән	дирән	дөрән	дөрән	дөрән / төрән	derin	därin	deriň	derin	төрән	глубокий
гизеү	гизеү	гизеү	гизеү	гизеү	гизеү / кизеү	gez	gäz	gez	gez	гизеү	путеше- ствовать / ходить
гигеү	гигеү	гигеү	гигеү	гигеү / китеү	гигеү / китеү	git	get	git	get	китеү	уходить
гәүзә	гәүзә	гәүзә	гәүзә	гәүзә	гәүзә / кәүзә	gövdä	gövdä	–gövdäÖvte	–	кәүзә	туловище

Изложенные факты свидетельствуют о том, что анлаут говоров восточного диалекта и современных огузских языков совпадает.

Носителями восточного диалекта являются башкиры таких родоплеменных групп, как ай [с родовыми подразделениями мырзалар, тырнаклы, дуван, кошсо, сарт, айли, кудей (зауральская группа), упей, каратавлы, туркмен], сызгы, горно-лесные *тамьянцы*, катайцы [бала-катай, оло-катай (кара-катай), ялан-катай, идель-катай, кузгун-катай, кроме инзер-катайцев], сальют, бикатин, сынрян, терсяк, восточные табынцы [с подразделениями кара-табын, барын-табын, тиляу, кубалык], кувакан, сырзы, северные или карагай-кыпчаки, северные или лесные тангаурцы [6].

Перечисленные родоплеменные группы составляют основу северо-восточных и юго-восточных башкир, являющихся родственными образованиями. По мнению Р. Г. Кузеева, в VII–IX вв. эта группа башкир была в составе огузо-печенежского объединения племен [6]. Действительно, об этом свидетельствуют этнонимия и родоплеменная атрибутика башкир, имеющие параллели у средневековых огузов и современных туркмен.

Изложенные факты позволяют говорить о том, что огузские элементы башкирского языка, по-видимому, восходят к языку тех древнебашкирских племен, которые были частью огузо-печенежского мира средневековья. Сюда же можно добавить и то, что, кроме фонетических особенностей, в говорах юго-восточных и северо-восточных башкир присутствуют как лексические, так и морфологические элементы, общие с огузскими языками. В качестве примера можно привести форму на *-мыш/-меш*, которая активно употреблялась в древнетюркском и употребляется в современных тюркских огузских языках. Ср.: Тәңри тәг Тәңригә *болмыш* түрк Билгә каган бу Өдкә олуртым ‘подобный небу, рожденный на небе’ тюркский Билге каган ‘я нынче сел на царство’ [8]. *Ufadan gelmiş* (тур.) – ‘приехавший из Уфы’. *Orta boylu boyaru nazik garaşur, buj jeri çoxdan tärlämiş bir g’änž* (аз.) ‘молодой человек среднего роста, с тонкой шеей’, ‘брюнет, с уже давно пробившимися усами’. Сюда же можно добавить форму повелительного наклонения восточного диалекта с аффиксами *-ң, -ың, -ең, -иң, -оң, -өң, -уң, -үң, -јун*. Ср.: *барың* (ай.) ‘идите’, *килең* (ай.) ‘приходите’, *бирең* (ай.) ‘отдайте’, *йөрөң* (миас.) ‘ходите’, *ятың* (миас.) ‘ложитесь’ и др. [7]. Известно, что аналогичная форма повелительного наклонения характерна для азербайджанского (*gälin*), турк. (*gelin*), туркменского (*qe’liŋ*) и др.

Как уже говорилось выше, наряду с другими родоплеменными группами, носителями восточного диалекта являются башкиры племен катай и табын, которые имеют несколько иную историю этногенеза. По материалам Р. Г. Кузеева, эти племена довольно поздно вошли в состав древнебашкирских племен.

Как отмечает Р. Г. Кузеев, родоплеменные группы катай и табын на территорию Южного Урала пришли примерно в XIII–XIV вв. [6]. Эти племена с собой принесли довольно интересный тюркский язык, который имел много общих черт с языком древнетюркских памятников.

Наиболее яркой общей чертой языка памятников и языка башкир племен катай, табын, а также ун является употребление консонантных сочетаний *лт, мт, нт, рт,*

нк, нк. Ср. башкирские говоры: *дүңкәк* (куб.) – лит. *дүңгәк* ‘кочка’; *балтырған* (арг., куб., миас, ай.) – лит. *балтырған*, киз. *балдырған* ‘борщевик’; *балдус* (арг.) – лит. *балдыз* ‘свояченица’; *сөңкөл* (миас., дем.), *соңкор* (ай.), *соңкор* (сакм.), *оңкол* (сред.) – лит. *соңгол* ‘омут’; *сымылтык* (сред., караид., миас.) – *сымылдык* (лит.) ‘занавес’; *сөңкөлтәк* (сред., кыз.), *сөңгәлдәк* (дем.) ‘ворчун’ и др.; памятники древнетюркской письменности: *олуртым* ‘сел’, *уртым* ‘ударил’, *анта* ‘там’, *илтә* ‘в государстве’, *бунта* ‘здесь’, *каганта* ‘у хана’ и т. д. [12].

Таким образом, в отдельных говорах башкирского языка, а также в языке тюркских рунических памятников глухие смычные *p, t, k, q* встречаются там, где, согласно нормам современных тюркских языков, в том числе и башкирского, они не могут находиться [12]. Всё это говорит о том, что смычные ряда башкирских говоров отличаются и от смычных литературного языка и некоторых других тюркских языков.

Нами в свое время было установлено, что происхождение консонантных сочетаний типа «сонант+глухой смычный» в говорах катаяских и табынских, а также унларских башкир связано с наличием в системе согласных говоров оппозиции по силе и слабости. К тому же в говорах юго-восточных башкир отмечается употребление глубоко-заднеязычного фарингализованного гласного *a*, придыхательный оттенок у смычных. Всё это в конечном счете является рефлексом общей закономерности, связанной с наличием в отдельных говорах башкирского языка системы сильных и слабых смычных [12]. В своих исследованиях Э. Р. Тенишев доказал существование аналогичной системы смычных согласных в языке тюркских рунических памятников. По его мнению, система согласных памятников рунического письма, как и саларского и сарыг-югурского языков, противопоставляются по признаку слабый – сильный [11]. Изложенные факты говорят о том, что система согласных ряда башкирских говоров близка к согласным рунических памятников, а также саларского и сарыг-югурского языков. Эти языки А. В. Дыбо также считает языками огузского типа [3]. Подводя итоги можно сказать, что древнебашкирский язык действительно был языком огузского типа. Однако в результате инкорпорации в состав башкир кыпчакских и кыпчакизированных племен язык огузского типа древних башкир подвергся существенным изменениям, началась его кыпчакизация. Безусловно, этот процесс не был одномоментным. В течение всего средневековья в состав древних башкир вошли различные кыпчакские и кыпчакизированные племена, принося в язык свои диалектные особенности [6]. Именно поэтому в говорах и диалектах башкирского языка присутствуют, наряду с огузскими, и кыпчакские черты. В частности, если в говорах восточного диалекта представлен звонкий анлаут, то для говоров южного и северо-западного диалектов характерен глухой анлаут. Ср.:

Караид. гов. сев.-зап. диал. [9]	Перевод	Др. гов. и лит. яз.
песән	'сено'	бесән
пешкәк	'мутовка'	бешкәк

ХИСАМИТДИНОВА Ф. Г.

пышкырыу	'фыркать'	бышкырыу
пияла	'стекло'	быяла.

Нижебел.-ык гов. сев.-зап. диал.	Перевод	Лит. яз. и др. гов.
пэрэңге	'картофель'	бэрэңге
пичура	'кикимора'	бисура
пэке	'колодец'	–
мэке / бэке	'прорубь'	
пер	'один'	бер
порос	'перец'	борос
порос	'брус'	бурса
палан	'калина'	балан
папа	'бука'	бокай
пысрак	'грязный'	бысрак

В гайнинском и таныпском говорах северо-западного диалекта одни и те же слова могут употребляться как с глухими, так и со звонкими согласными. Ср.:

Танып гов. сев.-зап. диал.	Перевод	Лит. яз. и др. гов.
бешереу	'варить'	пешереу
бишмэт / пишмэт	'бешмет'	бишмэт
бабайбаш / папайбаш	'одуванчик'	бэпембэ
быжыу / пыжыу	'вянуть'	бэжеу
бофка / пэуефкэ	'пуговица'	төймэ
борколдатыу / поркоратыу	'пылить'	борколдатыу

Гайн. гов. сев.-зап. диал.	Перевод	Лит. яз. и др. гов.
Парта / Барда	населенный пункт	Барда
пичэ / бичэ	'жена'	бисэ
пы / бы	'это'	был

ОГУЗСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

пумазый / бумазый	'бумазея'	бумазый
пригат / бригаат	'бригада'	бригада
пинзин / бинзин	'бензин'	бензин
пелмин / белмин	'пельмени'	билмән

В говорах южного диалекта глухой анлаут зафиксирован в основном в среднем и демском говорах. Ср.:

Дем. гов. южн. диал.	Перевод	Лит. яз. и др. гов.
палаҫ	'палас'	балаҫ
песей үләне	'алтей'	бесәй икмәге
песей / песи	'кошка'	бесәй үләне
бесәй / песи йелеге	'спинной мозг'	йөлән, бесәй желеге
песи майы	'спинной мозг'	йөлән, бесәй мәмәйе
пөт	'пуд'	бот
пышый	'вид обуви'	бышым
пәрәмәс	'шанги'	бәрәмәс

Сред. гов. южн. диал.	Перевод	Лит. яз. и др. гов.
пырауылка	'переулок'	бырауылка (миас)
пакта	'шерсть весенней линьки'	бакта
пасутник	'буфет'	басудник (миас)
песәй мендәре	'думка'	бесәй ястыгы, күпсек
пирле	'с тех пор'	бирле

Глухой анлаут также зафиксирован в говоре оренбургских башкир, который по современной классификации относится к ик-сакмарскому говору южного диалекта. Ср.:

Оренб. подговор южн. диал.	Перевод	Др. гов. и лит. яз.
пулыу	'быть'	булыу
пысырак / бысрак	'грязь'	бысрак

пысак	'нож'	бысак
песэй	'кошка'	бесэй
петсә	'клещ'	бетсә
пыйала, но: быяла көл	'стекло' 'цветок'	быяла
гөл / кел	'постоянно'	гел
Көлэйшә	личное имя	Гөлэйшә
күр	'могила'	гүр

Следует отметить, что в ряде говоров южного диалекта отмечено параллельное употребление анлаутных *б/п, д/т, з/к, з/к*. Ср.:

Ик-сакм. гов. южн. диал.	Перевод
дирән / тирән	'глубокий'
думбыйык / тумбыйык	'лилия'
далан / талан	'счастье'
диҫтер / тиҫтер	'ровесник'

ВЫВОДЫ

Итак, как показывают примеры, говоры южного и северо-западного диалектов башкирского языка по своему анлауту больше сближаются с тюркскими языками кыпчакской группы.

Носителями северо-западного и южного диалектов, по мнению Р. Г. Кузеева и С. Ф. Миржановой, являются кыпчакские и кыпчакизированные племена башкир [6, 9]. Эти племена уже в средние века в силу своей многочисленности могли оказать влияние на язык древнебашкирских племен. Таким образом, кыпчакизация башкирских племен с огузскими чертами фонетики произошла в основном в результате инкорпорации в их состав племен кыпчакской группы.

Что же касается кыпчакизации башкирского языка со стороны татарского и казахского языков, то, на наш взгляд, она не имела определяющего характера. Безусловно, нахождение башкир в составе Казанского ханства, массовое переселение татар на башкирские земли с XVIII в., обучение и ведение службы в мечетях на татарском языке способствовали определенному влиянию татарского языка на башкирский, особенно на говоры северо-западного диалекта. Что же касается кыпчакизации со стороны казахского языка, судя по материалам диалектов и говоров башкирского языка, следует отметить, что роль казахского языка в кыпчакизации сильно преувеличена. Во-первых, по сложившейся традиции, кочевья казахских и башкирских

племен и родов не совпадали. Поэтому очень редко казахи проникали на башкирские земли. Казахское влияние особо ощутимо в тех говорах, которые территориально примыкают к казахским диалектам. В целом, подводя итоги, можно констатировать, что кыпчакизация башкирского языка связана с инкорпорацией средневековых кыпчакских и кыпчакизированных племен в состав древнебашкирского этноса.

Список литературы

1. Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики / Т. М. Гарипов. – М., 1973. – 303 с.
2. Дыбо А. В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков / А. В. Дыбо // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М., 2006. – С. 8–16.
3. Дыбо А. В. Огузская группа / А. В. Дыбо // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М., 2002. – С. 7–94.
4. Ишбулатов Н. Х. Кизилский говор / Н. Х. Ишбулатов // Башкирская диалектология. – Уфа, 1963. – С. 22–23.
5. Ишкильдина Л. К. Фонема [д] в башкирском языке: функционирование, история развития / Л. К. Ишкильдина // Вестник ВЭГУ. 2012. № 4. – С. 152–156.
6. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа / Р. Г. Кузеев. – М., 1974. – 560 с.
7. Максютובה Н. Х. Восточный диалект башкирского языка / Н. Х. Максютובה. – М., 1976. – 292 с.
8. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности / С. Е. Малов. – М.–Л., 1951. – С. 33.
9. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка / С. Ф. Миржанова. – М., 1979. – 272 с.
10. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка / С. Ф. Миржанова. – Уфа, 2006. – 300 с.
11. Тенишев Э. Р. Избранные труды. Книга вторая / Э. Р. Тенишев. – Уфа, 2006. – С. 251–257.
12. Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка. Материалы по исторической фонетике / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа, 1989. – 82 с.

Khisamitdinova F. G. Oghuz elements in the Bashkir language / Khisamitdinova F. G. // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 81–91.

The article on the material of dialects of the Bashkir language justifies the hypothesis of the Oghuz background of the Bashkir language. For this, first the basics of the Oghuz languages, among which the most decisive is the use of voiced or voicing of stops in the Anlaut. This feature of the Oghuz languages is characteristic for the Bashkir language. The article emphasizes the idea that the voiced Anlaut of the Bashkir language differs from closely related Tatar, one of the Kipchak language of the region which is dominated by voiceless Anlaut.

The dialects of the Bashkir language feature the voiced Anlaut represented much more than in the literary language. Next, the article examines the materials of subdialects and says that compared to the standard language and dialects here the sonorous Anlaut is presented much wider. These are the Ai, Argayash, Kyzyl, Kubalyak, Miass, Salyut subdialects of the Eastern dialect. The article concludes that the voiced Anlaut is a specific feature of the subdialects of the Eastern dialect. Later in the article there is a table comparing the Anlaut of sonorous dialects of the Bashkir language and languages of the Oghuz group. Having identified the elements of Oghuz dialects in the Eastern dialect, the author makes an attempt to explain the appearance of these elements through the peculiarities of the language of certain tribes, in whose language voiced and voiceless stops did not differ, the differentiation passed on the basis of *lenes-fortes* sounds.

The article provides also ethnic binding of this phenomenon. The conclusion is that Oghuz features were characteristic of ancient language of Tabyн and Katay tribes who inherited them from ancient Oghuz tribes, founders of the ancient Turkic written monuments. As for the turn for the Kipchak features it is associated with mass incorporation of medieval Kipchak and Kypchakised tribes into the Bashkirs.

УДК 81'373

ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ КАК ИСТОЧНИК КОНТРАСТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Юсупова А. Ш., Денмухаметова Э. Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

E-mail: alyusupova@yandex.ru; denmukhametova@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы появления двуязычных словарей тюркских народов, их структура, социальные и культурные функции. Эти словари служат практическим пособием как при изучении другого языка, так и получении контрастивной информации. В работе исследуется развитие татарских двуязычных словарей (особенно татарско-русские и русско-татарские лексикографические источники) как одного из представителей тюркского мира; отражаются структура, методы и приемы составления словарей, дается анализ словарных статей. Представленный материал является первым опытом освещения ментальных качеств тюркских народов, в том числе татарского народа, зафиксированных в виде лексем в двуязычных словарях, которые дают объективную оценку овладения пользователем социокультурной компетенции. Результаты исследования содействуют активному использованию двуязычных словарей в изучении тюркских языков с целью как диагностики уровней владения языком, так и выявления информации о тюркских народах.

Ключевые слова: лексикография, двуязычные словари, лексика, тюркские языки, татарский язык, менталитет.

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистические словари выполняют важные социальные и культурные функции. С одной стороны, они помогают представителям разных народов лучше узнать и понять друг друга, решать совместно жизненные проблемы. С другой стороны, такие словари концентрируют в себе основную массу знаний, накопленных ко времени их создания у того или иного народа и общества. На протяжении предшествующих столетий были созданы сотни двуязычных словарей. В них использованы различные системы построения и толкования материала, в некоторых более удачные, в других – менее. Двуязычный, или переводной, словарь является важнейшим практическим пособием при изучении другого языка. Вместе с тем, это результат лингвистических исследований его составителя, поскольку в процессе лексикографического описания какого-либо конкретного языка он часто сталкивается с проблемами, успешное решение которых возможно лишь в случае обязательного обладания теоретическими знаниями в различных областях лингвистики [Р. Бартоломэ, 2015; Л. Ф. Баянова, 2014; Н. Ф. Галиева, Г. Р. Галиуллиной, 2014; А. М. Галиева, Р. Р. Замалетдинов, 2015]

Как писал выдающийся российский филолог XIX века, почетный член многих научных академий мира И. И. Срезневский, «хороший словарь должен удовлетворить каждого из тех, кто к нему прибегает. Чем образованнее народ, чем значительнее в нем масса людей просвещённых, тем у него лучше, богаче, полнее, удовлетворительнее словарь его языка» [Отечественные лексикографы XVIII – XX веков, 2000, с. 52],

что показывает его ментальные качества, приводящие к определению идентичности народа.

В идеале в каждом словаре должен быть воплощён основной лексикографический принцип – «максимум информации на минимуме места без ущерба интересов читателя». Создание таких словарей, естественно, предполагает овладение специальными знаниями. Самое основное в двуязычном словаре – подбор точных переводных эквивалентов [В. П. Берков, 2004, с. 38]. При этом составители и издатели словарей должны осознавать, что они способствуют лучшему взаимопониманию и сотрудничеству разных народов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Знаковым в истории тюркской лексикографии стал словарь Махмуда Кашгари (XI век) «Дивану лугат-ат тюрк» («Словарь тюркских наречий»), в котором зафиксирована бытовавшая в тот период лексика тюркоязычных племён Средней Азии и отчасти Поволжья. Существовали и другие тюркоязычные словари. К примеру, словарь под названием «Китаб-и Меджмугу терджуман тюрки ве аджами монгол иве фарси» («Общая книга толкований тюркского, монгольского и персидского языков»), составленный на основе персидской, тюркской и монгольской лексики. В 1875 году рукопись этого словаря была обнаружена профессором В. Р. Розеном. П. М. Мелиоранский осуществил лингвистический анализ тюркской части рукописи. Грамматическую часть словаря он адаптировал к грамматикам европейских языков, а лексический материал разместил на основе арабского алфавита, сохранив при этом фонетические особенности слов. Поскольку в то время автор словаря не был известен, профессор П. М. Мелиоранский в 1900 году опубликовал рукопись под названием «Араб-филолог о турецком языке» [А. Н. Кононов, 1974, с. 73]. Впоследствии был найден новый экземпляр рукописи и установлен её автор. Им оказался арабский филолог Ибн Муханна. По мнению известного языковеда, тюрколога С. Е. Малова, словарь был составлен в конце XIII века – начале XIV века.

Важное место в истории тюркских языков занимает «Кодекс Куманикус» – памятник кыпчакского языка конца XIII века – начала XIV века, составленный христианскими миссионерами и неоднократно переиздававшийся в разных странах. В словаре отражён разговорный западно-хуннский язык тюркских языков, глоссы даны латинскими буквами. Словарь имеет важное значение для изучения складывавшегося в то время письменного языка тюркоязычных народов [А. Ш. Юсупова, 2015].

Ещё один ценный источник для изучения истории тюркских языков был составлен в 1313 году Абу-Хайяном Гарнати. Созданный в Каире в первой половине XIV века, т. е. в период правления в Египте кыпчаков, словарь отражает язык смешанного кыпчакско-огузского населения государства. Второе издание этого труда, переведённое на турецкий язык профессором А. Джафероглу, стало результатом серьёзной текстологической работы [Э. Н. Наджип, 1989, с. 28–29].

Особое место среди словарей занимает «Китаб-и ат-тухфат уз-закият фил-лугати ит-тюркита» («Приятный подарок для изучения тюркского языка»). Этот труд дошёл

до нас в единственном экземпляре. Впервые о нём сообщил профессор М. Ф. Кепрюлюзаде в одном из венгерских журналов в 1922 г. Качество перевода и содержание лексического материала этого словаря намного выше, чем словаря Абу-Хайяна Гарнати. «Китаб-и ат-тухфат уз-закият фил-лугати ит-тюркита» был опубликован в Стамбуле с фотокопии оригинала, с переводом и на турецкий язык. Словарь насчитывает 3000 единиц, из которых треть составляют глаголы. Ещё одно отличие: словарь Абу-Хайяна Гарнати арабско-тюркский, а «Китаб-и ат-тухфат уз-закият фил-лугати ит-тюркита» тюркско-арабский (Э. Н. Наджип, 1989).

Инициатором и активным участником составления ряда тюркских словарей других народов был известный государственный деятель и крупный учёный В. Н. Татищев (1686–1750), внесший большой вклад не только в развитие филологии, но и истории, географии, этнографии и горного дела в России. Будучи в 1737–1740 годах начальником Оренбургской экспедиции, основал в Самаре татарско-калмыцкую школу, при которой, по его указанию, стали переводить книги с восточных языков на русский и приступили к составлению татарско-калмыцкого словаря [Татарский энциклопедический словарь, 1999, с. 56–57].

По примеру В. Н. Татищева лексическим материалом в России заинтересовались многие. Императрица Екатерина II поручила капеллану английской фактории в Петербурге, почётному члену Петербургской Академии наук Д. Дюмареску составить «Сравнительный словарь восточных языков». Как пишет А. Н. Кононов, «этой работе придавался характер государственного предприятия» (лексический материал собирался путём посылки анкет светскому и духовному начальству). Позже систематизацией лексического материала и составлением словарей стали заниматься ученые и в регионах Российской империи. В 1785 году под наблюдением епископа Дамаскина был представлен оставшийся в виде рукописи «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, именно Россиян, Татар, Чувашей, Мордвы и Черемис». Работа снабжена кратким историко-этнографическим и статистическим введением [А. Н. Кононов, 1974, с. 56–57].

В том же году был закончен анонимный рукописный «Словарь чувашского языка», в который вошло около 30 000 слов. С проектом «Сравнительного словаря», видимо, был связан и объемный рукописный «Русско-киргизский словарь», составленный «старанием генерал-майора и кавалера Скалона» (1774). В лингвистической коллекции Л. И. Бакмейстера, которая впоследствии перешла к Ф. П. Аделунгу, был и не дошедший до нас Большой башкирский словарь [А. Н. Кононов, 1974, с. 59]. История и теория издания двуязычных словарей до сих пор не были предметом монографического исследования в татарском языкознании. В то же время существует большое число татарско-русских и русско-татарских словарей, которые хранятся в Научной библиотеке им. Н. Лобачевского Казанского федерального университета, Национальной библиотеке РТ, в Российской государственной библиотеке в городе Москве и в Городской библиотеке города Берлина.

Достойное место в становлении татарской лексикографии заняли статьи и кандидатская диссертация Р. С. Нурмухаметовой «Основные тенденции развития лексики татарского литературного языка в первой половине XX века (по татарско-русским

словарям)» [Р. С. Нурмухаметова, 2005]. Это первое монографическое исследование татарской лексики по материалам татарско-русских словарей первой половины XX века – периода весьма интенсивного развития лексики татарского литературного языка. Основной тенденцией, определявшей её развитие в этот период, было стремление к синтезу в татарском языке всех жизнеспособных лексических средств, независимо от источников их происхождения. В татарско-русских словарях эта тенденция нашла наиболее полное и яркое отражение.

О словарях татарского языка XIX–XX веков упоминается в работах В. Н. Хангильдина, Л. З. Заляя, Р. С. Газизова, Ф. С. Фасеева, Г. С. Амирова, И. Ш. Авхадиева, Ш. С. Ханбиковой, В. Х. Хакова, Р. Г. Ахметьянова, М. Г. Мухамадиева, М. З. Закиева, Ф. М. Хисамовой, Э. Н. Наджиба, Ф. А. Ганиева, Ф. С. Сафиуллиной. В этих словарях отражён опыт более ранних русско-иностранных (немецких, английских, французских и т. д.) словарей. Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века были исследованы А. Ш. Юсуповой как лексикографические источники татарского языка [А. Ш. Юсупова, 2015]. Замечено, что составителями двуязычных словарей татарского языка XIX века были заложены методологические и методические традиции формирования словарного корпуса XX века.

В современных лингвистических исследованиях особую значимость приобретает системный подход. Рассматриваемый нами материал по своему происхождению, содержанию и назначению настолько обширен и многообразен, что без системного подхода выявить в нём определённые тенденции и закономерности просто невозможно.

Кроме того, с целью комплексного анализа лексики татарского языка XIX в. по материалам рассматриваемых словарей использовались такие методы, как лингвистический описательный анализ объектов изучения в их диахронии и синхронии, сравнительно-исторический метод (включает в себя системный анализ лексики словарей по тематическому принципу), историко-этимологический (всестороннее исследование происхождения и возникновения лексического материала, зафиксированного в двуязычных словарях татарского языка XIX в.). Сделана попытка использования элементов статистического метода для получения количественных показателей, определения частоты использования и функциональных качеств, свойств лексики словарей. При рассмотрении изменений в области заимствованной лексики в разные периоды XIX в. применялся сопоставительный метод.

В XIX веке изучение языков и быта тюркских народов приобрело в России ещё большие масштабы. Создавались новые словари, в которых одним из языков был русский, а другим – язык одного из тюркских народов, проживавших в России. Увеличивалось число языковедов-тюркологов, среди которых были прекрасные специалисты. К примеру, одним из наиболее известных знатоков такого тюркского языка, как чувашский, был основоположник отечественного чувашского языкознания, автор капитальных трудов, инспектор чувашских школ Казанского учебного округа, выпускник филологического факультета Казанского университета Н. Н. Золотницкий. На протяжении 1871–1884 годов им было издано 8 чувашско-русских и русско-чу-

вашских словарей, в их числе тематическая работа «Отрывки из чувашско-русского словаря» (1871–1874) и «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других» (1875).

Большой вклад в изучение языков, этнографии и фольклора тюркских народов внесли представители Алтайской духовной миссии. И в наши дни не потеряли своей ценности алтайско-русские словари, которые были опубликованы ещё в 1868–1869 годах.

Словарей башкирского, азербайджанского, киргизского (казахского), турецкого, сартского (узбекского) языков было намного меньше по сравнению с татароязычными словарями. В XIX веке, в основном во второй его половине, издаётся всего несколько таких словарей, что свидетельствует о незначительном использовании данных языков в России в тот период. Пожалуй, можно назвать лишь «Турецко-татарско-русский словарь с приложением краткой грамматики» Л. Лазарева (1864) (под «татарским» в этом случае подразумевался азербайджанский язык).

Несмотря на то что в XIX веке большую роль в жизни Востока играл турецкий язык, в России было издано не так много турецко-русских и русско-турецких словарей. Из их числа можно выделить русско-турецкий словарь 1854 года, включавший 3000 лексических единиц (этот труд был приложением к пособию для изучающих турецкий язык, написанному А. М. Казем-Бекком), и упомянутый выше словарь Л. Лазарева.

В деле издания башкирских двуязычных словарей особую роль сыграли «Краткий русско-башкирский словарь» (1893) и «Башкирско-русский словарь» (1899) В. В. Катаринского, опубликованные в Оренбурге. По мнению башкирских учёных, в них отразились лексические единицы, характерные для говоров башкирского языка, распространённых на территории Оренбургской области [А. Н. Кононов, 1974, с. 81]. Киргизские (казахские) двуязычные словари были составлены в условиях завершения присоединения к России во второй половине XIX века Средней Азии. Отметим «Русско-киргизский (казахский) и киргизско-русский словарь» (1883) Ишмухаммада Букина и «Краткий киргизско-русский словарь» (1895), «Киргизско-русский словарь» (1897) и «Русско-киргизский словарь» (1899–1900) В. В. Катаринского. Все словари инспектора В. В. Катаринского были изданы Миссионерским обществом святителя Гурия [А. Н. Кононов, 1974, с. 59–62].

В 80-е годы XIX века создаются грамматики и словари узбекского языка. Так, в 1884 году В. П. Наливкин издаёт свой «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда». В 1895 году появляется «Карманный русско-узбекский словарь...» С. Лапина.

Многие принципы, разработанные авторами двуязычных словарей XIX века, получили широкое применение в тюркской лексикографии XX века.

Татарская двуязычная лексикография уходит своими корнями в XVI–XVII века. На протяжении этого периода было составлено несколько русско-татарских рукописных словарей, предназначенных для разных целей. Задолго до этого среди купе-

чества были в употреблении маленькие рукописные разговорники и карманные словари, необходимость которых была вызвана самой жизнью [М. Ногман, 1969, с. 21]. Эти постоянно пополнявшиеся книжечки послужили прообразами для создания новых словарей.

Со второй половины XVIII века в России появляются сравнительно большие по объему словари турецкого языка в переводе на французский, английский и немецкий языки. Тогда же был подготовлен рукописный русско-татарский словарь С. Хальфина (1785), содержащий около 25 000 слов. В предисловии своего труда автор писал: «...Поскольку до нынешнего времени словаря татарского, для дел с оным народом потребного, еще не находилось, то я, имея дирекцию над казанскими гимназиями, с радостью предпринял о сочинении онаго тоже краткой татарской грамматики...». Слова в словаре расположены по трем столбикам: первый включал русские слова, во втором дана русская транскрипция татарских слов, в третьем – татарские слова в арабской графике [М. Ногман, 1969].

Следует отметить, что отдельные сюжеты данной темы оказывались в поле зрения татарских исследователей. Большой вклад в изучение рукописных двуязычных словарей татарского языка внес М. Ногман. В 1964 году М. Ногман защитил кандидатскую диссертацию «Русско-татарские рукописные словари XVII–XVIII веков», на основе которой в 1969 году им была опубликована монография. Рассмотренные им рукописные русско-татарские словари XVII–XVIII веков были обнаружены автором в рукописных фондах архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Казани. Им проанализированы исторические условия создания русско-татарских рукописных словарей, подробно освещена лексика 11 словарей с учетом различных диалектов и говоров татарского языка. Труды М. Ногмана внесли большой вклад в изучение истории татарского языка.

ВЫВОДЫ

В данной работе предложена классификация двуязычных словарей по входному языку, т. е. по языку, с которого осуществляется перевод. Первую группу – группу татарско-русских словарей – составляют труд И. Гиганова, изданный в Петербурге 1801 году в издательстве Императорской Академии наук, «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные»; А. Троянского «Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казанской семинарии священника Александра Троянского и напечатанный с дозволения комиссии духовных училищ», изданный в типографии Казанского университета в 1833 году; «Словарь къ татарской хрестоматии» Салихжана Кукляшева, изданный в этой же типографии в 1859 году; «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» видного татарского просветителя К. Насыри, изданный в 1892 году в издательстве книгопродавца Фатхуллы

Амашова в городе Казани; также «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык» Л. Будагова, изданный в Петербурге в типографии Академии Наук в 1869 году; «Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь» Ш. Габделгазиза, изданный в Казанской университетской типо-литографии в 1893 году; словари Н. Остроумова «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии», изданный в типографии Казанского университета в 1876 году, и «Татарско-русский словарь», изданный православным миссионерским обществом в Казани в 1892 году, и «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений» М. Юнусова, изданный в типографии Торгового дома Братьев Касимовых в городе Казани в 1900 году. В этих словарях входным языком является татарский, выходным – русский язык. Данные словари для русского пользователя являлись пассивными, потому что были предназначены для чтения текстов на татарском языке, для перевода татарских текстов на русский язык, а также для запоминания татарских слов. В них были даны слова, активные в разговорной татарской речи, в основном, относящиеся к тематике быта, одежды и продуктов питания, окружающей среды. Однако с помощью этих же словарей татароязычный пользователь мог перевести слова, тексты с родного языка на русский язык, и для него они являлись активными.

Нужно отметить и тот факт, что в словарях в словарях Н. Остроумова отражается лексика татар-кряшен (татар с православным вероисповеданием), которая активна и по сей день. А в словарях К. Насыри и Ш. Габделгазиза можно увидеть и лексику с мусульманской тематикой, хотя на это акцент особо не делался.

Существовали и такие лексикографические источники, как «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И. Гигановым и муллами юртовскими», изданный в Петербурге в 1804 году в издательстве Императорской Академии; «Татарско-русский словарь» К. Насыри, изданный в типографии Казанского императорского университета в 1878 году, и «Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов А. Воскресенского», изданный в этой же типографии в 1894 году, которые являются русско-татарскими, т. е. входным языком этих словарей является русский, и они составляют вторую группу. Эти словари отражают, в основном, общую лексику: глаголы движения, времена года и природные явления, названия мебели и др.

Татарско-русские и русско-татарские словари века отличаются также по структуре. Структурой называется соотношение частей словаря и принципы его организации. Различают несколько типов структур словарей: мегаструктура, или рамочная структура – взаиморасположение частей словаря (предваряющий текст, корпус, заключающий текст); макроструктура, или порядок расположения слов в словаре [В. П. Берков, 2004, с. 21]. По макроструктуре исследуемые нами словари делятся на алфавитные и тематические. К алфавитным относятся словари И. Гиганова (1804), А. Троянского (1833, 1835), С. Кукляшева (1859), К. Насыри (1878, 1892), Л. Буда-

гова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876, 1892), М. Юнусова (1900); к тематическим, т. е. словарям с систематической микроструктурой, – словари И. Гиганова (1801), Ш. Габделгазиза (1893).

Надо отметить, что татарско-русские словари XIX века являлись пассивными, т. е. адресовались русскоязычным учащимся, многие из них были предназначены больше для чтения текстов на татарском языке. Пользователи могли найти в них, в первую очередь, переводные эквиваленты.

В идеале словарь должен быть предназначен одному адресату. Татарско-русские словари XIX века адресованы русскоязычным пользователям, они являются моноди-рекциональными. В то же время в них присутствует материал, знакомящий с историей, традициями, фольклором татарского народа, содержатся сведения о фонетической и грамматической системе татарского языка.

Список литературы

1. Баянова Л. Ф. Различия нормативных представлений татар, проживающих в моноэтнической и полиэтнической среде / Л. Ф. Баянова // TATARICA: CULTURE, PERSONALITY AND EDUCATIO [Электронный ресурс]. URL: <http://kpfu.ru/razlichiya-normativnyh-predstavlenij-tatar-72049.html>
2. Бартоломэ Р. Татарская терминология: влияние языковых и культурных контактов на ее развитие / Р. Бартоломэ // TATARICA: CULTURE, PERSONALITY AND EDUCATIO [Электронный ресурс]. URL: <http://kpfu.ru/tatarskaya-terminologiya-vliyanie-yazykovyh-i.html>
3. Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии / В. П. Берков. – Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1971.
4. Галиева А. М. Способы выражения мультисубъектности в татарском языке: грамматические и семантические аспекты / А. М. Галиева, Р. Р. Замалетдинов // Филология и культура. Philology and Culture. – 2015. № 3 (41). – С. 32–38.
5. Галиева Н. Ф. К вопросу разграничения терминов «разговорная речь» и «литературный язык» в современном татарском языкознании / Н. Ф. Галиева, Г. Р. Галиуллина // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. № 4 (38). – С. 51–56.
6. Кононов А. Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период) / А. Н. Кононов. – ГРВЛ, 1974. – 344 с.
7. Наджип Э. Н. Исследование по истории тюркских языков XI–XIV вв. / Э. Н. Наджип. – М., Наука, 1989.
8. Ногман М. Рукописные русско-татарские словари XVII–XVIII вв. / М. Ногман. – Казань, 1969. – 138 с.
9. Отечественные лексикографы XVIII– XX веков. – М., Наука, 2000. – 508 с.
10. Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М. Х. Хасанов. – Казань : Ин-т татар. энцикл. АН РТ, 1999. – 690 с.
11. Нурмухаметова Р. С. Основные тенденции развития лексики татарского литературного языка первой половины XX века: по татарско-русским словарям: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, Отечество, 2005. – 234 с.
12. Юсупова А. Ш. Татарско-русские словари, изданные в первой половине XIX века // TATARICA: CULTURE, PERSONALITY AND EDUCATIO [Электронный ресурс]. URL: <http://kpfu.ru/tatarsko-russkie-slovari-izdannye-v-pervoj-pолоvine-112461.html>

Yusupova A. Sh., Denmukhametova E. N. Bilingual dictionaries of turkic peoples as a source of contrastive information / A. Sh. Yusupova, E. N. Denmukhametova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 92–100.

For acquaintance to the people, its traditions and mentality, first, it is necessary to know its language. Through comparisons of linguistic designs of the native and learned language it is possible to draw parallels, to reveal specifics of thinking and to make overall picture of the world of the people talked in this language to learn its identity. The first assistant, in this case, certainly, are translation dictionaries. In article questions of the emergence of bilingual dictionaries of the Turkic people, their structure, social and cultural functions as translation dictionaries is the major practical grant when studying other language are considered. The aim of this paper is to throw light upon the structure of bilingual dictionaries of Turkic peoples (including Tatar dictionaries) and their first publishing. Due to the changes of peoples' view to the life and their attitudes towards these changes dictionaries reflect the changes of an active vocabulary of languages. In work development of the Tatar bilingual dictionaries (especially Tatar-Russian and Russian-Tatar lexicographic sources), as one of representatives of the Turkic world is in detail investigated; the structure, methods and methods of drawing up dictionaries are reflected, the analysis is given to dictionary entries, reflecting identity and mentality of the Turkic people. The presented material is the first experience of illumination of mental qualities of the Turkic people, including the Tatar people recorded in the form of lexemes in bilingual dictionaries. They give an objective assessment of mastering of the user of sociocultural competence, reflected in lexicographic sources. Results of this research assist active use of bilingual dictionaries in studying of Turkic languages for the purpose of diagnostics of levels of proficiency as language, and identification by information on the identity of the Turkic people.

Keywords: lexicography, bilingual dictionaries, vocabulary, the Turkic languages, Tatar language, mentality.

УДК 93

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ В КАЗАНИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (XIX – нач. XX вв.)

Валеев Р. М.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Академия наук Татарстана,
Казань, Российская Федерация
E-mail: valeev200655@mail.ru*

Абидулин А. М.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: abidulinam@gmail.com*

Валеева Р. З.

*Казанский государственный институт культуры,
Казанский инновационный университет (ИЭУП), Казань,
Российская Федерация
E-mail: rozazv@mail.ru*

Статья посвящена феномену историко-научного изучения тюркского культурного наследия в России, в особенности в Казанском университете в XIX – нач. XX вв. Освещаются истоки практического и академического преподавания тюркских языков, литературы и истории в российских университетах, выделяются основоположники и направления формирования российской университетской тюркологии в России. Основное внимание уделено разнообразным историографическим и неопубликованным материалам, освещающим события, наследие востоковедов-тюркологов и итоги формирования тюркологии в Казанском университете в XIX – начале XX вв.

В XIX в. востоковедение приобретает подлинно научный и комплексный характер, во многом тюркология была основой образования и науки о Востоке в России. В последней его четверти ведущими учеными-ориенталистами была сформулирована основная задача – передавать студентам и обобщать «все знания относительно Востока, добываемые наукой, а не одни только языки его». В ориенталистике в XIX – начале XX вв. развивались филологическая и культурно-исторические дисциплины, новые методики и приемы исследований народов и стран Азии. Получило развитие классическое востоковедение, связанное с мертвыми и живыми восточными языками, литературой и историческими памятниками, древней и средневековой историей и культурой народов зарубежного Востока, азиатских территорий и народов Российской империи.

Ключевые слова: тюркология, Казанский университет, преподавание восточных языков, ориенталистика.

На протяжении XIX – начала XX вв. в России формируется и развивается классическая тюркология – актуальная научная дисциплина мирового востоковедения. Стержнем развивающейся классической тюркологии в России становится ориентация академических и университетских центров на изучение тюркских языков, исследование памятников тюркоязычной классической (современной) словесности и материальной культуры тюркских народов России и зарубежных тюркских государств

и народов. На рубеже XIX – XX вв. академическая и университетская тюркология сформулировала важные мировоззренческие, методологические и культурные (языковедческие, этнографические, эпиграфические и др.) выводы об историко-культурном наследии тюркского мира.

Университетское изучение и исследование тюркского социополитического, культурного и этнолингвистического пространства Евразии является давней и значимой традицией практических, академических и университетских центров России и Европы. Особо важную роль тюркское политическое и культурное наследие играло в истории и культуре народов России и современных тюркских государств.

В истории и культуре народов Поволжья и Приуралья и казанского востоковедения XIX – начала XX вв., в особенности университетской ориенталистики, тюркология, связанная с османистикой, арабистикой, иранистикой, исламоведением и даже монголоведением, занимает важное и почетное место. Истоки и развитие казанской научной школы российской тюркологии XIX – нач. XX вв. свидетельствуют в основном об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований.

В основе формирования казанского центра университетской тюркологии XIX – нач. XX вв. – внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные связи России со странами Востока и тюркского мира, масштабные задачи геополитического и социокультурного освоения тюркоязычного пространства имперской России, европейские традиции ориентального образования и науки и в особенности самобытные национальные научные школы и культуры тюркских народов Российской империи.

ТРАДИЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ АЗИАТСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ПЕРВОЙ КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗИЕЙ (1769–1854 гг.)

Истоки университетского преподавания тюркских языков в Казани в первую очередь связаны с Первой Казанской гимназией (образована в 1759 г.), где с 1769 г. началось преподавание татарского языка. Преподавателями татарского языка на протяжении многих лет были известные педагоги-просветители Сагит Хальфин (1732–1785), Исхак Хальфин (?–1800) и Ибрагим Хальфин (1778–1829).

Сагит Хальфин известен как автор первого в России печатного светского татарского букваря (Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, М., 1778). Он составил «Русско-татарский словарь», который был переписан в 1785 г. его сыном Исхаком Хальфиным. Также «Татарский словарь, в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татарскому языку, сочиненный при оных же гимназиях» (1785) Сагита Хальфина сохранился в трёх рукописных списках в востоковедных фондах Казани, Москвы и Санкт-Петербурга. По оценке А. Н. Кононова, «Татарский словарь» Сагита Хальфина служит свидетельством глубокого знания в России тюркских языков и «является ценным памятником тюркской лексикографии, заслуживающим специального исследования».

Ибрагим Хальфин вошел в историю российской тюркологии первой четверти XIX в. преподаванием татарского и арабского языков в гимназии и университете, а также работами в области тюркского языкознания и источниковедения (Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии, 1809, 1812 и др.). В 1825 г. совместно с Х. Д. Френом была издана «Родословная тюрков» хивинского хана и историка Абуль-Гази Бахадур-хана (1603–1663), содержащая историко-культурные материалы по средневековой истории тюркских народов Евразии.

Сохранилось эпистолярное наследие, раскрывающее научные и просто человеческие взаимоотношения Ибрагима Хальфина (1778–1829) и Х. Д. Френа (1782–1851). Письма И. Хальфина петербургскому академику-востоковеду Х. Д. Френу сохранились в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [1]. В целом в фонде Х. Д. Френа сохранились девять писем И. Хальфина, написанные в период с 1819 по 1825 годы. Все письма представляют личные автографы казанского востоковеда и просветителя и написаны в основном на русском языке, лишь одно из них – на татарском (1825 год). Они наиболее полно представляют тесные научные и культурные связи российских востоковедов первой половины XIX века, показывают совместную источниковедческую работу по подготовке к изданию «Родословного древа тюрков» Абулгази, и в целом это яркое свидетельство взаимодействия казанской и петербургской школ российского востоковедения.

Первая Казанская гимназия стала крупным светским учебным заведением России первой половины XIX в., где шло целенаправленное и систематическое преподавание ряда восточных языков, в том числе тюркских. Она явилась учебно-педагогической базой становления и развития казанского университетского востоковедения и тюркологии в первой половине XIX века.

В 20-х гг. – первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии формируется оригинальная система преподавания азиатских языков. Например, в 1822 г. было впервые официально введено изучение арабского и персидского языков с преподавателем Ф. И. Эрдманом; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И. Верниковский назначался преподавателем арабского языка; в 1828 г. А. Онисифоров стал преподавателем татарского языка; в 1833 г. К. Фойгт и А. Попов были утверждены преподавателями персидского и монгольского языков; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык и т. д.

В июне 1835 г. по докладу министра народного просвещения С. С. Уварова был утвержден указ Николая I о введении преподавания в программу гимназии г. Казани арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи.

В 1836 г. согласно «Положению о преподавании в Первой Казанской Гимназии Восточных языков» были созданы три разряда: 1) арабский и персидский, 2) турецко-татарский и персидский и 3) монгольский и турецко-татарский.

К середине XIX в. был сформирован основной преподавательский состав по изучению воспитанниками гимназии восточных языков. В апреле 1836 г. на должности преподавателей и практикантов восточных языков были утверждены: М. Казем-Бек (турецко-татарский язык), К. Фойгт (персидский язык), М. Первухин (арабский язык), А. Попов (монгольский язык), лама Г. Никитуев (практические занятия по монгольскому языку), Н. Сонин (практические занятия по персидскому языку), мулла М. Алиев (практические занятия по турецкому языку). В ноябре 1838 г. в программу гимназии был введен китайский язык и назначен преподавателем архимандрит Даниил. В 1842 г. Г. Гомбоев назначен преподавателем монгольского языка. В октябре 1842 г. введен армянский язык с преподавателем С. И. Назарьянцем. В январе-феврале 1843 г. М. Г. Махмудов был назначен преподавателем восточной каллиграфии и до 1855 г. преподавал также турецко-татарский язык. В сентябре 1845 г. Абд. Казем-Бек определен сверхштатным лектором турецко-татарского языка. В 1848 г. на должности восточных языков были назначены: В. Михайлов (татарский язык), К. Попов (персидский язык), М. Навроцкий (арабский язык), Г. Гладышев (армянский язык). В декабре 1852 г. Ахмет бен Хусейн назначен надзирателем живого арабского языка. В 1853 г. прекратилось преподавание армянского языка, К. Голстунский стал исполнять должность учителя монгольского языка и утверждена «таблица распределения уроков по классам» с восточными языками – арабским, персидским, турецко-татарским, монгольским, китайским, маньчжурским и т. д. Это лишь наиболее важные учебно-педагогические даты и славные имена.

В 40-х – первой половине 50-х гг. XIX в. произошли существенные изменения в организации и методике изучения восточных языков в Первой Казанской гимназии.

Например, в 1841–1845 гг. особые комитеты в составе профессоров разряда восточной словесности Казанского университета рассматривали «неудобства, которые были замечены в распределении преподавания восточных в первой Казанской гимназии», и сформулировали «надежные основания к успешности на будущее время» изучения восточных языков, а также составили новые распределения языков – арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и китайского.

Важным итогом деятельности комитетов стало составление «Правил для восточного отделения Первой Казанской гимназии», «Положения о преподавании азиатских языков в Первой Казанской гимназии» и новых «Распределений преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии», составленные Мирзой А. К. Казем-Беком (арабский, персидский, турецко-татарский), архимандритом Даниилом (китайский язык, в 1841 г.), А. В. Поповым (монгольский язык), И. П. Войцеховским (китайский язык).

«Правила для восточного отделения Первой Казанской гимназии» состояли из следующих положений: в отделение поступали ученики с 3-го класса гимназии; курс изучения азиатских языков распределялся на пять лет; воспитанники восточного отделения освобождались от изучения «высших частей математики, физики, немецкого и славянского языков, рисования и черчения»; в отделение принимались воспитанники «по удостоверению в их хороших способностях и совершенно основательном

знании предметов, положенных для первых двух классов гимназии»; слабые ученики могли оставаться в отделении не более двух лет, не переводились в высшие классы или исключались из гимназии и другие.

По проекту «Положения о преподавании азиатских языков в Первой Казанской гимназии» 1845 г. преподавание восточной словесности подразделялось на пять рядов: 1) арабско-персидский, 2) арабско-турецкий, 3) армянско-турецкий, 4) китайско-маньчжурский и 5) монгольско-маньчжурский.

Из 80-ти казеннокоштных гимназистов учебного заведения восточные языки должны были изучать 15 воспитанников: 4 – арабский и персидский, 4 – арабский и турецкий, 3 – армянский и персидский (турецкий), 2 – китайский и маньчжурский и 2 – маньчжурский и монгольский.

В 1850–1851 гг. прошел заключительный этап обсуждения и изменений в системе преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии и университете. Наиболее значительными недостатками профессора разряда восточной словесности считали: неудовлетворительное распределение преподавания языков в гимназии; низкий контроль за успешным преподаванием и изучением предметов восточной словесности; отсутствие связи между гимназическим и университетским преподаванием; постоянный переход воспитанников восточного отделения гимназии на другие факультеты университета и т. д.

Важным нововведением стала идея практической интеграции гимназических и университетских курсов по восточным языкам, в том числе тюркских.

Главные дополнения и изменения в существовавшей системе преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии в 1851 г. были сформулированы в следующих положениях: изучение восточных языков имело целью «особенное» образование воспитанников и начиналось с IV класса гимназии, так как они «должны основательно знать языки русский и французский» и иметь предварительный запас сведений для большего понимания теории «языков восточных сравнительно с другими языками»; преподавание монгольского языка дополнялось изучением турецко-татарского, как самого ближайшего к монгольскому языку «в лексическом и синтаксическом отношении»; «преподавание восточных языков в Первой Казанской гимназии должно быть теоретическое и практическое», осуществляемое старшими учителями и надзирателями «из иноверцев»; старшие учителя преподают восточные языки в каждом классе по 2 урока или во всех четырех классах по 8 уроков, а надзиратели ведут занятия в свободное от общего преподавания время 8 уроков в неделю или по 2 урока в класс «под наблюдением старших учителей»; для изучения азиатских языков избираются «отличнейшие казенные воспитанники, преимущественно оказывающие способности в языкознании»; «в Первой Казанской гимназии, как единственном учебном заведении в России, предназначенном для образования молодых людей по разным отделам восточного языковедения, должно быть положено казенных воспитанников для изучения азиатских языков 40 человек, из которых 15 назначаются по разряду арабско-турецко-татарского языка, 8 армянско-персидского, 8 монгольско-турецко-татарского, 5 маньчжурско-китайского и 4 армянско-персид-

ского»; выпускники гимназии, желающие поступить в университет, зачисляются в штат казенных студентов или становятся стипендиатами Первой Казанской гимназии по разряду восточных языков.

Профессорами и преподавателями университета были составлены новые программы преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии, которые сохранились в отечественных архивных фондах (РГИА, НА РТ и др.). «Проект нового положения о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» констатировал основные учебные и методические принципы теоретического и практического преподавания арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского и армянского языков.

Теоретическая часть преподавания восточных языков включала следующие положения: «чтение и письмо» (IV класс); «подробное изложение этимологии» и «легкие переводы с тщательным этимологическим разбором и объяснением» (V класс); «краткое систематическое изложение синтаксиса» и «продолжение переводов» (VI класс); «продолжение чтения» и «толкование трудных переводов» (VII класс) и другие.

Практическое преподавание восточных языков в гимназии должно было ориентировать надзирателей: на «чтение печатных сочинений и рукописей, писанных разными почерками, с особенным наблюдением за правильным произношением» (IV–V классы); «составление фраз из заученных слов» или «устные переводы», а также «разговоры» на азиатских языках (V–VI классы); «заучивание наизусть и декламация избранных поэтических отрывков и упражнения в сочинении частных писем и деловых бумаг, употребительных в общежитии» (VII класс) и т. д.

«Проект нового штата для преподавания в Первой Казанской гимназии восточных языков» включал шесть старших преподавателей арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского и армянского языков, семь комнатных надзирателей для «практического обучения воспитанников живым восточным языкам: персидскому, турецкому, татарскому, монгольскому, калмыцкому, китайскому и армянскому», а также учителя мусульманской каллиграфии «для обучения письму на языках: арабском, персидском и турецко-татарском по разным почеркам».

В 1853–1855 гг. на восточном отделении Первой Казанской гимназии произошли переломные изменения, которые привели к закрытию уникального востоковедного отделения в учебном заведении. В мае 1853 г. прекратилось преподавание армянского языка. В октябре 1853 г. была составлена новая «таблица распределения уроков по классам» в Первой Казанской гимназии, которая включила арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский и маньчжурский языки. В октябре 1854 г. вообще прекращалось преподавание восточных языков (за исключением татарского языка), и преподаватели восточных языков переведены на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета или оставили свои преподавательские должности.

В целом период середины – второй половины XIX в. в российском востоковедении связан с ограничением и прекращением изучения восточных языков в средних общеобразовательных заведениях России. Проект централизации востоковедческого

образования и науки в Санкт-Петербурге и его осуществление на базе факультета восточных языков университета в 1854/1855 гг. отразился на системе преподавания азиатских языков в гимназиях и училищах в России второй половины XIX – нач. XX вв.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ОРИЕНТАЛИСТИКА И ТЮРКОЛОГИЯ В КАЗАНИ (XIX – нач. XX вв.)

Университетский устав 5 ноября 1804 г. предусматривал на словесном отделении профессора восточных языков и лектора татарского языка.

Истоки преподавания восточных языков в Казанском университете были связаны с татарским языком, которому обучались воспитанники под руководством И. Хальфина (1778–1829). Первый попечитель Казанского учебного округа (1803–1812) С. Я. Румовский (1734–1812) в августе 1805 г. поручил директору Первой Казанской гимназии (1804–1819) и ректору университета (1805–1814) И. Ф. Яковкину (1764–1836) выбрать 5 способных молодых юношей для дальнейшего обучения татарскому языку. Также было рекомендовано И. Хальфину заняться составлением новой грамматики татарского языка.

Указом Александра I от 10 июля 1807 г. доктор философии и профессор Ростокского университета Христиан Мартин Френ (Х. Д. Френ) (1782–1851) был назначен ординарным профессором восточной словесности в Казанском университете (1807–1817). Эти официальные мероприятия положили начало формированию казанского университетского востоковедения и тюркологии.

В первые два десятилетия истории казанской университетской ориенталистики заметны две противоположные тенденции, которые особо наглядно представлены в позициях профессора истории и политической экономии П. С. Кондырева (1789 – 1823) и попечителя Казанского учебного округа в 1819–1826 гг. М. Л. Магницкого (1778–1855).

В своей программной речи профессор П. С. Кондырев на торжественном заседании «Общества любителей отечественной словесности» 12 декабря 1814 г. говорил: «Кроме общих предметов занятий, мы имеем еще некоторые такие, кои ближе к нам по обстоятельствам и на кои можем иногда с пользою обращать внимание. Мы живем между многими иноплеменными народами, в древнем татарском царстве, в виду бывшей болгарской столицы. Татары, чувашы, черемисы, мордва, вотяки, зыряне окружают нас. Армяне, персияне, башкиры, калмыки, бухарцы и китайцы ближе к нам, нежели к другим обществам. Мы удобнее можем иметь, касательно языка или словесности их, сношения и из одного делать употребление. Как полезно собирать различные песни сих народов, сказания, записки, повести, книги, надписи и т. п. и все сие еще весьма ново. В Астрахани можно познакомиться более с древностями Кавказских гор, с грузинскою, армянскою и персидскою словесностью... в Иркутске и Троицкосавской крепости с китайскою словесностью; в первом городе с бурятскими и других народов памятниками. Составление словарей сих языков, филологическое их исследование также не бесполезно».

Официальная инструкция Магницкого, составленная в 1820–1821 гг. преподавателям восточной словесности Казанского университета, обязывала: «Профессор... не имеет нужды вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к... преданиям Магомета и первых учеников его... Не нужно равномерно ему входить во все то, что писано об Алкоране, в отношении его к судопроизводству. Он покажет в истории их, из древнейших стихотворцев заимствованной, те баснословные предания, на коих она основана. Он покажет в поэзии их, сколько она поверхностна и как отличается одним блеском мыслей и смелостью выражений... Все сие представит профессор с тем намерением, чтобы открыть слушателям своим, что в арабской мудрости нет ничего особенного, что она почерпнута от греков и есть не что иное, как философия Аристотеля, пламенным их воображением искаженная. Он вообще ограничится преподаванием языков арабского и персидского в том единственно отношении, в котором они торговым и политическим связям для России могут быть полезны».

Однако вопреки этой официальной установке формируются подлинно научные, гуманистические, образовательные и культурные традиции в казанском востоковедении и тюркологии.

Прежде всего размывался «варварский образ» Азии, формировались объективные знания об истории и культуре восточных (тюркских) народов, расширялись и углублялись географические и исторические представления об окружающих азиатских странах, усиливались историко-культурные связи народов России с Востоком. В российском имперском обществе усиливались уважение к «чужой» культуре и ценности традиционных культур Востока. Принципы гуманизма, равноправия и равнозначности цивилизаций и культур особенно заметны в многообразной деятельности отечественных востоковедов-тюркологов. Стремление востоковедов России к познанию и признанию культур народов и цивилизаций Востока превращалось в осознанную потребность общества и государства. Ориентальное образование и наука о Востоке стали важной основой культуры народов, проживающих в России. Геополитическое и географическое положение России между Европой и Азией, между Востоком и Западом способствовало развитию феномена научного и практического ориентализма. Синтез историко-географических, многообразных этнических зон, культур и религий в Российской империи играл определяющую роль в истории мирового и российского востоковедения, в том числе казанского центра востоковедения.

Плодотворным этапом в развитии востоковедения в университете стали конец 20-х – 40-е гг. XIX в.

В декабре 1827 г. попечитель учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин, обосновывая «умножение» кафедр в университете, высказал идею создания при университете Восточного института, «столь полезного для образования молодых людей, могущих быть: употребленными в постоянных торговых и политических сношениях России с государствами восточными и отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и проч. Народов, там обитающих и России столь мало известных».

В проекте, направленном из Казани в Петербург, предлагалось на словесном факультете университета образовать два разряда кафедр: в первом с «славянскими и

прочими», а во втором с персидским, арабским, турецким, татарским, маньчжурским, монгольским и армянским языками. Однако в ноябре 1829 г. «Комитет устройства учебных заведений» считал «необходимым, чтобы все наши университеты равны были по предметам преподавания и ни в одном из них не полагает иметь кафедры для языков восточных, а вместо сего положить учредить в С.-Петербурге особое отделение обнимающее вполне все восточные языки...».

Первая целостная программа формирования и развития университетского востоковедения в Казани была изложена попечителем учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным 14 апреля 1833 г. в письме в Министерство народного просвещения. Он, оценивая состояние востоковедения в университете, писал, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам, и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трехлетнего академического курса при многообразности предметов в оный входящих недостаточно для усовершенствования в восточных языках. Сверх того казенно-коштные студенты, занимавшиеся прилежно восточными языками, при окончании курса определяются наравне с прочими в старшие учителя гимназии. И так все их труды, все их успехи, все их познания в языках восточных остаются совершенно бесполезными, как собственно для них, так и для государства, и они, не имея в виду никакой цели, побуждающей их к усовершенствованию и распространению сведений, оставляют наконец совершенно свои занятия».

Позиция М. Н. Мусина-Пушкина заключалась в следующем: «Казань, соединяя Европейскую Россию с Азиатскою, служа складочным местом для товаров восточных, привлекая обширную торговлю своею азиатцев, заключаая много татар, а в числе их довольно образованных, обучавшихся в Бухарии, – есть... то место, где весьма легко соединено быть может без больших издержек теоретическое и практическое изучение языков восточных».

Надо выделить следующие важные официальные меры, которые развили систему казанского университетского востоковедения. В октябре 1826 г. появился приказ министра народного просвещения А. С. Шишкова о назначении А. К. Казем-Бека на должность лектора восточных языков. В мае 1833 г. С. С. Уваров утвердил «Правила для обучающихся восточным языкам в Казанском университете». В июле 1835 г. введен дополнительный двухгодичный курс «теоретического и практического изучения» восточных языков. В июле 1835 г. «Общий устав императорских российских университетов» утвердил в программе философского факультета Казанского императорского университета предметы «восточной словесности» – арабский, персидский, турецко-татарский и монгольский языки. 19 января 1837 г. указом Николая I увеличивается до 14 человек число казенно-коштных студентов «класса восточной словесности». В июне 1840 г. приказом попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина утверждаются «Правила для выпускников Казанского университета, оставленных при университете для усовершенствования в восточных языках», включающие переводы, упражнения в разговорном языке, лекции, составление сочинений, преподавание азиатских языков в первой Казанской гимназии и др. В марте 1843 г. министром народного просвещения утверждено «Распределение пред-

метов по разряду восточной словесности в императорском Казанском университете» в шести разрядах – арабско-персидской, турецко-татарской, монгольской, китайской, санскритской, армянской словесности и т. д.

В 1835–1837 гг. основные курсы восточных языков: арабский, турецко-татарский, персидский и монгольский – были объединены в разряд восточной словесности философского факультета Казанского университета.

Формирование семи восточных кафедр, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, явилось значительным событием. История образования и деятельности востоковедных кафедр университета имеет особое значение. Судьба восточных кафедр университета и их учебно-педагогическая и научная роль была неоднозначной. В первой половине XIX в. ведущую роль играли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому Востоку и Центральной Азии.

Основой разряда восточной словесности Казанского университета в 1828–1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры. В 40-х гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр – индустанского, тибетского и еврейского языков.

В 1851–1854 гг. указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» (октябрь 1854 г.) предопределили новую правительственную политику по созданию ведущего востоковедческого центра России во второй половине XIX – начале XX вв. в Петербурге. Тем не менее, особенно институционализация тюркологии и тюркологические комплексные исследования развиваются в университете и в других образовательных и научных центрах.

В первой половине – середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета становится учебным и научным центром изучения истории и культуры народов мусульманского Востока. Этот период связан с развитием научных дисциплин – тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения и т. д. Страны зарубежного мусульманского мира – Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) – стали объектом исследования в трудах и статьях казанских университетских востоковедов Х. Д. Френа, И. Хальфина, Ф. И. Эрдмана, А. К. Казем-Бека, С. И. Назарьянца, И. Н. Березина, В. Ф. Диттеля, И. Ф. Готвальда и др.

В XIX – начале XX вв. в Казани и Казанском университете особенно прослеживается тенденция институционализации и профессионализации университетской и академической дисциплины – комплексной тюркологии в рамках направления исследования арабо-мусульманской цивилизации. С полной достоверностью мы можем выделить преемственность в формировании и развитии тюркологических исследований в Казани в XIX – начале XX вв.

Важную роль в генезисе российского востоковедения и тюркологии сыграли Петербургская академия наук и университеты. На протяжении всего XIX в. в Академии наук блестящая группа ученых представляла Казанскую школу востоковедов. Прежде всего это арабист и нумизмат Х. Д. Френ и его ученик А. О. Ярцов, тюрколог и иранист А. К. Казем-Бек, монголовед и буддолог О. М. Ковалевский, китаевед и буддолог В. П. Васильев. С 1870 г. в Петербургской академии наук были представлены известные казанские ориенталисты: арабист, иранист И. Ф. Готвальд, тюрколог и миссионер Н. И. Ильминский и тюрколог, языковед, этнограф В. В. Радлов.

Историко-научный интерес представляют письма основоположника Петербургской школы востоковедов арабиста В. Р. Розена и письмо неперменного секретаря Академии наук экономиста К. С. Веселовского казанскому тюркологу Н. И. Ильминскому, а также письмо востоковеда археолога и нумизмата В. Г. Тизенгаузена инспектору татарских, башкирских и казахских школ Казанского учебного округа В. В. Радлову. Послания датируются 1881–1884 гг. и публикуются впервые.

Этот пласт эпистолярных источников особенно интересен для осмысления истории университетской и академической ориенталистики и тюркологии в России и дополняет сведения о тесных личных и профессиональных связях ученых-востоковедов Санкт-Петербурга и Казани последней четверти XIX в. Данные источники позволяют отметить сохраняющуюся значимость казанского центра востоковедения и роль ряда его представителей второй половины XIX – начала XX вв.

В своем письме от 7 октября 1881 г. В. Р. Розен, предлагая занять вакансию ординарного академика по кафедре мусульманских языков, писал Н. И. Ильминскому: «Я знаю очень хорошо, что Вы имеете в Казани дело, которому Вы горячо преданы и которое до известной степени держится именно Вашим трудом и Вашей заботой. Но мне кажется, что и здесь в Петербурге Вы найдете возможность следить за этим делом и поддерживать его самым действительным и плодотворным образом, именно образованием новых деятелей по татарскому языкознанию. Вы согласитесь со мной, что мы именно нуждаемся в знатоках тюркско-татарских языков; русский ориентализм не может же выпустить из своих рук ту именно область, в которой он по самой природе вещей должен быть впереди западных ориенталистов, и государство не менее заинтересовано в образовании знатоков этих языков [2].

Это эпистолярное наследие интересно в следующих аспектах. Во-первых, они являются автографами крупнейших российских востоковедов XIX в. Во-вторых, в письмах В. Р. Розена и К. С. Веселовского изложено личное предложение Н. И. Ильминскому занять должность ординарного академика по разряду ориентализма и дана высокая оценка его вклада в востоковедение. Надо отметить, что Н. И. Ильминский отказался от должности ординарного академика и рекомендовал вместо себя В. В. Радлова. В-третьих, здесь мы находим уникальную оценку состояния академического востоковедения, его тюркологической составляющей и роли некоторых отечественных ученых. В-четвертых, в письмах особенно остро чувствуются личное настроение и позиция человека и ученого. В целом содержание этой небольшой переписки может послужить оригинальным материалом к составлению

научных биографий российских академиков-востоковедов и истории отечественной тюркологии XIX в.

В настоящее время подготовлен к публикации проект «Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846)», посвященный 200-летию Азиатского музея и 210-летию создания кафедры восточной словесности Казанского университета. В издании впервые публикуются на английском языке и в русском переводе письма тюрколога, ираниста и арабиста, профессора Казанского университета Мирзы А. К. Казем-Бека к выдающемуся петербургскому ориенталисту, ординарному академику Санкт-Петербургской АН Х. Д. Френу. Издание также включает факсимильное воспроизведение документов, хранящихся в личном фонде академика Х. Д. Френа в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира было сконцентрировано по следующим основным направлениям: подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектация фонда восточных рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных и материальных восточных памятников и источников; перевод восточных авторов; осуществление научных путешествий на мусульманский Восток, оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т. д.

В 1836 г. профессорами Ф. И. Эрдманом и Мирзой А. К. Казем-Беком были составлены списки наиболее важных мусульманских (в том числе тюркских) сочинений с целью приобретения их для университетской библиотеки. Эти списки казанских востоковедов основывались на известном источниковедческом издании Х. Д. Френа [3, 4].

В 1843 г. в восточном отделе университетской библиотеки насчитывалась 61 книга (в том числе рукописи) на арабском языке, 62 – на персидском, 23 – на турецком, 3 – на еврейском и 1 – на коптском языке. В 1853 г. в библиотеке уже было 206 книг и рукописей на арабском, 157 – на персидском, 43 – на турецком, 11 – на татарском и 1 – на зендском языке [5, с. 57; 6, с. 12; 7].

Научное наследие Мирзы А. К. Казем-Бека основано на текстологическом изучении разнообразных письменных памятников народов и стран мусульманского Востока.

Основным направлением его научной деятельности в области арабистики, тюркологии, османистики и иранистики в Казани (1826–1849 гг.) и Санкт-Петербурге (1849–1870 гг.) стали поиск, комплектация, изучение мусульманских рукописей и книг, переводы классических текстов арабо-мусульманской цивилизации.

В истории российской и мировой ориенталистики Мирза Казем-Бек известен как крупнейший представитель текстологического изучения оригинальных письменных манускриптов народов мусульманского Востока. Его научно-критический метод текстологического изучения особенно прослеживается в опубликованных им работах, посвященных известным арабо-мусульманским источникам: «Ассеб-ус-сей-яр,

или Семь планет...» (1831), «Мюхтесерюль-викгает» (или «Сокращенный викгает») (1845), «Сабат аль-аджизин» (1847), «Дербенд-наме» (1851), «Полный конкорданс Корана...» (1859), «Шераи уль-Ислам. Кн. 1. О торговле и залоге» (1862), «Шераи уль-Ислам, Кн. 2. О наследстве» (1867) и др.

В своем первом письме Френу в 1831 г. Казем-Бек писал: «Как знак моего уважения и глубоко покорных чувств, я осмелился направить вместе с этим письмом образец моей диссертации в рукописи (послал «Ат-тухфат», «Скромный подарок из учёного сада арабского народа» (прим. – Р. В., Р. В., Т. З.) на соискание должности адъюнкта восточной словесности; и, кроме того, мое предисловие к Крымской истории Сеид-Мохемеда Ризы... (as-sab'u-s-sauuār, полное название as-sab'u as-sauuār fī aḥbār mulūki tatar (араб.), «Семь планет в известиях о татарских царях» (1737 г.) – история крымских ханов турецкого писателя и историка Сейида Мухаммеда Ризы (умер в 1756 г.), ныне находящейся в печати. Надеюсь, Вашему превосходительству будет приятно получить их» [8].

Биография и наследие казанских университетских востоковедов, их научные и просветительские направления деятельности связаны с преподаванием арабо-мусульманских языков (арабского, персидского, турецкого), в частности турецко-татарского языка, с лингвистическими, литературоведческими, историческими, этнографическими исследованиями в области языков, литературы, истории и культуры тюркоязычных народов Евразии.

Известные государства и общества тюркского мира – Волжская Булгария, Улус Джучи, Османская империя и географические и историко-культурные регионы традиционного проживания тюркских народов Российской империи (Поволжье и Приуралье, Сибирь, Кавказ и Средняя Азия, Крым) – стали объектом и предметом исследования казанских университетских востоковедов-тюркологов XIX – нач. XX вв. Х. Д. Френа, И. Хальфина, Ф. И. Эрдмана, А. К. Казем-Бека, И. Н. Березина, В. Ф. Диттеля, И. Ф. Готвальда, М. Г. Махмудова, И. Н. Холмогорова, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, С. Е. Малова и др.

Николай Фёдорович Катанов (1862–1922) – один из крупнейших национальных учёных и подвижников российской тюркологии, образования и культуры. Его многообразная научная и педагогическая деятельность – яркое свидетельство развития в России тюркологической науки на рубеже XIX–XX веков. Научное наследие и судьба учёного в значительной степени отражают единство и многообразие истории и культуры тюркоязычных народов России и других регионов.

Феномен личности и многообразная научная деятельность Н. Ф. Катанова, к сожалению, пока недостаточно изучены. Между тем, биография учёного для наших современников представляет не только исторический интерес, его судьба остаётся ярким, поучительным примером служения науке и народу.

В 1889–1893 гг. он совершил научную экспедицию в Сибирь и Восточный Туркестан, организованную Русским географическим обществом, Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения, где в течение четырёх лет изучает языки и этнографию тюркских народов. Это путешествие стало важным

этапом его становления как учёного. По ценности и значимости собранных им географических, лингвистических и историко-культурных материалов оно достойно быть названным в одном ряду с экспедициями в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществлёнными на рубеже веков выдающимися исследователями (Ч. Ч. Валиханов, Г. Н. Потанин, Н. М. Пржевальский, братья Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло, В. И. Роборовский, В. В. Радлов, П. К. Козлов, Г. Н. Цыбиков, В. В. Бартольд и другие).

Исследования Н. Ф. Катанова, посвящённые языкознанию, фольклористике, музейному делу, нумизматике, библиографии, традиционным и новым формам экономической и социальной жизни, быту, фольклору и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Сынцзяня, Поволжья и Приуралья, выдвинули его в ряд крупнейших востоковедов России и Европы. Его вклад в развитие тюркологии поистине неограничен, хотя из-за отсутствия в то время социальных и педагогических условий ему не удалось создать в Казани научную школу российской тюркологии.

Большой интерес представляет и эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова. Первые сохранившиеся письма, которые он начал писать своим наставникам, друзьям и коллегам, датируются 1884 годом. Переписка продолжалась до самой его смерти. Письма дают возможность по-новому осветить многие значимые вехи его творческой биографии.

В истории отечественной тюркологии известны письма Н. Ф. Катанова академику В. В. Радлову в период с 17 апреля 1889 года по 12 ноября 1892 года, написанные в ходе комплексной этнографической и лингвистической экспедиции по Южной Сибири и Восточному Туркестану. В 1893 году, предвзято публикуя эти письма, В. В. Радлов отмечал, что в них «немало сведений, новых и интересных для этнографии и тюркологии (тюркологии. – Р. В.)». Зачинатель комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций в места проживания тюркских народов Сибири, В. В. Радлов обратил внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что писаны на местах исследований и под свежим впечатлением». Именно Н. Ф. Катанову довелось продолжить комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии.

Большой интерес представляют неопубликованные письма Н. Ф. Катанова, адресованные крупным отечественным востоковедам – В. В. Радлову, В. Р. Розену, Э. К. Пекарскому, С. Ф. Ольденбургу, К. Г. Залеману и другим.

Например, он писал К. Г. Залеману в 1890 г.: «Теперь я занят переписыванием лингвистич[еских] материалов, собранных за время с октября 1889 г. по апрель 1890 года (у Минус[инских] татар и карагасов). Всего накопилось около 3.000 стран[иц]». В 1892 г. писал В. Р. Розену: «Из Петербурга я поехал в Сев[ерную] Монголию, где исследовал Урянхайское наречие; потом в Вост[очной] Сибири исследовал быт и язык карагасов и минусинских татар; затем в Ср[едней] Азии исследовал быт и языки казак-киргизов и сартов, русских и китайских. Сколько я собрал и представил к печатанию, можете узнать у В. В. Радлова и Н. И. Веселовского». В 1901 г. из Казани

писал Э. К. Пекарскому: «...Я нахожу много сходного с чертами шаманства южно-сиб[ирских] тюрков и урянхайцев Сев[ерной] Монголии, быт, язык и верования которых я исследовал в 1889–1892 годах. Так как Вы вполне научно и основательно занимаетесь якут[ским] яз[ыком], то мне будет весьма приятно принести Вам весною, а может и раньше, в дар моё обширное исследование об урянхайском языке, который, по мнению моему, вместе с карагасским сходен с якутским, а потому моё исследование будет Вам, быть может, не бесполезно и для тюркологии и не бесследно, так как Вы можете, глядя на него, многое осветить иначе, ибо Вы стоите у источника, мало исчерпанного, и к тому, чтобы черпать из него, обладаете лучшими средствами, чем многие наши рус[ские] учёные».

Огромное значение представляют неопубликованные дневники и разнообразные записи известного казанского тюрколога-языковеда, этнографа и фольклориста. Дневник путешествия в Туву (Урянхайскую землю) Н. Ф. Катанова вышел в свет только в 2011 г., более века пролежав в архиве петербургской Кунсткамеры. Его Дневники путешествия и разнообразные фольклорные, лингвистические и этнографические материалы, собранные в Сибири, Сынцзяне, Тарбагатае, Семиречье, Поволжье и Приуралье, сохранились в отечественных архивных центрах и фондах. Например, в перспективе будет реализован проект подготовки и издания дневника Н. Ф. Катанова 1890 г. «Путешествия по Сибири, Джунгарии и Восточному Туркестану» и другие.

Исключительное значение в отечественной тюркологии и истории и культуре народов России имела деятельность национальных представителей тюркских народов империи в Казани (Х. Амирханов, Ш. Марджани, К. Насыри, Р. Фахретдинов, Х. Фаизханов, Г. Ахмаров, А. Ильясов, Ш. Ахмеров, Г. Губайдуллин, Г. Баттал, А. Курат, З. Валиди, Н. Золотницкий, Н. Никольский, В. Магницкий, Н. Ашмарин и др.).

В целом в Казани и Казанском университете на протяжении XIX – начала XX вв. в России формируется и развивается практическая и университетская классическая тюркология – актуальная научная дисциплина мирового востоковедения. Истоки практической и научной тюркологии в России связаны с комплексным исследованием арабо-мусульманского Востока, тюркского и монгольского миров. Базой развивающейся классической тюркологии в России становится ориентация академических и университетских центров на изучение тюркских языков, исследование памятников классической словесности и материальной культуры тюркской цивилизации. Формирование и развитие российской тюркологии, в том числе казанской научной школы тюркологов XIX – нач. XX вв. свидетельствует об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований.

Список литературы

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 778, оп. 2, д. 339.
2. НА РТ, ф. 968, оп. 1, д. 38, л. 12–14.
3. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 4527, л. 8–9.
4. Френ Х. Д. Хронологический список ста сочинений, преимущественно исторического и геогра-

фического содержания, на арабском, персидском и турецком языках, недостающих большей частью в европейских библиотеках, коих отысканием в оригиналах или в верных копиях следовало бы заняться для пользы наук особам, имеющим свое пребывание на Востоке. – СПб., 1834.

5. Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). – Казань, 1972.

6. Романов Я. С. Краткий очерк истории Научной библиотеки Татарской республики при Казанском госуниверситете. 1809–1839 гг. – Казань, 1940.

7. Готвальд И. Ф. Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке имп. Казанского университета. – Казань, 1855.

8. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 778, оп. 2, д. 130, л. 1об. 12.

Valeev R. M., Abidulin A. M., Valeeva R. Z. The University Turcology in Kazan: Traditions and innovations (XIX – the beginning of the XX centuries) / R. M. Valeev, A. M. Abidulin, R. Z. Valeeva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 101–116.

The article is devoted to the phenomenon of historical and scientific study of the Turkic cultural heritage in Russia, especially in the University of Kazan in the Nineteenth – early XX centuries. Cradles of practical and academic teaching Turkish language, literature and history at the Russian universities, distinguished founders and the direction of formation of the Russian University Turkic Studies in Russia. The focus is on a variety of historiographical and unpublished materials, covering events, heritage Orientalists-Turkic studies and the results of the formation of Turkic Studies at the University of Kazan in the nineteenth – early twentieth centuries.

In the XIX century. Oriental becomes truly scientific and comprehensive, largely turkology was the basis of education and science of the East in Russia. In the last quarter of its leading scientists, Orientalists formulated main task – to convey to students and compile «all the knowledge on East mined by science, and not alone its language». In Orientalism in the XIX – early XX centuries. developed philological and cultural historical disciplines, new methods and techniques of research nations and Asian countries. Have developed a classical Oriental, connected to the dead and the living oriental languages and literature, and historical monuments, ancient and medieval history and culture of foreign peoples of the East, the Asian territories and peoples of the Russian Empire.

Keywords: Turkology, Kazan University, teaching oriental languages, Orientalism.

УДК 811.512'373

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Галиуллина Г. Р.

*Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Казанского федерального университета
E-mail: caliullina@list.ru*

Доклад посвящен анализу прецедентных имен, функционирующих в современном татарском языке. Анализу подвергаются отдельные антропонимы, хорошо известные представителям татарского лингвокультурного пространства, которые являются актуальными в познавательном и эмоциональном аспектах и активно функционируют в речи татар.

Ключевые слова: татарский язык, прецедентные имена, антропонимия, лингвокультурология.

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистических исследованиях последних лет заметна тенденция роста интереса к изучению вопросов взаимодействия ономастической и апеллятивной лексики. Если раньше исследования велись в узко специализированной направленности, акцентированной на структурализме, стремлении к описанию отдельных характеристик тех или иных языковых единиц, то в последнее время усилилась тенденция к логическому анализу элементов языка, рассмотрению их в контексте народной культуры, народного менталитета. Такой подход к языковой системе более отчетливо наблюдается в работах, которые направлены на изучение прежде всего разговорного языка. Тем не менее в лингвистике крайне мало работ, которые посвящены комплексному анализу ономастической системы отдельного языка в плане семантики и прагматики. В отечественной лингвистике в рамках теории прецедентности выполнены работы Ю. Н. Караулова [4], В. В. Красных [5], Д. Б. Гудкова [2], Е. А. Нахимовой [6], О. Н. Долозовой [3] и др. В татарском языкознании отдельные аспекты данной проблемы отражены в работах Г. Р. Галиуллиной [1], Амировой Р. М. [10], Г. С. Хазиевой-Демирбаш [9] и др. Практически не подвергалось монографическому исследованию функционирование прецедентных имен в современном татарском языке. Именно эта проблема избрана предметом рассмотрения в настоящей работе. Материалом для исследования послужили примеры, извлеченные из Письменного корпуса татарского языка (<http://corpus.tatar/main.htm>) и Татарского национального корпуса «Туган тел» (<http://web-corpora.net>) методом сплошной выборки [7, 8].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В языке имена собственные употребляются не только в собственной функции, они имеют очень широкий диапазон функционирования. Одним из спорных моментов, относящихся к природе имен собственных, является функционирование последних в качестве нарицательных имен. В процессе употребления вне прямой референции

имена собственные способны вбирать в себя те свойства, которые характерны для нарицательных слов. В таком случае ономастическая лексика служит производящей основой для семантической деривации. Такое имя собственное, с одной стороны, неразрывно связано со своим носителем и содержит важную информацию о нем, а с другой – обретает самостоятельность и способность обозначать признак в отвлечении от своего носителя. Кроме того, в процессе вторичной функции имя собственное наполняется не только внутренней формой, но и отражает национально-культурное мировоззрение народа. В языковом материале можно найти сотни таких примеров, например: *Гобэй белэн Хобэй булу; Рамазан агай килде; Гали үз эшендә, Вәли үз эшендә; Бәдигъ мәзин күркәсе; Галигә дуслыктан түгел, Моговиягә дошманлыктан; Габдулла биясе; Хужа Насретдин ишәге; Тыр-тыр Зариф; Сафура бураны* и многие другие. На переход онимов в разряд нарицательных слов влияют не только языковые, но и внеязыковые факторы.

В рамках теории прецедентности (Ю. Н. Караулов [4], В. В. Красных, Д. Б. Гудков [2, 5] и др.) имена такого типа рассматриваются как один из прецедентных феноменов, наряду с текстом, ситуацией, высказыванием, и называются прецедентными именами. Под прецедентным именем понимается индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, *Мамай явы, Хужа Насретдин* и т. д.) или с прецедентной ситуацией (например, *Шәкур карак, Шомбай, Мәжнүн гыйшыкы*). Исследуя прецедентные имена в русском языке, О. Н. Долозова на примере прецедентного имени Золушка выделяет характеристики конкретного человека, группы людей, социальных или культурных феноменов материальных предметов, ситуаций [3].

Прецедентные имена, функционирующие в современном татарском языке и хорошо известные всем представителям татарского лингвокультурного пространства, объединяются в две большие группы – имена мифологических, литературных героев и реальных личностей.

Среди первой группы имен наиболее распространенным является мужское имя *Мәжнүн*. В прямой референции данный антропоним в современном татарском языке практически не используется, однако его функциональный потенциал вне прямой референции весьма объемён. Для представителей татарского лингвокультурного сообщества *Мәжнүн* – прежде всего герой известной во всем восточном мире поэмы классика персидской поэзии Низами Гянджеви «Лейли и Меджнун». В татарском лингвокультурном сообществе данное имя весьма часто употребляется в отношении безнадежно влюбленного молодого человека или же целого культурного феномена: *Мәжнүн кебек, мәхәббәттә янып...* (Р. Вәлиев); *Өлкән яшьтәге язучының эстетик идеалы – теше төшеп бетсә дә кызлар дип уфыручы мәжнүн зат – сакаллы сабый түгел, ә рухи җитлегүнең барлык баскычларын үткән, дөньяны үтәли таныган, Ходайның барлыгына һәм берлегенә инанган иман әһеле; Шул рәвешле беткән иде җыр һәм нотык, чыкты да мәйданга бер мәжнүн – өтек!* (Ш. Бабич); *Бу, һичшиксез, Чулпанга күптән гашиыйк, әмма аның Булат белән мөнәсәбәтләрен белгән, һәм шуңа да үлеп көнләшкән, тик берни эшли алмый эчтән газапланган яшь бер мәжнүн иде* (Х. Ширмән).

В следующем примере *мәҗнүн* употребляется в отношении молодой девушки: *Кайсыгыз үз өстенә алып, дәлил итеп әйтер, мәрхүмә Гарифулла кызы Каримә мәҗнүн идеме, әллә камил зат идеме?* (Ф. Яхин).

В отдельных случаях данное прецедентное имя употребляется в отношении группы людей: *Гаташита – Байроннар, Мәҗнүннар мэхәббәте* (Р. Миңнуллин); *Әллә соң авылда Йосыфлар, Таһирлар, Фәрхадлар, Мәҗнүннар, Хәлиләр булмадымы? Миңнурга кызыгып, аңа күз атып, күңеле төшеп, аның белән хыялланып йөргән егетләр булмады түгел, булды* (З. Мәхмүди).

В следующих примерах рассматриваемое имя расширяет смысловые границы и употребляется для обозначения состояния: *Мәҗнүн син бүген! – диде Фатих, Мәхмүткә китарга ишарә ясады*. (Р. Батулла); *Журналист дигән һөнәремне яшереп, сөйгән кызым ташлаган бәхетсез мәҗнүн кыяфәтенә кереп юлга чыктым...* (<http://corpus.tatar/main.htm>) *Мәхәббәттән хаста Мәҗнүн мин* (<http://corpus.tatar/main.htm>).

Не менее известным является имя героя фольклорного персонажа мусульманского Востока и тюркоязычных народов, а также некоторых народов Средиземноморья и Балкана *Ходжы Насретдина (Хужә Насретдин)*. Об известности среди татарского народа данного имени свидетельствует и тот факт, что оно встречается в составе фразеологизмов и пословиц: *Хужә Насретдин ишәге, Хужә Насретдин кошы, Хужә Насретдин әйтмешли* и др.

В контексте данное имя часто используется для выражения коннотативной оценочности со значением «неодобрение»: *Насретдин ишәге хәленә төшәсем килми, сеңдем, ашарга киттем мин өйгә, – дип, кайтыр юлга чыктым...* (<http://corpus.tatar/main.htm>). *Ник мине, атсыз арбага утыртып, мыскыл итәргә телисез, әллә мине Хужә Насретдин дип белдегезме? – дип, утырмаска теләсә дә, ахырдан утырды* (<http://corpus.tatar/main.htm>). *Әлеге лозунг Хужә Насретдинның ишәгемне санарга өйрәтәм дип мактануын хәтерләтә диючеләр белән килешәсем килми* (<http://corpus.tatar/main.htm>). *Нәтиҗәдә, халык Хужә Насретдинның ач торырга өйрәнеп җитә дигәндә генә үлеп киткән ишәге хәленә калмасмы?* (<http://corpus.tatar/main.htm>).

Часто на первый план выходит общеизвестная коннотация, которая совмещает в себе синкретический образ мудреца и простака одновременно: *Куп уйлап тормаган, Хужә Насретдин сымаграк шук бит инде теге, беркем дә юк ләбаса, дигән. Сорашкан адәм тәрәзә аша үрелеп караган да картлачны орышкан: олы башың белән нигә юкны сөйлисең, хатыннар бар ич, дигән* (С. Шәрипов). *Минем үземнең акча янчыгым 2008–2009 елгы катастрофаны да сизмәде, яңа башланып килүче кризиска да бик әллә ни исе китмәс төсле, чөнки ул Хужә Насретдинның көче шикелле* (<http://corpus.tatar/main.htm>).

В татарском лингвокультурном сообществе имена отдельных реальных личностей также перешли в разряд прецедентных имен. Остановимся на некоторых из них. Среди татарского народа довольно известной личностью был конокрад и вор Шакур Рахимов, прославившийся в начале XX века преступлениями, пугающими население Поволжья. В народной памяти он сохранился, прежде всего, благодаря любви к лошадям и краже их. В современном татарском разговорном языке выражение *Шәкур*

карак употребляется в отношении к ворам, а также хитрым, отважным мужчинам. Данное прецедентное имя ассоциируется с целой эпохой: *Авыл халкы ерак калган Шәкүр карак чорын да истә тотта* (<http://corpus.tatar/main.htm>); группой людей, подобных ему: *Безнең төбәкнең үз «Шәкүр карагы» бар ахры: теге авылдан да атлар югалган, моннан да – хәбәрләр йөрөп кенә торды* (<http://corpus.tatar/main.htm>). *Ни аяныч, безнең көннәрдә дә Шәкүр Карак эшен дәвам итүчеләр турында ишетелә торга* (<http://corpus.tatar/main.htm>).

Наряду с оценкой смысловый объем прецедентного имени может сопровождаться нулевым эмоциональным компонентом. Это свойственно именам известных людей, оставившим в общественно-культурной жизни положительный след. Преимущественно такие имена используются для обозначения эпохи, отдельного временного среза: *Тукай заманнарыннан бирле кулланылмый инде!* (<http://web-corpora.net>).

Для обозначения последователей и сторонников деятельности реального носителя имени: *Хатларыннан аларның бер-беренә булган ихласлык, күңел жылысы, эчкерсезлек бөркелә: «Саумы безнең Хәсәннебез, Тукай токымы чәчәннебез* (<http://web-corpora.net>). *Балаларның иҗәт җимешләренә җитди бәя биреп, жюри рәисе, Тукай варисларының сәхнәгә күтәрелүенә, малайлар һәм кызларның шигырь уку бәйгесенә җаваплы карап, матур милли киёмнәрдән килүенә ихлас сөенүен белдерде.*

Для обозначения родного языка весьма активно используется имя великого татарского поэта Г. Тукая и других творческих личностей: *Янымда басып торучы ана, миңа ишарәләп: Күр әле, Тукай теленнән бизеп барабыз лабаса, – дип канәгатьсезлеген белдереп алды* (<http://web-corpora.net>). *Тукай теле гади авыл баласына бигрәк тә аңлаешлы ич ул. әйләнә-тирә мохит, урман-кырлар, чишимәлгалар, юкә-каеннар үзләре үк Тукай телендә сөйләшә ләбаса. Күбәләге дә, аллы-гөлле чәчкәләре дә, Шүрәләсе, Су анасы, Былтыры да, этәч-тавыкларына кадәр Тукайча сөйләшкәч, шагыйрьнең тавышын ишеттергәч, ничек итеп инде кечкенә Илһамга да шигырь теле аңлашылмасын ди? Кабатлап әйтәм, эгәр Такташ якташларыннан берничә егет Такташ телендә язсын, син генә чит телдә язсаң, ул хәтле борчылмас идем* (<http://web-corpora.net>).

ВЫВОДЫ

Таким образом, на переход онимов в разряд нарицательных слов влияют не только языковые, но и внеязыковые факторы. Антропоним, переходя в разряд прецедентного имени, наполняется дополнительным смысловым контекстом, который отсутствует в его основном значении. Следует отметить, что смысловый объем прецедентных имен формируется не контекстом, они включаются в него уже «готовыми» семантически оттенками. Они известны для носителей языка, воспринимаются представителями татарского лингвокультурного сообщества со всеми эмоционально-оценочными нюансами и активно функционируют в речи.

Список литературы

1. Галиуллина Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 349 с.

2. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 152 с.
3. Долозова О. Н. О семантике прецедентного имени / О. Н. Долозова // [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=97225 (дата обращения: 14.08 2016 г.).
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов – М.: Наука, 1987. – 261 с.
5. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Моск. ун-та. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – № 3. – С. 62–75.
6. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
7. Письменный корпус татарского языка (<http://corpus.tatar/main.htm>) (дата обращения: 14.08 2016 г.).
8. Татарский национальный корпус «Туган тел» (<http://web-corpora.net>) (дата обращения: 14.08 2016 г.).
9. Хазиева-Демирбаш Г. С. Антропонимическое пространство татарских и турецких загадок / Г. С. Хазиева-Демирбаш // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – № 3 (332) / 2014. – С. 128–130.
10. Әмирова Р. М. Казан шәһәре татар эргонимиясе / Р. М. Әмирова. – Казань: Изд-во «Отечество», 2013. – 210 с.

Galiullina G. R. Precedentnames in the modern tatar language / G. R. Galiullina // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 117–121.

The report focuses on the analysis of the precedent name, functioning in the modern Tatar language. The analysis focuses on the individual anthroponyms, well-known representatives of the Tatar linguo-cultural spaces that are relevant in the cognitive and emotional aspects and actively functioning in the speech of Tatars.

Keywords: Tatar language, Precedent names, anthroponymy, linguaculturology.

УДК 81.272

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ТАТАРОВЕДЕНИЯ

Кириллова З. Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Республика Татарстан

E-mail: zkirillova@yandex.ru

Наша работа посвящена исследованию Научного общества татароведения, которое вело свою деятельность в 1923–1929 гг. и внесло большой вклад в изучение языка, истории и культуры татарского народа, собрало вокруг себя крупных ученых, в том числе известных татарских специалистов.

Ключевые слова: татарский народ, научное общество, татароведение, 1920-е годы.

ВВЕДЕНИЕ

Создание в 1920 году Татарской автономной республики (ТАССР), провозглашение в 1921 году татарского и русского языков равноправными государственными языками республики, организация комиссариата просвещения Татарской республики и Академического центра, которые руководили учебной, научной и просветительской работой, и другие процессы, происходящие в начале 1920-х гг., стимулировали развитие исторических и краеведческих исследований в Татарской республике.

На пути становления центров исторической науки в Татарской республике в первые годы ее развития стояли большие трудности. Затрудняли работу последствия резких общественно-политических перемен, Гражданской войны, голода, разрухи, малочисленность специалистов и т. д.

Проявляя заботу о развитии общественных наук в Татарстане, правительство республики стремилось создать необходимые для этого материальные условия, в то же время осуществляя политическое и организационное руководство всеми отраслями научно-исследовательской работы.

Осуществлялась перестройка системы подготовки кадров историков, которых готовили Казанский государственный университет, Восточный педагогический институт и Татарский коммунистический университет. В этих высших учебных заведениях вели педагогическую и научную работу видные ученые, профессора Н. Н. Фирсов, А. П. Сингалевич, позднее Г. С. Губайдуллин, Н. И. Воробьев, а также историки-выпускники казанских вузов М. К. Корбут, Е. И. Чернышев и другие. Они и были среди тех, кто проявил инициативу в создании в республике научных обществ, которые были призваны организовать комплексное изучение истории и культуры народов Татарстана [1, с. 39].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В 1922 году при Восточной Академии в Казани возникло Общество востоковедения. Руководил обществом ректор Восточной академии профессор Н. Н. Фирсов. Но

академия вскоре вошла в состав Восточного педагогического института, в результате и Общество востоковедения прекратило свою работу. Однако на основе данного общества было организовано другое. Члены-организаторы этого общества во главе с Н. Н. Фирсовым, а также представители Академического центра Татарского народного комиссариата просвещения (далее – Татнаркомпрос) и Всероссийской научной ассоциации востоковедения в 1923 году создали Научное общество татароведения. Первое заседание общества прошло 30 мая 1923 года [2, с. 59]. С 1923 года до осени 1927 года Общество татароведения вело свою деятельность при Академическом центре Татнаркомпроса, а в 1927–1929 гг. – при Доме татарской культуры [3, с. 201–202; 4, с. 106].

Научное общество татароведения определило своей целью «объединение лиц, работающих в области всестороннего научного изучения татар и татарской культуры, а также научная разработка относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам общества в общественной среде». Общество в свою программу работы включало изучение различных аспектов развития Татарстана и татарского народа: истории революционного движения, народного хозяйства, археологии, этнографии, фольклора, лингвистики, литературы, искусства татар, уделялось внимание и проблемам востоковедения. Кроме этого, общество ставило своей целью исследование не только татар, проживающих в Татарской республике, но и всех татар Поволжья, распространенных по всему СССР, а также частично – сибирских, крымских и литовских татар [3, с. 201–202; 1, с. 39]. По словам председателя Академического центра, видного татарского писателя Г. Ибрагимова, «Академический центр особое внимание обращает на Общество татароведения, возлагая на него и краеведческие задачи. Хотя общество и было организовано в 1923 году, вследствие стесненности своего материального положения, деятельность его не смогла как следует развернуться. В настоящее время (1925 год. – З. К.) деятельность общества оживляется. Правление общества перевыбрано. Академический центр материально поддерживает это общество и принимает меры по улучшению его материального положения» [5, л. 77].

Бессменным председателем общества был профессор по истории Николай Фирсов, заместителем председателя – видный татарский писатель, общественный деятель Галимджан Ибрагимов, секретарями в разное время избирались историки Михаил Худяков, Евгений Чернышев, а также татарский писатель, языковед, фольклорист Али Рахим (Г. М. Габдрахимов). В состав правления входили известные ученые: этнограф, географ и историк Николай Воробьев, архитектор Василий Егерев, археолог и музейный работник, исследователь культур народов Поволжья, Сибири и Крыма Виктор Смолин, татарский писатель, историк Газиз Губайдуллин, известный педагог, автор многочисленных учебников по татарскому языку Мухутдин Курбангалиев и др. Среди членов общества были также крупные татарские языковеды Джамал Валиди и Галимджан Шараф. В 1929 году в обществе состояло 98 человек: 14 почетных членов, 74 действительных члена и 10 членов-сотрудников. Среди почетных членов был даже Иосиф Сталин. Кроме него, почетными членами изби-

рались народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский, профессора В. В. Бартольд, А. Ф. Баллод, И. Н. Бороздин, М. Н. Покровский, А. Н. Самойлович, председатели Татарского центрального исполнительного комитета Р. Сабиров, Х. Габидуллин, народные комиссары просвещения Татарской республики М. Ю. Брундуков и К. Р. Мухтаров. Общество татароведения имело регулярную связь с более чем 120 научными учреждениями СССР, а также с научными учреждениями за границей. Устанавливаются связи с городами Берлин, Нью-Йорк, Гамбург, Лондон, Рим, Харбин и др. [3, с. 207–208; 4, с. 106–107; 6, с. 308; 7, с. 26].

Наиболее заметных результатов в своей работе Общество татароведения достигло во второй половине 1920-х гг. Особенно активная деятельность общества началась с 1925 года. В это время увеличилось число общих собраний, были организованы научные экспедиции и начинает выходить специальный печатный орган общества – «Вестник Научного общества татароведения». Первый номер данного органа – сдвоенный 1–2 номер (январь – апрель) «Вестника» был напечатан Татнаркомпросом в 1925 году, а последний номер (9–10) увидел свет в 1930 году и был издан уже Домом татарской культуры. Издание «Вестника» его инициаторы связывали с необходимостью «создать базу для научного общества и живой связи с прочими научными обществами и учреждениями», координировать работу по вопросам методологии и методики краеведения, сосредоточить главное внимание «на вопросах, связанных с современностью или близким прошлым», не отрицая необходимости уделять соответствующее место «далекому историческому прошлому, поскольку это будет возможно и необходимо для выявления исторического прошлого татарского народа» [2, с. 59; 1, с. 40].

За шесть с половиной лет работы Научного общества татароведения было проведено 39 заседаний правления, а также 39 общих собраний, 7 из которых было проведено совместно с Обществом археологии, истории и этнографии. На общих собраниях было заслушано 65 научных докладов и выступлений. С докладами перед аудиторией выступили 28 членов общества. Доклады были посвящены татарской истории, этнографии, литературе, языку и другим темам. Например, укажем некоторые из них: А. Самойлович «Задачи изучения края в Татарской республике», В. А. Богородицкий «Тюрко-татарская фонетика», «Закон сингармонизма в тюркских языках», Дж. Валиди «Диалекты Казанских татар», Н. Ашмарин «Порядок слов в татарском языке», «Номинативные предложения в языке Казанских татар», Г. Сагди «Основные моменты развития татарской литературы» и др. Кроме этого, М. Худяков сделал два доклада по истории татарского народа, Г. Губайдуллин – 6 докладов по истории и этнографии татар, Н. Воробьев – также 6 докладов по этнографии татар, А. Рахим – об известном татарском просветителе К. Насыри, о М. Курбангалиеве и т. д. (всего – 5 докладов), Г. Ибрагимов рассказал о I тюркологическом съезде в Баку, в работе которого принял активное участие [3, с. 203–205; 4, с. 107–108].

По замыслу редакции в «Вестнике Научного общества татароведения» особо выделялись публикации историко-краеведческого характера. Наибольшее число публикаций было посвящено истории и археологии и превышало сумму публикаций по

литературе, фольклору и лингвистике. Обращая главное внимание на публикацию документов и материалов, «связанных с современностью или близким прошлым», редакция «Вестника» помещала немало публикаций, связанных с историей Октябрьской революции, а также с историей аграрного и революционного движения в Среднем Поволжье и с историей образования Татарской автономной республики. Этим вопросам была посвящена почти четвертая часть общего числа статей и документальных публикаций в разделе «История» [1, с. 40].

К пятой годовщине создания ТАССР был подготовлен специальный номер «Вестника» (№ 3, 1925 г.), в котором нашла место подборка документов под названием «Из материалов и документов по национальному вопросу и организации Татарской Республики», где были напечатаны постановления, декреты и различные обращения нового правительства по национальной политике и государственности татар Поволжья. Этой публикацией было положено начало документальной разработке истории образования республики. По мнению исследователей, несмотря на отдельные упущения в источниковедческой подготовке этой публикации, само обращение к изучению документов об образовании ТАССР являлось показателем серьезного исследовательского интереса к проблемам создания национальной государственности татарского народа [1, с. 41–42].

Исходя из задач, поставленных перед журналом, издатели «Вестника» весьма подробно освещали и «далекое историческое прошлое края»: историю Волжской Булгарии (в связи с открытием записок Ибн Фадлана, имевших очень важное значение для дальнейших исследований), историческое и культурное прошлое древнейшей Казани, генезис казанских татар, русско-ногайские отношения и другие [8].

В 1925 году в номере 1–2 «Вестника» историк и археограф С. Вахидов опубликовал тарханский ярлык хана Сахиб-Гирея семи казанским феодалам (Шейх-Ахмаду и его родственникам) [9]. Этот документ был найден С. Вахидовым еще в 1912 году, и он первым дал описание этого уникального источника. Ярлык содержит важные для характеристики истории Казанского ханства сведения: о государственном устройстве Казанского ханства, о податях и налогах, о чиновной иерархии ханства (известные ранее данные касались чиновничества Золотой Орды и Крымского ханства). Ярлык занял центральное место среди документов, характеризующих феодальные отношения в Казанском ханстве.

Заметная группа публикаций «Вестника» рассматривала вопросы просвещения среди татар в XIX веке – «Проект первой татарской газеты в Казани», «Проекты организации средней школы европейского типа среди татар XIX в. (архивный материал для истории народного образования среди татар)» [10]. Проект татарской газеты, составленный в 1834 году выпускником разряда восточной словесности Казанского университета М. П. Никольским, был опубликован М. К. Корбутом, который написал вводную статью, где кратко рассмотрел историю восточного разряда университета и сообщил сведения о М. П. Никольском. М. К. Корбут оценил проект в основном положительно, «не обнаруживая в нем... специфических миссионерских тенденций». Иного мнения придерживался Н. Н. Фирсов, который в своей работе «Прошлое Та-

тарии» (1926 г.), подробно разбирая проект М. П. Никольского, пришел к выводу, что издание этой газеты имело в виду «общероссийские великодержавные интересы». Проект М. П. Никольского по изданию татарской газеты не был осуществлен [1, с. 42–43].

Преподаватель Восточного педагогического института Н. К. Мухутдинов на страницах «Вестника» опубликовал семь проектов создания «средней общеобразовательной школы европейского типа» для татар в XIX веке. Известный педагог нашел в архивах Москвы, Ленинграда и Казани проекты организации средней школы для татар, которые относятся к 1825–1830 и 1860–1880 годам. Материалы, выявленные Н. К. Мухутдиновым, очень интересны и информативны, они свидетельствовали об активном поиске путей развития национального образования и распространения знаний и культуры в крае.

Публикации М. К. Корбута и Н. К. Мухутдинова способствовали активизации исследований по истории просвещения среди татар: проект М. Никольского был включен в сборник «История Татарии в материалах и документах» (1937 г.), педагогические проекты XIX века и ныне привлекают внимание исследователей общественной и педагогической мысли. Таким образом, благодаря публикационной деятельности «Вестника Научного общества татароведения» были введены в научный оборот материалы по актуальным вопросам истории социальных отношений, развития культуры и просвещения в крае [1, с. 42–43].

В 1929 году Научное общество татароведения на основании решения Главнауки прекратило свое существование, а Центральный Совет созданного незадолго до этого Общества изучения Татарстана принял решение о слиянии Общества татароведения и Общества изучения Татарстана [1, с. 45].

ВЫВОДЫ

Деятельность научного Общества татароведения отражала процессы становления и развития гуманитарной науки в Татарстане в 1920-е гг., пополнения новыми кадрами (в том числе национальными), новые формы организации научно-исследовательских работ. В центре его внимания было формирование татароведения – важного для молодой республики комплекса дисциплин, исследующих историю, материальную и духовную культуру, язык, литературу и традиции татарского народа. Члены общества своими исследованиями и публикациями внесли заметный вклад в историографию 1920-х гг., открыв новые направления исследования истории Татарстана и татарского народа [1, с. 45].

Наиболее активная деятельность общества начинается с 1925 года. Именно в это время увеличивается количество общих собраний, общество начинает издавать свой специальный орган – журнал «Вестник научного общества Татароведения». На страницах журнала публикуются важные доклады, прочитанные на общих собраниях общества, а также отдельные труды, носящие исследовательский характер. В 10 номерах журнала, успевших увидеть свет, было опубликовано всего 75 научных статей и 75 мелких заметок, рецензий и др. материалы. При помощи своего печатного органа Научное общество татароведения устанавливает регулярную связь со 120 научными,

учебными и просветительскими организациями и обществами, расположенными на территории СССР и иностранных государств [5, с. 308].

Список литературы

1. Абдрашитова И. М. Научные общества по изучению истории Татарстана (1923–1930 гг.) // Филология и культура. – 2006. – № 5. – С. 37–56.
2. Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – № 1–2. – С. 57–59.
3. Обзор деятельности научного Общества татароведения (1923–1929) // Вестник Научного общества татароведения. – 1930. – № 9–10. – С. 201–208.
4. Кириллова З. Н. Татар телен дәүләт теле буларак гамәлгә кую (20–30 нчы еллар). – Казан: Мастер Лайн, 2000. – 208 б.
5. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 3682, оп. 1, ед. хр. 628. Протоколы заседаний Президиума и Коллегии Наркомпроса ТАССР. Подлинники (1 октября 1924 г. – 28 сентября 1925 г.). – 150 л.
6. Кириллова З. Н. Реализация татарского языка как государственного в области просвещения (20–30-е годы XX века) // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – № 2. – Т. 26 (65). – С. 304–311.
7. Кириллова З. Н. Функционирование татарского языка в сфере образования (опыт 20–30-х гг. XX века) // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2013. – № 2 (32). – С. 24–28.
8. Смолин В. К открытию списка сочинения Ибн-Фадлана // Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – № 1–2. – С. 10–15; Губайдуллин Г. К вопросу о происхождении казанских татар // Вестник Научного общества татароведения. – 1928. – № 8. – С. 131–142; Калинин Н. Где был дворец казанских ханов // Вестник Научного общества татароведения. – 1927. – № 7. – С. 81–86; Корнилов П. Старинный вид Казани // Вестник Научного общества татароведения. – 1927. – № 6. – С. 97–101; Чернышев Е. Обзор материалов русско-ногайских отношений в XVI веке // Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – № 1–2. – С. 16–22 и др.
9. Вахидов С. Ярлык хана Сахиб-Гирея // Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – № 1–2. – С. 29–37.
10. Корбут М. Проект первой татарской газеты, 1834 год // Вестник Научного общества татароведения. – 1926. – № 5. – С. 106–131; Мухитдинов Н. К. Проекты организации средней школы европейского типа для татар в XIX в. (Архивный материал для истории народного образования среди татар) // Вестник Научного общества татароведения. – 1930. – № 9–10. – С. 105–156.

Kirillova Z. N. Activities of the tatar studies' scientific society / Z. N. Kirillova // *Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University*. – Series: *Philological Science*. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 122–127.

This paper is devoted to the investigation of the activity of the Tatar studies' Scientific society during 1923–1929. The latter made a great contribution to the research of language, history and culture of the Tatar people, congregated a great scientists, including well-known Tatar specialists.

The most active work of this alliance began in 1925. Particularly at this time amount of general meetings were increasing; the fellowship began to publish a special medium – the magazine «Bulletin of the Tatar Studies' Scientific Society». The magazine published some important reports made at the organization's general meetings, as well as individual works of exploratory nature. 10 issues of the magazine would see the light of day, and all in all 75 scientific articles and 75 small notes, reviews, and other materials were published. Owing to this press organ, the Scientific society of the Tatar studies established regular contact with 120 scientific, educational and enlightened organizations and societies located in the territory of the USSR and foreign countries. Links with the cities of Berlin, New York, Hamburg, London, Rome, Harbin, and others were created.

Keywords: The Republic of Tatarstan, the 1920s, the Tatar people, the scientific community, the Tatar studies.

УДК 811.512.111

НОВЫЕ СЕМАНТИЗАЦИИ АБСОЛЮТНЫХ АГНОНИМОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ТАТАРСКОГО МАТЕРИАЛА¹

Фомин Э. В.

*БОУ ВО Чувашской Республики «Чувашский государственный институт
культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары
E-mail: yeresen@yandex.ru*

Согласно предварительным исследованиям, в чувашском языке установлено 328 татарских заимствований. Предпринятое в последние годы изучение периферийных лексических явлений чувашского языка – абсолютных агнонимов – увеличило количество татаризмов в нем на более 200 единиц. В чувашском языке агнонимы татарского происхождения не претерпели каких-либо существенных фонетических и семантических изменений и использовались как собственно чувашские слова, выделяясь в настоящее время лишь отсутствием осознаваемого значения.

Ключевые слова: абсолютные агнонимы, семантизация, чувашский язык, татарский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Абсолютные агнонимы – слова, словосочетания и предложения с неизвестным значением.

Главным источником абсолютных агнонимов чувашского языка является тезаурус Н. И. Ашмарина, представляющий лексику конца XIX – начала XX вв. [1]. В настоящем словаре более двух тысяч лемм сопровождаются сомнительным толкованием или вовсе не имеют его.

Специальное лексикографирование абсолютных агнонимов из словаря Н. И. Ашмарина, предпринятое в наши дни, позволило выделить следующие группы семантически проблемных единиц чувашского языка: 1) абсолютные агнонимы (1824 единицы); 2) агнонимы в составе фольклорных текстов, как правило, в загадках или заумных песнях (296 единиц); 3) агнонимы в составе собственных имен – антропонимов и топонимов (376 единиц) [6, с. 3]. Последние могут быть рассмотрены в рамках теории абсолютных агнонимов прежде всего в этимологическом аспекте. В последующем в разряд абсолютных агнонимов были введены многочисленные фитонимы, которые в словаре Н. И. Ашмарина имеют указание лишь на родовую принадлежность, но не конкретные значения [9, с. 46–47].

Абсолютные агнонимы татарского происхождения являют значительный пласт семантически проблемной лексики чувашского языка, лишь немного уступая русизмам. К настоящему времени на татарской основе установлено значение более чем 200 абсолютных агнонимов.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00045.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В данной работе с целью скорейшего введения в научный обиход публикуются новые случаи семантизации чувашских агнонимов на основе татарского материала. Кроме абсолютных агнонимов, взятых из словаря Н. И. Ашмарина, в исследование включены нововыявленные случаи из других источников.

Материал дается в форме словарных статей. Публикация содержит 35 лемм.

ИШЛЁ [ишл'ь]: **ишлё куряк** – название какого-то растения. *Сакă (сакăр) хёр ури вырăнне ишлё куряк шăтнă тет; ишлё курякне ситарма сурăх кёту кёртнэ тет.* Говорят, в тех местах, которые топтали восемь девушек, выросла *ишлё* трава; ее щипать ввели овечьё стадо^с [1, т. 3, с. 162]. ≤ тат. *ишле* многочисленный, большой (по численности) [8, т. 1, с. 472].

ЙЁЛМЕВЁС [йъл'м'эв'ьс] – название чудовища в сказке. *Йёлмевёс* (написано *йёлмевяс*) – змей о нескольких головах. *Патша хёрё каланă: ан кил, каччăм, мана виçе пуçлă йёлмевёсе ситерме кăкарса хунă.* Дочь царя сказала: не приходи, добрый молодец, меня связали на корм трехголовому *йёлмевёс*^с. *Йёлмевёсён сурчё Ивана юлнă.* Дом *йёлмевёс* остался Ивану^с [1, т. 5, с. 122]. ≤ тат. *ялмавыз* ведьма, баба-яга; чудовище, мифическое существо (пожирающее всё, что попадает к нему на глаза) [8, т. 2, с. 708].

КАСИТЕ [каз'ид'э] – название наряда из холста или из материи [1, т. 6, с. 129–130]. ≤ тат. диал. *касидэ* набольшой бархатный карманчик, украшенный монетами или расшитый позументом и пришиваемый к *путемар* с правой стороны [7, с. 277].

КАСМĂК ЯШКИ [кас'мък'яшк'и] – название свадебного обряда [1, т. 6, с. 135]. < тат. *касмак* поскребки, оскребки, нагар (прикипевшие, пригоревшие на дне, на стенах посуды) [8, т. 1, с. 543] + *яшка* суп, т. е. суп с нагаром.

КĂРТЛЁК [к'ртл'ьк'] – по-видимому, название птицы. *Кърлик, къртлэк.* Курлык, *къртлэк*^с. *СПВВ* [1, т. 7, с. 186]. ≤ тат. *кортлек* тетерев, тетерка, куропатка [8, т. 1, с. 636].

КЕКЕ [к'эг'э] – название насекомого. *Кеке* – кривой хвост, загнутый; *сёртме тунă чух лаша сұмне сьпăçать. Кеке вёсçe суренё чухне нăй-нăй! туса малтан кёрсе кайран тухам тесе калать тет. Лаша санпа пуçне пит суллать теççё. Кеке ...* во время пара пристает к лошадям. *Кеке* говорит, ноя, что войдет спереди и выйдет сзади. Поэтому лошадь голову очень сильно мотает^с [1, т. 6, с. 187]. ≤ тат. *кигэвен* овод [8, т. 1, с. 564].

КЁШЁЛ¹ [к'ьж'ьл'] – название животного. *Кёшёл* – *тырă сьет, улма сьет, сынна сиен тавать; сăрă, чăмăр нек пур.* *Кёшёл* – ест зерно, картофель, приносит урон человеку; серый, с кулак величиной [1, т. 7, с. 323]. ≤ тат. *көшел* диал. водяная крыса [8, т. 1, с. 639].

КУККУК КУРĂКЁ [кук:úk'к'урь'ь] – название растения [1, т. 6, с. 266]. = тат. *куке улэне* бот. кукушкин лён [8, т. 1, с. 671].

КУЛЬМАК [кул'мак] – название кушанья. *Аратнисем хăшё чăхă пусса, хăшё пашалу е кульмак пёсерсе пыраççё.* Родственники кто с курицей, кто с пажалу или с *кульмак* приходят^с [1, т. 6, с. 280]. ≤ тат. *коймак* оладья; оладушек, оладушка; блин [8, т. 1, с. 592].

КУШПАШ [кушбáш]: **кушпаш пулă** – название рыбы [1, т. 7, с. 64]. ≤ тат. *кушбаши* голавль [8, т. 1, с. 660].

ЛАМЧАК [ламсáк] – бранное обзывание («*пит аван сáмах мар о*»). *Ах, ламчак!* (*сынна вáрснá чох кúрентерме, потарма каласçе*). *Ах, ламчак!* (говорят человеку, ругая, чтобы обидеть, подавить^с [1, т. 8, с. 15]. < тат. диал. *лан'чак, ланшак* дети, ребята [7, с. 453].

МЁРЧЕ [м'ър'сэ] кáмака мáрйи [4, с. 517]. < рус. *мурья* труба – через тат. диал. *мөржэ* то же [7, с. 484].

НАКА́Т [нэ́гэ́т] – название кустарника [1, т. 9, с. 53]. ≤ тат. *ногыт* бобы (как вид растения) [8, т. 2, с. 87], акация (сообщение Ф. И. Тагировой).

ПАШЛА́К [пáшлэ́к] – в загадке о надевании хушпу и шапки. *Мáн акай пашлáкне вун-нáн сё́клеçсё́, мáн пичи пашлáкне пиллэ́кён сё́клеçсё́. Пашлáк* моей старшей сестры вдесятером поднимают, *пашлáк* моего старшего брата впятером поднимают^с [11, т. 5, с. 281]. ≤ тат. *бышлык* головной убор; в загадке *десять сестер, пять братьев* указывают на пальцы, с помощью которых надевают названные головные уборы.

ПИШМЕК [п'ишм'эк'] – название татарской одежды [1, т. 9, с. 253]. < тат. *бишмэт* бешмет, пальто [8, т. 1, с. 245] – нижнее платье татар вроде стеганого полукафтана.

САЛАМАТ – название кушанья [1, т. 11, с. 29]. ≤ тат. диал. *саламат* болтушка, мучная каша [7, с. 557]. > *суламат* жертвенная еда [4, с. 518].

СÁЯНТАШ [сýндáш] – название какой-то падучей болезни [1, т. 11, с. 234]. ≤ тат. *зыяндаш* падучая болезнь, припадок; эпилепсия [8, т. 1, с. 427].

СЁР СÁВЁ [сёр сáв'ь] – название гриба [1, т. 13, с. 96]. < *сёр* земля + *су* масло, жир – в форме посесива 3 л. ед. ч., т. е. букв. земной жир = тат. *жир мае* то же. = ведьмино яйцо, рус. веселка обыкновенная, фаллюс нескромный, сморчок вонючий, сморчок подагрический, лат. *Phallus impudicus* – редкий целебный гриб со студенистой мякотью и редечным запахом под белой оболочкой.

ТАКАНА СÁЛТА́Р [таганá сáлдэр] – название созвездия [1, т. 13, с. 156]. < *такана* ? + *сáлтэр* звезда. ≤ тат. диал. *таган* шест в середине стога, стожар [7, с. 599]. = Полярная звезда (название по свойству звезды находится неподвижно на одном и том же месте – как будто вбитым в небо шестом, вокруг которого вращаются остальные звезды).

ТОПÁК – название болезни ног у лошади. *Ут ори, кари ори оксак полсан топáк сиксе теччё. Она латáнна сыхаччá.* Если лошадиная нога, задняя, будет хромой, говорили, что сместился *топáк*^с [1, т. 14, с. 144]. = тат. диал. *тубык* щиколотка, лодыжка [8, т. 2, с. 423]. > *топáт* название болезни лошади. *Лаша орине топáт ху́нё (топáт ху́ссесён латпине посаймас, чёрне вёçсён сес тёртет).* Лошадь повредила ногу (при *топáт* она не может ступить на ногу, ходит на цыпочках^с [1, т. 14, с. 146].

УКСА́Н [у́ксэ́н] – название растения. *Сухан пек сиекени, сиеçсё́ сұлчине; сарлака хáяхлá. Тарушáн у́стереçсё́ áна.* Его едят, как лук, едят листья; с широкими листьями. Выращивают как лекарственное средство^с [1, т. 3, с. 200]. ≤ тат. *уқсын* дикий чеснок; дикий лук [7, с. 679].

ХÁМСИ [хэмзý]. *Сахьян такмак – сүмёнче, / кумёлтёрёк – ту́иёнче, / хámси – сүмёнче, кутлáхё – сийёнче.* Сафьяновая переметная сумка – при нем, / *кумёлтёрёк*

(?) – на груди, / *хәмси* – при нем, шлея – на себе^с [11, т. 4, с. 20]. ≤ тат. *камчы* плеть, плетка, хлыст, нагайка [8, т. 1, с. 523].

ЧАТКĀ [ч'атк'ъ]. *Тесетниксем чаткĀ нек сиккелесе ўкеççĕ*. Десятские падают, как *чаткĀ*^с [1, т. 15, с. 162]. ≤ тат. *чаткы* искра [8, т. 2, с. 562].

ЧЕППЕ [ч'эп'э] гл. *Чеппенё; чеппесе ячĕ* [1, т. 15, с. 173]. ≤ тат. *чәпәү* шлепнуть, стукнуть, ударить [7, с. 728].

ЧЕПЧЕКЕ [ч'эп'с'эг'э]. *Ахах кёленчепе вут нек хаяр эреке тата пыл сĕраллĀ йёкёрлĕ чепчеке*. Вино, горькое как огонь, в агатовой бутылке и парное *чепчеке* с медовым пивом^с [1, т. 15, с. 174], не *чепчек?* (*чепчеке* может быть формой датива). ≤ тат. *чапчак* ~ *чәпчәк* диал. кадка, бочка [8, т. 2, с. 560; 6, с. 738].

ЧЁРККИ [ч'ър'к'й] – комар. *Ёлĕк пёрре сёлен вĕрĕм тунана (черкки) тёл пулнĀ та каланĀ*: «Тёнчере кам юнĕ тутлĀрах, савна пёлсе кил-ха» *тенĕ*. Однажды в стародавние времена змея встретила комара (*черкки*) и сказала: «Чья кровь в мире вкуснее, узнай, пожалуйста»^с [11, т. 6, ч. 2, с. 71]. ≤ тат. *черки* комар [8, т. 2, с. 572].

ЧИКЕÇ [чиг'эç]: **чикеç курĕк** – подорожник [1, т. 15, с. 199]. ≤ тат. *чигеш* вышивка, вышивание [8, т. 2, с. 574]: подорожник – основная тема татарской вышивки; ср. с удм. диал. *пужыкўар* подорожник, букв. узор-лист: «ранее удмуртские женщины, приложив лист подорожника к краю белого холста, прикусывали лист таким образом, что на холсте оставались узоры» [5, с. 12–13].

ШĀНҚКАР [ш'н'к'ар] – название птицы. *ШĀнқкар – кайĕк тыттаракан кайĕк, усрав кайĕк; тытса усраса кайĕк илтереççĕ*. *ШĀнқкар* – птица, которая ловит других птиц, прирученная птица^с [1, т. 17, с. 316]. ≤ тат. *шоңкар* кричит [8, т. 2, с. 629], лат. *Falco rusticolus* – птица из отряда соколообразных.

ШЕМШЕК [ш'эм'ж'эк'] – слабый? [4, с. 519]. ≤ тат. диал. *шөмшек* тот, кто пытается пожить за чужой счет [7, с. 789].

ШЕХЕРЕК [ш'эу'эр'эк'] – в загадке о гусе. *Хĕрах ура сĕнче шехерек тĕрат*. На одной ноге стоит *шехерек*^с [1, т. 17, с. 170]. < тат. *шĕһәр* город + *-ек* рус. уменьш.-ласк. афф., т. е. городок – в условиях загадки в нарочито искаженной форме.

ШĖТЁРМЕ [ш'д'ър'м'э]. *Тĕвĕл килсе сĕмёрсе кайсан тем шĖтёрме килсе сĕмёрчĕ теççĕ; кирек мĕн килте сиен полсан та сав сĕмаха калаççĕ*. После бури говорят, что разрушения принес *шĖтёрме*; и даже если что-то ломается, говорят то же слово^с [1, т. 17, с. 380]. ≤ рус. *штурм* через тат. *шытырма* [7, с. 794] – в чув. в сингармоническом варианте.

ШЎРЕЛЛĖ – название какого-то божества [1, т. 17, с. 263]. ≤ тат. *шурәле* леший [8, т. 2, с. 639].

ЫТЛĀХ [ы'тл'х] – ясли? *Сурри ытлĀхра, сурри вите айёнче пулнĀ тет*. Половина в *ытлĀх*, половина под хлевом была^с [1, т. 5, с. 395]. = тат. *утлык* ясли, кормушка для скота [8, т. 2, с. 486], ср.: чув. диал. *утлĀх* сеновал.

ЯКҚАНТАН [јак'ъндан]: **сын якқантан пĕхкаласа сўрет** хочет пользоваться чужим трудом – употребляется для выражения характера действия, отношения человека к общему делу *Сын якқантан пурĕнма хамĕр юратаппĕр та, сĕнна усĕ кўресси таçта*. Сами любим пользоваться *сын якқантан*, но не думаем о том, как принести

пользу людям^с [1, т. 4, с. 171]. < тат. *якын* близкий, ближний, ближайший, недалекий, недалёкий [8, т. 2, с. 703] + *-тан* афф. исходного падежа, т. е. с близкого расстояния, ср. с чув. *яхӑн* около, приблизительно; близко.

ЯЛМАН – название какого-то дикого животного. *Ялман – кайӑк; ӗӗр шӑтӑкӗнче пурӑнать, (шурӑ) пите шеп пулать; ӑна никам та тытаймасть, ал туйине персе амантса анчах тытаӗӗ; ӗак енӗкен (кайӑкӑн) хӗрине тин суралӑ тихана амӑш чӗччине ӗмеччен (хыпаччен) хыптарсан вара лаша ялман нек шеп пулать теӗӗ. Ялман – животное; живет в норе, (белое) очень красивое; его никто не может поймать, ловят, поранив, лишь с помощью посоха; если хвост этого зверя дать жеребенку пососать сразу после рождения, говорят, лошадь получится такой же красивой, как *ялман*^с. *Ялман тирне сӗсе сутаӗӗ. Хура, кушак нек, хирте пурӑнать. Шкура ялман продается. Черный, как кошка, живет в степи*^с [1, т. 4, с. 181]. ≤ тат. диал. *ялман* тушканчик [7, с. 229].*

ВЫВОДЫ

Татарский язык оказал значительное влияние на чувашский, уступая лишь русскому. По неполным данным, в чувашском языке насчитывается около 330 татаризмов [3, с. 74–84].

Абсолютные агнонимы татарского происхождения в чувашском языке общим числом более 200 зафиксированы в говорах чувашско-татарской контактной зоны. Их сложно назвать заимствованиями в подлинном смысле, скорее они являются вкраплениями.

В основе признания слова в качестве исходного татарского лежит наличие его осознаваемого значения в самом татарском языке, в то время как в чувашском контексте слово не поддается толкованию. Кроме того, важным представляется функциональный статус агнонимичной единицы: в исходном языке оно может быть металектическим или же иметь широкое распространение в качестве диалектизма.

В ряде случаев чувашский и татарский материал просто констатируется в качестве тождественного (*куккук курӑкӗ, ӗӗр ӗӗвӗ, такана ӗӑлтӑр, ытлӑх*), ибо пока еще сложно определить генетические взаимоотношения соответствий. Вполне допустимо их однотипное, не зависимое друг от друга существование. (Впрочем, в целях семантизации объективная этимология не столь значима, важно наличие осознаваемого значения в контактирующем языке.)

Особый интерес представляет материал, зафиксированный вне пределов чувашско-татарской контактной зоны (*топӑк, чикеӗ курӑкӗ*).

Топӑк паспортизируется с. Большое Карачкино Моргаушского района. Это говор вирьял-диалекта, характеризующийся сочетанием древнетюркских элементов с горномарийским материалом. Возможно, *топӑк* ‘щиколотка; лодыжка’ и является наследием древнетюркского языка, ср.: *tobiq* ‘лодыжка’ [2, с. 269].

Чикеӗ – явный татаризм. Но его появление в чувашском континууме (д. Мыслец Шумерлинского района) представляется более чем неожиданным.

Аналогичный случай ранее был обнаружен в центральном районе Чувашии – Вурнарском: *сӑрав* ‘выведение найденной лошади на базар с целью найти хозяина’,

представляющем татарское *soraу* ‘вопрос’ [10, с. 120]. *Сйрав* – социально значимое мероприятие, и заимствование слова объяснимо, чего нельзя сказать в случае с *чикеҫ*.

СОКРАЩЕНИЯ

араб. – арабское; афф. – аффикс; бот. – ботаническое; диал. – диалектное; ед. ч. – единственное число; л. – лицо; лат. – латинское; рус. – русское; тат. – татарское; удм. – удмуртское; уменьш.-ласк. – уменьшительно-ласкательное; уст. – устарелое; чув. – чувашское.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

≤ заимствовано с сохранением значения из языка, указанного далее; + добавляемые форманты или слова; = тождественная форма; ~ эквивалентная форма; ≪ перевод осуществлен автором настоящей работы; > см.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. – Казань, Чебоксары, 1928–1949.
2. Древнетюркский словарь / Ин-т языкознания АН СССР. – Л.: Изд-во «Наука», 1969. – 676 с.
3. Егоров Н. И., Ефимов Ю. Ф. Материалы к вопросу о татарских лексических заимствованиях в чувашском языке // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. – Чебоксары, 1986. – С. 65–84.
4. Ёҫпе йӑла юррисем / пухса хатӑрлекенӗ, ӑнлантарусене ҫыраканӗ Т. И. Семенова; Чӑваш патшалӑх гуманитарнӑ ӑслӑлӑхӗсен институтӗ. – Шупашкар: Чӑваш кӗнеке издательстви, 2013. – 541 с.
5. Максимов С. А. Названия подорожника в удмуртских диалектах и их происхождение // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2013. – № 4. – С. 7–17.
6. Материалы для словаря агнонимов чувашского языка = Пӗлтерӗшсӗр чӑваш сӑмахӗсен кӗнеки / сост. Э. В. Фомин. – Чебоксары: Пегас, 2013. – 258 с.
7. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге: якынча 40000 берәмлек / Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм сәнгать институты, Татарстан Республикасы фәннәр академиясе. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009. – 839 б.
8. Татарча-русча сүзлек: 56 000 чамасы сүз, 7400 фразеологик берәмлек: 2 томда / Татарстан республикасы фәннәр академиясе, Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм сәнгать институты. – Казан: «Мәгариф» нәшрияты, 2007.
9. Фомин Э. В. Классификация абсолютных агнонимов чувашского языка // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 1. – С. 44–49.
10. Фомин Э. В. Татаризмы в составе агнонимичной лексики чувашского языка // Казанская наука. – 2015. – № 9. – С. 119–121.
11. Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ: 6 томпа. – Шупашкар: Чӑваш кӗнеке издательстви, 1973–1989.

Fomin E. The new semantization of absoluteonyms the chuvash language is based on tatar material / E. Fomin // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 128–133.

According to preliminary research, in the Chuvash language installed 328 Tatar borrowings. Undertaken in recent years, the study of peripheral lexical phenomena of the Chuvash language is the absolute agnonyms, increased the number of tatarisms it on more than a hundred units. In the operation of the Chuvash language has agnonyms Tatar origin have not undergone any significant phonetic and semantic changes, and are used as actually Chuvash words, standing out at present, only a lack of perceived value.

Keywords: absolute agnonyms, semantization, Chuvash language, Tatar language.

УДК 811.512.111

О СОСТАВЕ ФОРМ И КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Лебедев Э. Е.

*БНУ Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики*

E-mail: edlebed@gmail.com

Изучение глагольной морфологии в чувашском языке включает в себя ряд вопросов, решение которых необходимо для дальнейшего развития теории чувашского языкознания. В первую очередь речь идет о соотношении и взаимосвязях форм различных грамматических категорий глагола и об уточнении самого состава этих категорий. Необходимо решить вопрос о грамматической сущности категории залога, которая до последнего времени не включалась в число словоизменительных категорий, о наличии в языке категории аспектуальности, желательного и долженствовательного наклонений и т. д.

Ключевые слова: словоизменительные категории глагола, залог, желательное наклонение, категория аспектуальности.

ВВЕДЕНИЕ

Теоретическое изучение грамматических категорий глагола в тюркских языках в синхронном аспекте представляет собой особую актуальность, так как подобные исследования помогают лучше понять внутреннюю структуру этих языков и выявить основные тенденции их развития. До настоящего времени учеными достаточно подробно описан основной состав форм и категорий глагола практически во всех языках тюркской группы. По преимуществу общая схема таких исследований опирается на принципы и правила, которые были разработаны в отношении языков индоевропейской семьи, что в определенной мере послужило причиной искусственного переноса некоторых представлений в отношении глагольной морфологии, базирующихся на данных индоевропейских языков. К ним относятся, например, такие представления, как: обязательность наличия, как минимум, двух членов грамматической категории, тотальность словоизменительных форм глагола, наличие нулевой формы и т. д. В чувашском языкознании, например, на основании указанных представлений категория залога никогда не признавалась полноценной словоизменительной категорией. Аффиксы, образующие формы этой категории, описывались как словообразовательные аффиксы по причине их неспособности образовывать формы от всех глагольных основ. Категория аспектуальности, представленная двумя способами образования форм (синтетическим и аналитическим), также никогда не описывалась в виде отдельной словоизменительной категории. Аналитические формы глагола в чувашском языкознании вообще не включаются в парадигмы соответствующих категорий глагола наряду с синтетическими формами (аффиксами). Между тем, в чувашском языке аналитические формы могут передавать модальные, временные и акционсартовые значения. Наконец, не вполне раскрыта функционально-семантическая сущность так называемых причастий в чувашском языке. Формы, называемые причастиями, на самом деле не ограничиваются лишь атрибутивной функцией – они способны также выступать в роли предиката, субстантива и адвербума.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Описание форм и категорий глагола мы приводим в порядке присоединения и следования аффиксов после глагольной основы. В связи с этим порядком категории глагола будут располагаться следующим образом: залог, статус, акционсарт (категория аспектуальности), категория номинализации действия (имена действия, причастия, деепричастия), наклонение (модальность), время и лицо.

1. Категория залога

Как было указано выше, в грамматиках чувашского языка формы залога всегда рассматривались как словообразовательные формы. Однако термин «залог» в работах исследователей чувашского языка тем не менее использовался [1, с. 54–57; 4, с. 166–176; 7, с. 232–238]. На основании анализа языковых фактов в чувашском языке можно выделить следующие залоговые формы:

Возвратно-страдательный залог

Образуется путем присоединения аффиксов *-ӑн/-ӗн*, *-ӓл/-ӗл*, *-н* и передает следующие значения: действия, направленного на субъект (возвратное значение): *çӑвӑн* – «умываться», *асӑрхан* – «остерегаться», *мухтан* – «хвастаться», *сыхлан* – «беречься», *тӑхӑн* – «одеваться», *пухӑн* – «собираться» и др.; страдательное значение: *вулан* – «быть прочитанным», *илтӗн* – «слышаться», *курӑн* – «быть увиденным, виднеться», *сырӑн* – «быть написанным», *касӑл* – «резаться», *пӑсӑл* – «портиться» и др.

Взаимно-совместный залог

В образовании этого залога участвуют аффиксы: *-ӑш/-ӗш*, *-ӓç/-ӗç*, *-аш/-еш*, *-ш*. Два значения, передаваемых этой формой: 1) взаимности совершения действия: *вӑрçӑш* – «ссориться», *курӑш* – «видеться», *палаш* – «знакомиться», *саламлаш* – «приветствовать друг друга», *чуп тӑвӑш* – «целоваться», *çапӑç* – «драться», *калаç* – «беседовать» и др.; 2) совместности совершения действия: *вулаш* – «читать вместе», *кашкӑраш* – «кричать вместе», *пуплеш* – «разговаривать», *шӗтлеш* – «перешучиваться» и др.

Понудительный залог

Эта форма образуется при помощи следующих аффиксов: *-т*, *-ар/-ер*, *-тар/-тер*. Значение этой формы – побуждение к совершению действия со стороны другого лица: *васкат* – «торопить», *вылят* – «двигать, шевелить», *кӗрт* – «впускать», *ларт* – «усаживать», *каçар* – «переправлять», *пӗçер* – «варить», *çитер* – «кормить», *ӗçтер* – «поить» и др.

2. Категория статуса

Данная категория состоит из трех форм: отрицания, возможности и невозможности. Форма отрицания может образовываться при помощи аффиксов *-ма/-ме*, *-м*, *-мас/-мес*, а также частиц *ан* и *мар*.

Возможность совершения действия выражается аффиксом *-ай/-ей*: *пулӑшайрӗ* – «смог помочь», *пулӑшайать* – «может помогать», *пулӑшайӗ* – «сможет помочь». Сюда же можно отнести и аналитическую форму *-ма/-ме* + *пултар-*: *кайма пултарать* – «может уйти».

Для передачи значения невозможности используется сочетание аффиксов возможности и отрицания: *-ай/-ей + -ма/-ме (-мас/-мес, -м)*: *пырай.марӓм* – «я не смог прийти».

3. Категория аспектуальности

Эту категорию составляют формы со значением способов действия, которые в тюркологической литературе принято называть *акционсартowymi значениями* [2, с. 303–308]. Формы, передающие эти значения, могут быть как синтетическими, так и аналитическими. К синтетическим формам относятся аффиксы *-ала/-еле, -ка-ла/-келе (пӓхкала* – «посматривать»)), а к аналитическим – формы, образованные сочетаниями аффиксов причастия на *-акан/-екен* и деепричастий на *-а/-е* и *-са/-се* с различными вспомогательными глаголами. Мы выделяем четыре группы значений, передаваемых указанными выше формами: фазовые, количественные (длительность, кратковременность, интенсивность), векторные и значения эготива и адрессива (действия, совершаемого в интересах субъекта или другого лица) [5, с. 48–64].

Фазовые значения

Здесь представлены формы со значением начала совершения действия: *-са/-се кай (сӓвансакай* – «обрадоваться»), *-са/-се яр (кулса яр* – «засмеяться»), *-акан/-екен пул (вӓренекен пул* – «начинать учиться») и др.; и со значением окончания действия: *-са/-се кай (манса кай* – «забыть»), *-са/-се тух (вуласа тух* – «прочитать»), *-са/-се яр (сисе яр* – «съесть»), *-са/-се пӓрах (юратса пӓрах* – «влюбиться») и др.

Количественные значения

Длительность действия: *-са/-се кай (палласах кай* – «быть знакомым»), *-са/-се пыр (типсе пыр* – «высыхать»), *-са/-се тӓр (каласах тӓр* – «говорить постоянно», *-кала (вулакала* – «постоянно читать») и др.; кратковременность действия: *-са/-се ил (канса ил* – «отдохнуть немного»), *-са/-се пӓх (каласса пӓх* – «поговорить») и др.; интенсивность действия: *-са/-се тӓк (ватса тӓк* – «перебить») и др.

Векторные значения

Значения, выражающие направленность действия: *-са/-се кай (чупса кай* – «убеждать»), *-са/-се кил (сывхарса кил* – «приближаться»), *-са/-се ан (сиксе ан* – «спрыгнуть»), *-са/-се каç (ишсе каç* – «переплыть»), *-са/-се хӓпар (вӓссе хӓпар* – «взлететь») и др.

Значения эготива и адрессива

Эготив: *-са/-се ил (вуласа ил* – «прочитать»); адрессив: *-са/-се пар (каласа пар* – «рассказать»), *-са/-се кӓтарт (юрласа кӓтарт* – «спеть») и др.

4. Категория номинализации действия

В этой категории объединяются три группы глагольных форм: имен действия (инфинитивов), причастий и деепричастий. Термин «номинализация действия» активно используется в трудах В. Г. Гузева, по мнению которого глагольные формы, входящие в данную категорию, выражают действия, «оперативно представляемые или как предмет, или как признак, или как обстоятельство» [2, с. 308]. Мы вслед за ним также считаем оправданным объединить указанные выше группы форм чувашского языка в одну категорию.

Имена действия и инфинитивы

Данная группа состоит из следующих форм чувашского языка: *-ма/-ме*, *-маишкӑн/-меишкӑн*, *-у/-ӳ*: *кайма* – «пойти», *килме* – «прийти», *пулмаишкӑн* – «чтобы быть», *курмаишкӑн* – «чтобы увидеть», *суту* – «продажа», *илӳ* – «покупка» и др.

Причастия

Термин «причастие» по отношению к формам, образующим эту группу, мы употребляем только за неимением другого подходящего термина. Не совсем удачным, на наш взгляд, учитывая факты чувашского языка, является и термин «субстантивно-адъективная форма», который активно используется в работах авторов петербургской тюркологической школы [3, с. 161–168; 6, с. 13–24]. Такие формы, как причастие прошедшего времени с показателем *-нӑ/-нӗ*, причастие будущего времени с показателем *-ас/-ес* и причастие настоящего времени с показателем *-акан/-екен*, могут выполнять четыре функции: адъектива, предикатива, субстантива и адвербума. В функции субстантива эти формы, присоединяют аффиксы субстантивации *-и*, *-скер*: *кайни* – «уход», *кайнӑскер* – «ушедший», *килесси* – «приход», *калаканни* – «говорящий» и др. Адвербиальные значения передаются при помощи сочетания форм причастий с аффиксами падежей, или с послелогоми: *илнӑрен* – «так как взял», *пулнипе* – «так как был», *килнӑ чух* – «когда пришел» и др.

Деепричастия

В данную группу входят следующие формы: *-са/-се* (*кайса* – «уходя»), *-сан/-сен*, *-сас-сӑн/-сесӑн* (*килсен* – «когда пришел, придет»; «если пришел, придет»), *-иччен* (*иличчен* – «до того, как возьмет»), *-а(рах)/-е(рех)* (*куларах* – «слегка улыбаясь»), *-нӑсем/-нӗсем* (*калашнӑсем* – «по мере разговора»), *-массерен/-мессерен* (*тӗл пулмассерен* – «каждый раз, когда встречал»), *-ушӑн/-ӳшӑн* (*таврӑнушӑн* – «возвращаясь»), *-нӑранпа/-нӗренпе* (*пусланӑранпа* – «с тех пор, как начал»), *-аспа/-еспе* (*пуласпа* – «с наступлением»).

5. Категория наклонения

Повелительное наклонение

Формальные показатели первого и второго лица повелительного наклонения в чувашском языке выглядят следующим образом: *-ам/-ем*, *-ар/-ер*, *-ӑр/-ӗр* (*илем* – «возьму-ка», *ыйтар* – «давайте спросим», *вулӑр* – «читайте»). Формы единственного и множественного числа третьего лица образуются при помощи аффиксов *-тӑр/-тӗр*, *-чӑр/-чӗр* (*кайтӑр* – «пусть идет», *килчӗр* – «пусть приходят»). Отрицание в повелительном наклонении выражается частицами *ан* и *мар* (*ан кай* – «не уходи», *каяр мар* – «не пойдём» и др.).

Уступительное наклонение

Образование форм данного наклонения происходит так: в первом и третьем лицах к аффиксам будущего времени присоединяется специальный аффикс *-ин*: *сырӑпин* – «пусть я напишу», *сырин* – «пусть напишет». Во втором лице единственного и множественного числа используются аффиксы условного наклонения *-сӑ/-сӗ* и аффиксы лица: *килӑсӑн* – «пусть ты придешь», *килӑсӗр* – «пусть вы придете» и др. Что же касается значения этого наклонения, то оно представляет собой особое «безразличное» отношение лица к действию, «полную незаинтересованность его данным действием» [4, с. 208].

Сослагательное наклонение

У формы сослагательного наклонения отсутствует специальный показатель. Она образуется путем сочетания аффиксов будущего и прошедшего времен. Значением его является нереальное действие, совершения которого говорящий желал бы при определенных условиях. Примеры: *калйттйм* – «я сказал бы», *килёттён* – «ты пришел бы».

Желательное наклонение

Данное наклонение традиционно не включают в систему категорий глагола в грамматиках чувашского языка. По-видимому, причиной этого является то, что оно выражается целым рядом форм, часть из которых представляет собой аналитические формы. Отметим, что все они отвечают критерию тотальности в процессе присоединения к глагольным основам:

– форма с показателем *-асийн/-есиён* образуется при помощи сочетания аффикса причастия будущего времени с аффиксом причинного падежа. По лицам не изменяется: *эпё илесийён* – «я хочу взять», *эсё илесийён* – «ты хочешь взять» и т. д.;

– форма с показателем *-ас/-ес + кил-*. Здесь мы наблюдаем образование аналитической формы с участием аффикса причастия будущего времени и вспомогательного глагола *кил* («приходить»): *ман сиес килет* – «я хочу есть», *сан сиес килет* – «ты хочешь есть» и др.;

– форма с показателем *-ас/-ес + те-*. Также является аналитической формой, образованной при помощи аффикса причастия будущего времени и вспомогательного глагола *те* («говорить»): *каяс тетён* – «я хочу уйти», *илес терё* – «он хотел взять» и др.

Долженствовательное наклонение

Это наклонение также обычно не выделяется в грамматиках чувашского языка. Оно состоит из двух форм – синтетической и аналитической:

– форма с показателем *-малла/-мелле*: *манён каламалла* – «мне нужно сказать», «я должен сказать», *санён килмелле* – «тебе нужно прийти», «ты должен прийти» и т. д.;

– форма с показателем *-ас/-ес + пул-*: *манён ыйтас пулать* – «мне надо спросить», «я должен спросить», *санён ыйтас пулать* – «тебе надо спросить», «ты должен спросить» и т. д.

Изъявительное наклонение выражается аффиксами времен.

6. Категория времени

Настоящее время с показателем *-ат/-ет*: *куратйп* – «я вижу», *йнланатйп* – «ты понимаешь» и др.

Прошедшее категорическое время с показателями *-рй/-рё, -тй/-тё, -чё*: *каларйп* – «я сказал», *килчё* – «он пришел» и др.

Будущее время с показателем *-й/-ё*: *пулйп* – «я буду», *сырйпёр* – «мы напишем» и др.

Прошедшее длительное время с показателем *-аттй/-еттё, -атчё/-етчё*: *вулаттйп* – «я много читал», *чупатчё* – «он много бегал» и др.

Давнопрошедшее время с показателем *-саттй/-сеттё, -сатчё/-сетчё*: *кайсаттйп* – «я было ходил», *туясаттйп* – «я было купил» и др.

Давнопрошедшее время с показателем *-нй пулнй/-нё пулнй*: *эпё вёрённё пулнй* – «я было учился», *эсё вуланй пулнй* – «ты было читал» и др.

7. Категория лица

Состоит из двух групп аффиксов, что характерно и для других тюркских языков. Их выбор зависит от того, к какой временной форме они присоединяются: с формами настоящего и будущего времен сочетаются аффиксы *-ӓп/-ӓп, -пӓр/-пӓр; -ӓн/-ӓн, -ӓр/-ӓр; -ççӗ, -ç*; с формами прошедших времен сочетаются аффиксы *-м, -мӓр/-мӓр; -н, -р; -ç* и нулевой аффикс третьего лица единственного числа.

ВЫВОДЫ

На основании проведенного нами исследования мы сделали следующие выводы:

- критерий тотальности при выделении в чувашском языке глагольной словоизменительной категории не должен считаться обязательным;
- в случаях, когда формальный показатель отсутствует, не всегда речь идет о функциональном нуле – чаще всего это говорит об индифферентности основы к выражению соответствующих категориальных значений;
- аналитические формы передачи значений на полных правах должны быть включены в систему категорий глагола;
- категория залога должна быть включена в систему категорий глагола;
- категория аспектуальности представляет собой отдельную глагольную категорию;
- неличные формы глагола в чувашском языке (инфинитивы, причастия, деепричастия) необходимо объединить в отдельную категорию номинализации действия.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. Труды НИИ. Выпуск 66. – Чебоксары, 1976. – С. 3–86.
2. Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 289–351.
3. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. – 320 с.
4. Егоров В. Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. I. – Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. – С. 151–239.
5. Лебедев Э. Е. Состав и классификация акционсартовых значений в чувашском языке // Материалы международной конференции «Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура». – Чебоксары, 2003. – С. 48–64.
6. Матушкина Н. А. К вопросу о понятии «причастие» в свете данных агглютинативных языков // Российская тюркология. – № 1 (8). – М.-Казань, 2013. – С. 13–24.
7. Сергеев В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. – Чебоксары: Изд-во чуваш. ун-та, 2002. – 300 с.

Lebedev E. Y. On the composition of forms and categories of the verb in the chuvash language / E. Y. Lebedev // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 134–139.

The study of verb morphology in the Chuvash language includes several questions solving of which is necessary for the further development of the theory of the Chuvash linguistics. On the first hand, we speak about the relationship and mutual connections between the forms of different grammatical verb categories and about specifying the contents of these categories. We have to solve the question of the grammatical subsistence of the category of voice that, until recently, has not been included into the types of word formation. We also should solve the problem of the category of aspectuality in the language, of optative and obligative mood etc.

Keywords: types of word formation in case of verbs, voice, optative mood, category of aspectuality.

УДК 81'22:003.071

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНОЯЗЫЧНЫХ АРАБСКОАЛФАВИТНЫХ РУКОПИСЕЙ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР

Канапацкая З. И.

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
E-mail: zorina_kanapacka@mail.ru*

Статья посвящена самобытной литературе белорусских татар, написанной на славянских языках арабской графикой. Татары, которые пришли в Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) из Золотой Орды и Крыма на рубеже XIV – XV вв., создали уникальные памятники литературы. Языковая ассимиляция была причиной возникновения белорусских текстов, написанных арабским письмом. Первые белорусские переводы возникли в середине XVI в., а в XVII – XX вв. – польские. При этом появление славяноязычных религиозных книг, написанных арабским письмом, совпало по времени с Реформацией, когда у народов, входивших в состав ВКЛ, возрос интерес к своей истории, культуре, религии. Именно к этому периоду относится и первый перевод Корана на белорусский язык.

Ключевые слова: белорусские татары, славяноязычные тексты арабской графикой, языковая ассимиляция, Коран, китаб, тефсир, хамаил, теджвид, далавар, грамотка.

ВВЕДЕНИЕ

Особенности письменности белорусских татар тесно связаны с их исторической судьбой. Переселившись на территорию Великого княжества Литовского, они в течение двух веков ассимилировались с местным населением в языковом отношении, переживая вместе с ним все исторические перемены, интегрируясь в их культуру, но при этом сохраняя отчасти свою самобытность, а главное – религию (ислам), которая и позволяет говорить о белорусских татарах как об особой группе населения.

Тюркские языки, на которых говорили поселившиеся в ВКЛ татары, довольно быстро начали выходить из употребления. Причины, способствовавшие быстрой языковой ассимиляции белорусских татар, обобщены в работах многих исследователей. К основным причинам ассимиляции относят смешанные браки мусульман с христианками, социальную разнородность белорусских татар, изолированность от родного края, а также отсутствие интердиалектного языка для выполнения религиозных обрядов. Мусульманская религия, которая сыграла решающую роль в формировании новой этнической общности в ВКЛ – татар, тем не менее не могла способствовать сохранению их родного языка, поскольку опиралась в богослужении на арабский язык, непонятный для татар. Общим языком отношений стал древний белорусский язык, и это был второй решающий фактор создания новой этноконфессиональной группы в ВКЛ – татар.

В таких языковых отношениях разнообразная татарская литература мусульманского характера была переведена на белорусский язык и записана арабским письмом. Именно языковая ассимиляция, как отмечают исследователи письменности белорусских татар, была причиной возникновения белорусских текстов, написанных арабским письмом. Первые белорусские переводы возникли в середине XVI в., а в

XVII–XX вв. – польские. При этом появление славяноязычных религиозных книг, написанных арабским письмом, совпало по времени с Реформацией, когда у народов, входивших в состав ВКЛ, возрос интерес к своей истории, культуре, религии. Именно к этому периоду относится и первый перевод Корана.

Произведения литературного творчества белорусских татар дошли до нашего времени в виде рукописных сборников середины XVII–XIX вв.¹, различного содержания. Отличают несколько видов таких сборников. Наибольшую ценность для изучения древнего белорусского языка имеют *китабы*.

Цель статьи – показать процесс возникновения славяноязычных арабскоалфавитных рукописей белорусских татар, проанализировать ассимиляционные процессы, вызвавшие появление уникальных памятников культуры XVI–XX вв.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

История появления татар на землях Великого княжества Литовского

Первые сведения о языке татар Великого княжества Литовского относятся еще к началу XIV века. В францисканском ежегоднике за 1324 г. сообщалось, что «*братья (монахи), которые отправились в государство литовское с целью оглашения науки Христа, неожиданно встретили людей, которые прибыли из края какого-то хана и отправляли молитвы своим языком азиатским*». Посол английского короля Гилберт де Ланной в феврале 1414 г., который ехал из Вильно в Пруссию через Троки, в дневнике отмечал, что во многих деревнях большое количество татар, которые имеют своеобразный язык, называемый татарским [1, 181–182].

Первые сведения о татарских поселениях в Великом княжестве Литовском относятся к началу XIV века. Великие литовские князья приглашали татар к себе на военную службу. Известно, что в битве с тевтонами в 1319 г. из татар состоял передовой отряд войска Гедымина (1316–1341). Позднее литовские князья Кейстут и Ольгерд в войнах с Орденом крестоносцев, Польшей и Москвой не раз заключали союзы с татарами из Кипчака. Вероятно, уже тогда некоторые татарские отряды, постоянно поддерживая литовских князей и состоя у них на службе в качестве наемных солдат, осели на их землях при городах и замках.

Самые большие поселения татар отмечены в период правления великого князя Витовта в конце XIV века. При князе Витовте установились тесные отношения с Золотой Ордой и с крымскими ханами из династии Гиреев. После Люблинской унии 1569 г. и образования Речи Посполитой отношения с Крымским ханством продолжались.

Татары, которые пришли в Великое княжество Литовское из Золотой Орды и Крыма на рубеже XIV–XV вв., говорили на чагатайском языке (это один из восточных диалектов турецкого языка, относящийся к куманско-кипчакской группе). Он был официальным и литературным языком Золотой Орды. В *хамаилах* (молитвенниках) белорусских татар имеется много текстов на чагатайском языке, которые относят-

---

¹ Самые ранние из известных рукописей литовских татар, относящихся к середине XVI в., не дошли до теперешнего времени в силу исторических причин.

ся к наиболее раннему периоду истории белорусских татар. Бесспорно, отдельные племена, входящие в состав Золотой Орды, отличались между собой диалектами, но решающим в развитии письменности и речи ее высших слоев был официальный чагатайский язык. Следы этого языка, кроме вышеупомянутых текстов, сохранились в памятниках древней письменности белорусских татар, в некоторых фамилиях, названиях гербов, а также в названиях некоторых блюд [2, 269].

С начала XVI века, с момента установления в Стамбуле халифата, сильное воздействие на белорусских татар стала оказывать османская культура, с которой они знакомились, приезжая в Турцию во время паломничества к святым местам Мекки и Медины. Свидетельства этого влияния содержатся в трактате «Risale-i-Tatar-i-Lech» (1558 г.). Уже тогда среди татар стал отмирать чагатайский язык, связи с Казанью и более отдаленным Туркестаном были утрачены, а в сравнительно близком Крыму произошла османизация в сфере языка и культуры. Те татары, что путешествовали в Турцию, вместе с написанными стамбульскими каллиграфами религиозными книгами привозили из этой страны и османский язык. И если начиная приблизительно с середины XVI века кто-то из них умел говорить «по-турецки», это значит, что он говорил на османском языке. В религиозных книгах белорусских татар XVII в., а также и в позднейших изданиях часто встречаются тексты на османском языке [3, 53–70].

Языковая ассимиляция белорусских татар

Данные второй половины XVI в. подтверждают потерю татарами знания родного языка. Автор «Risale-i-Tatar-i-Lech» («Трактат о польских татарах»), выражая пожелание, чтобы дети белорусских татар могли изучать арабский и османский языки, замечал, что если татары в ВКЛ не могли говорить по-арабски и турецки, то знали другие языки: «...ведь каждый в нашей стране говорит на двух распространенных там языках» [4, 260]. А в другом месте трактата сказано, что татары, проживающие в городах, забыли свой язык и пользуются местным. Но при этом автор подчеркивает, что «...до сих пор сохранили свою веру». Однако были татары, которые, согласно трактату, говорили по-турецки – это «те, что... сами недавно прибыли в эти края» [4, 251–252]. О потере татарами родного языка во второй половине XVI в. свидетельствуют и другие источники. Анонимный автор письма Давиду Хитраэсу в 1581 г. утверждает, что белорусские татары пользуются местными языками [5, 122–123]. Нет сомнения, что еще и в начале XVII века в некоторых татарских поселениях еще говорили по-турецки. М. Чижевский в своей книге «Альфуркан татарский» (пасквиль на татар, 1616 г. – К. 3.) подчеркивает: белорусские татары имеют особый и необычный язык [6, 181]. В течение XVII в. белорусские татары полностью отказались от турецкого языка, об этом свидетельствовал турецкий историк XVII в. Ибрагим Паша [7, 52]. Тем, кто уже не понимал по-татарски, в китабе 1-й половины XVIII в. предлагалось: «Калі хто па-татарску не ўмее, то па-руску нехай абракай-ецца (высказываецца намеренне перед тем как читать молитву или начинать то или иное дело)» [8].

Возникновение славяноязычных арабоалфавитных рукописей. Виды рукописных сборников

Языковая ассимиляция была причиной возникновения белорусских текстов, написанных арабским письмом [9, 14; 10, 6]. Первые белорусские переводы возникли в середине XVI в., а в XVII–XX вв. – польские [8]. При этом появление славяноязычных религиозных книг, написанных арабским письмом, совпало по времени с Реформацией, когда у народов, входивших в состав ВКЛ, возрос интерес к своей истории, культуре, религии. Именно к этому периоду относится и первый перевод Корана на белорусский язык [11, 206–217; 12, 1–2].

Коран. 1853 г. (частная коллекция).
Переписчик Мустафа Мискевич (Узда,
Минский район).

Произведения литературного творчества белорусских татар дошли до нашего времени в виде рукописных сборников середины XVII–XIX вв.¹ [13, 39; 14, 120–121; 15, 21–23] различного содержания. Отличают несколько видов таких сборников.

Наибольшую ценность для изучения древнего белорусского языка имеют *китабы*.

Содержание китабов (арабск. *китаб* – книга) составляют фрагменты из Корана, предания о жизни и деятельности пророков, и в первую очередь – пророка Мухаммеда, *хадисы* – подтвержденные другими лицами высказывания и свидетельства пророка Мухаммеда. В частности, к хадисам относятся как короткие высказывания, так и большие произведения, например, легенда Мерадж (от арабск. *аль-ми'радж* – лестница, ступени) – вознесение пророка Мухаммеда на небо на крылатом коне по имени Бурак, посещение пророком мусульманского рая и ада. Легенда встречается в пяти китабах XVIII–XIX вв. и в Китабе Хасеневица (1832 г.) из частной коллекции белорусского ученого И. Канапацкого [10, 81–90]. Востоковед Г. М. Мередит-Оуэнс и белорусский просветитель А. Надсон нашли список этой легенды в китабе 1831 г. из собрания Британской библиотеки в Лондоне [16, 162–163]. Список этой легенды находится и в китабе (11Рк15) из коллекции Национальной библиотеки Беларуси. В китабах можно также найти коранические легенды, например, о смерти Марьямы (Марии, матери Иисуса Христа. – К. З.), случаи из жизни Иисуса (в текстах Исы. – К. З.).

В китабах белорусских татар встречаются легенды, аналогичные бытовавшим на Востоке. Например, легенда «О семи спящих братьях», «О перстне Соломона», «Об Александре Великом». Некоторые легенды из китабов своими корнями уходят в далекое домусульманское прошлое.

¹ Самые ранние из известных рукописей литовских татар, относящихся к середине XVI в., не дошли до теперешнего времени в силу исторических причин.

Морально-поучительные истории, которые включались, как правило, в каждый kitab, затрагивают такие темы, как почитание родителей, пожилых людей, больных, сирот, соседей, «научных», т. е. руководителей мусульманских приходов, имамов. Здесь можно упомянуть о нескольких интересных повествованиях такого характера, содержащихся в одном из kitabов XVIII в.: «Об уважительном отношении к отцу и матери», «О бережном отношении к сиротам», «О бережном отношении к соседям», «Почтительное отношение к гостям», «Уважение к старшим и ученым людям», «Повесть о нищем и Асафе», «Повесть о пьяницах», «Повесть об Абиде» [17, 240]. Немало страниц в kitabах отводится рассуждениям о моральных ценностях в жизни людей.

Kitab. 1832 (частная коллекция). Смиловичи, Минский район.

Размер 4° (34 x 22). 158 с.

Язык арабский, белорусский, польский арабским письмом.

Почерк насх. **Переписчик** Абрагим Хасеневич.

На с. 1–8 – генеалогическая таблица пророков, халифов и имамов. На с. 156 запись на арабском, польском, русском языках (гражданским письмом): «Абрагим Хасеневич написал эту книгу 20 января 1832 года и подписал своей рукой по-татарски, латински, польски и по-русски Абрагим Хасеневич». На с. 157 – та же самая запись, сверху – печать, вокруг которой – текст по-арабски.

В книге содержатся восточные истории, легенды, морально-этические рекомендации, толкование снов, рыцарские повести, гадания по буквам Корана.

По нашему мнению, именно в kitabах содержались различные исторические предания белорусских татар, о которых по причине исчезновения части рукописной литературы в настоящее время имеются лишь отрывочные сведения авторов первой половины XIX века. Польский ученый Т. Чацкий, упоминая о монетах Абу-Саид-Бахадур-хана, правившего в Персии в первой половине XIV века, пишет: «Об этом Абу-Саиде и Багдад Хатун, дочери эмира Джиубана (Чацкий дает имена в их французском произношении. – К. З.), были еще разные истории, которые рассказывали наши татары при Яне III и Августе II: хотя бы неуклюжий роман о Котуне из Богдада (около 1700 году), по-видимому, состоит из этих преданий, несколько, однако, не подходящих для детей Востока» [18]. Из татарских хроник известно, что во время правления Абу-Саид-Бахадур-хана из монгольской династии (Чингизидов) в Персии на политической арене появился бей Хасан Бузург из племени джалаир (представители которого были и среди бе-

лорусских татар. – К. З.), женатый на Дельшат-хатун, дочери эмира Джубана из Багдада. Желая снискать расположение хана, он развелся со своей женой и выдал ее замуж за хана. Вознагражденный за это и назначенный ханским наместником в Анатолию, Хасан настолько укрепил свои позиции, что после смерти Абу-Саид-Бахадур-хана (1335) смог овладеть трон и всем государством [19, 97]. Несомненно, именно эти события отражены в том «романе», о котором говорит Т. Чацкий.

Кроме того, в книгах белорусских татар были рассказы о кипчакских ханах и их дворах, о ханской «басме» (стопе), отгиснутой в восковой массе и являющейся предметом почитания ордынских вассалов и т. д. Об этом, примерно в 1840 году, сообщил Т. Нарбуту один «любитель всего родного», знакомый с литературой белорусских татар, который отыскал «эти сведения в преданиях, записанных в одной книге их предками буквами арабскими, но языком татарским, смешанным со славянским, то есть диалектом литовско-русским» [20, 45–48]. В настоящее время такие летописи не известны в литературе белорусских татар, но не исключено, что более внимательное изучение всех китабов может способствовать открытию этих текстов.

В большинстве китабов дается изложение основных мусульманских догм, более или менее подробное описание обрядов, ритуалов и обязанностей мусульман, например, о соблюдении поста, подаче милостыни, ежедневных молитвах, совершении Хаджа – паломничестве в святые места, и самое главное – подчеркивается вера в единого Бога. По такой тематике китабы носят, безусловно, религиозный характер. Однако немало текстов фольклорного характера: разгадка снов, гадание по буквам Корана, астрологические сборники, притчи, восточные приключенческие истории. Поэтому китабы по содержанию можно охарактеризовать как религиозно-фольклорные книги.

Большой интерес для исследователей письменности белорусских татар представляют *хамайлы* – сборники молитв на арабском и тюркском языках с разъяснением смысла по-белорусски или по-польски. Арабское слово *хама'ил* обозначает «то, что носят с собою», отсюда на мусульманском Востоке так называют талисманы [21, 258–259]. У белорусских татар в хамайлах большого объема, кроме молитв и обрядов, можно найти календарь, рецепты лечения различных болезней с помощью «нусок», т. е. коротких молитв, записанных на листках, объяснение «нехсевых дней», т. е. плохих, толкование снов. В Слониме сохранился хамайл, в котором содержатся молитвы на арабском языке, но комментарии к этим молитвам и к богослужениям даны на чагатайском языке. При сравнении чагатайского хамайла с современным, переведенными на русский или польский язык, бросается в глаза их исключительное сходство: арабский текст тот же (только вместо пояснений на чагатайском языке – объяснения на русском. – К. З.), тот же календарь, то же толкование снов и объяснение болезней, те же астрологические таблицы [22, 139, 141].

Хамаил (частная коллекция).
Первая половина XIX века (?). Минск.

Содержание хамаилов, как и китабов, разнообразное и нестрогое по размещению. Некоторые тексты хамаилов можно встретить в китабах и наоборот. Хамаил, включающий наиболее читаемые молитвы, а также ряд логико-астрологических указаний, являлся самым любимым молитвенником белорусских татар.

Даже формат хамаила, значительно меньший, чем у китаба, был приспособлен к ежедневному практическому применению. Так как хамаил со своими рецептами и заклинаниями от разных болезней, а также толкованием снов и злополучных дней имел значение своеобразного повседневного справочника, татары переписывали его весьма охотно. Число экземпляров этой книги довольно велико. В соответствии со своим содержанием хамаилы могут быть разные: обычный, «моллинский» (т. е. предназначенный для муллы и содержащий ритуальные молитвы и пояснения к основным обрядам) и «фалджейский» (преимущественно с магическими формулами и астрономическими таблицами, а поэтому нужный фалджеям – прорицателям).

Изучение хамаилов представляет особый интерес для исследователей в связи с разносторонним содержанием. Именно на хамаилах заметна «обкатка» мусульманских представлений в иной этнической среде и иных климатических условиях. На них видно приспособление ислама к славянским обычаям и поверьям, как это, собственно, происходило повсеместно с исламом в различных зонах его распространения.

Центральное место внутри всей религиозной литературы татар занимают *тефсиры* (*тафсиры*, *тансиры* арабск. – объяснение, комментарий). Тексты Корана в форме цитат из тefsиров включаются во все виды татарской письменности, в частности в китабы и хамаилы.

Тefsиры представляют собой Коран на арабском языке с подстрочным комментарием на языке, который можно охарактеризовать как тогдашний белорусский с сильным польским влиянием или как польский с белорусскоязычными элементами. Есть основания предполагать, что текст Корана с подстрочным переводом на белорусский язык хоть и не найден, но существовал, на что указывают частые случаи использования в китабах записанных по-белорусски цитат из тefsиров.

Тефсир. 1797 (частная коллекция).
Смиловичи, Минский район.

Размер 2° (33 x 20). 480 р.

Язык арабский, белорусский, польский
арабским письмом.

Почерк насх.

Книга принадлежала Якубу Мейшутовичу, затем являлась собственностью Исмоила Канапацкого.

Тефсиры обычно являются книгами большого формата, со средним объемом текста около 1000 страниц. В последнее время найдены несколько тефсиров, которые ждут своего исследователя [23], в том числе самый древний – *Минский Тефсир*. Переписал его мулла минской мечети Урьяш ибн-Исмаил в 1686 году.

В непосредственной связи с тефсирами появились *теджвиды*. В теджвидах излагаются правила чтения арабского текста Корана, описывается артикуляция звуков арабского языка.

Еще одна разновидность религиозной литературы белорусских татар *даловары* (*дуалары*, от османск. – молитвенник) – сборник (сувой) молитв, которые мусульманин носил с собой. Слово произошло от арабского *дуа* «молитва» и тюркского суффикса *лар*, который придает слову форму множественного числа: *дуа+лар* – дуалар (дуалер). Именно так называются эти свитки в китабах XVIII–XIX вв. Слово *даловары* – фонетически измененное *дуалары* (*дуалеры*). Как отмечается, *даловарами* (*дуаларами*, *дуалерами*) в некоторых местностях называют только те сувои молитв, которые кладут покойнику в могилу. А небольшой сувой молитв, который мусульманин носит при себе, называется *грамотка* (слово местного происхождения. – К. З.) [7, 204].

Рукописные религиозные книги создавали обычно духовные особы (мулла, муэдзин, годжий), а также пожилые люди, не способные к физическому труду, но глубоко верующие. Переписывание книг считалось богоугодным делом, и подходили к нему с большим благоговением. Более старательно, красивым каллиграфическим подчерком писали Коран и китабы, и скорописью – хамаилы. В своей работе переписчики пользовались *калемом* (от арабск.), или гусиным пером, а также *энкаустом* домашнего производства. Энкауст мог быть черный или красный (из шафрана). Китабы писали черным энкаустом лучшего качества, с блеском, и на лучшей бумаге – такой энкауст был устойчив к атмосферным воздействиям. В других книгах (например, хамаилах) энкауст был более плохого качества, поэтому со временем рыжел. В китабах определение *баб* (от арабск. – глава) писали для лучшей ориентировки красным энкаустом [24, 376–378]. Такие же чернила использовались при написании некоторых аятов (стихов) из Корана. Бумажный свиток с молитвами (*даловарами*), который клали

покойнику в могилу, часто написан шафраном (распространено в Ляховичах. – К. 3.) [2, 248].

Создание рукописи было процессом трудоемким и дорогостоящим. Помощью каллиграфов пользовались, как правило, состоятельные слои татарского общества. Искусно выполненная рукопись должна была удовлетворять эстетические запросы ее владельца. Она передавалась из поколения в поколение вместе с другими ценностями. Такие Кораны и молитвенники хранились с большой бережностью и ценились наравне с серебром и золотом. В 1529 г. князя Махмед и Фирс Юхновичи Ассанчуковичи били челом королю Сигизмунду I и рассказывали, что их «дядко», князь Килдыш Дмитрович Петрович «записал» им часть своих владений «с дворцами, людьми и всякой недвижимостью: серебром, книгами, крепостными, конями, скотом» [25, 6].

Были переписчики, которые красиво писали и выделялись художественными способностями. Их часто просили написать *мугир* (арабск. *мугрун* – печать, иконографическое изображение) – выражение из Корана, иногда сопровождающееся изображением красивой мечети. Мугиры оправлялись в рамки и вывешивали на стенах мечетей и домов белорусских татар.

Обычно, закончив работу, переписчик на последней странице писал свою фамилию и дату, когда было окончено переписывание книги. Например, в китабе XVIII в. из Крушинян (современная Польша) есть надпись арабскими буквами: «Писан этот китаб года тысяча двести шестого от выхода Мухаммед-Пророка из Мекки в Мидинею, месяца Джимазе-ль-ахира пятого дня, в Сандыковщизне, Юсуф Хелешевич, наместник войск литовских». Ниже даны две заметки подобного содержания, но с указанием даты христианской эры: 29 января 1792 г., одна – на польском языке польскими буквами, вторая – на белорусском языке кирилличным шрифтом [26, 191]. Эти записи имеют важное значение для исследователей истории религиозной литературы белорусских татар, так как из них можно узнать о том, кто и когда переписал китаб или Коран.

Переписыванием книг занимались люди, не имеющие светского образования, поэтому содержание их оставалось почти неизменным в течение нескольких веков. Незнание переписчиками арабского и турецкого языков приводило к повторению сделанной ошибки при переписывании какого-либо слова. Исследователями арабскоалфавитных рукописей неоднократно обращалось внимание на вопрос о компетентности (образованности) составителей подобных текстов. Одни считали, что рукописи переписывались образованными, другие – «темными» (непросвещенными). В зависимости от отношения к данной проблеме решается и проблема искажений в текстах рукописей [9, 19].

В государственных библиотеках Беларуси и в Гродненском музее истории религии выявлено 39 рукописей (в том числе фрагменты рукописей. – К. 3.) конца XVII – первой половины XX вв. По количеству книжных памятников письменности белорусских татар коллекции Беларуси занимают значительное место среди государственных собраний мира. Для сравнения: в государственных коллекциях Литвы – 40 рукописей первой половины XVIII – первой половины XX вв., России – 8 рукопи-

сей середины XVII – первой половины XIX вв., Украины – 1 рукопись начала XIX в., Польши – 10 рукописей начала XIX – первой половины XX вв., Англии – 3 рукописи первой половины XVIII – первой половины XIX вв., Германии – 1 рукопись первой половины XVII в. [27, 74; 23].

Изучением рукописей белорусских татар активно занимаются зарубежные историки, среди них директор Белорусской библиотеки имени Францыска Скорины в Лондоне А. Надсон, польские исследователи А. Дрозд, Ч. Лапич, швейцарский лингвист П. Сутер, литовская исследовательница Г. Мишкинене и др. В 2000 г. в Варшаве, в 2005 г. в Вильнюсе вышли каталоги рукописных книг [27, 28].

Историю и культуру белорусских татар в 1990-е годы исследовали российский историк С. Думин, белорусские ученые А. Смолик и И. Канапацкий. При активном участии И. Канапацкого в 1997 г. в музее Белорусского государственного университета культуры и искусств, в 2001 и 2003 гг. в Центральной научной библиотеке (ЦНБ НАН Беларуси) были организованы выставки рукописей белорусских татар. С его помощью были изданы каталоги рукописных книг. Проблемы исследования книжного наследия белорусских татар рассматривались на научных конференциях, организатором которых был Ибрагим Борисович. На IX Международной научно-практической конференции «Тюркские народы в истории Беларуси» в 2003 г. была организована секция «Книжность тюркских народов» [29; 30; 31, 71–76].

К сожалению, до сих пор об оригинальной литературе белорусских татар знает только узкий круг специалистов. В 1997 и 2003 гг. в Беларуси изданы два каталога рукописей белорусских татар [23, 32]. Каталог 1997 г. включал сведения об 11 рукописях белорусских татар XVIII – начала XX вв. из частных коллекций. В каталоге 2003 г. представлены 14 рукописей из коллекции ЦНБ НАН Беларуси. Однако каталогизация рукописей белорусских татар еще не завершена. Белорусские арабграфические тексты не были отражены в изданной в 2003 г. «Анталогіі даўняй беларускай літаратуры: XI – першая пал. XVIII ст.». В Беларуси не издан ни один арабграфический книжный памятник. Не решена проблема создания страховых копий, перевода ценных документальных памятников на электронные носители.

В ЦНБ НАН Беларуси проводится исследовательская работа по описанию и кодологическому анализу рукописей белорусских татар из отечественных коллекций. Сотрудниками отдела редких книг и рукописей библиотеки М. Тарелкой и Е. Титовец были исследованы материалы этого учреждения, Национальной библиотеки Беларуси и Гродненского государственного музея истории религии. Рукописи белорусских татар хранятся также в частных коллекциях, однако большая часть их не учтена и не исследована.

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на большую ценность письменности белорусских татар как для славистов, так и для востоковедов (А. Зайончаковский, Е. Карский, И. Крачковский, А. Самойлович). Помимо литературно-познавательного, отмечалось ее важное историко-филологическое значение – как образца ценных памятников живой старобелорусской речи [34, 40–42].

Так как графика старобелорусской письменности основывалась на традиционной кириллице и сохраняла только присущие для древнерусского письма знаки, она часто

не отражала многие специфические белорусские особенности – такие, как *аканье*, *дзеканье*, *цеканье*, широко употребляемые в народной речи в XVI в. Насколько традиционное правописание стирало особенности живого разговорного языка, настолько это отражали памятники XVI–XVIII вв., написанные арабской графикой.

Так, по мнению Е. Карского, арабскоалфавитные рукописи «дают много интересного материала для суждения о белорусском языке XVI–XVII вв. Если бы прочесть и исследовать все известные белорусские тексты арабским письмом, то очень может быть, что нашлось бы немало весьма интересных особенностей языка, незаметных в памятниках, писанных традиционной орфографией» [35, 252]. Из сказанного следует и другой вывод – что так точно передавать особенности белорусского языка мог только тот, кто хорошо говорил на этом языке и у кого база речи применилась к местному произношению.

ВЫВОДЫ

Таким образом, белорусскоязычные тексты, написанные арабским письмом, лучше других памятников отражают специфические особенности фонетики белорусского языка. Изучение *китабов*^{1*} позволяет восполнить пробелы в истории белорусского языка, когда начавшаяся в XVII в. полонизация вытесняла белорусский язык из употребления. Оригинальные тексты (не только религиозного, но и светского характера), скрытые арабским алфавитом, еще долгое время переписывались в своем белорусском варианте. О языке текстов рукописей, которые принято называть польскими, можно сказать, что это был местный разговорный вариант польского языка (сильно белорусифицированный). Поэтому арабскоалфавитные рукописи могут служить еще и важным источником в изучении белорусско-польских языковых отношений в истории функционирования белорусского языка в Великом княжестве Литовском [35; 36; 37; 38; 39; 40].

Список литературы

1. Дубинский А. Славянские элементы в тюркских языках на территории Польши, Литвы и Украины / А. Дубинский // *Problemy jezykow Azji i Afryki*. – Warszawa, 1987. – s. 175–185.
2. Kryczynski S. Tatarzy litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej / Kryczynski S. // *Rocznik Tatarski*. – Т. III. – Warszawa, 1938. – s. 1–315.
3. Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар / А. Мухлинский – СПб., 1857. – 70 с..
4. Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich przezjednego z tych tatarow zlozone sultanowi Sulejmanowi w 1558 r. / A. Muchlinski // *Teka Wilenska*. – Wilno, 1858. – nr. 4–6.
5. Gwagnin A. *Rerum Polonicarum tomi tres* / A. Gwagnin. – Francofurti, 1584. – Т. II. – p. 367.
6. Czyżewski P. *Alfurkan tatarski* / P. Czyżewski – Wilno, 1617 // *Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego Dział starych druków*, sygn. Sd. 713.1262.
7. Канапацкі І. Б., Смолік А. І. Гісторыя і культура беларускіх татар / І. Б. Канапацкі, А. І. Смолік. – Мн., 2000. – 259 с.
8. Антонович А. К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система / А. Антонович. – Вильнюс, 1968. – 418 с.

¹ В научно-популярной литературе «китабами» часто называются все виды рукописных книг литовских татар.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНОЯЗЫЧНЫХ
АРАБСКОАЛФАВИТНЫХ РУКОПИСЕЙ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР**

---

9. Мишкинене Г. Древнейшие рукописи литовских татар (Графика. Транслитерация. Перевод. Структура и содержание текстов) / Г. Мишкинене – Вильнюс, 2001. – 262 с.
10. Несцяровіч В. І. Старажытныя рукапісы беларускіх татар (Графіка. Транслітарцыя. Агульная характарыстыка мовы. Фразеалогія) / В. І. Несцяровіч. – Віцебск: Выд-ва «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2003. – 104 с.
11. Drozd A. Świąteczna modlitwa za sultanow / A. Drozd // Rocznik Tatarow polskich. – Gdansk, 1994 – Т. II., s. 25–54.
12. Nosowski J. Polska literature polemiczno-antyislamiścyczna XVI, XVII i XVIII w. / J. Nosowski. – Warszawa, 1974. – s. 351–368.
13. Kosman M. Proteśtancyzm I kontreformacja. Z dziejow tolerancji w Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku / M. Kosman. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. – 172 s.
14. Wasilewski T. Tolerancja religijna w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI–XVII w. / T. Wasilewski // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – Warszawa, 1974 – № 19. – s. 241–351.
15. Syrokomla W. Wycieczki po Litwie w promieniach od Wilna / W. Syrokomla. – Wilno, 1860. – Т. II. – 156 s.
16. Meredith-Owens G. M., Nadson A. The Byelorussian Tartars and their Writings / G. M. Meredith-Owens, A. Nadson // The Journal of Byelorussian Studies – London, 1970, p. 141–76.
17. Borawski P., Dubinski A. Tatarzy polscy: dzieje, obrzedy, legendy, tradycje / P. Borawski, A. Dubinski. – Warszawa, 1986. – 272 s.
18. Czacki T. O litewskich i polskich prawach / T. Czacki. – Warszawa, 1801. – Т. II. Dodatek «Wykład tablicy monet kuficznych», przyp. Z.
19. Трактат о татарских государствах Ибрахима бен Али из Каффы (перевод А. Зигни) // Wschod. – 1934. – № 2–4.
20. Narbutt T. Dzieje starozytne narodu litewskiego / T. Narbutt. – Wilno, 1840. – Т. VIII. Dodatek IX.
21. Woronowicz A. Lowczyce (rekopis) – Warszawa, 1932 // Proba monografii historyczno-etnograficznej / Kryczynski S. // Rocznik Tatarski. – Т. III. – Warszawa, 1938. – s. 1–315.
22. Szykiewicz J. Literatura religijna Tatarow litewskich / J. Szykiewicz // Rocznik Tatarski. – Т. II. – Warszawa, 1935. – s. 138–143.
23. Рукапісныя і друкаваныя кнігі беларускіх татар: Каталог выставы / Укладальнікі: Доўнар Л., Самайлюк Т., Дзём’яновіч Т. – Мн., 1997. – 22 с.
24. Woronowicz A. Kitab tatarow litewskich i jego zawartosc / A. Woronowicz // Rocznik Tatarski – Zamosc, 1935. – S. 376–394.
25. Kryczynski S. Ze ślarych modlitewnikow / S. Kryczynski // Przegląd Islamski. – Warszawa, 1936 – Nr. 4–5.
26. Szykiewicz J. O kitabe / J. Szykiewicz // Rocznik Tatarski – Wilno, 1932. – Т. I. – S. 188–194.
27. Drozd A., Dziekan M., Majda T. Pismiennictwo i muhiry Tatarow polsko-litewskich / A. Drozd, M. Dziekan, T. Majda. – Warszawa, 2000. – Т. 3.
28. Мишкинене Г. Каталог арабскоалфавитных рукописей / Г. Мишкинене, С. Намавичюте, Е. Покровская – Вильнюс, 2005. – 138 с.
29. Думін С., Канапацкі І. Беларускія татары. Мінулае і сучаснасць / С. Думін, І. Канапацкі. – Мн., 1993. – 206 с.
30. Тюркские народы в истории Беларуси: материалы IX Международной научно-практической конференции. Минск 3–5 сентября 2003 г.: в 2 ч. – Мн., 2005 – Ч. 2. – 226 с.
31. Кушнер В., Люты А. Мір нашаму дому. Памяці Ібрагіма Барысавіча Канапацкага / В. Кушнер, А. Люты // Беларускі гістарычны часопіс. 2005, № 10. – с. 71–76.
32. Рукапісы беларускіх татароў канца XVII – пачатку XX стагоддзя з калекцыі Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі / Укладальнікі: І. А. Ганчарова, А. І. Цітавец, М. У. Тарэлка. – Мн., 2003. – 55 с.
33. Гарэцкі М. Гісторыя беларускай літаратуры / М. Гарэцкі. – Вільня, 1920. – 374 с.
34. Карский Е. Ф. Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е. Карский. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 712 с.

35. Канапацкая З. И. Да пытання паходжання і вывучэння беларускіх тэкстаў, напісаных арабскім пісьмом / З. Канапацкая // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы навуковай канферэнцыі. – Мн., 2001. – С. 72–76.

36. Канапацкая З. И. Матэрыялы по истории татар-мусульман в фондах Национального архива Республики Беларусь (конец XVIII – начало XX веков) / З. Канапацкая // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. – Мн.: БДПУ, 2002. – С. 232–235.

37. Канапацкая З. И. Культура литовских татар XIV–XVII. Историография вопроса / З. Канапацкая // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі – Мн.: БДПУ, 2003. – С. 115–120.

38. Канапацкая З. И. Татары-мусульмане Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII ст. / З. Канапацкая // Актуальныя пытанні сучаснай навукі: Зб. навук. прац: у 2 ч. – Мн.: БДПУ, 2004. – Ч. 1. – 231 с.

39. Канапацкая З. И. «Risale-i-Tatar-i-Lech» «Рисале-и-татар-и-лех» – каштоўная крыніца па гісторыі літоўскіх татар у XVI ст. / З. Канапацкая // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 7. – С. 33–40.

40. Канапацкая З. И. Гербавыя знакі татар у ВКЛ / З. Канапацкая // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2005. – № 1. – С. 162–165.

Kanapatskaya Z. I. The origin of the belarusian tatars manuscripts, written in slavic languages by arabic script / Z. I. Kanapatskaya // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 140–152.

The article dedicated to the original literature of Belarusian Tatars, written in Slavonic languages by Arabic script. Tatars, who came in Grand Duchy of Lithuania from Golden Horde in the edge of the XIVth – XVth centuries, created unique literary monuments. The language assimilation was the reason of the Belarusian texts origin, written by Arabic script. The first Belarusian texts came in the middle of the XVth century, and Polish – in the XVIIth – XXth cc. Moreover the origin of the Slavonic religious books, written in Arabic script coincided with Reformation period, when Grand Duchy of Lithuania people were interesting in their history, culture and religion. It was that period when the first translation of Koran in Belarusian language was appeared.

Keywords: Belarusian Tatars, Slavic texts, written in Arabic script, language assimilation, Koran, kitab, tefsir, chamail, tedzhvid, dalavar, gramotka.

ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 820/89 (100-87)

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА КРЫМСКОТАТАРСКОЙ АШЫКСКОЙ СИЛЛАБИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII вв. ЗЕМНАЯ ЛИРИКА

Усеинов Т. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия*

E-mail: useinovtb@mail.ru

В статье рассматриваются образные системы в средневековой крымскотатарской ашыкской поэзии, отражающие «земную» лирику. Средневековая крымскотатарская письменная силлабическая поэзия, представлена творчеством народных поэтов-исполнителей (ашыков) и развивается под влиянием классической крымскотатарской дворцовой поэзии. Ашыки раскрывают и пересказывают арабские сюжеты и образные системы. По этой причине данную литературную традицию часто называют «народным диваном».

Ключевые слова: крымскотатарская ашыкская поэзия, образная система, «земная» лирика.

ВВЕДЕНИЕ

Система образов является важнейшим элементом структуры средневекового крымскотатарского стихотворного произведения. Однако этот компонент практически не изучается.

Актуальность исследования данного стихотворного компонента не вызывает сомнения. Научная работа нацелена на более полное и объективное освещение крымскотатарского литературного процесса.

Целью статьи является определение роли и места «земной» лирики в образной системе средневекового стиха.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Средневековая крымскотатарская письменная силлабическая поэзия, часто именуемая «ашыкской поэзией», была представлена творчеством народных поэтов-ис-

полнителей (ашыков) и развивалась под одухотворяющим влиянием классической крымскотатарской метрической дворцовой поэзии. Ашыки, в подавляющем большинстве, раскрывают и пересказывают арабские сюжеты и образные системы, не столь осложнённым арабо-персидскими заимствованиями крымскотатарским языком, в силлабическом стихотворном размере «пармак». По этой причине данную литературную традицию часто называют «народным диваном».

Наивная реальность и фантазии, несравнимая сказочная цветовая гамма, искренность чувств, неожиданные откровения и человеколюбие бедуинской поэтической традиции на протяжении всего Средневековья привлекают внимание крымскотатарских авторов, ставших известными не только в Крымском ханстве, но и в Османской империи: Ашык Омер (?–1707), Мустафа Джевхери (... – 1715 или 1716).

Привлекательность средневековой арабской поэзии, тем не менее, была усугублена чрезвычайной канонизацией правил написания форм поэзии и прозы. Каноническая система подразумевает заблаговременное планирование и регулирование как структуры, так и семантической нагрузки произведения, отмечая нетрадиционное, неизвестное и неожиданное. И автор, и читатель заранее знают, «что их ожидает». Принято считать, что именно этот факт привёл арабскую классическую литературу к упадку.

Каноничность заимствуется и крымскотатарской ашыкской поэзией, что, в дальнейшем, станет причиной уменьшения интереса к ней читателя. Эта поэзия прекратит своё существование вместе с Крымским ханством.

В рамках крымскотатарской ашыкской поэзии существует устойчивая связь между такими понятиями, как поэтический жанр, тема и образная система. Средневековые крымскотатарские поэты всех литературных течений (дворцовой, религиозно-суфийской и народной) неизменно уделяют особое внимание последнему из отмеченных компонентов.

Лирика является основной темой крымскотатарской ашыкской поэзии. Согласно средневековому восточному мировосприятию, любовь лежит в основе всего мирского. Она сопутствует человеку на протяжении всей его жизни, определяя и регулируя его существование в системе земных и божественных ценностей.

Любовь в понимании средневекового поэта – не просто физическое состояние, это скорее философское понятие, присутствие которого в жизни человека обязательно.

В средневековой крымскотатарской ашыкской поэзии понятие «любовь» неразрывно связано с понятием «страдание».

Цель, которую несёт это чувство, – это духовное совершенствование через физическое уничтожение. Данный мотив был достаточно скрупулёзно разработан и широко применялся поэтами Востока.

Будучи той основой, на которой и строится вся средневековая восточная поэзия, любовное чувство выступает как самостоятельный компонент в системе образов.

Любовь может унижить, истребить влюблённого, в то же время она в силах перебороть в любящем человеке отрицательные качества: эгоизм, чёрствость, страсть к материальным благам и т. д.

Влюблённый не следует морально-этическим нормам, объект поклонения – вот цель его жизни. Он восхищается, поклоняется, оберегает девушку и в этом стремлении доходит до неадекватного поведения: он перечисляет целый ряд одушевлённых и неодушевлённых объектов и предметов, от которых оберегает девушку:

*1. ...От взошедшей Луны и дующего Ветра,
От Солнца тебя я оберегаю... [2, с. 45].*

В данном контексте вспоминается широко воспетая арабская история любви «Лейля и Меджнун» и имя влюблённого молодого человека, переводящееся как «обезумевший от любви, влюблённый до безумия».

Главным поступком влюблённого является отказ от собственной души и победа над собственным «нефсом» – стремлением к материальному обогащению. Огонь любви к красавице должен уничтожить в нём всё то, что связывает его с бранным миром. Любовь, как символ духовного, не сравнимо с материальными ценностями. Данная позиция доминирует в средневековой крымскотатарской лирике и всячески популяризируется.

Любовь заставляет молодого человека терпеть унижения и находиться на чужбине. Он чувствует себя одиноким, покинутым, больным (любовным чувством), и нет ни лекаря, ни лекарств, а значит состояние его безвыходно:

*...5. На чужбине я остался в одиночестве,
Не смог найти ни лекарства, ни лекаря... [3, с. 79].*

Беспощадное чувство является причиной того, что положение влюблённого на чужбине усугубляется с каждым днём – он «сгибается под тяжестью невзгод» и разлуки, превращаясь в лук [*воен. лук. – У. Т.*]:

*1. ...Незавидное положение (состояние) у меня на чужбине,
Превратила разлука рост мой в лук... [3, с. 141].*

Любовь воспринимается и описывается как чувство безграничное, величественное, зависящее только от воли Всевышнего. Человек может лишь предложить «взамен» любви только собственную душу и сердце.

Поэты-исполнители часто сравнивают любовное чувство с океаном или морем, тем самым подчёркивая его величие. Молодой человек не страшится, бросается в пучину и намерен испытать всё, что предназначено ему роком, невзирая на самый непредсказуемый результат:

*...3. В любви к тебе буду вести интимный разговор,
Уйдя с головой, измерю море твоей любви... [2, с. 36].*

Любовь – чувство, которое разделяется, как минимум, на две ступени в своём развитии. Самой «примитивной» считается брнная земная любовь.

Божественная же любовь, будучи более сложным чувством, понятна не каждому – это удел избранных.

Односоставные образные системы. В крымскотатарской ашыкской поэзии данная категория *образных систем* встречается достаточно редко. Традиционно это произведения – описания внешности, поступков одного из главных героев стихотворной формы (возлюбленной или же влюблённого).

Представленные ниже строки посвящены отображению чувств и переживаний молодого человека, речи же о девушке вовсе не ведётся:

*1. Вновь освежилась рана моего сердца,
Покинул меня разум – безумец сейчас я.
В конце концов, из этого моего страдания нет выхода,
Нет души в моём теле – умру сейчас... [3, с. 98].*

Средневековые крымскотатарские поэты всех литературных течений, в рамках стихотворных форм малых объёмов, в первую очередь стремятся раскрыть **двухсоставные образные системы**.

Учитывая семантическую особенность, нами предлагается следующее разделение двухсоставных образных систем, в основе которых лежит дуализация «возлюбленная – влюблённый».

1. *«Превосходящая и подчиняющийся»*. В роли доминанты выступает женская особа, мужчине же отведена пассивная «участь» наблюдателя. Он подчиняется, терпит и ждёт снисхождения своего идеала любви: «повелительница – пленник (раб)», «госпожа – слуга», «богатая – нищий», «шахиня – влюблённый» и т. д.

2. *«Агрессор и расплачивающийся»*. Если в предыдущей группе образ возлюбленной – носитель относительной пассивности по отношению к поклоннику, то в этой категории девушка активна и, более того, агрессивна. Она, как правило, с оружием в руках представляет опасность для жизни инертного молодого человека: «грабитель татарин – жертва», «стрелок – жертва», «воин – влюблённый», «убийца (палач) – жертва», «кровопийца – влюблённый» и т. д.

3. *«Использование образов животных, птиц, насекомых и растений»*. В данную группу входит целый ряд *образных систем*, действующими персонажами которых являются представители флоры и фауны (по типу в классической дворцовой поэзии): «Роза – Соловей», «сокол – охотник», «Райская птица – охотник», «кеклик – сокол», «ягнёнок – волк», «мёд – пчела (оса)», «роза – гвоздика» и т. д.

4. *«Лечащий и лечимый»*. Образ влюблённого в ашыкской поэзии ассоциируется с больным человеком, пораженным любовным чувством. Его «больное» сердце может излечить лишь сам источник невзгод – красавица. Данная тема всесторонне разрабатывается ашыками: «доктор – больной», «лекарство – больной», «доктор – раб» и т. д.

5. *«Использование коранических и легендарных имён»*. Интересен опыт использования в крымскотатарской ашыкской поэзии имён религиозных, а также легендарных личностей, прославившихся как в доисламский, так и в исламский период в истории мусульманских народов: «пророк Мухаммед – влюблённый», «Юсуф – влюблённый», «пророк Юсуф – пророк Якуб», «четвёртый халиф Али – влюблённый», «Иисус – влюблённый», «персидский царь Дарий – влюблённый» и т. д.

6. *«Красавица и религиозный мотив»*. Исламский период наложил свой отпечаток на развитие культуры и искусства крымских татар. Религиозный мотив, в той или иной степени, присутствует во всех средневековых литературных течениях. Оценка окружающей ситуации происходит сквозь призму религиозных ценностей, что неизбежно отражается в творчестве поэтов-ашыков, использующих религиозно-су-

фийскую терминологию: «Судьба – влюблённый», «Кааба – влюблённый», «Райская птица – влюблённый», «ангел – влюблённый», «фея (пери) – влюблённый», «Туба – влюблённый», «воспитанная в райском саду – влюблённый», «неверная – правоверный», «мулла – Аллах», «красавица – Судьба», «красавица – сатана».

Интересен опыт применения, в двухсоставных стихотворных формах лирического содержания, различных имён Всевышнего: «Аллах» («Бог»), «Бары» («Создатель, Творец»), «Гани» («Щедрый, Великодушный»), «Гафур» («Всепрощающий, Милостивый, Милосердный»), «Керим» («Великодушный, Щедрый, Милостивый»), «Мевля» («Господь»), «Рабб, Рабби» («Господь, Бог»), «Рахман» («Милосердный, Всемилолюбивый»), «Сеттар» («Аллах»), «Субхан» («Аллах, Бог»), «Танъры» («Бог, Господь, Создатель, Творец»), «Теалья» («Всевышний»), «Хакъкъ» («Справедливый, Всевышний»), «Худа» («Бог, Всевышний»), «Ярадан» («Создатель, Творец») и т. д.

7. *Традиционные восточные истории любви*. Издревле, на Востоке был сложен и воспет целый ряд историй любви. Они раскрываются, как правило, в сюжетных стихотворных произведениях. Среди таковых историй отметим «Лейля и Меджнун» («Лейля ве Меджнун»), «Ширин и Фархад» («Ширин ве Ферхад»), «Роза и Соловей» («Гуль ве Бульбуль»), «Юсуф и Зулейха» («Юсуф ве Зулейха») и т. д.

Трёхсоставные образные системы. Сюжет с участием трёх персонажей подразумевает, прежде всего, «любовный треугольник»: «возлюбленная – влюблённый – соперник». Соперник согласно арабо-персидской традиции – это антипод главного героя, поступки которого указывают на его невоспитанность и непопечливость.

Обнаруживается достаточно широкий перечень трёхсоставных образных систем, с участием двух молодых и третьей стороны: «красавица – влюблённый – чужой (соперник)», «красавица – раб – ветер», «красавица – влюблённый – виночерпий», «красавица – влюблённый – красавицы» и т. д., «красавица – влюблённый – ангел смерти», «красавица – влюблённый – Судьба», «Меджнун – Лейля – Судьба», «Роза – Соловей – садовник» и т. д.

Многообразные системы. Сложность раскрытия многообразной системы в рамках малой формы поэзии является причиной редкого её использования.

Первые два главных персонажа – это, традиционно, возлюбленная и влюблённый. Вслед за ними отметим образ соперника (другого поклонника) и нейтральных наблюдателей.

Специфической стороной данных образных систем является то, что в них уделяется внимание и четвёртой стороне (условно назовём её «наблюдатель, наблюдатели») как независимому участнику происходящих событий: «красавица – влюблённый – соперник – чужие», «красавица – влюблённый – соперник – общество», «красавица – влюблённый – поклонники – рабы», «красавица – шах – ферзь – слон – пешка» т. д.

Образные системы без участия одного из главных персонажей. Будет неправильным считать, что образные системы, задействованные в средневековой крымскотатарской ашыкской поэзии, подразумевают обязательное наличие главных персонажей – возлюбленной и влюблённого. Напротив, большое количество стихотворений раскрывают любовные чувства без какого-либо намёка на объект любви или же поклонника.

Перечислим некоторые образные системы без участия влюблённого: «хан (она) – другие ханы», «шах (красавица) – народ», «красавица и другие красавицы», «красавица и дервиши», «красавица – ашыки», «джейран (она) – чужие охотники», «красавица – Солнце», «красавица – Месяц (Луна)», «красавица – Судьба» и т. д.

Другая группа образных систем без участия возлюбленной: «он – друг (парень)», «он – врач (мужчина)», «он – братья», «он – Аллах», «он – красавицы», «он – Судьба», «он – ветер», «он – соперник» и т. д.

ВЫВОДЫ

Одним из важнейших элементов структуры средневекового ашыкского стиха является система образов.

Лирика является основной темой крымскотатарской ашыкской поэзии.

Ашыкская лирика, в большинстве, прославляет земную любовь.

Односоставные образные системы в ашыкской поэзии встречаются достаточно редко и являются описанием одного из главных героев.

Крымскотатарские ашыки в рамках малых поэтических форм стремятся раскрыть двухсоставные образные системы.

В трёхсоставных образных системах сюжет подразумевает, как правило, «любви́ный треугольник»: «возлюбленная – влюблённый – соперник».

Не всегда образные системы, задействованные в средневековой крымскотатарской ашыкской поэзии, подразумевают обязательное наличие главных героев лирического произведения.

Список литературы

1. Усеинов Т. Б. Ритм и образ в крымскотатарской письменной поэзии классического периода (конец XVI – начало XVIII вв.) / Т. Б. Усеинов: Монография. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. – 424 с. – ISBN 978-966-354-481-6.
2. Aşık Ömer / haz. Ş. Elçin. – Ankara: Kültürbakanlığı, 1999. – 123 s. – ISBN 975-17-0073-6. – На турец. яз.
3. Cevheri divanı. İnceleme – Metin – Dizin – Bibliyografiya / haz. Ş. Elçin. – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 1998. – 763 s. – ISBN 975-16-1045-1. – На турец. яз.

Useinov T. B. Imagery of the Crimean Tatar Ashyk Syllabic Poetry of the End XVI – XVIII Centuries. Earth Lyrics / T. B. Useinov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 153–158.

The article deals with imagery in medieval ashkyk Crimean Tatar poetry, reflecting the «earth» lyrics.

Medieval Tatar written syllabic poetry, represented by the works of folk artists, poets and developed under the influence of classical Crimean Tatar palace poetry. Aşık reveal and retell stories and Arabic imagery. For this reason, this literary tradition is often called the «people's sofa».

Keywords: Crimean Tatars ashkyk syllabic poetry, vivid system, «earthly» lyric poetry.

УДК 821.512.161

**РОМАН «РЫЖЕВОЛОСАЯ ЖЕНЩИНА» О. ПАМУКА
КАК РАЗВИТИЕ ИДЕЙ РОМАНА «МАДОННА В МЕХОВОМ МАНТО»
САБАХАТТИНА АЛИ**

Аврutiна А. С.

*кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет, доцент Кафедры теории и методики
преподавания языков и культур Азии и Африки*
E-mail: a.avrutina@spbu.ru

Трудно недооценить значение творчества Сабахаттина Али и Орхана Памука для турецкой литературы. Памук, либерал и евроцентрист, который в ранних своих произведениях пропагандировал модернизм и европеизацию страны, по сути дела явился продолжателем дела целой плеяды турецких авторов, взоры которых были обращены к Западу, хотя среди них были и люди разных политических взглядов.

Структура названия обоих романов на турецком языке «Kırmızı Saçlı Kadın» (досл. «Женщина с рыжими волосами») напоминает название «Kürk Mantolu Madonna» («Мадонна с меховым/в меховом манто»). Главной темой романа является трагическая любовь героев романа. Джем, помощник мастера Махмуда Усты, влюбляется в рыжеволосую актрису расположившейся неподалеку труппы бродячих актеров. Как и в романе «Мадонна в меховом манто», в этом произведении поднимается тема конфликта отцов и детей.

Работа над русскоязычными переводами обоих романов (над переводом «Мадонны в меховом манто» в 1999–2002 гг., издан в 2010 г., а над переводом «Рыжеволосой женщины» в 2016 г., выйдет осенью 2016 г.) привела автора настоящей статьи к поиску и обнаружению определенного количества интертекстуальных связей, которым она и будет посвящена.

Ключевые слова: турецкая литература, турецкий язык, Сабахаттин Али, Орхан Памук, Мадонна в Меховом манто, Рыжеволосая женщина, постмодернизм, проза, роман, повесть.

ВВЕДЕНИЕ

Идеи многих турецких мыслителей XX в., в романах которых мы находим сочетание традиционных черт классической восточной литературы мусульманского мира и традиционных канонов европейской словесности, определили облик современной Турции – страны, которая мечется между Востоком и Западом, стремительно меняя курс на противоположный. Еще совсем недавно Турция, имея официальный статус страны – кандидата в члены ЕС, ставила во главу угла и европейские культурные ценности. Можно сказать, что европейские ценности доминировали и в турецкой литературе XX в.: различные виды свобод, равенство, права женщин, свобода выбора и право определять свою судьбу – вот главные темы ведущих турецких романов XX в. В творчестве крупнейших турецких писателей первой и второй половины XX в. – Сабахаттина Али и Орхана Памука – всем этим вопросам уделяется немалое внимание.

Сабахаттин Али (1907–1948) – вольнодумец и коммунист, близкий друг Назыма Хикмета, мечтавший о всеобщем просвещении, равенстве и братстве и претворив-

ший эти идеи в свои произведения. Он появился на свет 27 февраля 1907 года еще в Османской империи, в городке Ейридере (современный г. Ардино, Болгария) при Гюмюльджинском санджаке. С 1928 по 1930 гг. по гранту от Министерства национального образования Турции учился в Берлинском университете [1, с. 3]. Спустя некоторое время после возвращения на родину начал преподавать в средних школах городов Айдын, Конья и Анкара немецкий язык, получил должность в дирекции издательства Министерства образования; одновременно работал в Государственной консерватории на должности драматурга. В 1945 г. издавал в Стамбуле юмористическую газету «Марко-паша» [2, с. 61–62]. Писатель придерживался социалистических взглядов, был близким другом Назыма Хикмета и симпатизировал политике Советского Союза. Его творческая биография богата и разнообразна, он автор многочисленных романов, повестей, сказок и стихотворений, его считают одним из основателей жанра национальной новеллы. Наибольшую известность получили его романы «Юсуф из Кууджака» («Kuucusaklı Yusuf», 1937), «Дьявол внутри нас» («İçimizdeki Şeytan», 1940) и «Мадонна в меховом манто» («Kürk Mantolu Madonna», 1943). Назым Хикмет, с подачи которого произведения Сабахаттина Али были изданы в СССР, отмечал в его ранних произведениях романтическую составляющую [3, с. 4]. В советском литературоведении С. Али именовали писателем-реалистом [4, с. 245]. Как поэзия, так и проза С. Али пользовались и пользуются в настоящее время большой популярностью в Турции. Однако, несмотря на признание читателей, жизнь писателя трагически оборвалась. Будучи социалистом, он немало критиковал действующую власть и, прежде всего, режим Ататюрка, что привело к преследованию со стороны властей. В 1948 г. он был арестован на три месяца. Он выходит на свободу, но ненадолго. Ему пришлось бороться за существование, сменить несколько занятий, однако постоянная слежка и противодействие со стороны властей не давали ему возможности спокойно жить и работать. В какой-то момент он решает уехать за границу, но у него отбирают паспорт. Тогда он решает совершить побег через границу и был убит при попытке пересечь границу с Болгарией в районе города Кыркларели [2, с. 62–63]. Ранняя гибель не дала нам возможность стать свидетелями эволюции воззрений С. Али и отражения этих воззрений в героях его произведений, хотя, сравнивая его с утратившим веру в коммунистическое советское общество Назымом Хикметом, мы можем делать определенные предположения. Герои С. Али остались вечно молодыми идеалистами и мечтателями, готовыми на великие свершения ради высоких идеалов, ради высоких и сильных чувств.

Орхан Памук, один из самых молодых Нобелевских лауреатов и самый известный турецкий писатель, либерал и активист европоцентризма, проповедовавший в ранних своих произведениях модернизм, европеизацию и евроинтеграцию, в начале своего творчества по сути выступил в роли продолжателя дела целой плеяды турецких авторов, взоры которых были устремлены только к Западу и его культуре, хотя среди них были и люди разных политических взглядов. Анализ произведений текущего периода творчества О. Памука демонстрирует скорее разочарование автора в европейских ценностях и ностальгию по традиционному Востоку (в качестве

примера можно привести романы «Музей невинности», «Мои странные мысли» и «Рыжеволосая женщина»). Герои перечисленных романов в конце жизни и в финале повествования, как правило, устают от модернизма, современного темпа жизни и ее ценностей, возвращаются к ценностям традиционным, а главное – невероятно сильно ностальгируют по прошлому.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В публицистическом сборнике эссе «Другие цвета» О. Памук высказывает мысль о том, как важно иметь творческий ориентир среди старшего поколения писателей на родине. Таким личным творческим ориентиром в Турции О. Памук охотно и часто называет Ахмета Хамди Танпынара [5, с. 323]. В то же время, внимательно анализируя его творчество можно заметить следы влияния и некоторых других турецких авторов.

Работа над переводом нового романа Орхана Памука «Рыжеволосая женщина» летом 2016 г. (*Kırmızı Saçlı Kadın*, 2016, на русском языке выйдет осенью 2016 г.) привела автора настоящего исследования к поиску и обнаружению определенного количества интертекстуальных связей с романом Сабахаттина Али «Мадонна в меховом мантио» (*Kürk Mantolu Madonna*, 1943), над переводом которого автору настоящей статьи довелось работать в 1999–2002 гг. (издан в 2010 г.).

Сабахаттин Али, немало лет проведенный в Германии, написал невероятно «ремарковский» роман, опередив самого Э. М. Ремарка едва ли не на 10 лет, удивительно воссоздав атмосферу Германии в период между двумя мировыми войнами. Главный герой романа Раиф, выходец из благородной и состоятельной, но обедневшей во время становления республики семьи, по повелению отца и дабы спасти материальное положение семьи отправляется в Германию изучать мыловаренное дело. Мечтатель и идеалист, мечтавший стать то писателем, то художником, Раиф, оказавшись в Берлине, открывает для себя культуру и литературу Европы. Вместо того чтобы усердно посещать занятия на мыловаренной фабрике, Раиф старательно посещает вернисажи, пока на одном из них не влюбляется в портрет прекрасной женщины. Вскоре ему удается познакомиться и с художницей, создавшей этот портрет – точнее говоря, автопортрет. Ее зовут Мария, это немецкая художница и скрипачка еврейского происхождения, личность свободолюбивая, яркая и творческая, несколько старше главного героя. Раиф в своей страсти и откровенной слабости перед этой любовью невероятно похож на типичного героя русской классической литературы XIX в. Впрочем, на протяжении всего романа герой с удовольствием читает произведения Тургенева и Чехова в немецких переводах. Отношения героев развиваются, пока внезапно в Берлин не приходит сообщение о смерти отца Раифа. Обещая возлюбленной в скором времени вызвать ее в Турцию и жениться на ней, герой уезжает, с тем чтобы никогда больше не встретиться с Марией. Поначалу они переписываются, но впоследствии – в Европе занимается зарево новой войны – связь между обрывается. Лишь спустя много лет Раиф-эфенди случайно узнает о том, что Мария не разлюбила его, как он полагал; она умерла, подарив жизнь их общей дочери.

Композиционно роман, а точнее говоря, новелла «Мадонна в меховом манто» представляет собой дневник воспоминаний героя, случайно попавший в руки его сослуживца и друга и опубликованный им после смерти главного героя.

Новый роман О. Памука «Рыжеволосая женщина» также отличается от предыдущих произведений автора размерами – это, скорее, также новелла, нежели роман. Композиционно она представляет собой вымышленный роман, «роман в романе», написанный сыном главного героя Энвером, отбывающим срок в тюрьме за убийство отца.

Действие разворачивается от лица главного героя, Джема, и поначалу создается впечатление, что читатель знакомится с его дневником, воспоминаниями. Перед взором читателя предстают эпизоды детства главного героя, его непростые отношения с горячо любимым, но оставившим семью отцом. Герой мечтает стать писателем, но трудные жизненные обстоятельства вынуждают его учиться на инженера-геолога, на строителя. Те же трудные материальные обстоятельства вынуждают его летом, перед поступлением в университет, отправиться на заработки денег в пригород Стамбула, городок Онгёрен, в качестве подмастерья колодезных дел мастера Махмуда-усты. Им достается очень сложный участок, на котором всё никак не находится вода, и они вынуждены задержаться в Онгёрене намного дольше, чем изначально планировали. В самые первые дни Джем, помощник мастера Махмуда Усты, влюбляется в рыжеволосую актрису расположившейся неподалеку труппы бродячих актеров, намного старше его. В конце концов Джем удается добиться ее расположения и провести с ней единственную ночь, а наутро по неосторожности он убивает своего усту, уронив на голову работавшего на дне глубокого колодца мастера полное земли ведро. В страхе Джем стремительно сбегает из городка. Дальнейшая его жизнь складывается не очень благополучно. Прекрасно развивается его карьера, но он чувствует себя неудовлетворенным – ведь он всегда хотел стать писателем, а стал инженером; он счастливо женат на дальней родственнице, но у них нет детей. В конце романа выясняется, что Рыжеволосая Женщина, как называет на протяжении всего повествования свою возлюбленную главный герой, была много лет тайно влюблена в его отца, но при этом после единственной ночи родила их общего сына Энвера, которого долгое время скрывала. Как и в романе «Мадонна в меховом манто», в этом произведении поднимается тема конфликта отцов и детей, но если в «Мадонне в меховом манто» главной темой является трагическая любовь героев романа, то в «Рыжеволосой женщине» возводится в абсолют именно конфликт отца и сына. Этот конфликт не только всесторонне, с элементами психоанализа исследуется автором, он еще и связан с самим устройством семьи – на Востоке и на Западе. В «Мадонне в меховом манто» мы видим деспотичного турецкого отца, соответствующего восточным представлениям об отце, который не слишком любит слабовольного сына, но искренне пытается устроить его жизнь в соответствии со своими представлениями. *«Помню, что мать и в особенности отец часто мне говорили: «Тебе, видно, следовало родиться девочкой, но ты по ошибке родился мальчиком!» Самым большим удовольствием для меня было сидеть в одиночестве дома в саду или на берегу и предаваться мечтам»*

[с. 71]. В «Рыжеволосой женщине» ни отец совершенно не занимается судьбой своего сына, главного героя, ни сам главный герой Джем не проявляет никакого участия в судьбе сына Энвера, являя, таким образом, идеал западного, европеизированного отца. В финальной сцене отцеубийства между Джемом и Энвером происходит вот такой диалог:

«Что означает для тебя отец?»

«Отец – это нежный, сильный человек, который оберегает и направляет жизнь своего сына с того момента, как его семя попало в лоно матери, и до самого конца. Отец – это начало и центр мира. Если ты знаешь, что у тебя есть отец, даже если ты его не видишь, то чувствуешь себя лучше, потому что знаешь, что он где-то там и в любой момент придет с нежностью защитит тебя. У меня такого отца не было».

«У меня, к сожалению, тоже не было такого отца, – сказал я хладнокровно. – Но если бы был, он бы, в свою очередь, ожидал от меня покорности, своей силой и нежностью заставил бы меня утратить индивидуальность».

Энвер широко раскрыл глаза, поняв, что его отец давно думает на эти темы. Теперь я видел, что он слушает меня с уважением, и обрадовался.

«Интересно, если бы я слушался своего отца, стал бы я счастливым человеком? – продолжал я размышлять вслух. – Может быть, я бы стал хорошим сыном, но я не стал бы индивидуальностью».

Он грубо перебил меня: «Из-за этого стремления сохранить индивидуальность европейские богатеи позабыли не только об индивидуальности, но и о том, кто они. А европеизированные турецкие богатеи в Аллаха не верят, потому что они считают себя выше простых людей. Для них очень важна индивидуальность. Большинство из них не верит в Аллаха, чтобы доказать, что они не такие, как все. К тому же они даже не могут об этом сказать, ведь, чтобы поверить в Аллаха, нужно стать простым человеком. Вера – это рай и утешение для смиренных» [7, с. 168].

Хотелось бы подчеркнуть и другие схожие элементы обоих романов.

Во-первых, можно обратить внимание на структуру названия обоих романов на турецком языке: (1) «Kırmızı Saçlı Kadın» (досл. «Женщина с рыжими волосами») напоминает название «Kürk Mantolu Madonna» («Мадонна с меховым/в меховом манто»).

Оба главных героя являются выходцами из благородных, некогда богатых или состоятельных, но обедневших семейств (2) и вынуждены, отправившись в чужой край (3), зарабатывать на жизнь либо обучаться грубому ремеслу, к которому не имеют никакой склонности или которое противоречит их социальному положению (4). В чужом краю главному герою встречаются люди, которые заменяют ему родную семью, в которой он не находил понимания (5). Изучение ремесла/работа идет неважно, главного героя занимают посторонние вопросы и/или любовная история (6). Оба героя мельком видят/где-то случайно встречаются (7), а затем влюбляются в представительницу богемы, актрису/художницу/певицу (8), которая обладает настолько независимым характером, что выделяется и среди своих товарищей по цеху (9). Оба

главных героя влюбляются не столько в реальную женщину, сколько в придуманный ими идеальный образ прекрасной незнакомки (10), и в обоих случаях любовь обоих юношей граничит с одержимостью (11). Оба юноши долго преследуют объект своего обожания, наблюдая за ней издали (12), пока, наконец, не добиваются ее расположения (13). Пережив неземную великую, но в обоих случаях первую любовь (14), оба героя по не зависящим от себя обстоятельствам, по воле судьбы (15), должны покинуть навсегда возлюбленную (16), уехав, с точки зрения повествователя, очень далеко (17); обоим героям хотелось бы остаться с возлюбленной навечно и создать семью (18), но обоим предстоит вспоминать ее всю жизнь до старости (19), не принимая серьезных попыток разыскать ее (20), а на склоне лет случайно узнать, что у них, оказывается, родился и вырос ребенок (21). В обоих романах важное место в повествовании занимает картина (22), которая с одной стороны очень напоминает портрет главной героини, с другой стороны – является абстрактным олицетворением происходящего и, конечно же, связана с наименованием романа. В «Мадонне в меховом манто» это картина «Мадонна с гарпиями» итальянского живописца XV–XVI вв. Андреа дель Сарто, а в романе «Рыжеволосая женщина» это картина итальянского художника XIX в. Данте Россетти «Беатриче Благословенная».

В финале произведения Сабахаттина Али главный герой, подчинившись одному из главных традиционных законов на Востоке – велению семьи, оставляет возлюбленную и возвращается в семью, узнав о смерти отца.

В произведении Орхана Памука, где мы видим несколько пар «отец и сын», в действии реализовано несколько «сценариев» развития семейных отношений:

1) отец возвращается в семью к жене и ребенку, оставляя возлюбленную, но затем всё равно уходит из семьи;

2) отец оставляет сына по собственному желанию, сознательно не желая участвовать в его судьбе (тут проводится аналогия с детьми Руссо, которые, якобы, были покинуты отцом, чтобы вырасти независимыми и свободомыслящими гражданами), при этом сын оправдывает поступок отца, не испытывает к нему враждебности и отчасти благодарен ему;

3) отец оставляет сына, не зная о его существовании, а затем тщетно пытается вернуться к нему, чтобы поучаствовать в его судьбе, но он уже совершенно не нужен сыну;

4) сын убивает вернувшегося к нему с любовью отца, который теперь ему совершенно не нужен;

5) сын обретает отца, но не выносит его контроля над собственной жизнью, волей и разумом и убивает его.

Напрашивается вывод, что перечисленные модели семейных отношений скорее соответствуют европейским представлениям о взаимоотношении поколений. Подобные взаимоотношения на Востоке невозможны либо могут произойти в результате цепочки случайностей. Недаром на протяжении всего повествования герой перебирает две истории, символизирующие отношения поколений на Востоке (история Рустама и Сухраба) и на Западе (история царя Эдипа).

ВЫВОДЫ

Оба рассмотренных романа демонстрируют большое количество внутренних связей, прямых либо скрытых цитат. Однако их интертекстуальные связи выходят далеко за рамки сугубо литературных.

Главный герой романа Сабахаттина Али «Мадонна в меховом манто» Раиф не смог сохранить свое счастье в Европе потому, что был слишком сильно привязан к традиционным восточным ценностям.

Главный герой романа О. Памука «Рыжеволосая женщина» Джем всю жизнь внешне следовал западной традиции, оформленной в виде «истории об Эдипе», и в рамках этой истории об Эдипе случайно в юности убил Махмуда-усту, которого начал считать своим отцом. На самом деле главный герой в душе проходит путь от увлечения европейской моделью отношений отца и сына до разочарования в ней, проникаясь во второй половине жизни традиционной историей Рустама и Сухраба (единственное свое детище с женой – строительную фирму – бездетные супруги называют «Сухраб», а не «Эдип»). Более того, с юных лет Джем стремится и быть традиционным сыном, и, позднее, обрести традиционное счастье отцовства.

Но раскаяние Джема в пристрастии к европейским ценностям приходит слишком поздно: он жестоко наказан – убит, так и не реализовав себя ни в качестве творца-писателя, ни в качестве творца личности – отца. Его единственный сын Энвер, приверженец традиционных мусульманских взглядов, убивает его, перед убийством упрекнув его в безбожии и потере себя.

Энвер, совершивший убийство, в конце повествования, хоть и оказывается в тюрьме, фактически наказания не несет, реализовав себя и свою давнюю страсть к писательству, которую отцу реализовать не суждено было. Исповедуя традиционные ценности, Энвер не несет серьезного наказания за убийство человека, всю жизнь изменявшего себе, в душе верившего в незыблемость традиционных взглядов, но внешне исповедовавшего европейские. Для Энвера тюрьма становится прекрасной возможностью начать новую жизнь.

Новый роман Орхана Памука демонстрирует эволюцию настроений, отражение которых мы видим в событиях, сотрясающих современный мусульманский мир, и в событиях, которые нашли выражение в том, что сейчас происходит на Ближнем Востоке.

Главный герой Сабахаттина Али, переживающий в Германии накануне прихода к власти А. Гитлера, накануне Второй мировой войны, любовную историю с художницей еврейского происхождения, никак не реагирует на происходящие вокруг него серьезнейшие исторические потрясения, рефлексируя в своем внутреннем мире. В сходных исторических обстоятельствах, по мере роста восточной пассионарности, находящего отражение в романах О. Памука, мы видим не только подъем исламского фундаментализма (что было показано в романе «Снег»), не столько умеренное порицание отошедших от традиционных ценностей героев, чья жизнь сложилась несчастливым (что показано на примере судеб героев романа «Музей невинности»); не столько легкую грусть по безвозвратно ушедшему традиционному прошлому (что изображено в романе «Мои странные мысли»), сколько уже четко выраженное в романе

«Рыжеволосая женщина» агрессивное стремление справедливо наказать тех, кто и так уже жизнью наказан за отступление от важных для Востока семейных ценностей.

Список литературы

1. Ali S. Kürk Mantolu Madonna. İşt.: Yapı Kredi Yayınları 1997. – 164 s.
2. Aydoğan B. Sabahattin Ali'nin Yaşamı ve Yapıtlarına Genel Bir Bakış // Prof. Dr. Mehmet Özmen Armağanı. Adana: 2014, p. 61–93.
3. Хикмет Н. Предисловие к Сабахаттин Али. Дьявол внутри нас: роман. – М.: Художественная литература, 1955. – С. 3–6.
4. Фиш Р. Сабахаттин Али и его роман «Дьявол внутри нас» // Сабахаттин Али. Дьявол внутри нас: роман. М.: Художественная литература, 1955. – С. 237–246.
5. Pamuk O. Öteki renkler. İşt.: İletişim Yayınları. 1999.
6. Али С. Мадонна в меховом мантио: роман – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2010. – 256 с.
7. Pamuk O. Kırmızı Saçlı Kadın. İşt.: Yapı Kredi Yayınları. 2016.

Avrutina A. S. Novel «The Red-Haired Woman» O. Pamuk as development ideas of the novel «Madonna in a Fur Coat» Sabahattin Ali / A. S. Avrutina // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 159–166.

It is difficult to underestimate the value of Sabahattin Ali's and Orhan Pamuk's works for Turkish literature. Pamuk, a liberal and Eurocentric who in his early works promoted modernism and westernization of the country, in fact is the continuation of an entire galaxy of Turkish authors, whose eyes were turned to the West, but among them were people of different political views.

The title structure of Pamuk's novel in Turkish «Kırmızı Saçlı Kadın» (i. e. «A woman with red hair») resembles the title «Kürk Mantolu Madonna» («Madonna with fur / in fur coat»). The main theme of the novel is a tragic love of main heroes. Jam is an assistant of well-specialist Mahmud Usta, who falls in love with a red-haired actress from the troupe of wandering actors situated nearby. In this novel the author raises a question of conflict between fathers and children as well as in the novel «Madonna in fur coat».

The work on the Russian translation of the two novels (the translation of «Madonna in fur coat» in 1999–2002, published in 2010, and on the translation of «Red-haired woman» in Summer 2016, the novel will be released in autumn 2016) has led the author of this article to search and to discover a certain number of intertextual relations.

Both novels demonstrate about two dozen common elements, as well as a similar composition, similar number of characters. In both novels a picturere takes prominently important place in the plot; this picture on one hand is very similar to a portrait of the main character, and on the other hand, is an abstract personification of what is happening and, of course, shows a connection with the title of the novel. In the «Madonna in a fur coat» the author used a painting called «Madonna del Arpi» by the Italian painter of XV–XVI centuries Andrea del Sarto, and in «Red-haired woman» is a painting by the Italian artist of the XIX Dante Rossetti «Blessed Beatrice».

Both novels show a large number of internal links, direct or hidden quotations. However, their intertextual relations go far beyond the pure literature.

The protagonist of Sabahattin Ali's novel «Madonna in a fur coat», Raif, could not save his luck in Europe because he was too attached to traditional eastern values.

A new novel by Orhan Pamuk shows the evolution of attitudes, which we see reflected in the events shaking the contemporary Muslim world, and in the events, which have found expression in what is happening in the Middle East.

Keywords: Turkish literature, Turkish language, Sabahattin Ali, Orhan Pamuk, Madonna in a Fur Coat, Red-Haired Woman, postmodernism, prose, novel, story.

УДК 821.512.161 – 31.09

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУЛЬТ ОРХАНА ВЕЛИ КАНЬКА

Сулейманова А. С.

*Кафедра тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: suleymanova2001@mail.ru*

Статья представляет собой анализ феномена «культового» автора в турецкой поэзии середины XX в. на примере одного из основателей модернистского течения «Первое новое». Орхан Вели Каньк (1914–1950) стал восприниматься как «культовый» автор после своей неожиданной смерти. Его тексты, поскольку они формировали и соответствовали уровню читательских ожиданий, также стали культовыми. При жизни сам поэт не стремился к созданию собственного культа и мифов вокруг себя. С возникновением художественного течения «Второе новое» поэт и его творчество становятся образцами современной «классики».

Ключевые слова: Орхан Вели Каньк, модернистская поэзия, «Первое новое», культ, культовый автор, классика.

ВВЕДЕНИЕ

Безусловной заслугой эпохи постмодерна, как не относиться к ее итогам, стала актуализация вопроса об «авторитетах» в искусстве. Строго говоря, вопрос не нов, достаточно вспомнить спор «старых и новых», «отцов и детей», «западников и славянофилов». Да и сам диспут о забытых, вычеркнутых, недооцененных или, наоборот, переоцененных литераторах, как представляется, имманентен самому литературному дискурсу. Но никогда ранее эти споры не приводили к такому радикальному пересмотру национальных канона и пантеона классиков, как это произошло на рубеже века нынешнего и века минувшего. Соответственно, вновь актуализован был вопрос о соотношении культовости и классики. В силу темпоральной гетерогенности и неоднозначности семантических интерпретаций в различных национальных литературах этот вопрос приобретает разную степень остроты.

Особый интерес представляют ситуации конструирования фигур «культовых для всех» в противовес классикам, которых «почитают более, чем читают». Настоящее исследование ставит перед собой **цель** изучить механизмы формирования «культового статуса литератора» в культуре, отличной от евро-американской, а именно «литературного культа» Орхана Вели Канька – знаковой фигуры в турецкой культуре. В связи с этим сформулирована следующая **задача**: выявить внешние и внутренние предпосылки к созданию «небожественного сакрального» (по выражению С. Н. Зенкина) от литературы на примере изменения оценок личности и творчества Орхана Вели. **Новизна и актуальность** настоящей статьи заключаются в том, что в фокусе внимания отечественной тюркологии с конца 80-х годов XX века по сегодняшний день была только проза, таким образом, оценка творчества Орхана Вели с нетрадиционной для тюркологов позиции дополнит уже существующий научный дискурс, который ещё не лишён чрезмерной идеологической окраски.

Теоретико-методологической основой работы стали труды, посвященные понятию «литературный культ», соотношению «культовости» и «классики» в культуре (Б. Дубин, С. Зенкин), а также исследования по современной турецкой литературе (Р. Фиш, Т. Меликов, Х. Явуз, А. Безирджи, А. Образцов, А. Сулейманова).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

РАЗДЕЛ 1. К ПОНЯТИЯМ «КУЛЬТОВЫЙ АВТОР» И «КЛАССИЧЕСКИЙ АВТОР»

Понятие «культовый» так же, как связанные с ним понятия «культовый автор», «культовое произведение», стало широко использоваться последние 20–30 лет, чаще всего в критико-публицистическом дискурсе. В работах, обслуживающих книжную индустрию, термин «культовый» используется как коммерческий маркер. Культовый автор – это автор модный, разрекламированный, издаваемый большим тиражом. Соответственно, семантика термина смещается от обожания в узком кругу знатоков и ценителей к популярности у широкой аудитории. Этим обусловлена подвижность и нестабильность культового статуса: теряя в тиражах и рейтингах продаж, автор теряет и «культовость». Возможен и иной вариант, когда произведения автора становятся культовыми «для всех», т. е. классикой.

В развитых культурных традициях литературный культ появляется в эпоху «модерности»/«модерна» – в конце XVIII – начале XIX вв. Среди факторов, которые обусловили его появление, можно назвать следующие: секуляризация общества, появление дихотомии «классика – модное», превращение книжного рынка в мощную книгоиздательскую и книготорговую индустрию, превращение имени автора в «бренд», влияние фактора новизны на литературный процесс. О. Б. Ванштейн выделяет три основные позиции, способствующие формированию культа литератора в романтическую эпоху [7]:

1. В литературе появляется образ автобиографического героя, через которого публичный интерес переходит на фигуру самого автора. Чтение романтического автора в первые десятилетия XIX века подразумевало увлечение его личностью, включая подражание внешнему виду, воссоздание контекста и разгадывание прототипов, продолжение незаконченных текстов.

2. Особая техника, связанная с функционированием визуальных механизмов: покупкой гравюр с изображением писателя, узнаваемостью и стилизацией портретов (Байрона под Аполлона Бельведерского, например), превращением иллюстрации к романам в визуальный коррелят автобиографии (в чертах героя угадывалась внешность автора).

3. Наконец, сама биографическая легенда конструировалась как интрига, организованная по законам литературного текста, включая завязку, кульминацию и развязку, что способствовало возникновению напряженных литературных мифов. В романтическую эпоху, по мнению Вайнштейн, литературная репутация начинает строиться по текстуальным законам.

Добавим к этому и сознательное «жизнетворчество» самих авторов. С конца XIX века сами писатели прибегают к механизмам создания культа, зачастую превращая это занятие в игру. В XX веке «культовым» автора может сделать невписываемость его текстов в традиционный литературный контекст и нонконформизм по отношению к власти. При этом социальная и литературная маргинальность автора, роль «гуру», обращающегося со своим собеседником на равных, в контексте культуры XX века оказывается действеннее, чем традиционные образы наставника, пророка или мессии [3].

Главная структурирующая оппозиция, которая позволяет осмыслить понятие культовой литературы, – это противопоставление классики и культовой литературы.

В контексте XIX века понятие «классика» входит во всеобщее употребление, становится универсальным мериллом. В буржуазном обществе классика направлена на определение ценности, например, литературного образца. Речь идет о назначении или конструировании некоего образца или совокупности образцов – целого пантеона авторов или типа поэтики, которые и должны быть представлены универсальной публике. Но публику нужно и можно вырастить, поэтому добавим к этому колоссальные усилия по передаче и воспроизводству классического наследия. Как говорил Дидро: классики – это «авторы, которых изъясняют в школах» [цит. по: 1, с. 37].

Процесс формирования национальной классики в большинстве европейских литератур был завершен к началу XX века [3]. К этому времени уже была проведена гигантская интерпретаторская, комментаторская и книгоиздательская работа.

Характер взаимоотношений между классической и культовой литературой не столь однозначен и не сводится к расхожей формуле «классиков назначают, а культовых авторов выбирают». Напомним, что классиками часто становились именно те, кто в свое время активно противостоял канону (типу поэтики) и принятым эталонным образцам (авторам и произведениям). Культовыми произведениями и авторами становятся те, кто был забыт или отвергнут при формировании классики. При определенных обстоятельствах культовые имена могли бы поменяться местами с классиками, поскольку в обоих случаях апелляция идет не к природным, имманентным свойствам и качествам автора и/или произведения, а к приписываемым извне, внеположным. Разница в том, что «назначение» происходило системно и официально, через общепризнанные институты (экспертные, научные, образовательные и пр.), а «выбор» – спонтанно, неофициально и непублично. Иными словами, культовое понимается как неформальная альтернатива классики.

Между тем, литература знает случаи, когда статус классика совмещается с культовостью. Это происходит тогда, когда классика соединяется с идеей национального государства. Настоящие классики – это, конечно, классики национальные в том смысле, что они воплощают наивысшие достижения данной нации. В таком случае с помощью государства классика получает черты официального культа, и это вызывает противодействие по отношению к ней. Для русской литературы примером может служить Пушкин, для английской – Шекспир.

РАЗДЕЛ 2. ТУРЕЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС СЕРЕДИНЫ ХХ ВЕКА

В современной турецкой литературе свой путь от «культового автора» до «классика» прошёл Орхан Вели Канык – поэт, чья поэзия явилась поворотным моментом в современном искусстве Турции. Нисколько не умаляя значимость для турецкой литературы фигуры Назыма Хикмета, отметим, что после стихотворений Орхана Вели турецкие поэты уже не могли писать так, как это делалось до него. Попробуем разобраться, каким образом возник литературный культ Орхана Вели и к чему это привело.

В 30-е годы ХХ века в турецкой поэзии выделилось два основных направления: т. н. «новая поэзия» (yeni şiir), идущая от Назыма Хикмета и его последователей, и «национальная поэзия» (milli şiir), представленная творчеством хеджеистов, использовавших народно-слоговую метрику [6, с. 128]. В середине 30-х годов, когда обострение политической обстановки в Турции привело к резкому усилению реакции, творчество Назыма Хикмета было запрещено. Отход многих литераторов от принципов «новой поэзии» объясняется тем, что многие были вынуждены либо «поправь», либо вовсе замолчать. Молодежь была мало знакома с творчеством Хикмета, поскольку хранение и распространение его стихов преследовалось по закону. Непрерывающиеся дискуссии о дальнейшей судьбе турецкой поэзии дали толчок к тому, что в нач. 40-х годов ХХ века сложилось два течения: «Гарип» (Garip) и «Гражданская поэзия» (Toplumsal şiir). Поэты, творчество которых формировалось под сильным влиянием искусства Н. Хикмета, составили костяк течения «Гражданская поэзия». Благодаря им в поэзию вернулись остросоциальная тематика и революционные мотивы.

Орхан Вели Канык, Октай Рифат и Мелих Джевдет Андай, трое школьных друзей, создали творческий союз «Треножник» (Saçayak). Результатом этого союза явился сборник стихов под названием «Гарип» (Странное), который дал название целому течению, известному также как «Первое новое». В центре внимания «гариповцев» находились проблемы поэтики и стиля нового искусства. В каком-то смысле художественная концепция этого движения может рассматриваться как турецкая разновидность нигилистического минимализма. Для поэзии «Треножника» характерна детская непосредственность, с которой заново открывается вселенная, её чудеса, потерявшиеся в рутине жизни. Как и популярные в то время на Западе поэтические течения, «гариповцы» выступают против рационализма, индустриализации, урбанизации. От футуризма они взяли идею пустого знака и игнорирование ассоциативных связей. Понимание поэзии «гариповцев» близко концепциям дадаизма и сюрреализма: обостренное внимание в подсознательном, желание освободиться от любого рода предустановленных интерпретаций.

Основные послы художественной концепции поэтов «Треножника» были сформулированы Орханом Вели в манифесте, предварявшем собственно сборник «Гарип» (1941). Поэт настаивал на том, что только обновленная поэзия может служить широким массам, формировать у них новый вкус и отвечать ему. Новые средства поэ-

зии – это шокирующая ирония и черный юмор, радикальное обновление поэтического языка, в основе которого теперь «простота, искренность и обыденность». Орхан Вели призвал отвергнуть рифму, размер, практически все традиционные поэтические изобразительные средства: метафору, аллегорию, гиперболу, резонно отмечая, что размер и рифма еще не делают стих поэзией. Во второй части сборника, которая называлась «Результаты», поэты демонстрировали, как разработанная ими концепция может быть воплощена в жизнь. В 40-е годы такие заявления были неожиданными, странными и привлекательными своей новизной. Как манифест, так и стихи вызвали резкую критику в литературных кругах Турции. Даже Ахмет Хамди Танпынар с большой долей ироничной снисходительности отнесся к творчеству своих учеников. Уже после смерти Вели Танпынар скажет: «Ум, который придал нашей поэзии сладкий вкус и ввел в неё милую бессмыслицу, навсегда угас» [10]. Отношение Хикмета к экспериментам «гариповцев» менялось от неприятия их поэзии до популяризации их стихов. Парадоксально прозорлив оказался один из мэтров сюрреализма Филипп Супо, который, приехав в Турцию в 1949 году и познакомившись с поэзией «Треножника», заявил, что объездил весь мир, но настоящую поэзию нашел только в Турции. Основным качеством «настоящей» поэзии Супо считал самобытность и охарактеризовал стихи «гариповцев» так: «европейская поэзия, но не подражание».

Во второй половине 40-х годов, практически сразу после выхода сборника «Гарип», начинают отчетливо проявляться индивидуальные устремления поэтов. Окай Рифат, Орхан Вели и Мелих Джевет Андай начинают отказываться от первоначальных, нигилистических принципов. К 50-м годам XX века «гариповское» движение иссякло. Логическим концом стала внезапная смерть Орхана Вели.

РАЗДЕЛ 3. МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ «КУЛЬТОВОГО» СТАТУСА ОРХАНА ВЕЛИ

Из трех поэтов-«гариповцев» фигура именно Орхана Вели стала «культовой», этот статус поэт приобрел после своей ранней смерти. Культовый статус приобрели и его тексты, которые формировали уровень читательских ожиданий, но и соответствовали ему. При жизни сам поэт не стремился к сознательному мифотворчеству. Как и Назым Хикмет, Орхан Вели был сторонником левых убеждений, но в отличие от Хикмета он не был «поэтом-трибуном». Будучи бесконфликтным человеком, он предпочитал уходить, но оставаться честным по отношению к своим взглядам. Он был скорее «разочаровавшимся одиночкой», поэтом, который старался стереть грань между поэзией и жизнью, по крайней мере между своей жизнью и своей поэзией.

Для возникновения культа имелись как внешние, так и внутренние предпосылки. В настоящей работе мы лишь обозначим внешние факторы, к которым относятся состояние самой литературы, критико-публицистические институты и читательские ожидания. И подробнее остановимся на внутренних факторах – таких, как биография и мировоззренческая база Орхана Вели.

К середине XX века в турецкой прозе республиканского периода существуют уже официальные классики, ставшие таковыми на теме Национально-освободительной

борьбы и пафосе строительства новой Турции. Это Халиде Эдип Адывар, Якуб Кадри Караосманоглу, Решат Нури Гюнтекин. Иное дело в поэзии: творчество Назыма Хикмета под запретом, в критических изданиях продолжают споры не только о темах, но и о самой системе нового стиха. Добавим к этому острое чувство разочарования в результатах государственной внутренней и внешней политики и предчувствие глобальных катастроф. Фигура «разочарованного поэта», который пишет и живет по-своему несмотря ни на что, была очень востребованна, особенно в кругах турецких интеллектуалов.

Официальная биография поэта достаточно суха и лаконична. Орхан Вели Канык родился в 1914 году в Стамбуле в интеллигентной семье. Его отец Мехмет Вели в период с 1923 по 1948 годы был дирижёром Президентского симфонического оркестра и занимал должность профессора в Анкарской консерватории. В 1925 году Орхан Вели вместе с матерью переехал в Анкару к отцу. Участь в Анкарском лицее им. Ата-тюрка, будущий поэт знакомится с людьми, которые оказали значительное влияние на его дальнейшую жизнь и мировоззрение. Во-первых, это его учитель – известный писатель, критик, интеллектуал Ахмет Хамди Танпынар, который заметил талант в юноше. Во-вторых, это Октай Рифат и Мелих Джевдет Андай, в которых Орхан Вели нашел друзей и единомышленников, так же, как и он, одержимых поэзией. Уже тогда трое друзей начали издавать литературный журнал «Наш голос» (Sesimiz). В лицейские годы поэт пишет свои первые стихи арузом, увлекается театром. В 1932 году Орхан Вели поступил в Стамбульский университет на филологический факультет, где через год был избран председателем студенческого общества. Параллельно он работал помощником учителя в Галатасарайском лицее. Еще через 2 года, в 1935 году, Орхан Вели, будучи очень стеснен материально, вынужден был оставить учебу в университете, а еще через некоторое время и работу в лицее. Он вернулся в Анкару, где устроился в Главное управление связи.

В Анкаре Орхан Вели, Октай Рифат и Мелих Джевдет Андай снова собираются вместе и пишут стихи, пытаясь нащупать новые форму и стиль. В 1936 году в журнале «Бытие» (Varlık) были опубликованы 4 стихотворения Орхана Вели. В период с 1936 по 1942 годы Орхан Вели публикует свои стихи, в том числе под псевдонимом Мехмет Али Сель. Начиная с 1937 года друзья пробуют публиковать результаты своих творческих экспериментов. В 1939 году Орхан Вели попадает в страшную аварию на автомобиле, за рулем которого был Мелих Джевдет Андай. Двадцать дней поэт пребывал в коме.

В мае 1941 году появляется сборник «Странное» (Garip), в котором собраны 24 стихотворения Орхана Вели, 16 стихотворений Мелиха Джевдета Андая и 21 стихотворение Октая Рифата. Но наибольший резонанс у критиков вызвал манифест, автором которого, как уже отмечалось, являлся Орхан Вели.

В 1942 г. Орхан Вели был призван в армию, демобилизовался в 1945 году в чине лейтенанта. За эти три года им были опубликованы только 4 стихотворения. После службы в армии он начал работать в бюро переводов при Министерстве образования, занимался переводом французской классики на турецкий язык.

В 1945 году поэт выпустил сборник стихов «От чего я не мог отказаться» (Vazgeçemediğim), чуть позже, но в том же году он переиздал «Странное», но уже только со своими произведениями и с еще одним предисловием. Затем последовали книги «Как дестан» (Deştan gibi, 1946) и «Новь» (Yenisi, 1947).

В 1946 году, после выборов, Орхан Вели был вынужден уволиться из бюро переводов, по его собственному признанию, по причине «антидемократической атмосферы». Окружение поэта считало, что он вообще не приспособлен к карьере государственного служащего. После этого поэт писал эссе и критические статьи для оппозиционных газет «Свободный» (Hür) и «Свобода в кандалах» (Zincirli Hürriyet). В 1948 году появился сделанный им перевод басен Лафонтена. В это же время Орхан Вели, объединившись с другими литераторами, которые также лишились работы, берется за издание собственного литературного журнала «Листок» (Yaprak). Хотя журнал издавался на деньги Махмута Дикердема, владельцем журнала и главным редактором считался Орхан Вели. Издание журнала, в котором печатались неугодные властям литераторы, было неблагодарным делом, поэтому неизменно возникавшие финансовые проблемы приходилось решать самому поэту. Однажды он даже продал свое пальто, чтобы выпустить очередной номер журнала. А для того, чтобы издать последний номер журнала, Орхан Вели продал подаренные ему известным художником Абидином Дино рисунки. Всего вышло 28 номеров «Листка». Здесь Орхан Вели раскрылся и как публицист. В журнале выходили статьи поэта, посвященные предстоящим выборам. Совместно с Октаем Рифатом и Медихом Джевдетом Андаем они провели трехдневную голодовку в поддержку кампании за освобождение Н. Хикмета.

В 1949 году вышла последняя книга Вели – «Против» (Karşı). Также ему принадлежит поэтический пересказ анекдотов о Ходже Насреддине и перевод на турецкий язык «Гамлета» и «Венецианского купца» Шекспира.

14 ноября 1950 года Орхан Вели скоропостижно скончался в больнице от кровоизлияния в мозг. За неделю до этого поэт в Анкаре получил небольшую травму головы, упав в яму. А уже в больнице из-за неправильного диагноза и лечения (его начали лечить от алкогольного отравления) он впал в кому и, не выходя из нее, умер. Орхан Вели не был женат, не имел детей. Из близких родственников у него оставались только брат и сестра.

Сразу после смерти 36-летнего поэта начинается шумиха вокруг его личности и стихов. В морге была сделана посмертная маска. 17 ноября 1950 года в мечети Баязид прошло поминальное моление с участием друзей, известных писателей, деятелей искусства, преподавателей вузов и т. д. Тело поэта на руках в сопровождении многочисленной процессии было доставлено до Сиркеджи, откуда на автомобиле его отвезли на кладбище Ашиян. 1 февраля 1951 года его друзья выпустили первый и единственный номер журнала «Последний листок» (Son Yaprak), в котором было опубликовано стихотворение «Парад любви» (Aşk Resmi Geçidi). Черновик этого стихотворения был записан на клочке бумаги, которым была обернута зубная щетка, найденная после смерти поэта в кармане его пиджака.

Журналы «Источник» (Kaynak) и «Бытие» начали кампанию по сбору денежных средств на установку монумента на могиле Орхана Вели. Уже упоминавшийся Абин Дино подготовил проект могильного камня, изготовлением занимался Невзат Кемаль. На камне есть короткая надпись «Орхан Вели / 1914–1950», которая символизирует собой то, что поэт и после смерти остается верен своим принципам и отвергает какие-либо украшения. На смерть поэта написали стихи его близкие друзья: Халим Шефик Гюзельсон – «Отопсия» (Otopsi), Эрджюмент Бехзат Лав – «Мой бедный друг» (Çilelim), Октай Рифат – «Плач» (Ağıt). Стихи Орхана Вели переведены на немецкий, английский, русский, узбекский языки. Переведенная им пьеса Жана Ануя «Антигона» была поставлена на сцене Стамбульского государственного театра. А в 1988 году в маленьком парке в районе Румелихисары поставлен памятник поэту. С книгой в руке и чайкой за спиной, Орхан Вели сидит, обратив взгляд на Босфор.

В 1951 году издательство «Варлык» (Varlık Yayınevi) выпустило книгу «Все стихи» (Bütün Şiirleri), в которой были собраны произведения из пяти книг Орхана Вели и его первые стихотворения, опубликованные в журнале «Бытие». Эта книга была принята с таким энтузиазмом у читателей, что последовали всё новые и новые издания. Первые 13 изданий вышли в этом издательстве, следующие два с исправлениями вышли в издательстве «Бильги» (Bilgi Yayınevi). Далее, с шестнадцатого по двадцать второе издания, тиражи печатались офсетом в издательстве «Джан» (Can Yayınları). Данная технология помогла избежать новых ошибок при перепечатывании текстов. Наконец, была снова проведена работа по сличению оригиналов стихотворений, отмечены и оговорены разночтения. В книге собраны произведения из пяти книг Орхана Вели, включая «Странное», и его последние стихотворения. И вновь, уже в переработанном виде, книга многократно издавалась в издательстве «Адам» (Adam Yayınları), что для Турции явление нечастое.

Очевидно, что речь идет о самом настоящем «литературном культе» Орхана Вели, который возник ситуативно – после его внезапной смерти. Механизмы формирования культа Орхана Вели в целом совпадают с возникновением культов литераторов в эпоху романтизма, что неудивительно, поскольку турецкая литература первой половины XX века всё еще осваивала достижения европейских художественных эпох. Именно поэтому Орхан Вели, имевший так мало общего с бунтующими романтическими героями, и смог стать объектом романтизированного культа.

1. Фигура Орхана Вели становится «культовой» в узком кругу турецких интеллектуалов, причем как правило, сторонников левых убеждений. В «узком», потому что середина XX века – это хотя и уже подъем всеобщего образования в Турции, но ещё незавершившийся процесс формирования читательского вкуса и ожиданий.

2. Отождествление автора и героя. В стихотворениях Орхана Вели появляется образ автобиографического героя: странного («Шагая по улице»), бедного («Воскресными вечерами», «Пиджак»), но не страдающего от этого («Самоубийство»); влюбленного («Неужели влюбился»), грустного («Грущу», «У меня другая печаль»), одинокого («Гудок»), непонятого («Не могу сказать»), но при этом любящего Стамбул («Я слушаю Стамбул»), женщин («Превосходная степень»); тянущего солдатскую лямку

(«Песни дорог»), но не утратившего иронии («Просто так»), т. е. героя обычного, но не заурядного. Экзистенциальный образ героя характерен для турецкой литературы того времени, вспомним героев Сабахаттина Али, Сайта Фаика, Орхана Кемала и др. Но «человечность», «легкость» героя Орхана Вели делает его таким близким читателю, что он переносит свой интерес на героя и автора. С его героями было легко отождествлять читателю и себя, и своих друзей. «Орхан Вели создал течение «Гарип» не только своими стихами, но своим образом жизни и внешним видом, сердечными привязанностями и сплетнями вокруг собственной персоны создав совершенно новый тип поэта» [Цит. по: 10]. Хотя Орхан Вели в жизни был скромным, мягким в общении человеком, этот новый тип поэта несет в себе байроновские мятежные черты, поскольку стремится к нарушению литературных конвенций и заменяет их актом индивидуальной воли.

3. Особое функционирование визуальных техник. Безусловно, в отношении Орхана Вели это и посмертная маска, и использование его рукописей в оформлении обложек книг, и многочисленные публикации его фотографий. Полагаем, что если бы возникла идея иллюстрировать сборник стихов Вели, то в чертах его героя читался бы образ самого автора.

4. Скудная яркими событиями и краткая биография Орхана Вели всё равно конструируется по текстуальным законам, в духе «арт-нуара». Интрига заключается в неожиданной смерти поэта. (Но такой ли уж неожиданной, ведь известно, что Вели злоупотреблял алкоголем, и, при сходстве симптомов, поставлен был наиболее очевидный диагноз.) Открытый финал – кто знает, что еще мог написать этот талантливый человек? – ведет к рождению литературного мифа «литературного гения», погибшего на взлете. С другой стороны, вокруг Орхана Вели возникает ореол «мученичества», он видится «служителем алтаря искусства», жертвующим собой, чтобы возник новый стих.

5. Наконец, одним из признаков культового статуса автора и произведения является «растаскивание» на цитаты. Р. Фиш в предисловии к переводам стихотворений Орхана Вели пишет: «В Стамбуле, в Анкаре, в Измире, на пароходе, в поезде, в рабочей столовой, в кофейне, на улице, во время игры в кости, в лавке, за обедом можно услышать, как с грустной иронией кто-нибудь вдруг скажет: «Ах, как жалко Сюлеймана, ах, как жаль!» Это фраза из короткого, всего в восемь строчек, стихотворения о некоем Сюлеймане-эфенди, который весь век страдал и умер. И хотя не поминал он при жизни Господа Бога, если ему не жали ботинки, но и грешником не был конечно. «Ах, как жалко Сюлеймана, ах, как жаль!» – восклицает поэт. И эта фраза стала в народе поговоркой...» [8, с. 5]. Другой расхожей фразой стала строка: «Стать бы мне рыбой в бутылке раки!» [Цит. по: 10].

ВЫВОДЫ

Формирование литературного культа Орхана Вели Каныка произошло спонтанно, но в духе романтической эпохи. Повествовательные архетипы (такие, как одиночество, изгнание, конфликт с властью и пр.) в биографии поэта позволили турецкому

читателю отождествить себя с автором стихотворений. Создание «культового автора», с которым можно себя ассоциировать, способствовало принятию и усвоению читателями новой формы поэзии, популярной изначально только в «узких кругах». Таким образом, прежде всего, читающая публика подготовила себя к появлению новых тенденций в поэзии, т. е. ко «Второму новому», с его ещё более смелыми экспериментами со стилем, формой и содержанием, чем это было у «гариповцев». И тем более показательно, что «Гарип» постфактум получил название «Первое новое» и был признан образцом поэтического слова, т. е. классикой, а сам Орхан Вели стал национальной гордостью и общепризнанным классиком. Официальным символом же перехода Орхана Вели из культовых авторов в классики является установка памятника поэту на Босфоре, что было невозможно без одобрения властей.

Список литературы

1. Дубин Б. В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. Сб. статей. – М.: Новое обозрение, 2010. – 345 с.
2. Зенкин С. Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. – М.: РГГУ, 2012. – 537 с.
3. «Классик, современный классик, культовый автор, модный писатель...» [Электронный ресурс] / Обсуждение в ИМЛИ // Иностранная литература. – 2007. – № 5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2007/5/k19.html>. – агл. с экрана (дата обращения: 27.07 2016 г.).
4. Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. – М.: Аграф, 2001. – 384 с.
5. Меликов Т. Д. Назым Хикмет и новая поэзия Турции. – М.: Наука, 1987. – 199 с.
6. Образцов А. В., Сулейманова А. С. Модернизм в турецкой литературе // Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки. – СПб., 2014. – С. 94–152.
7. Уракова А. П. Конференция «Культовая литература»: истоки, механизмы формирования, динамика». (Москва, ИМЛИ, 16–17 мая 2006 года) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 80. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/ur37.html>. – Загл. с экрана (дата обращения: 27.07 2016 г.).
8. Фиш Р. Г. Поэзия Орхана Вели // Орхан Вели. Для вас. Стихи. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1961. – С. 3–15.
9. Bezirci A. Orhan Veli ve seçme şiirleri. İnceleme – Antoloji. – İstanbul: Cem Yayınevi: 1976. – 221 s.
10. Orhan Veli Kanık [Электронный ресурс] – Режим доступа : www/ URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Orhan_Veli_Kanık. – Загл. с экрана (дата обращения: 22.07 2016 г.).
11. Orhan Veli. Bütün Şiirleri. – İstanbul: Adam Yayınları: 1997. – 218 s.
12. Yavuz H. Okuma Biçimleri. – İstanbul: Timaş Yayınları: 2010. – 240 s.

Suleymanova A. S. The literary cult of Orhan Veli Kanik / A. S. Suleymanova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 167–177.

The article represents an insight into the phenomenon of a «cult» author in Turkish poetry of the the mid XXth century having in view one of the founders of modernistic trend «First New». Orhan Veli Kanik (1914–1950) acquired a reputation of a «cult» author after his sudden death. His texts which met the standard of readers expectations also have become «cult» ones.

During his lifetime the poet himself did not aspire to create his own cult and myth about himself. Like Nazim Hikmet, Orhan Veli advocated left-wing convictions but unlike Hikmet he was not a poet tribune. Being a conflict-free person he preferred to leave but stay honest to his views. He was what you call a «disenchanted recluse», a poet who tried to eliminate the boundary between poetry and life.

The poetry talent was acclaimed by the two esthetically different authors: Ahmet Hamdi Tanpınar and Nazim Hikmet. Together with his friends Oktay Rifat and Melih Cevdet Anday Orhan Veli founded a creative union «Tripod». In 1941 the poets published the collection of works «The Unusual» (Garipist Movement) the poems of which were hard to understand not because of being too complicated but due to their apparent simplicity. Such an approach to poetry required a manifesto which reveals the nearness of artistic outlook of Garipists with futurists, surrealists, dadaists etc. The manifesto was written by the leader of the union – Orhan Veli.

The collection triggered a big response in literary circles and thus gave name to the trend also known as «First New». However, the esthetic concept which was defined by the poets was a bit too avant-gardistic for themselves. As a result the poets chose different roads to travel. In their following works this including Orhan Veli, abandon the principles of «Garip». The tragic death Orhan Veli at 36 turns his image into a cult one. Moreover, this transition had both outer and inner preconditions.

By mid XXth century in the Turkish prose of the republican age there are official classic authors who had been specializing in books on both National Liberation Movement as well as the pathos of development of the new Turkey. But things worked differently in poetry: the works of Nazim Hikmet were banned. Apart from that debates on topics as well as the system of the new verse were under way. In addition, there emerged an acute feeling of frustration in the outcome of the state domestic and foreign policy which in its turn led to the premonition of a global disaster. An image of a «disenchanted poet» who writes his own way despite the odds was very much sought after especially among the Turkish intellectual elite.

The readers' interest turned from the character who possessed the features of the author to the author himself.

Not only the authors life style becomes attractive but his looks as well. Veli's short biography meets requirement of a literary text – it has a beginning, a climax and an open ending. The text of the author are frequently quoted on.

The creation of Veli's «literary cult», which one might identify themselves with, facilitated the adoption of a new kind of poetry, which was originally popular only with the intellectual elite, by a far wider readership. This way a reader was educated to accept new trends in poetry together with more robust experiments on a style and content than Garipists had used.

To summarize, Orhan Veli's artistic trend «First New» and his works have become examples of modern «classics».

Keywords: Orhan Veli Kanık, «First New», cult, modernist poetry, classic, literary cult.

УДК: 821.512.145 - 32.09

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЭШРЕФА ШЕМЬИ-ЗАДЕ

Джемилева А. А.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии
факультета крымскотатарской и восточной филологии Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*

E-mail: Ayshe66-2008@mail.ru

Известный крымскотатарский поэт Э. Шемьи-заде оставил неизгладимый след в развитии переводческой науки в крымскотатарской литературе. Он одним из первых познакомил крымскотатарского читателя с образцами русской и мировой классики. Поэт перевёл на крымскотатарский язык произведения А. С. Пушкина, в том числе поэму «Бахчисарайский фонтан», произведения Л. Толстого, А. Твардовского, Т. Шевченко, В. Маяковского, С. Есенина, К. Кулиева, Р. Гамзатова и др.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, русская литература, перевод, стихи.

ВВЕДЕНИЕ

Переводческое наследие талантливого крымскотатарского поэта Эшрефа Шемьи-заде – один из малоизученных пластов в крымскотатарской литературе.

Актуальностью данной работы является то, что в крымскотатарском литературоведении переводческое наследие Эшрефа Шемьи-заде является малоисследованным аспектом и нуждается в серьёзных исследованиях.

Основная цель работы – изучение переводческого наследия Э. Шемьи-заде, систематизация переведённых поэтом произведений.

Задача исследования – показать влияние переводов Э. Шемьи-заде на развитие крымскотатарской литературы.

Методы исследования: метод сравнительно-исторического исследования; описательный метод.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эшреф Абдураман-оглы Шемьи-заде родился в 1908 году в г. Евпатории в семье народного учителя. Стихи начал писать рано. В 1923 году из-под его пера вышло прекрасное стихотворение «Чёльде яз акышамы» («Летний вечер в степи»). Молодого поэта заметили выдающиеся поэты Бекир Чобан-заде, Абдулла Ляtif-заде и пригласили его в Симферополь, где он приобщился к литературным кругам.

В сентябре 1927 года молодой одаренный поэт выдвигается ответственным секретарем, затем редактором молодежного журнала «Козь айдын» («Радостная весть»). В 1930 году направляется на учебу в Москву, где в 1932 году оканчивает литературно-сценарный факультет (ВГИК).

С 1928 года Э. Шемьи-заде состоял членом Крымского отделения Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). В 1934 году был делегатом Первого съезда писателей СССР и в том же году одним из первых становится членом Союза

писателей СССР. Тогда же избирается членом Президиума и секретарем Союза писателей Крыма.

Уже в довоенные годы имя Э. Шемьи-заде как глубоко лирического поэта, мастера художественного слова было в одном ряду с такими классиками крымскотатарской литературы как Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, А. Лятиф-заде, А. Гирайбай. Им осуществлен перевод стихотворения Т. Шевченко «Завещание». Творчество Э. Шемьи-заде широко освещалось в украинской печати (журнал «Червоний шлях», 1927 г., 11, с. 196–201; статья академика А. Е. Крымского «Литература крымских татар» в сборнике «Студии з Криму», Киев, 1930 г., с. 188; и др.).

Творчество Э. Шемьи-заде отражалось как в «Малой Советской Энциклопедии», изданной в 1931 году, так и в «Большой Советской Энциклопедии». В 62-м томе этой энциклопедии, изданной в 1933 году, в статье, посвященной поэту, подчеркивается: *«Стихи Шемьи-заде последних лет (эпопея «Днепрельстан» и другие)... отличаются лирической напряженностью и художественным мастерством. Деятельность Шемьи-заде имеет огромное значение для развития крымскотатарского языка».*

Следует отметить, что в 65-ти томах «Большой Советской Энциклопедии» (1926–1974) помещены лишь пять портретов деятелей литературы, искусства и науки мусульманского и советского Востока: народного поэта Татарстана Абдуллы Тукая, выдающегося иранского поэта-революционера Абулкасема Лахути, классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова, народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского и крымскотатарского поэта Эшрефа Шемьи-заде.

Одним из шедевров переводческого мастерства Эшрефа Шемьи-заде по праву является «Багъчасарай чешмеси» («Бахчисарайский фонтан») А. С. Пушкина. Отметим, что ранее «Бахчисарайский фонтан» великого русского поэта к 100-летию автора был переведён Османом Акчокраклы, и данный перевод отдельным изданием был выпущен в Санкт-Петербурге в 1899 г.

И. Керимов пишет о том, что в свое время произведения Пушкина переводили Усеин Шамиль Тохтаргазы, Абдулла Лятиф-заде, Осман Амит. В статье С. Сулеймана высказывается мнение о том, что крымские татары чуть ли не первые среди тюркских народов начали переводить русскую классику [6]. Из более поздних переводов произведений А. С. Пушкина, сделанных в наше время, следует назвать переводы современных поэтов: А. Велиева «Багъчасарай чешмеси» («Бахчисарайский фонтан») (1999 г.), «Кавказ эсири» («Кавказский пленник»); «Анчар», «Кавказский пленник», «Кучюк фаджиалар» («Маленькие трагедии») в переводе Ш. Селима (1986); «Сибирьге» («Во глубине сибирских руд...») Черкез-Али; переводы Ш. Али «Денъизге» («К морю»), «Бейит уйдурьджнынынъ олюмине эпиграмма» («Эпиграмма на смерть стихотворца»), «Бульбуль ве гуль» («Соловей и роза»), «Алтын ве ханджер» («Золото и булат»).

Литературоведы Р. Фазыл и С. Нагаев в книге «Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы» (2001 с.) дают высокую оценку переводам Э. Шемьи-заде. Отдельного внимания заслуживает перевод поэмы Пушкина «Багъчасарай чешмеси». По мнению

авторов, перевод справедливо составляет «золотой фонд» национальной переводной литературы [7, с. 326].

Сам поэт в книге «Халкъ хызметинде» пишет: «произведения А. С. Пушкина – несколько стихотворений и сказок, на наш язык впервые перевёл в 1848 году учитель татарского языка гимназии Симферопольской губернии Абдураман-Челеби Къырым-хавадже. В те годы на родном языке были изданы «Капитан къызы» («Капитанская дочка»), «Дубровский», «Станция бакъыджысы» («Станционный смотритель»), «Къар бораны» («Метель»), поэма «Багъчасарай чешмеси» («Бахчисарайский фонтан»), отрывки из поэмы «Руслан ве Людмила», «Балыкъчы ве балыкъ акъкъында масалы» («Сказка о рыбаке и рыбке») Пушкина и др.» [9, с. 25].

В выходящем в Крыму журнале «Илери» [1927, № 12 (20)] находим заметку о том, что Э. Шемьи-заде вместе с А. Алимом готовит доклад к 35-летию литературной деятельности М. Горького [3, с. 18–22]. В том же издании за 1928 г. [№ 1 (21) январь] есть информация о переводе Э. Шемьи-заде на крымскотатарский язык рассказа М. Горького «Макар Чудра» [3, с. 37–41].

В газете «Енъи дюнъя» («Новый мир») за 1937 г. одна страница посвящена великому классику А. С. Пушкину. Здесь помещены статья К. Джаманаклы «Тохтаргъазынынъ Пушкинден бир терджимеси акъкъында» («О переводах Пушкина Тохтаргъазы») и статья У. Ипчи «Пушкин ве кырымтатар эдебияты» («Пушкин и крымскотатарская литература») [13, с. 283].

Как справедливо отмечает Р. Девлетов, «перевод на крымскотатарский язык, Шемьи-заде ставил целью сохранить пушкинский пленительный, восточный колорит, но при этом неизбежно отражал особенности крымскотатарского художественного мышления» [1, с. 150].

Примечательно, что крымскотатарский поэт переводит и эпиграф к поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» – цитату из «Бустана» Саади. В переводе Османа Акчокраклы эпиграф опущен.

Многие так же, как и я, посещали сей фонтан;
Но иных уже нет, другие странствуют далече [5, с. 48].
Меним киби, бу чешмени пек чокълары зиярет этти;
Лякин оларнынъ бир кысмы артыкъ ёкъ,
Дигерлери исе даа узакъларда джурелер [10, с. 204].

Обратим внимание, как воссоздаётся характер хана в переводе Эшрефа Шемьи-заде. Отображение национального характера гармонирует с колоритом исторической эпохи. Без воспроизведения национального характера не может проявляться в полной мере колорит эпохи. В оригинале: «Гирей сидел, потупя взор; Янтарь в устах его дымился» [5, с. 48]. В переводе Э. Шемьи-заде: «Кербар ташлы чубугъыны думанлатып; (досл. «Дымя янтарной трубкой»); «Къырым Герай къашын чатып, ойгъа далгъан» (досл. «Къырым Герай, нахмутив брови, погрузился в думы») [10, с. 204]. Пушкинское «потупя взор» крымскотатарский поэт переводит фразеологизмом «къ-

ашын чатып» (букв. «свести брови»), что сразу объясняет крымскотатарскому читателю гнев и печальное настроение хана. Таким образом передаётся психологическое состояние Гирея.

«Раболепный двор» Пушкина, на наш взгляд, очень удачно передано словами «сарай халкъы». Степень страха, охватившего придворных, переводчик показывает сложной конструкцией «кьоркъусына кьоркъу кьатып» (букв. «к страху прибавился страх»): «Сарай халкъы кьоркъусына кьоркъу кьатып, Явуз ханнынъ этрафыны сарып алгъан» [10, с. 204].

Чтобы показать безмолвие и тишину, царящие в ханском дворце, крымскотатарский поэт использует наречие «чым-чырт», одно из значений которого «абсолютная тишина»: «Эр ер чым-чырт кенъ сарайнынъ ичерсинде». Это свидетельствует о безупречном владении им родным языком и тонком художественном чутье переводчика. Безмолвное, благоговейное состояние людей, находящихся в страхе перед грозным ханом, мастерски передано фразой: «Эр кес сусып, эль къавушып отурмакъта» (досл. «Все стояли молча, в почтении сложа руки»).

О близком вхождении, о благодатном воздействии творчества А. С. Пушкина на крымскотатарскую литературу пишет и искусствовед С. Керимова: «Образы Пушкина настолько многогранны, они вобрали в себя кусочки народной жизни многих стран. Произведения русского классика сыграли большую роль в развитии крымскотатарской литературы. В частности, отмечает С. Керимова: неопенимо влияние переводов драм Пушкина на развитие крымскотатарской драматургии. И как следствие этого – произведения поэтов-переводчиков отличаются богатством и разнообразием художественных форм [4, с. 102]. Высокое художественное мастерство А. С. Пушкина, его поэтическая сила, продолжает свою мысль автор, невольно впитались через переводы произведений в крымскотатарскую литературу, обогатили её своим содержанием [4, с. 103].

ВЫВОДЫ

Среди известных переводов Э. Шемьи-заде следует назвать «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, стихи «Эйкель» («Памятник»), «Чаадаевге» («К Чаадаеву»), «Сув периси» («Русалка»), «Гурджистаннынъ кьырларында ята саарь туманы...») («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»), «Юзюм» («Виноград»), «Кяин Олег акькьындда йыр» («Песнь о вещем Олеге»); стихи Лермонтова; «Севастопольские рассказы» Л. Толстого; стихотворение «Ким олайым экен» («Кем быть») В. Маяковского; рассказы М. Горького; стихи Т. Шевченко; «Двенадцатая ночь» У. Шекспира; «Конрад Валленрод» А. Мицкевича; «Дон Кихот» М. Сервантеса; образцы восточной поэзии – отрывки из поэмы Низами «Лейля и Меджнун», рубаи Омара Хайяма. Отдельно стоит упомянуть писателей и деятелей культуры, с кем Э. Шемьи-заде был близко знаком, общался или дружил: М. Горький, В. Маяковский, К. Чуковский, С. Маршак, Ф. Гладков, М. Светлов, Б. Чичибабин, А. Самойлович, А. Крымский, С. Эйзенштейн и др.

Таким образом, вклад Эшрефа Шемьи-заде в развитие переводческой науки в крымскотатарском литературоведении неопеним. Переводы поэта являются неисчерпаемым кладом для исследователей крымскотатарской литературы.

Список литературы

1. Девлетов Р. Р. Крымскотатарский текст в мировой художественной литературе XIX века / Р. Девлетов // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сборник. – Выпуск 26 (83). – Симферополь: Бизнес-информ, 2013. – С. 149–154.
2. Закир Къуртнезир. Къырымтатар эдиплери. Омюр ве яратыджылыклары акъкъында кыска маломат Къуртнезир Закир. Акъмесджит, «Таврия нешрияты, 2000. – 219 с.
3. Керимов И. А. Медений эснас. Поступь культуры. По материалам крымскотатарской периодической печати 1920–1938 гг. / И. А. Керимов. – Симферополь: Таврия, 1997. – 496 с.
4. Керимова С. Къырымтатар миллий театри: (тарих саифелери) / С. Керимова. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2003. – 264 с.
5. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; драматические произведения. / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1986. – 527 с.
6. Сулейман С. Время переводить / С. Сулейман // Газета «Голос Крыма», № 44 (982) от 02.11 2012 г.
7. Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Кыска бир назар / Р. Фазылов, С. Нагаев. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
8. Шаир намын халкъ сакълар (Славу поэта народ сбережёт) / Тертип этиджи муэллиф Р. Фазыл – Симферополь: КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты», 2008. – 248 с.
9. Шемьи-заде Э. «Халкъ хызметинде» («На службе народу»). Сборник литературно-критических статей. / Э. Шемьи-заде – Ташкент: Гъ. Гъулам адына нешрияты, 1977. – 200 с.
10. Шемьи-заде Эшреф. Сайлама эсерлер. Тертип эткен ве неширге азырлагъан Риза Фазыл. Уч джылтыкъ сайлама эсерлер. – Акъмесджит: Тарпан, 2008. – 285 с.
11. Эмирсуинова Н. К., Умерова Л. Р. Образный строй поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в переводческой интерпретации Э. Шемьи-заде / Н. К. Эмирсуинова, Л. Р. Умерова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 25 (64). № 2, ч. 2. – 2012 г. – С. 40–47.
12. Эшреф Шемьи-заденинъ 100 йыллыгы мунасебетинен азырлангъан библиографик косьтергич // Янъы дюнья. – 2009. – 21 февр. – С. 5.
13. Юксель Г. Выборочный библиографический указатель содержания крымскотатарского журнала «Илери» («Вперёд»). – № 1–20. / Г. З. Юксель // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2. – С. 175–183.
14. Яшар А. Пушкин къырымтатар терджиме эдебиятында / А. Яшар // Литературный Крым. Эдебий Къырым. – 2013. – № 1. – С. 1.
15. Электронный ресурц: <http://gasprinskylibrary.ru/node/177>
16. Электронный ресурц: <http://medeniye.org/ru/node/779>

Dzhemileva A. A. Translation heritage Eşref Shemyi-zade / A. A. Dzhemileva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 178–183.

E. Shemyi-zade left an indelible mark in the development of science in the translation of the Crimeantatar literature. He was one of the first introduced Crimean reader with samples of Russian and world classics. The poet translated into Crimeantatar language works A.S. Pushkin, including the poem «The Fountain of Bakhchisarai», works of Tolstoy, A. Twardowski, T. Shevchenko, Vladimir Mayakovsky, Esenin, K. Kuliev, R. Gamzatova and others.

Translation heritage of the Crimeantatar poet Eşref Shemyi-zade – a little-known reservoirs in the Crimeantatar literature. The urgency of this work is that in the Crimeantatar literary translation heritage Eşref Shemyi-zade is little studied aspect. The main objective of the work – the study of translation E. Shemyi-zade., systematization of translated works of the poet. The research problem – to show the impact of remittances E. Shemyi-zade on the development of the Crimeantatar literature. Methods: method of comparative historical studies; descriptive method.

One of the masterpieces of the translation skills Eşref Shemyi-zade on the right is «Bagchasaray cheshmesi» («The Fountain of Bakhchisarai») A. S. Pushkin. Note that earlier, «The Fountain of Bakhchisarai» the great Russian poet to the 100-anniversary of the author Osman was transferred and the transfer Akchokrakly separate edition was released in St. Petersburg in 1899, I. Karimov wrote that, in his time translated works by Pushkin Usein Tohtargazy Shamil Abdullah Latif-zade, Osman Amit. Article S. Suleiman has been suggested that the Crimean Tatars almost first among the Turkic peoples began translating Russian classics [6]. Of the more recent translations of A. S. Pushkin made in our time, we should mention translations of contemporary poets: A. Veliyev «Bagchasaray cheshmesi» («The Fountain of Bakhchisarai») (1999), «Caucasus esiri» («Prisoner of the Caucasus»); «Anchar», «Prisoner of the Caucasus», «Kuchyuk fadzhialar» («Little Tragedies») in the translation of S. Selim (1986); «Sibirge» («In the depths of the Siberian ores...») Cerkez-Ali; translations Sh. Ali «Denizge» («To the Sea»), «Beyit uydurydzhynyn olyumine epigram» («The epigram on the death of the poet»), «Bulbul ve gul» («The Nightingale and the Rose»), «Altyn`ve Khandjeri» («Gold and damask»).

Notable transfers E. Shemyi-zade should be called «The Fountain of Bakhchisarai» Pushkin's poem «Eykel» («Monument»), «Chaadaevge» («To Chaadaev»), «Suv Paris» («Mermaid»), «Gurdzhiştannyn kyrlarynda Yata Saarland mişt...» («The hills of Georgia the night is darkness...»), «Yuzyum» («Grape»), «Oleg Kyain akkyndda yyr» («The Song of Wise Oleg»); Lermontov's verses; «Sevaştopol Stories» Tolstoy; poem «Kim Olaya Eken» («Who to be») Vladimir Mayakovsky; stories Gorky; Shevchenko poetry; «Twelfth Night» by William Shakespeare, «Conrad Wallenrod» Adam Mickiewicz, «Don Quihote» of Servantes; Oriental poetry samples – extracts from the poem of Nizami «Leili and Majnun», Rubaiyat of Omar Khayyam. Thus, the contribution of Eşref Shemyi-zade in the development of translational science in the Crimeantatar literary invaluable. Translations are therefore an inexhaustible fount of the Crimeantatar literature researchers.

Keywords: Crimeantatar literature, Russian literature, translation, poetry.

УДК 930.2

СУФИЙСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ШЕЙХА ТАШАВА-ХАДЖИ АЛ-ИНДИРИ (ИЗ ЭНДИРЕЯ) «УММ АЛ-ХИСАН»

Ханмурзаев И. И.

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН
xanmurzaev@yandex.ru*

Ташав-хаджи ал-Индири был шейхом накшбандийского и кадирийского тарикатов, один из активных деятелей раннего периода Кавказской войны XIX в. Ташав-хаджи является автором ряда прозаических и поэтических произведений. В их числе он является автором комментария «Умм ал-хисан», в котором рассматриваются различные аспекты суфийских практик. В докладе будет рассматриваться указанное произведение Ташава-хаджи ал-Индири, написанное на арабском языке. В статье будет дан общий разбор этого произведения.

Ключевые слова: Ташав-хаджи, Юсуф ал-Мускури, суфизм, зикр, накшбандийа, кадирийа, халватийа, «Умм ал-Хисан», «Тифл ал-ма'ан», Кавказская война.

Ташав-хаджи из Эндирея относится к числу наиболее выдающихся и ярких деятелей освободительного движения горцев Северного Кавказа XIX в. Эта личность сыграла одну из ключевых ролей на раннем этапе этого движения. Он проявил себя на самых разных поприщах: шейх накшбандийского и кадирийского тарикатов, талантливый полководец, видный политический деятель, сподвижник имамов Газиму-хаммада, Гамзатбека и Шамиля.

Ташав известен не только как способный военачальник, но и как автор прозаических и поэтических произведений. На сегодняшний день нами выявлено более двадцати произведений разного объема и жанра. Практически все произведения Ташава-хаджи религиозного характера. В большинстве своем они написаны на арабском языке, некоторые – на кумыкском языке. К числу его относительно крупных произведений относится «Умм ал-хисан» («Мать благочестия»), которое является комментарием к произведению «Тифл ал-ма'ан» («Детище смыслов»), в котором рассматриваются различные аспекты суфийских практик.

Первоначально нами выдвигалось предположение, что произведение «Тифл ал-ма'ан» также принадлежит перу Ташава-хаджи [1, с. 106]. Однако, как выяснилось впоследствии, оно принадлежит перу средневекового халватийского суфия Юсуфа ал-Мускури ал-Ширвани [2, с. 17], а Ташавом-хаджи составлен комментарий к этой работе, названный «Умм ал-хисан». Однако у нас есть некоторые сомнения в отношении авторства Юсуфа ал-Мускури, так как в этом произведении прослеживаются некоторые идеи, мотивы, свойственные кадирийи.

Вышеуказанное произведение посвящено разбору основ и различных теоретических положений суфизма. Структурно произведение «Тифл ал-ма'ан» состоит из краткого предисловия и двадцати четырех глав (фасл). Как разъясняет в предисловии

сам автор, деление произведения на 24 главы выполнен в соответствии с количеством букв в выражении «ла илаха иллаллах Мухаммад расулуллах» (لا اله الا الله محمد رسول الله) («Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – пророк Его»).

В предисловии говорится о создании духа Мухаммада, который является первым из творений Аллаха. Дух Мухаммада был создан из света красоты Всевышнего. Этот дух иначе называется Мухаммадова Реальность (хакика мухаммадийя). В соответствии со сведениями, изложенными в предисловии, Мухаммадова Реальность является основой всех созданий.

Первая глава рассказывает о возвращении человека на свою родину. Под родиной подразумевается близость (курба) к Аллаху. «Человек, – поясняет автор, – бывает двух видов: телесный (джисмани) и духовный (равхани)». Под телесным видом подразумевается обыкновенный человек (инсан ‘ам). Духовный – это особенный человек (инсан хас). Возвращение «простого человека» на родину происходит по ступеням посредством практического применения знаний шариата, тариката и Божественной истины (хакиката). При одном непереносимом условии, что оно (применение знаний) должно практиковаться без показухи и стремления к славе.

Возвращение на родину «особенного человека» происходит во время его жизни на этом свете через познание божественной истины (хакикат) и единобожия (тавхид) в мире Божественности (Лахут). При этом такого рода познание совершается посредством поклонения (ибадат) вне зависимости спит он или бодрствует. Напротив, когда тело спит, сердцу предоставляется возможность «целиком или частично отправиться на родину».

Во второй главе идет рассказ о поэтапном низвержении человека в «нижайшее из низких мест», под которым подразумевается этот дольний мир. Автор повествует, что «Аллах создал святой дух (рух кудси) в мире Божественности (лахут) в наилучшем виде», затем с целью усиления близости (курба) и особой задушевности (унсийя) между собой и этим духом он решил низвергнуть его. Вначале он опустил этот «святой дух в мир Божественной мощи (Джабарут), и с ним были семена Единобожия», под которыми подразумевается выражение «Ля илаха илляллах», потом – в мир Царствования (Малакут), затем – в мир Творений (Мулк). После этого «из материи мира творений Аллах создал элементарное тело для того духа, дабы он не сжег этот мир». По отношению к миру Божественной мощи этот дух называется султанским духом (рух султани), в отношении мира Царствования он называется движущимся духом (рух сирани-раввани), по отношению к миру Творений он называется телесным духом (рух джисмани). Всевышний повелел всем этим духам войти в тело. Место расположения телесного духа в теле – между мясом и кровью, движущегося духа – сердце, султанского духа – сокровенное сердце (фуад). У каждого из этих духов есть «лавка в теле человека, в которой имеются товары, прибыль и торговля, которая никогда не бывает в застое».

В третьей главе автор в виде аллегорий даёт пояснение о лавках духов. Под «лавкой» телесного духа подразумевается физическое тело человека со всеми его внешними органами. «Товаром» этой лавки является шариат. А её «торговлей» является

применение (‘амал) положений шариата по предписанным Аллахом законам. Однако это применение должно быть лишено всяческой показухи и желания стяжения славы. При удовлетворении этих условий «прибыль лавки» на этом свете будет святость (вилайа), божественное озарение (мукашафа) и созерцание (мушахада) тайн этого мира в мире творений (Мульк). Помимо этого он станет обладать такими чудесами (карамат), как хождение по воде, летание по воздуху. А «прибыль» на том свете (ахират) – рай, гурии, дворцы и другие блага в раю.

В четвертой главе дается классификация знаний. В соответствии со сведениями, изложенными в этой главе, «знание бывает двух видов: явное (захир) и скрытое (батин)». Как явное, так и скрытое знания делятся в свою очередь на двенадцать отраслей (фани). Все эти знания сводятся к четырем категориям. «Первая категория – шариат, вторая – тарикат, третья – познание Аллаха (ма‘рифа), четвертая – божественная истина (хакика)». И для того, чтобы достичь совершенства, рабу божьему предписывается овладеть этими знаниями. В качестве доказательства своего утверждения автор приводит высказывание пророка: «Шариат это дерево, тарикат – его ветки, ма‘рифа – его листья, хакикат – его плоды».

В пятой главе разъясняется значение покаяния (тавба) и внушение зикра (талкин). Все высокие духовные степени в тарикате могут быть достигнуты не иначе как через чистосердечное покаяние, а также через внушение или, если быть точнее, путем вкладывания наставником формулы зикра «Ля иляха илляллах» в сердце мурида. При этом обязательным условием является «получение этого внушения от благочестивого сердца, очищенного от всего кроме Аллаха». Сердца оживают тогда, когда «получают семена единобожия от живого сердца», в таком случае оно будет совершенным, идеальным семенем. В противоположность этому неспелое семя, как известно, не прорастает.

Покаяние, согласно положениям этой главы, бывает двух видов: покаяние обычных людей и покаяние избранных. Покаяние простых людей заключается в том, чтобы «вернуться от ослушания к покорству», от порицаемого к восхваляемому, от Ада к Раю и т. д. Суть покаяния избранных заключается в «возвращении от добродетелей благочестивых к Богопознанию и обретению близости, от телесных удовольствий к удовольствиям духовным, отказ от всего кроме Аллаха» и т. д.

Глава шестая содержит сведения о суфиях. В ней дается обзор различных версий происхождения слова «суфизм» (тасаввуф), таких версий несколько. Первая: их называют суфиями по причине того, что они очистили (тасфийа) свою внутреннюю душу светом Богопознания и Единобожия. Вторая: их так именуют из-за того, что они являются людьми скамьи (ахл суффа). Третья версия гласит, что они названы так от слова «шерсть» (суф), одежду из которой они носили. Четвертая: они получили это имя по причине того, что они находятся в «первом ряду (сафф) божественной единственности».

Здесь же автор приводит побуквенную расшифровку слова «тасаввуф». Оно состоит из четырех букв – «та», «сад», «вав», «фа». «Та» означает «тавба» (покаяние). «Саф» – «сафа» (чистота). «Вав» – «вилаят» (святость). «Фа» – «фана» (исчезновение

в Аллахе). В этой последней стадии пропадают все человеческие качества, а остаются только божественные.

Седьмая глава посвящена поминаниям (азкар) Аллаха. Данная глава предваряется фразой «Аллах наставляет на правильный путь поминающих [Аллаха]», в которой вкратце изложен весь ее смысл. В этой главе указывается, что у поминания несколько стоянок. Каждая стоянка имеет свою форму поминания, поминаемую либо вслух, либо про себя. Сначала совершается поминание языком (лисан), затем поминание душой (нафс), потом поминание сердцем (калб), за ним следует поминание духом (рух), после этого идет поминание тайны (сирр), дальше переходят к поминанию сокровенного (хафий) и, наконец, к поминанию самого сокровенного (ахфа ал-хафий). К каждой форме поминания приводится разъяснение того, что означает каждая из них, также приводится описание особенностей совершения поминания в каждой из вышеупомянутых стоянок.

Восьмая глава содержит пояснение условий (шараит) поминания. Согласно этим условиям, поминающий должен находиться при полном омовении в бесшумном месте. Поминать необходимо громким голосом так, чтобы свет поминания повлиял на сокровенные места в сердце поминающего. И от этого света сердца поминающих начинают жить вечной жизнью. Далее идут более детальные описания условий совершения зикра.

Девятая глава повествует о видении (ру`йат) Аллаха. Такое видение, по словам автора, бывает двух видов. Первое – «видение красоты Аллаха на том свете без посредничества малого зеркала», которое иначе именуется «детисцем смыслов». Второе – «видение Его атрибутов в этом мире посредством зеркала сердца». Через видение Его атрибутов, полагает автор, человек видит Всевышнего на этом свете, утверждая при этом, что «тот, кто видел Его атрибуты на этом свете, увидит сущность Его на том свете».

В десятой главе повествуется о завесах из мрака и света, которые покрывают взор раба божьего. Всевышний сказал «А кто слеп в этом мире, тот будет также слеп в Последней жизни и окажется еще более заблудшим». В этом аяте под слепотой, согласно комментариям автора, подразумевается не слепота глаз, а слепота сердец. «Слепота сердец происходит от завес беспечности и забывчивости завета его Господа. Причина беспечности (гафлата) заключается в неведении истинного значения божественных повелений». А причину же невежества автор видит в том, что рабом овладевают такие мрачные (зулмани) атрибуты, как высокомерие, зависть, жадность, тщеславие, хула, клевета, злословие и ложь. Человек может удалить эти качества при помощи тщательной «полировки сердца Единобожием», знанием, упорной внутренней борьбой (муджахада). В результате этого ему удастся «вспомнить свою истинную родину, и он начнет скучать по ней и стремиться к ней». После того как будут удалены мрачные завесы, останутся только завесы света, и «он станет видеть зрением духа и станет освещаться светом имен атрибутов Аллаха». Затем с него будут постепенно сниматься завесы из света до тех пор, пока он не станет освещаем светом божественной Сущности.

В одиннадцатой главе рассматриваются такие категории, как счастье и несчастье в судьбе человека. «Нет человека, в котором бы не было этих категорий», пишет автор. Более того, они оба могут одновременно присутствовать в одном человеке. Несмотря на то, что и счастье, и несчастье предопределены еще в Предвечности, надо надеяться на милость Всевышнего. Если в человеке будут преобладать добро и искренность в совершении поклонения, то эгоистичные качества его природы могут превратиться в положительные духовные качества. В таком случае потенциальное несчастье обернется счастьем. Несчастье, по мнению автора, может быть превращено в счастье и, наоборот, также посредством воспитания». Кроме того, чистосердечное раскаяние, искренняя вера и праведные дела также способствуют превращению несчастья в счастье.

В двенадцатой главе речь идет о бедных (фукара') в суфизме. В этой главе автор вновь возвращается к различным мнениям об этимологии слова «суфий». Согласно мнению одних, оно происходит от слов «одетые в шерсть» (суф). Другие, не соглашаясь с первыми, считают, что оно производно от слова «очищать», т. е. они «те, кто очистили (саффу) свои сердца». Третьи утверждают, что они «стоящие в первом ряду (сафф) в Судный день». При этом Ташав-хаджи больше склоняется к тому, что оно происходит от слова «сафа» (очищенность) их внутреннего мира от связей и с этим миром (дунья), и с тем миром (ахира). Слово «бедный» не совсем точно передает смысл арабского «факир». Здесь больше имеется в виду «нуждающийся» в Аллахе. Основной посыл этой главы заключается в том, что бедные – это те, у кого не осталось никого кроме Аллаха, т. е. абсолютно нуждающиеся во Всевышнем. И от этой нужды они совершенно растворились в воле Аллаха.

Тринадцатая глава посвящена ритуальному очищению (тахара). «Есть два вида ритуального очищения: внутреннее и внешнее. Внешнее очищение по шариату – это очищение, совершаемое водой. Внутреннее же очищение достигается покаянием (тавба)». Это очищение производится посредством поминания, самоконтроля, нахождения в состоянии божественного присутствия (худур) и посредством доброго мнения об Аллахе и о людях и т. д. При нарушении же ритуального очищения оно возобновляется при помощи воды. При нарушении же внутреннего очищения, а оно может быть нарушено гордыней, завистью, злостью, ложью, предательством, клеветой и т. д., оно возобновляется искренним раскаянием во всем том, что испортило её, а также сожалением о содеянном и испрашиванием прощения. В противоположность внешнему очищению, для которого предусмотрено определенное время днем и ночью, автор подчеркивает, что внутреннее очищение – постоянное, длящееся на протяжении всей жизни.

В четырнадцатой главе разъясняются значения ритуальной молитвы (салат) в шариате и тарикате. Ритуальной молитвой в шариате является выполнение предписанных телесных движений, как, например, стояние выпрямившись, совершение поясного поклона, совершение земного поклона и т. д. О ритуальной молитве в шариате сказано в аяте: «Оберегайте намазы и особенно средний намаз». Молитва в шариате имеет свое время, она совершается ежедневно пять раз. Сунной является

совершать ее в мечети в обществе (джамаат), за имамом направившись в сторону киблы.

Что же касается молитвы в тарикате, то ею является ритуальная молитва сердца. Она постоянная. «Мечетью такой молитвы является сердце, а киблой – Божественное присутствие и красота вечности». Когда совмещается молитва в шариате с молитвой в тарикате, то такая молитва становится совершенной и человек получает за нее великое вознаграждение.

В пятнадцатой главе говорится об очищении (тахарат) познания (ма‘рифат) в мире отрешения (таджрид). Такое очищение бывает двух видов: «очищение познания атрибутов (сифат) и очищение познания божьей сущности (зат)». Очищение познания атрибутов осуществляется через внушение (талкин) и очищение зеркала сердца от человеческих и животных свойств путем произношения имен Аллаха. При этом «глаз сердца, достигшего этого уровня», становится способным видеть свет, исходящий от атрибутов Всевышнего, что позволяет «узреть в зеркале сердца отражение красоты Аллаха». Когда очищение с помощью имен доходит до совершенства, познание атрибутов постигается путем созерцания их в зеркале сердца.

«Очищение познания божьей сущности осуществляется путем постоянного повторения в сокровенной тайне (сирр) трех последних из двенадцати имен Единобожия». При этом «глаз сокровенной тайны видит светом Единобожия», – утверждает автор.

В шестнадцатой главе рассматривается вопрос обязательной милостыни (заката) в шариате и тарикате. Под закатом в шариате подразумевается выделение беднякам определенной части заработка один раз в год. Автор отмечает, что подаяние (садака) доходит до Аллаха прежде, чем оно достигает рук бедных и несчастных. Под этим имеется в виду, что милостыня этим категориям людей обязательно принимается Аллахом.

Закат же в тарикате заключается в том, чтобы отдать всё то, что заработано для того мира (вознаграждение за молитвы, закат, пост, хадж и т. д.), непокорным (‘асин) беднякам и несчастным того мира ради довольства Аллаха. Таким образом, «у него не остается ничего из воздаяний, и он становится банкротом, а ведь Аллах любит щедрость и банкротство (крах)». В этом странном на первый взгляд утверждении имеется глубокий смысл. В результате банкротства человек теряет всё, и у него не остается никого и ничего, кроме Аллаха. В качестве примера он приводит слова известной отшельницы Рабии ал-Адавийи: «О Аллах, то, что есть у меня из доли в этом мире, я отдала неверным, а то, что есть у меня из доли из жизни загробной, я отдала уверовавшим. Я не хочу ничего из этого мира, кроме [возможности] поминать (зикр) Тебя, а на том свете ничего, кроме как лицезреть Тебя». Закат тариката, в отличие от заката шариата, вечен. Закат, по мнению автора, способствует очищению сердца от эгоистических свойств.

Семнадцатая глава посвящена анализу поста (савм) в шариате и тарикате. Пост в шариате – «это воздержание в дневное время суток от приема пищи и воды, интимной связи с женами». Под постом в тарикате понимается «ограждение всех органов от всего запретного и порицаемого». К числу таких пороков автор относит тщесла-

вие, показуху, самолюбование, лицемерие, а также другие явные и скрытые пороки. Всё это нарушает пост тариката. «Постящийся – это тот, кто удерживает свои органы от запретного и причинения вреда людям». Пост шариата – временный, а пост тариката – постоянный, который необходимо соблюдать на протяжении всей жизни.

В восемнадцатой главе содержатся сведения о паломничестве (хадж) в шариате и тарикате. Паломничество в шариате – это «посещение дома Аллаха с соблюдением всех условий (ашрат) и столпов (аркан) для получения вознаграждения за его выполнение». Что же касается хаджа тариката, то «его провизией и верховым животным является стремление к духовному учителю и получение у него внушения (талкин), постоянствование в выполнении поминания с концентрацией на смысле, постоянная занятость поминанием в сокровенной душе, пока она не будет очищена через это».

В девятнадцатой главе рассказывается об экстазе (важд) и безмятежности (сафа). Экстаз, в соответствии с утверждением автора, бывает двух видов – телесный и духовный. Телесный экстаз вызывается силой тела, а не силой экстатического притяжения (джазба). Такой вид экстаза «неверный, и он не дозволен», так как в нём проявляются лицемерие, стремление к славе и известности. Духовный экстаз в отличие от телесного «проявляется через силу экстатического притяжения (джазба)», вызванную, к примеру, чтением красивым голосом Корана или поэтического произведения или же исполнением поминания, под воздействием которых тело совершенно лишается сил и всяческой воли (ихтийар). Такой вид экстаза одобряем.

Двадцатая глава затрагивает вопросы процедуры уединения (халва) и изоляции ('узла) мюрида. Оно бывает двух видов – внешнее и внутреннее. Внешнее уединение – это когда «адептизолируют себя и своё тело от людей, с тем чтобы не причинить им вреда своими порицаемыми чертами характера». Внутреннее уединение заключается в том, чтобы не допустить «проникновения в сердце дьявольских и эгоистичных влияний», к числу которых относятся «любовь к изысканной еде, питью, одежде; любовь к супруге и семье; а также любовь к таким благородным животным, как лошадь, и т. п.». К этим порокам относятся также показуха и стремление к почету и славе. Находящийся в уединении не должен допускать в сердце такие качества, как гордыня, тщеславие, скупость, зависть, злословие, клевета, гнев и т. д. «В противном случае процедура уединения нарушается».

В двадцать первой главе говорится об уединенных заданиях (ал-аврад) для мюрида, находящегося в уединении (ал-халватий). «Каждый человек, находящийся в уединении, по мере сил должен соблюдать пост». Ему необходимо своевременно совершать обязательные молитвы в мечети. По прошествии трети или половины ночи он должен выполнить полуночную молитву (таджаххуд) в 12 ракаатов. После восхода солнца ему необходимо выполнить два ракаата молитвы «восхода» (ишрак). Затем – два ракаата молитвы «взывания о помощи» (исти'аза). После нее – еще два ракаата молитвы «испрашивания лучшего» (истихара). Далее – шесть ракаатов молитвы «позднего утра» (зуха). Потом – два ракаата молитвы искупления за мочеиспускание (кафарат ал-бавл). Потом – четыре ракаата молитвы «восхваления» (тасбих). Кроме этого, находящийся в уединении должен ежедневно читать не менее двухсот аятов

Корана и часто поминать Аллаха. Помимо этого в главе перечисляются другие задания, которые необходимо выполнять мюриду.

В двадцать второй главе говорится о видениях во сне (навм) и дремоте (синат). «Сны бывают двух видов – объективные (афаки) и субъективные (анфуси)». Каждый из этих видов в свою очередь тоже делится на две части. Сон «анфуси» может быть вызван либо похвальными качествами характера, либо отрицательными. В случае с похвальными качествами человек видит райские сады, гурий, дворцы. Если же сон вызван отрицательными качествами, то он видит зверей, пресмыкающихся и насекомых – таких, как тигр, лев, медведь, собака, свинья, змея, скорпион и т. д. Далее в этой главе дается интерпретация смысла видения каждого животного.

В двадцать третьей главе речь идет о людях, практикующих суфизм (тасаввуф). Их двенадцать групп. «Первая группа – сунниты. Их слова и деяния соответствуют шариату и тарикату. Они есть люди сунны и общины (ахлу ал-сунна ва ал-джама‘а), поэтому они войдут в рай».

Остальные суфийские группы – это те, которые вносят новшества в религию. Среди них упоминаются *ал-Хулувиййа*, *ал-Халииййа*, *ал-Авлиийаиййа*, *ал-Шимрахиййа*, *ал-Хабибиййа*, *ал-Хуриййа*, *ал-Ибахиййа*, *ал-Мутакасила*, *ал-Мутаджахилииййа*, *ал-Вакифиййа*, *ал-Илхамиййа*. В главе автор дает характеристику каждой из этих групп.

Двадцать четвертая глава посвящена разъяснению важности благого конца. «Идущий по пути (салик) суфизма не должен забывать об опасности плохого конца, обманываясь сладостью внешнего вида явлений. Чудеса святых (авлийа) и их состояния (хал) являются истиной, но даже эти способности не дают им безопасности от козней (макр) и обольщения (истидраж). Тем не менее, по мнению автора, не стоит отчаиваться. «Страх плохого конца является причиной спасения от плохого конца», – утверждает он. Пророк сказал: «Пусть не умирает никто из вас не иначе как с хорошим мнением об Аллахе». Человек должен находиться между страхом наказания и надеждой на милость. «Когда человек здоров, то в своем сердце он должен чувствовать страх, а при болезни – надежду».

Таково краткое описание этого произведения.

Несмотря на популярность личности Ташава-хаджи, его произведения тщательно оберегались и скрывались его последователями. Они наделялись особым сакральным смыслом, и их старались не показывать посторонним, не посвященным в это суфийское братство. Это касалось не только его произведений, рукописей, но также оружия и личных вещей шейха. Табуизации подверглось даже его имя. Так, например, кумыки, скрывая имя Ташава-хаджи, называли его «Уллу-Хаджи», а чеченцы – «Вокха-Хаджи», что значит «Великий хаджи».

Только недавно некоторые его произведения начали публиковаться небольшими тиражами, распространяемыми в основном среди его последователей. К примеру, в 2009 г. в г. Гудермес в типографии «Путь» им. А-Х. Кадырова было выпущено факсимильное издание «Умм ал-хисан». В 2010 г. на средства ректора исламского

университета имени имама Шафии М. Карачаева факсимильное издание этого же произведения было опубликовано уже в г. Махачкале. В 2011 году А. Харехановым и Д. Эльмурзаевым был осуществлен перевод «Умм ал-хисан» на чеченский язык.

Отсутствие свободного доступа к его произведениям привело к тому, что они до последнего времени не были введены в научный оборот. Так и произведение «Умм ал-хисан» до сих пор не становилось объектом научного изучения. В этой связи данная статья является одной из первых попыток научного описания и изучения творческого наследия Ташава-хаджи.

*Исследование осуществлено в рамках гранта РГНФ № 15-01-00389
«Критика салафизма в трудах дагестанских богословов XVII – начала XX вв.».*

Список литературы

1. Ханмурзаев И. И. Великий шейх Ташав-хаджи из Эндирея / Исламоведение, №1 (11), Махачкала: Издательство ДГУ, 2012.– 128 с.
2. Каталог арабских рукописей и старопечатных книг: коллекция Дийа'аддина Йусуф-хаджи ал-Курихи / А. Р. Шихсаидов, А. Р. Наврузов, З. Ш. Закарияев, Н. Г. Мамед-заде; отв. ред. А. Р. Шихсаидов. – М.: Восточная литература, 2011. – 192 с.

Khanmurzaev I. Sufi composition of Tashav-Hadji Al-Indiri (from Andirey) «Umm-Al-Hisan» / I. Khanmurzaev // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 184–193.

Tashav-hadji al-Indiri was the Sheikh of Naqshbandi and Qadiri tariqas, Naib of Shamil and one of the active figures of early period of the Caucasian War of the 19th century. In spite of he was the Sufi Sheikh, he was a supporter of jihad and took active part in liberating fight.

Tashav-hadji is the author of a number of poetic and prosaic works. Prosaic works were devoted generally to description of various provisions of Sufism practice in which mystical experiences of a Sufi had been described. One of his works is the comment «Mother of piety» («Umm al-Hisan») to work of the medieval Khalwati Sheikh Yusuf al-Muskuri «A child of meanings» («Tifl al-ma'an»).

The composition structurally consists of the preface and twenty four chapters.

In the first three Chapters it is told about necessity of return of a person to the true homeland which is considered as intimacy with Allah. Besides, it is told about stages, which the Holy Spirit passed through during his overthrow to the distant world. Among the questions considered in it the explanation of the Sufi's sense has also been given.

In the Chapter 4 a classification of knowledge, which shares on obvious and hidden, is considered. In the Chapter 5 a question of importance of repentance (tavb) and prompting (talkin) by the mentor of a zikr in a heart of murid is examined.

The Chapter 6 considers various versions of an origin of the word Sufism.

In the Chapter 7 the questions connected with execution of a zikr and its communication with the sacred places located in a person's body were brought up. It is also told here about five different types of murid. The

Chapter 8 explains the obligatory conditions that the murid needs to keep for full performance of a zikr.

In the 9th Ch. the question of two forms of contemplation of Allah is considered. The first form is a contemplation of attributes of Allah in this world by means of a mirror of the heart. And the second form is the direct contemplation of the beauty of Allah in the better world.

In the 10th Ch. the information about veils from the gloom and light covering soul of the person is given. The task of murid is to remove at first veils from a gloom, and then veils from light closing for him an access to light of divine essence.

**СУФИЙСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ШЕЙХА ТАШАВА-ХАДЖИ АЛ-ИНДИРИ
(ИЗ ЭНДИРЕЯ) «УММ АЛ-ХИСАН»**

In the 11th Ch. it is told about such categories as happiness and misfortune in human life. They are still determined in pre-eternity. However good temper, sincerity in worship, repentance of the sins and just affairs could change the ordered.

In the 12th Ch. it is told about the poor people in Sufism. The poor people mean as not the poor literally, and those who refused all secular things for the sake of Allah and whose are connected nothing in this world with.

The 13th Ch. is devoted to two types of ritual cleansing. The 14th Ch. is devoted to a ritual prayer (salat). The niceties connected with praying according to requirements of Sharia, and the requirement that are imposed to a ritual prayer in the Tariqa are considered in it.

In the 15th Ch. it is written about what is understood as clarification in the Tariqa (takharat). First of all, it is understood as cleansing of a mirror of the heart from human and animal features by way of pronunciation of the names of Allah. At the same time, an eye of the heart becomes able to see light proceeding from attributes of God.

In the 16th Ch. the question of obligatory alms (zakat) and the categories of people to whom these alms are intended is submitted for consideration.

Also in this Chapter there was risen a problem of obligatory alms in the Tariqa.

In the 18th Ch. the hadjj is considered from the point of view of Sharia and Tariqa.

The 19th Ch. contains data on spiritual and corporal ecstasy (vajd), there are explained a permissibility of the first and a forbiddingness of the second. The factors that can cause ecstasy are described.

The 20th Ch. is devoted to questions of a privacy (halvah) which murid has to perform.

In 21th Ch. it is told about tasks which murid being in a privacy has to practice. Among these tasks, there are different types of additional prayers, reading a zikr, etc.

In 22th Ch. is written about images in murid's dreams, the interpretation of these images is given.

The 23th Ch. is devoted to various groups in Sufism, there are 12 groups in it. One of them is the people of Sunnah (they are on the right way). The others are in delusion, they are bringing innovations into the religion. The author gives the characteristic of each of the eleven stray groups.

The final Chapter is devoted to explanation of the importance of the good end. Murid is not relieved of the bad end even in spite of the fact he can perform miracles.

Keywords: Tashav-hadji, Yusuf al-Muskuri, Sufism, zikr, Nakshbandiya, Qadiriyya, Khalwatiyya, «Umm al-Hisan», «Tifl al-ma'an», the Caucasian War.

УДК 82.09

ПОЭТИКА РОМАНА МУРАД-БЕЯ МИЗАНДЖИ «НОВЫЙ ИЛИ НОВИНКА?»

Муртазалиев А. М.

Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала, Россия

E-mail: ahmurt@mail.ru

В статье сделана попытка выявить особенности поэтики (композиционная организация, идея, тема, художественное содержание, образная система и пр.) романа известного турецкого просветителя Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?».

Ключевые слова: турецкая литература, художественная проза, Мурад-бей Мизанджи, роман «Новый или новинка?», эпоха Танзимата, жанр, образная система, герой.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из первых произведений, положивших начало качественно новому этапу развития жанра романа и всей художественной прозы в турецкой литературе в 90-х годах XIX века, является роман Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?» («*Turfandamı Yoksa Turfamı?*»)¹. В нём сочетаются структурные элементы автобиографического и социально-критического романов. В сюжетной основе произведения – личное представление, идеи и взгляды писателя о совершенном, идеальном исламском обществе под османским правлением. Автор не только поднимает глобальные проблемы переустройства всех сторон турецкого общества, особенно воспитания и образования народа, но и указывает пути их решения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Почти все исследователи, как турецкие, так и иностранные, обращавшиеся к сочинению Мурад-бея Мизанджи, делают упор именно на социальном характере его содержания. «Это и утопический, и указывающий путь роман. Особенно бросаются в глаза разделы, в которых показана эволюция взглядов Мансура, относительно положения империи и путей исправления этого положения. Проблемы своего времени автор романа анализирует атакующим языком, с точки зрения молодого человека, вернувшегося на родину» [4, с. 71]. «Это произведение с позиции образов и идей, заключенных в нём, поднимает самые острые социальные проблемы не только среди романов своей эпохи, но если посмотреть шире, то и во всей прозе эпохи Танзимата» [6, с. 8].

Такая социальная направленность, особенно характерная для первых турецких романов, была обусловлена тем, что их авторы, как правило, были людьми просветительских взглядов, активно занимавшими политическими и общественными проблемами, что, в свою очередь, не могло не отразиться на их творчестве.

---

¹ В статье анализ материала дается по изданию: Mehmed Murad. *Turfanda mi Yoksa Turfamı?* – İstanbul, 1980.

Как произведение острой социально-критической направленности роман «Новый или новинка?» обнаруживает интересную типологическую общность с произведениями других национальных литератур. В частности, с романами «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Пути праведных» персидского писателя Абдуррахима Талибова, «Арая» эфиопского писателя Гырмачоу Тэклэ Хавариата, где реализуются идеи социального переустройства общества, в котором они живут.

В предисловии «Особое мнение» к своему сочинению сам Мурад-бей Мизанджи так объясняет причины, подтолкнувшие его написать роман: «У нас очень легко дается название «роман». Пять, десять лет как у нас с большим удовольствием читаются описания пошлых любовных сцен под названием «народный роман», которые раньше и в руки не разрешали брать. На страницах газеты «Мизан» под рубрикой «Образцы для подражания нашей литературы» мы открыли критическую дискуссию. Ее цель – с одной стороны, показать вредность таких произведений, демонстрирующих перед иностранцами уровень нашего художественного вкуса, а с другой – сказать, что не всякий, кто, взяв в руки ручку, использовав вместо имен Лейла и Меджнун редко слышимые имена, написав рифмованными и изысканными выражениями любовные беседы или письма, может называться писателем.

Во время критики из почтеннейших уст можно было услышать слова: «Легко критиковать и возражать. Надо обладать мастерством, чтобы написать такой роман». И вот, чтобы показать тем, кто так утверждает, я взялся за этот роман. Я не претендую на написание совершенного литературного произведения. Но я взялся за перо с мыслью, чтобы на основе новых идей и образов, которые отсутствуют в романах, компенсировать недостатки хорошего произведения и представить на суд уважаемых читателей сочинение, действительно достойное звания «народный роман» [6, с. 7–8].

Написанная на османском языке книга «Новый или новинка?» впервые была издана в Стамбуле в 1890 году. Почти целый век сочинение Мурад-бея Мизанджи не переиздавалось. На протяжении этого времени творчество писателя и его сочинение упоминались лишь в редких литературных справочниках, в работах отдельных литературных критиков, специалистов по истории турецкой литературы. Например, в 30-х годах XX столетия турецкий историк и литературовед Ибрагим Неджми Дильмен в книге «Уроки истории литературы» дал роману «Новый или новинка?» следующую оценку: «Произведение обладает особым положением, которое может быть воспринято как единственное среди национальных произведений» [5, с. 190]. Современный исследователь турецкого романа Мустафа Миясоглу пишет: «Если бы в тот период младотурок Мизанджи Мурад и журналист Ахмед Мидхат не совершили бы ошибку, увидев в романе единственную форму подачи знаний и идей по темам, в которых, как они были уверены, нуждались народ и интеллигенция, то сегодня наш роман, конечно, мог бы развиваться абсолютно в другом направлении» [10, с. 91].

Примечательно, что сочинению Мурад-бея Мизанджи дана оценка и в трудах советских востоковедов. Так, исследователь турецкой литературы Л. О. Алькаева пишет: «Уже в первых романах и повестях, в которых действие происходит главным образом в Стамбуле (романы Намыка Кемалея «Приключение Али-бея» и Мурад-бея

«Это первые плоды или необходимость?» («Новый или новинка?»). – А. М.), повесть Ахмеда Мидхата «Эфлятун-бей и Рахим-эфенди») есть картины нравов жителей столицы, чувствуется дух времени» [1, с. 139–155].

До современного турецкого читателя роман Мурад-бея Мизанджи под названием «Мансур-бей» дошел лишь в 1972 году. Это было первое издание на современном турецком языке, подготовленное и осуществленное литературоведом М. Ертугрул Дюздагом [9]. В 1980 году книгу Мизанджи подготовил и издал известный литературовед, профессор Биrol Эмиль [7]. В 1999 году сочинение Мурад-бея Мизанджи вышло под редакцией Таджеттида Шимшека [10] и с тех регулярно переиздается в Турции под редакцией разных авторов, в том числе и на языке оригинала на основе латинской графики.

В романе Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?» описан жизненный путь молодого человека, турецкого интеллигента Мансура, начиная со дня его рождения и до самой смерти. Географические рамки жизнеописания героя достаточно широки: Алжир, Франция, Африка, Ливан, Сирия, Турция. Но в романе изображен лишь турецкий отрезок биографии Мансура. О других этапах его жизни и деятельности читатель узнает из авторских описаний, воспоминаний, писем, рассказов героев романа.

Целостная сюжетная структура романа «Новый или новинка?» складывается из множества относительно самостоятельных сюжетов. Они сплетены между собой не только движением авторской мысли, но и судьбой главного героя – Мансура. Развитие основного сюжета связано с историей духовного и нравственного формирования Мансура, с его активной социально-реформаторской деятельностью. В этом образе сконцентрирован главный идейный пафос сочинения. На протяжении всего романа от самого рождения и до последних дней жизни Мансура развивается жизненная драма. Предметом повествования является взгляд писателя на жизнь глазами главного героя. Другие образы в романе даны с точки зрения их связей с Мансуром. С этих позиций «Новый или новинка?» является романом, сочетающим два типа сюжета – хроникальный и концептуальный. Образ главного героя всегда находится на переднем плане повествования. При этом его характер не меняется, он остается постоянным. Меняются лишь окружение, место, время и персонажи.

Мансур – это идеальный, просвещенный человек, символ новой, будущей Турции, носитель, просветительских, реформаторских идей. «Герой романа, как правило, в той или иной степени идеолог» [2, с. 481]. Кипучая, не признающая никаких преград натура юноши отличается целеустремленностью. Личные качества главного героя проявляются во всех драматических ситуациях, в которых он оказывается на протяжении всего романа. Он обладает исключительно волевым и сильным характером, постоянно и упорно тренирует волю, закаляет себя, чтобы с честью выдержать трудности и испытания, выпавшие на его долю как социального и общественного реформатора. Личные интересы подчинены у него служению обществу и народу.

Прототипом главного героя романа является сам писатель. «Мансур своим характером, мировоззрением и окружением – это сам Мурад-бей с его идеями и характе-

ром» [3, с. 473]. Более того, и сам писатель не отрицал этого. Так, некоторые свои письма из Парижа, адресованные семье, он подписывал именем «Мансур» [11, с. 39].

Образная система романа «Новый или новинка?» представлена двумя группами персонажей: «новыми», символизирующими будущее Турции, и «новинками», представляющими ее сегодняшний день. К «новым», кроме самого Мансура, относятся также доктор Мехмед-эфенди, Зехра, Фатьма и Ахмед Шунуди. Это не оторванные от реальности романтики-мечтатели, а люди дела, борцы, нашедшие свое счастье в служении государству и народу. Они выступают в романе как воплощение человеческого достоинства, благородства, разумных нравственных представлений и жизненных правил. Их степень духовной зрелости, образования и воспитания, характер и идеи намного опережают свое время. Независимые, не мыслящие свою жизнь без труда, они, стремясь к личному счастью, хотят, чтобы все люди жили хорошо, чтобы их беззаветная, самоотверженная служба государству приносила счастье и процветание народу и стране.

Новое поколение не могло довольствоваться старыми жизненными нормами и понятиями. Всё традиционное, устоявшееся – от государственного строя в стране до житейских, бытовых обычаев и привычек, принимавшееся раньше без всякой критики, стало теперь осуждаться ими. С любовью изображает писатель новое поколение, самоотверженно служащее прогрессу и процветанию общества и государства.

Противоположный «новым» героям лагерь в романе представлен целым рядом персонажей, которых писатель назвал «новинками». Это шейх Салих-эфенди, Рашид, Эмине, Сабиха, Эмин-паша и др. Их образ жизни и деятельность олицетворяют консерватизм, косность, отсталость и бюрократизм государственного аппарата Турции, продажность и порочность в личных и семейных отношениях.

Картины и сцены из окружения Мансура служат раскрытию образа главного героя и являются важным структурообразующим элементом романа. Чтобы раскрыть характер главного героя, решить задачи, поставленные перед ним, писатель вводит его в различные социальные круги общества. Основные интриги в романе разворачиваются в доме дяди Мансура, шейха Салиха, где на фоне противоречивых, контрастных характеров и мировоззрений наиболее ярко проявляется образ Мансура. В то же время здесь читатель имеет возможность познакомиться с особенностями быта, традициями и обычаями, типичными для жизни османского дома второй половины XIX века.

Тема любви занимает значительную часть сюжета романа. По мнению Мурад-бея Мизанджи, любовь в будущем идеальном исламском обществе будет сочетать в себе и страсть, и восхищение красотой, и нравственную чистоту создающих свободный союз любящих друг друга людей. Хотя тема любви и не становится доминантой повествования, однако она обращает на себя внимание тем, что в ней показаны особенности характеров и поступки отдельных персонажей и выражена авторская оценка их.

Сколько разных характеров, столько и идей в романе. Противоположные взгляды в нём представлены так, чтобы придать мировоззрению главного героя большую конкретность, четкость, подтвердить ложность господствующего сознания эпохи и некоторых общественных тенденций.

В композиции романа главенствующую роль играет образ повествователя. Хотя писатель и излагает события, изображает героев, раскрывает их мысли и внутренний мир по отношению к Мансуру, повествование в романе ведется не от первого лица. Наряду с традиционным повествованием автор широко использует и такие приемы, как мемуары, дневник, переписка, самооценка, диалоги и внутренние монологи. Это дает возможность реалистично передавать характерные особенности представителей разных слоев общества.

Отличительной чертой романа является участие автора в оценке событий в качестве активного рассказчика. Его «рассказывание» встречается на каждой странице, и порою автор, не желая выпускать из виду своих героев, прямо вмешивается в их жизнь и происходящие вокруг них события, давая им оценки и характеристики, комментируя и оценивая их поведение и поступки.

Важным компонентом повествования в романе являются диалоги и монологи. Через них автор стремится выразить определенную идею или раскрыть характер того или иного героя. Таковыми являются, в частности, беседы между Фатьмой и Зехрой, Мансуром и Эмин-пашой или Ахмедом Шунуди. К внутренним монологам в романе часто прибегают Мансур и Зехра. В минуту размышлений, сомнений, принятия важных решений они обращаются к себе или к неведомому собеседнику, ища ответы на непростые вопросы или пытаясь найти выход из сложных жизненных ситуаций. Иногда в своих внутренних монологах герои дают оценку своим поступкам или поступкам и действиям других персонажей. Американский критик Берна Моран отмечает, что Мурад-бей Мизанджи, в отличие от других романистов эпохи Танзимата Реджаизаде Экрема, Шемседина Сами, Ахмеда Мидхата, Самипашазаде Сезаи и др., чаще прибегает к приему внутреннего монолога. По мнению критика, это не столько демонстрация способности Мансура к размышлению, сколько стремление писателя произвести на читателя определенное впечатление [12, с. 80].

Наряду с традиционным повествованием, диалогами и монологами автор использует и такую жанрообразующую форму, как дневник, который ведет Мансур.

Важными элементами поэтики произведения являются время и пространство в романе – хронотоп. В нём нет безвозвратного, прямолинейного течения времени. Здесь есть разрывы, скачки, движение назад и снова вперед. Время представлено в трех измерениях – в ретроспективном, настоящем и будущем. События происходят в «настоящем времени», основные персонажи также живут в «настоящем времени». Лишь Мансур в мыслях часто «возвращается» в прошлое. Периодические вспышки его памяти также показывают, что он живет в прошлом. Вторая глава романа «Возвращение в прошлое» целиком состоит из воспоминаний главного героя.

С категорией времени тесно связан другой важный компонент композиции – категория места. Изображение разных мест в романе показывает, что они схвачены писателем очень точно, ярко и предметно. Когда автор описывает улицу или дом, перед читателем предстает реальное, конкретное место, изображенное детально, в документальном стиле, словно на фотографии.

Стиль романа больше напоминает публицистический, нежели художественный. Именно публицистический настрой придает роману социальную остроту и обличительный характер. Писатель часто прибегает к использованию выражений, штампов, напоминающих официальный стиль эпохи Танзимата. Видимо, это можно объяснить тем, что Мурад-бей Мизанджи был больше журналистом и философом, нежели профессиональным писателем. Так как в романе доминируют мысли и движение, а не чувства и эмоции, некоторые его страницы мало отличаются от газетных или философских статей, написанных в форме диалога.

Эффективным композиционным средством в произведении выступает противопоставление персонажей друг другу, ожидаемого и реального, сегодняшнего и будущего. Можно сказать, что антитеза пронизывает весь его сюжет. Уже в самом названии романа «Новый или новинка?» содержится элемент противопоставления. На антитезе построены и названия некоторых глав романа: «Розы и шипы», «Прилив и отлив», образная система произведения («новые» и «новинки»), описание быта и деталей жизни героев, их характеры и внутренний мир.

В романе особо подчеркнута контрастность между представителями разных социальных и общественных слоев, их моральными ценностями и нравственными критериями. Автор стремится изобразить будущее турецкое общество, основанное на социально-экономических и культурно-нравственных ценностях ислама. Многие в этом представлении носят утопический характер, особенно то, что касается просвещенного, умного правителя, думающего и заботящегося о народе и государстве, прислушивающегося к голосу и советам, и в первую очередь национальной интеллигенции. Однако к концу повествования «новые» люди продолжают жить в мире, в котором господствуют старые порядки. Крушение этого мира писатель не показывает, а лишь предсказывает намеками, завуалированно. При всей своей мажорности, вере в исполнимость надежд на скорое обновление жизни роман Мурад-бея Мизанджи построен на реалистических принципах. Он целиком обращен к теме преобразования, реформирования османского общества второй половины XIX века, социального и духовного раскрепощения и нравственного совершенствования всех его слоев.

Список литературы

1. Алькаева Л. О. Стамбул в турецкой художественной литературе // Турецкий сборник. – М.: ИВЛ, 1958. – С. 139–155.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 481.
3. Emil B. Mizancı Murad Bey. Hayatı ve Eserleri. – İstanbul, 1967. – S. 473.
4. Finn R. P. Türk Romanı (İlk Dönem 1872–1900). – İstanbul, 1978. – S. 71.
5. Kafı K. Şimali Kafkasya. – İstanbul, 1942. – S. 190.
6. Mehmed Murad. Turfanda mı Yoksa Turfa mı? – İstanbul, 1980. – S. 8.
7. Mehmet Murat. Mansur bey. – İstanbul: Enderun Yayınları, 1972.
8. Miyasoğlu M. Roman Düşüncesi ve Türk Romanı. – İstanbul, 1998. – S. 91.
9. Mizancı M. M. Turfanda mı Yoksa Turfa mı? – Ankara: AkcagYayinlari, 1999.
10. Mizancı M. Meskenet Mazeret Teşkil Eder mi? – İstanbul, 1911. – S. 39.
11. Moran B. Türk Romanında Eleştirel Bir Bakış. Cilt I. İstanbul, 2002. S.80.

Murtazaliyev A. M. Poetics Novel Murat Bey Mizandzhi «New or new?» / A. M. Murtazaliyev // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 194–200.

One of the first works that marked the beginning of a qualitatively new stage of development of the genre of the novel and the whole art of prose in Turkish literature in the 90-ies of the XIX century is a novel by Murad Bey Misandzhy «New or something new?» («Turfanda mı Yoksa Turfa mı?»).

Almost all scholars, both Turkish and foreign, analyzing the novel by Murad Bey Misandzhy, emphasized the social nature of its content.

Written in the Ottoman Turkish language the book «New or something new?» was first published in İstanbul in 1890. In the novel Murad Bey Misandzhy describes the life of a young man, a Turkish intellectual Mansour, starting from the day of his birth until his death.

The holistic plot structure of the novel «New or something new?» is composed of many relatively independent stories. They are connected together not only by the author's movement of thought, but also the fate of the protagonist – Mansur.

The prototype of the hero of the novel is the writer himself.

The imagery system of the novel «New or something new?» presented by two groups of characters: «new», symbolizing the future of Turkey and «something new», representing her today.

An important components of the narration in the novel are the dialogues and monologues. Through them the author expresses a certain idea or to reveal the character of a hero.

In the novel the author emphasizes the contrast between the representatives of different social strata, their moral values and moral standards. The author seeks to portray the future of Turkish society, based on socio-economic and cultural-moral values of Islam.

Keywords: Turkish literature, fiction, Murad Bey Mizandzhi, novel «New or a novelty?», Tanzimat epoch, genre, imaging system, hero.

ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ КРЫМА

УДК 811.512.19'28

ГОТЫ В КРЫМУ И ИХ УЧАСТИЕ В ЭТНОГЕНЕЗЕ КРЫМСКИХ ТАТАР¹

**Меметов А.
Меметов И. А.**

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь*

E-mail: aydem44@mail.ru

E-mail: isken25@mail.ru

В статье исследуется появление готов на исторической арене, а затем расселение их в Европе, в том числе и в Крыму. На основе изучения этнотермина «гот», названий готских родов Амалы и Балты, а также последних археологических данных высказывается мнение о принадлежности готов не к германским, а к тюркским племенам. Часть готов, осевших в Крыму, приняла участие в этногенезе крымских татар, что подтверждается этнографическими и другими данными.

Ключевые слова: готы, германцы, скифы, Скифия, Готия, восточные готы, западные готы, Амалы, Балты.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В имеющихся исследованиях по Крыму до сих пор нет научного объяснения, на каких (или каком) языках говорили многочисленные таврские, киммерийские, скифские, сарматские, готские и другие племена и народы, которые обитали в Тавриде с древнейших времен, и куда они делись. Наивно полагать, что все древнее население Крыма куда-то бесследно исчезло.

Методика исследования представляет собой комплексный подход, сочетающий культурно-исторический и структурные подходы, а также сравнительный и сопоставительный методы, которые позволяют на основе исследования этнонимов определить принадлежность готов к тем или иным языковым группам.

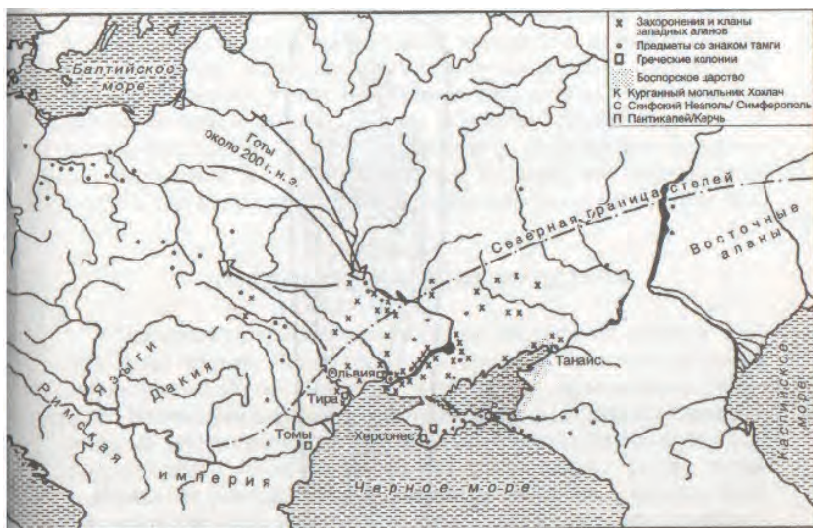
---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 15-34-10116 «Электронный словарь диалектов крымскотатарского языка».

Цель исследования – выявить ареалы распространения древних готских племен, их исторические взаимоотношения с окружающими народами, а также определить их этническую и языковую принадлежность.

Скифо-сарматское государство в Крыму просуществовало до второй половины III в. н. э. и было уничтожено готами, которые появились в Восточной Европе приблизительно в начале новой эры.

Историк VI века Иордан, по происхождению гот, пишет: «С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза» [6, с. 66]. Готискандза (Gutiskandja) в переводе означает «Готский берег».

Позднесарматский период (середина I – IV вв.) в Юго-Восточной Европе. На карте показано наступление готов и распространение родовых знаков (тамги) в Польше в III веке [14, с. 127, рис. 50].

Во времена правления короля Филимера (пятого правителя после Берига) войско готов вместе с семьями двинулось в поисках лучших земель и более подходящих мест для проживания. Так они пришли в земли Скифии, которые на их языке назывались *Ойум*. Это название, возможно, этимологизируется на тюркской основе. Оно, по-видимому, состоит из двух компонентов: первая часть *ой* < *уй* означает «дом», «местность», «территория + вторая часть – *ум* – притяжательный суффикс 1 лица единственного числа. *Ойум* < *уйум* означает «мой дом», «моя территория», «моя местность (с впадинами и углублениями)». Иордан переводил *Ойум* как «желанная земля» («ortatumsolum»), имея в виду, вероятно, греческую Гилею на левом берегу Днепра и его лимана.

С конца II века готы начали продвижение на юг и юго-запад к границам Римской империи, которую достигли в III в., а также в район Меотийского болота (Азовского моря). На территории Скифии в III в. готы разделились на две независимые друг от друга группы – восточные (остроготы) и западные (везиготы). Восточные готы поселились на Днепре, а западные – между Днестром и устьем Дуная. Остроготы служили роду преславных Амалов, а везиготы – роду Балтов. Названия готских родов Амалы и Балты этимологизируются на тюркской языковой основе. В древнетюркском языке слов *amal* (<*amıl*) означает «спокойный», «тихий». Значение названия второго рода Иордан объясняет следующим образом: «Род этот некогда благодаря отваге и доблести получил среди своих имя Балты, т. е. отважные...» [6, с. 89]. В тюркских языках слово *балта* имеет значение «топор». Здесь имеется в виду тот самый боевой ладьевидный топор, которым в древности были вооружены скифские и готские воины. Отвага готских племен ассоциировалась с этим боевым оружием. Очевидно, слово *балта* использовано в переносном значении «отважный», «доблестный», «храбрый», «воинственный». Следовательно, название первого рода готов означает «спокойный», «миролюбивый», а второго – «доблестный», «воинственный».

Восточных готов возглавлял король Филимер. Его владения были расположены в Скифии на побережье Меотиды. Западными готами правил Залмоксес, территории которого находились на Дунае – в Дакии (иногда ему подчинялись Фракия и Мёзия).

Часть готов ушла в Таврику, где они покорили родственников им скифов, а затем одержали победу и над Боспорским царством. От них позднее отделились готы-трапезиты (тетракситы Прокопия), которые переправились на Таманский полуостров.

Завладев (по некоторым данным, арендовав) боспорским флотом, готы совершают морские походы через Боспор на причерноморские города и римские провинции в Малой Азии. Ссылаясь на древние исторические источники, Н. М. Карамзин сообщает, что готы разорили и ограбили многие «...города цветущие в Вифинии, Галатии, Каппадокии и славный храм Дианы в Ефесе, а в Европе опустошили Фракию, Македонию и Грецию до Мореи... Ужасные свирепостью и мужеством, Готфы основали сильную Империю, которая разделялась на Восточную и Западную, и в IV столетии, при царе их Эрманарихе, заключала в себе немалую часть России Европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского» [7, с. 37].

Первый поход готов через Боспор на крепость Питиунт, расположенный на восточном побережье Черного моря, в 255 году закончился неудачно. Через год готы повторили свой поход на эту же крепость и другие города Восточного Причерноморья. По сообщению историков (Зосим и др.), варвары захватили бесчисленное множество сокровищ и пленных.

В то же самое время западные готы вместе с родственными племенами совершали набеги на Римскую империю со стороны Балкан. В 255 году готы захватили Дакию, Фракию и Мёзию. Но императору Клавдию II удалось разгромить готов и их союзников бастарнов. Его преемник Аврелиан также сумел одержать ряд побед над готами. В результате этих побед Фракия и Мёзия были возвращены в лоно империи, однако Дакию всё же пришлось уступить готам.

В 264 году н. э. готам удалось захватить и разграбить римские провинции Каппадокию и Вифинию; первая была расположена у восточного побережья Мраморного моря, а вторая – в глубине Малоазийского полуострова [16, с. 222].

Историки сообщают, что в 268 году произошел один из крупнейших совместных походов восточных и западных готов вместе с родственными им скифскими (тюркскими) племенами против империи. Местом сбора было выбрано устье р. Тир (Днестр). Готы, жившие около Меотиды в Приазовье и Таврике, двигались к месту сбора двумя путями: часть из них, по сообщению Аммиана Марцеллина, на 2000 кораблях приплыла из Меотиды вдоль берегов Крыма, другие двигались сухопутным путем через североприморские степи. Встретившись в назначенном месте и соединившись с остальными участниками похода, они напали на римские провинции, расположенные в Западном Причерноморье. Поход принес готам и их союзникам богатую добычу, а списки разоренных и ограбленных городов насчитывали десятки наименований [16, с. 222].

В конце III века отношения готов с империей становятся более дружелюбными; они стали выступать в качестве федератов. В 90-х годах III века Максимин использовал войско готов в войне против персов. Однако мирные взаимоотношения готов с империей по тем или иным причинам часто прерывались и переходили во враждебные. В 315 году Константин уже воюет на Дунае против готов и укрепляет Дунайскую границу. В 322 году Константин снова наносит поражение готам, которые пытались захватить земли сарматов между Тисой и Дунаем. После этого поражения готы вновь признали себя вассалами. Между ними был заключен договор, в соответствии с которым готы стали получать ежегодно от римского правительства продовольствие и деньги взамен на предоставление вспомогательных войск и несение сторожевой службы на Дунае [12, с. 529–530].

До сих пор остается невыясненным вопрос о количестве и местах расселения готов в Крыму. Можно предположить, что они осели в юго-западной части полуострова и на южном побережье Крыма, так как некоторые авторы эти районы называли Готией.

Готы поклонялись богу войны Марсу и приносили ему в жертву пленных, как и скифы. Иордан писал: «...полагая, что возглавителя войн пристойно умилостивлять пролитием человеческой крови. Ему посвящалась первая добыча, в его честь подвешивали на стволах деревьев трофеи. Готы более, чем другие, проникнуты были религиозным к нему горением...» [6, с. 69].

В первые века н. э. в Крыму среди жителей юго-восточного и южного побережья (в основном среди греческих колонизаторов) распространяется христианство. В IV веке н. э. в Крыму создаются две епархии – боспорская и херсонская. Кадр, епископ Боспора, на первом вселенском соборе в Константинополе в 325 году подписал соборные определения. Среди отцов второго вселенского собора 381 года есть уже и подпись херсонского епископа Эферия. Третья – готская – епархия в Тавриде появилась также в IV веке. Первым ее представителем был Унила, принявший сан от патриарха Константинопольского св. Иоанна Златоуста. Церковные историки Созомен

и Филосторгий свидетельствуют о том, что христианство было занесено к таврическим готам пленниками из Каппадокии, которых они захватили во время морских походов во второй половине III века. Святой Василий Великий называет имя одного из этих проповедников – Евтих [9, с. 131–132].

Исследователи, основываясь на тесных взаимоотношениях таврических готов с Иоанном Златоустом, пришли к мнению, что готы Крыма были православными, тогда как основная масса их племен на Дунае исповедовала арианство. Ю. Кулаковский пишет: «Общение с туземным (греческим. – А. М.) населением боспорского царства могло также оказать воздействие в том же направлении, и таврические готы были и остались православными. Они обособились от главной массы племен под влиянием события мирового значения – появления нового народа на арене европейской истории, вторжения гуннов» [9, с. 131–132].

При описании этнической принадлежности готов мнения исследователей разделились: одни ученые относят готов к восточным германским племенам, другие – к скифским, т. е. тюркским.

Германская концепция этнического происхождения готов базируется на изучении письменных памятников, обнаруженных с XVII по XX века на неизвестном до этого языке.

Ю. Н. Дроздов, детально описывая готские памятники, условно делит их на три группы: «К первой группе относятся все переводы Библии, комментарии к Евангелию, словосочетания, глоссы, отдельные слова в двух латинских купчих. Ко второй группе памятников относятся отрывки календаря, сохранившиеся в рукописи Амброзианского кодекса, а к третьей группе – рунические надписи на кольце из Пьетроассы и на острие копья, найденного в районе Ковеля» [5, с. 57–58].

Подробно изучив все имеющиеся сведения о письменных исторических памятниках, Ю. Н. Дроздов приходит к следующему выводу: «Таким образом, упомянутые выше письменные памятники, сами по себе, не содержат никаких признаков, на основании которых их можно было бы считать принадлежащими готам и, на этом основании, считать готов германоязычным (Deutsch) народом. Но вот выводы лингвистов о том, что язык упомянутых письменных памятников имеет явное сходство с современными языками германской группы, сомнений не вызывает. Правда, современные историки этот язык к древнегерманскому не причисляют. Считается, что это был какой-то самостоятельный язык германоязычной группы» [5, с. 59].

Следовательно, можно предположить, что готы этнически не были германцами, но говорили на этнодиалекте германского языка. Точно так же современные болгары этнически (исторически) являются булгарами, т. е. тюрками, а говорят на славянском языке. Приведем еще примеры: евреи, проживающие в Европе, этнически являются семитами, но говорят на языке идиш, который относится к романо-германской семье языков. Караимы и крымчаки, проживающие в Крыму, этнически также являются семитами, однако на протяжении нескольких столетий они говорили и писали на этнодиалекте крымскотатарского языка. Урумы (греки по происхождению) полностью утратили свой родной греческий язык и считают своим родным языком этнодиалект

крымскотатарского языка. Подобных примеров, когда один народ или его часть по тем или иным причинам переходит на другой язык, забывая свой этнически родной, в истории встречается немало.

Скифское (тюркское) происхождение этнонима «гот» Ю. Н. Дроздов объясняет следующим образом: «Слово *goth* («гот») – это явно латинская транскрипция многозначного тюркскоязычного слова «кот», которое в переводе означает «дух, душа» в мифическом значении этого слова... Это название могло характеризовать какое-то духовно-нравственное понятие и изначально этнотермином не было. Судя по всему, оно обозначало определенную религиозную приверженность данной группы скифских племен. Не исключено, что такой религией могло быть раннее христианство...» [5, с. 61].

Мы не можем согласиться с подобным объяснением данного этнотермина. Во-первых, о готах было известно уже в начале нашего столетия, когда они находились еще далеко от центра распространения христианской религии. Во-вторых, слово «гот», возможно, с самого начала было этнотермином, который возник во внутрискифской среде: «Патрикий Троян в своей истории говорит, что скифы на местном наречии называются готами» [17, с. 79].

Вероятно, скифы «готами» называли ту часть своих соплеменников, которые отошли от них и переселились на новые места проживания во времена правления их короля Филимера. Об этом, вероятно, свидетельствует само значение данного этнонима. В древнетюркском (скифском) языке слово *got* означает «оставлять», «покидать» [4, с. 461]. Следовательно, скифы могли назвать готами ту часть своих родственных племён, которые «оставили», «покинули» их в поисках лучшей доли.

О принадлежности готов к скифскому племени имеются многочисленные свидетельства античных и средневековых авторов.

Первые сведения о происхождении готов мы находим у еврейского писателя Иосифа Флавия (род. в 37 г. в Иерусалиме – ум. в 95 г. в Риме), писавшего на греческом языке. Он считал готов скифскими племенами, о чем пишет Иордан: «...однако Иосиф, правдивейший рассказчик анналов, который повсюду блюдет правило истины и раскрывает происхождение вещей от самого их начала, опустил, неведомо почему, сказанное нами о началах племени готов. Упомянув лишь только о корнях их от Магога, он уверяет, что зовутся они **скифами** и по **племени**, и по **имени**» [6, с. 66].

Греческий историк III века Дексип, бывший одним из организаторов защиты Афин от готов в 267 г., писал: «Скифами называют готов» [12, с. 530].

Убедительную информацию о скифском происхождении готов собрал и опубликовал Ю. Н. Дроздов в своей книге «Тюркскоязычный период европейской истории». В ней он приводит сообщения Афанасия Публия: «Скифы, названные готами, большой массой переправившись при Деции через реку Истр, подвергли опустошению подвластную римлянам страну...» [1, с. 308].

Один из авторов сборника жизнеописаний римских императоров Юрий Капитолин в конце IV – начале V вв. писал: «Когда Валериан был в плену и большая часть галлов в осаде... и Эмилиан занимал Египет, **готы** или **скифы** (выделено мною. – А. М.),

имя которых, как (Gothisive Scythae, quodnomen, ut) сказано выше, придано готам...» [3, с. 261].

Филосторгий в IV веке н. э. также указывал на скифское происхождение готов: «Ко всему этому присоединился Трибигильд, родом скиф из так называемых ныне готов...» [2, с. 280]. И ещё: «Филосторгий говорит, что около того времени Урфила из живших за Истром скифов (которых древние называли гетами, а наши современники называют готами) переселил на римскую землю большое количество людей, изгнанных с родины за благочестие» [2, с. 280].

Идею о родственности готов и скифов подтверждает и Прокопий из Кесарии: «По ту сторону Меотийского Болота и его впадения в Евксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времен так называемые готы-тетракситы, о которых только что упоминал; значительно в стороне от них осели готы-визиготы, вандалы и все остальные племена готов. **В прежние времена они назывались также скифами** (выделено нами. – А. М.), так как все те племена, которые занимали эти места, назывались общим именем скифов; некоторые из них назывались савроматами, меланхленами («чернонакидочниками») или каким-либо другим именем» [13, с. 386].

Следовательно, из представленных сообщений различных античных авторов становится понятным, что готы являются одним из скифских племен, к которым относятся так же готы-тетракситы и везиготы. Наряду с готскими племенами, к скифам относятся также савроматы, меланхлены и вандалы.

О родстве скифов и готов сообщали и российские авторы. Так, В. Н. Татищев писал: «Шведские же писатели сами готфов (готов) от европейских скифов, т. е. от сармат производят...» [15, с. 243]. Русский историк XVII в. Андрей Лызлов писал: «половцы же и печенеги быше народ военный и мужественный, изшедший из народа готфов и цимбров (готов и киммерийцев. – А. М.)...» [10, с. 19]. Таким образом, из приведенных отрывков становится ясным, что готы произошли от скифов и сармат, а от готов произошли печенеги и половцы. Следовательно, они говорили на ранних этапах своего существования только на скифском, т. е. древнетюркском языке. После разделения готов на две большие группы одна группа переместилась на запад и стала контактировать с германскими племенами. В результате различных взаимосвязей (военных, культурных, торговых и других) западных готов с германцами часть из них перешла на этнодиалект германских языков, о чем свидетельствуют сохранившиеся письменные памятники. Следует обратить особое внимание на то, что исследователи язык западных готов к древнегерманскому не причисляют, а считают его каким-то самостоятельным языком восточной германоязычной группы.

Господство готов в Крыму продолжалось сравнительно недолго. Под мощным натиском гуннов в IV веке они были вынуждены уйти в гористые и другие труднодоступные места Крыма, где постепенно ассимилировались с потомками тавро-скифов и сармато-аланов. Затем в горном Крыму готы приняли участие в этногенезе крымскотатарского народа, что подтверждается этнографическими и другими данными.

К историческим памятникам готского периода относятся, по мнению исследователей, т. н. «пещерные города», расположенные в Бахчисарайском районе и в окрест-

ностях Севастополя, на малодоступных скалистых склонах. Основало их аборигенное население, образовавшееся в результате ассимиляции тавров, скифов, аланов и готов [8, с. 15].

ВЫВОДЫ

Население Крыма до вторжения гуннов представляло собой сложный этнический состав, в который входили потомки тюркоязычных киммерийцев, скифов, тавров, сармат, аланов, саков, готов, а также греков и римлян. Бесспорным является и тот факт, что между ними происходил интенсивный процесс смешения, о чем косвенно свидетельствуют встречающиеся в античных источниках термины «тавро-скифы», «скифо-тавры», «сармато-аланы», а также археологические находки, в которых своеобразно переплетаются черты древнегреческой художественной культуры с культурой местного населения Крыма [11, с. 8–9].

Список литературы

1. Вестник древней истории. 1948, № 1.
2. Вестник древней истории. 1948, № 3.
3. Вестник древней истории. 1949, № 3.
4. Древнетюркский словарь, Ленинград. 1969. – 676 с.
5. Дроздов Ю. Н. Тюркоязычный период европейской истории / Ю. Н. Дроздов. – М., 2011. – 599 с.
6. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Иордан. – М., 1960. – 436 с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М., 1989, т. 1. – 638 с.
8. Крикун Е. Архитектурные памятники Крыма / Е. Крикун. – Симферополь, 1977. – 56 с.
9. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды / Ю. Кулаковский. – Киев, 2002. – 224 с.
10. Лызлов А. И. Скифская история / А. И. Лызлов. – М., 1990. – 519 с.
11. Меметов А. Крымские татары. Историко-лингвистический очерк / А. Меметов. – Симферополь, 1993. – 54 с.
12. Патриарх Фотий. История церкви Филосторгия / Фотий Патриарх. – М., 1998. (Впервые на русском языке сочинение Филосторгия «Сокращение Церковной истории» было опубликовано в 1854 году в Санкт-Петербурге.)
13. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Прокопий из Кесарии. – М., 1950. – 516 с.
14. Сулимирский Т. Сарматы. (Древний народ юга России) / Т. Сулимирский. – М., 2008. 191 с.
15. Татищев В. Н. История российская / В. Н. Татищев. – М.-Л., 1962, т. I. – 224 с.
16. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма / И. Н. Храпунов. – Симферополь, 2007. – 270 с.
17. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения / И. С. Чичуров. – М., 1980. – 214 с.

Memetov A., Memetov I. A. The goths in the crimea and their involvement in the ethnogenesis of crimean tatars / A. Memetov, I. A. Memetov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 201–208.

The article investigates the emergence of Goths on the historical scene, and their further settling in Europe, including Crimea. On the basis of learning the ethnical term Goth, names of Gothic tribes of Amal and Balta, as well as recent archaeological evidence there is a suggestion concerning the fact that Goths refer not to the German but Turkic tribes. A particular amount of Goths settled in the Crimea took part in the ethnogenesis of Crimean Tatars that has some ethnographic and other evidences.

Keywords: Goths, Germans, Scyths, Scythia, Gothia, eastern Goths, western Goths, Amals, Balts.

УДК 94(47).08:316.343.34(=512.145)

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ¹

Хайрединова З. З.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Таврическая академия (структурное подразделение), философский факультет,
кафедра культурологии и религиоведения, hzarema@gmail.com*

Исследование малоизученных аспектов инкорпорации мусульманского населения Крыма в сословную структуру Российской империи является сегодня актуальной и требующей особого внимания темой. Важную роль в изучении данной проблемы играют архивные документы, помогающие рассмотреть взаимоотношения правительства и местного мусульманского населения в начальный период включения Крыма в орбиту Российской империи. Материалы, касающиеся формирования, положения и статистики крымскотатарского купечества в рассматриваемый период хранятся в Государственном архиве Республики Крым (г. Симферополь) и Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург). В статье рассматривается статистика и распределение по городам и уездам Таврической губернии крымскотатарского купечества в конце XVIII – начале XIX вв.

Ключевые слова: крымскотатарское купечество, Государственный архив Республики Крым, Российский государственный исторический архив, сословия, Российская империя, крымские татары.

ВВЕДЕНИЕ

В истории крымскотатарского народа еще много неисследованных тем. Среди них особое место занимает положение крымских татар после присоединения Крыма к России в 1783 году и интеграция их в сословную структуру Российской империи. Совершенно неисследованным остается вопрос о формировании крымскотатарского купечества, их численности и положения в крымском обществе.

Известно, что купечество являлось привилегированным сословием в России, после дворянства и духовенства. О месте купечества в сословной структуре российского общества и эволюции социально-правового статуса купечества России в XVIII – начале XIX вв. можно познакомиться в работах Ю. В. Глазова [1, 2].

Целью исследования является анализ фондов Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь) и Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), в которых хранятся материалы, касающиеся истории крымскотатарского купечества конца XVIII – начала XIX вв.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Итак, сословные права и привилегии купечества законодательно были утверждены в 1785 году в «Жалованной грамоте городам» [3]. В законе утверждалось понятие о гильдиях и «гильдейских выгодах вообще». В пункте 92 читаем: «дозволяется вся-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

кому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, ... кто за собой объявит капитал выше 1 тыс. рублей до 50 тыс. рублей, записаться в гильдии». Кроме того, оговаривалась процедура включения и исключения из гильдии. Так, например, в первую гильдию включались те, кто объявлял капитал выше 10 тыс. рублей и до 50 тыс. рублей. Купцам первой гильдии «не запрещалось иметь или заводить фабрики, заводы и морские всякие суда» и «дозволяется ездить по городу в карете парою».

Во вторую гильдию могли быть вписаны купцы, объявившие капитал выше 5 тыс. рублей и до 10 тыс. рублей. Купцам второй гильдии «не запрещалось иметь или заводить фабрики, заводы и речные всякие суда» и «дозволяется ездить по городу в коляске парою». Купцы первой и второй гильдии освобождались от телесного наказания.

В третью гильдию могли быть вписаны те, кто объявлял капитал выше 1 тыс. рублей и до 5 тыс. рублей. Им позволялось иметь «трактиры, торговые бани и постоянные дворы для проезжих и прохожих людей». Запрещалось по городу ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади.

Таким образом, «Жалованная грамота городам» явилась очередной ступенью утверждения прав и обязанностей купечества Российской империи.

Следующим важным документом стал манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий», принятый 1 января 1807 года [4].

Сведения, касающиеся купечества Таврической губернии, нашли отражение в фондах Государственного архива Республики Крым. Среди них можно представить, в первую очередь, фонд Канцелярии Таврического губернатора (Ф. 26), фонды городских дум [например, фонд Симферопольской городской думы (Ф. 183) или фонд Евпаторийской городской думы (Ф. 518)], фонды городских мещанских управ – таких, как, например, фонд Карасубазарской городской мещанской управы (Ф. 177) или фонд Бахчисарайской городской мещанской управы (Ф. 55). Однако наиболее полные и интересные сведения, касающиеся крымского купечества, сберегаются в фондах Таврической областной казенной палаты (Ф. 792) и в фонде Канцелярии Таврического губернатора (Ф. 26).

Так, в фонде Таврической областной казенной палаты сберегаются «Ведомости экспедиций экономии, ревизии душ, областного казначая, советника таможенных дел и таможенных застав о государственных доходах и расходах по Таврической губернии. Имеются сведения о количестве населения по сословиям» [5].

В Таврическую казенную палату от экспедиции ревизии душ 15 сентября 1792 года за № 2715 были представлены 6 ведомостей, две из которых касались купцов Таврической губернии [6]. Вторая ведомость – о купцах по гильдиям, начиная с 1788 года по 1792 год, четвертая – более подробная о состоящих на 1792 год с капиталами купцов и сколько с них следует в казну процентных денег. Нас в данном случае интересует соотношение крымскотатарского купечества к общему количеству купцов в Таврической губернии.

Так, на 1792 год среди крымских татар не было купцов 1-й и 2-й гильдий. Всего по городам Таврической губернии купцов 1-й гильдии насчитывалось 5 (3 грека и 2

еврея), купцов 2-й гильдии было 18 (11 греков, 3 армянина, 3 еврея, 1 русский). Купцов 3-й гильдии было 431 человек, среди них 117 – крымские татары, что составило 27,1% от общего числа купцов данной гильдии [7].

В 1796 году по результатам 5-й ревизии была представлена выписка экспедиции о числе купцов, мещан и помещичьих крестьян в Таврической губернии [8]. Как и 4 года назад, купцов 1-й и 2-й гильдий среди крымских татар не было. В данной ведомости крымские татары представлены только в 3-й гильдии. Так, в Симферополе – 4, в Бахчисарае – 141, Карасубазаре – 17, в Евпатории – 44 и в Перекопе – 87. Таким образом, крымских татар купцов в Таврической губернии на 1796 год уже насчитывалось 293. За четыре года количество купцов крымских татар увеличилось на 176 человек.

Купцов 1-й гильдии в 1796 году было 15 (12 евреев-караимов, 1 грек и 2 армянина), купцов 2-й гильдии – 32 (15 католиков?, 11 евреев-караимов, 2 русских, 4 грека). Среди купцов 1-й и 2-й гильдий крымских татар, как мы видим, не было. Купцов 3-й гильдии насчитывалось 1149, среди них 293 – купцы крымские татары. В процентном отношении купцы крымские татары составили 25,5 % от общего числа купцов 3-й гильдии.

Таким образом, можно утверждать, что количество крымских татар купцов 3-й гильдии за четыре года с 1792 по 1796 увеличилось в 2,5 раза – с 117 до 293 человек. Очевидно, уже разобравшись в новом законодательном поле, крымские татары смогли включиться в 3-ю купеческую гильдию, однако, как видно из документов, купцов 1-й и 2-й гильдий среди крымских татар к 1796 году так и не было.

20 сентября 1819 года за № 308 на имя Таврического гражданского губернатора Николая Ивановича Перовского поступило письмо из Департамента мануфактур и внутренней торговли с требованием представить сведения «о торговых домах или о каждом составившемся для торговли товариществе во всей подробности» [9].

Уже через месяц из городов и уездов Таврической губернии стали поступать сведения о купцах. Так, например, в рапорте бургомистра Керчь-Еникальского городского магистрата за № 536 от 28 октября 1819 года на имя Таврического губернатора Н. И. Перовского сообщается, что «по городу Керчь-Ениколю купцов всех трех гильдий, равно и иностранных гостей вовсе не имеется» [10].

Так как нас в данном исследовании интересует именно крымскотатарское купечество, то в отчетах городских ратуш Севастополя и Старого Крыма таковых не значилось.

В деле представлены довольно полные отчеты по городам Симферополу, Бахчисараю, Евпатории, Перекопу.

Так, в рапорте Симферопольского городского магистрата за № 126 от 26 февраля 1820 года в списке купцов за 1819 год представлены и крымские татары с указанием их семей и видов торговли. Все они купцы 3-й гильдии: Меметча Адильша-оглу с женой Хатидже и дочерью Габиге; Хаджи Джелиль Бай Юсуф-оглу с женой Бей Нифе (у них два сына Гафар и Бекир, дочь Алиме); Хаджи Азамат Сейдамет-оглу с женой Гулемган (у них пять сыновей Курт Умер, Осман, Хантемир, Селямет, Муслим и

Кемал, дочь Зильха); Гаджи Абдулкерим Али-оглу с женой Айше (у них сыновья Чебар и Азимий), кроме того его братья Сейды с сыном Бекиром и Усеин с сыновьями Зиядином и Муедином. Все они торговали красными товарами и разной мелочью. Таким образом, в списке по городу Симферополю значилось крымских татар 4 купца 3-й гильдии [11].

В рапорте Бахчисарайской городской ратуши за № 590 от 5 ноября 1819 года представлены следующие сведения. Купцы крымские татары 3-й гильдии: Адбураим Челеби (у него две жены и два сына) торговал шелковыми и бумажными товарами. Вдова Сайде (у нее четыре сына) торговала также шелковыми и бумажными товарами. Купец Сеит Мегмет с женой и тремя сыновьями торговлей «не занимается, а имеет недвижимое имение». Мемет Хаджи Магмут-оглу (у него жена и два сына) и Хаджи Асан мулла Омер (у него жена и сын) торговали бумажными товарами. Купец Мулла Самедин (с женой и 4 сыновьями) торговал бакалеей, железными и бумажными товарами. Итого в списке значится крымских татар 15 купцов 3-й гильдии [12].

Список купцов города Евпатории за 1819 год представлен в рапорте евпаторийской городской ратуши за № 794 от 29 октября того же года. В списке значится крымских татар 8 купцов 3-й гильдии. Купец Эмир Али Челеби с женой торгует «на месте покупки и продажи пшеницы», шерстью и частью мелочным товаром. Мулла Магмут Омер Эфенди-оглу с женой и тремя сыновьями торгом не занимался. Мулла Мустафа торгует на месте лавочными россыпными товарами. Арслан бек Рамазан-оглу (у него жена и семь сыновей) «занимается большею частью хозяйством» [13].

В рапорте Перекопского городского магистрата за № 580 от 1 ноября 1819 года значится 3 купца крымских татарина 3-й гильдии. Амет Мустафа с женой (у них три сына и четыре дочери), Мамут Адаманов с женой и двумя сыновьями, Мемет Челеби с женой, сыном, невесткой и внуком. Все 3 купца торговали рогатым скотом и лошадьми [14].

Таким образом, из документа видно, что купцов крымских татар 1-й и 2-й гильдий в 1819 году не значилось.

В письме Таврического губернатора за № 871 от 15 марта 1820 года на имя управляющего Министерством внутренних дел были представлены следующие сведения. Всего купцов 1-й и 2-й гильдий было показано 11, но крымских татар среди них не было. Купцов 3-й гильдии всего было показано 79 человек, из них 30 – крымские татары, что составило примерно 38%. Таким образом, всего купцов 1-й, 2-й и 3-й гильдии в 1819 году в Таврической губернии числилось 90 человек [15].

Крымскотатарское купечество начинало довольно активно включаться и в общественную жизнь Таврической губернии. Так, в документе «О купеческих и мещанских выборах на трехлетие с 1818 по 1820 год» представлены сведения, касающиеся участия купцов крымских татар в избрании на должности городских голов, бургомистров и ратманов в городах и уездах губернии [16]. Так, в рапорте Таврическому губернатору Александру Степановичу Лавинскому от Бахчисарайской городской ратуши совместно с полицмейстером и городской думою были представлены следующие сведения. 16 октября 1817 года были проведены выборы, в которых городским

головой «без баллотирования единодушно» был избран 3-й гильдии купец Сеит Мегмет Осман-оглу [17]. Кандидатами (заместителями) были избраны 3-й гильдии купец Мулла Амет хаджи Гасан-оглу («за» проголосовали 148 выборщиков, «против» – 33) и 3-й гильдии купец караим Садук хаджи Борохов Игизов («за» – 107, «против» – 74) [18]. Таким образом, даже количество проголосовавших «за» говорит о высоком уважении и доверии к избираемым.

Кроме того, в бургомистры, например, был избран действующий бургомистр Сеит Сулеман Тютюнджи, за которого проголосовали 173 «за» и 7 «против». От караимов – 3-й гильдии купец Раби Авраам Беим («за» – 146, «против» – 35) [19]. К ним заместителями были избраны из магометан 3-й гильдии купец Абдуреим Челеби («за» – 142, «против» – 38) и мещанин мулла Меджит («за» – 118, «против» – 63). Заместителями от караимов были избраны мещанин Лещер Шумаилович («за» – 60, «против» – 121) и мещанин Шолеме Хаджи Реби-оглу («за» – 57, «против» – 124) [20].

ВЫВОДЫ

Таким образом, крымскотатарское купечество в период конца XVIII – начала XIX вв. постепенно включалось в экономическую и общественную жизнь не только Крыма, но и Российской империи. Очевидно, отсутствие в начальный период купцов крымских татар 1-й и 2-й гильдий свидетельствует об осторожном отношении к новому правительству. Или, можно предположить, крымские татары, имеющие определенный капитал, либо эмигрировали в Турцию, либо только определялись с возможностью работать в новом правовом поле. Этот процесс затянулся на десятилетия. Документы, хранящиеся в фондах архивов, требуют глубокого и тщательного изучения, о чём сегодня свидетельствует отсутствие каких-либо работ, посвященных начальному этапу интеграции мусульманского населения Крыма в состав России в конце XVIII века.

Список литературы

1. Глазов Ю. В. Место купечества в сословной структуре российского общества XVIII – первой трети XIX вв. / Ю. В. Глазов // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. В. В. Захаров. – Курск: Курский гос. ун-т, 2012. – С. 12–22.
2. Глазов Ю. В. Эволюция сословно-правового статуса купечества России в XVIII – первой трети XIX вв. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени кандидата юридич. наук. – Белгород, 2013. – 23 с.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 22 (1784–1788) № 16187, 21 апреля 1785 г.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 29 (1806–1807) № 22418, 1 января 1807 г.
5. ГАРК, Ф. 792, оп. 1, д. 208 на 124 л.
6. ГАРК, Ф. 792, оп. 1, д. 208, л. 102–111(об.).
7. ГАРК, Ф. 792, оп. 1, д. 208, л. 110–110(об.).
8. ГАРК, Ф. 792, оп. 1, д. 512, л. 20–27.
9. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 4547, л. 1.
10. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 4547, л. 11.
11. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 4547, л. 29–30(об).

12. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 4547, л. 19-21.
13. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 4547, л. 8-10.
14. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 4547, л. 12-12(об).
15. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 4547, л. 33-39.
16. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 3105, л. 1-6(об).
17. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 3105, л. 2-4.
18. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 3105, л. 2-4.
19. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 3105, л. 4.
20. ГАРК, Ф. 26, оп. 1, д. 3105, л. 4.

Khairedinova Z. Z. Crimean tatar merchants in the late eighteenth and early nineteenth centuries: according to archive sources / Z. Z. Khairedinova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 209–214.

Today studies of poorly-researched aspects of incorporation of Muslim populations of the Crimea into the system of classes in the Russian Empire is an actual topic demanding especial attention.

Archival documents play an important role for researches of this problem, since they allow one to analyse the relations of the government and local Muslim populations in the early period of the Crimea's integration into the orbit of the Russian Empire. The materials related to the shaping, situation, and statistics of the Crimean Tatar merchants in the period in question are stored in the State Archive of the Republic of the Crimea (Simferopol) and the Russian State Historical Archive (Saint Petersburg). This paper examines the statistics of the Crimean Tatar merchants and their distribution by cities, towns, and districts of the Taurida Governorate in the late eighteenth and early nineteenth century.

Keywords: Crimean Tatars Merchants, State Archive of the Republic of the Crimea, Russian State Historical Archive, classes, Russian Empire, Crimean Tatars

УДК 930 811.512.14

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЛАТИНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ АЛФАВИТОВ В КРЫМУ В 1920–1930 гг.

Васильев А. Д.

Институт востоковедения РАН, Москва

E-mail: advasilyev@mail.ru

В статье на основании материалов из российских архивов, в частности, из Архива Российской Академии наук, рассматривается начальный период деятельности Крымского Комитета нового (латинизированного) алфавита. Автор статьи, используя отчеты Президиума ВЦКНТА и Крымского КНА, рассматривает предысторию введения нового латинизированного алфавита в Крымской республике, его ход в 1927 и начале 1928 гг. Используемые в докладе малоизвестные источники позволяют лучше понять и более детально рассмотреть процессы языковых реформ в СССР.

Ключевые слова: история тюркологии, латинизация, реформа алфавита, Крым.

ВВЕДЕНИЕ

С 26 февраля по 6 марта 1926 г. в Баку состоялся 1-й Всесоюзный Тюркологический съезд. Решения съезда и высказанные на нём идеи на многие годы вперед определили ход развития тюркологии и культурного строительства в тюркоязычных регионах России. Съезду придавалось, кроме научного, важное политическое и общественное значение, особенно в связи с обсуждением острых проблем латинизации алфавитов для национальных языков и программ культурного развития регионов. Работа съезда освещалась в России и за рубежом¹, был издан стенографический отчет съезда², который впоследствии переиздавался³. Введение латинского алфавита в СССР и в новых независимых государствах неоднократно становилось объектом изучения отечественных и зарубежных ученых⁴.

В съезде, а затем и в последующей работе по латинизации алфавитов тюркских народов СССР приняли участие и крымскотатарские общественно-политические деятели и ученые – Х. А. Одабаш, Б. В. Чобанзаде, М. Недим, М. Лятиф-заде и др. Их

---

¹ Menzel, Th. Der 1. Türkologische Kongress in Baku // Der Islam. 16, 1927. S. 3–4.

² Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. Стенографический отчет. Баку, 1926.

³ 1926 – Bakü Türkoloji Kurultayı. Tutanaklar. (26 Şubat – 6 Mart 1926). (Rusça'dan çevirenler: K.V. Nerimanoğlu, M. Öner). Ankara: TDK Yayınları, 2008.

⁴ См., например: Агазаде Ф., Каракашлы К. «Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения», Казань, 1928 г.; Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). – М.: Наука, 1979; Baldauf, Ingeborg. Schriftenreform und Schriftenwechsel bei den Muslimischen Russland- und Sowjeturken (1850–1937). Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen. Budapest, 1993; Алпатов В. М. Общественное сознание и языковая политика в СССР (20–40-е гг.) // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. М.: Крафт + ИВ РАН, 2000; Frings A. Sowjetische Schriftpolitik zwischen 1917 und 1941: eine handlungstheoretische Analyse. Franz Steiner Verlag, Stuttgart 2007.

участие в масштабной реформе алфавита в СССР и во введении латинского алфавита в Крыму ранее становилось объектом изучения¹. Тем не менее, полного и всеобъемлющего исследования процесса реформы алфавитов в СССР и, в частности, в Крыму до настоящего времени не было.

Ранее исследователи алфавитных реформ в СССР, помимо региональных архивов, использовали преимущественно материалы по латинизации в СССР, отложившиеся в фонде «Всесоюзный Центральный Комитет Нового (Латинизированного) Алфавита (ВЦКНТА) при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР. 1927–1937» Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ)². Данный фонд содержал в основном административно-хозяйственную, финансовую переписку и руководящие указания ВЦКНТА по линии ЦИК. В этой связи интересны новые архивные материалы по латинизации тюркских языков СССР и, в частности, Крыма, хранящиеся в Архиве Российской Академии наук (РАН).

В ходе работы в АРАН автором доклада была обнаружена научно-организационная переписка ВЦКНТА с республиканскими комитетами Нового алфавита, научные и организационные планы работ ВЦКНТА, отчеты из центра и с мест о проделанной работе, издательские планы и проч.³ Данные материалы ранее были малоизвестны исследователям и практически не были введены в научный оборот.

Среди материалов указанного фонда АРАН можно выделить документы, связанные с деятельностью Крымского Комитета Нового (латинизированного) Алфавита (далее – Крымского КНА). Это прежде всего переписка Крымского КНА с руководством (ВЦКНТА) в Баку о деятельности по введению нового алфавита в Крыму. Кроме того, документы по Крыму представлены протоколами заседаний Крымского КНА, сведениями об издании литературы на новом алфавите, отчетами и перспективными планами деятельности. Документы фонда позволяют сделать вывод, что Крымский КНА осуществлял свою деятельность в два этапа. Первый – с 1927 по 1930 г. В 1930 г. Крымский КНА в русле общей тенденции, которая затронула большую часть местных комитетов нового алфавита, был распущен⁴, однако уже в 1932 г. начался второй этап его функционирования. После проведения 3-й Крымской орфографической конференции в середине 1932 г. комитет возобновил свою деятельность⁵. В фонде имеется крупный массив документов, повествующих о работе комитета с 1932 по 1937 гг. Например, содержатся сведения о проведении в 1933 г. Крымским КНА лингвистической конференции «Пути развития крымскотатарского языка»⁶, отчет о которой

---

¹ См., например: Меметов А. Крымские татары: историко-лингвистический очерк. Симферополь: Анаюрт, 1993; Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насилов Д. М. Репрессированная тюркология. М., 2002; Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде. Жизнь, судьба, эпоха. Симферополь. Крымпедгиз. 2004; Змерзлый Б. В. Очерки по истории письменности у тюркских народов. – Симферополь: Издательский дом «Гельветика», 2014.

² ГАРФ, ф. Р-7543.

³ АРАН, ф. 676, оп. 1.

⁴ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 221.

⁵ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 335, 336.

⁶ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 456.

сохранился. Имеются инструкции по организации полевой экспедиции в 1934 г. для изучения крымскотатарского литературного и разговорного языка¹, а также отчеты (1935 г.) о крымской экспедиции известного тюрколога профессора Н. К. Дмитриева². Помимо ежегодных отчетов Крымского КНА, среди документов фонда сохранились статистические материалы по Крыму 1920-х – 1930-х гг., а также рукописи учебных пособий³ и проекты изготовления шрифтов, пишущих и телеграфных машин для крымскотатарского языка.

Поскольку начальный этап деятельности Крымского КНА освещен в исследовательской литературе менее подробно, чем происходившее в 1930-е – 1940-е гг., документы о деятельности Крымского КНА в 1927–1928 гг. на первом этапе его существования и его предыстория могут представлять для исследователей некоторый интерес. В этой связи хотелось бы более подробно рассмотреть документы об итогах деятельности Крымского КНА за 1927–1928 гг. Впервые в документах АРАН Крымский комитет упоминается в первом отчетном докладе Президиума ВЦКНТА о своей работе за июнь – декабрь 1927 г.⁴ Отчет был подготовлен ко II Пленуму ВЦКНТА (декабрь 1927 г.) секретарем ВЦКНТА А. Камчин-беком с одобрения Председателя ВЦКНТА С. А. Агамалы-оглы. В нем содержится общая оценка процесса латинизации в Крыму, отмечены успехи и недостатки латинизации и даны руководящие указания к дальнейшим действиям Крымского КНА⁵.

В документе, в частности, отмечалось, что Крымская АССР принадлежала к числу тех республик, где проблема нового тюркского алфавита не получила еще окончательного практического разрешения. Положение в этой республике осложнялось отсутствием единства взглядов по основным вопросам в составе самого Крымского комитета. Однако активной группе членов Крымского комитета во главе с Махмутом Недимом удалось провести большую работу в области популяризации идеи и борьбы за Новый тюркский алфавит. Деятельности Крымского КНА особенно благоприятствовало то обстоятельство, что Махмут Недим находился на посту Народного комиссара в Крыму, и в течение 1927 г. в Крымской республике произошел некоторый сдвиг настроений в пользу идеи латинизации.

Авторы документа отмечали, что партийные и советские организации Крыма в тот момент занимали вполне благожелательную позицию по отношению к языковой реформе. Комсомольские и профессиональные организации постепенно воспринимали аргументы сторонников латинизации. Новый алфавит вызывал интерес и среди учительского состава Крыма, особенно среди сельского и городского учительства трудовой школы. Отмечалась и связь с джадидами, многие из которых видели в реформе алфавита продолжение дела И. Гаспринского. В докладе отмечалось нейтрально-выжидательное отношение к новому алфавиту крестьянского населения,

---

¹ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 595.

² АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 664, 665, 666.

³ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 1017.

⁴ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 31 и далее.

⁵ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 77–81 с об.

которое находилось под влиянием духовенства, негативно оценивавшего реформу¹. Судя по тексту доклада, имело место определенное противостояние интеллигенции и научно-образовательных кадров Симферополя и Бахчисарая, причем в Бахчисарае преобладали сторонники арабского алфавита².

В данных обстоятельствах Президиум ВЦКНТА признавал, что в Крыму настало время активной работы по внедрению нового алфавита, и отмечал, что важным шагом стало проведение 1-й Всекрымской конференции, обсудившей вопросы орфографии в связи с применением нового алфавита³. Следует отметить, что в Президиуме считали данный вопрос первоочередным и требовали от руководителей комитетов НТА в республиках СССР уделить орфографическим проблемам наибольшее внимание. По-видимому, в этой связи неслучайно научную работу по разработке орфографии было поручено вести Научному совету при ВЦКНТА, которым фактически руководил Б. В. Чобан-заде. В ВЦКНТА считали проведение подобных конференций не только важным научно-организационным мероприятием, но и значимым событием общественно-политического и пропагандистского характера. В Крыму конференция должна была продемонстрировать «массам» успех идеи латинизации⁴, учитывая то, что состав Крымского КНА работал в основном на энтузиазме, не имея широкой финансовой и организационной поддержки из центра.

Как следует из документа, Крымский КНА ведал введением латинского алфавита не только среди крымских татар. В его ведении находились крымчаки и караимы, для нужд которых издавались буквари и книги для чтения⁵. Особое внимание в ходе издательской деятельности уделялось выпуску агитационных материалов и брошюр.

Несмотря на активное развитие и продвижение идеи реформирования алфавита в Крыму и указанные достижения, Президиум ВЦКНТА в своем отчетном докладе подверг критике работу Крымского КНА. Самым уязвимым местом в деятельности Крымского комитета была названа его организационная работа. Президиум ВЦКНТА ссылаясь при этом на результаты специального обследования деятельности Крымского КНА⁶. Было выявлено отсутствие организационной связи с районами Крыма, что делало невозможным управление проведением реформы на местах. Отмечался стихийный характер работы по «проведению в жизнь» нового алфавита, а также полное отсутствие контроля и учета новых организационных структур для проведения латинизации⁷. Зачастую низовые подразделения Крымского КНА возникали стихийно и без точного и определенного представления целей своей работы.

Кроме того, одной из причин слабости работы комитета было названо отсутствие плановости в его работе. Отмечалось, что после 1-го Пленума ВЦКНТА Крымский комитет имел всего только 1 заседание. «Вся текущая работа выполнялась группой

¹ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 78.

² Там же.

³ Там же, л. 79.

⁴ Там же, л. 80.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 81.

⁷ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 81.

членов Президиума, преданных делу, при совершенно очевидной инертности других»¹. Таким образом, практически полгода (с июня по декабрь 1927 г.) работа проводилась скорее формально. Президиум этим достаточно прозрачно намекал руководству Крымского КНА, что большую часть работы в этот период проделал Б. В. Чобан-заде, активно взявшийся за организацию работы Научного совета ВЦКНТА.

В заключении отчетного доклада Президиума ВЦКНТА Крымскому КНА предлагалось «ударно закрепить» завоеванные позиции нового алфавита в республике, «расширить и углубить» оргработу и руководство процессом внедрения нового алфавита². Более конкретных мер не предлагалось.

Отчетный доклад Президиума ВЦКНТА продемонстрировал, что к концу 1927 г. связь Крымского КНА с Центральным комитетом в Баку (а затем и в Москве) была достаточно зыбкой. Детальными сведениями об отношении к реформе алфавита в Крыму в ВЦКНТА не располагали, опираясь лишь на общие, полученные изустно, сведения. К этому моменту в руководящие структуры ВЦКНТА входили трое уроженцев Крыма – М. Недим (был членом ВЦКНТА), А. С. Айвазов (член Научного совета при ВЦКНТА) и Б. В. Чобан-заде (ответственный секретарь Научного совета при ВЦКНТА). По всей видимости, именно они и были основными источниками информации Президиума ВЦКНТА о начальном этапе латинизации в Крыму, являясь одновременно и основными энтузиастами этой реформы. С другой стороны, итоги отчетного доклада свидетельствовали, что Крымский КНА не имел и прочной опоры в самом Крыму.

Указанные в отчетном докладе недостатки можно было считать общими для всех тюркских регионов СССР в тот период. Однако Крымский КНА не мог их оставить без ответа. Во-первых, речь шла о престиже республики и личном авторитете таких известных деятелей всесоюзного масштаба, как Б. В. Чобан-заде и др. Во-вторых, подробный отчет с учетом указанных из центра замечаний мог помочь укреплению финансового и материального положения Крымского КНА. К началу 1927 г. благодаря авторитету руководства ВЦКНТА, прежде всего усилиям С. А. Агамалы-оглы и Дж. Коркмасова, удалось получить дополнительное, хотя и скромное по меркам СССР, финансирование реформы алфавита на 1927 г. в размере 600 000 рублей³. В такой ситуации от местных комитетов нового алфавита требовались более детальные отчеты о ходе реформы в регионах и планы на будущее, чтобы можно было рассчитывать на увеличение бюджета. На 1928 бюджетный год также предполагалось выделение финансирования⁴. Кроме того, Президиум ВЦКНТА планировал закупать на собственные средства типографские шрифты и пишущие машинки для местных комитетов.

В этой связи интересен первый отчет Крымского КНА о деятельности по введению нового алфавита в Крыму. Данный отчет был составлен М. Недимом и М. Ля-

---

¹ Проходил с 3 по 6 июня 1927 г. в Баку.

² АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 81.

³ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 4, л. 2–4.

⁴ Там же, л. 5–7.

тиф-заде и датирован 7 марта 1928 г.¹ Доклад был подготовлен уже после II Пленума ВЦКНТА, и отразил как определенные этапы в развитии латинизации в Крыму, так и актуальную к весне 1928 г. ситуацию с введением нового алфавита в республике, с указанием наиболее крупных достижений и проблем в этой сфере. Данный доклад стал своего рода ответом на критику и указания со стороны руководителей ВЦКНТА в лице С. А. Агамалы-оглы и А. Камчин-бека.

Доклад интересен тем, что в нём упоминается и предыстория возникновения идеи перехода на новый алфавит в Крыму.

Так, моментом возникновения самой мысли о переходе на латинизированный алфавит в Крыму его авторы считали лето 1924 г., когда по инициативе С. А. Агамалы-Оглы при посещении им Крыма был впервые создан Комитет Нового Алфавита. По мнению авторов документа, проблема реформы арабского алфавита была впервые поставлена на специальной конференции, созванной Академсоветом Крымнаркомпроса 20 октября 1924 г.² Выступление о реформе арабского алфавита подготовил К. Джемалединов, которого поддержал член Президиума конференции М. Недим. Однако большая часть участников конференции была не осведомлена о проблеме латинизации. Организованный в тот момент Крымский КНА к фактической работе так и не приступил, а руководство Крыма относилось к алфавитной реформе прохладно³. Во главе Крымского КНА в тот момент стоял председатель КрымЦИКа, по всей видимости, Вели Ибраимов, который впоследствии оказался противником нового алфавита. Фактической деятельности комитет не вел.

Авторы отчета отмечали, что активная работа началась после организации в Симферополе общества «Друзья Нового Татарского Алфавита». Оно было организовано вскоре после Всесоюзного Тюркологического Курултая⁴, частью членом отправленной в Баку крымской делегации. Можно предположить, что этими членами могли быть Х. Одабаш и Б. В. Чобан-заде, принимавшие участие в работе съезда в Баку. С этого момента и вплоть до создания ВЦКНТА в середине 1927 г. «Друзья Нового Татарского Алфавита» вели свою работу на общественных началах.

Особый раздел отчета Крымского КНА посвящен агитации и пропаганде перехода на новый алфавит. Авторами отмечалось сильное противодействие «со стороны идеологически чуждых элементов – кулачества, духовенства и консервативной части интеллигенции» и приводилось множество фактов как конкретных нападок со стороны т. н. «арабистов», так и интереса молодежи, особенно беспартийной, к новому алфавиту⁵.

Учитывая замечания Президиума ВЦКНТА, в отчете детально перечислялись меры по усилению агитации и пропаганды. Так, была налажена «систематическая печатная агитация», издавалась специальная литература для популяризации идей нового алфавита – например, брошюры С. А. Агамалы-оглы «В защиту Нового Ал-

¹ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 152–158 с об.

² Там же, л. 152.

³ Там же, л. 153.

⁴ Имеется в виду Всесоюзный тюркологический съезд в феврале-марте 1926 г. в Баку.

⁵ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 153 об. – 154.

фавита» и А. С. Айвазова «Ени-Ел». С агитационно-пропагандистскими целями проводились конференции, выступления и совещания в профсоюзных организациях и учебных заведениях, «освещавшие задачи перехода как с научно-технической, так и политической точек зрения»¹.

Авторы доклада подробно перечислили проведенные конференции, очертив основной круг затронутых на них вопросов, состав участников, ход обсуждения. В районно-городских собраниях Крыма была организована серия докладов на тему «Новый алфавит, его роль и причины перехода». Авторы подчеркивали особенно эффективное взаимодействие с профсоюзами, которые подняли вопрос реформы алфавита на 12-м Всекрымском съезде профсоюзов. В завершении раздела о пропаганде и агитации выделялась работа среди женских организаций Крыма, в частности, приводилась мнение Всекрымской конференции работниц и крестьянок-активисток, полностью поддержавшей реформу алфавита и призывавшей женщин Крыма активно переходить на новый алфавит².

Отдельно была рассмотрена и организационная работа, которая вызвала серьезные нарекания ВЦКНТА. Так, сообщалось, что вскоре после 1-го Пленума Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита³ был «принят ряд важных решений со стороны директивных органов и даны соответствующие указания давших руководящие указания соответственным советским органам и общественным организациям»⁴.

Авторы, желая продемонстрировать размах движения, сообщали, что в наличии к марту 1928 г. были 160 районных ячеек «Общества Друзей Нового Алфавита», 3–4 районных отделения и до 6 тысяч членов. Отмечалось, что ячейки общества были созданы почти во всех учебных заведениях городов и крупных деревень. Общество вело работу по установлению вертикальных связей с ячейками на местах, что должно было способствовать более организованному проведению реформы и усилению контроля. В докладе обращалось особое внимание на то, что бедность общества и отсутствие специальных средств КрымЦИК затрудняют управление местными ячейками и организацию реформы, а Центральный совет Общества не имел в своем распоряжении средств для отправки сотрудников в командировки в районы для налаживания работы на местах⁵. По-видимому, в условиях борьбы за финансирование из центра данный аргумент представлялся авторам документа весьма серьезным и действенным для получения субсидии. Формализация деятельности общества выражалась в снабжении вступивших в его ячейки и отделения членскими билетами⁶. Можно предположить, что наличие членского билета предполагало хотя бы минимальные членские взносы, которые могли бы поправить финансовое положение общества. Однако информации о подобных взносах в материалах архива не найдено.

---

¹ Там же, л. 154 об.

² Там же, л. 154 об. – 155.

³ Проходил с 3 по 6 июня 1927 г. в Баку. Стенографический отчет Пленума: АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 15.

⁴ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 155–155 об.

⁵ Там же.

⁶ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 155 об.

Особое место в докладе уделено структуре, штату и бюджету Крымского КНА. Крымский Центральный Комитет Нового Алфавита был учрежден особым постановлением Президиума Крымского Центрального Исполнительного комитета от 27 июля 1927 г. при КрымЦИКе в составе 13 человек из представителей партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, Женотдела и «Общества Друзей Нового Алфавита», областного и районного органов просвещения караимского населения и т. п. во главе с председателем КрымЦИКа¹. Деятельность членов Крымского КНА велась на общественных началах, и лишь в конце 1927 г. были организованы ставки для трех платных (штатных) работников – секретаря комитета, инструктора для ячеек и районных отделений и технического работника.

Бюджет Крымского КНА состоял из средств, которые отпускались из бюджета ВЦКНТА на издательство и зарплату в общей сумме 10 618 рублей, и средств республиканского крымского бюджета в сумме 3228 руб. (по состоянию на 1927 – начало 1928 гг.)².

В отчете особый раздел был посвящен учебно-воспитательной работе. Решением Наркомпроса Крымской АССР новый алфавит был введен во всех татарских³ учебных заведениях (тат. техникумы, тат. секторы Совпартшколы, Рабфака, Педагогического института), в том числе и в школах 1-й ступени, начиная с 3 года обучения, а в караимских и крымчакских школах 1-й ступени с 1 года обучения. Преподавание татарского языка в русских школах 2-й ступени велось на новом алфавите⁴. Авторы заявляли о практически 100%-ном охвате учащихся новым алфавитом, а также об организации специальных курсов для сотрудников образовательных учреждений, школ, изб-читален. Данные выводы, однако, представляются сомнительными, учитывая нехватку учебной литературы и литературы на новом алфавите в целом. Нерешенным остается вопрос о том, каковы были реальный охват и эффективность образования на новом алфавите в этих непростых условиях.

Важное место было уделено составителями отчета издательской работе и периодической печати. С учетом большой массы читателей, неграмотных по новому алфавиту, Крымский КНА считал необходимым издать часть агитационной литературы на старом алфавите⁵.

Так, на старом алфавите были изданы: перевод на татарский язык брошюры т. Агамалы-оглы «В защиту нового алфавита» (2 печ. листа, 5000 экз.), брошюры т. Айвазова «Ени Ел» (2 печ. листа, 3000 экз.), стенографический отчет Крымской орфографической конференции и Устав «Общества Друзей Нового алфавита».

Издание осуществлялось в 1-й Гостипографии в Симферополе, наборщики которой прошли специальные курсы обучения новому алфавиту. Наркомпросом и Крым-Издатом ЦК был составлен первый издательский план на издание учебной, политическо-просветительской, художественной и т. п. литературы в общей сложно-

¹ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 156.

² Там же.

³ Так в тексте. Здесь и далее имеются в виду крымскотатарские.

⁴ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 156–156 об.

⁵ АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 156 об. – 157.

сти на 1927/28 учебный год в объеме 190 п. л. и общим тиражом в 150 000 с лишним экземпляров.

Представляет интерес и список изданных материалов:

- 1) Разрезная азбука – 1 печ. лист, 2000 экз.
- 2) Букварь (Джемалединова – Ахметова) – 2,5 печ. листа, 3000 экз.
- 3) Книга для чтения (Айвазова) – 2 печ. листа, 3000 экз.
- 4) Сборник стихов (Ляtif-заде) – 1,75 печ. листа, 3000 экз.
- 5) Руководство по изучению татарского языка (Кая) – 8 печ. листов, 3000 экз.
- 6) Иллюстрированный сборник детских стихов (Чергеева) – 2 печ. листа, 5000 экз.
- 7) Членский билет «Общества Друзей Нового алфавита» – 10 000 экз.

В печати к весне 1928 г. находились:

1. Рабочая книга по обществоведению для школ 2-й ступени, часть 1-я – 22 печ. листа, 1000 экз.
2. Рабочая книга по обществоведению для школ 2-й ступени, часть 2-я – 22 печ. листа, 1000 экз.
3. Букварь для крымчакских школ (КАЯ) – 6 печ. листов, 1000 экз.
4. Детские сказки в стихах (по три книжечки А. Чергеева) – 0,5 печ. листа, по 5000 экз.
5. Учебник арифметики (А. Куркчи) – 6 печ. листов, 5000 экз.
6. «Асан насыл пионер олды» (док. Гафарова) – 1,5 печ. листа, 3000 экз.
7. «Почему 18 марта – день МОПРа» – 1,5 печ. листа, 5000 экз.
8. «Книга чтения для взрослых» (Аметова и Шамаша) – 10 печ. листов, 5000 экз.
9. «Плакат Нового алфавита» – 1 печ. лист, 1000 экз.¹

Отдельно Крымский КНА приступил к составлению орфографического словаря крымскотатарского языка и заключил договоры с авторами и переводчиками на составление и переводы следующих книг:

1. С проф. Чобан-Заде на составление грамматики татарского языка – 10 печ. листов, 2000 экз.
2. С А. Хильми на составление и перевод художественной литературы – 6 печ. листов, 2000 экз.

Согласно решению Крымского Центрального Комитета Нового Алфавита, согласованному с КрымЦИКом, вся татарская периодическая печать в Крыму (газеты «Йени Дюнья», «Яш Куввет» и журналы «Илери» и «Оку Ишлери») открыла страницы нового алфавита. Крымский КНА учредил общественно-литературный популярный журнал «Коз-Айдын» и газету «Иль-Адым» для ликбезов и школ малограмотных на новом алфавите². Подобное детальное описание издательских планов было важным для авторов отчета. Детализация давала возможность высветить проблемы и достижения в сфере издательства на новом алфавите, способствовать включению крымских изданий в план ВЦКНТА и в конечном итоге способствовать выделению финансирования на издательские нужды.

---

¹ Там же, л. 157–157 об.

² АРАН, ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 157.

Завершая обзор процесса введения нового алфавита в Крыму, авторы доклада констатировали, что «важнейшие позиции в этой области нашего культурного строительства и реорганизации культуры языка заняты и укреплены»¹. Сообщалось о том, что Крымский КНА приступил к составлению 5-летнего плана перехода Крыма на новый алфавит. Выражалась надежда, что при благоприятных финансовых условиях Крымская республика сможет перейти на новый алфавит в течение 3 лет.

ВЫВОДЫ

Начало процесса латинизации в СССР проходило в сложных социально-экономических условиях, когда после Первой мировой и Гражданской войн экономика страны была разрушена. Задачи восстановления страны требовали скорейшей ликвидации неграмотности, которая была серьезным препятствием на пути промышленного и экономического развития СССР. Учитывая крайне низкий процент грамотности, который в некоторых республиках СССР составлял всего 2–3% населения, введение нового алфавита, с учетом идеологических установок раннего советского государства, представлялось весьма перспективным.

Приведенные документы являются малоизвестными источниками по истории латинизации в Крыму и на примере Крымского комитета Нового Тюркского алфавита демонстрируют те обстоятельства, в которых осуществлялись первые шаги по реформе письменности. Положение Крымского КНА было, с одной стороны, достаточно типичным: это и значительное число неграмотных; нехватка учебных пособий и литературы на новом алфавите; организационная неразбериха; нехватка финансовых и материальных ресурсов; сопротивление части общества нововведениям, которые казались весьма сомнительными. Вместе с тем положение Крыма было и уникальным, поскольку именно крымские ученые стали одними из активных энтузиастов реформы. Сама идея реформы отчасти могла рассматриваться как продолжение идей И. Гаспринского и в силу этого могла быть более понятной и привлекательной для местного населения и интеллигенции. Представленные документы интересны для исследователя еще и тем, что как бы между строк отражают те отношения, которые складывались в многонациональной научной и общественно-политической элите СССР, демонстрируя разнонаправленные, зачастую противоположные интересы национальных кадров. Появление новых, малоизученных массивов источников по истории латинизации, каковым является фонд «Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита» в Архиве Российской Академии наук, ставит перед исследователями новые вопросы и одновременно свидетельствует, что благодаря новым архивным материалам предстоит еще существенная работа по изучению сложного процесса языкового строительства на пространстве бывшего СССР.

Список литературы

1. АРАН. Ф. 676, оп. 1, д. 34, л. 31–96, 152–158 с об.
2. АРАН. Ф. 676, оп. 1, д. 15.

---

¹ Там же, л. 158.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЛАТИНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ АЛФАВИТОВ
В КРЫМУ В 1920–1930 гг.**

---

3. Агазаде Ф., Каракашлы К. «Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения». – Казань, 1928 г.
4. Алпатов В. М. Общественное сознание и языковая политика в СССР (20–40-е гг.) // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994. – С. 29–46.
5. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. М.: Крафт + ИВ РАН, 2000.
6. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насилов Д. М. Репрессированная тюркология. – М.: Издательство «Восточная литература» РАН, 2002.
7. Змерзлый Б. В. Очерки по истории письменности у тюркских народов. – Симферополь: Издательский дом «Гельветика», 2014.
8. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). – М.: Наука, 1979.
9. Меметов А. Крымские татары: историко-лингвистический очерк. – Симферополь: Анаюрт, 1993.
10. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. Стенографический отчет. – Баку, 1926.
11. Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде. Жизнь, судьба, эпоха. – Симферополь. Крымчпедгиз. 2004.
12. Baldauf, Ingeborg. Schriftenreform und Schriftenwechsel bei den Muslimischen Russland- und Sowjeturken (1850–1937). Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen. – Budapest, 1993.
13. Frings A. Sowjetische Schriftpolitik zwischen 1917 und 1941: eine handlungstheoretische Analyse. – Franz Steiner Verlag, Stuttgart 2007.
14. Menzel, Th. Der 1. Türkologische Kongress in Baku // Der Islam. 16, 1927. 3–4. – S. 173–203.
15. 1926 – Bakü Türkoloji Kurultayı. Tutanaklar. (26 Şubat – 6 Mart 1926). (Ruşça’dan çevirenler: K. V. Nerimanoğlu, M. Öner). – Ankara: TDK Yayınları, 2008.

Vasilyev A. New materials on the latinization of turkic alphabets in crimea in 1920–1930-s / A. Vasil Iyev // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 215–225.

The 1-st All-Soviet Union Turkologic Congress was held in Baku, February 26 to March 6. Decisions of the Congress and the ideas, expressed during the Congress, guided for years the course of Turkic cultural development in the Turkic-speaking regions of Russia. Except for scientific, an important political and social significance was given to the Congress. Especially in connection with the discussion of problems of the Latinization of the alphabets of national languages and cultural programs of regional development. In this context, interesting materials on Latinization of Crimean Turkic languages stored in the archives of the Russian Academy of Sciences. During the work in the beforementioned Archive the author of the report discovered scientific and organizational correspondence between the Crimean Committee of New (Latinized) Alphabet and the Centrak Committee in Baku on the introduction of a new alphabet in Crimea. The reports about the Latin Alphabet in Crimea will be published in the report, with some comments and explanations.

Keywords: History of Turkic Studies, Latinization, the Reform of the Alphabet, Crimea.

УДК 94(477.75) + 910.4(477.75) + 913(477.75) + 908(477.75)

**ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ О НАРОДАХ КРЫМА
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.:
МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ФАНТАЗИЕЙ¹**

Храпунов Н. И.

*Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
khrapunovni@gmail.com*

В статье анализируется информационный потенциал известий о тюркских народах Крыма, сохранившихся в травелогах английских, французских и немецких авторов. Это большая группа источников, многие из которых не введены в научный оборот, изучение которых требует использования инструментария истории, филологии, этнографии и других гуманитарных дисциплин. Травелоги содержат два уровня информации: сведения о реальных обстоятельствах, ускользнувших от внимания современников, и интерпретации увиденного, которые формировали у читателей устойчивые образы и стереотипы восприятия Крыма.

Ключевые слова: этнография Крыма, записки путешественников XVIII–XIX вв., травелоги, воображаемая география, историческая имагология.

ВВЕДЕНИЕ

В 1597 г. английский философ Фрэнсис Бэкон сформулировал идею путешествия как паломничества в поисках знания [4, с. 70]. Теперь путешествие понималось не как развлечение, а как обучение и самосовершенствование, требовавшее известных интеллектуальных усилий. В XVIII в. педагогика эпохи Просвещения подчеркивала, что путешествие – идеальный способ формирования личности. Так возникает феномен образовательных путешествий [44; 54; 59]. Хорошим тоном для любого путешественника стали подготовка и издание воспоминаний, в которых он нередко обращался не только к собственным наблюдениям, но и к сочинениям древних авторов и современных ученых, тем самым подводя под свои эмпирические наблюдения теоретическую базу. В эпоху, когда наука практически не знала специализации, исследователи были энциклопедистами, а научной инфраструктуры в провинциях не существовало, важнейшим способом научного познания были «ученые путешествия», призванные нанести на карту, описать и объяснить окраины ойкумены, создав всесторонний аналитический отчет об их географии и экономике, этнографии и истории.

Первое присоединение Крыма к России в 1783 г. вызвало колоссальный интерес к полуострову. Регион, долгое время находившийся на периферии общественного сознания, который Монтескье считал самым неизвестным местом в Европе [18, с. 121–122], внезапно очутился в центре внимания всего континента. Российское

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

правительство организовало широкомасштабное изучение природных богатств, прошлого и настоящего новой провинции империи [8, с. 71–102; 25, с. 39–60]. Западно-европейские политики собирали информацию о Крыме в связи с изменением международного баланса сил, пытаясь определить возможные направления экономической эксплуатации Причерноморского бассейна [38, с. 216–240, 279–281; 15, с. 154–155; 1, с. 147–161, 232–360, 365–375]. Состоятельные европейцы сделали Крым одним из этапов большого образовательного путешествия, где можно было познакомиться с загадочным, но манящим Востоком. В конце XVIII – начале XIX вв. были написаны десятки травелогов, представляющих собой как «кабинетные» реконструкции истории Крыма, так и практические описания [14].

Особое внимание путешественники уделили этническому разнообразию Крыма. Знаменитый британец Эдвард-Даньел Кларка (1800 г.) подчеркивал, что *«обнаруживающееся в Крыму многообразие разных народов, каждый из которых живет в своей собственной стране, практикует свои особые обычаи и сохраняет свои религиозные обряды, является одним из примечательных обстоятельств, делающих этот полуостров интересным для чужестранца»* [45, р. 221–222]. На восприятие этнографических феноменов влияла не только неразвитость научных представлений, но и колониальный дискурс, когда своя страна принималась как центр мира, воплощение «нормы» и «цивилизации», тогда как иные края и культуры становятся своего рода кривым зеркалом, где авторское непонимание, неверные интерпретации и стереотипы складываются в картину, весьма далекую от реальной, но зато подчеркивающую выгодные грани собственной культуры [23].

В настоящей статье анализируется информационный потенциал известий о тюркских народах Крыма, сохранившихся в травелогах английских, французских и немецких авторов. Это большая группа источников, многие из которых не введены в научный оборот. Травелоги содержат два уровня информации. Во-первых, это сведения о реальных обстоятельствах, ускользающих от внимания современников. Во-вторых, это интерпретации увиденного, которые формируют у читателей и последователей устойчивые образы и стереотипы восприятия Крыма.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Записки путешественников невозможно свести к одному жанру, ведь среди них встречаются, например, энциклопедические описания далеких регионов и нередактированные дневники, подборки писем и вымышленные путешествия. Вряд ли получится отыскать четкую грань, отделяющую травелоги от научных трудов и художественной литературы [41]. Следовательно, при анализе травелогов необходим и междисциплинарный подход с использованием инструментария истории и филологии, политологии и культурологии. Создание современной методики изучения травелогов обычно связывают с работами Э.-В. Саида [22], Б. Андерсона [2] и Л. Вульфа [6]. Заметим, что многие идеи классических «постколониальных» исследований предвосхитили российские и немецкие ученые [11; 3; 46; 24, с. 87–178]. Разработанный для изучения травелогов инструментарий имеет свои ограничения. Так, принципи-

ально невозможно определить степень субъективности анализируемого сочинения; кроме того, аналитик всегда будет субъективен в отборе источников и аналогий, выборе конкретных методов, а также оценке результатов своего анализа [16, с. 6–8; 27]. Изучение травелогов требует понимания исторических, археологических, этнографических реалий описываемого региона [10, с. 11–27]. В исследовании Крыма травелогои используются как источник конкретных фактов, характеризующих историю, археологию и этнографию полуострова [7; 13; 25; 30; 33; 40; 50], так и для изучения происхождения и функционирования идей, образов и стереотипов [26; 35; 37; 39].

Приведем некоторые примеры того, как можно использовать записки иностранцев в крымском контексте. Разумеется, в рамках небольшой статьи можно лишь обозначить основные направления для будущих исследований. Под «иностранцами» мы будем понимать людей, прибывших на полуостров извне, культура которых отличалась от русской. Если говорить о «реальной» информации, их сочинения значительно уступают архивам там, где речь идет об административном устройстве, экономике, налогообложении, армии или суде, но весьма важны для понимания особенностей быта и нравов, повседневной жизни и индивидуальных историй отдельных людей.

Прежде всего, следует отметить энциклопедические сочинения П.-С. Палласа (1794–1801 гг.), Э.-Д. Кларка и Ж. Рёйи (1803 г.), авторы которых хотели представить всестороннее описание Крыма, его природных богатств и населения, а также своё видение перспектив хозяйственного развития полуострова [20; 45; 56]. К ним примыкают записки Ш. де Бара (1784 г.) и Ж. Ромма (1786 г.), которые, вероятно, занимались сбором разнообразной информации по заданию французского правительства [21; 36]. Эти источники представляют любопытное дополнение к практически любым исследованиям крымской жизни.

М. Хоулдернесс (1816–1820 гг.) оставила подробные описания народов Крыма, как старожильческих, так и прибывших на полуостров в Российскую эпоху, с особым вниманием к крымским татарам. Интересны бытовые зарисовки, характеризующие, в частности, эффективность гражданского управления и судебной системы, наличие коррупции и восприятие государственной власти местными жителями. В книге описывается специфика земледелия, скотоводства и охоты, особенности труда и образования крымских татар, их морального облика и диеты. Англичанке удалось наладить контакты с крымскими дамами, что было невозможно иностранцам мужского пола. Отсюда сведения об одежде и макияже, интерьерах женской части дома и дамских занятиях, болезнях и их лечении, суевериях и предрассудках, брачных и погребальных обычаях, семейной жизни и даже любовных романах [48].

Но и в менее подробных травелогах можно отыскать любопытные сведения. Так, дневник Р. Хебера (1806 г.) содержит разнообразные сведения о крымских татарах, от особенностей их кухни и домостроительства до занятий кораблестроением и специфического отношения к российской валюте [28; 34]. Б. фон Кампенгаузен (конец XVIII в.) и Дж. Уэбстер (1827 г.) говорят о магических обрядах, с помощью которых крымские татары (при участии мусульманского духовенства) боролись с нашествиями саранчи [43, S. 97; 60, p. 93–94]. Весьма интересны сочинения протестантских

миссионеров С. Греллета (1819 г.) и Э. Хендерсона (1821 г.), в поле зрения которых находится религиозная жизнь Крыма [29; 47, р. 288–377]. М. Хоулдернесс, Р. Лайалл (1822 г.), Дж.-М. Джоунз (1823 г.), Дж. Уэбстер и Дж.-Э. Александер (1829 г.), помимо всего прочего, рассказали об удивительной судьбе Александра Ивановича Крым-Гирея Кати-Гирея, крещеного потомка крымских ханов, безуспешно пытавшегося реализовать проекты по просвещению своих соплеменников [48, р. 128–129; 53, р. 237–239; 49, р. 227–233; 60, р. 50–51; 42, р. 249–250, 207–208]. История этого человека стала примером того, как крымскотатарская элита пыталась интегрироваться в российское общество [51].

Травелогии играют первостепенную важность для понимания стереотипов восприятия Крыма и формирования образа полуострова в коллективном воображении. У истоков представлений о «крымском рае» в зарубежной литературе стоял Ш. де Линь (1787 г.), создавший образ волшебной страны, где сплелись мотивы арабских сказок и древнегреческих мифов [52, р. 51–83]. С этим сюжетом связано представление о лениности крымских татар [31, с. 466–467; 34, с. 265–266]. Оно основывается не только на реальных фактах [48, р. 270–275], но и на мысли о том, что жителями рая должны быть «благородные дикари» в духе Ж.-Ж. Руссо, лишенные необходимости трудиться. Кроме того, леньность маркировала «нецивилизованность» народов (точнее, их несходство с западноевропейским идеалом), и потому подобные качества другие авторы приписывали, например, украинцам и русским [1, с. 178–181; 19, с. 118]. Наконец, европейцев могло удивлять нежелание крымских татар воспринимать передовые аграрные технологии и заводить ориентированное на рынок капиталистическое хозяйство.

Общим местом стало представление о необычной ревности крымских татар – именно так интерпретировались исламские предписания относительно женской одежды [12, с. 166; 43, S. 112; 58, р. 310]. Записки путешественников иногда включают описания эротических приключений [9, с. 217–219; 17, с. 72]. Корни этих сюжетов – в традиционном представлении европейцев о Востоке как царстве экзотических сексуальных обычаев [22, с. 262–309; 6, с. 98–135].

Примером новой географической реальности, созданной путешественниками, стало представление о том, что из Старого Крыма можно увидеть три моря, попавшее даже в живопись [52, р. 53; 55, р. 61], хотя в реальности город находится в ложбине между горами, откуда при всём желании ничего подобного углядеть не получится.

Отдельный сюжет – попытки вписать крымские реалии в мировой культурный контекст. Иногда путешественники пытались сопоставить крымскотатарские предания о всемирном потопе с библейской традицией, сочинениями античных ученых и своими естественнонаучными знаниями [32, с. 81–82]. Другие, исходя из представлений о неизменности этнической и топографической ситуации, искали представителей современных крымских народов в сочинении Геродота, а «предков» городов нового времени – у Страбона и Плиния [37, с. 163–164]. Р. Хебер умудрился отыскать скифское влияние в крымскотатарском ремесле и древнегреческое – в храмовой архитектуре [34, с. 257–259].

Следует сказать и о визуальных источниках – рисунках, литографиях и гравюрах, иллюстрирующих издания травелогов. Нередко путешественников сопровождали профессиональные рисовальщики, составлявшие целые альбомы иллюстраций. Наиболее известен альбом Х.-Г. Гейслера к путешествию Палласа. Несмотря на известную неточность рисунков, выражающих характерное стремление к идеализации и символизации реального мира, по ним можно составить, например, представление о топографии крымских городов. Изображения жителей полуострова в национальных костюмах заведомо не являются идеальным, фотографическим отображением реальности, а потому их изучение требует особой методики [5]. Невероятно интересен хранящийся в частной коллекции альбом чертежей английского архитектора Р. Хейсти (1798 г.), видимо, представлявший планы екатеринославского и таврического губернатора П. А. Зубова по реставрации шедевров мусульманской архитектуры. Любопытны и менее проработанные зарисовки. Так, на акварелях спутника Ромма А. Н. Воронихина представлены ныне утраченные интерьеры крымских мечетей [57, р. 1030]. Наброски Р. Хебера демонстрируют виды ханского дворца в Бахчисарае, не искаженные «реконструкциями» XIX в. На рисунках спутника Дж. Уэбстера У.-Х. Ньюема представлены небольшие селения на Южном берегу. Все эти рисунки создавали образ Крыма – райского уголка, где на лоне пышной субтропической природы, гор и моря жили романтические представители Востока. В этом образе не оставалось места для равнинной части полуострова.

ВЫВОДЫ

Сочинения иностранных путешественников, посетивших Крым в конце XVIII – начале XIX вв., представляют собой чрезвычайно разнородный массив исторических источников. Значительная часть травелогов изучена плохо и требует полноценного научного исследования. Комплексный анализ позволяет выявить в сообщениях английских, французских и немецких авторов самые разнообразные сведения о тюркских народах Крыма. Во-первых, это описания реалий, ускользающие от внимания архивных документов – в частности, истории отдельных лиц, детали повседневной жизни, традиционной культуры, особенности эмоционального восприятия новой политико-административной ситуации. Во-вторых, травелоги формировали у читательской аудитории устойчивые образы и стереотипы крымской жизни, и в частности создавали специфические описания «восточных» народов. Тексты дополняли графические изображения, выполненные путешественниками с натуры, которые не только поэтизировали реальность, но зачастую придавали ей фантастические черты.

Список литературы

1. Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи. Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. – Львів: Видавництво Українського католицького університету, 2007. – 560 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Г. Николаев. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 286 с.

**ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ О НАРОДАХ КРЫМА
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.: МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ФАНТАЗИЕЙ**

---

3. Бертъе-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму // Записки Императорского одесского общества истории и древностей. – 1910. – Т. XXVIII. – С. 1–108.
4. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / Пер. З. Е. Александрова. – М.: Издательство Академии наук, 1962. – 238 с.
5. Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 381 с.
6. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. И. Федюкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 548 с.
7. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 3. – Симферополь: Антиква, 2008. – С. 212–254.
8. Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли Крымской. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. – 518 с.
9. Записки графа Сегюра о его пребывании в России в царствование Екатерины II. – СПб.: [б. м.], 1865. – 386 с.
10. Земсков В. Образ России в современном мире и другие сюжеты. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. – 342 с.
11. Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: Университетская типография, 1866. – 255 с.
12. Людольф де. Письма о Крыме // Русское обозрение. – 1892. Т. 2 (март). – С. 155–201.
13. Мальгин А. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX вв. – Симферополь: Сонат, 2014. – 344 с.
14. Маркевич А. И. Taurica: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1894. – № 20. – С. 104–160; 1898. – № 28. [Отдел II] – С. 17–24; 1902. – № 32–33. – С. 58–62.
15. Мезин С. А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. – 2002. – № 10. – С. 148–159.
16. Миллер А. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 5–11.
17. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи / Пер. М. С. Альперович, В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстая. – М.: Наука / Интерпериодика, 2001. – 362 с.
18. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Пер. А. В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
19. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. В. Литвинов, И. Пильщиков. – М.: Новое издательство, 2004. – 335 с.
20. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. А. Л. Бертъе-Делагард, С. Л. Белявская. – М.: Наука, 1999. – 244 с.
21. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с фр. К. И. Раткевич. – Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1941. – 79 с.
22. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. А. В. Говорунов. – М.: Русский Мирь, 2006. – 638 с.
23. Строев А. Россия глазами французов XVIII – начала XIX вв // Логос 1991–2005: Избранное. Т. 2. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 468–507.
24. Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский периоды. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 332 с.
25. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). – СПб.: Наука, 2002. – 674 с.
26. Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 144 с.
27. Форум AI: Андрей Зорин. Кормя двуглавого орла... // Ab imperio. – 2002. – № 1. – С. 470–554.
28. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2008. – Вып. XIV. – С. 645–697.

29. Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – 2009. – Вып. XV. – С. 656–681.
30. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – 2011. – Вып. XVII. – С. 595–633.
31. Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – 2013. – Вып. XVIII. – С. 456–473.
32. Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // *Французский ежегодник*. – 2014. – Т. 2: Франция и Восток. – С. 63–101.
33. Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик – предполагаемого скифского Неаполя // *Археология и история Крыма*. – Вып. 2. – Симферополь: [б. м.], 2015. – С. 461–469.
34. Храпунов Н. И. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г // *Крымское историческое обозрение*. – 2015. – № 3. – С. 252–273.
35. Храпунов Н. И. Эдвард-Даньел Кларк о крымских древностях: как сделать археологию орудием идеологии // *Боспорские чтения*. Вып. XVII. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования*. – Керчь: [б. м.], 2016. – С. 526–530.
36. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – 2015. – Вып. XX. – С. 395–430.
37. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. – 2015. – № 4. – С. 157–170.
38. Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2-е изд. – М.: Наука, 2004. – 521 с.
39. Шаманаев А. В. Образ Херсона (Корсуни) как русской религиозной святыни в XVIII–XIX вв // *Символ в религии и философии*. – Севастополь: [б. м.], 2005. – С. 190–194.
40. Шаманаев А. В. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. – 2014. – № 3. – С. 79–89.
41. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / Пер. Л. Соловьёв. – СПб.: Академический проект, 2004. – 272 с.
42. Alexander J. E. *Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829*. Vol. 1. – London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – 308 p.
43. Campenhausen B. von. *Bemerkungen über Rußland. Besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend, nebst einer kurzgefaßten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krimm*. – Leipzig: Friedrich Christian Durr, 1807. – 199 S.
44. Chaney E. *The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance*. 2nd ed. – Oxon; New York: Routledge, 2000. – 426 p.
45. Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. – London: T. Cadell and W. Davies, 1817. – 524 p.
46. Groh D. *Rußland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte*. – Neuwied; Berlin: Hermann Luchterhand, 1961. – 366 S.
47. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia*. – London: James Nisbet, 1826. – 538 p.
48. Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia*. 2nd ed. – London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. – 316 p.
49. Jones G. M. *Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia, and Turkey*. Vol. II. – London: John Murray, 1827. – 594 p.
50. Kizilov M. *Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers*. – New York: [n. p.], 2003. – 269 p.
51. Kırımli H. *Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans* // *Cahiers du Monde russe*. – 2004. – Vol. 45/1–2 (janvier-juin). – P. 61–107.

**ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ О НАРОДАХ КРЫМА
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.: МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ФАНТАЗИЕЙ**

---

52. Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. – Paris; Genève: J. J. Paschoud, 1809. – 333 p.
53. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia; in two volumes. Vol. I. London: T. Cadell, 1825. – 527 p.
54. Mead W. E. The Grand Tour in the Eighteenth Century. – Boston; New York: Houghton Mufflin Co., 1914. – 479 p.
55. Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems. Vol. II. – London: Septimus Prowett, 1824. – 65 p.
56. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l'année 1803. – Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. – 302 p.
57. Romme G. Correspondance, 1779–1786 / éd. A.-M. Bourdin et. al. Vol. 2. T. 2. – Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise-Pascal, 2014. – 1185 p.
58. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. Vol. 1. – New York: Protestant Episcopal Press, 1830. – 638 p.
59. Trease G. The Grand Tour. – London: Heinemann, 1967. – 251 p.
60. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the years 1825–1828; including particulars of the last illness and death of the emperor Alexander, and of the Russian conspiracy of 1825. Vol. I. – London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – 162 p.

Khrapunov N. I. Foreign travelogues on the crimean peoples in the late eighteenth and early nineteenth centuries: between reality and fantasy / N. I. Khrapunov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 226–233.

This paper analyses informative potential of the account of Turkish peoples living in the Crimea accumulated by British, French, and German travelogues. This large and diverse group of sources, many of which have not yet been subjects of scholarly research, needs for a comparative study using historical, philological, ethnographical and other humanitarian methods. These travelogues contain two information levels: the account of real events, sometimes escaping the contemporaries' attention, and interpretations of what was seen, forming stable images and stereotypes of the Crimea among the readers.

Keywords: ethnography of the Crimea, eighteenth and nineteenth century travelogues, imagined geographies, historical imagology.

УДК 930.9 (477.9): 943.22

**ИСТОЧНИКИ ПО ВАКУФНОМУ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЮ В КРЫМУ
ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ:
В ПОИСКАХ «ГОЛОСА МУСУЛЬМАНИНА»¹**

Конкин Д. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
(структурное подразделение),
denis_konkin@mail.ru*

По мнению ряда исследователей, уловить «голос мусульманина» среди огромного количества документов официального делопроизводства Российской империи, хранящихся в архивных фондах, возможно только в региональных документохранилищах и только при условии факта сотрудничества и взаимодействия старожильского населения с правительством, мирного характера данного процесса. Этим критериям как нельзя лучше соответствует вся история инкорпорации вакуфного землевладения в Крыму в общегосударственную систему землепользования Российской империи. Свидетельства данного процесса можно найти в фондах ГАРК. При этом имеет смысл задуматься о том, насколько институциональная специфика формирования имперских архивов искажала реальность.

Ключевые слова: Государственный архив Республики Крым, Российская империя, мусульмане, вакуф, крымские татары.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос аутентичности архивных источников, отложившихся в центральных документохранилищах и характеризующих «национальные окраины» огромной Российской империи, по-прежнему остается очень актуальным. Наиболее очевидная проблема – однобокость выборки таких источников, имеющих в большинстве своем официальный характер, а также колониальная природа формирования самих имперских архивов и коллекций их фондов. В результате документы, хранящиеся в столичных архивах, в значительной степени носят отпечаток представлений центральной власти о регионе, но не отражают реальную обстановку там изнутри.

В полной мере данная проблема касается мусульманского мира и его отражения в общероссийском государственном делопроизводстве. Соответствие официальных переводов мусульманских документов их реальному содержанию, адекватность представлений имперских чиновников о взглядах и чаяниях мусульманского населения, мировоззренческая пропасть между православными администраторами, военными и жителями «исламских окраин», научная квалификация современных исследователей и т. п. вопросы до сих пор остаются сложноразрешимыми [см. об этом, например: 14, с. 219–401; 17, р. 20–23; 18, с. 234–252; 19, с. 267–280; 3, с. 313–333].

По мнению ряда исследователей, уловить «голос мусульманина» среди огромного количества документов официального делопроизводства Российской империи, хра-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

нящихся в архивных фондах, возможно только в региональных документохранилищах и только при условии факта сотрудничества и взаимодействия старожильского населения с правительством, мирного характера данного процесса [см.: 15, с. 302–312]. Этим критериям как нельзя лучше соответствует вся история инкорпорации вакуфного землевладения в Крым в общегосударственную систему землепользования Российской империи. Свидетельства данного процесса можно найти в фондах Государственного архива Республики Крым (далее – ГАРК). Это уникальный архив для изучения истории крымских татар в конце XVIII – начале XX вв. Здесь сохранились источники, позволяющие оценить и понять систему взаимоотношений имперской власти с «мусульманской окраиной». При этом в силу не самой большой, в сравнении с общеимперской, масштабностью решаемых проблем в крымских архивных источниках появляется возможность услышать тот самый пресловутый «голос мусульманина». Например, в массовом порядке среди архивных документов присутствуют частные обращения, прошения как отдельных крымских татар, так и целых сельских обществ, которые дают возможность оценить экономические, религиозные, национальные проблемы местного населения не только с точки зрения существующей власти, но и с позиции рядовых жителей. В этой связи сетование некоторых исследователей на недостаточность материалов в ГАРК, относящихся к мусульманской истории Крыма [16, с. 299–300], по-видимому, стоит отнести к поверхностному ознакомлению с его фондами, а также недостаточному знанию региональной специфики развития полуострова в XIX – нач. XX вв. Подтверждением достаточно широкой репрезентативности документов из ГАРК, характеризующих отдельные специфические стороны жизни мусульманской уммы в Крыму, могут служить многочисленные источники по вакуфному землевладению. Именно обзор и характеристика данного вида источников, хранящихся в центральном крымском архиве, являются **целью данной статьи**.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Фондами, без которых невозможно обойтись при серьезном изучении проблемы вакуфов в Крыму, являются фонд «Высочайше утвержденной Особой Комиссии о вакуфах [далее – ОКоВ], г. Симферополь Таврической губернии» (№ 456) и фонд «Таврического магометанского духовного правления, г. Симферополь Таврической губернии» [далее – ТМДП] (№ 315) [здесь и далее см.: 6]. В первом из них сосредоточены документы, связанные с работой учрежденного в 1885 г. специализированного органа, призванного урегулировать вакуфный вопрос в Крыму. При условии тщательного изучения документы этого фонда дают возможность получить достаточно полную информацию о положении вакуфов в Крыму на позднем этапе их существования в Российской империи. В фонде сосредоточены различные указы, циркуляры, правила, инструкции, предназначенные для ОКоВ, с помощью которых имперская власть регламентировала управление вакуфным имуществом в Крыму в конце XIX – начале XX вв. Среди них такие важные документы, как «Инструкция» для ОКоВ [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 1, л. 1–4], «Временные правила об управлении и заведывании

духовными вакуфными имуществами Таврической губернии» [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 1, л. 5–12], предписание ДДДИИ «По предмету отдачи в оборочное содержание вакуфных земель» [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 417, л. 2–5] и др. Законодательный аспект отражен не только с точки зрения российского права. В архивных документах данного фонда зафиксирована позиция и мусульманской части общества на вакуфное управление в Крыму, как, например, в записке «О порядке назначения мутевеллиев по сообщению таврического муфтия на основании шариата» [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 536] или в «Выписке из магометанских духовных законов о вакуфных имуществах» [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 417, л. 247–249]. В этом же фонде хранится статистическая информация о количестве вакуфной недвижимости и капиталов в Крыму в разные годы [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 86, 588, д. 1052], а также различного рода отчетность о финансовой стороне деятельности Комиссии и ТМДП в отношении вакуфов в указанный период [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 143, 147, 567, 587, 2103 и др.]. Важной частью фонда, позволяющей исследователю с уровня официальной бюрократической переписки переместиться в мир бытовых «жизненных» историй, являются частные обращения крымских мусульман в государственные органы с изложением своих проблем из «реальной» жизни или же описания таких историй канцелярскими служащими ОКоВ [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 130, 131].

Одной из наиболее упоминаемых тем другого фонда – № 315 – является вакуфная. Что не удивительно, учитывая то большое значение, которое вакуффы занимали в экономической и религиозной жизни мусульманского духовенства в Крыму. Документы данного фонда имеют разноплановый характер. Здесь встречаются и журналы заседаний Правления с описаниями различных частных случаев, связанных с вакуфами, с судебными спорами и злоупотреблениями в отношении этих имуществ [ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15, 21, 38, 147, 1174 и др.]; и многочисленные ведомости отдельных мусульманских приходов с информацией о количестве и качестве находившихся в их распоряжении вакуфных земель и капиталов [ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 2, 22, 29, 103, 138, 139, 300 и др.]; и различного рода инструкции, предписания имперских органов власти, регламентирующие правила вакуфного управления, пользования, составления отчетности в период, когда главным ответственным учреждением, контролирующим сохранность вакуфов на полуострове, являлось ТМДП [ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 61, 66, 151, 1172, 1194, 1199, 1213, 1221 и др.] и т. д. Особую ценность для понимания масштабов и значимости вакуфных имуществ для Крыма имеют вакуфные описи, составленные в разные годы крымскими чиновниками при участии местного мусульманского духовенства. Часть этих описей хранится в указанном фонде. В частности, ведомости, составленные в начале 20-х гг. XIX в. губернским стряпчим¹ В. И. Криницим [ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 25, 30, 58, 59], или же описи, составленные в 30-х годах того же века местным мусульманским духовенством по распоряжению имперского правительства [ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 159, 201, 291, 598].

Важным информационным источником, который дает возможность проследить и понять процессы формирования проблем в земельной сфере Крыма на начальном

¹ Губернский стряпчий казенных дел осуществлял надзор за делами по искам казны.

этапе его интеграции в общеимперское пространство, является фонд «Комиссии для разбора споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове, г. Симферополь Таврической губернии» (Комиссия 1802 г.) (№ 24). Данная Комиссия действовала в Крыму в начале XIX в. и заложила основы в местную систему пользования землей и прав собственности на нее. Значительная часть документов фонда хранит информацию о попытках урегулировать проблемы в сфере крымскотатарского землевладения. Нередким явлением в работе Комиссии 1802 г. был разбор различного рода коллизий, связанных с вакуфным землевладением. Здесь можно выделить, прежде всего, жалобы мусульманского населения Крыма на захват вакуфных земель российскими помещиками [ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 1, 2, 10, 11, 17, 19, 22, 27, 249, 288, 321, 332]. Документы фонда также позволяют определить персональный состав российских (в том числе и крымскотатарских) помещиков, задействованных в земельных спорах, и оценить масштаб этого явления [ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 29, 35, 38, 236, 316]. Кроме того, большой интерес представляют документы, характеризующие позицию, планы российского правительства, местных помещиков в отношении крымского землевладения в целом и статуса вакуфных имуществ в частности [ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 28, 271, 306, 307, 315, 457, 475а, 546, 637а, 638, 645, 706].

Еще одним знаковым событием для истории вакуфного вопроса стало учреждение и работа в Крыму «Комиссии для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» (1816–1819 гг.) (Комиссия 1816 г.). В данный момент документы, освещающие работу Комиссии 1816 г., хранятся в ГАРК в отдельном фонде № 23 «Следственной комиссии, учрежденной для искоренения злоупотреблений по Таврической губернии, г. Симферополь Таврической губернии». В фонде насчитывается 306 дел, которые достаточно полно характеризуют всю ее деятельность. Касательно вакуфного землевладения особый интерес представляет «Мнение относительно вакуфских имений», поданное в Комиссию в 1816 г. ее членом генерал-майором князем Кая бей Балатуковым, где впервые в официальных российских документах встречается упоминание о «частных вакуфах» [ГАРК, ф. 23, оп. 1, д. 286]. Также в материалах фонда затронуты и другие аспекты вакуфной проблемы [ГАРК, ф. 23, оп. 1, д. 6, 34, 48, 89, 90, 117, 295 и др.].

Для объективной оценки политики царских властей в отношении старожильческого населения края на начальном этапе инкорпорации Крымского полуострова в политическое, правовое и административное пространство Российской империи несомненный интерес представляют документы, сконцентрированные в фондах «Таврического областного правления, г. Симферополь Таврической области» (№ 799) и «Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора П. А. Зубова» (№ 801). В частности, среди дел фонда № 799 хранится копия неопубликованного в ПСЗРИ именного указа Екатерины II князю П. А. Зубову от 17 сентября 1796 года [ГАРК, ф. 799, оп. 1, д. 445, л. 29–30 об.], регламентировавшего политику империи в отношении крымскотатарского населения и имеющего важнейшее значение для понимания государственной позиции в конфессиональной и имущественной сфере в Крыму. В том же фонде мы находим важную информацию о приостановлении Павлом I дей-

ствия указа Екатерины II от 23 июня 1794 г. [ПСЗРИ-1, т. 23, № 17228], разрешавшего в Крыму продажу казенных земель в частные руки [ГАРК, ф. 799, оп. 1, д. 454, л. 132]. В фонде № 801 хранится любопытный документ, отражающий взгляд на земельные проблемы в Крыму новоприбывших российских помещиков, – рапорт местного чиновника «О лицах, не имеющих дворянского звания, но владеющих дворянскими именьями» [ГАРК, ф. 801, оп. 1, д. 7]. Подготовлен данный рапорт был в 1794 г. будущим таврическим предводителем дворянства, а на момент составления документа председателем Таврической областной палаты гражданского суда Е. И. Нотарой и направлялся в правительствующий сенат и Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору П. А. Зубову.

Серьезный вклад в решение земельного вопроса в Крыму, в том числе и в вакуфной сфере, внес новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов. Ряд ценных сведений о хозяйственно-экономической деятельности знаменитого сановника, а также о его частных сделках в качестве крупнейшего крымского помещика можно найти в фонде «Таврической губернской палаты гражданского суда, г. Симферополь Таврической губернии» (№ 14). Отражены в этом фонде и вакуфные проблемы, с которыми сталкивался генерал-губернатор в частном порядке. Например, в деле № 828 изложена претензия крымских мусульман на захват вакуфного имущества евпаторийским купцом С. Бобовичем, проданного им впоследствии графу М. С. Воронцову [ГАРК, ф. 14, оп. 1, д. 828]. Схожие претензии предъявлялись графу и в отношении принадлежащих ему земель при деревне Яни Магнит Перекопского уезда [ГАРК, ф. 14, оп. 1, д. 1093] и деревнях Кир и Яли Кульчук Евпаторийского уезда [ГАРК, ф. 14, оп. 1, д. 1158].

Значительно дополнить информацию о частно-хозяйственных отношениях генерал-губернатора позволяют документы из фонда «Симферопольского уездного земского суда, г. Симферополь Таврической губернии» (№ 8). Так, о начальных земельных приобретениях М. С. Воронцова на южном берегу и специфике юридического оформления сделок в земельной сфере с крымскотатарской общиной можно узнать из хранящихся в этом фонде дел: «О вводе во владение разных лиц в купленные ими именья» [ГАРК, ф. 8, оп. 1, д. 13] и «По указам Симферопольского уездного суда о вводе во владение разных лиц в купленные ими именья в Симферопольском уезде» [ГАРК, ф. 8, оп. 1, д. 14].

Многочисленные сведения, позволяющие дополнить информационную картину положения вакуфных имуществ в Крыму, можно встретить и в других фондах ГАРК. Например, в обширном фонде «Таврического губернского правления, г. Симферополь Таврической губернии» (№ 27) [ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 2450, 4921, 2503, 2572 и др.] или же в фонде «Таврического и Одесского караимского духовного правления Таврического губернатора, г. Евпатория Таврической губернии» (№ 241) [ГАРК, ф. 241, оп. 1, д. 89, 546, 834 и др.]. Однако для понимания сути вакуфной проблемы и объективного изложения истории крымских вакуфов эти фонды не имеют первостепенного значения.

При оценке аутентичности документов, исходящих «снизу», от рядовых татар-общинников, а также при оценке колониальной природы официальных архивов, важен,

как всегда это бывает, взвешенный подход. Ведь эту самую «колониальную реальность» можно и намеренно усилить, исказить в идеологических целях. При работе над диссертацией, посвященной вакуфному землевладению в Крыму, для меня в этом смысле ярким примером стал анализ одного из редких изданий прошлых лет, тем не менее в последнее время всё чаще цитируемом, а именно «Очерков русской политики на окраинах» Арслана (Леона) Кричинского [12]. В изданной еще в 1919 г. книге автор с серьезной долей тенденциозности прокомментировал некие «секретные» документы, «обличающие» политику имперской власти в отношении крымских мусульман. При подробном рассмотрении «секретные» документы оказались рядовыми и доступными делами из архива бывших таврических губернских присутственных мест, к которым в свое время у составителя был доступ (в 1918–1919 гг. он выполнял обязанности заведующего канцелярией крымского премьер-министра). Схожие документы с подобной информацией и по сегодняшний день хранятся в фондах ГАРК. На основании архивных материалов Кричинский, например, делал вывод, что в результате учреждения в 1885 г. «Особой Комиссии о вакуфах в Крыму» на полуострове «началась та погромная деятельность (в отношении вакуфов. – К. Д.), которая привела к потере крымскими татарами более чем 2/3 этого богатого достояния» [12, с. 39–40], при этом явно путая (а скорее, не зная) причину со следствием. Как известно из тех же архивных источников, «Особая Комиссия о вакуфах» была организована как раз с целью прекращения злоупотреблений в вакуфной сфере и строго следила за сохранением вакуфного фонда [10, с. 72–73].

В другом месте своей книги Кричинский сообщал о проведенной в 30-е гг. XIX в. таврическим муфтием Сеит Джелилем эфенди [правильно, конечно, Сеит Джемиль эфенди] и кадиаскером Османом эфенди с ведома министра внутренних дел Д. Н. Блудова тайной операции по изъятию у крымскотатарского населения «вредных для них и общего спокойствия рукописей» [12, с. 34]. Причем «прикрытием» данной операции якобы стал сбор информации о вакуфных имуществах в Крыму. На самом деле речь шла о выполнении таврическим муфтием необходимого и важного поручения российского правительства по поиску вакуфных описей, которые собирались и систематизировались для дальнейшего учета вакуфных имуществ [см.: 9, с. 503–504], и сопровождение данного мероприятия изъятием вредных фолиантов выглядит крайне сомнительным, равно как и известные только из его книги подтверждающие эти планы документы.

Описанный у Кричинского эпизод несколько позже, в 30-е гг. XX в., был подхвачен идеологами большевистской власти с той же целью – обличения «царского режима». Сначала опубликован в журнале «Воинствующий атеизм», рупоре печально известного «Союза воинствующих безбожников», а затем известным советским историком-пропагандистом Л. И. Климовичем в книге «Ислам в царской России» интерпретирован в качестве тайной «жандармской» операции по изъятию у населения «вредных» книг и рукописей [8, с. 19]. Но проблемы тенденциозности и фальсификаций, к сожалению, не остались в прошлом. И уже в наши дни украинские коллеги не стесняются вспоминать в академических изданиях сфабрикованные сто лет назад

факты. Например, в недавно увидевшей свет коллективной монографии «Крым: шлях крізь віки», подготовленной Институтом истории НАН Украины, авторы вновь повторяют сомнительные тезисы о сожженных мусульманских рукописях [11, с. 52], тем самым демонстрируя явное родство с печальными образцами советской идеологической школы.

ВЫВОДЫ

Подводя итог обзору источников по вакуфам, необходимо отметить, что в ГАРК помимо официальных государственных документов разного уровня, сохранились и прямые обращения, просьбы местного населения в органы власти, многочисленные заявления и рапорты мусульманского духовенства. Комплексный подход при изучении данного вида источников позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать историю вакуфного землевладения в Крыму, оценить исторические процессы не только с позиции властных структур или иностранных очевидцев, но и увидеть проблему при взгляде «снизу», на бытовом уровне, с точки зрения мусульманского духовного служителя, рядового члена крымскотатарской общины. В то же время разобраться, насколько колониальная природа формирования имперских архивов (в т. ч. и ГАРК, начавшего формироваться в конце XIX в.) ограничивает объективность происходивших событий. Исправить существующие «искажения» реальности может помочь широкое привлечение параллельных источников (записки иностранцев, мемуары очевидцев и т. д.), поиск необходимой информации в иностранных документохранилищах, наконец, перекрестный анализ фондов с документами из центральных архивов России (РГИА, РГАДА, ГАРФ, РГВИА). Удачные результаты работы с региональными архивами с применением современных подходов уже получены по итогам исследований в Поволжье, Средней Азии, на Кавказе [см., например: 7; 2; 4; 1].

Список литературы

1. Бикташева А. Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти. 2-е изд., доп. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 320 с.
2. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / В. О. Бобровников. – М.: Вост. лит., 2002. – 368 с.
3. Бобровников В. О. Российские мусульмане после архивной революции: взгляд с Кавказа и из Болгарии / В. О. Бобровников // *Ab Imperio*. – 2008. – № 4. – С. 313–333.
4. Gorshenina S. *Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique* / S. Gorshenina. – Paris: CNRS Editions, 2012. – 382 p.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 8, 14, 23, 24, 27, 241 315, 456, 799, 801.
6. Державний архів в Автономній Республіці Крим: [анотований реєстр описів] / [відп. ред.: Л. Гурбова; автори-упорядники: Г. Л. Кузнецова, О. В. Мусяиченко, Т. В. Соболевська]. – Т. 1: Фонди дорадянського періоду. – Сімферополь: Антіква, 2007. – 388 с.
7. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством / М. Кемпер / Пер. с нем. И. Гилязова. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 654 с.
8. Климович Л. И. Ислам в царской России / Л. И. Климович; [печатається по изданию Л. Климович «Ислам в царской России». – М., 1936]. – Казань: «Иман», 2003. – 225 с.

9. Конкин Д. В. Граф М. С. Воронцов и вакуфный вопрос в Крыму / Д. В. Конкин // МАИЭТ. – 2010. – Вып. 16. – С. 488–518.
10. Конкин Д. В. Крымские вакуфы во второй половине XIX века: историко-юридический аспект / Д. В. Конкин // Крымское историческое обозрение. – 2015. – № 2. – С. 63–83.
11. Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях / НАН України. Інститут історії України. Відп. ред. В. А. Смолій. – К.: Ін-т історії України, 2014. – 456 с.
12. Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах: [в 2 ч.] / А. Кричинский. – Ч. 1: К истории религиозных притеснений крымских татар. – Баку: Издание Союза мусульманской трудовой интеллигенции, 1919. – 217 с. (прил. с. 60–217).
13. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое (ПСЗРИ-1). – СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
14. Forum AI «Империя Архивов» // Ab Imperio. – 2007. – № 3. – С. 219–401.
15. Khalid A. Searching for Muslim Voices in Post-Soviet Archives / A. Khalid // Ab Imperio. – 2008. – № 4. – С. 302–312.
16. Meyer J. H. For the Russianist in Istanbul and the Ottomanist in Russia: A Guide to the Archives of Eurasia / J. H. Meyer // Ab Imperio. – 2008. – № 4. – С. 299–300.
17. Pollock S. Report: Russia and Islam in the Archives of Eurasia. An International Workshop / S. Pollock // Central Eurasian Studies Review. – 2008. – Vol. 7, No. 1. – P. 20–23.
18. Pollock S. Historians and Their Sources: Discourses of Russian Empire and Islam in Eurasian Archives / S. Pollock // Ab Imperio. – 2008. – № 4. – С. 234–252.
19. Sanukidze G. Orthodoxy versus Islam: Imperial Russian and Early Soviet Policy Toward Georgia's Muslims / G. Sanukidze // Ab Imperio. – 2008. – № 4. – С. 267–280.

Konkin D. V. Sources on waqf properties in the Crimea in the state archive of the Republic of the Crimea: searching for the «Muslim's voice» / D. V. Konkin // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 234–241.

According to some researchers, the only possible way of sensing the «Muslim voice» amidst a huge array of documents related to official paperwork of the Russian Empire stored in archival collections is a search in regional record centres, and only if the traditional non-Russian populations collaborated and cooperated with the government in a peaceful manner. These criteria perfectly match the history of incorporation of the *vakf* land system into the state-level land-owning system in the Russian Empire. The evidences of this process are in the collections of the State Archive of the Republic of the Crimea.

Keywords: the State Archive of the Republic of the Crimea, Russian Empire, Muslims, Waqf, Crimean Tatars.

УДК 94 (Р 477.75)“17-19”[512.143]

**МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ КАРАИМОВ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX вв.): К ПРОБЛЕМЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ИНТЕПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ¹**

Прохоров Д. А.

*НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*

В статье проанализированы фонды Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь), в которых отложились материалы по истории караимских общин, существовавших на территории Крымского полуострова и других регионов Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. Были изучены редкие документы нарративного и иллюстративного характера, ранее не попадавшие в поле зрения исследователей. Сделан вывод о том, что значительная часть этих документов в делах фондов ГКУ ГАРК составлена на русском языке; имеются также материалы на караимском языке и на иврите; в отдельных случаях встречаются официальные и деловые бумаги, написанные на русском языке древнееврейской графикой. Значительная часть материалов, содержащихся в делах фондов архива, ранее не была введена в научный оборот. Указанные документы могут стать важным звеном в научной реконструкции многих малоизученных страниц истории крымских караимов.

Ключевые слова: караимы, Российская империя, Таврическая губерния, архивные фонды.

ВВЕДЕНИЕ

Обзор некоторых фондов Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (ГКУ ГАРК, г. Симферополь), в которых присутствуют документы по истории караимских общин Таврической губернии, ранее был представлен в публикациях Д. А. Панова. В его работах упоминается об архивных материалах, комплектовавшихся в различных учреждениях на территории Таврической губернии, которые включают генеалогическую информацию о представителях всех религиозных конфессий, проживавших на полуострове (в том числе и о членах караимских общин) [1, с. 16–23; 2, с. 68–76]. В статьях Л. П. Кравцовой описаны фонды, содержащие документы по истории евреев Крыма, а также предпринята попытка систематизировать фонды личных архивов известных крымских ученых и краеведов (Л. И. Кая, А. И. Полканова и В. И. Филоненко) [3, с. 328–332; 4, с. 100–109]. Следует упомянуть публикацию В. А. Катиной, рассмотревшей историю создания ряда общественных организаций евреев и караимов Крыма в период с 1917 по 1920 гг. [5, с. 59–83]. В сборнике, посвященном истории евреев, проанализированы фонды ГААРК² и Государственного архива Одесской области [6, с. 93;

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112.

² ГААРК – Государственный архив в Автономной Республике Крым. С 2014 г. носит название «Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (ГКУ РК ГАРК, г. Симферополь).

7, с. 79]. В 2007 г. увидел свет первый том «Анотированного реестру описів» ГААРК, в котором составлено описание фондов архива, относящихся к досоветскому периоду. Благодаря скрупулезной работе сотрудников архива был выявлен ряд фондов, включающих материалы по истории караимских общин Крыма [8]. Помимо этого, серьезным вкладом в изучение истории иудейских общин Крыма является издание серии межархивных справочников, посвященных документальным источникам по истории и культуре караимов, евреев и крымчаков, находящихся в архивохранилищах России и Украины. В частности, в документах из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Николаева, Одессы, Херсона, а также ряда других регионов прослежена история ряда караимских общин Таврической губернии [9–15]. Отдельные материалы из фондов ГКУ ГАРК были ранее проанализированы в работах А. В. Прохоровой и Д. А. Прохорова [16–21].

Целью исследования является анализ наиболее значимых фондов Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (г. Симферополь), в которых отложились материалы по истории караимских общин, существовавших на территории Таврической губернии (в 1783–1796 гг. – Таврическая область), а также других регионов Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Наиболее объемным и информативным в контексте заявленной темы является фонд 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора», состоящий из двух описей. В них, согласно представленным перечню и аннотациям, насчитывается 2053 архивных дела (1935 дел в описи № 1 и 118 дел в описи № 2), датированных периодом с 1837 по 1920 гг. Подробная характеристика документов указанного фонда, отражающих самый широкий спектр вопросов религиозной и общественной жизни восточноевропейских караимов конца XVIII – начала XX вв., была дана ранее в совместной с О. Б. Белым публикации [11, с. 513–573].

Актуальной для изучения страниц прошлого крымских караимов является история развития благотворительности в караимских общинах Таврической губернии в середине XIX – начале XX вв. Несмотря на значительное число работ, посвященных караимской проблематике, данный вопрос практически не исследовался. Наименее изученным в контексте указанной проблемы является такой аспект гражданско-правовых отношений, как духовные завещания. В уже упомянутом фонде 241, а также в фонде 376 «Симферопольский окружной суд» ГКУ ГАРК сохранилось несколько десятков дел, где собраны материалы по духовным завещаниям представителей караимских общин Таврической губернии, а также ряда Юго-Западных губерний Российской империи. Например, в фонде 241 ТОКДП имеются духовные завещания евпаторийского купца 1-й гильдии М. Гелеловича, киевского купца и табачного фабриканта С. А. Когена (его именем было названо открытое в 1895 г. на его же средства Евпаторийское караимское ремесленное училище), а также евпаторийских купцов и общественных деятелей М. С. Сарача, С. С. Исаковича, Д. И. Пигита и др.

В фонде 376 «Симферопольский окружной суд» (опись 5; 15 710 ед. хр.; 1869–1920 гг.) отложились дела, связанные с утверждением духовных завещаний в судебном порядке; имеются материалы о вводе тех или иных лиц в право наследования имуществом; сообщаются сведения о фискальных аспектах утверждаемых завещаний и пр. Как правило, составление духовных завещаний осуществлялось задолго до смерти самих завещателей; в ряде случаев отдельные пункты духовного завещания становились известны еще до ухода из жизни того или иного представителя караимской общины. Например, в делах фонда 376 аккумулированы документы, связанные с утверждением духовного завещания купца М. Гелеловича, материалы о вводе в наследование имущества членов крымских караимских общин: С. А. Крыма, Ш. Койки (Феодосия), Ш. Кискачи, С. А. Пастак (Симферополь), Ш. и И. Коджак (Севастополь), М. Кискачи (Евпатория) и многих других [20, с. 590–594].

В фонде 727 «Городской сиротский суд Евпаторийского городского магистрата» (244 ед. хр., 1838–1910 гг.) среди дел по опеке имущества находятся материалы, связанные с караимскими общинами. В них рассмотрены многочисленные вопросы по организации опеки над имуществом и несовершеннолетними членами семей умерших караимов И. и Б. Каплановых, Д. Сарры, Е. Сарибана, М. Ходжаша, Я. Шакая, В. Дувана (1846, 1847 гг.) и др. Однако наиболее важным с точки зрения научной реконструкции биографий представителей караимских общин является подборка дел, в которых отражены перипетии судебных мероприятий в отношении организации опеки над имуществом первого Таврического и Одесского караимского гахама Сими бен Шломо Бабовича (ум. в 1855 г.), а впоследствии – и над имуществом его брата Бабакая «Нагаму» бен Шломо Бабовича, тоже занимавшего пост караимского гахама (ум. в 1882 г.) [22, л. 1–46; 23, л. 1–1020; 24, л. 1–363].

Одним из немногих фондов ГКУ ГАРК, в которых собраны дела, непосредственно относящиеся к истории караимов, является фонд 499 «Евпаторийское караимское общество». В нем насчитывается 66 дел, сгруппированных в одну опись; хронологически дела охватывают период с 1829 по 1912 гг. В фонде содержатся т. н. «книги событий» и дневники евпаторийской караимской общины (1834, 1840, 1860–1903 гг.), в которых фиксировались важные даты и мероприятия, связанные с внутриобщинной жизнью местных караимов, а также информация о контактах с представителями других общин Таврической губернии; имеются документы об избрании старшего газзана (1896 г.), о выборе старост в кенасы и их функциях (инструкции ТОКДП), а также об избрании пяти уполномоченных от общины для ведения дел, возникших среди прихожан евпаторийской караимской кенасы (1862 г.). Важным источником является переписка караимов г. Евпатории с членами симферопольской караимской общины об экономическом и социальном положении караимов после Крымской войны 1853–1856 гг. (1854 г.), переписка с Одесской караимской общиной о рекрутском наборе и о льготах для караимов (1858 г.).

В фонде 499 также имеются документы о строительстве в Евпатории Малой кенасы (1832 г.), об открытии в городе типографии (1829 г.), школ, материалы и переписка с общинами Бахчисарая и Чуфут-Кале о состоянии караимских учебных заведений

в Евпатории и других городах (1858–1859 гг.), о проведении экзаменов, о выдаче свидетельств выпускникам школ и училищ, об учителях и учащихся (1864, 1871, 1879, 1892 гг.). В приходо-расходных и инвентарных книгах евпаторийской общины (1842, 1859, 1870, 1875–1889, 1889–1897, 1898–1902 гг.) содержится подробная информация о поступлении денежных средств и их расходовании; опись имущества евпаторийской караимской общины, инвентарная книга недвижимого и движимого имущества общины, а также список магазинов и лавок, отданных в наем (1912 г.). В делах фонда хранятся книги обложений прихожан различными налогами и взносами (1876, 1905 гг.), книги выплаты жалований служащим евпаторийской караимской общины (1856, 1875 гг.), метрические книги записей актов рождения, смерти и бракосочетания граждан (1845–1884, 1857–1864, 1865–1874, 1875–1895, 1889 гг.), а также караимской общины Мелитополя (1857–1864 гг.).

Внутриобщинная ситуация и регламентация семейной жизни была обусловлена постановлениями собрания выборных от евпаторийской общины об обязанностях жениха перед невестой (1846 г.), об изъятии приданого в ряде случаев; среди материалов фонда имеются указания на бракоразводные дела, на дела о разделе имущества прихожан евпаторийской караимской общины; присутствуют духовные завещания ее членов (1843, 1856, 1872 гг.). Среди материалов официальной переписки – циркулярные письма ТОК-ДП в адрес евпаторийской караимской общины о порядке празднования Пурима и о запрещении денежных сборов (1858 г.), постановления о добровольных пожертвованиях в кенасу (1856 г.), в пользу бедных учащихся в день праздника Пурим (1846 г.), книга пожертвований (священной утварью) в евпаторийскую кенасу (1908 г.). Имеются также проповеди газзанов о нравственности (1850 г.), список текстов молитв, продаваемых с аукциона, и их расценки (1890, 1896 г.), списки членов общины с вопросами анкетного характера (1872 г.).

Фонд 851 «Евпаторийская караимская синагога (кенаса)» включает одну опись, составленную по хронологическому принципу. В состав фонда входят 87 единиц хранения: это книги пожертвований и приходно-расходные книги кенасы за 1821–1920 гг., составленные газзанами и шамашами кенасы. Среди документов встречаются письма представителей других караимских общин, пожертвовавших деньги на различные благотворительные цели. Пагинация листов в большинстве дел отсутствует. На некоторых из дел фонда имеются пометы с переводом летоисчисления (годы «от сотворения мира» переведены в общепринятое «нашей эры») [21, с. 117–121].

Фонды 489 «Бахчисарайская городская дума» (4082 ед. хр.; 1795–1910 гг.), 64 «Бахчисарайская городская управа» (2138 ед. хр.; 1878–1920 гг.), 183 «Симферопольская городская дума» (752 ед. хр.; 1832–1871 гг.), 63 «Симферопольская городская управа» (2801 ед. хр.; 1871–1920 гг.), 518 «Евпаторийская городская дума» (974 ед. хр.; 1853–1973 гг.), 681 «Евпаторийская городская управа» (1740 ед. хр.; 1873–1920 гг.), 63 «Феодосийская городская дума» (57 ед. хр.; 1803–1906 гг.), 522 «Ялтинская городская управа» (2655 ед. хр.; 1871–1920 гг.) содержат информацию о численности караимов, проживавших в городах Таврической губернии, а также об их занятиях. В документах приведены детальные посемейные списки членов караимских общин с

указанием гендерных и возрастных данных; имеются формулярные списки представителей органов городского управления из числа караимов; в протоколах заседаний городских дум и управ встречаются сведения о работе караимов в различных структурах и учреждениях муниципалитета. В делах указанных фондов хранятся документы, отражающие деятельность караимских купцов, промышленников и фабрикантов; важные сведения касаются благотворительности и меценатства, получивших широкое развитие в караимских общинах.

В фонде 755 ГКУ ГАРК «Евпаторийское городское депутатское собрание» собраны дела с предписаниями Евпаторийской городской думы об утверждении «общественного приговора» уполномоченных от национальных общин города касательно сумм обывательского сбора; о составлении городской обывательской книги и суммах на содержание городского собрания; о раскладке суммы на городских обывателей, в том числе на 334 караима и 6 евреев (1858 г.). Определения о восстановлении записей в обывательскую книгу с разделением на части по национальностям (в том числе приведены сведения о купцах из числа караимов, крымских татар, армян и греков) (1862 г.). Присутствуют также прошения купцов-караимов Евпатории о внесении их в городскую обывательскую книгу (1868 г.). В деле с ходатайством о представлении к награждению депутата евпаторийского 2-й гильдии купца И. И. Шайтана за его многолетнюю усердную службу в городском депутатском собрании в течение трех созывов имеются формулярный список о его службе и представление к награждению (1862 г.). Личное дело (формулярный список о службе) депутата Евпаторийской городской думы, сына Таврического и Одесского караимского гахама Симхи бен Шломо Бабовича Шломо (Соломона) Симовича Бабовича (1864 г.) представляет несомненный интерес с точки зрения реконструкции биографий представителей караимских общин. Группу дел также составляют книги о записи денег, поступивших от национальных общин Евпатории, в т. ч. и от караимской общины на содержание Евпаторийского приходского училища (1862–1864; 1865 гг.). Имеются рапорты смотрителя Евпаторийского приходского училища А. Наумова губернскому начальству о поступлении денежных сумм и сообщения о несвоевременном финансировании училища с соответствующими реляциями губернского начальства (1862 г.). Среди документов фонда – рапорты депутата собрания Ш. С. Бабовича об уплате караимской общиной денег на содержание этого учебного заведения (1863 г.).

В делах фонда 755 собраны прошения первой гильдии купцов-караимов о внесении их вместе с семьями в городскую обывательскую книгу (1869 г.). Имеются списки лиц, сделавших взносы на содержание Евпаторийского городского депутатского собрания и для составления городской обывательской книги (1858–1864 гг.); рапорты со сведениями о ходатайстве городского пристава назначить «десятских» от национальных (греческой, караимской, еврейской и крымскотатарской) общин Евпатории для работы по вручению повесток в воинское присутствие, ввиду незнания чинами полицейской команды национальных языков (1864 г.); о необходимости увольнения депутатов в отпуск по коммерческим делам (1862 г.). В контексте истории межконфессиональных и межнациональных контактов в Крыму в XIX в. значительный интерес представляют сведения о возврате крымскотатарской общиной Евпатории денег,

взятых в долг у еврейского общества в счет уплаты общественных сборов в 1862 г. (1862 г.).

ВЫВОДЫ

В рамках одной публикации не представляется возможным дать более детальную характеристику всем фондам ГКУ ГАРК, в которых содержится информация по истории караимских общин Российской империи. В статье были проанализированы лишь некоторые, наиболее значимые архивные фонды, где собраны документы нарративного и иллюстративного характера, отражающие различные эпизоды истории караимских общин. Выяснено, что значительная часть документов в делах фондов ГКУ ГАРК составлена на русском языке; имеются также материалы на караимском языке (некоторые из них выполнены т. н. «караимской скорописью») и на иврите; в отдельных случаях встречаются официальные и деловые бумаги, написанные на русском языке, но древнееврейской графикой. Значительная часть аккумулированных в делах фондов архива документов ранее не вводилась в научный оборот. Эти материалы могут стать важным звеном в научной реконструкции многих малоизученных страниц истории караимов, проживавших как на территории Крымского полуострова, так и в других регионах Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.

Список литературы

1. Панов Д. А. Обзор генеалогических источников Государственного архива Республики Крым в Симферополе. Часть I // Генеалогический вестник. – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 16–23.
2. Панов Д. А. Обзор генеалогических источников Государственного архива Республики Крым. Часть II // Генеалогический вестник. – СПб., 2001. – Вып. 5. – С. 68–76.
3. Кравцова Л. П. Народы Крыма: этнографические исследования в XX в. Обзор архивных фондов Л. И. Кая, А. И. Полканова, В. И. Филоненко // Этнография Крыма. – Симферополь, 2002. – С. 328–332.
4. Кравцова Л. П. Обзор документов по истории евреев в фондах Государственного архива Крыма // Евреи Крыма: Очерки истории / Под ред. З. Соломонник. – Симферополь – Иерусалим, 1997. – С. 100–109.
5. Катина Е. В. Еврейские общественные организации Крыма (1917–1920 гг.) // Крымский Архив. Историко-краеведческий и литературно-философский журнал / Крымский центр гуманитарных исследований, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2009. – № 11. – С. 59–83.
6. Центральный государственный архив Республики Крым // Документальные материалы по истории евреев в архивах СНГ и стран Балтии. – СПб.: Акрополь, 1994. – С. 93.
7. Государственный архив Одесской области // Документальные материалы по истории евреев в архивах СНГ и стран Балтии. – СПб.: Акрополь, 1994. – С. 79.
8. Державний архів в Автономній Республіці Крим: Анотований реєстр описів. Відп. ред. Л. Гурбова. – Симферополь: АнтiквА, 2007. – Т. 1: Фонди дорадянського періоду. – 388 с.
9. Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы. Путеводитель; Научн. ред.-сост. М. С. Куповецкий, Е. В. Старостин, М. Веб. – М.: РГГУ, ЕТСА, ИВО, 1997. – 503 с.
10. Документы по истории и культуре евреев в архивах Киева: Путеводитель; Науч. ред.-сост.: Е. И. Меламед, М. С. Куповецкий; Рос. гос. гуманитар. ун-т и др. – К.: Дух і Літера, 2006. – 752 с.
11. Документы по истории и культуре евреев в региональных архивах Украины. Путеводитель; Т. 1. Вольнская, Житомирская, Ровенская, Черкасская области; Рос. гос. гуманитар. ун-т и др.; Науч. ред.-сост. Е. И. Меламед. – К.: Феникс, РГГУ 2009. – 472 с.

12. Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга. Путеводитель. Т. 1. Федеральные архивы; Рос. гос. гуманитар. ун-т и др.; Научн. ред.-сост. А. И. Иванов, М. С. Куповецкий, А. Е. Локшин. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. – 640 с.
13. Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга. Путеводитель. Т. 2. Региональные архивы; Рос. гос. гуманитар. ун-т и др.; Научн. ред.-сост. А. И. Иванов, М. С. Куповецкий. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2012. – 584 с.
14. Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси. Путеводитель; Научн. ред.-сост. М. С. Куповецкий, Е. В. Старостин, М. Веб. – М.: РГГУ, ЕТСА, ИВО, 2003. – 607 с.
15. Документы по истории и культуре евреев в региональных архивах Украины: Путеводитель. – Т. 2: Николаевская, Одесская, Херсонская области; Науч. ред.-сост. Е. И. Меламед; Ред. кол.: А. И. Иванов, М. С. Куповецкий, Е. И. Меламед, Д. Фишман; Рос. гос. гуманитар. ун-т и др. – К.: Изд. дом «Стилос», 2014. – 776 с.
16. Прохоров Д. А. Деятельность Таврического и Одесского караимского духовного правления в контексте межэтнических и межконфессиональных отношений в Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. – Симферополь, 2007. – Т. 20 (59), № 5. – С. 255–264.
17. Прохоров Д. А. Документы по истории взаимоотношений между представителями караимских и еврейских общин Таврической губернии в XIX – начале XX веков в Государственном архиве при СМ в АР Крым (гражданско-правовой аспект) // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудайке. Памяти профессора Р. М. Капланова. – М.: «Книжники», 2009. – Ч. II. – С. 345–364.
18. Прохоров Д. А., Белый О. Б. Обзор документов фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления из Государственного архива в АР Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. – Симферополь, 2008. – Вып. XIV. – С. 513–573.
19. Прохоров Д. А., Прохорова А. В. История развития благотворительности в караимских общинах Таврической губернии в XIX – начале XX вв. (по документам Государственного архива в АР Крым) // *Quarterly Review / International Institute of the Crimean Karaites*. – Слипери-Рок, США – Симферополь, Украина, 2010. – Vol. XIV. – С. 14–23.
20. Прохорова А. В. Духовные завещания представителей крымских караимских общин как источник по истории развития благотворительности в Таврической губернии в середине XIX – начале XX веков // Материалы III Международной научно-теоретической конференции «Социально-политические и культурные проблемы современности». – Симферополь: ДИАЙПИ, 2010. – С. 590–594.
21. Прохорова А. В. Фонд «Евпаторийская караимская синагога (кенаса)» в Государственном архиве в Автономной Республике Крым – малоизвестный источник по истории благотворительности крымских караимов // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму: сборник научных трудов. Ред.-сост. В. Г. Тур. – Симферополь: АнтикВА, 2012. – С. 117–121.
22. ГКУ ГАРК, ф. 727, оп. 1, д. 197.
23. ГКУ ГАРК, ф. 727, оп. 2, д. 2.
24. ГКУ ГАРК, ф. 727, оп. 2, д. 3.

References

1. Panov D. A. *Obzor genealogicheskikh istochnikov Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Krym v Simferopole. Chašt' I* // *Genealogicheskij vestnik*. – Sankt-Peterburg, 2001. – Vol. 3. – P. 16–23.
2. Panov D. A. *Obzor genealogicheskikh istochnikov Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Krym. Chašt' II* // *Genealogicheskij vestnik*. – Sankt-Peterburg, 2001. – Vol. 5. – P. 68–76.
3. Kravcova L. P. *Narody Kryma: jetnograficheskie issledovanija v XX v. Obzor arhivnyh fondov L. I. Kaja, A. I. Polkanova, V. I. Filonenko* // *Jetnografija Kryma*. – Simferopol', 2002. – P. 328–332.
4. Kravcova L. P. *Obzor dokumentov po istorii evreev v fondah Gosudarstvennogo arhiva Kryma* // *Evrei Kryma: Oчерki istorii / Pod red. Z. Solomonnik*. – Simferopol' – Jerusalem, 1997. – P. 100–109.

5. Katina E. V. Evrejskie obshhestvennye organizacii Kryma (1917–1920 gg.) // Krymskij Arhiv. Istoriko-kraevedcheskij i literaturno-filosofskij zhurnal / Krymskij centr gumanitarnyh issledovanij, Tavricheskij nacional'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol', 2009. – № 11. – P. 59–83.
6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym // Dokumental'nye materialy po istorii evreev v arhivah SNG i stran Baltii. – Sankt-Peterburg: Akropol', 1994. – P. 93.
7. Gosudarstvennyj arhiv Odesskoj oblasti // Dokumental'nye materialy po istorii evreev v arhivah SNG i stran Baltii. – Sankt-Peterburg: Akropol', 1994. – P. 79.
8. Derzhavnij arhiv v Avtonomnij Respublicii Krim: Anotovaniy reestr opisiv. – Simferopol': AntikvA, 2007. – T. 1: Fondi doradjans'kogo periodu. – 388 p.
9. Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v arhivah Moskvy. Putevoditel'; Ed. by M. S. Kupoveckij, E. V. Starostin, M. Veb. – Moskva: RGGU, ETSA, IVO, 1997. – 503 p.
10. Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v arhivah Kieva: Putevoditel'; Ed. by E. I. Melamed, M. S. Kupoveckij; Ros. gos. gumanitar. un-t i dr. – Kiev: Duh i Litera, 2006. – 752 p.
11. Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v regional'nyh arhivah Ukrainy. Putevoditel'; T. 1. Volynskaja, Zhitomirskaja, Rovenskaja, Cherkasskaja oblasti; Ros. gos. gumanitar. un-t i dr.; Ed. by E. I. Melamed. – Kiev: Feniks, RGGU 2009. – 472 p.
12. Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v arhivah Sankt-Peterburga. Putevoditel'. T. 1. Federal'nye arhivy; Ros. gos. gumanitar. un-t i dr.; Ed. by A. I. Ivanov, M. S. Kupoveckij, A. E. Lokshin. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skij dom «Mir», 2011. – 640 p.
13. Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v arhivah Sankt-Peterburga. Putevoditel'. T. 2. Regional'nye arhivy; Ros. gos. gumanitar. un-t i dr.; Ed. by A. I. Ivanov, M. S. Kupoveckij. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skij dom «Mir», 2012. – 584 p.
14. Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v arhivah Sankt-Peterburga. Putevoditel'. T. 2. Regional'nye arhivy; Nauchn. Ed. by A. I. Ivanov, M. S. Kupoveckij. – Sankt-Peterburg: Mir, 2012. – 584 p.
15. Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v regional'nyh arhivah Ukrainy: Putevoditel'. – T. 2: Nikolaevskaja, Odesskaja, Hersonskaja oblasti; Ed. by E. I. Melamed; Ed. coll: A. I. Ivanov, M. S. Kupoveckij, E. I. Melamed, D. Fishman; Ros. gos. gumanitar. un-t i dr. – Kiev: Izd. dom «Stilos», 2014. – 776 p.
16. Prohorov D. A. Dejatel'nost' Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravlenija v kontekste mezhetnicheskikh i mezkhkossional'nyh otnoshenij v Tavricheskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: Filologija. – Simferopol', 2007. – T. 20 (59), № 5. – P. 255–264.
17. Prohorov D. A. Dokumenty po istorii vzaimootnoshenij mezhdru predstaviteljami karaimskikh i evrejskikh obshhin Tavricheskoj gubernii v XIX – nachale XX vekov Gosudarstvennom arhive pri SM v AR Krym (grazhdansko-pravovoj aspekt) // Problemy evrejskoj istorii. Materialy nauchnyh konferencij Centra «Sjefer» po iudaike. Pamjati professora Rashida Muradovicha Kaplanova. – Moskva: «Knizhnik», 2009. – Ch. II. – P. 345–364.
18. Prohorov D. A., Belyj O. B. Obzor dokumentov fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravlenija iz gosudarstvennogo arhiva v AR Krym // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. – Simferopol', 2008. – Vol. XIV. – P. 513–573.
19. Prohorov D. A., Prohorova A. V. Istorija razvitiya blagotvoritel'nosti v karaimskikh obshhinah Tavricheskoj gubernii v XIX – nachale XX vekov (po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva v AR Krym) // Caraimica. Quarterly Review / International Institute of the Crimean Karaites. Slipperi-Rock, USA – Simferopol', Ukraina, 2010. – Vol. XIV. – P. 14–23.
20. Prohorova A. V. Duhovnye zaveshhanija predstavitelej krymskikh karaimskikh obshhin kak istochnik po istorii razvitiya blagotvoritel'nosti v Tavricheskoj gubernii v seredine XIX – nachale XX vekov // Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii «Social'no-politicheskie i kul'turnye problemy sovremennošti». – Simferopol': DIAJPI, 2010. – P. 590–594.
21. Prohorova A. V. Fond «Evpatorijskaja karaimskaja sinagoga (kenasa)» v Gosudarstvennom arhive v Avtonomnoj Respublike Krym – maloizvestnyj istochnik po istorii blagotvoritel'nosti krymskikh karaimov // Jetnokul'turnye i mezkhkossional'nye otnoshenija v Krymu: sbornik nauchnyh trudov / Ed. by V. G. Tur. – Simferopol': AntikvA, 2012. – P. 117–121.
22. GKU GARK, f, 727. op. 1, d. 197.

23. GKU GARK, f, 727. op. 2, d. 2.

24. GKU GARK, f, 727. op. 2, d. 3.

Prokhorov D. Materials of the State archive of the Republic of Crimea in the context of the history of the Karaites: the problem of the use and interpretation of sources / D. Prokhorov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 242–250.

The article analyzes the funds of the State Archive of the Republic of Crimea (Simferopol), in which the deposited material relating to the history of the Karaite communities that existed in the territory of the Crimea and other regions of the Russian Empire at the end of XVIIIth – beginning of XXth centuries. Rare documents narrative and illustrative nature have been analyzed previously come to the attention of researchers. The conclusion is that a significant portion of these documents in the affairs of the archive's funds composed in Russian; there are also materials in Karaim and Hebrew; in some cases there are even official and business papers, written in Russian, but the Hebrew graphics. A significant part of the materials contained in the affairs of archive funds not previously been introduced into scientific circulation. These documents can be an important link in the scientific reconstruction of many little-known pages of history of the Crimean Karaites.

Keywords: Karaites, Russian Empire, Tavrida province, archival funds.

УДК 902.911 (Даг)

**КАЗАНСКАЯ АРАБОЯЗЫЧНАЯ СТАРОПЕЧАТНАЯ
КНИГА В ДАГЕСТАНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)**

Османова М. Н.

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, РФ
E-mail: osmanova-milena@rambler.ru*

Вопрос о распространении в Дагестане старопечатных книг на арабском языке, изданных в Казани, бывшей в конце XIX – начале XX вв. основным центром мусульманского книгопечатания в Российской империи, до настоящего времени не был предметом научного исследования. Автор статьи, опираясь на экспедиционный материал, показывает, что в Дагестане имела широкое хождение богословская, суфийская и другая литература, изданная в типографиях Казани, в том числе сочинения по грамматике, логике, мусульманскому праву. Этому способствовали тесные связи татарской духовной элиты и дагестанских ученых, многие из которых учились в казанских медресе-алия. Особую популярность за четкий и красивый печатный шрифт, разработанный на основе почерка насх, приобрели казанские Кораны. Автор проводит параллель между некоторыми аспектами татарской и дагестанской книжных культур в указанный период.

Ключевые слова: арабо-мусульманская литературная традиция, типография, книжные коллекции, книгопечатание, религиозная тематика, классические произведения стран Востока.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX – начале XX вв. на территории Российской империи сложилось несколько центров мусульманского книгопечатания. Книги печатались на арабском, персидском, тюркских, а также местных языках с использованием арабской графики. Тематика печатных книг была самой разнообразной: грамматика, литература, поэзия, лексикография, философия, логика, риторика, фикх, богословие (калам), суфизм, суфийская этика, астрономия и многое другое. Значительная часть печатных книг, издаваемых в мусульманских типографиях Российской империи, представляла собой сочинения средневековых арабоязычных авторов – таких, как Абдаррахман Джами, Ибн Аджуррум, Ахмад ад-Даманхури, Ахмад ибн Динкуз ар-Руми, Ибн Хаджар ал-Хайсами, Джалаладдин ал-Махалли, Ибн Хишам, Ибн Малик, Джамаладдин б. ‘Абдалгани ал-Ардабили, Махмуд аз-Замахшари, Ибн Малик ал-Андалуси, Кутбаддин ар-Рази, ‘Изаддин ал-Занджани, Са‘даддин ал-Барда‘и и др. Издание сочинений выдающихся средневековых авторов, творивших на арабском языке, позволяло народам востока Российской империи приобщаться к достижениям науки и культуры народов Ближнего и Среднего Востока. Многие произведения классической литературы Востока, научные трактаты, дошедшие до нас на арабском языке, были неоднократно переведены на национальные языки и также напечатаны.

В Дагестане, Азербайджане и Туркестане книгопечатание арабским шрифтом возникает приблизительно в одно и то же время – в конце XIX – начале XX вв., тогда как в Казани оно возникло намного раньше – в начале XIX века. Казанские старопечатные книги получили широкое распространение в мусульманских регионах Российской империи, что подтверждается поисковой работой ученых – как арабистов, так и тюркологов.

В основу данной статьи легли материалы археографических экспедиций, ежегодно проводимых отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в высокогорных и равнинных районах Дагестана.

Печатные книги, изданные в Казани, очень часто встречаются здесь в частных и мечетских книжных коллекциях. Большое количество казанских старопечатных книг находится в настоящее время на руках у жителей равнинного Дагестана (Каякентский, Карабудахкентский, Хасавюртовский районы). Много их и в самой большой коллекции старопечатных книг Дагестана – Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

Особой популярностью у дагестанцев пользовались Кораны, изданные в Казани, – читателям нравился их четкий и разборчивый шрифт, красивое и изящное оформление. Это подтверждается находками археографических экспедиций разных годов. Так, экспедиция 2006 г. в Каякентском районе в мечети селения Алходжакент обнаружила несколько Коранов, изданных в Казани, в том числе *هفتيک شريف* (первая 1/7 часть Корана), изданный в 1902 г. (1320 г. х.) в типографии наследников Чирковой на средства наследников Хаджи Шамсадина, сына Хусейна, с разрешения цензуры С.-Петербурга от 5 августа 1902 г. Изданные в Казани Кораны хранятся в книжных коллекциях Магомеда Кадырова и Ниматуллы Абзаева из селения Алходжакент.

Идентичные экземпляры Корана *کلام شريف* из коллекции Ниматуллы Абзаева (с. Алходжакент) и Алипбека Капиева (с. Гаша) изданы в Казани 4 мухаррама 1299 г. х. (1881 г.) на средства Ибрагима, сына Ишмурада из деревни Кушар Казанской губернии (формат 32 x 20 см; 424 стр., восточная пагинация, кустоды) с разрешения цензуры С.-Петербурга от 10 июля 1881 г.

Один из экземпляров Корана, изданный в Казани в марте 1903 г. (*کلام شريف*), найден у жительницы с. Алходжакент Кизкаевой Умсарият (формат 23,5 x 14 см; картонный переплет; тонкая белая бумага, пагинация восточная, кустоды, элементы геометрического орнамента в оформлении).

Из всех неполных списков Корана, имевших хождение среди мусульман Российской империи, наиболее распространенной являлась так называемая «седемца» (1/7 часть Корана) – *هفتيک شريف* – «Священный Хефтияк». Он состоит из вступительной главы («Фатиха»), затем идут 5 первых стихов 2-й главы Корана («ал-Бакара»), затем 36-я глава («Йасин»), 48-я и по порядку остальные. Хефтияк составляет почти вторую половину изданий коранической литературы, он издавался в Казани около 260 раз.

В Казани издавались не только Кораны – здесь печаталась исламская литература самого разного плана.

В XIX – начале XX вв. Казань становится крупнейшим центром мусульманского книгопечатания в Российской империи. Развитие книгопечатания в Казанской губернии связано с основанием Казанской гимназии (1759 г.) и Казанского университета (1804 г.).

В 1800 г. по инициативе татарского населения при Казанской гимназии была открыта первая в Казани типография. Поскольку в ней печатались главным образом книги на арабском, татарском, турецком, персидском и других восточных языках, она называлась Азиатской. Типография была создана для печатания религиозных книг, однако очень скоро в ней стали печататься и светские книги, главным образом учебники. Только за первые три года работы Азиатская типография напечатала более 31 тыс. книг на татарском и арабском языках. В 1806 г. было издано уже 27 тыс. книг. После слияния в 1829 г. Азиатской типографии с университетской издания на арабском, татарском, турецком и персидском языках стали выходить ежегодно в тысячах экземпляров. Они рассылались и за пределы Казанской губернии – на Кавказ, а также в страны зарубежной Азии [1, с. 109].

Первыми арабоязычными изданиями типографии Казанского университета были «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемая в Императорской Казанской гимназии» Ибрагима Халфина и сочинение «Хасийат асма асхаб Бадр», в котором предисловие было дано на татарском языке и далее были перечислены имена сподвижников Пророка при исторической битве у Бадра [2, с. 35–36].

В 1810–1830 гг. количество издаваемых в Казани книг было незначительным. Причина заключалась в том, что отсутствовали пригодные для печатания арабские шрифты, расценки на печатание мусульманских книг, установленные гимназией, были очень высокими. По мнению известного исследователя татарской печатной книги А. Г. Каримуллина, владельцы типографии долго хотели быть монополистами, препятствуя при этом укреплению ее материальной базы [3, с. 117–124].

В годы николаевской реакции после подавления восстания декабристов в 1825 г. царская цензура необычайно усилилась. В 1826–1828 гг. она была необычайно реакционной, появились также местные органы цензуры, усилилась зависимость от произвола чиновников. В конце 40-х – начале 50-х гг. XIX века, в период, получивший название «цензурного террора», процесс допуска рукописи к изданию был крайне сложным, требовалось суждение местного цензора, а в случае если у него возникали сомнения, то рукопись поступала в Главное управление цензуры. Но даже при таких условиях с 1840 по 1850 гг. было издано около 100 книг на арабском языке, хотя, по утверждению Каримуллина А. Г., разрешение на издание получили 332 книги [3, с. 148].

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕМАТИКА В ТАТАРСКОМ КНИГОПЕЧАТАНИИ СЕРЕДИНЫ XIX в.

С 1845 г. типография Казанского императорского университета начинает активно издавать литературу религиозной тематики, сочинения по мусульманскому праву. В их числе:

1. Хизб ал-а'зам ал-мубарак (1845), автор – Али б. Султан ал-Кари (ум. в 1014/1605 г.)
2. Мухтасар ал-викайа фи маса'ил ал-хидайа – изданный Казембеком сокращенный вариант курса законоведения о религии и быте, автор – знаменитый мусульманский правовед Убайдулла б. Масуд б. Таджушшариа (в дальнейшем эту книгу переиздавали более 40 раз).

Одно из важнейших сочинений по мусульманскому праву – «Фикх ал-акбар», автором которого является Ну'ман б. Сабит Абу Ханифа (ум. в 150/767 г.) [4,1,70], издавался вместе с комментариями много раз. Одним из самых популярных комментариев этого сочинения в Поволжье считался труд «Шарх фикх Акбар» Абу ал-Мунтаха Исмааталлаха б. Мухаммада ал-Магнисави, составленный в 939/1532 г. [2, с. 42].

Одним из наиболее важных изданий было этико-назидательное сочинения знаменитого мусульманского мыслителя, философа и суфия Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1058–1111) «Айуха ал-валад».

В 1850 г. в типографии Шевица вышло первое издание знаменитой поэмы о нападке Пророка «Касидат ал-Бурда» ал-Бусири (1221–1294), имевшей огромную популярность в мусульманском мире, ей приписывалась чудодейственная магическая сила. В Казанской губернии она была известна под названием «Амин тазак» (по ее начальным словам).

Поэма неоднократно обрабатывалась, создавались новые стихотворные произведения, включающие ее основной текст. Автором известного «Тахмиса» (пятистишия) на поэму «Касидат ал-Бурда» было сочинение Аббаса Фавзи ад-Дагистани, составленное 13 шававала 1300/17 августа 1883 г. в Стамбуле, под названием «Анис ал-вахд Тахмис ал-бурда» [5, с. 110].

В Дагестане «Касидат ал-бурда» пользовалась не меньшей популярностью, неоднократно переводилась на языки народов Дагестана, о чем свидетельствует «Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана», составленный А. А. Исаевым.

Так, на кумыкском языке касыда ал-Бусири под названием «Аминтазаны тарджумасы» была издана в 1905 г. в Порт-Петровске, в типографии А. М. Михайлова в переводе известного ученого Абусуфьяна Акаева из Казанища, а в 1910 г. вышло второе издание этой же поэмы тиражом 2000 экземпляров по доступной для населения Дагестана цене в 5 копеек. Переписчиком литографии был Гасан Ибрагимов из Нижнего Казанища (Катиб Хасан) [6, с. 85].

В 1907 г. в типографии М. М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре 2 раза была издана «Касидат ал-бурда фи мадх хайр ал-барийа» в переводе на аварский язык Уммахана из Дылыма и Курбанали Магомедова. В 1911 году в типографии М. М. Мавраева тиражом 1000 экземпляров было издано произведение «Анис ал-вахда би таштир тарджамат ал-Бурда», представляющее собой перевод вышеуказанного стихотворения Аббаса ал-Фавзи ад-Дагистани на аварский язык [6, с. 45]. В 1915 году вышло в свет третье издание «Касидат ал-бурда фи мадх хайр ал-барийа» в переводе на аварский язык.

На даргинском языке «Касидат ал-бурда» была издана в Темир-Хан-Шуре в 1909 г. (в сборнике было 3 популярные касыды религиозного толка: «Касидат ал-Бурда»,

«Касидат ал-Мударийа» и «Касидат ал-Бада'ту»), перевел на даргинский язык касыды Мухаммад, сын Абдулазиза из Хаджалмахи.

Не остались в стороне от столь известного произведения и переводчики на лакский язык. В 1909 г. в той же типографии М. М. Мавраева вышел лакский перевод касыды «ал-Бурда» тиражом 3000 экземпляров в переводе Хаджимурада из Цыйши.

В середине XIX века татарские книги религиозного содержания начинают выходить на международный рынок, появляются на книжных рынках Средней Азии, некоторых стран Ближнего и Среднего Востока. Полиграфические особенности татарской печатной книги на арабском языке, в том числе особенности технического исполнения, – это сочетание традиционно восточных и типично западных традиций. По мнению известного исследователя татарской рукописной книги М. А. Усманова, «Казанские печатники сумели выработать на основе наиболее удобочитаемого почерка «нашх» характерный только для наших изданий изящный шрифт, получивший на Востоке название казанского шрифта [7, с. 29].

В середине 50-х гг. XIX века типография Казанского университета начинает активно издавать литературу религиозного содержания на арабском языке: « 'Айн ал-'илм ва зайн ал-хилм» Усмана б. Умара ал-Балхи (ум. ок. 1397), «Хадис ал-арбаин» ан-Навави (ум. в 1278 г.) и многие другие.

В 60-х годах начинают издаваться грамматические сочинения и пособия по изучению арабского языка, в том числе «ал-Кафийа» ибн ал-Хаджиба (ум. в 1248 г.), «Вафийа» шарх аш-Шафийа» Ахмада б. Мухаммада б. Аби Бакра (ум. в 1411 г.). В 60-х гг. XIX в. Коран и его части издавались в Казани более 80 раз. [2, с. 57].

Постепенно нарастала тенденция к снижению себестоимости книги, что достигалось путем более полного использования листа, отказа от иллюстраций, печатания на дешевой бумаге.

Издатели расширяли книжный рынок за счет издания памятников литературы и науки мусульманских народов. В 50-е – 60-е гг. XIX века в Казани появляются новые типографии и издательства. В их числе: типография Людвиг Шевича, литография Шаги Яхина, типография Рахимджана Саитова, хромофотография купца второй гильдии Николая Данилова, типография казанского мещанина Александра Тимофеева, типография прусского подданного Тилли.

В разгар реакционной политики царизма в отношении цензуры в 70-е – 80-е гг. XIX века значительно снижаются тиражи книг по общественным и экономическим вопросам, увеличивается выпуск религиозных и лубочных изданий (лубочных картин, гадательных таблиц) [11, с. 117]. В это время было издано более 100 молитвенников (изображения Каабы, Мекки, Медины, таблицы с молитвами и аятами из Корана), брошюры-молитвенники «Шурат ас-салат» [6, с. 77] и др. Книга с подобным названием, представляющая собой изложение ритуальных обрядов мусульман, вышла в 1907 г. в типографии М. М. Мавраева на кумыкском языке тиражом в 2000 экземпляров (объемом 16 страниц). В этом же году был издан сборник основных догматов ислама «Тарджамат мухтасар ва усул ад-дин ва баб ма'рифат ал-ислам» Шихамматкади, сына Байбулата из Эрпели.

В это же время татарские издатели активно издают памятники литературы и науки мусульманских народов. В их числе – многочисленные сочинения по фикху, в т. ч. Ибрахима б. Мухаммада ал-Халаби (ум. 1549 г.).

В 1874 г. цензурный комитет переводят из Казани в Санкт-Петербург, что значительно усложняет положение татарского книгоиздания. Из Санкт-Петербургского цензурного комитета регулярно посылаются циркуляры обращать пристальное внимание на издание мусульманских книг в Казани, при этом детально и кропотливо-му рассмотрению подвергаются даже несущественные и не заслуживающие внимания моменты. Например, казанские типографии обязывают печатать цензурное дозволение на книгах и брошюрах непременно на русском языке на обороте заглавного листа и обозначать год издания обыкновенным и общепринятым летоисчислением, т. е.: «Дозволено Цензурою С.-Петербурга от такого-то числа, месяца, года».

Подобные требования сохранялись и в начале XX века в Дагестане, что видно при рассмотрении титульных листов книг, изданных в типографии А. М. Михайлова в Порт-Петровске – сведения о разрешении цензурой С.-Петербурга напечатаны на русском языке отдельной строкой, что резко выделяется на фоне остального арабского текста.

СУФИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

В 80-х годах XIX в. в Казани начинают активно издавать суфийскую литературу – в 1880 г. в свет выходит сборник суфийских рассказов «Бустан ал-арифин», автор – Абу ал-Лаис Наср б. Мухаммад б. Ибрахим ас-Самарканди (ум. в 373/983 г.). В это время в большом количестве издаются вирды и зикры для мюридов суфийского ордена Накшбанди, а также «Канз ал-ибад фи шарх ал-аврад» (كنز العباد في شرح الاوراد), автор – Шихабалдин Умар б. Мухаммад ас-Сухраварди (ум. в 632/1234 г.).

К разряду зикров относится издание «ал-Хусн ал-Хасин», автор – Мухаммад б. Мухаммад ал-Джазари (ум. 833/1386 г.) (полное название – الحصن الحصين من كلام سيد المرسلين) [8, 1, 173, 3419–3431], издано в Казани в типографии Домбровского, 1895 г. объемом 242 с. [9, с. 133].

Большое количество сочинений суфийского толка было напечатано в типографии Братьев Каримовых с 1901 по 1904 г., в том числе «Иршад ал-муридин» (ارشاد المريدين) Хусейна ал-Хваразми (حسين الخوارزمي) (ум. в 958 /1551 г.), принадлежавшего к дервишскому ордену Кубравийа; «Насихат ас-саликин» (نصيحة السالكين), автор – Ахмад б. Мавлана Джалалалдин Хваджаги Касани «Махдум азам» (ум. в 949/1542 г.); «Муршид ас-саликин» (مرشد السالكين) [9, с. 135].

В 1904 г. в типографии торгового дома братьев Каримовых на средства владельца типографии Мухаммед-джана Каримова был издан известный суфийский трактат «Суллам ал-мурид» (سلم المرید) [10, инв. № 905] известного дагестанского ученого-суфия Ильяса Цудахарского (الياس بن محمود الذقارى الداغستاني). Интерес к этому сочинению не утихает и в настоящее время – перевод известного трактата был осуществлен сотрудником Института ИАЭ ДНЦ РАН, к. и. н. А. Р. Наврузовым. В соответствии с

информацией, предоставленной А. Р. Наврузовым, в трактате рассматривается широкий круг вопросов: 1) Силсила тарикатских шейхов от Пророка Мухаммада до самого Ильяса Цудахарского; 2) о тайном зикре, громком зикре, зикре сердцем; 3) о достоверном знании, достоверном источнике; 4) хадисы о зикре, о прямом пути к Господу; 5) о шейхах, о высказываниях тарикатских шейхов; 6) об именах пророков; 7) о ритуале «дуа» в накшбандийском зикре; правила коллективного зикра; 8) касыда о тарикате.

Другие сочинение Ильяса Цудахарского «Кифайат ал-мурид» (كفاية المرید) на кумыкском и арабском языках было издано также в Казани, в типо-литографии наследников М. Чирковой в 1904 г., на средства сыновей шейха Ильяса Махмуда и Мухаммада¹.

Среди изданных в Казани печатных книг, привезенных в Дагестан, значительное место занимают сочинения по филологии.

СОЧИНЕНИЯ ПО ГРАМАТИКЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Одним из самых распространенных грамматических пособий по арабскому языку считался «ал-Унмузадж» (الانمؤذج) выдающего ученого, филолога и литератора из Хорезма Абу ал-Касима Махмуда б. Умара аз-Замахшари (ум. 538/1144 г.). Не менее популярным считался комментарий на «Унмузадж» – сочинение Джамаладдина Мухаммада б. Абдалгани ал-Ардабили «Шарх ал-Унмузадж». В Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН хранится книга «Шарх ал-Унмузадж», изданная в Казани в типо-литографии Императорского университета в 1897 г. наборным способом [10, инв. № 206]. Книга снабжена субкомментариями Дауда Мавлави (حاشية المولوى داود), издатель – Сабир б. Мулла Хамад ал-Казани, 172 с.

Здесь же, в типо-литографии Казанского императорского университета в 1896 г. было отпечатано и другое известное и популярное грамматическое сочинение, имевшее широкое хождение в Дагестане – «Мулла Джамиди «Ала ал-Кафийа» (или ал-Фава'id ал-Дийаййа) Абдаррахмана Джамиди (1414–1492) [10, инв. № 140]. В Дагестане сочинении Абдаррахмана Джамиди часто печатались под названием «Шарх мулла Джамиди», «Мулла Джамиди» или «Джамиди».

Не менее востребованны были и сочинения по логике, напечатанные в Казани. В их числе – «Шарх ал-Тахзиб» Мухаммада б. Асада ас-Садики ад-Давани (комментарий на а-Тафгазани), изданное в Императорской типографии г. Казани Мухаммеджаном, сыном Минхаджиддина ас-Саратаги в 1888 г. (формат 27 x 17,5 см; 84 (+9) стр.) [10, инв. № 630]; «Шарх аш-Шамсийа» Кутбаддина ар-Рази ат-Тахтани, изданное в 1896 г. в типо-литографии наследников М. Чирковой Мухаммеджаном, сыном Шарафуддина Каримова (ал-Карими) (формат 26 x 18 см; 145 с.) [10, инв. № 618].

Таким образом, можно сделать вывод, что казанские старопечатные книги самой разнообразной тематики были широко востребованы дагестанцами и привозились распространителями книг и книготорговцами в значительном количестве.

---

¹ Книга предоставлена с. н. с. Отдела востоковедения ИИАЭ ДНЦ РАН Оразавым Г. М.-Р. из его личной библиотеки. Выражаю ему благодарность.

Большую роль в деле изучения письменного и старопечатного наследия на арабском языке играют археографические экспедиции в разные районы Дагестана, ежегодно проводимые отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии дагестанского научного центра РАН. Много лет ими руководил выдающийся дагестанский востоковед, доктор исторических наук, профессор Амри Рзаевич Шихсаидов. Последние несколько лет экспедиции проводятся под руководством его ученика, заместителя директора ИИАЭ ДНЦ РАН, кандидата исторических наук Амира Рамазановича Наврузова. Автору статьи посчастливилось работать в составе этих экспедиций, отдавая приоритет исследованию старопечатным книгам.

В настоящее время наблюдается и другая тенденция – сочинения мусульманских мыслителей на арабском языке переводятся учеными-востоковедами и издаются. Одними из первых в этом направлении стали востоковеды Санкт-Петербурга, давшие науке переводы, выполненные на очень высоком уровне. Активную деятельность по изданию письменных памятников, в том числе и средневековых, проводит Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. С недавнего времени к нему присоединился и Дагестанский научный центр РАН, где ведутся фундаментальные исследования сочинений дагестанских авторов по суфизму, богословию, мусульманскому праву и другим дисциплинам на арабском языке.

Список литературы

1. Закиров С. З. Издания на восточных языках в Казани в первой половине XIX в // Народы Азии и Африки. 1961. № 6.
2. Сафиуллина Р. Р. История книгопечатания на арабском языке в России у мусульман Поволжья. Казань, 2003.
3. Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги: От начала возникновения до 60-х годов XIX века. Казань, 1992.
4. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur, Bd I–II. 2 Aufl. Leiden, 1943–1949 (на нем. языке).
5. Шихсаидов А. Р., Омаров Х. А. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова), Махачкала, 2005.
6. Исаев А. А. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период). Махачкала, 1989.
7. Усманов М. А. Традиции татарской рукописной книги // Слово о книге. Казань, 1994.
8. Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. Краткий каталог / Под ред. А. Б. Халидова. Т. I–II. М., 1986.
9. Сафиуллина Р. Р. Арабская книга в духовной культуре татарского народа. Казань, 2003.
10. Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН) – Ф. 15, оп. 1.
11. Баренбаум И. Е. История книги: Учебник для вузов. М., 1984.

References

1. Zakirov S. Z. Editions in the Eastern languages in Kazan at the first half of the 19th century//People of Asia and Africa. 1961. No. 6.
2. Safiullina R. R. A history of publishing in Arabic in Russia at Muslims of the Volga region. Kazan, 2003.

**КАЗАНСКАЯ АРАБОЯЗЫЧНАЯ СТАРОПЕЧАТНАЯ КНИГА В ДАГЕСТАНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)**

---

3. Karimullin A. G. At sources of the Tatar book: from the beginning of emergence until 60th years of the XIX century. Kazan, 1992.
4. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur, Bd I–II. 2 Aufl. Leiden, 1943–1949 (in German language).
5. Shikhsaidov A. R., Omarov H. A. Catalog of the Arab manuscripts (The collection of M.-S. Saidov). Makhachkala, 2005.
6. Isaev A. A. The Catalog of printing books and publications in the languages of Daghestan people (the pre-revolutionary period). Makhachkala, 1989.
7. Usmanov M. A. Traditions of the Tatar hand-written book // A word about the book. Kazan, 1994.
8. Arab manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. The brief catalog / Under the editorship of A. B. Halidov. T. I–II. M, 1986.
9. Safiullina R. R. The Arab book in spiritual culture of the Tatar people. Kazan, 2003.
10. Fund of Eastern manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences – F. 15. Inventory 1.
11. Barenbaum I. E. The history of a book: the textbook for higher education institutions. M, 1984.

Osmanova M. N. The Kazan arabic old-printed book in Daghestan (according to the materials of archaeological expeditions) / M. N. Osmanova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 251–259.

The question of spreading of the Arabian old-printed books in Daghestan, that were published in Kazan (the main center of Muslim publishing in the Russian Empire at the end of XIX – beginning of the XX century), was not a subject of scientific research until now. The author of article, using the materials of expeditions, shows that the theological, Sufi and other literature published in printing houses of Kazan, including compositions on grammar, logic, Muslim law was in broad use in Daghestan. It was promoted by close ties of the Tatar spiritual elite and the Daghestan scientists, many of whom studied in Kazan madrasahs-aliya. The Qurans printed in Kazan have gained special popularity for the accurate and beautiful printing font based on Naskh handwriting – they are present at many private and mosque book collections studied by the Daghestan orientalisists in different years. Annual archaeological expeditions of the Daghestan scientists-orientalisists have found and have fixed several large collections of the old printing books differing in thematic wealth and variety. The author pays attention to that the most often old printing books published in Kazan were found in book collections of plain Daghestan though they are also present at mountain areas. The author draws a parallel between some aspects of the Tatar and Daghestan book cultures during the specified period, emphasizing the subject, that is typical of Muslim regions, and the most popular works of classical Arabic literature. Many works of the Daghestan scientists-theologians ha been published for the first time in Kazan. Thus, Sufi compositions of the famous Daghestan Sheikh Ilyas Tsudakharsky have been published in printing house of Karimov brothers. Printing editions in Arabic were under close attention of imperial censorship – only after its permission the work could be issued. Data on permission of censorship of St. Petersburg with indication of it's passing date are present on title pages of the majority of the compositions published also in Kazan, Temir-Khan-Shura and Port-Petrovsk, and they were specified in Russian (sometimes in the Russian and Arabic). The Tatar old printing book has played an important role in familiarizing of the people of Daghestan with masterpieces of science and literature of classics of the East.

Keywords: Arabic-muslim literary traditions, printing house, book collections, book printing, religious subjects, classic works of the Eastern countries.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТРОПОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Я. К. ЗАНКИЕВА И Б. В. СУЛЕЙМАНОВА

**(на материале романов «Любовь, объята пламенем»,
«Зори Иртыша» (в 2-х частях), рассказа «Остроушко»
и сборника рассказов «Я – сибирский татарин»)**

Мукашева Г. А.

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail: guzikfajzullina@mail.ru

В статье рассматриваются языковые пласты, которые участвовали в формировании антропонимической системы произведений писателей Сибири

Ключевые слова: имя собственное, художественный текст, антропонимикон, генетические пласты, литературный антропоним.

ВВЕДЕНИЕ

Внимание к системе имен собственных, в частности антропонимов, определяется их особым положением в языке. Личные имена, отчества, фамилии, прозвища людей являются частью лексической системы языка, функционируют в ее рамках, развиваются по языковым законам. Помимо лексического компонента, имена собственные людей в своё понятийное содержание включают также этнографическую, историческую, социальную, культурологическую информацию.

Имена собственные персонажей художественного произведения (литературные антропонимы) являются «неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ».

Совокупность имен персонажей художественного произведения достаточно часто является зеркальным отражением мастерства писателя. Творчество Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова в этой связи можно считать уникальным, поскольку антропонимический мир персонажей произведений данных авторов всесторонне раскрывает реальную действительность, воссозданную воображением писателей. Выбор имен персонажам, как и формирование в целом антропонимического пространства, – это сложный и трудоемкий процесс, сочетающий знание традиций, обычаев, творческую фантазию, ориентированность на реальных прототипов и «житейский» прагматизм [Фролов (1994): с. 159–160].

Личные имена раскрывают такие стороны далекой истории народа, его обычаев, нравов, образа мышления, которые невозможно получить путём изучения исторических и собственно лингвистических материалов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В данной статье рассматриваются языковые пласты, которые участвовали в формировании антропонимической системы произведений писателей Сибири. Большой интерес представляет антропонимический мир в произведениях Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова в том плане, что он охватывает огромное количество личных имён и фамилий, относящихся к разным пластам. В средневековый период мы встречаем имена, сохраняющие в себе определённые традиции татарского народа, его обычаи. Позже возникают новые имена, относящиеся к разным языковым системам.

Не всегда удаётся отнести какое-либо имя в определённый пласт личных имён, так как личное имя – результат многовекового общения народов друг с другом. Некоторые устаревшие лексические единицы выходят из употребления, а вместо них появляются новые слова. Эти изменения происходят в процессе общественного развития.

Изучив антропонимический мир произведений Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова, мы выделили четыре генетических пласта личных имён: арабо-персидский, тюркский, западноевропейский и христианско-русский.

Тюркский пласт. Тюрко-татарский пласт личных имён считается наиболее древним. Г. Ф. Благова о тюркских именах говорит: «В таких именах сохраняются черты чрезвычайной этнокультурной архаики». В современных условиях некоторые из таких имён превратились в имена-пожелания. В основе таких имён заложены различные пожелания только что родившемуся ребёнку. Эти имена встречаются у всех народов

Различают следующие группы имён: **1) имена, в основе которых лежат пожелания красоты.** В изучаемом именнике часто встречаются имена, обозначающие красоту: с антрополоксамами тюрко-татарского происхождения *сылу*, *гузэл* – «красивая». С подобной семантикой в произведениях Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова преобладают в следующих антропонимах: *Минсылу*, (Занкиев, Люб., об. пламенем) – тат. «мин» + «сылу» – «родинка» + «красивая»; *Тансылу* (Занкиев, Люб., об. пламенем) – др. тат. «прекрасная», «очаровательная», «красивая»; *Ымсынай* (Занкиев, Остроушко) – др. тат. «соблазнительная», «притягательная», «приятная»; **2) имена, в основе которых лежат пожелания здоровья, долгой жизни.** С основой тимер «железо», у многих тюркоязычных народов употребляется в составе мужских имён: *Булат*, – тат. «сталь», «стальной», «крепкий», «непробиваемый»; *Таштимер* – др. тат. «таш» (компонент имени) + др. тат. «тимер» – «крепкий, как камень», «прочный, как камень»; *Ташкай* – др. тат. «таш» (компонент имени) + «кай» (уменьшительно-ласкательный суффикс) – «крепкий, как камень»; *Тимержан* – др. тат. «тимер» + перс. «джан» – «сильный душой и телом», «могущественный», «могучий»; *Тимерака* – др. тат. «сильный», «крепкий»; *Нариман* – др. тат. «сильный духом», «богатырь», «крепкий»; **3) имена, в основе которых лежат пожелания счастья, богатства.** Опираясь на фактический материал, можно говорить, что употреблялись следующие имена, отражающие данное пожелание: *Калбай* – др. тат. «кол (кул)» + «бай» – «раб» + «богатый»; *Ураз* – др. тат. «счастье», «благополучие», «радость»;

Уразай – др. тат. «ураз» (компонент имени) + суффикс «ай» – *пожелание счастья, «счастливый», «благополучный».*

В антропонимической системе произведений писателей Сибири весьма распространены личные имена, которые образованы от апеллятивной лексики: *Энже* – «жемчуг»; *Тимер* – «железо»; *Алтын* – «золото» и другие.

Таким образом, татарский пласт антропонимикона произведений Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова сохраняет некоторые черты исконно тюркского влияния. Однако здесь наблюдается тенденция к полному их исчезновению и преобладанию заимствований из других языков.

Арабо-персидский пласт. Арабская классическая антропонимическая модель, которая окончательно сформировалась в позднее средневековье, стала основной для дальнейшего развития систем личных имён во всех странах. У арабов в домусульманской антропонимии основным именем считалось имя, данное при рождении, имя, по которому становился известным человек.

Персидские имена вошли в татарский именник гораздо раньше, чем арабские, благодаря торговым и культурным связям с восточными странами. Проанализировав мужские и женские личные имена и фамилии арабо-персидского происхождения в произведениях Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова, мы выделили несколько групп личных имён арабского и персидского происхождения: **1) личные однокомпонентные арабские имена религиозного характера:** *Мухамед, Мифтах, Ибрагим, Гафур, Ахмет, Захир, Шакир*; **2) личные двухкомпонентные арабо-персидские имена религиозного характера:** *Шафигулла* – араб. «защитник Аллаха», «прославляемый Аллаха». «сторонник Аллаха»; *Хайбулла* – араб. «хранящий тайну», «верный Аллаху», «честный»; *Фатхулла* – араб. «одушевленный», «посланник Аллаха», «верный». *Фатхулла*; **3) личные одно- и двухкомпонентные арабо-персидские имена нерелигиозного характера.** Эти группы также подразделяю на несколько подгрупп:

а) личные имена, которые отражают чувства родителей: *Алия* – «дорогая», «любимая»; *Камиля* – «совершенная», «безукоризненная»; *Джамия* – «красивая», «симпатичная», «прекрасная»; *Гульсина* – «изящная», «красивая», «стройная, как цветок»; *Айса* – «подобный луне»; *Акрам* – «очень видный», «прелестный», «красивый»; *Асан* – «хороший», «положительный», «красивый»; *Малик* – «видный», «знатный» и др;

б) личные имена, отражающие пожелания родителей и близких людей (здоровья, долгих лет жизни): *Айсылу* – «красивая подобно луне»; *Галиябану* – «драгоценная»; *Марвар* – «жемчуг»; *Нигмат* – «счастье», «достаток»; *Зайнап* – «украшение»;

в) личные имена, указывающие на обстоятельства рождения (день, месяц, место и т. д.): *Галия* – «вечер»; *Йомабика* – «женщина, родившаяся в пятницу» (этим именем нарекали детей, которые родились в пятницу).

Западноевропейский пласт. Заимствование иноязычных имён связано со следующими лингвистическими факторами: социальные изменения, развитие производства, степень распространенности и употребительности имён, художественная литература, кино, театр, радио, телевидение и т. д. В татарский язык заимствованы

четыре группы личных имён: личные имена западноевропейского происхождения: французские (*Луиза, Марат, Лениза*), немецкие (*Эдуард, Эрнест*), английские, итальянские (*Эльвира, Розалия*) и другие.

После победы Октябрьской революции в личных именах западноевропейского происхождения прослеживается разграничение грамматического рода. Такие имена имеют следующие окончания: **-т, -ль, -с, -н, -х, -к:** *Альберт, Марс, Марат, Марсель, Эрнест*. Женские заимствованные личные имена оканчиваются на **-а:** *Ильмира, Клара, Эльмира*; реже – на **-ия:** *Лилия, Эмилия*.

Западноевропейские личные имена, которые использованы в антропонимиконе произведений Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова заимствованы посредством русского языка в послеоктябрьский период. В произведениях данных писателей мы наблюдаем использование иноязычных имён. Но их не так часто можно встретить в текстах данных авторов, как имена тюркского, арабского и персидского происхождения. Употребления таких имён в изученных текстах единичны.

Христианско-русский пласт. При анализе произведений Я. К. Занкиева (романы «Любовь, объятая пламенем», «Зори Иртыша», в 2-х частях, рассказы «Остроушко») и Б. В. Сулейманова (рассказы, которые вошли в сборник «Я – сибирский татарин») нами выявлены следующие мужские и женские христианские имена: *Степан* (стар. *Стефан*) происходит от древнегреческого слова «*стефа*» – «нос», «венчик», «венец», «корона», «кольцо»; *Александр* – греч. «защитить» и «муж, мужчина», «мужественный помощник»; *Николай* – греч. «побеждать, победитель»; *Константин* – в основе имени латинский корень «*констанс*», означающий «стойкий», «постоянный», «твердый»; *Михаил* – др. евр. «равный Богу Яхве», «кто как Бог»; *Павел* – лат. «маленький, малый»; *Игорь* – раннее заимствование из скандинавского языка: имя скандинавского бога изобилия + «охранять»; *Владимир* – «владеющий миром» и др.

Женские христианские имена представлены следующим образом: *Галина* – от греческого слова «*галене*», что в переводе означает «спокойствие», «безмятежность», «ясность», «тишина», «гладь моря», «шить на море», «тихая погода»; *Ольга* – имя славянского происхождения, ранее заимствованное из скандинавских языков, это женская форма мужского имени *Олег/Вольга* и означает «солнечная», «значимая», «хорошая», «великая», «большая» (Петровский, 1980); *Надежда* – заимствовано из старославянского языка, где появилось как перевод греческого имени *Эллис* – «надежда»; *Валентина* – в переводе с латинского языка означает «сильная», «здоровая», это имя производное от мужского имени *Валентин*, также есть вариант имени *Валентина* – *Алевтина*, который распространен среди русских, белорусов и украинцев (Петровский, 1980), и др.

В начале и середине XX века в именнике татар часто встречаются христианские имена. Христианско-русский пласт широко представлен в антропонимии писателей Сибири, что позволяет сделать вывод о сильном влиянии русскоязычного именника на именник исследуемых произведений Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова.

Таким образом, для исследования антропонимов в произведениях Я. К. Занкиева (романы «Любовь, объятая пламенем» и «Зори Иртыша», в 2-х частях, рассказы

«Остроушко») и Б. В. Сулейманова (рассказы, которые вошли в сборник «Я – сибирский татарин») мы провели единую классификацию по генетическим пластам. В тюркской антропонимии данной классификацией пользуются многие исследователи – такие, как Г. Ф. Саттаров, Г. А. Шайхулов, М. И. Ахметзянов, Г. Р. Галиуллина и др. В нашей статье мы попытались рассмотреть языковые пласты, которые участвовали в формировании антропонимической системы в произведениях писателей Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова.

Имена личные у каждого народа связаны не только с его культурой, бытом, но и с развитием производительных сил, и для того чтобы какое-либо имя появилось у данного народа, необходимы определенные культурно-исторические условия. Поэтому многие имена несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи.

Список литературы

1. Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар. В 2-х частях. Тюмень, 1999. – 456 с.
2. Благова Г. Ф. К характеристике типов раннетюркских антропонимов // Вопросы языкознания, 1998. № 4. – С. 180–191.
3. Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. Москва, 1987. – 221 с.
4. Галиуллина Г. Р. Антропонимия татар г. Казани в XX в. (на материале личных имён). Казань, 1999. – 221 с.
5. Королёва И. А. Становление русской антропонимической системы. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Москва, 2000. – 36 с.
6. Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имён. Москва, 1995. – 734 с.
7. Саттаров Г. Ф. О чём говорят татарские имена? (полный толковый словарь татарских личных имён). Казань, 1998. – 487 с.
8. Сулейманов Б. В. «Я – сибирский татарин»: поэзия. Проза, публицистика. Екатеринбург, 1998. – 256 с.
9. Фролов Н. К. Функции антропонимов в художественном тексте // Духовная культура Сибири. Тюмень, 1994. – С. 157–164.
10. Якуб Занкиев. Зори Иртыша. Роман. Книга первая. Тюмень, 1996. – 272 с. (на рус. яз.).
11. Якуб Занкиев. Зори Иртыша. Роман. Книга вторая. Тюмень, 1998. – 232 с. (на рус. яз.).
12. Якуб Занкиев. Любовь, объятая пламенем. Роман. Тюмень, 2001. – 280 с. (на рус. яз.).
13. Якуб Занкиев. Кайчыколак / Остроушко / (рассказы и сценарий). Тюмень, 2002. – 68 с.

References

1. Alishina Kh. Ch. Onomasticon of the Siberian Tatars. In 2 parts. Tyumen, 1999. – 456 p.
2. Blagova G. F. To the characteristic types of the early Turkic anthroponyms // Questions of linguistics, 1998. No. 4. – S. 180–191.
3. Gafurov A. Name and history. The names of the Arabs, Persians, Tajiks and Turks. Dictionary. – M.: Nauka, 1987. – 221 p.
4. Galiullina G. R. Anthroponymy of the Tatars of Kazan in XX century (on the example of personal names). Kazan, 1999. – 221 p.
5. Koroleva I. A. the Formation of the Russian anthroponomical system. Abstract. dis. ... doktorafilol. Sciences. Moscow, 2000. – 36 p.
6. Tikhonov A. N., Boyarinova L. W., Ryzhkov, A. G. Dictionary of Russian personal names. Moscow, 1995. – 734 p.
7. Sattarov G. F. talking About Tatar names? (full explanatory dictionary of Tatar personal to them). Kazan: Rannor, 1998. – 487 p.

8. Suleymanov B. V. I Siberian Tatar: poetry. Prose, journalism. Ekaterinburg, 1998. – 256 p.
9. Frolov N. To. Functions of anthroponyms in fiction //Spiritual culture of Siberia. Tyumen, 1994. – S. 157–164.
10. Zankiev J. K. Dawn Of The Irtysh. Roman. Book first. Tyumen, 1996. – 272 p. (in Russian. lang.).
11. Zankiev J. K. Dawn Of The Irtysh. Roman. The second book. Tyumen, 1998. – 232 p. (in Russian. lang.).
12. Zankiev J. K. Love in flames. Roman. Tyumen, 2001. – 280 p. (in Russian. lang.).
13. Zankiev J. K. Kichikalaj /Ostroushko/ (stories and screenplay). Tyumen, 2002. – 68 p.

Mukasheva G. A. Ethno-genetic characteristics of anthroponyms used in the works of J. K. Zangieva and B. V. Suleymanova (based on the novels «Love in flames», «dawn of the irtysh» (in 2 parts), the story «Ostroushko» and storybook «I siberian tatar») / G. A. Mukasheva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 260–265.

This article examines the linguistic formations that participated in the formation of anthroponomical system of works by writers of Siberia

This article examines the linguistic formations that participated in the formation of anthroponomical system of works by writers of Siberia

Key words: proper name, literary text, anthroponimics, genetic reservoirs, literary anthroponym.

УДК 808.2.

АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ КРЫМСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Чурлу М. Ю.

*Заслуженный художник Украины. Член Союза художников Украины и РФ,
г. Симферополь, Россия
E-mail: chatirdag@rambler.ru*

Скибин Р.

*Член творческого объединения «Чатыр -Даг»,
кандидат в члены Национального союза мастеров народного искусства Украины,
E-mail: el.cheber@gmail.com*

Ибрагимов И.

*Член творческого объединения «Чатыр-Даг», Бахчисарай, Россия
E-mail: abuanvar2012@gmail.com*

Статья посвящена аспектам сохранения и идентификации крымской традиционной культуры и состоит из трех частей. В первой части рассматриваются вопросы атрибуции артефактов традиционной культуры коренного народа Крыма - крымских татар, а так же представителей других народов, проживающих в Крыму и за его пределами. Мамут Чурлу, рассматривая конкретные примеры, отмечает, что современная практика музейного дела в некоторых случаях несет следы искаженных недостоверных представлений в этой области, что является следствием отсутствия серьёзных и профессионально подготовленных исследователей, а в некоторых случаях связана с сознательным искажением реальных фактов. История использования музыкальных инструментов крымских татар является неотъемлемой составляющей изучения традиционной культуры коренного народа Крыма. Во второй части статьи Ру-стем Скибин рассматривает вопросы использования национального музыкального ударного инструмента думбелек в период Крымского ханства, в более поздний период и в наши дни. Принимая во внимание тот факт, что специальные исследования об использовании изделий из камня в быту крымских татар отсутствуют, а отдельные упоминания о них встречаются в записках путешественников, этнографов, зарисовках в гравюрах художников XVIII – XIX веков, в третьей части статьи Ибраим Ибрагимов приводит оригинальную лингвокультурологическую информацию об изделии из камня «хамам таши», сопровождает описание иллюстрациями и классификационными комментариями. Материал может представлять интерес для лингвокультурологов, историков, этнографов, музейных работников, деятелей в сфере этнотуризма.

Ключевые слова: тюркология, крымскотатарский язык, лингвокультурология, история и культура крымских татар, одежда крымских татар, думбелек, хамам таш, музыкальные инструменты крымских татар, изделия из камня крымских татар, гигиена крымских татар, вышивка караимов и крымчаков, вооружение караимов.

ВВЕДЕНИЕ

Для обоснованного разговора о сохранении культурного наследия крымских татар, необходимо в первую очередь определить границы этого наследия. Какими методами мы можем это сделать? Какие вопросы мы должны задать? Какие ответы будут говорить о том, что рассматриваемый нами элемент культуры является исконным,

традиционным, крымскотатарским, а какой таковым не является. Необходимость такой работы несомненна, т. к. отсутствие критериев и четких понятий в этой области на практике приводит к многочисленным искажениям, созданию в сознании крымских татар и других народов ложных представлений о крымскотатарской культуре.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Понять важность проблемы можно, рассмотрев конкретные вопросы. Изданный Республиканским крымскотатарским музеем искусств в 1999 году альбом [1] содержит фотографии женского платья, которое было закуплено в татарской семье, но не является типичным, традиционным платьем. В нем применены чужие: способ кроя, фасон, характер орнамента и место его расположения на изделии. Орнаменты выполнены в технике, аналогов которой нет ни в одном известном образце крымскотатарских вышивок, хранящихся в музейных и частных коллекциях. Это платье было продано музею в начале 90-х годов как семейная реликвия. Безусловно, возможно его носила крымская татарка, однако это не является поводом атрибутировать платье как традиционную крымскотатарскую одежду. Не стоит забывать, что в начале XX века, как и сегодня, торговля предлагала и предлагает большой ассортимент предметов одежды различных производителей. Сам факт атрибуции этого платья в музее, его постоянное присутствие в выставочных экспозициях побуждает крымскотатарских модельеров, изготовителей кукол тиражировать на весь мир искаженный образ. В этом же альбоме размещена фотография узбекского ведра «кашкуль», приобретенного в крымскотатарской семье [1]. Использование этого ведра в быту депортированных преподносится как свидетельство принадлежности этого предмета к артефактам крымскотатарской культуры. Наши родители в 60-е годы в качестве приданого покупали своим дочерям туркменские ковры ручной работы, которые висели на стенах наших квартир. Означает ли это, что музей должен коллекционировать туркменские ковры? Мы думаем, что ответ вполне однозначен.

На выставке крымскотатарского искусства в Казани были показаны два гуцульских килима, которые коллекционеру Низами Ибраимову продали как изделия таракашских мастеров. Отсутствие знаний у сотрудников музея, именитых докторов искусствоведения, а также у самого коллекционера позволило войти этим изделиям не только в экспозицию, но и в каталог крымскотатарской выставки [2].

В экспозиции Ханского дворца в Бахчисарае без соответствующей атрибуции фигурируют турецкая керамика из Изника, а также кавказские ковры, металлическая посуда, произведенная за пределами Крыма (на 15.09.2016 г.). В статье о национальном платке «марама», изданной в московском журнале, старший научный сотрудник этого музея Сафие Абдураманова пишет: «Наиболее распространенные цвета покрывал крымских модниц – белый, розовый и зеленый» [3]. Где, в каких музейных коллекциях обнаружила автор статьи розовые и зеленые марама, как наиболее распространенные, остаётся большой загадкой.

Этот вопрос имеет и другую, оборотную сторону. Предметы крымскотатарского традиционного искусства зачастую выдаются за артефакты других этнических групп

и народов. Свежим примером может служить выставка Российского этнографического музея в Ханском дворце, которая была организована летом 2015 года. Расположенный в витрине типичный, традиционный обрядовый крымскотатарский кисет «нишан кисеси», вышитый золотными нитями, обозначен следующим образом: «Талет къапчихи – сумочка для талеса и молитвенника. Крымчаки. Начало XX века. Таврическая губ. Севастополь». Автор экспозиции, сотрудница РЭМ Сладникова, по-видимому, не понимает, что данный кисет никоим образом не может выполнять функцию сумочки для молитвенного иудейского молитвенного покрывала-талит и молитвенника-сидура по причине несоответствия размеров обозначенных предметов. Они практически не могут поместиться в его внутреннем пространстве. Размер абсолютно плоского кисета толщиной в 1 см имеет ширину в 20 см и высоту 38 см. По-видимому, квалификации заведующей крымскотатарским отделом РЭМ недостаточно для правильной атрибуции этого предмета. Этнограф, очевидно, не знакома и со своей родной еврейской культурой.

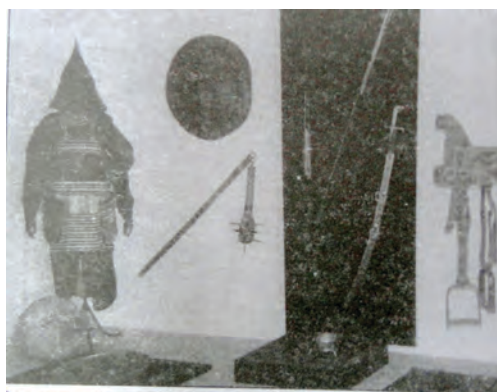
Коллекция тканых изделий крымских татар, поступившая после депортации из складов имущества переселенцев Алушты, Ялты, Ай-Василя, Ускута, в августе 1944 года была передана в Государственный музей Востока в Москве. Автор альбома «Узорное ткачество народов Крыма» Л. И. Рославцева на основании вульгарных подтасовок исторических реалий Крыма атрибутирует как крымскотатарские - около 60% изделий, а остальные - как греческие, армянские, болгарские, турецкие, караимские, произведенные в различных уголках Крыма [4].

Схожие курьёзы часто возникают в музеях, демонстрирующих караимские коллекции. К примеру, в конце 90-х в Евпаторийском краеведческом музее крымскотатарский мужской пояс «учкъур» демонстрировался как караимский женский головной убор, а все крымскотатарские вышивки, хранящиеся в фондах, были атрибутированы как караимские. Точно так же в караимском этнографическом музее (г. Тракай, Литва) крымскотатарское полотенце «эвджияр» демонстрировалось в экспозиции как женский головной убор. В этом же музее, атрибутированный как караимский, размещен крымскотатарский килим, выполненный в конце 90-х годов XX века мастерицей проекта «Крымский стиль» Ниярой Решатовой. Здесь же в этнографическом музее караимов по какой-то причине экспонируются доспехи японского самурая. Изданная в Санкт – Петербурге Караимская народная энциклопедия утверждает, что это доспехи караимского воина (см. рис.1) [5].

Нам пришлось в 2013 году присутствовать на фестивале коллективов народной самодеятельности в одном из скверов Вильнюса. Ведущая объявила выступление караимского танцевального ансамбля, который якобы сохраняет древние пятисотлетние национальные традиции. Каково было наше удивление, когда молодые люди стали танцевать «хайтарму» под музыку современного крымскотатарского композитора Сервера Какуры, а также крымского композитора начала XX века Спендиарова.

Крымский республиканский этнографическом музее в крымскотатарском разделе длительное время экспонировал на полках-рафах, предназначенных для хранения кухонной посуды, многочисленные куманы тульского производства, которые храни-

лись в туалетах и использовались для омовения после отправления естественных надобностей.

*Вооружение крымских караимов, доспехи воина.
Экспонаты караимского музея в Тракае. Литва*

Рис. 1. Фото из Караимской народной энциклопедии. Фрагмент экспозиции Этнографического музея евреев-караимов в Тракае. В левом углу доспехи японского самурая.

Нам пришлось в 2013 году присутствовать на фестивале коллективов народной самодеятельности в одном из скверов Вильнюса. Ведущая объявила выступление караимского танцевального ансамбля, который якобы сохраняет древние пятисотлетние национальные традиции. Каково было наше удивление, когда молодые люди стали танцевать «хайтарму» под музыку современного крымскотатарского композитора Сервера Какуры, а также крымского композитора начала XX века Спендиарова.

Крымский республиканский этнографическом музей в крымскотатарском разделе длительное время экспонировал на полках-рафах, предназначенных для хранения кухонной посуды, многочисленные куманы тульского производства, которые хранились в туалетах и использовались для омовения после отправления естественных надобностей.

Особо необходимо отметить факты сознательного искажения культурных реалий. На ялтинской трассе в Крыму расположен ресторан Старый Крым. Перед рестораном красуется большой билборд с надписью «Музей крымскотатарского искусства». Ресторан богато оформлен произведениями традиционного искусства народов Дагестана и Узбекистана. Крымскотатарских изделий в этом ресторане нет.

На протяжении многих лет в музеях Крыма под видом образцов крымскотатарского народного орнамента организуются выставки рисунков Валентины и Маргариты Контрольских, которые в действительности являются произведениями самодеятельного искусства. Они созданы как подражание орнаменту крымскотатарской вышивки и, как правило, искажают представление о её подлинном характере и особенностях. Часть рисунков В. В. Контрольской входят в коллекцию фондов Бахчи-

сарайского культурно исторического заповедника, и экспонируются на выставках, как образцы крымскотатарских орнаментов, якобы собранных и обработанных Контрольской в 20-е годы XX века.

Эти нелюбимые явления реальность, которая повторяется по причине отсутствия квалифицированных специалистов в области этнографии и традиционного декоративного искусства крымских татар. По-видимому, ни у кого нет сегодня даже намерения готовить в Крыму подобных специалистов. Должности этнографов и искусствоведов в музеях занимают люди, не имеющие соответствующего образования знаний и подготовки. Отсутствует в Крыму и научный центр, который занимался бы сбором и обработкой этнографического наследия коренного народа полуострова, а также изучением культур соседних народов и этнических групп для определения общих и отличительных черт каждой из них.

2. История использования музыкальных инструментов крымских татар является неотъемлемой составляющей изучения традиционной культуры коренного народа Крыма. Думбелек - старинный ударный музыкальный инструмент, широко распространённый в Крыму на Ближнем Востоке, Египте, странах Магриба, в Закавказье¹ и на Балканах. Название имеет персидское происхождение *dombalak* (домбалак), (из языка пахлави (*Pahlavi*) периода Сасанидов). Ранние находки подобных инструментов, датированных V веком до н. э., обнаружены в алтайских захоронениях и на территории Европы, от Южной Дании до Чехии и Польши.

Корпус думбелеков изготовлялся из терракоты, на которую натягивалась мембрана из воловьего пузыря, рыбьей или козьей кожи, прикрепленной с помощью перегибающихся ремешков. Тулово думбелека имеет два сквозных отверстия сверху и снизу, одно из которых (широкое) покрывается мембраной. По типу звукообразования относится к мембранофонам. Имеются два вида формы инструмента, одна имеет верхнюю камеру в виде кубка, опирающуюся на цилиндрический раструб, вторая в виде двух плоских сосудов различных размеров, на них обычно играли плоскими палочками из тростника. Средняя высота инструмента кубкообразной формы 350—400 мм, диаметр около 280 мм, но встречаются и другие. В зависимости от размера и, соответственно, звучания имеют названия, например, «Буюк думбелек» (Большой думбелек) и «Кучук думбелек» (Малый думбелек). Второй тип думбелека изготовлялся обычно небольших размеров: высотой примерно 200—250 мм, диаметром одного тулова 160—180 мм, а другого 80—100 мм. Поскольку внутренние объёмы резонаторов зависят от величины инструмента, то размер играл решающую роль для способности инструмента издавать высокие или низкие звуки.

Перед началом игры необходимо правильно подготовить инструмент. Для этого использовалось солнечное тепло или тепло открытого огня. Нагретая кожаная мембрана становится упругой. В результате звук становится ярким и звонким.

В период крымского ханства думбелек широко использовался в качестве инструмента военного оркестра или сигнального инструмента придворной стражи: с его

---

¹ http://www.rustemskibin.com/?page_id=451

помощью условными сигналами передавались различные распоряжения, население оповещалось о торжественных выездах ханов. Для этих последних целей служил «Буюк думбелек». Для того, чтобы усилить громкость звука, чтобы он был слышен на больших расстояниях, практиковалась игра нескольких музыкантов на большом количестве думбелеков. Звук, который издавали десятки буюк думбелеков во время боевых действий использовали как психологическое оружие. С помощью условных сигналов думбелеки передавали на поле боя необходимые команды для флангов крымскотатарского войска (см. рис. 2) [6].

Рис. 2 Думбелек военного крымскотатарского оркестра. Музей войска польского. Варшава.

В своих описаниях Крыма турецкий путешественник Эвлия Челеби отмечает наличие большого оркестра музыкантов, сопровождающих войско крымского хана в военных походах: «... *Заиграли тогда трубы афрасиябские, после чего хан оставил для обороны замков Ор тысячу стрелков под начальством Нуреддин-султана, как коменданта замка, сам... под звуки бубнов и литавр выступил из Ора в поле во главе сорокатысячного войска*». «... Хану получили право обладания двумя бунчуками, двумя хоругвями и знаменами, а также капеллой, в которой на инструментах любого рода по семь музыкантов играет. В войске их играют, однако, на трубах в стиле труб Афрасияба, еще времена прадедов помнящих, а также на трубах и барабанах таких, какие у Джемшида бывали» [7].

Думбелек малой формы использовали для внутренних малых сигналов в кавалерии, их подвешивали на шею лошади перед седоком. Думбелек так же являлся любимым народным бытовым музыкальным инструментом, он часто звучал в составе групп музыкантов исполнявших традиционную народную музыку крымских татар в кофейнях, на праздниках и на свадьбах.

Депортация крымских татар в 1944 году послужила причиной забвения на чужбине многих традиций. В том числе претерпел изменения состав музыкальных инструментов, которые могли использовать народные музыканты. В местах высылки основным ударным инструментом таких ансамблей стал даре. После массового возвращения крымских татар на Родину в среде музыкантов современных групп стали набирать популярность музыкальные инструменты схожие с думбелеком, но име-

ющие более прочный корпус из дерева или металла В настоящее время, благодаря тому, что нами восстановлена технология изготовления традиционного инструмента с керамическим корпусом, думбелек возвращает свою популярность. Музыканты всё чаще используют его в записях альбомов и на концертах¹. Его мягкий и живой звук радует слушателей и исполнителей.²

3. На тему использования изделий из камня в быту крымских татар специальные исследования отсутствуют. Существуют лишь отдельные упоминания об этом в записках путешественников, этнографов, зарисовки в гравюрах художников XVIII – XIX веков [8, 9]. Наше исследование, рассматривающее один из видов такого изделия, в некоторой мере восполняет этот пробел.

В повседневной жизни крымских татар каменные изделия имели широкое применение. В первую очередь следует отметить применение камня в качестве строительного материала Из него изготавливались конструктивные и художественные элементы архитектуры, а так же ручные мельницы «эльдегирмен таиш», жернова для больших водяных «сув дегирмен таиш» и ветряных мельниц «ель дегирмен таиш», «арман таиш» молотильный камень, поддоны для процедуры омовения «хамам таиш», ступки «аван», надмогильные камни «мезар таиш» и «баиш таиш», каменные раковины и сиденья, применявшиеся в общественных банях, колодезные камни «белизлик», поилки для животных «ашлав», катки «дам таиш», которые применялись для утрамбовки земли на крышах южнобережных жилищ, плоскости для приготовления пищи «пите таиш», точильный камень «къайракъ таиш», желоба для отвода воды, «тарпан»ы для отжима виноградного сока и «чакъмакъ таиш» – кремни для высекания искры.

В данном исследовании мы остановимся на описании *Хамам таиша* - банного камня, который представлял собою квадратный поддон с выступающей площадкой в середине, желобами по его краям и сточным отверстием, которое могло иметь продолжение в виде желоба.

Во многих крымскотатарских домах на первом этаже, как правило в одном из углов, существовало подобие небольшой душевой кабины, которая называлась «сув долап» - ванной шкаф. Он был отделен от помещения деревянной дверью или ширмой. Одна из его сторон примыкала к наружной стене, через которую осуществлялся сток использованной воды. Другая часто представляла собой общую с камином стену, который в свою очередь мог находиться в этой стене со стороны другой комнаты. В нижней части *сув долапа* располагался *хамам таиш* (см. рис.3).

Его назначение было обусловлено религиозными нормами гигиены, которые обязывали мусульманина и его жену совершать полное омовение тела «гусуль» после акта интимной близости, а также перед пятничным намазом. Совершающий омовение стоял на центральной каменной площадке *хамам таиша*, которая предназначалась для того, чтобы в соответствии с религиозными канонами вода, стекающая с тела, не касалась его ног. С наружной части дома выступал желоб, из которого использован-

---

¹ Информаторы: музыканты Джемиль Кариков и Дилявер Бекиров.

² Иллюстрации думбелека из книги: Барбара Каульбах и Элизабет Тьетмайер. Художник и этнограф Вильгельм Кизеветтер (1811 - 1865) в Крыму.-Киев: Издательство «ВІК», 2005.

ная вода попадала в отдельную от остальных бытовых стоков яму. Омывание совершалось при помощи *кьумана* или *гугума*, в котором вода могла быть нагрета на очаге. Количество воды было регламентировано. В Хадисах указывается, что количество воды не должно было много. Для купания в крупных населенных пунктах использовались бани, в селах купались в больших тазах «*легенах*». *Сув долап* использовался исключительно для ритуальных целей по ночам и перед пятничным намазом. По этой причине в нем зачастую устраивали пазы для полок, на которых в дневное время хранились спальные принадлежности, *миндеры* и подушки.

Рис. 3. Хамам таш.

Собранный нами материал дает основание говорить о большом разнообразии форм и конструкций *хамам ташей*. Размеры известных нам образцов колеблются от 76 x 75 до 53x37. Размеры сторон центральных квадратных площадок *хамам ташей* от 24 см. до 45 см. Нами зафиксировано использование *сув долапов* с *хамам ташами* в Бахчисарае, Судаке, селах Таракъ таш и Кучук Озенбаш, а так же в селении Керменчик, где водяной шкаф называли *кьамере*¹.

Хамам таш изготовлялся из мягких пород камня. Чаще всего - из известняка. Наряду с разнообразными по специальностям ремесленными цехами, в Крыму существовали цеха каменщиков *ташчи* [8]. Профессиональные мастера при помощи металлических инструментов высекали различные по назначению изделия из материала, добываемого в местных карьерах. Известны карьеры возле села Акъмонай. Карьер в селении Къутлакъ описывал Симон Паллас. Между селами Бюок Озенбаш и Кучук Озенбаш небольшой местный карьер действует и поныне. Этнограф Ф. Ф. Воропонов в своих записках описывает татарские деревни жители которых промышленяли ломкой камня [9].

---

¹ Информаторы:

Арифова Зульфие 1926 г.р. ур. Керменчик.

Джалилова Фатма март 1927 г.р. ур. Бахчисарай Салачик.

Сеит-Халилова Фатима 1924 г.р. ур. Буюк-Таракъташ.

Джаббар Маметов 1933 г.р. лагъап Зульфикар ур. Кучук Озенбаш.

Тоймаз Зуре Якъуб кызы 1941 г.р. ур. Буюк Озенбаш.

ВЫВОДЫ

Наше исследование является попыткой исторического и лингвокультурологического описания крымскотатарских реалий. Это позволило не только описать явления и факты, идентифицирующие и искажающие крымскотатарскую культуру, пронаблюдать за своеобразием думбелека как одного из крымскотатарских музыкальных инструментов или хамам таша как изделия из камня. Прежде всего, нами получен определенный лексикографический материал, который в значительной степени восполнит утраченную лексику крымскотатарского языка.

Список литературы

1. Крымскотатарське декоративне мистецтво (XIX – XX ст.). – Симферополь: СОНАТ, 2001. – С. 33
2. Искусство крымских татар. Каталог выставки. – Казань: Заман, 2013
3. Абдураманова С. Благопристойная модница // Восточная коллекция. Зима 2014. – С. 106
4. Рославцева Л. И. Узорное ткачество народов Крыма в собрании государственного музея Востока. – М, 2013
5. Караимская народная энциклопедия. – Том 5. – С-П, 2006
6. Шерфединов Я. Звучит хайтарма. – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1979.
7. Челеби Эвлия «Книга путешествий». – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 63, 106.
8. Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: «ДОЛЯ», 2005.
9. Воропонов Ф.Ф. Среди крымских татар. В гостях у крымских татар (записки путешественников и этнографов XIX – XX столетий). – Симферополь: «ДИАИПИ», 2015.

Чурлу М. Ю., Скибин Р., Ибрагимов И. Аспекти збереження та ідентифікації кримської традиційної культури / М. Ю. Чурлу, Р. Скибин, І. Ібрагімов // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 266–275.

У статті на великому матеріалі розглядаються аспекти збереження ідентифікації кримськотатарської традиційної культури, наводяться факти що її спотворюють. Розглянуто способи виготовлення, класифікаційні особливості, характерні ознаки та функції музичного інструменту думбелек. Крім того, наводяться спостереження і дистрибутивно-описові характеристики виробів з каменю. Детально досліджується хамам таш - виріб з каменю, що має ритуальне призначення і специфіку своєї конструкції.

Ключові слова: тюркологія, кримськотатарська мова, лінгвокультурологія, історія та культура кримських татар, одяг кримських татар, думбелек, хамам таш, музичні інструменти кримських татар, вироби з каменю кримських татар, гігієна кримських татар, вишивка караїмів і кримчаків, озброєння караїмів.

Churlu M. Yu., Skibin R., Ibragimov I. Aspects of conservation and identification of the Crimean traditional culture / M. Yu. Churlu, R. Skibin, I. Ibragimov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 266–275.

The article is devoted to aspects of conservation and identification of the Crimean Tatar traditional culture and consists of three parts. The first part deals with the attribution of the artifacts of traditional culture of indigenous people of Crimea - Crimean Tatars, as well as representatives of other peoples living in the Crimea and beyond. Mamut Churlu considering concrete examples, notes that the current practice of museums in some cases bears traces distorted by false representations in this area, which is a consequence of the lack of serious and professionally trained researchers, and in some cases is associated with the conscious distortion of the real facts. The history of the use of musical instruments of the Crimean Tatars is an integral part of the study of the traditional culture of the indigenous people of Crimea. In the second part of the article Rustem Skibin examines the use of national musical percussion instrument dumbelek in the period of the Crimean Khanate, in

АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ КРЫМСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

---

a later period, and in our days. Taking into account the fact that the special study on the use of stone products in the home are missing the Crimean Tatars, and some mention of them occur in the notes of travelers and ethnographers, sketches engravings of artists XVIII - XIX centuries, in the third part of the article Ibram Ibragimov leading original lingvoculturological information about stone product "hamam Tash", accompanied by the description of the illustrations and commentaries classification. The material may be of interest to cultural linguistics, historians, ethnographers, museum workers, workers in the field of ethno-tourism.

Keywords: turkology, Crimean Tatar language, cultural linguistics, history and culture of the Crimean Tatars, Crimean Tatars clothes dumbelek, hammam tash, musical instruments of the Crimean Tatars, stone products of the Crimean Tatars, hygiene of the Crimean Tatars, the Karaites and embroidery Krymchaks arms Karaites.

References

1. Krimskotatars'ke dekorativne mišectvo (H1H – HH št.). – Simferopol': SONAT, 2001. – S. 33
2. Iskusštvo krymskih tatar. Katalog vystavki. – Kazan': Zaman, 2013
3. Abduramanova S. Blagoprištojnaja modnica // Voštochnaja kollekcija. Zima 2014. – S. 106
4. Roslavceva L. I. Uzornoe tkacheštvo narodov Kryma v sobranii gosudarstvennogo muzeja Voštoka. – M, 2013
5. Karaimskaja narodnaja jenciklopedija. -Tom 5. – S-P, 2006
6. Sherfedinov Ja. Zvuchit hajtarma. – Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusštva imeni Gafura Guljama, 1979.
7. Chelebi Jevlija «Kniga puteshestvij». – Simferopol': Tavrija, 1996. - S. 63, 106.
8. Bodaninskij U. A. Arheologičeskoe i jetnografičeskoe izučenie tatar v Krymu // Krymskie tatary: Hreštomatija po jetnicheskoi ištarii i tradicionnoj kul'ture. – Simferopol': «DOLJa», 2005.
9. Voroponov F.F. Sredi krymskih tatar. V goštjah u krymskih tatar (zapiski puteshestvennikov i jetnografov H1H – HH stoletij). – Simferopol': «DIAJPI», 2015

УДК 94:726.2 (477.75) «17/19»

ИСЧЕЗНУВШИЕ МЕЧЕТИ СТАРОГО БАХЧИСАРАЯ

Османов Э. Э.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»
E-mail: elvis_osmanov@mail.ru*

Бахчисарай вобрал в себя ряд исторических памятников, особый тип которых составляют самые многочисленные культовые сооружения мусульман – мечети. Вертикали минаретов мечетей, довлея над плоскими перекрытиями домов, определяли облик средневекового восточного города. В конце XVIII века в Бахчисарае насчитывалось 36 мечетей. На сегодняшний день сохранились семь, из них по прямому назначению используются четыре. Большая часть этих построек была возведена в историческом центре старого города, где градоформирующая роль принадлежала Ханскому дворцу.

Ключевые слова: Бахчисарай, мусульманские памятники, мечеть, крымскотатарская архитектура, ремонтные работы.

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее важной составляющей архитектурного ансамбля каждого города являются культовые постройки. В городах Крымского ханства такими сооружениями были мечети.

Бахчисарай делился на кварталы (маалле), при которых обычно были мечеть и кладбище. Часто название прихода давали по названию мечети, например, кварталы «Тахталы-Джами», «Арслан-Ага», «Янгъан-Джами» и др. В XVII в., по свидетельству Э. Челеби, в Бахчисарае действовали 24 мечети [19, с. 48].

Мечети Крыма разделяются на два типа – купольные и базиличные. Мечети Бахчисарая, дошедшие до наших дней, в том числе и те, что изображены на фотографиях начала XX в., уже не имеют куполов. Они покрыты низкими скатными крышами пирамидальной формы (некоторые исследователи называют их шатровыми).

Прообразом для классических турецких купольных мечетей XVI–XVII вв. была Айя-София [20, с. 79]. Сохранившиеся мечети Бахчисарая, возможно, кроме двух дворцовых, относятся к XVIII в. Купола могли быть разрушены и позднее перекрыты или скрыты четырехскатными крышами, что может быть установлено специальными исследованиями.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сегодня из-за огромного количества снесенных домов, переулков, общественных и культовых сооружений планировка города претерпела серьезные изменения. Однако определяющим моментом его планировочной структуры была и остается связь акцентных культовых построек с ландшафтным комплексом долины р. Чурук-Су, которая делила город на две части.

У въезда в старую часть нынешнего Бахчисарая располагался квартал «Умм-Гульсюм» (ул. Речная). Мечеть этого квартала была построена в конце XVII в. и уже к

середине XIX в. требовала частичной перестройки кровли крыши, выполненной на средства прихожан. Вероятно, знатная и богатая жительница некогда построила на свои средства в этом приходе мечеть, которая носила ее имя, но, к сожалению, памятник до наших дней не сохранился. Вакуф составлял: 4 лавки, 1/4 пекарни, 3/4 десятин огородной земли и дом, приносящий доход 200 руб. [5, л. 45].

На главной улице города располагался квартал «Абит-Эфенди», или «Янгъан-Джами» («Сгоревшая мечеть»). Мечеть была возведена в 40-х гг. XVIII в., а в начале XIX в. подверглась перестройке. Вакуфный доход с 14 лавок составлял 550 руб. в год [там же, л. 42]. В апреле 1895 г. имам «Абит-Эфенди» Аджи Эмир-эфенди направил прошение в городскую управу о разрешении на перестройку мечети на месте старой, угрожающей падением. Разрешение было получено с условием, чтобы фасад имел прямую линию – по линии соседних построек [4, л. 6].

В 1911 г. в Департамент Духовного Правления были предоставлены проект и смета на переустройство здания соборной мечети «Абит-Эфенди», на сумму 4907 руб. Заведовали переустройством Аджи Люман, Аджи Меджит и Сеит-Амет Аджи Умеров. Эта мечеть примечательна тем, что молебен в ней проводился до 1938 г., тогда как остальные мечети города были закрыты. В 1938 г. имам «Абит-Эфенди» был репрессирован, а в послевоенное время здание переоборудовано в хлебозавод.

Следующий квартал «Къады-маалле» (ныне ул. Загрубченко и Гайдара), в котором находились самая старая из бань города и старое кладбище. Возможно, в этом квартале жил судья – кади. По архивным данным, относящимся к 1889 г., когда было проведено описание состояния всех мусульманских культовых сооружений полуострова, было отмечено, что мечеть в приходе «Къады-маалле» была построена в конце XV в. В 1888 г. кровля крыши была перестроена без разрешения губернского начальства. Ее вакуф, в конце XIX в. приносивший доход 600 руб. в год., состоял из 17 лавок [5, л. 40]. Во время землетрясения 1927 г. минарет мечети «Къады-маалле» был поврежден. В октябре того же года были предприняты подготовительные работы для разборки минарета на собственные средства жителями квартала «Къады-маалле» [7, л. 3].

Мечеть «Арслан-Ага» располагалась на одном из базаров старого Бахчисарая под названием Туз-Базар (соляной базар). Наиболее раннее упоминание о мечети под таким названием встречается в записях кадиаскерской тетради за 1677 г.: Arslan Ağa Camii Mahallesi – приход мечети «Арслан-Ага». Согласно архивным данным, следует, что в 1887 году мечеть подверглась капитальной перестройке с разрешения ТМДП. Особенностью этого молитвенного здания было отсутствие вакуфа [5, л. 38].

Заседанием Президиума ЦИК Крымской АССР от 20 марта 1932 г. было постановлено: «Мусульманскую мечеть Арслан-Ага в городе Бахчисарае ликвидировать ввиду требования широких трудящихся масс» [15, л. 7].

Позднее на месте разрушенной мечети «Арслан-Ага» располагался летний кинотеатр «Родина». Рядом, с левой стороны, сохранилось двухэтажное здание с арочным входом и внутренним двориком. Это бывший постоялый двор, в советское время называвшийся Домом крестьянина.

С левой стороны от центральной улицы, которая в XIX в. называлась Базарной, находился маалле «Шах-Болат», названный так по имени визиря хана Мухаммед IV Герая. Об этом знатном вельможе и его дворце упоминает в своем труде Эвлия Челеби. Ныне это улицы Школьная и Октябрьская. Небольшое здание мечети располагалось в одноимённом приходе, в центральной части старого Бахчисарая, к западу от построек Ханского дворца. Согласно архивным данным, мечеть этого квартала была построена в конце XVI в. В 1887 г. кровля крыши была перестроена без разрешения губернского начальства. Вакуфная собственность мечети состояла из 6 лавок, приносящих доход 300 руб. в год [5, л. 27].

В октябре 1928 г. мечеть «Шах-Болат», в числе других 12 мечетей города, решением КрымЦИКа по делам культов была закрыта [10, л. 2]. Состояние мечети было неудовлетворительным, ее ни к чему невозможно было приспособить, поэтому она подлежала сносу. Территория бывшей мечети «Шах-Болат» находится в частном домовладении [11, л. 19 об].

Непосредственные пространственные связи с Ханским дворцом имели две мечети, которых уже нет: это «Яни-Джами» и «Ешиль-Джами». Территория, где находились эти мечети, сейчас не застроена.

Соборная мечеть «Яни-Джами», что в переводе означает «Новая мечеть», была построена в конце XVII в., располагалась по главной, центральной улице, в торговом ряду (базиргянлар ичи), территориально входила в приход Шах-Болат.

В 1887 г. кровля мечети была перестроена прихожанами без привлечения губернского начальства. Вакуфный доход квартала состоял из 6 лавок, 9 кожевенных заводов и кофейни, приносящих доход 280 руб. в год [5, л. 35].

В начале 30-х гг. XX в. в результате пожара, нанесшего непоправимый ущерб зданию, «Яни-Джами» была полностью разобрана.

По правую сторону от улицы Базарной располагался приход мечети «Ешиль-Джами».

История строительства этой мечети связана с легендой о несчастной любви крымского хана Крым Гирея к Диляре Бикеч. К сожалению, не сохранилось никаких сведений о ней самой. Разве что титул «бикеч» указывал на ее высокое положение в иерархии Ханского двора: бикечами в Крыму назывались высокопоставленные придворные распорядительницы.

По некоторым сведениям, это культовое сооружение построила сама Диляра Бикеч, так как среди знатных жительниц дворца существовал обычай жертвовать средства на возведение культовых строений. На это указывала и сохранившаяся на одной из стен надпись: «Диляра, Божья милость на неё, год 1178» (1764) [1, с. 218].

В 1915 г. председатель ТУАК А. И. Маркевич осматривал мечеть и пришел к выводу, что она представляет значительный художественный и исторический интерес, но что «...верхняя часть минарета обрушилась, окна без коробок и рам, крыша почти совсем обвалилась» [16, с. 257]. По его сведениям, причина заброшенности мечети состояла в том, что в конце XVIII столетия в ней или вблизи неё был убит мулла, она считалась оскверненной и не могла более исполнять своего назначения. Так или ина-

че, но «Ешиль-Джами» вскоре была упразднена, и в конце XIX столетия в ней была устроена татарская школа – мектеб.

16 июля 1915 г. Таврическое Губернское Правление уведомило Таврическую ученую архивную комиссию о том, что особая Комиссия о вакуфах не имеет никаких средств не только для поддержания в порядке мечети «Ешиль-Джами», но и для надзора за ее целостностью. Губернское Правление интересовалось: не смогла ли бы ТУАК взять на себя заботы о сохранении и поддержании здания мечети «Ешиль-Джами»? В ответ на это ТУАК уведомила Таврического губернатора, что Комиссия не имеет возможности принять на себя заботу о «Ешиль-Джами» и посоветовала обратиться с ходатайством в Бахчисарайскую городскую управу «о принятии мер к сохранению от гибели этого интересного памятника татарской старины в Крыму», занимающего особое положение в истории мусульманских культовых сооружений Бахчисарая [18, с. 206].

«Ешиль-Джами» не сохранилась до наших дней, вскоре после освобождения Бахчисарая от нацистской оккупации мечеть была разрушена [17, с. 84–96].

Выше «Ешиль-Джами», на северном склоне Бахчисарайской долины, находился квартал «Аджи-Коккей» (ул. Горького). Мечеть была построена в конце XVII в., в описи вакуфов Бахчисарая за 1786 г. именовалась как мечеть «Хаджи-Кокей». В 1883 г. крыша мечети была перестроена без соответствующего разрешения губернского начальства [5, л. 23].

9 января 1912 г. в Строительное отделение Губернского Правления был направлен проект на поднятие стены и ремонт здания пятивременной мечети «Аджи-Коккей», ремонтом которой занимался Афуз Умер Джемиль-оглу. В ответ на прошение Строительное отделение препятствий не имело. 12 июня 1912 Афуз Умер Джемиль-оглу направил прошение г-ну Таврическому губернатору о том, что мечеть «Аджи-Коккей» перестроена на сумму 900 руб., выданную вакуфной комиссией. Также он просил командировать техника для осмотра постройки и разрешения совершать богослужение в мечети. Для осмотра был направлен губернский архитектор Савицкий, который был удовлетворен переустройством мечети [6, л. 2–6].

25 сентября 1928 г. был составлен акт осмотра пустующих культовых зданий Бахчисарая. В отношении мечети «Аджи-Коккей» было отмечено, что одноэтажное в плане здание, сложенное из штучного камня, крыша крыта татарской черепицей, с деревянным исправным полом и обшивным чистым потолком.

С одной стороны здания деревянный коридор с небольшой кладовой. Во дворе имеется небольшой каменный минарет и каменный колодец. Площадь двора 25 кв. м. Здание в хорошем состоянии. После землетрясения 1927 г. в одном углу была обнаружена трещина, окна также требовали ремонта

Заседанием Президиума Бахчисарайского горсовета от 23 мая 1928 года было принято решение о ликвидации культового здания. После закрытия мечети здание было рекомендовано приспособить под архив или небольшой клуб [11, л. 19].

В квартале «Шабан-Молла» (по ул. Горького, 33а) находились каменное одноэтажное здание мечети, крытое татарской черепицей, и теккие дервишей, построен-

ные Хаджи Али-агой в 1686 г. В 1889 г. кровля крыши была перестроена без разрешения губернского начальства. Ее вакуф состоял из 1 1/2 лавки и дома, приносящих доход 54 руб. в год [5, л. 30].

Ко второй половине XX в. здание мечети было без полов и потолков, окна и двери также отсутствовали. От землетрясения стены во многих местах дали трещину, а с одной стороны вообще обвалилась. Деревянный минарет мечети находился в ветхом состоянии [11, л. 19].

Согласно протоколу Центральной комиссии по делам культов от 31 октября 1928 г. мечеть «Шабан-Молла» была закрыта, здание бывшей мечети подлежало сносу [14, л. 2].

Одной из акцентных построек Бахчисарая, связанных с исламом, была мечеть (теккие) в квартале «Сувлу-Коба» («Теккие-маалле»), находившаяся по адресу: ул. Горького, 37. Каменное одноэтажное здание мечети, разделенное перегородкой на два помещения, было построено предположительно во второй половине XVII столетия. При мечети был сооружен фонтан. Частичная перестройка была произведена в 1856 г., однако без разрешения губернских властей, поэтому подробности не известны [5, л. 19]. В 1911 г. Таврическое Магометанское Духовное Правление (далее – ТМДП) предоставило в городскую управу рапорт имама о перестройке мечети прихода «Сувлу-Коба». Также ТМДП просило Губернское Правление прислать техника для осмотра мечети [2, л. 55].

В феврале 1912 г. Шейх Селямет-эфенди направил прошение в городскую управу о разрешении постройки теккие в квартале «Сувлу-Коба» на собственные средства. Губернское Правление хотело выяснить, на какие средства будет содержаться теккие, а также на каком расстоянии проектируемое здание будет находиться от православной церкви и от ближайших жилых домов [3, л. 29]. Шейх Селямет-эфенди ответил, что старое здание теккие непригодно, содержаться будет на доходы от вакуфного имущества. После технического осмотра проекта Строительное отделение уведомило ТМДП, что проект нового здания теккие одобрен и вручен Шейху Селямету-эфенди 31 июля 1912 г.

В течение 1912–1914 гг. пришедшее в ветхость здание по ходатайству имама Шейха Селямет-эфенди было перестроено.

Постановлением Президиума Бахчисарайского горсовета от 23 мая 1928 г. мечеть квартала «Теккие-маале» подлежала ликвидации. В ходе обследования состояния культового сооружения были выявлены небольшие трещины в стенах, отсутствовали стекла в окнах, необходим был ремонт крыши [11, л. 19].

Согласно протоколу Центральной комиссии по делам культов от 31 октября 1928 г. мечеть «Сувлу-Коба» была ликвидирована [9, л. 2].

В маалле «Оксюз-Джами» (по адресу: ул. Пролетарская, 7/35) располагалось каменное одноэтажное здание мечети, возведенное в конце XVII в. В 80-х гг. XIX в. были проведены ремонтные работы без соответствующего разрешения губернских властей. Ее вакуф был незначительным и приносил доход 50 руб. в год с десятины огородной земли [5, л. 17]. К сентябрю 1928 г., когда был произведе-

ден осмотр всех культовых зданий, обветшалое здание без потолков было решено приспособить под склад [11, л. 19 об]. 30 октября 1928 г. постановлением Центральной комиссии по делам культов мечеть «Оксюз-Джами» была ликвидирована [12, л. 2].

В маалле «Шеэр-Устю» (по адресу: ул. Шмидта, 35) располагалась мечеть деревянной – теккие, по архивным данным, построенная в 1756 г. В последней четверти XIX в. кровля крыши здания была перестроена без разрешения вышестоящего начальства. Мечети принадлежал дом с садом, приносящим доход 40 руб. [5, л. 34]. Культовые сооружения квартала не сохранились, чудом уцелевший фонтан подвергся значительным переделкам, но не функционирует.

В расположенном рядом маалле «Шеэр-Кустю» располагалось одноименное каменное одноэтажное здание мечети, возведенное в конце XIV в. По архивным данным, относящимся к 1889 г., кровля здания требовала ремонта, который был осуществлен без привлечения губернских властей. В вакуфной собственности была 1 кофейня, приносившая незначительный доход – 38 руб. в год [там же, л. 26].

К концу 20-х гг. XX в. пустующее здание обветшало, требовало капитального ремонта, и в октябре 1928 г. мечеть «Шеэр-Кустю» была ликвидирована [13, л. 2].

По описанию Эвлии Челеби, вокруг Ханского дворца располагались дворцы знати. Поэтому выше квартала «Шах-Болат», по другую сторону р. Чурук-Су, находился квартал «Кайтазан-Ага» (ныне ул. Спаи, известной исторической личности, являвшегося визирем). Каменное одноэтажное молитвенное здание «Кайтазан-ага» было возведено в начале XVIII в. В 1880 г. мечеть была перестроена без разрешения губернского начальства. Вакуф: 6 лавок, составляющий доход 210 руб. в год [5, л. 37].

К 1928 г. было принято решение ликвидированную мечеть приспособить под спортзал [8, л. 1]. Здание мечети не сохранилось до наших дней.

Далее по руслу р. Чурук-Су располагалось маалле «Сырлы-Чешме», где сохранились строения мечети с одноименным названием, примерно 1740 г. постройки, и её мектеб.

В 1886 г. кровля мечети была перестроена прихожанами без привлечения губернского начальства. Вакуфный доход квартала составлял 10 лавок [5, л. 28]. На сегодняшний день мечеть «Сырлы-Чешме» (угол улиц Затрубченко и Спаи) утратила традиционные храмовые формы в ходе использования в 1917–1980 гг. как промышленное строение.

Мечеть «Асма-Кую» из одноименного квартала была построена в середине XVIII в., а в 1882 г. перестроена кровля крыши без разрешения властей, поэтому подробности остались неизвестны. Вакуфная собственность, состоящая из дома, пекарни и части кофейни, приносила доход 100 руб. [там же, л. 21].

После землетрясения 1927 г. минарет мечети «Асма-Кую» был сильно поврежден и разобран прихожанами на собственные средства [7, л. 3]. Здание мечети «Асма-Кую» по ул. Краснофлотской, 22/24, не сохранилось до наших дней.

ВЫВОДЫ

Градостроительная культура советского периода имела по отношению к историческим видам культуры реконструктивный характер, однако историческая часть старого города в этот период потеряла большую часть важных элементов застройки, к примеру, большую часть мечетей, но в то же время сохранила некоторые характерные особенности восточного своеобразия, когда отдельно взятое сооружение, являясь составной частью городского ансамбля, находилось в зависимости от планировочной структуры. Определяющим фактором архитектурно-градостроительной структуры стало то, что большая часть этих построек была возведена в историческом центре старого города, где градоформирующая роль принадлежала Ханскому дворцу.

Список литературы

1. Гинзбург М. Омер – придворный живописец и декоратор крымских ханов Селямет и Крым-Гиреев / М. Гинзбург // Забвению не подлежит. – Казань, 1992. – С. 217–222.
2. Государственное Казенное Учреждение Республики Крым (ГКУ РК) «Государственный Архив в Республике Крым» («ГАРК»), ф. 27, Таврическое Губернское Правление, 1803–1917 гг., оп. 13, д. 4183. Об утверждении проектов мечетей в 1911 г., 78 л.
3. ГКУ РК «ГАРК», ф. 27, оп. 13, д. 4455. Об утверждении проектов мечетей в 1912–1915 гг., 196 л.
4. ГКУ РК «ГАРК», ф. 27, оп. 13, д. 4887. Утверждение проектов на устройство и ремонт мечетей в 1914–1915 гг., 197 л.
5. ГКУ РК «ГАРК», ф. 27, оп. 13, д. 8314. Список существующим мечетям в Симферопольском уезде Таврической губернии. Составлен 11 апреля 1889 г. по городу Бахчисараю, 268 л.
6. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, Бахчисарайская Городская Управа, 1878–1920 гг., оп. 1, д. 761. О разрешении обывателям Бахчисарая постройки и перестройки зданий в 1895 г., 19 л.
7. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, КрымЦИК Крымской АССР, 1921–1938 гг., оп. 10, д. 1567. Выписка из протокола заседания Президиума КрымЦИКа о ликвидации мусульманской мечети «Осман-Кую» в г. Бахчисарае в 1928 г., 3 л.
8. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, оп. 10, д. 1569. Выписка из протокола заседания Президиума КрымЦИКа о ликвидации мусульманской домово́й мечети в г. Бахчисарае в 1928 г., 3 л.
9. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, оп. 10, д. 1571. Выписка из протокола заседания Президиума КрымЦИКа о ликвидации мусульманской мечети «Текие-Маале» в г. Бахчисарае в 1928 г., 2 л.
10. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, оп. 10, д. 1572. Выписка из протокола заседания Президиума КрымЦИКа о ликвидации мусульманской мечети «Шах-Болат» в г. Бахчисарае в 1928 г., 2 л.
11. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, оп. 10, д. 1581. Материалы о ликвидации мусульманской мечети «Аджи-Коккей» в 1928–1929 гг., 27 л.
12. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, оп. 10, д. 1582. Выписка из протокола заседания Президиума КрымЦИКа о ликвидации мусульманской мечети «Оксюз-Джами» в г. Бахчисарае в 1928 г., 2 л.
13. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, оп. 10, д. 1583. Выписка из протокола заседания Президиума КрымЦИКа о ликвидации мусульманской мечети «Шеэр-Кустю» в г. Бахчисарае в 1928 г., 2 л.
14. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, оп. 10, д. 1584. Выписка из протокола заседания Президиума КрымЦИКа о ликвидации мусульманской мечети «Шабан-Молла» в г. Бахчисарае в 1928 г., 2 л.
15. ГКУ РК «ГАРК», ф. Р-663, оп. 10, д. 1700. Материалы о ликвидации мусульманской мечети «Арслан-Ага» в 1933 г., 13 л.
16. Маркевич А. И. Мечети Ешиль-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1915. – № 52. – 263 с.
17. Османов Э. Э. Мечеть Ешиль-Джами в Бахчисарае / Э. Э. Османов // «Сходознавство». – Киев, 2013. – № 62–63. – С. 84–96.
18. Протоколы заседаний ТУАК от 27 августа 1915 г. // ИТУАК. – 1916. – № 53. – 358 с.

19. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Э. Челеби; пер. Е. В. Бахревского. – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.

20. Шузи О. История архитектуры: в 2 т. – М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1937. – Т. 2. – 350 с.

Османов С. С. Зниклі мечеті старого Бахчисарая / С. С. Османов // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 276–283.

Бахчисарай увібрав в себе ряд історичних пам'яток, особливий тип яких складають найчисленніші культові споруди мусульман – мечеті. Вертикалі мінаретів мечетей, тяжіючи над плоскими перекриттями будинків, визначали вигляд середньовічного східного міста. В кінці XVIII століття в Бахчисарай налічувалося 36 мечетей. На сьогоднішній день збереглися сім, з них за прямим призначенням використовуються чотири. Велика частина цих будівель була зведена в історичному центрі старого міста, де градоформуюча роль належала Ханського палацу.

Ключові слова: Бахчисарай, мусульманські пам'ятки, мечеть, кримськотатарська архітектура, ремонтні роботи.

Osmanov E. E. Disappeared mosques of old part of Bakhchisarai / E. E. Osmanov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 276–283.

Bakhchisaray has incorporated a number of historical monuments, which are a special type of account for the most numerous Muslim places of worship – a mosques.

Mosques of Crimea are divided into two types: the dome and impersonal. Aye Sofia was the prototype for the classical Turkish dome mosques in the sixteenth and seventeenth centuries. Existing Mosque Bakhchisaray belong to the XVIII century. They are covered with low-sloping roofs pyramidal shape. Domes of mosques could be destroyed and blocked hipped roof later.

There were 36 mosques in the Bakhchisaray at the end of the XVIII century. Most of these buildings were built in the historic center of the old city, where the leading role belonged to the Khan's palace.

The article, based on research results and conducting repair and restoration work in the period from the late eighteenth century – before the beginning of the twenty-first century. Most mosques built of hewn stone; almost every mosque has a minaret or a circular tower of considerable height, topped with a crescent.

Two mosques have been built near Khan's Palace, which have not survived: it is Jani-Jami and Yesil Cami. The territory, where were these mosques is not built up you can restore them in the near future.

The description of the status of all Muslim places of worship of the peninsula was carried out at the end of the nineteenth century. According to archive data, it was noted that the inhabitants of the Bakhchisarai frequently performed minor buildings restructuring without the involvement of the provincial authorities.

After the earthquake in 1927 mosque walls in many places gave cracks, it was broken glass in the windows. Mosques were empty and collapsed within a year according to the documents of city officials. That's why thirteen mosques of the city have been closed by the city authorities in October of 1928. Empty buildings, was decided to adapt at school and cinemas.

The prospect of incorporating accent historical and architectural monuments in the UNESCO nomination requires serious attention to power-preserved monuments of the city.

Keywords: Bakhchisarai, mosque, Muslim monuments, religious cult complex, Crimean Tatar architecture, construction and repair of buildings.

УДК94(5)(093)

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ А. Е. КРЫМСКОГО:
ПИСЬМА ВОСТОКОВЕДАМ-КОЛЛЕГАМ
В. Р. РОЗЕНУ, В. В. БАРТОЛЬДУ И П. К. КОКОВЦОВУ
(1890–1920-е гг.)**

Валеев Р. М.
(ИМОИВ КФУ, АНТ, Казань),

Василюк О. Д.
(Институт востоковедения им. А. Е. Крымского, Киев),

Валеева Р. З.
(КГИК, КИУ(ИЭУП), Казань),

Зяппаров Т. И.
(ИМОИВ КФУ, Казань)
E-mail: valeev200655@mail.ru

История российского и украинского востоковедения XIX – первых десятилетий XX вв., также других центров дореволюционной и советской науки, закономерности, направления и итоги развития науки о Востоке, научное, просветительское и особенно эпистолярное наследие отечественных востоковедов являются актуальными академическими и прикладными проблемами современной российской и зарубежной историографии, источниковедения и культурологии. На современном этапе академической и прикладной интерес ученых и общественности вызывают теоретические, геополитические, социокультурные и историко-научные факторы и направления формирования и развития ключевых центров практического, академического и университетского востоковедения в России и Украине XIX – начала XX вв. – Москвы, Санкт-Петербурга и Киева. Рубеж эпох связан с разнообразием, богатством и трагедиями в судьбах представителей российской ориенталистики, созданием отечественной оригинальной институциональной системы образования и научного изучения Востока в Азиатском музее Академии наук, Московском и Петербургском университетах и Лазаревском институте восточных языков, научных обществах и т. д. Целью научного исследования является поиск, изучение, систематизация и публикация переписки арабиста, семитолога, тюрколога, ираниста и слависта А. Е. Крымского с востоковедами на рубеже эпох – В. Р. Розеном, В. В. Бартольдом, П. К. Коковцовым, Ф. Е. Коршем, В. А. Жуковским, С. Ф. Ольденбургом, И. Ю. Крачковским, Н. А. Медниковым, В. Ф. Минорским в 1890–1920-е гг.

Ключевые слова: востоковедение, архив, переписка, коллеги, А. Е. Крымский, В. Р. Розен, В. В. Бартольд, П. К. Коковцов.

Биография и наследие А. Е. Крымского (1871–1941) нашли достойное отражение в отечественной и отчасти в зарубежной литературе и историографии¹. Тем не

---

¹ Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. – М., 1973; Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. – Л., 1925; Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе: Дооктябрьский период. – М., 1973; Его же. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX вв.). – М., 1968; Его же. Русские путешественники на Ближнем Востоке. – М., 1965; Долинина А. Невольник долга. –

менее, перспективным остается дальнейшее изучение востоковедческого творчества украинского и российского ученого и просветителя крымскотатарского, польского и белорусского происхождения. Востоковед-ближневосточник и славист, ученый и общественный деятель, обладавший энциклопедическими знаниями, он оставил значимый след в истории российской и украинской и в целом мировой арабистики, иранистики и тюркологии. Язык и литература, история и культура и в целом наследие арабо-мусульманской цивилизации – основополагающие направления учебной и исследовательской деятельности А. Е. Крымского. И. М. Смилянская, выделяя роль и значение ученого в истории востоковедения в России и Украине на рубеже XIX – начала XX вв., писала: «А. Е. Крымский поражает разнообразием своих научных интересов, исследовательских и общекультурных. Являясь по преимуществу филологом, он был специалистом в области украинистики (и шире славистики), арабистом, семитологом, иранистом и тюркологом» [1, с. 303].

Исключительную роль в институционализации и профессионализации мировой ориенталистики, особенно арабистики, иранистики и тюркологии в России и Украине сыграл А. Е. Крымский [2].

В истории российской и украинской ориенталистики и А. Е. Крымский (1871–1942) занимает особое место. Жизнь и биография российского и украинского арабиста, ираниста, тюрколога и слависта связаны с тремя органичными периодами – московским (1889–1918), бейрутским (сирийско-ливанским) (1896–1898) и киевским (1918–1941). Знаток арабо-мусульманских языков, он создал капитальные труды по истории арабов, персов, тюрков и других народов Передней Азии [3].

В московском Лазаревском институте восточных языков (1889–1892) он изучал арабскую филологию, арабскую литературу и ислам. Персидский язык и литература, турецкий язык и литература также были в центре его востоковедческого образования [4].

С полным правом А. Е. Крымский остается одним из последних «могикан» классической мировой ориенталистики рубежа XIX – начала XX вв., выдающимся предшественником российской и украинской школ востоковедения. Кроме того, он является основоположником советской школы востоковедения, в особенности арабистики, иранистики и тюркологии в СССР в 1920–1930 гг. В одном из своих писем академику И. Ю. Крачковскому (8 декабря 1937 г.), сравнивая сессии арабистов 1935 и 1937 гг., он писал: «Тогда – был один **сплошной** праздник арабистики, задушевно сопровождаемый и Вашим юбилеем. Теперь... – конечно, и теперь сохранилось отрадное впечатление, что, несмотря на все препоны, поставляемые арабистике в течение 20 лет, она всё же не умерла, а напротив, кое в чём даже процвела. Смотр научных сил оказался внушительный» [5, с. 277].

Эпистолярное наследие отечественных востоковедов XIX – начала XX вв. представляют бесценный источник по исследованию истории востоковедения в России и

СПб., 1994; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997; Кононов А. Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Под ред. и с введ. А. Н. Кононова. – М., 1974; Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. V. Очерки по истории русской арабистики. – М.-Л., 1958; Гурницкий К. И. Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980 и др.

Европе. Особенно письма интересны в осмыслении судеб, научных поисков и достижений и в целом духовного опыта российских ориенталистов.

В отечественной и зарубежной историографии и источниковедении истории российского востоковедения сформировалась традиция изучения и введения в научный оборот эпистолярного наследия востоковедов России и Европы. Эти уникальные источники позволяют по-новому оценить социальные и социально-психологические условия и факторы жизни и творчества известных и забытых ученых и преподавателей основных центров востоковедения в России.

В данном направлении огромный интерес представляет эпистолярное наследие А. Е. Крымского и особенно переписка его с ведущими востоковедами России – В. Р. Розеном, В. В. Бартольдом, П. К. Коковцовым, В. Ф. Миллером, Ф. Е. Коршем, И. Ю. Крачковским, В. А. Гордлевским, В. Ф. Минорским и др.

И. М. Смилянская в связи с публикацией переписки двух академиков в 1923–1940 гг. отмечала, что «бесценным источником для изучения духовного опыта, логики творческого процесса, научных принципов, атмосферы научной и общественной жизни востоковедов в первые советские десятилетия является переписка А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского...» [5, с. 7].

В настоящее время наиболее полноценными публикациями, посвященными эпистолярному наследию А. Е. Крымского, являются следующие известные работы, изданные в 1970–2000 гг. в России и Украине¹.

В целом феномен эпистолярного наследия А. Е. Крымского следует осмыслить в рамках парадигмы оценки его творчества, представленной выдающимся украинским писателем И. Франко другу и соратнику: «Он старается быть как можно объективнее, правдивее, не утратить ни крупницы той правды, которую постиг душой, и переливает её на бумагу со всеми, иной раз совершенно случайными, аксессуарами, к каким, разумеется, в первую голову принадлежат личные настроения и чувства» [6, с. 342].

Основная цель доклада заключается в том, чтобы дать обзор неопубликованного эпистолярного наследия академика А. Е. Крымского и оценить его значение в истории российского и украинского востоковедения.

В нашем докладе основное внимание уделим только письмам А. Е. Крымского своим наставникам и коллегам В. Р. Розену, В. В. Бартольду и П. К. Коковцову, относящиеся к переломному рубежу XIX – первых двух десятилетий XX вв.

Надо попутно заметить, что также особый интерес, и не только востоковедческий, имеют письма А. Е. Крымского к академикам – А. А. Шахматову и В. П. Бузескулу.

---

¹ Крымський А. Ю. Твори в п'яти томах. Т. 5, кн. 1. Листи (1890–1917); кн. 2. Листи з Сирії та Лівану (1896–1898). – Київ, 1973; Письма из Ливана (1896–1898). – М., 1975; Кузнецова Н. А. Востоковеды-лазаревцы на рубеже двух веков по их письмам // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). – М., 1984. – С. 122–144; Письма А. Е. Крымского И. Ю. Крачковскому / Публ. и прим. А. Г. Недвецкого и И. М. Смилянской // Восток. – 1993. – № 1. – С. 150–169; Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов / Публ. И. М. Смилянской // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – М., 1997. – С. 155–368; Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. – Т. 1 (1890–1941 рр.); Т. 2 (1918–1941 рр.). – Київ, 2005.

Всего 23 письма А. Е. Крымского к Алексею Александровичу Шахматову (СПбФАРАН, ф. 134, оп. 3, д. 766) относятся к периоду с 1902 по 1911 гг., написаны на писчей бумаге, за исключением одного от 29 декабря 1907 г. В письмах присутствуют вставки-уточнения и сноски – пояснения. Единственное письмо А. Е. Крымского к Владиславу Петровичу Бузескулу (СПбФАРАН, ф. 825, оп. 2., д. 112) написано 9 июля 1925 г. из Киева в Харьков. Также значимы полностью не опубликованные письма А. Е. Крымского академику Ф. Е. Коршу, хранящиеся в Архиве РАН в г. Москве (Ф. 558, оп. 4, д. 170).

В целом письма А. Е. Крымского, хранящиеся в личных фондах академиков-востоковедов в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, охватывают период с октября 1898 по август 1932 гг., написаны чётким, несколько мелким, но хорошо читаемым почерком, строчки ровные. Среди писем к В. В. Бартольду письмо от 14 октября 1925 г. написано под диктовку неустановленным лицом, и письмо от 25 ноября 1925 г. – машинописное. В тексте писем представлены арабоязычные выражения.

Эти письма А. Е. Крымского выдающимся представителям петербургского центра востоковедения, как очень личный оригинальный источник, объективно воспроизводят профессиональное и социокультурное мгновение эпохи и истории востоковедения, показывают ученого со всеми его заботами и общественными связями на определенных этапах жизни и творчества.

Первое письмо А. Е. Крымского В. Р. Розену (Москва, 1898, 4.Х.) связано с необходимостью дальнейшей профессиональной подготовки. Он писал: «Мне нужно в этом учебном году держать магистерский экзамен по арабской словесности, и потому обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою: не откажите сообщить мне программу экзамена, наиболее удобное для Вас».

Также сохранившиеся письма А. Е. Крымского из Москвы: П. К. Коковцеву от 6 марта 1901 года связано с подготовкой «Лекции по истории семитских языков» (М., 1902) и В. В. Бартольду от 1 марта 1909 года – благодарность за его книгу «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (Ч. 1–2, 1898–1900).

А. Е. Крымский писал П. К. Коковцову: «Лазаревский институт печатает перевод «Семитских языков» Нельдеке, снабженный обильными моими примечаниями. Так как я знаю, что для Вас это издание может представлять интерес, то позволяю себе послать Вам корректуру 1-го листа. Желательно было бы, чтобы Вы внимательно просмотрели мои примечания и отметили те пункты, с к[ото]рыми Вы не согласны. Само собою разумеется, что оказанная Вами помощь будет оговорена в предисловии».

Также В. В. Бартольду писал: «Как я Вам признателен за «Туркестан»! Очень, очень благодарю Вас за него. Но вместе с тем хочется позаботиться и о своих слушателях, к[оторые] часто желали бы приобрести эту книгу и не знают ее цены. По какой цене они могли бы быть высылаемы для наших студентов?».

В целом 15 писем А. Е. Крымского В. Р. Розену связаны с периодом 1898–1906 гг., 9 писем П. К. Коковцеву – 1901–1932 гг. и 7 писем В. В. Бартольду написаны в 1909–1928 гг. Несомненно, не все письма А. Е. Крымского равноценны по своей насыщенности разнообразной информацией и его личными оценками.

Систематизируя содержание писем А. Е. Крымского петербургским учителям и коллегам можно выделить следующие пласты: направления научных тем и исследований; различные библиографические справки и востоковедческие новости; очень личные характеристики и оценки востоковедения в России, Украине и Европе, коллег и учеников; разнообразные факты о судьбах и др.

Этот пласт эпистолярных источников особенно интересен для осмысления истории университетской и академической ориенталистики в России и Украине и дополняет сведения о тесных личных и профессиональных связях ученых-востоковедов Москвы, Санкт-Петербурга и Киева последней четверти XIX – первых десятилетий XX вв.

Вводимые в научный оборот письма А. Е. Крымского, и особенно письма ему, адресованные востоковедами-академиками, полезны для студентов и современников также и в следующих аспектах. Во-первых, они являются автографами крупнейших российских востоковедов XIX – начала XX вв. Во-вторых, в этих письмах представлена позиция крупнейшего востоковеда и личности. В-третьих, здесь мы находим уникальную оценку состояния академического и университетского востоковедения, его арабистических, иранистических, тюркологических составляющих и роли ведущих отечественных ученых и мыслителей. В-четвертых, в письмах особенно остро чувствуются личное настроение и позиция человека и ученого. В целом содержание этой небольшой переписки может послужить оригинальным материалом к составлению научных биографий российских академиков-востоковедов XIX в.

Фундаментальный и прикладной научный проект и комплексное исследование ученых Казани, Санкт-Петербурга, Киева с привлечением ряда зарубежных и российских коллег позволят изучить, систематизировать и подготовить к публикации неизвестное и неопубликованное эпистолярное наследие отечественных ориенталистов на рубеже эпох и особенно переписку российского и украинского арабиста, тюрколога, ираниста и слависта А. Е. Крымского с учителями и коллегами – В. Р. Розеном, Ф. Е. Коршем, В. А. Жуковским, С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом, И. Ю. Крачковским, Н. А. Медниковым, П. К. Коковцовым, В. Ф. Минорским в 1890–1930-е гг.

Эти уникальные письма остаются важным источником в изучении истории востоковедения в России и Европе на рубеже эпох, дают дополнительные сведения о вкладе ученых в исследование духовной культуры народов Востока и их прогрессивных взглядах на изучение истории и культуры мусульманского мира.

Именно эпистолярное и в целом рукописное наследие отечественных востоковедов позволяют осмыслить их биографии и наследие в историческом, социально-политическом и особенно в нравственно-психологическом аспектах.

Направления и итоги совместной исследовательской работы позволят комплексно осуществить поиск, изучить и издать эпистолярное наследие этих выдающихся основоположников российского востоковедения из современных основных российских и украинских архивных центров.

Основные итоги исследования и результаты научного проекта будут обобщены в подготовленном к публикации издании «Эпистолярное наследие отечественных ориенталистов на рубеже эпох: Переписка А. Е. Крымского с российскими восто-

коведами – В. Р. Розеном, Ф. Е. Коршем, В. А. Жуковским, С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом, И. Ю. Крачковским, Н. А. Медниковым, П. К. Коковцовым, В. Ф. Минорским (1890–1930-е гг.)» (публикация планируется в 2019–2020 гг.).

Приложение: Фрагмент письма А. Е. Крымского академику В. Р. Розену.

Письмо А. Е. Крымского В. Р. Розену от 18 октября 1898 г., Москва:

«В высшей степени благодарен Вам, за Ваше любезное письмо с сообщением программы экзамена.

Кроме программы мое внимание было остановлено несколькими Вашими словами о моей работе «Очерк развития суфизма», которые еще раз заставили меня глубоко пожалеть о том, что мне не пришлось поучиться под Вашим руководством. Ваши слова – первая критика, которую я услышал: в течение девяти лет, которые я занимаюсь Востоком, я ни от кого из наших востоковедов никогда не мог найти никакой помощи, кроме филологической, и вс1 (т. е. и методы, и источники, и пособия) должен был **открывать** самостоятельно».

Фрагмент письма академика А. Е. Крымского академику В. В. Бартольду от 19 августа 1922, Киев:

«Многоуважаемый Василий Владимирович!

Я получил Ваше письмо от 6.VIII, и оно меня несказанно огорчило. Упрёк в ненависти ко всему русскому мне до крайности тяжёл и обиден, п[отому] ч[то] я как раз принадлежу к тем украинцам, к[ото]рые **борются** здесь в Киеве против всякой вражды к русским и русскому и получают здесь упрёки в «русофильстве, доходящем до измены своему». Поколения, более молодые, чем я, готовы были бы меня даже вычеркнуть из украинских рядов, если бы, к сожалению для них, этому не препятствовали два серьёзные обстоятельства, – одно что нельзя Крымского вычеркнуть из истории украинской литературы, где он своею тридцатитрехлетней работою сыграл не последнюю роль, а другое – что Крымский более **органичный** украинец, чем многие из новейших, и что в деле знания украинского языка и стиля во всех его тонкостях эти самые сверхпатриоты принуждены признать за Крымским самое авторитетное место. Во всяком случае кислых слов по адресу моего «обрусительства» я слышу достаточно, а иногда принимаются методы, чтобы меня устранить в тех случаях, когда я оказываюсь «вреден».

Список литературы

1. Смилянская И. М. Очерк востоковедной деятельности А. Е. Крымского // Крымский А. Е. Письма из Ливана (1896–1898). – М., 1975.

Smilyanskaya I. M. Oчерk voŝtokovednoy deyatelnosti A. E. Krymskogo // Krymsky A. E. Pisma iz Livana (1896–1898). – Moskva, 1975.

2. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции читанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. 2-е издание. – Л., 1925.

Bartold V. V. Iŝtoriya izucheniya Voŝtoka v Evrope i Rossii. Lektsii chitannye v universitete i v Leningradskom inŝtitute zhyvykh voŝtochnykh yazykov. 2-e izdanie. – Leningrad, 1925.

3. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. V. Очерки по истории русской арабистики. – М.-Л., 1958.

Krachkovsky I. Yu. *Izbrannyye sochineniya*. T. V. *Ocherki po istorii russkoy arabiĭki*. – Moskva-Leningrad, 1958.

4. Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. – М., 1973.

Baziyants A. P. *Lazarevskiy institut v istorii otechestvennogo vostokovedeniya*. – Moskva, 1973.

5. Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов / Публ. И. М. Смилянкой // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. – М., 1997.

Perepiska akademikov A. E. Krymskogo i I. Yu. Krachkovskogo 1920–1930-kh godov / Publ. I. M. Smilyanskoy // *Neizvestnyye stranitsy otechestvennogo vostokovedeniya*. – Moskva, 1997.

6. Франко И. Рец. на кн.: Крымский А. Пальмовые ветви // Франко И. *Сочинения*. Т. IX. – М., 1959.

Franko I. *Rets. na kn.: Krymsky A. Palmovye vetvi* // Franko I. *Sochineniya*. T. IX. – Moskva, 1959.

Valeev R. M., Vasylyuk O. D., Zyapparov T. I. Epistolary heritage A. E. Krymsky: orientalis letter-colleagues to V. R. Rosen, V. V. Bartold and N. A. Kokovtsov (1890-1920-e gg.) / R. M. Valeev, O. D. Vasylyuk, T. I. Zyapparov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 284–290.

The history of the Russian and Ukrainian Oriental studies of the XIXth – early XXth centuries, as well as of other centers of the pre-revolutionary and Soviet science; rules, directions and results of the development of Oriental studies; scientific, educational and especially the epistolary heritage of Russian Orientalists are relevant academic and applied problems of modern Russian and foreign historiography, source and culture studies. At present, the academic and practical interest of scientists and the general public is given to the theoretical, geopolitical, socio-cultural, historical and scientific factors and the direction of formation and development of the key centers of practical, academic and university Oriental Studies in Russia and Ukraine in the XIXth – early XXth centuries (Moscow, St. Petersburg and Kiev). The turn of epochs is associated with the diversity, richness and tragedies of the fates of Russian Orientalists, establishment of the original Russian institutional educational system and scientific study of the East Asiatic Museum of the Academy of Sciences, Moscow and St. Petersburg universities and Lazarev Institute of Oriental Languages, scientific societies, etc. The purpose of research is to find, research, systematize and publish correspondence between Arabist, Semitologist, Turkologist, Iranist and Slavist A.E. Krymsky with Orientalists at the turn of ages – V. R. Rosen, V. V. Bartold, P. K. Kokovtsov, F. E. Korsch, V. A. Zhukovsky, S. F. Oldenburg, I. Yu. Krachkovsky, N. A. Mednikov, V. F. Minorsky in 1890–1920-s.

Keywords: Oriental Studies, archive, letters, colleagues, A. E. Krymsky, V. R. Rosen, V. V. Bartold, P. K. Kokovtsov.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.51

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОГО ДИАЛЕКТА СИБИРСКИХ ТАТАР

Алишина Х. Ч.

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

В статье на материале полевых записей, произведенных в Тюменском, Вагайском, Тобольском, Ялуторовском, Ярковском районах Тюменской области, характеризуются основные вспомогательные глаголы тоболо-иртышского диалекта сибирских татар.

Ключевые слова: вспомогательные глаголы, диалекты татарского языка, глагол, тоболо-иртышские татары.

ВВЕДЕНИЕ

Сибирские татары живут в Западной Сибири – в Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской и частично Кемеровской областях. Татарские селения тянутся широкой полосой вдоль Туры, Тобола, Иртыша, Томи, в прилегающих к устью Томи прибрежных районах Оби и по многочисленным притокам этих рек. К северо-западу от г. Тобольска татары живут на заболоченной местности левобережья Иртыша, а в Новосибирской области занимают степную полосу. В Кемеровской области татарских деревень немного, они представляют собой продолжение поселений томских татар, а их жители являются носителями одного из говоров томского диалекта. Всего местных сибирских татар, по современной оценке, насчитывается около 300 тыс. человек, из них наибольшее количество проживает в Тюменской области.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Грамматическая система говоров тоболо-иртышских татар сложилась в результате языкового взаимодействия различных тюркских племен. Некоторые морфологи-

ческие черты находят параллели в говорах татар-мишарей, кряшен, в говорах ичкинских, сафакульских, оренбургских, пермских, заказанских, касимовских татар, а также в алтайском, хакасском, шорском, киргизском, каракалпакском, ногайском, татарском литературном, крымскотатарском, узбекском, уйгурском, туркменском, караимском, башкирском и других языках. О чрезвычайно смешанном характере диалекта свидетельствует, например, многовариантность, параллелизм отдельных форм, глагольных аффиксов. Но в целом территория тоболо-иртышского диалекта сибирских татар, относящаяся к югу Тюменской области, характеризуется распространением общедиалектных признаков и черт. Четкие границы между говорами провести трудно, так как изоглоссы отдельных явлений перекрывают друг друга, переплетаются между собой.

Отличительной особенностью языка тоболо-иртышских татар является активное употребление в речи различных вспомогательных глаголов в обязательном сочетании с одним или двумя деепричастиями. По мнению Ф. А. Ганиева, ни один из глаголов, называемых вспомогательными, не представляет из себя собственно вспомогательный глагол, а является самостоятельным. В составных глаголах он сохраняет свое лексическое значение, которое несколько ослабевает. Во всяком случае они не оставляют без изменения лексическое значение основного глагола.

Лексические единицы *тор*, *утыр*, *йа^от* чаще употребляются при глаголах, обозначающая действие, совершаемое в момент речи, а также обычность, продолжительность действия.

Тор – стоять: *Тора^ог,а па^орг,алы пушатып торто* (Тм., Каск.). – Он отпустил меня съездить в город; *Пәрбер пер-ике-өц минутны қа^орап тортом тите* (Ярк., Чечк.). – Всё равно, говорит, смотрел две-три минуты.

Утыр – сидеть: *А^отлаб-а^отлап па^орам та утырам* (Тм., Каск.). – Иду и иду себе потихонечку; *А^оны йәтләп па^орыб утырам угып па^орыб утырам* (Тб., Турб.). – Иду и учу наизусть, читаю на ходу; *Әмән қыуып килеб утыргантай* (Ярк., Чечк.). – Как будто гонится за мной; *Йа^онып көйөб утыраты өйө тите* (Тб., Турб.). – Блестит и сверкает (чистотой) её дом, говорят; *Ә қортқа^ойақ әммә пыларг,а қыулап утырг,ан* (Вг., Инд.). – А старуха вечно сидела и шумела на них.

Йа^от – лежать: *Қа^оп-қа^ора ба^ошлы пер түңсәне йыйып йа^отабыс. Пылай гынып а^олаңнап қа^орайым* (Ярк., Чечк.). – Кочка черным-черна от ягоды, собираем её. В испуге сама озираюсь по сторонам.

Вспомогательный глагол *кит* «идти» в сочетании с деепричастием означает неожиданность, внезапность действия: *Перттә утысмай а^оңыг,ып китәте тите* (Ял., Кулики). – Не дает совсем посидеть, уводит с собой; *Йөгереп инеп кит* (Вг., Яланьяр). – Разбегись и перепрыгни; *Та^олмыган кеше а^оурыты та гитте гуй* (Тм., Як.). – Человек из Янтыка (Талмыгана) взял и заболел; *Ша^о га^орт мулла булып китепте тите* (Вг., Кобяк). – Говорят, тот старик стал сейчас муллой.

Куй – кончать. В сочетании с деепричастием выражает однократное действие: *Эшетеп қуйтым а^ойыу ба^ор тип* (Ярк., М. Чечк.). – Я уже услышала, что там медведь; *Мәктәпкә иртән килеп қуйыпты* (Тб., Епанчино). – В школу он пришел очень

рано. Кроме того, может выражать результативность, завершенность действия: *Йа°р-тышар пәтрә йыйып қуйтық* (Ярк., М. Чечк.). – Мы уже набрали по полведра. В карачаево-балкарском языке глагол *кьой* «оставлять», сочетаясь с деепричастиями на *-н*, также выражает действие, выполненное до конца, безвозвратно: *Алий кесин барындан да кәп билгенге санап кьойганды* – Алий посчитал себя знающим лучше всех.

Та°шла – бросать (законченность, результативность действия, произведенного быстро, мгновенно): *А°уысым а°цылг,ан ца°қта әйтеп та°шлатым* (Ял., Р.). – Пользуясь случаем, я высказала всё; *Килеп па°шыннан сыйбап та°шлаты* (Ял., Р.). – Подойдя, он погладил его по голове; *Тәрәсләрне, ишекләрне а°цып та°шлатым, тың төтөн ите* (Ярк., Курт.). – Я раскрыл окна, двери, был сильный дым; *Песнең қа°лық-ны қырып та та°шлаг,ан* (Тм., Чикча). – Многих наших людей уже поубивали.

Ба°шла – начинать (начало действия): *Сигесенце март йетеп килсә, қа°тын-қыслар-ны йыйа ба°шлайтлар* (Тб., Турб.). – С приближением 8 Марта начинают собирать девушек и женщин; *Қыра ба°шлатылар бесне* (Тм., Каск.). – Нас начали убивать; *Цуг,ынтыра ба°шлаг,ан та°тарларны* (Тм., Казар.). – Начали крестить татар; *Йул йа°сай ба°шлатылар, кешенең сөйәге кән пулты, менә йул сыйарат өстөтә* (Тм., Казар.). – Начали строить дорогу, было много человеческих костей, теперь дорога эта на месте кладбища (находится).

Са°л – положить. Выражает лексическое значение предупреждения возможного действия. Употребляется в отрицательной форме (*са°лма*), хотя не всегда выражает отрицание. В этих случаях глагол *сал* сочетается с конвербом на *-н*: *Мин әйткәнәрне әбәләреңә әйтеп са°лма* (Тб, Устамак) – Не вздумай сказать своим старшим сестрам то, что я тебе сказала; *Па°лаң син йуқта йыгылып са°лмасын* (Ял., Н.-Ат.) – Как бы в твое отсутствие твой ребенок не упал; *Син миңә қа°шарып са°лма* (Тм., Казар.). – Ты на меня не вздумай обидеться. В сочетании с деепричастиями на гласный *-а/-ә* вспомогательный глагол *са°л* употребляется в значении мгновенности, констатации совершившегося действия: *Йоқла°п тора° са°лты та а°т йа°сап китте* (Ярк., Тарх.). – Как только проснулся, начал рисовать лошадь; *Па°ла китә са°лып суг,ышка үлгән* (Тб., Мед.). – Как только сын ушел на войну, так сразу погиб. В карачаево-балкарском языке глагол *сал* «ставить, поставить» в основном сочетается с деепричастием на *-н* и выражает значение быстрого, мгновенного совершения действия: *Ол къарап-къарагъынчы эмегенлени къырып салды* – Не успели моргнуть глазом, как он срубил эмегенов (чудовищ); *Малжей биринчи баразаны жырып салды* – Малжей первую борозду провел решительно.

Йебәр – посылать (внезапность и начало действия). Этот глагол имеет фонетические варианты. В населенных пунктах Агитско-Вагайской луки – селениях Тукуз, Веселинские, Одинарские, Осиповские, Малый Уват, Сулейманские, Казанские, а также в населенных пунктах по р. Иртыш – селениях Баишевские, Бегишевские, Байгара, Кобяк, Яланьяр и др. глагол *йебәр* употребляется в форме *ей*: *Әйтеб ей!* – Скажи-ка!; *Ма°сайыб ейте г,уй* (Вг., Баиш.). – Обрадовался же; *Төшөрөб ейтем* (Вг., Верш.). – Внезапно уронил; *Йегермәнче дикабрьтә килеб ейеп* (Вг., Юрмы). – 20 де-

кабря подъехал; *йугатыб ийенте* (Вг., Кауси) – вдруг потерял; *йебәрен ейтем* (Вг., Кауси) – отправил.

В других населенных пунктах – селениях Б. Чечкино, Карбаны, Куртюганы, Тарханы, Варвара, Краснояр Ярковского района, Чикча, Есаулы, Акияры, Каскара Тюменского района, Аслана, Ново-Атьялово, Авазбакеево, Краснояр, Ревда, Озерное Ялуторовского района – глагол *посылать* употребляется в основном в форме *йебәр*. Но бывают такие фонетические условия, когда глагол изменяется и звучит как *ийәр*, *йәр*, *ей*: *Сине күкетеп ийәргелек пұлмайтыгын, күкейтеген тә гитәтеген* (Ярк., Чечк.). – Тебя нельзя и похвалить, как ты сразу начинаешь зазнаваться, заноситься; *Картлар та йтеб ейәте* (Ярк., Карб.). – Вот и старики подошли; *Мөкнө қаһырып йебәрәте тә ыргайты тите* (Ярк., Чечк.). – (Медведь) вырывает мох прямо с корнем и бросает, говорит; *Саһынуларга түсә аһлымйча, чырлап ийәм қычқырып* (Вг., Казан., из песни). – Не могу вынести грусть-тоску, громко запеваю.

Вспомогательный глагол *паһ/баһ* – «смотреть» передает попытку совершить действие: *Менә ошо қаһраг, ат шәңкәмне аһшап пақ* (Тб., Турб.). – Попробуй вот этих шанег с черной смородиной; *Килеп паһмаг, аннар пәсерләр* (Ярк., Чечк.). – В последнее время не приезжали; *Кеше баһрг, аң мин тә паһрып паһтым* (Ярк., Курт.). – Люди шли, и я пошла; *Саһнустан пәскә йәртәм пулып паһматы* (Ярк., Карб.). – Нам из совхоза не было никакой помощи.

Қаһ – оставаться, отставать. Деепричастие на *-п* с глаголом *қаһ* указывает на законченное действие с наличным результатом: *Тыңнап торто та китеп қаһты* (Ярк., Матм.). – Постоял, послушал и ушел. В карачаево-балкарском языке вспомогательный глагол *кһал*, сочетаясь с деепричастиями на *-п* выражает внезапное, возвратное действие: *Аны не айтырын да сакһламай, кһыз кетип кһалды*. – Не дожидаясь его ответа, девушка быстро ушла. При сочетании с деепричастиями на *-а/-е* глагол *кһал* выражает длительное, ничем не ограниченное действие: *келе кһалды* он шел сюда; *жһаза калды* – он остался писать.

Қыйлан – пытаться, стараться: *Паһларга пулышқан пулып қыйлантық* (Вг., Тукуз). – Старались помочь детям; *Утын йәһрақлап қыйланабыс* (Вг., Юрмы). – Ежегодно заготавливаем дрова.

Некоторые из вспомогательных глаголов, сочетаясь с деепричастиями основного глагола, передают модальные значения (возможность, невозможность и их оттенки).

Примеры записаны автором в населенных пунктах Тюменской области:

Баишево, Вагайский р-н
Вершины, Вагайский р-н
Еланьяр, Вагайский р-н
Епанчино, Тобольский р-н
Индери, Вагайский р-н
Казанка, Вагайский р-н
Казарово, Тюменский р-н

Карбаны, Ярковский р-н
Каскара, Тюменский р-н
Кауси, Вагайский р-н
Кобяк, Вагайский р-н
Кулики, Ялуторовский р-н
Куртюганы, Ярковский р-н
Малое Чечкино, Ярковский р-н

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОГО
ДИАЛЕКТА СИБИРСКИХ ТАТАР**

Матмассы, Ярковский р-н	Устамак, Тобольский р-н
Медянки, Тобольский р-н	Чечкино, Ярковский р-н
Новоатъялово, Ялуторовский р-н	Чикча, Тюменский р-н
Ревда, Ялуторовский р-н	Юрмы, Вагайский р-н
Тарханы, Ярковский р-н	Якуши, Тюменский р-н
Турбы, Тобольский р-н	

Список литературы

1. Барсукова Р. С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Казань, 2004. – 160 с.
2. Белоглазов П. Е. Структура глагольного корня-основы в хакасском языке. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. – 144 с.
3. Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982. – 150 с.
4. Рахимова Р. Н. Тюменский говор в системе диалектов сибирских татар: фонетико-морфологическая характеристика – Автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.02 – языки народов РФ (татарский язык). / Рахимова Р. Н.; [науч. рук. Х. Ч. Алишина]. – Тобольск, 2007. – 24 с.
5. Татарская грамматика. В трех томах. Т. II. Морфология. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. – 397 с.
6. Текуев М. М. Словообразовательная роль вспомогательных глаголов в карачаево-балкарском языке // Словообразование в тюркских языках: Исследования и проблемы: матер. Межд. тюркологической конф., посв. 80-летию Фуата Ганиева (Казань, 20–21 сентября 2010 г.) – Казань, 2011. – 570 с.
7. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. – Казань: изд-во КГУ, 1977.
8. Тумашева Д. Г. Диалекты языка сибирских татар // Диалекты тюркских языков: очерки. Редкол.: Бичелдей К. Н., Дыбо А. В., Поцелуевский Е. А. / Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – 533 с.
9. Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1996.

References

1. Barsukova R. S. Zabolotny speaking of Tobol-Irtysh dialect of the Tatar language in a comparative review (Kazan, 2004), p. 160.
2. Beloglazov P. E. The structure of the verbal root base in the Khakas language (Abakan, Khakassia Publishing House, 2008), p. 144.
3. Ganiev F.A. The formation of compound words in the Tatar language (Nauka, 1982), p. 150.
4. Rakhimov R. N. Tyumen speaking dialects of the system of Siberian Tatars: phonetic-morphological characteristics, Abstract. Dis. ... Cand. Philol. Sciences, (Tobolsk, 2007), p. 24.
5. Tatar grammar. In three parts. T. II. Morphology (Tatar Book Publishing House, Kazan, 1993), p. 397.
6. Tekuev M. M. Word-formation of auxiliary verbs in Karachai-Balkar language, Word formation in the Turkic languages: Research and problems: mater. Int. Turkological Conf., dedicated. 80th anniversary of Fuat Ganiev (Kazan, 2011), p. 570.
7. Tumasheva D. G. Dialects of Siberian Tatars, (KFU Publishing House, Kazan, 1977).
8. Tumasheva D. G. The dialects of the language of the Siberian Tatars, Turkic Dialects languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (M, 2010), p. 533.
9. Languages of the World, Turkic languages (Bishkek, 1996).

Alishina Kh. Ch. Auxiliary verbs of tobol-irtysh dialect of the Siberian Tatars / Kh. Ch. Alishina // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 291–296.

The article considers the peculiarities of the Tobol and Irtysh dialect of the Tatar language by the Siberian Tatars who lives in Western Siberia in Tyumen, Omsk, Novosibirsk, Tomsk and Kemerovo regions partially. There are about 300 thousand Siberian Tatars, the greatest number of them live in the Tyumen region.

The author characterized the main auxiliaries of Tobol and Irtysh dialect of the Siberian Tatars based on the data of field recordings made in Tyumen, Vagayskiy, Tobolsk, Yalutorovsk, Yarkovsky areas of the Tyumen region.

The grammatical system of Tobol-Irtysh dialect developed as a result of linguistic interaction of various Turkic tribes. The study found that the distinguishing feature of the Tobol-Irtysh dialect is active use of speech in various auxiliaries necessarily combined with one or two gerunds.

The exical units *top*, *utyр*, *йа°т* often used with verbs denoting action to be taken at the time of the speech, as well as usual, the duration of action.

For example, *top* – stand: *Тора°г,а па°рг,алы пушатып торто* (Tyumen, Kaskara). – He let me go into the city; *Пәрбер пер-ике-өц минутны қа°рап тортом тите* (Yarkovo, Chechkino) – All the same time, he says, watching two or three minutes.

Утыр – sit: *А°тлаб-а°тлап па°рам та утырам* (Tyumen, Kaskara). – I'm going and I go to myself quietly; *Әмән қыуып килеб утырғантай* (Yarkovo, Chechkino). – I'm going and I go to myself quietly.

Йа°т – lie: *Қа°п-қа°ра ба°шлы пер түңсәне йыйып йа°табыс. Пылай ғынып а°лаңнап қа°райым* (Yarkovo, Chechkino). – Black-black bumps on the berries, gathering it. Frightened she looked around.

Some auxiliary verbs, gerunds combined with the main verb, give the modal values (possibility, impossibility and shades).

Keywords: auxiliary verbs, dialect of the Tatar language, the verb, Tobol-Irtysh Tatars.

УДК 81.366.512.141

КОСМОНИМЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ)

Абдуллина Г. Р.

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак, Башкортостан, Российская Федерация*

E-mail: abguri@yandex.ru

К космонимам, которые составляют один из древнейших лексических пластов башкирского языка, в последние годы заметно возрос интерес исследователей. Необходимо констатировать, что не только в башкирском языке, но и во многих тюркских языках космонимы изучены в недостаточной степени. В башкирском языке можно встретить множество наименований небесных тел, общих с другими тюркскими народами. Данная статья посвящена выявлению космонимов, функционирующих в башкирском и других тюркских языках. Для анализа привлечены как литературные, так и диалектные наименования. Нами показано отражение космонимов в фольклорных образцах и в художественной литературе (на материале башкирского и других тюркских языков), дана этнолингвистическая характеристика небесных тел у тюркских народов, выявлена роль наименований небесных тел в башкирских личных именах.

Ключевые слова: лексикология, ономастика, космоним, наименования небесных тел, башкирский язык, тюркские языки.

ВВЕДЕНИЕ

Систематизация и сохранение в тюркских языках уникальных древних онимов в условиях глобализации – один из приоритетов сегодняшней науки. Наименования небесных тел изучаются разделом языкознания, называемым ономастикой, и его специальной дисциплиной – космонимией. Главный объект космонимии – космонимы (наименования небесных тел) выделяются среди других онимов тем, что среди тюркских народов небеса всегда были святыней и объектом поклонения [2; 6; 18].

В башкирском языке можно встретить множество космонимов, общих с другими тюркскими народами. К примеру, название *Өлкәр* в башкирском языке произошло от общетюркского *Ülker* (название созвездия). В науке это созвездие называют *Плеяды*, космоним *Өлкәр* дает значение «главный». В некоторых говорах башкирского языка распространено название *Илэк йондоз*, возникшее от уподобления звезде Сито. Встречаются и космонимы типа *Өлкән йондоз*, *Кумәк йондоз*. Среди башкир юго-востока есть такие довольно интересные названия, как *Сыңгы*, *Сыңга йондоз* (букв. «кольцеобразная звезда») [3].

Космоним *Етегән йондоз* в башкирском языке очень древний, народные легенды свидетельствуют, что он хранит в себе даже отголоски эпохи тенгрианства. Среди других тюркских народов также встречаются варианты *Етген юлдыз*, *Етти юлдыз*. В говорах бытуют наименования *Өлкән йетегән*, *Кесе йетегән*.

Космонимы *Һарат* и *Бузат* в башкирском фольклоре означают породы лошадей по их цвету. Они, по народным поверьям, на небосводе «привязаны» к Полярной звезде (в башкирском варианте – *Алтын Казык*). Формы созвездий на небосводе ука-

зывают на характерную образно-легендарную основу названия. Космонимы *Буһат* и *Һарат* в салютском говоре башкирского языка возвращают нас к мотивам легенды о звезде *Етегән*, они символизируют двух коней, вечно скачущих от преследования волков [10].

Самые яркие светила издавна для башкир выполняли роль ориентира в пространстве. Звезда *Тимер казык*, или *Алтын багана*, – яркий знак северной части света. Общее для тюркских народов название *Темир казык* присутствует еще в словаре Махмуда Кашгари. Оно особенно сильно распространено среди татарского, казахского и башкирского народов.

У тюркских (особенно у скотоводческих) народов эту звезду видели в образе железного кола с привязанными к нему лошадьми. Вокруг кола, якобы, чтобы украсть лошадей, кружились разбойники. По этой причине небесное тело получило название – *Тимер казык* (Железный кол). Монголы считали, что этот кол сделан из золота, и он вбит самим богом. Чуваши назвали данную звезду *Северной звездой* [11].

Звезда, ярко светящаяся на рассвете и на закате, у башкир называется *Ай йондозо*, *Таңсулпан* (*Таң йондозо*, *Таңғы йондоз*, *Сулпан*, *Солпан*, *Таңғы сулпан*). Научное название – *Венера*. В башкирских говорах встречаются такие названия, как *Эңер йондозо*, *Шафак*, *Шәфәк*, *Шапак йондоз*, *Эңер сулпаны*, *Эңерге йондоз*. Звезда *Таңсулпан* у башкир рассматривалась как маленький спутник Луны и Солнца и считалась святой, несущей свет людям. В башкирских говорах есть еще одно очень звучное название этого небесного объекта – *Таңдыса*.

Интересен тот факт, что некоторые народы, кроме созвездий, дали названия и всем видимым простым глазом планетам. К примеру, планета Венера получила следующие названия: у башкир – *Сулпан*, татар – *Чолпан*, каракалпаков – *Шолпан* и т. д. В древнетюркских памятниках зафиксированы названия *Севит* и *Чолпан*; функционирует и арабское название планеты – *Зәһрә йондоз*. Древнетюркские памятники хранят названия и других планет: *Марс* – *Медная стрела*, *Меркурий* – *Ариу*, *Юпитер* – *Черная птица*. Отметим, что калмыки дали название почти всем планетам: *Марс* – *Мингмр*, *Сатурн* – *Бемб*, *Юпитер* – *Пүрвэ*, *Венера* – *Басн* и т. д.

Среди небесных объектов, названных по расположению на небосводе, особо выделяется созвездие *Аркысак*. Это название распространено в бурзянском, кизильском, ик-сакмарском говорах башкирского языка. В других говорах есть такие варианты космонима, как *Алгырсак* и *Аркосак*.

Башкиры, как и другие народы, также хотели постичь тайны Вселенной, наблюдали за небесными объектами, изучали их. У знаменитого башкирского просветителя, ученого и писателя Мухаметсалима Уметбаева есть прекрасные строки: «Истинному башкиру положено знать: первое – свое происхождение (свой род), второе – названия звёзд, третье – народные легенды и предания».

В башкирском языкознании по данной теме до сих пор нет монографических исследований. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь астрономических терминов под авторством В. С. Сулейманова увидел свет уже в 1954 году [14]. Астрономические термины башкирского языка на научной основе впервые исследуются

видным диалектологом Н. Х. Максютовой в семидесятые годы прошлого столетия [10; 11]. В 1998 году в журнале «Башкортостан укытыусыһы» В. Ш. Псянчин выступил с познавательной статьей на тему «Небесные тела и небосвод» [13]. Ценным источником считается объемная статья Р. Шакурова и А. Баязитовой «Космонимия у башкир и других тюркских народов», опубликованная в журнале «Ватандаш» в 2003 году [16]. Учитывая богатство лексики небесных тел, ясно, что вышеприведенный перечень публикаций не удовлетворяет все потребности в изучении объектов Вселенной в башкирском языке, как и в других тюркских языках.

Цель данной научной статьи – лингвистический анализ космонимов на материале башкирского и других тюркских языков, чем обусловлены следующие задачи: а) показать отражение космонимов в фольклорных образцах и в художественной литературе (на материале башкирского и других тюркских языков); б) дать этнолингвистическую характеристику небесных тел у тюркских народов; в) выявить роль космонимов в башкирских личных именах.

1. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСМОНИМОВ (на материале башкирского и других тюркских языков)

В башкирских говорах встречаются до одиннадцати наименований звезд, общих со многими тюркскими народами, имеющих арабские и русские лексические параллели. Они названы по цвету, расположению, по времени выхода на небосвод. Видимая часть космоса именуется одним и тем же термином *йондоз*. Общая черта всех космонимов – их региональная специфика и разнообразие, влияние диалектных говоров на структуру названия. Следует отметить, что до сих пор не имеют ясности значения таких космонимов, как *Кәрлә йондоз*, *Һүнгән йондоз*, *Башмак йондоз*, *Олтан йондоз*, *Һирән йондоз*, *Һүрән йодоз*.

Наименования небесных объектов больше встречаются среди башкир юга и юго-востока, самая большая часть космонимов собрана у представителей башкирских родов бурзян и кипчак. Названия, распространенные на территории Республики Башкортостан, встречаются и у башкир Курганской и Челябинской областей: *Йолдоз* и *Зөһрә йолдоз*.

Привлекает внимание разнообразие вариантов одного и того же созвездия – *Кош юлы* (Млечный путь) на разных языках: Лыжный след, Серебряная река, Путь вора соломы, Тропа змеи, Спина Бога, Щетина на спине, Дорога душ, Где волочили медведя, Песчаная река, Чумацкий шлях, Дорога в Иерусалим (Рим, Киев) [5]. У калмыков Млечный путь получил название *Тенгрин Уйдл* («небесный шов»).

В последние годы пласт космонимов башкирского языка заменяется преимущественно русскими или калькированными названиями. Яркие примеры тому – космонимы *Улсәу йондозлоҗо* (созвездие Весов) и *Балык йондозлоҗо* (созвездие Рыб). Однако в башкирских говорах, к примеру, у наименования галактики Млечный путь (*Кош юлы*) есть аналог – *Каз юлы* (Гусиный путь). Встречаются и другие варианты наименований, например, *Кысала йондозлоҗо* (созвездие Раков) – *Һарат*, *Зодиак йондозлоҗо* (созвездие Зодиака) – *Бузат*. Выходит, в башкирском языке есть искон-

ные наименования созвездий, однако они по каким-то причинам затерялись, либо не вошли в общепотребительные словари.

Как известно, издревле человечество с восхищением наблюдало за небесными объектами. По ним моряки и караваны находили дорогу, определяли приблизительное время. Небесные тела служили и указателем сезона.

Звезды своей таинственностью всегда привлекали внимание людей, о Солнце и Луне сочиняли многочисленные сказки и легенды. Разные народы по-разному видели особенности объектов Вселенной и именовали их по своему представлению. Например, одно и то же созвездие: у русских – Конь, у римлян – Повозка, у украинцев – Воз, у народов Нижнего Поволжья – Телега, у киргизов – Жетиаркар (семь диких овец), у тувинцев – Чедихаан (семь ханов) и т. д.

Интересна этимология созвездия Млечный путь. Галилео Галилей через телескопическое устройство обнаружил, что оно состоит из бесчисленного множества звезд и по цвету напоминает цвет молока. Вообще, созвездие Млечный путь было знакомо уже античным ученым. К примеру, армянский математик, космограф и философ Ананий Ширакаци, живший в VII веке, в своих записях отмечает, что некоторые авторы древних (античных) времен называли это созвездие Старой дорогой Солнца, другие – покрывалом Персефоны; по мнению третьих, Геракл по этой дороге увел стадо Гериона; четвертые утверждают, что это молоко, пролитое с груди Геры (жены Арамаза). Древние армяне придерживаются следующей версии: зимой Вааган украд солому с Баршаама, это как раз та дорога, на которой высыпалась солома.

У христиан данное созвездие связывают и с религиозными представлениями. Существует гипотеза, согласно которой по этой дороге души умерших поднимаются на небеса или, напротив, возвращаются обратно. Млечный путь называют также Путём Иисуса, Путём Девы Марии, Путём Святого Петра, Дорогой в Иерусалим, Путём Святого Якова, Путём Святого Джеймса, Путём рая. Отметим, что в последние годы увидели свет научные статьи отечественных и зарубежных ономастов Г. Шмидта, З. Лагеркрантца, Л. Гладышевой, И. Эрдеди, Л. Мандоки и других, в которых содержатся небезынтересные факты, касающиеся данного наименования.

В большинстве тюркских языков название созвездия Млечный путь связывают с птицей: у башкир – *Кош юлы* (Птичий путь), у казахов – *Торна юлы* (Журавлиный путь), у киргизов – *Кыр каззары юлы* (Путь диких птиц), у татар – *Киек каз юлы* (Путь диких птиц) и т. д.

В Средней Азии называют его Соломенным путём. В Венгрии, Буковине, Молдавии считают, что солому украли цыгане, по этой причине созвездие получило название Цыганский путь.

Монгольские народы Млечный путь именуют «Обвалившимся кусочком неба». У жителей Чукотки распространены наименования Пыльная река, Серебряная река, Небесная река; в Восточной Африке оно получило название Звёздного моря.

У кавказских народов наименование созвездия традиционно связывают с животным миром: Караванный путь, Стадный путь и т. д. Чеченцы называют его Медвежьим путём, грузины – Местом, где прыгают ягнята. У индийских и неко-

торых азиатских народов Млечный путь получил название Змеиной реки, Змеиного пути и т. д.

В вышеуказанном словаре В. С. Сулейманова наименования звезд составляют абсолютное большинство: Вега, Лямбда, Поллукс, Прочион, Ригель, Сириус, Спика, Ахернар, Арктур, Антарес, Альциона, Алиот, Альбирео, Алькор, Альтаир и т. д. Наблюдения показывают, что многие из них являются интернациональными и в башкирском языке используются в виде калек. Тем не менее некоторые из анализируемых лексем всё-таки имеют в башкирском языке свое название. Скажем, звезда Вега звучит по-башкирски *Зөһрә йондоз*; имеются варианты *Венера*, *Таңсулпан*, *Сулпан*, *Таңғы сулпан*. У казахов звучит как *Шолпан*, у киргизов – *Чулпан*. Общая этимология данной звезды (Вега, Зухра, Сулпан) сводится к понятию «путеводная яркая звезда». У русских Венера означает Богиню любви.

Тимерказык йондозо (Полярная звезда) – яркая звезда, расположенная ближе к Северному полюсу. В башкирском языке название звезды образовано из двух срощенных корней: *тимер* (железо, железный) + *казык* (столб). Названо по причине того, что данная звезда с Земли кажется неподвижной, стоящей на месте. У караханийских уйгуров звучит как *Темур казык*, у турков – *Демир казук*, *Демир-казык*, у туркменов – *Демир газык* и т. д.

Етегән йондоз (Медведица) состоит из двух созвездий: *Оло Етегән* (Большая Медведица) + *Кесе Етегән* (Малая Медведица). Наименование восходит к слову *ете* (семь), ибо в данных созвездиях по семь звезд. В отдельных говорах башкирского языка зафиксированы варианты *Кәрлә йондоз* (Карликовая звезда), *Иләк йондоз* (Звезда-сито), *Сыңга йондоз* (Звезда-кольцо), *Олтан йондоз* (Звезда-подмётка), *Башмак йондоз* (Звезда-сапог). В северных и северо-восточных районах Республики Башкортостан называют его также *Сүмес*, *Һүмес*, *Сирпәк*, *Сүмесбаш* (Ковш); имеются фонетические варианты *Житегән*, *Езэгән*, *Езегән*. У русских данная звезда, как видно из названия, ассоциируется с большим зверем – медведем.

Среди названий созвездий в башкирском языке изобилуют лексемы, связанные с животными и птицами. Перечислим некоторые из них: *Һеләүһен йондозлоҗо* (созвездие Рыси) – расположено на Южном полушарии; *Төлкө йондозлоҗо* (созвездие Лисы) – расположено между созвездиями Рака и Стрельца; *Балык*, *Буга*, *Кузы*, *Ылак*, *Кысала йондозлоктары* (созвездия Рыбы, Тельца, Овна, Козерога, Рака) – некоторые из двенадцати знаков Зодиака; *Кеҫәртке йондозлоҗо* (созвездие Ящерицы) – расположено на Северном полушарии между созвездиями Андромеда и Лебедь; *Аккош йондозлоҗо* (созвездие Лебедя) – расположено на Северном полушарии; *Кит йондозлоҗо* (созвездие Кита) – расположено на Южном полушарии; *Жираф йондозлоҗо* (созвездие Жирафа) – расположено между созвездиями Малая Медведица и Персей; *Торна йондозлоҗо* (созвездие Журавля) – расположено между созвездиями Южная рыба и Тукан; *Күгәрсен йондозлоҗо* (созвездие Голубя) – расположено на Южном полушарии; *Карга йондозлоҗо* (созвездие Вороны) – расположено около созвездия Дева; *Бүре йондозлоҗо* (созвездие Волка) – расположено около созвездий Рак и Стрелец.

По мнению Р. З. Шакурова, изучение астрономических терминов нужно начинать, в первую очередь, с анализа слов *күк* (небо) и *күк йөзө* (небосвод) [16]. В письменных памятниках и некоторых современных родственных языках слово *күк* употребляется в двух значениях – «небо» и «бог». Лексема *тәңре* используется в значении мусульманского бога, Господа. Значения «небо», «небосвод» слову *тәңре* в принципе уже не свойственны. Использование слова *тәңре* в значении «бог» уходит корнями в далекое прошлое. Данную мысль подтверждают слова *ай тәңре* (бог луны), *йашын тәңре* (бог молнии), *йел тәңре* (бог ветра), *күн тәңре* (бог солнца), *кот тәңре* (бог удачи) и т. д. Корень слова *тең* означает «подниматься, возвышаться». В тунгусо-маньчжурских языках, например в эвенском языке, слово *таңара* переводится как «бог», «икона». А в древнем шумерском языке тюркское заимствование *теңир* звучало как *диңгер* (бог).

2. КОСМОНИМЫ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ОБРАЗЦАХ И В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Небесные светила играли важную роль в жизни всех тюркских народов. Кочевой образ жизни башкирских племен в значительной мере определил значение космических объектов как приметы характера предстоящей погоды или возможности точно определить время. Издревле башкиры обожествляли небесные светила, что нашло свое проявление в языке в виде соответствующих крылатых слов, фразеологизмов, пословиц и поговорок.

Многие космические наименования не только тесно сплелись с другими языковыми пластами, но и в составе фольклорных образцов и художественных произведений отразили мировоззрение, быт, традиции и обычаи башкирского народа. Таким образом, космонимы в лингвокультурологическом плане представляют большую ценность. Ассоциации, связанные с космонимами, отражают менталитет башкирского народа, национально-культурные и историко-познавательные понятия, наконец, языковую картину мира в представлении башкир [1; 17; 18].

Надо отметить, что названия небесных объектов (имена собственные) очень редко встречаются в составе таких устойчивых языковых единиц, как пословицы и поговорки. В основном это термины, образующие ассоциативные связи с различными ценностно-культурологическими понятиями [3]. В башкирском языке это три основных термина: *Кояш* (Солнце), *Ай* (Луна), *Йондоз* (Звезда). Первые два космонима относятся к собственно астрономическим объектам, в третьем случае это нарицательное название всех объектов на небосводе. В древние времена многие башкирские племена обожествляли небесные светила, поэтому не удивительно, что они отразились в народном опыте познания мира – в афористических жанрах фольклора.

Первую тематическую группу пословиц, поговорок и загадок составляют единицы с компонентом «солнце». Древние башкирские племена, как и остальные тюркские, обожествляли солнце, для них оно имело не только значение света и тепла, но и было символом добра и милосердия. Поэтому во многих поговорках космоним «солнце» олицетворяет человечность и сострадание, актуализируя концептуальное понимание

«света» как символа гуманности и добра. Космоним в этом смысле часто выступает как важнейшая часть образной ассоциации в пословицах и поговорках, например: *Кояш янында – йылылык, инә янында – изгелек* – Около солнца – теплота, около матери – доброта; *Кояш караганда йәшәп кал, атаң караганда йөрөп кал* – Живи, пока светит солнце; гуляй, пока содержит отец; *Кояш тапһыз, ир гәйенһез, ил дауһыз булмас* – Не бывает солнца без пятна, мужчины без греха, страны без войны; *Кояш юк – көн юк* – Нет солнца – нет дня; В загадках космоним «солнце» несет в себе яркую образную составляющую: *Ай күрзе, кояш алды (ысык)* – Луна увидела, солнце забрало (роса).

Вторая тематическая группа пословиц, поговорок и загадок образуется с космонимом «ай». Данное небесное светило для древних родов имело такое же значение, как солнце, олицетворяло спутник дневного светила. Луна (*ай*) как ночной спутник солнца в понимании башкир была окружена исключительной таинственностью и представлялась либо улыбающимся личиком юной красавицы Зухры, либо ликом одинокого мужчины, сеющим печаль и грусть.

Космоним «ай» у башкир наполняется значениями «красота», «одиночество» и присутствует во многих пословицах и поговорках. Например: *Айға карап ай булма* – Не подражай Луне; *Ай уртак, көн уртак, якшы кешенең эше уртак* – Луна общая, солнце общее, у хорошего человека работа общая; *Ай уртак, төн уртак* – Луна общая, ночь общая; *Ай байыһа, йондоз бар, катын үлһә, балдыз бар* – Если уйдет луна, есть звезда, если умрет жена, есть младшая свояченица; *Ай менән кояш берәр генә була* – Луна и солнце бывают только в одном экземпляре.

Башкиры видели неизменными спутниками солнца и луны яркую звезду *Таңсулпан* (Сулпан йондоз), для них это тоже символ красоты и света [4]: *Таң күзе – Сулпан; Сулпан йондоз – өмөтлө күз*. Большое количество примет и поверий, относящихся к *ай* (луне), связано с физическим и духовным состоянием человека. И болезни, и здоровье, и настроение человека – всё это, по мнению древних тюрков [11; 12], в том числе башкир, напрямую зависело от *ай*. Существуют приметы, возникшие на основе наблюдений над природой луны. Например, в жанре *һынамыш* (приметы) сохранилось предостережение от созерцания луны: *Айға озак карама, аяктарың бәйләнер* – Берегись созерцания Луны – оно приносит несчастье. Или: *Айзың қолактары булһа, аяктарыңды һакла*, что означает: «С началом холодов (когда у луны появятся «уши») надо теплее обуваться». Или: *Канлы ай бәхет килтермәс*, что означало: «Красного цвета луна приносит несчастье».

Третья группа пословиц, поговорок и загадок образована с компонентом «йондоз». Звездой у башкир, как уже отмечалось, именовались все светила на небосводе, поэтому часто под «йондоз» подразумеваются солнце и луна. Однако для древних башкир ночные светила – звезды тоже были священными небесными объектами, в культурном пространстве это символы пути, поиска и надежды. Примеры: *Алыстағы йондоз йылы була* – Дальняя звезда кажется теплой; *Эзләгән йондоз юлынан йөрөр* – Ищущий ходит по пути солнца; *Өмөт караңғы төндә йондоз булып яныр* – Надежда в темную ночь будет светиться звездой.

Итак, космонимы и раскрывающие их сущность афористические жанры устного народного творчества дают ценный материал для изучения мировоззрения, фантазии, образного мышления целого народа и восприятия им небесных тел [10], поэтому выявление таких единиц, их сравнительное изучение имеет большое научное значение для дальнейшего развития языкознания. Лингвокультурологическое значение исследования космонимов в этом случае трудно переоценить.

Космонимы занимают важнейшее место в ономастическом пространстве современного башкирского языка. Лексемы, обозначающие определенные виды небесных объектов, часто встречаются не только в фольклорных образцах, но и в художественной литературе. Следует отметить, что, анализируя роль космонимов в литературных произведениях, мы должны иметь в виду, что любое творение есть составная часть национальной картины мира, оно несет в себе и авторское миропонимание, и яркую индивидуальную составляющую. Выходит, наименования небесных тел в литературных произведениях наполняются культурологическим содержанием. Космонимы в подавляющем большинстве произведений имеют ярко выраженное символическое значение и становятся концептами, то есть словами с определенным культурологическим смыслом. Это во многом объясняет широкое использование космонимов в функции художественно-литературного приема в произведениях башкирских писателей.

К примеру, в ярчайшем творении классика башкирской литературы Мустая Карима – в трагедии «В ночь лунного затмения» – отдельное название небесного тела становится символом, без которого нельзя представить художественный мир и реальность произведения. Космоним «ай» раскрывает художественное начало трагедии, символизирует мифологические верования общества (с древних времен лунное затмение считалось предвестником беды), трагическое содержание художественного творения. *Ай* и связанное с ним космологическое явление присутствует на всех этапах развязки сюжета трагедии. Космоним используется автором как символ грешности земного мира, в результате отдельное слово становится художественным приемом, определяющим содержание и творческое начало произведения [2; 8].

Космонимы «ай» (луна) и «*кояш*» (солнце) в произведении Мустая Карима служат приемом создания художественного контраста изображаемых явлений. Образ луны как символа света в окружающей тьме олицетворяет светлую надежду людей на спасение, а солнце символизирует источник света и доброты. Такая концептуальная оппозиция и глубокое философское единство данных символов обостряет художественную силу произведения, эмоционально-экспрессивную насыщенность описываемых картин.

Космонимы «ай» и «*кояш*» в трагедии Мустая Карима «В ночь лунного затмения» выступают как яркое образно-художественное средство изображения. Например, в поэтических отрывках из текста произведения четко проявляется стилистическая окрашенность таких названий:

Акъегет.

*Лучезарно восходит **солнце**, –*

Это правая твоя щека, Зубаржат.

Уныло заходит луна, –

Это левая твоя щека, Зубаржат.

В трагедии «В ночь лунного затмения» в качестве образно-стилистического приема используется и космоним «йондоз»:

Акъегет.

Взгляну на небо – что я вижу –

Пару звёзд.

Взгляну на землю – два дитя –

Две звезды, оказывается, они.

В языке трагедии, особенно в речи одного из главных действующих лиц – Акъегета, космонимы выполняют ярко выраженную стилистическую функцию. Они помогают раскрыть художественное богатство языка и внутреннее эмоциональное содержание трагедии.

Таким образом, можно заключить, что космонимы в литературных произведениях осуществляют не только объективную, присущую онимам, функцию, но и приобретают различные символические значения, становятся концептами со своеобразным культурологическим содержанием, что наглядно демонстрируется на примере трагедии Мустая Карима «В ночь лунного затмения».

Язык литературы есть средство передачи богатых семантических значений и разнообразных лингвистических функций космонимов как уникальной составной части современного ономастического материала башкирского языка. Особенно ярко это проявляется в насыщенном различными ассоциациями языке поэзии. В понимании поэтического языка слово есть ключ к чувственному миру, поэтому не удивительно, что названия небесных тел, кроме своих объективных ономастических значений, употребляются в поэзии в качестве образа-символа или ассоциаций.

В поэзии Шайехзады Бабича наименования небесных тел наполнены различными значениями и ассоциациями. К примеру, отрывок из стихотворения «Афарин» (1917):

Слава вам, утренние звёзды свободы!

Слава вам, султаны доброты!

Космоним «Султан» (утренняя звезда) в этом стихотворении – уменьшенный вариант названия небесного объекта *Таңсултан йондоз*, широко распространенного у башкир. В данном стихотворении Бабича *Султан* символизирует свободу.

Космонимы «ай» и «кояш» в стихотворении Ш. Бабича «Айға мендем» становятся ярким художественно-стилистическим приемом и своеобразным центром произведения:

Поднялся на луну, купался в лучах луны, играл,

Не мог нарадоваться, насладиться.

Не насытился, пошел дальше луны, поднялся на солнце,

Нет, всё-таки не смог успокоить душу...

Зөһрә йондоз (звезда Зухра) – традиционный символ красоты у башкир. В стихах национального героя башкирского народа Салавата Юлаева образ *Зөһрә йондоз* символизирует красоту женщины:

*Зулейха, ты как райская дева на земле,
На глазах у тебя блестит звезда Зухра.
Глаза твои будто ночное небо,
Светится на глазах твоих сама луна.*

Современная башкирская поэзия богата на различные образно-стилистические приемы, основанные на космонимах. Наименования небесных тел особенно часто встречаются в философской лирике. Так, цикл стихов Фаниля Кузбекова, недавно опубликованный на страницах журнала «Агидель», называется «Йыһан үлсәмдәре» («Размеры Вселенной»). В стихах названия различных космических объектов выступают средством образности:

*Медведица моя!
В серебряный твой ковш
Зачерпнул звезды.
Был влюблен...*

В следующем четверостишии Ф. Кузбекова прослеживается раскрытие значения древнего космонима «Каз юлы» (Млечный путь) через образ звездной реки:

*Взглянул на небо, устав от житейских мелочей.
Лишился дара речи...
Плывут звезды одной сплошной рекой.*

Таким образом, космонимы – незаменимые элементы картины мира, их в какой-то степени можно представить как результат многовекового осмысления реальности и исторического опыта отдельно взятого народа, в данном случае – башкирского. Наименования небесных тел в пробашкирской литературе имеют ярко выраженную символическую и образную составляющую [8]. Названия *ай, кояш, йондоз, Зөһрә йондоз, Таңсултан йондоз* в литературном языке выступают художественно-образным приемом и средством познания автором окружающей действительности.

3. ОТРАЖЕНИЕ КОСМОНИМОВ В БАШКИРСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ

В башкирском языке часто встречаются имена, включающие в свой состав наименования того или иного небесного тела. Когда и по каким причинам родители начали давать своим чадам такие имена? Для получения ответа на этот вопрос целесообразно обратиться к истории. Известно, что у наших предков существовал культ преклонения перед небесными телами, и стоит отметить, что древние башкиры обожествляли Всевышних ряда явлений (воды, деревьев, гор, солнца, луны, звезд, неба). Об этом свидетельствуют записи в мифологическом словаре башкирского народа [15]. В древности люди веровали во многие божества. Перечислим из них только те, которые имеют отношение к небесным телам и связанным с ними понятиям:

- 1) Күк раббыһы, Күк тәңре (Божество Небо). В мифологии башкир одно из двенадцати божеств. По Ибн-Фадлану, главное верховное божество. Имеет параллели в древнетюркской мифологии;
- 2) Кояшка һығыныу (Мольба солнцу);

3) ай (луна, месяц; небесное тело). Божество мифологизированное, оно связано с верхним миром, часто с мужским, реже – с женской ипостасью. Оно покровительствует людям, особенно больному человеку. Лунная мифология относится к самым древним этапам мифологии народов мира. Персонаж-месяц фигурирует во многих народах;

4) Ер-эсэ, Ер-ана (Мать-земля, божество Земля). Да, для человека земля тоже являлась божеством, но она была под ногами, и люди просто не знали всю ее божественность. Земля использовалась лишь в потребительских целях, она была основным источником питания и жизни. Данное божество так же важно, как и солнце, но имен со значением «земля» не существует. Это связано с тем, что людям еще не была знакома планета Земля (в виде небесного тела).

Древние люди, живо интересуясь космосом, небесными телами, считали, что все небесные светила – одушевленные. Наши предки не только поклонялись им, но эта вера помогала им сохранять природу в первозданном виде. Они также давали Всевышним *хэйер* (милостыня; подавание в виде еды, например) и исполняли обряд *корбан салыу* (жертвоприношение) во имя этих богов.

Нетрудно догадаться о причине возникновения космонимов в башкирских личных именах. Именно это культовое преклонение перед небесными телами находит зеркальное отражение в именах с компонентами *ай*, *кояш*, *йондоз* и т. д. Известно, что наши предки именовали небесные объекты названиями привычных им вещей, предметов, земных существ. Каждое название дано объекту человеком, человеческим обществом и характеризует и сам объект, и тех, кто дал ему имя. При анализе имен, связанных с культом неба, Р. Шакур и А. Баязитова, например, считают их одними из самых древнейших [16].

Родители часто давали ребенку имена с компонентом «луна», даже чаще, чем с наименованиями других небесных тел. Ведь именно луна определяла многие факторы жизнедеятельности и была связана с человеком даже намного больше, чем солнце или звезды. По луне определяли погоду, полнолунием объясняли многие болезни, показывали свои болячки и просили луну помочь справиться с болезнью. Существовали и разные запреты, касающиеся луны [1; 7]. Например, нельзя было долго любоваться луной, иначе останешься одиноким. Также запрещали давать детям имена с компонентом «*ай*», чтобы они не стали одинокими и луноподобными. Однако у башкир в определенный период луна стала символом красоты, ведь это самое яркое ночное светило. Люди сочиняли первые эпосы и сказки о ней. И, конечно же, забыв запреты, давали детям имена с компонентом «*ай*», их в башкирском языке (впрочем, как и в остальных тюркских языках) великое множество, и они актуальны по сегодняшний день.

С целью определения личных имен с указанным компонентом мы обратились к словарю башкирских имен под авторством Т. Кусимовой [9]. Нами зафиксировано большое количество мужских [Айбакты (Айбакты), Айбар, Айбулат, Айбэк (Айбек), Айгиз, Айгизэр (Айгизар), Айгэли (Айгали), Айзар (Айдар), Айдус, Айдил, Айегет (Айзигит), Айназ, Айнур, Айсаф, Айсолтан (Айсултан), Айсыуак (Айсуак), Айтуған

(Айтуган), Айтыуар (Айтуар), Айшат] и женских [Айбиби, Айбикә (Айбика), Айгизә (Айгиза), Айгөл (Айгуль), Айзада, Айзилә (Айзиля), Айзифа, Айкөмөш (Айкумуш), Айназа, Айнур, Айһылыу (Айсылу)] имён.

В башкирском языке встречаются и имена со значением «луна», заимствованные из арабского и персидского языков. Из них имеют арабские корни: Бәзерниса – Бадерниса (красивая, как луна); Бәзәр – Бадар, Бәзри – Бадри (полная луна); Гөлбәзәр – Гульбадар (гөл «цветок» + бәзәр «полная луна»); Кәмәр – Камар, Кәмәриә – Камария (луноподобная). Нижеследующие имена перешли к нам из персидского языка: Майшәкәр – Майшакар (маһи «луна» + шәкәр «сахар»); Маһигөл – Магигуль (маһи «луна» + гөл «цветок»); Маһиә – Магия, Маһизә – Магида, Маһизәр – Магизар, Маһруй – Магруй (красивая, как луна, луноподобная), Маһикамал – Магикамал (маһи «луна» + камал «совершенная»); Маһинур – Магинур (маһи «луна» + нур «луч»).

Символом красоты и божественности у башкир считались и звёзды. Именно по ним люди определяли погоду, находили дорогу, чтобы координироваться в темноте, давали звёздам имена, рассказывали про них сказки детям перед сном. И, конечно же, именовали своих чад названиями звёзд. Например, женское имя – неологизм Венера с латинского языка означает название планеты, звезды. Такое же значение имеют личные имена Венер, Таңсулпан (утренняя звезда), Зухра (блеск, свет, звезда), а также имя Сулпан, которым нарекали и мальчиков, и девочек. В башкирской мифологии происхождение имени Зөһрә связывают с именем девушки-сироты по имени Зухра, которую луна забрала от мачехи к себе и превратила в звезду. Пятна на луне тоже связаны с этим именем: якобы это девушка Зухра с коромыслами и ведрами. На основе этих имён появились новые имена: Гөлзөһрә (Гульзухра), Зәүрә (Заура), Аксулпан (Аксулпан), Айзөһрә (Айзухра), Айкояш (Айкояш).

Имя Йондоз (Юндуз) с башкирского языка переводится как «звезда» и выражает пожелание родителей, чтобы дочь сияла, как звёздочка. Мужское имя Тимерказык (Тимерказык; дословно: тимер «железо» + казык «кол») также имеет башкирские корни и означает название полярной звезды. В отличие от Юндуз имя Тимерказык уже не пользуется популярностью. Имя Сүриә (Сурия) в арабском языке означает созвездие Большой Медведицы. Мужское имя Бахрам заимствовано из арабского языка и означает название планеты Марс. Имя Бахрам в словаре указано как неологизм, но в наши дни уже не встретить мальчика с таким именем. Чаще встречаются мужчины с именем Марс [1].

Их персидского языка башкиры взяли мужские имена Әхтәр (Ахтар, Ахтяр), что означает «звезда», и Әхтәрйән (Ахтарьян; әхтәр «звезда» + йән «душа»). Эти имена свойственны лишь людям преклонного возраста.

Как показывает анализ, наименования небесных светил широко используются в башкирских именах. Да, небо и космос для наших предков были необъятным чудом, в которое люди верили, придумывали своё представление о нём и веровали. Поэтому само небо и вся Вселенная нашли отражение в личных именах башкир. Например, женские имена Йыһан (Зиган) и Йыһаниә (Зигания) из персидского языка означают «мир, Вселенная, покорительница мира». И всё-таки подобные значения больше

свойственны мужским именам, ибо считалось, что мужчина – покоритель неба и всего мира. Перечислим имена, заимствованные из персидского языка: Асман («небо»); Әсмәндиәр – Асмандияр (асман «небо» + йәр «друг»); Йыһангир – Зигангир («покоритель мира, властелин»); Йыһандар – Зигандар («властелин мира»); Йыһанур – Зиганнур (йыһан «жизнь» + нур «блеск, свет, луч»); Йыһанша – Зиганша (йыһан + шах «хозяин мира, космоса»).

Отметим, что в этих именах отражаются не только небо, космос, Вселенная, но и отношение человека к ним. Наши предки искренне верили, что, называя детей такими именами, они станут властелинами, настоящими покорителями мира.

Среди башкирских имён особое место занимают имена, связанные с солнцем. Хотя и наши предки считали солнце существом женского рода, давали такие имена одинаково и девочкам, и мальчикам. Остановимся в первую очередь на исконно башкирских именах. Тут нужно иметь в виду, что слово «көн» у башкир имеет значение дня, светлого времени суток и солнца, поэтому во многих именах фигурирует этот компонент: Көнбикә – Кунбика (день / солнце + очень красивая); Көнсолтан – Кунсултан (день / солнце + султан); Көнһылыу – Кунсылыу (день / солнце + красивая); Көнъямал – Кунъямал (день / солнце + красивая). Также являются собственно башкирскими нижеперечисленные имена: Кояш – Куяш (солнце); Кояшбикә – Куяшбика (женское имя); Кояшбай – Куяшбай (мужское имя).

Остальные имена имеют арабское происхождение, из них женские: Тәлиға – Талига (счастье, восход солнца или луны); Рәүилә – Равила (весеннее солнце, путешественница); Шәмси – Шамси (компонент женских имен, означает «солнце»); Шәмсибанат – Шамсибанат (солнцеподобная); Шәмсибәзәр – Шамсибадар (солнце + полная луна); Шәмсибану – Шамсибану (солнце + девушка); Шәмсебикә – Шамсибика (солнце + красивая); Шәмсибәхәр – Шамсибахар (весеннее солнце); Шәмсикамал – Шамсикамал (солнце + совершенная); Шәмсикәмәр – Шамсикамар (солнце + луна); Шәмсинәхәр – Шамсинахар (солнце + день); Шәмсениса – Шамсиниса (солнце + девочка); Шәмсинур – Шамсинур (лучи солнца); Шәмсиә – Шамсия (лучезарная, как солнце); мужские имена: Шаммас (преклоняющийся солнцу); Шәмсун – Шамсун (солнечный, светлый); Шәмси – Шамси (солнце). Нами зафиксировано лишь два имени с подобным значением, заимствованные из персидского языка: женское имя Хөршизә – Хуршида (солнцеподобная, ясная) и мужское имя Әфтәб – Афтаб (солнце) [7]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что башкиры поклонялись солнцу как источнику тепла и света, по этой причине и называли детей подобными именами. Следует отметить, что на сегодняшний день указанные имена встречаются очень редко.

Древние люди верили в злых духов и всячески старались оберегать своих детей от них. Именно по этой причине ещё в доисламском периоде появились личные имена с наименованиями небесных тел. Это также связано с культом неба, солнца, луны и звёзд. На основе проведённого анализа можно заключить, что космонимы составляют немалое количество башкирских личных имён.

ВЫВОДЫ

Подводя итог вышесказанного, отметим, что система космонимов в башкирском языке, как и в других тюркских языках, очень древняя; этот лексический пласт тесно связан с народными поверьями и фольклорными мотивами. Систематизация и изучение таких наименований помогли бы выявить некоторые моменты в культуре и истории тюркских народов. Корни большинства космонимов уходят ещё в доисламскую эпоху, тесная связь наименований со многими народами, их общетюркская основа свидетельствуют о значимости данного пласта для башкирского и других тюркских языков.

Значение космонимов в художественных произведениях не ограничивается только образной функцией, они несут в себе черты мифологического сознания (трагедия «В ночь лунного затмения» Мустая Карима), менталитета народа (символы красоты и древние обычаи башкир). Изучение исконно башкирских космонимов, как *кояш*, *ай*, *йондоз* и связанных с ними пословиц, поговорок, загадок, также дает ценный опыт в понимании менталитета и древнего мироощущения башкирского народа.

Космонимы занимают важное место в мировоззрении любого народа. Тем не менее во всём мире языковедами до сих пор не ведутся последовательные исследования, посвящённые целенаправленному анализу объектов Вселенной. Приходится констатировать, что лишь простой народ испокон веков воспринимает их как есть, пытается анализировать, уподоблять знакомым предметам, существам и на основе этого именуется их.

Это явление, к сожалению, свойственно башкирскому, да и вообще другим тюркским языкам. При изучении космонимов, на наш взгляд, оправдывает себя обращение к историческим источникам, фольклорным образцам, материалам диалектологических экспедиций.

Список литературы

1. Абдулгатина Л. Р., Абдуллина Г. Р. Отражение наименований небесных тел в антропонимике // Перспективы лингвистического знания: Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак, 2014. – С. 9–11.
2. Абдуллина Г. Р. Наименования небесных тел (на материале башкирского языка) // Полиязычие и диалог культур: Матер. Межд. науч.-практ. конф. – Актюбинск, 2014. – С. 116–118.
3. Башкирское народное творчество: Пословицы, поговорки, приметы, загадки. – Уфа, 1993. – 431 с.
4. Башкорт теленен диалекттары һүзлеге (РФА ӨҒҮ ТТӘИ) / Төз.: М.И. Дилмөхәмәтов, У. Ф. Нәзерголов, С. Ф. Сабирийәнова, Ф. Ф. Гәрәева. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.
5. Верещагин Г. Вотяки Сосоновского края // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14. Вып. 2. СПб., 1886. – С. 196–198.
6. Каранаева С. Р., Абдуллина Г. Р. О наименованиях небесных тел в башкирском языке // Мир языка и межкультурная коммуникация: Матер. Межд. научно-практ. конф., посвящ. 115-летию проф. К. Жубанова (12–13 декабря 2014 г.). – Актобе, 2014. – С. 304–306.
7. Каранаева С. Р., Абдуллина Г. Р. Отражение наименований небесных тел в башкирских личных именах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 8. Ч. 1. – С. 87–89.
8. Каранаева С. Р., Абдуллина Г. Р. Отражение наименований небесных тел в художественных произведениях // Наука и образование в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции. – Караганда: Болашак-Баспа, 2015. – С. 160–162.

**КОСМОНИМЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ
(В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ)**

---

9. Кусимова Т. Х. Исемдәр донъяһында. Башкорт исемдәре һүзлеге: башкорт һәм рус телдәрәндә. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1991. – 192 б.
10. Максютотова Н. Х. Башкирская космонимия // Ономастика Поволжья. Том 3. – Уфа, 1973. – С. 382–384.
11. Максютотова Н. Х. Тюркская космонимия // Ономастика Поволжья. Вып. 4. – Саранск, 1976. – С. 283–286.
12. Никонов В. А. Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья. Том 3. – Уфа, 1973. – С. 373–381.
13. Псәнчин В. Ш. Күк есемдәре һәм күк көмбәзе // Башкортостан укытыусыһы. – 1998. – № 10. – 43–44-сө б.; Псәнчин В. Ш. Күк есемдәре һәм күк көмбәзе // Башкортостан укытыусыһы. – 1998. – № 11. – 40–43-сө б.
14. Русско-башкирские, башкирско-русские термины по астрономии / Сост. В. С. Сулейманов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1954. – 23 с. Сулейманов В. С. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь астрономических терминов. – Уфа, 1996. – 157 с.
15. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского народа. М.: Наука, 2010. – 452 б.
16. Шәкүр Р. З., Баязитова А. Башкорттарҙа һәм бүтән төрки халыктарында космонимия // Ватандаш. – 2003. – № 1. – 77–83-сө б.
17. Karabaev Munir, Abdullina Gulfira. Bashkir anthroponomy // Modern European Researches. – Salzburg, Austria, 2015, issue 3. – 73–77 pp.
18. Karabaev M. I., Abdullina G. R., Ishkildina Z. K. Bashkir onomatology in the light of modern linguistics // Mediterranean journal of social sciences. Rome-Italy, MCSER Publishing. Vol 6. № 3 S3. May 2015. – 73–82 pp.

Abdullina G. R. Kosmonimy in the bashkir language (in comparison with other turkic languages) / G. R. Abdullina // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 297–311.

To cosmonium, which constitute one of the oldest lexical layers of the Bashkir language, in recent years significantly increased the interest of researchers. It should be noted that not only in the Bashkir language, but also in many Turkic languages, cosmodome been studied insufficiently. In the Bashkir language you can meet many types of celestial bodies, in common with other Turkic peoples. This article is devoted to identification of kosminkov operating in the Bashkir and other Turkic languages. For the analysis involved both literary and dialectal names. We are shown a reflection of kosminkov in the folklore samples in the literature (on the material of the Bashkir and other Turkic languages), given the ethno-linguistic characteristics of celestial bodies from the Turkic peoples, the role names of the celestial bodies in the Bashkir personal names.

Keywords: lexicology, onomastics, kosmonim, names of celestial bodies, the Bashkir language, a Turkic languages.

УДК 82.091

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ХРОНОТОПА В «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЕВРОПЕ» Ф. КАРИМИ

Алеева А. Х.

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Татарстан, Российская Федерация*

E-mail: 2450774@mail.ru

В статье анализируется сочинение Ф. Карими, созданное в жанре «саяхатнаме». Это типичные путевые записки с фиксацией по дням непосредственно полученных в ходе поездки впечатлений. Их отличительной особенностью является стремление автора к полному, многогранному отражению действительности в определенное время и в конкретном пространстве (в рамках хронотопа).

Ключевые слова: жанр «саяхатнаме», хронотоп, просветительство, мировосприятие автора.

Записки путешественников, произведения, написанные в жанре «саяхатнаме», в татарской литературе до второй половины XIX столетия в основном ограничивались кругом «хаджнаме», т. е. описанием паломничества российских мусульман к святым местам Ближнего Востока. Вплоть до конца XIX века Европа чрезвычайно редко привлекала внимание российских мусульман, в том числе и татар. Только на рубеже XIX–XX веков появляются первые описания европейских поездок, совершённых татарами. Среди них особенно яркими, получившими значительный резонанс в обществе оказались «Путешествие по Европе» Ф. Карими [2] и «Путешествие в Англию» С. Максуди [3].

Путешествие Ф. Карими состоялось в 1899 г., когда он в качестве переводчика сопровождал в поездке по России и Европе известного золотопромышленника из Оренбурга Ш. Рамиева. Маршрут данного путешествия был вполне традиционен. Осмотрев достопримечательности обеих российских столиц, оба путешественника оказались в Германии, затем отправились через Бельгию в Париж. Оттуда – в Италию, Турцию и, посетив Стамбул, вернулись в Россию.

Сочинение Ф. Карими «Путешествие по Европе» – целостное путевое произведение, описание светского путешествия. Это типичные путевые записки с фиксацией по дням непосредственно полученных в ходе поездки впечатлений. Его главной целью является приобщение татарского общества к миру научно-технического прогресса, научных знаний, образования, просвещения, т. е. процветающей жизни европейских стран, что свидетельствует о влиянии традиций просветительской литературы.

Автор сравнивает быт и культуру татар и европейцев, восхищается достижениями последних. Причину отсталости татар он видит в их нежелании реформировать систему образования, вводить в учебные программы светские дисциплины.

Саяхатнаме Ф. Карими довольно объёмное, состоит из 27 глав. Композиция его линейна и представляет собой ряд сменяющих друг друга сюжетно завершённых глав. При этом именно перемещение в пространстве, встречи с разными людьми и

увиденные в разных городах Европы развитые культурные центры, достопримечательности позволяют автору обогащать своё сочинение новыми впечатлениями.

Жанр «саяхатнаме» благодаря пространственно-временным связям позволил автору ввести в произведение большое количество эпизодов, встреч, рассуждений и т. п. Весь материал скрепляется внутренней логикой, создавая целостную единую композицию. Отличительной особенностью жанра является стремление автора к полному, многогранному отражению действительности в определенное время и в конкретном пространстве.

Пространственно-временные возможности саяхатнаме позволяют широко раскрыть границы сюжета, чтобы вместить всё разнообразие действительности.

Пространство и время, или же хронотоп, отображенные в конкретном произведении, считаются одним из важных элементов художественного изложения. По мнению М. Бахтина, при анализе произведения очень важен «последовательный пространственно-временной подход», т. е. «хронотоп – категория формы и содержания». Таким образом, время и место в произведении – элементы одной общей структуры. В последовательном движении сюжета время и место соединяются в одно единое, при этом время играет ведущую роль [1, 235].

Подобное положение о взаимосвязи пространства и времени как нельзя кстати при анализе текста саяхатнаме. Образным отображением хронотопа, сценой для изображения событий может выступать, например, мотив дороги, города и т. п. Так как в произведениях жанра «саяхатнаме» о событии не рассказывается, а оно изображается, то в них путём указания места и времени читателю сообщается о происходящих событиях или явлениях окружающего мира.

Жанр путевых записок имеет свою специфику, которая проявляется в принципах отбора материала и особенности повествования, в образе автора. У жанра «саяхатнаме» есть свой предмет изображения, жанровое содержание и форма. В основе путевых записок лежит описание перемещения в пространстве путешествующего героя, повествование о происходящих в пути событиях, описание впечатлений путешественника, его размышлений по поводу увиденного в широком информационно-познавательном плане.

В «Путешествии по Европе» весьма своеобразно раскрываются проблемы хронотопа – взаимосвязи пространственно-временных отношений. Иногда автор ограничивается беглым упоминанием названий городов, хотя живет там столько же, сколько и в других. Другой раз подробно и обстоятельно описывает те места, где ненадолго останавливался по пути следования. Причиной такого разнобоя прежде всего является идейно-эстетическое или чисто человеческое мировосприятие автора, его умение выбирать для своего произведения наиболее занимательные картины жизни и детали быта, т. к. описание путевых объектов в первую очередь призвано передавать состояние путешественника, т. е. самого Ф. Карими, его устремления, изменение его мировоззренческой позиции, духовный рост.

Ф. Карими ставит перед собой также просветительские задачи. Поэтому в его повествованиях так много исторических экскурсов, описаний страны и её городов, лю-

дей и исторических персонажей – это династии королей Франции, султанов Турции, характеристики известных полководцев прошлого – таких, как полководец Карфагена Ганнибал, римский полководец Сципион Африканский, Наполеон Бонапарт и др., наблюдения из жизни знатных и простых европейцев (поэтов, художников, студентов и др.). То, что сейчас нам кажется очевидным, не было таковым чуть больше ста лет назад. Много рассуждений о женщинах, как европейских, так и мусульманских, что свидетельствует о необычайной актуальности данной проблемы для татар рубежа XIX–XX столетий. Проводя сравнения, автор рисует образ идеальной мусульманки – просвещенной, но сохраняющей своё национальное лицо.

В то же время описание музеев, библиотек, архитектурных памятников, улиц и площадей городов Европы для автора не является самоцелью, а становится средством формирования сюжета путевого произведения. В «Путешествии по Европе» отчетливо прослеживается развитие сюжетной линии, присутствие которой указывает на художественную природу путевых сочинений.

В саяхатнаме «Путешествие по Европе» чётко соблюдена пространственная динамика, также имеют место и статические пейзажи. Пространство здесь реально-историческое, оно топографически привязано к местности. Пространственно-временное движение достигается прямым указанием автора на количество затраченного времени на конкретном месте (в том или ином городе) и на поездки из одного пункта в другой.

Изучение и анализ хронотопа жанра путевых записок позволил установить, что именно этот жанр в первую очередь обеспечивает соответствие художественного места и художественного времени, т. е. описываемые автором события происходят в конкретно указанное время и в конкретном месте. Например, «*Оренбургтанчыктыкымызныңоченчекөне, февральнең 18ндә, өйләдәнсоңсәгать 4тә Москвагакилепжиттек*» («На третий день после отъезда из Оренбурга, то есть 18 февраля в 4 часа дня, прибыли в Москву»); «*18 апрель, сабах 10 да Ниццаиһһһренһвосулулдык. Ак диңгезбуендагы «Буюваз» атлымосафирханһгһурнаитык*» («18 апреля в 10 часов утра прибыли в город Ниццу. Остановились в гостинице «Бьювоз» на берегу Средиземного моря»). Однако отображенное в художественной литературе пространство и время не всегда совпадают. Ф. Карими тоже использовал этот прием. Например, он в этом пространстве уводит читателя в давно прошедшие времена, т. е. время изображается через пространство. Стоя на берегу Средиземного моря, автор размышляет: «*Бөтенхятнеңкичмешдәкыйкалһрекһзалдынакилһюр. БөтенжиһанмәдһһиятеһнеңюлбашчысыбулганрумалыларилһКардовалылар 130ар сһһдәһвамиткһһнсугышларыһн, улкаһарман Ганнибал илһСципионАфрикавиларны (полководецлар) БһхреСһфид (Ак диңгез) һлбһттә,кһрде. Кем белә, бһлкитагын даһаһидбулыр, тагыннидисугышларныкһрер*» («Перед взором полностью предстают картины прошлого. Средиземное море, безусловно, видело повелителей мировой культуры римлян и кордовцев, которые вели завоевательные войны в течение 130 лет, и их легендарных полководцев Ганнибала и Сципиона Африканского. Кто знает, возможно, ещё оно станет свидетелем каких-либо сражений»).

Анализ «Путешествия по Европе» Ф. Карими показал следующее: во-первых, отображенный в саяхатнаме хронотоп охватывает реальное (по сюжету) время. Во-вторых, это реальное, географическое пространство, т. е. объективный фон и историческое время, в рамках которого происходят действия автора-путешественника и его отношения с другими персонажами.

В «Путешествии по Европе» соблюдена смена пространства и времени через промежуточные пространства – это дорога, переезд из одной местности (города) в другую. Все этапы переезда автор описывает последовательно, подробно.

О пространстве мы судим по заполняющим его предметам (города, дома, музеи, библиотеки и т. д.), а о времени – по происходящим в нём процессам. В саяхатнаме Ф. Карими место – это широкое географическое пространство на территории России, начиная от Оренбурга через Москву и Петербург, по всей Европе – Германия, Бельгия, Франция, Италия, Турция, в Крыму – Бахчисарай. Время также чрезвычайно насыщено разными событиями.

Форма завершения художественного времени и пространства в произведениях жанра путевых записок (саяхатнаме) – возвращение героя-повествователя, т. е. путешественника, на родину.

В заключение можно сказать, что Ф. Карими в «Путешествии по Европе» имел целью показать татарскому читателю современный мир и тенденции его развития, побудить его к активной работе на пути «просвещения» и «прогресса». Два последних слова довольно часто употребляются автором и как нельзя лучше выражают суть его мировоззрения. Как и другие его литературные произведения, саяхатнаме Ф. Карими характеризуют сильное идейное наполнение, аналитический подход, критическая оценка действительности и состояние татарского общества на рубеже XIX–XX веков.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234–407.
2. Карими Ф. Аурупа саяхатнамәсе. – СПб.: Типолитогр. И. Брагинского, 1902. – 201 с. (на арабской графике).
3. Максуди С. Англиягә саяхәт. – Казан: Өмет, 1914. – 144 с. (на арабской графике).

References

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234–407.
2. Карими Ф. Аурупа саяхатнамәсе. – СПб.: Типолитогр. И. Брагинского, 1902. – 201 с. (на арабской графике).
3. Максуди С. Англиягә саяхәт. – Казан: Өмет, 1914. – 144 с. (на арабской графике).

Aliyeva A. H. Features of the artistic representation of the chronotope in «Travels in Europe» by F. Karimi / A. H. Aliyeva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 312–316.

Until the late 19th century Europe extremely rarely attracted the attention of Russian Muslims, including Tatars. Only at the turn of XIX–XX centuries appear the first descriptions of European travel undertaken by

them, among them particularly bright, which received considerable publicity in the society «Travels in Europe» (1902) by F. Karimi.

In «Travels in Europe» a very peculiar way reveals the problems of the chronotope – the relationship of spatial-temporal relations.

Space and time, or chronotope, is displayed in a particular product are considered to be one of the important elements of the art of presentation. According to M. Bakhtin, the analysis works is very important, «consistent spatio-temporal approach», i. e. «the chronotope – the category of form and content». Thus, the time and place in the work elements of one overall structure. In the sequential movement of the plot time and place together into a single, at the same time takes a leading role.

However, depicted in the literature of space and time do not always coincide. F. Karimi also used this technique. That is, he takes the reader in this very space in bygone times, portrayed through the space.

Analysis of «Travels in Europe» by F. Karimi showed the following: firstly, as shown in seyahatname space and time covers realnye (in the story). Secondly, it is a real space, geographical, i.e. the objective background and the historical time in which the action takes place of the author – traveler and his relationship with other characters.

F. Karimi in the «Travels in Europe» was intended to show the Tatar reader the modern world and its development trends, to induce him to work actively on the path of enlightenment and progress. The last two words are quite often used by the author and could not be better expressed the essence of his worldview.

Keywords: The genre of seyahatname, chronotope, enlightenment, world perception of the author.

УДК 811.111

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ МУЖЧИН В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ¹

Валиева М. Р.

*Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра
Российской академии наук, Уфа
E-mail: valieva_1979@list.ru*

В данной статье рассматривается лексика башкирского песенного фольклора с этнокультурной семантикой, которая была систематизирована по тематике «мужчина-идеал». При подборке языкового материала были привлечены примеры из текстов башкирских народных песен. Башкирские исторические народные песни сочинялись как своеобразные баллады о батырах, в которых фиксируются реальные исторические события, где на внешности и характере героя концентрируется особое внимание. Вся собранная лексика отражает восхищение народа своими могучими сыновьями.

Ключевые слова: башкирский язык, сравнение, метафора, эпитет, народная песня, батыр.

ВВЕДЕНИЕ

Башкирские народные песни являются богатым источником башкирской лексики с этнокультурной семантикой. В предыдущей научной статье нами проанализированы сравнения, эпитеты, представляющие словесную символику женской красоты [1]. В данной статье анализируются лексемы, по которым можно установить словесный портрет идеальных мужчин. Основная цель заключается в представлении наиболее полного перечня словесной символики с этнокультурной семантикой о благородных и положительных качествах башкирских джигитов (*егет*) и мужчин (*ир*, *ир-ат*, *ир-егет*).

Нами рассмотрены 2 книги из 18-томной книжной серии башкирского народного творчества «Башкорт халык ижады» (на башк. яз.), которые изданы в 1974 и 1977 гг. Выявлено более 70 лексем и устойчивых словосочетаний, которые являются сравнениями, метафорами и эпитетами относительно внешней и внутренней красоты башкирских батыров. Следует сразу отметить, что наш собранный материал сильно отличается от лексем из текстов башкирских народных эпосов, где описывается вымышленный идеальный мужской образ, наделенный волшебными качествами.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Общеизвестно, что у каждого народа имеется своеобразный идеальный образ своих батыров и «настоящих» мужчин. Во-первых, на основании лексики песенного фольклора башкир представитель сильной половины человечества должен быть спокойным и отважным защитником родины (*Атайсал*) и своего народа. Во-вторых, смелым, предприимчивым, целенаправленным, физически сильным и метким вои-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении», проект № 15-34-01021.

ном, который умеет управлять могучим войском. Смотрите сравнения и метафоры народных песен, отражающие вышеперечисленные благородные качества мужчин: **Ыла-сынхай кеуек** *һөрән һалып, / Тора батыр яузың башиында* (Словно сокол кликнув, стоит батыр во главе войска) или *Егет кенә асылы, ай шул булыр / Каршы килер яузарға* (**Бравый парень** тот, который воюет против войск врага), а также *Атка гына менеп яузы кыуган / Үз илендә данлы ир булыр* (Мужчина, отразивший нашествие врага верхом на коне, будет **славным батыром**) и *Мәргән егет аткан ук кеуек* (Меткий парень, словно выпущенная стрела) и т. п.

В текстах башкирских народных песен образ идеального мужчины представляется широкоплечим исполином и бравым защитником, у которого жгучий, решительный взгляд, чёрные брови и мудрые слова. Например: *Һайылмыш буйында үскән егет / Ясы яурын булыр, кара каш* (Егет, который вырос на берегах Саелмышы, / **Широк в плечах, красив и чернобров**); *Ясы гына яурын, киң күкрәкле / Биккол ауылының егете* (**Широкоплечий и широкогрудый** / Джигит из Биккулово); *Ерен-һыуын һаклап, һай, һуғыша / Киң күкрәкле башкорт балаһы* (Защищая свои воды и землю, ай, сражается / **широкогрудый башкир**); *Таи күкрәкле егет ятып эһә, / Езем яры уйылып калырмы?* (Если **каменогрудый** джигит попьёт воды из реки, / Не обвалится ли берег Зилима?) и т. п.

Самыми распространёнными эпитетами, отражающими силу и могущество батыра, являются *ясы яурын, киң яурын* «широкоплечий», *киң күкрәкле* «широкогрудый», *таи күкрәкле* «каменогрудый». Привлекательность и красоту джигита определяют выражения *кара каш* «чёрные брови», *кара кашлы* «чернобровый», *кырлас танаулы* «с прямым носом».

В лирических песнях часто батыры сравниваются с такими хищными зверями, как лев «*арыслан*», барс «*каплан*», рысь «*һеләүһен*», так как в башкирских народных песнях образ льва ассоциируется с силой, храбростью и спокойствием. Рысь и барс символизируют ловкость и быстроту в движениях. Например: *Арыслан гына кеуек ир-егеттәр йөрөйзәр зә язмыш буйынса* (Сильные как лев мужчины поступают по воле судьбы); *Донъя ауырлығы еңел күренә, / Арысландай сабыр ир булһа* (Легко переносить жизненные трудности, когда рядом терпеливый словно лев мужчина); *Илебеззә арыслан ирзәр булғас, / Йөрәккәйем тыныс, күңелем тук* (Когда в стране есть мужчины, подобные льву, в сердце и душе спокойно) и т. п. В башкирских народных песнях эпитет с образом льва имеет также и другое этнокультурное значение и ассоциируется с такими понятиями, как величие, терпеливость, отвага.

Как уже отмечено выше, в песнях часто восхваляются такие качества, как храбрость, отважность, решительность, смелость и внешняя красота батыров. Например, *Үзең генә батыр, йөзәң матур. / Һинең генә кеуек ир кайза?* (Ты храбрый, красивый. / Где же мужчины похожие на тебя?); *Кыйыу булған ирзәр хур булмаҫ* (Отважные парни не осрамятся). Кроме отмеченных, в текстах песен часто можно встретить следующие выражения о башкирских храбрецах: *асыл егет* «бравый парень»; *мәргән егет* «стрелок»; *утта янмай, һыуза батмай ир-егтәйзәрзәң һөйәге* «мужчины не горят в огне, не тонут в воде»; *батыр гына егет ил күрке* «храбрый парень – краса

родины»; *асыл ғына ирзәр ил канаты* «бравые мужчины – крылья родины».

В текстах башкирских народных песен часто используются символические образы таких деревьев, как *имән* «дуб», *карагай* «сосна», которые ассоциируются с крепостью, могуществом башкирских батыров. Также можно найти сравнения со скалой «*кая*», камнем «*таш*» и т. п.

Кроме этого, джигитов и мужчин сравнивают со священными птицами *бөркөт* «орёл», *ыласын* «сокол», *карсыга* «ястреб» и т. п. Перечисленные сравнения и метафоры отражают их гордость и свободолюбие.

В башкирских народных песнях особое внимание уделяется благовоспитанности и благородству мужчин. Когда воспеваются добрые и благие дела парней, часто задают вопрос: *Кем балаһы?* (в значении: *Чей сын?*). Данный вопрос является риторическим, однако имеет этнокультурную семантику для выражения истинного восхищения певца-импровизатора или исполнителя. Например: *Ук-һазағын таккан, күкрәк киргән / Кайһы атаның якиһы балаһы?* (Лук и стрелу взял, грудь расправил чей добрый сын?) и т. п.

В башкирских народных песнях бытует достаточно большое количество лексем о характере мужчин, и в них восхваляются такие положительные качества, как инициатива, предприимчивость, решительность, целенаправленность, ловкость, меткость и быстрота движений, а также можно наблюдать слова благожелания и наставления. Смотрите примеры: *Егет кенә булһаң, тәүәкәл бул, / Тәүәкәллек кәрәк һәр эшкә* (Если ты настоящий джигит, то будь решительным, / Решительность требуется во всех делах); *Ниәтләнен егет юлга сыкһа, / ниәтенә етмәй булырмы?* [Если парень вышел в путь намеренно (целенаправленно), то неужели не добьется желаемого?]; *Эйелеп кенә бөгөлөп йәшәһә лә / Өмөт менән йөрөр ир кеше* (Если даже жизнь не очень легка, всё равно с надеждой живёт мужчина); *Егет кенә сағың үтһен, егет, / Етмеш ете төрлө дәрт менән* (Пусть юношество пройдёт через семьдесят семь испытаний); *Егет дәүерзәре була икән / Егерме лә йәшкә еткәнсе* (Юношество длится только до двадцати лет); *Егет тә генә булһаң, бәхетле бул, / Бәхетле лә кеше хур түгел* (Если ты настоящий джигит, то будь счастлив, счастливый человек не опозорится); *Дан сыгарыр ирзәр йән йәлләмәс, / Йәнде йәлләү менән дан булмаҫ* (Славные мужчины себя не жалеют, / Жалеющие себя не добьются славы); *Ирмен генә тигән ир-егеттәр / Һүз тейзертмәй гәзиз башына* (Настоящие мужчины не позволят судачить о себе); *Ир башкайына эштәр төшһә, / Һис белгертмәс егет уяы* (Бдительные мужчины не расскажут о своих проблемах) и т. п.

Также можно найти строки, где описывается джигит как хороший, умелый и лихой наездник или как отважный воин-кавалерист: *Якиһы атка менеп, кулына алып / Ук-һазаккай тигән коралын, / Аямаган йәнен, түккән канын Һис бирмәгән башкорт Уралын* [Оседлав **хорошего** (в значении «породистый») коня, / Взяв лук и стрелу, / Не жалея душу и кровь, / Башкир сражался за Урал (родину)]; *Йылгыр атка менгән берәү үтте, Шаһибәрәк тигән ир, бугай* (Кто-то проехал на **шустром** коне, Кажется, мужчина по имени Шагибарак) и т. п.

Известно, что башкиры были опытными коневодами издревли. Конь, лошадь для джигита был не только транспортным средством, но и преданным, надежным другом. В текстах народных песен рассказывается о хороших, породистых конях как достоинстве и богатстве джигита. Часто именно по масти и по возрасту коня узнавали батыра и определяли его характер.

ВЫВОДЫ

Несомненно, башкирские исторические народные песни сочинялись как своеобразные баллады о батырах, в которых фиксируются реальные исторические события, где на внешности и характере героя концентрируется особое внимание. Вся собранная лексика отражает восхищение народа своими могучими сыновьями.

Таким образом, этнокультурная самобытная лексика выражает ассоциативное мышление башкирского народа, которое отражено в башкирских песнях, символизируя общечеловеческие ценности и национально-специфические нормы, стандарты и эталоны внутренней и внешней красоты мужчин. Следует отметить, что в поэтических текстах, как и у других народов, в башкирских народных песнях олицетворяется прекрасный человеческий облик, который символизирует красоту внутреннего мира, и тем самым гармоничность тела выражает гармонию души, мужественная статная фигура отражает высокоэтический и нравственный идеал, и тем самым нравственная красота неотделима от физической.

Список литературы

1. Башкирское народное творчество. Песни / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. А. Галин; отв. ред. К. А. Ахмедьянов; на башк. яз. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1974. Кн. 1. – 388 с.
2. Башкирское народное творчество. Песни / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. А. Галин; отв. ред. К. А. Ахмедьянов; на башк. яз. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1977. Кн. 2. – 294 с.
3. Валиева М. Р. Символика женской красоты в башкирских народных песнях // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов труды X Всероссийского съезда востоковедов. 2 книга. – Уфа, 2015. – С. 377–380.
4. Хакимьянова А. М. Гендерное исследование концептов «мужчина» и «женщина» в башкирских народных лирических песнях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 6. Ч. 2. – С. 180–184.

References

1. Bashkir folk art. Songs / comp., Avt. vstup. Art. and comments. S. A. Galin; holes. Ed. K. A. Akhmedyanov; on the head. lang. – Ufa: Bashkir publishing house, 1974. Book 1. 388 p.
2. Bashkir folk art. Songs / comp., Avt. vstup. Art. and comments. S. A. Galin; holes. Ed. K. A. Akhmedyanov; on the head. lang. – Ufa: Bashkir publishing house, 1977. Kn. 2. – 294 p.
3. M. R. Valieva. The symbolism of feminine beauty in Bashkir folk songs // Russia and the East: the interaction of the countries and peoples of the works of X All-Russia Congress of Orientalists. 2 book. – Ufa, 2015. – S. 377–380.
4. Hakimyanova A. M. Gender research concept «man» and «woman» in Bashkir folk lyrical songs // Philology. Questions of theory and practice. – Tambov: Diploma, 2015. № 6. С. 2. – P. 180–184.

Valieva M. R. The verbal portrait of men in bashkir folk songs / M. R. Valieva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 317–321.

This article discusses the lexicon of the Bashkir folk songs with ethno-cultural semantics, which has been systematized on the subject of the male ideal. In the compilation of language material examples from the texts of the Bashkir folk songs were involved. Bashkir historical folk songs were written as a kind of ballad about *Batyr*, which recorded real historical events, where the appearance and character of the hero focused attention. All collected lexeme reflects the admiration of the people of his powerful sons. The texts of the Bashkir folk songs represented the image of the perfect man, and broad-shouldered giant brave defender who has a burning, determined look, black eyebrows, and words of wisdom. The most common epithets, reflecting the strength and power *Batyr* are *yaθy yauryn*, *kiη yauryn* (broad shoulder or shoulder blade), *kiη kykrækle* (broad breast), *tash kykrækle* (stone chest). The attractiveness and beauty of man determined expression *qara qash* (black eyebrows), *qyrilas tanauly* (with a straight nose). The lyrical songs about *Batyr*s often compared with such beasts of prey as the lion «*aryçlan*», leopard «*qaplan*», trot «*heläyhen*», as in Bashkir folk songs associated with the image of a lion strength, courage and serenity. The lynx and the leopard symbolizes the agility and speed of movement. The texts of the Bashkir folk songs often used symbolic images such trees as *imän* «oak», *qarayay* «pine», are associated strength, power Bashkir warriors. You can also find a comparison with the rock *qaya*, stone *tash*, etc. In addition, horsemen and men compared with sacred birds *börköt* «eagle», *ylasyn* «falcon», *qarsyza* «hawk», etc. These comparisons and metaphors reflect their pride and love of freedom. The Bashkir folk songs emphasis on good manners and noble men. When praises good and good deeds guys often ask *Kem balahy?* within the meaning of *Whose son?* This question is rhetorical, but has ethnic and cultural semantics for expressions of true admiration of the singer-improviser and performer.

Generally ethno-cultural identity expresses the lexicon associative thinking of the Bashkir people, which is reflected in Bashkir songs, symbolizing the universal human values and national-specific norms, standards and standards of inner and outer beauty of men.

Keywords: Bashkir language, comparison, metaphor, epithet, folk song, *Batyr*.

УДК: 94(5)+811.512.144

**КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ХОРОНИМ ЧОНГАР И «ГУННСКИЙ»
ОЙКОНИМ ЧУНГАРС В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА
О ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДОХАЗАРСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА**

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», Махачкала

E-mail: garun48@mail.ru

В докладе на основе установления генетического родства кр.-тат. *Чонгъар* (хороним) с «гуннским» ойконимом *Чунгарс* (V–VII вв.), оронимом кум. *Чонкъя-тау* (< кум. *чонкъ* «яма; впадина» ~ *чунгур* «крытвина») и не собственно чеченским патронимом (тейпом) *Чунгур(ой)* из ущелья р. Аргун и др. на Северо-Восточном Кавказе делается вывод об их бытовании как наследия древнебулгарской речи рассматриваемых и иных регионов, вошедших в дальнейшем в состав Хазарского каганата.

Ключевые слова: хороним, гидроним, крымскотатарский, Крым, Северо-Восточный Кавказ, древнебулгарский, Хазарский каганат.

ВВЕДЕНИЕ

В отношении языковой принадлежности дохазарского населения Крыма бытует хрестоматийное мнение о том, что оно появилось в его пределах довольно поздно. Полагают, что во время вторжения гуннов в 370–380-е годы последние прошли мимо Боспорского государства в Крыму. Затем во второй половине V – начале VI вв. на него распространился «протекторат» гуннского племени утигуров. В VII веке здесь упоминаются болгары (булгары), в конце VII века почти весь Крым захватили хазары, и в начале VIII века Крым разделили между собой Византия и Хазария [см.: 31; 34].

Однако в последние годы было установлено, что в Крыму еще в догуннское время было известно булгарское население [20, с. 25]. Затем Иордан в середине VI в. указывал на то, что часть из них (булгары-алтзиагиры) кочевала у Херсонеса Крымского – в степях летом, зимой – у понтийских берегов [19, с. 62]. Не исключена в принципе и аналогичная языковая принадлежность загадочных крымских *тавров* [др.-греч. Ταύροι, Ταύροι с дифтонгом αύ = aw (*tawr-oj* при отсутствии специального обозначения для *v*)]. Они были известны здесь в VI в. до н. э. – I в. н. э., впервые упоминаясь в гористой области Южного Крыма между Евпаторией и Херсонесом [52, с. 5–28].

Источником этнонима мог послужить соответствующий репрезентат праторк. *tāγ «гора» (ср. чув. диал. *tāv* «гора, холм, возвышенность» > чув. лит. *tu*). Он развился в древнечувакском языке до IX в. в результате действия процессов, в частности, в односложных словах. В них праторк. *-γ > -v в ауслаутной позиции в результате стяжения с гласным, обусловивших выделение до I20 г. до н. э. булгарской группы [см.: 28, с. 66; 29, с. 254; 44, с. 693, 734, рис. 5; 45, с. 48, 67–68]; ср. *Тавр* – название хребта в нынешней Турции < греч. *Tauros* < семит. *tūr* «гора» [6, с. 487].

На возможность более раннего развития отмеченного процесса в Крыму указывает то, что он оказался не включенным в число тех историко-фонетических явлений, которые были проанализированы наряду с датировкой выделения болгарского из пратюркской общности [см. 45, с. 723]. Дополнительное свидетельство – известная в южном огузском (татском) диалекте крымскотатарского языка, носители которого были представлены (в прошлой области расселения тавров) с XV–XVI вв. от Байдар до Феодосии (Кафы), тотальной болгарской спирантизации *къ > х*. Она завершилась в неконечной позиции древнечувашского (болгарского) языка к VIII в. – до прихода предков чувашей на Волгу, а также в ауслaute дунайско-болгарских болгаризмов южнославянских языков, также усвоенных ранее VIII–IX вв. [см.: 18, с. 17, 28, 31, 78–79].

Не исключено, что на Северо-Восточном Кавказе, согласно письму кагана Иосифа X в., аналогом рассматриваемого этнонима является название страны («долины») *TDLW*, название которой читалось П. К. Коковцевым и как *TDWL*. В ее конце находился Семендер, в другом, по мнению М. А. Артамонова, – Дербент [2, с. 273; 16, с. 156].

Имея же в виду известное сходство в иврите начертаний букв, обозначающих звуки [*d*, *ḏ*] и [*w*], не исключено также чтение **TW-LW*, подобное [*taw-r-oj*], где *-LW* может рассматриваться как аффикс относительных прилагательных [54, с. 110], т. е. «горный, горная (долина)». Тот же корень (+ праалтайский аффикс собирательной множественности *-*s*, сохранившийся в чувашских (!) собирательных числительных [45, с. 709]) мог отложиться и в первой части названия одной из горных областей Дагестана, входивших в состав Хазарского каганата, – *Тава-с-аран* / *Таба-с-аран* (*Табар-с-аран* арабских источников).

Вторая – из пратюрк. **aran* «загон» с параллелями в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (возможно, праалтайский уровень). Предполагаемое исходное значение – «яма-ловушка» [43, с. 523–524] аналогично вышеупомянутому – «горный, горная (долина)».

Цель исследования

Решению главного вопроса о языковой принадлежности дохазарского населения Крыма и Северо-Восточного Кавказа способствует рассмотрение широкого круга собственно языковых, главным образом топонимических данных. Крайними базовыми точками рассматриваемой при этом топонимической изоглоссы являются крымско-татарский (*Чонгар*) и «гуннский» (*Чунгарс*) хоронимы в пределах Крыма и Северо-Восточного Кавказа. К рассмотрению привлекаются и иные топонимы обоих регионов, а также отдельные этнонимы и этниконы.

В основе анализа лежит положение как крымской (см. выше), так и северокавказской области первоначального распространения древних болгарских диалектов со II века до н. э. на Черноморское побережье – со времен Страбона. Субстратные болгаро-огузские элементы осетинского языка на Центральном Кавказе рассматриваются как следствие продвижения его носителей на Северный Кавказ с юга в позднехазарское время [19 с. 61–63, 66; 21, с. 526; 22, с. 20–26].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Крым

Вопрос о происхождении кр.-тат. *Чонъгъар* (Чонгар), отложившегося в обозначении хоронима Чонгарский полуостров, издавна, с 20-х гг. XIX в., привлекал внимание исследователей. Исчерпывающая сводка этимологий данного онима (В. Х. Кондараки, А. И. Маркевич, В. К. Гарагуля, Ю. А. Шилов и др.) содержится в работе В. А. Бушакова, который показал их неудовлетворительный характер. Вместе с тем, по его мнению, «неправильно связывать топоним *Чонгар* только с Чонгарским полуостровом», так как еще в середине XVIII – начале XIX вв. в северо-восточной (равнинной) части Крымского полуострова были известны кадылыки под аналогичным названием Чонгар. Именно подобная локализация (об этом говорит ремарка о необходимости ее учета в его квалификационной работе [8, с. 18]) и позволяет В. А. Бушакову возвести его к крымскому (ногайскому) апеллятиву *чонъгъар* «широкая и плоская равнина, степь», засвидетельствованному в народной поэзии в значении «степной простор, необозримая степь» и восходящему, на его взгляд, к тюркскому или монгольскому *çalqar* «широкий, большой, просторный, необозримый». Мотивация: в середине слов старописьменного монгольского языка *ñ* возникла на месте *l*, а в случае тюркского *çalqar* глухая фонема *q* перешла в звонкое *ğ* при известности аналогичных чередований в тюркских языках [7].

Однако им при этом не было учтено, что, кроме неясностей в вокализме (-o/-a), сонорный *l* в древнемонгольском языке никаким изменениям не подвергался, и лишь при словообразовании в отдельных монгольских языках наблюдаются весьма редкие чередования *l ~ n* (но древнемонгольский *ñ* в подобные чередования не вступает) [39, с. 123]. В тюркских же языках развитие *l > ñ* имеет место только в говорах казахского и уйгурского языков [42, с. 389].

Северо-Восточный Кавказ

Соответствующий оним имеет более древний характер в тюркских языках, будучи исторически представленным на Северо-Восточном Кавказе в эпоху до образования Хазарского каганата. Так, по данным «Нового списка» «Армянской географии» (автор – Моисей Хоренский (V в.) или Ананий Ширакаци, VII в.) [14, с. 24], «к северу (от Дербента) близ моря находится ... царство гуннов на западе у Кавказа город гуннов, Вараджан, а также (затем) города гуннов *Чунгарс* и Мсндр» (Семендер?) [11, с. 142].

Важно, что «название этого города больше нигде не встречается» [2, с. 184. прим. 4], и он связывается с Андрейаульским городищем, расположенным в районе предгорного кумыкского с. Эндирей [14, с. 163, 182]. С *Чунгарсом*, однако, соотносят и другой «гуннский» город того же времени – Олугбендер [4, с. 138] (Вабандар). Он впервые упоминается в 722/723 гг. и также локализуется в предгорьях [см.: 14, с. 163, 182; 15, с. 169].

И речь должна идти не об азиатских гуннах, с которыми связывается «страна (царство) гуннов», территориальные пределы которой традиционно ограничиваются равнинными территориями Дагестана к северу от Дербента [13, с.15], а булгарах-хоно-

гурах – одном из протокумыкских племён. Они переместились уже к середине VII в. на Балканы под предводительством Аспаруха [18, с. 9].

Лишь к началу VIII в. Хазарский каганат, возникший к середине VII в., стал включать в свой состав степи и предгорья Дагестана, Прикубанье, приазовские степи и большую часть Крыма [14, с. 86]. Бытование же рассматриваемых названий в Крыму и Дагестане было обусловлено их общей принадлежностью к языку древнего болгароязычного населения. Оно (см. в последующем изложении) занимало также всё пространство между этими двумя регионами.

Далее к северу от нынешнего Дагестана наименование рассматриваемого города находит свой аналог в названии представителей чеченского тейпа (фратрии) *Чунгур-ой*, поселившихся среди прочих выходцев из Аргунского ущелья в с. Старые (Йокха «Большие») Атаги, расположенном в предгорной части нижнего течения р. Аргун. Они же известны среди населения ареально смежных г. Урус-Мартана, селений Комсомольское, Гойты и Алхан-Юрт соседнего Урус-Мартановского района, расположенных в западной предгорной и равнинной (Малой) Чечне, а также в надтеречных чеченских селениях Макане (Мекен-Юрт) и Зебир-Юрт [47, с. 131, 75, 110, 120; 48, с. 85, 87], основанных к началу XIX в. переселенцами из собственно Чечни. В некоторых из них они имеют свои кварталы и считаются довольно многочисленными.

Показательно при этом, что одни исследователи включают *Чунгур-ой* в число основных корневых чеченских тайпов [36, с. 23], другие исключают его из числа чеченских тухумов (фратрий), сравнивая его наименование с названием андийского селения *Чанко* Ботлихского района РД (расположено на левом берегу одноименной реки, впадающей в Андийское Койсу), что дает основание предполагать его не(вай)нахское (дагестанское) происхождение [3; 25, с. 222]. Тем более что соответствующий населенный пункт в Чечне с аналогичным названием, согласно сведениям А. Сулейманова, картографировавшего тайпы Чечни и общества Ингушетии, отсутствует.

Историко-этимологический анализ

Рассматриваемое наименование в силу того, что оно локализуется в Сивашской впадине, в пределах которой озеро Сиваш делится узким Чонгарским проливом на восточную и западную части, может быть соотнесено с отсутствующим в древнетюркском языке кум. *чонгур/чунгур* (х.-юрт. диал.) «яма, впадина; воронка; ров; рытвина» (< кум. *чонкъ* «яма; впадина» [32, с. 210; 35, с. 360, 361], откуда и кум. *Чонкъа-тав* – название хребта в Дагестане), соотносящимся с кирг. *чын* «крутой горный обрыв», «неприступная гора», каз. *шын* «горная крутизна», к.-калп. *шунгкыр*, башк. *сёнкә* «глубокий» (о посуде) при чув. *чйнкә* «крутой», «обрывистый», «крутизна» (ср. в последнем случае и анд. *Чанко*), откуда мар. *чанга*, *чонга* «вершина, холм, горка, бугорок» [29, с. 320; 50, с. 403]. Сюда же следует присовокупить к.-балк. *цунг-нгур*, куман. *чугьур*, караим. *чукьур*, *чукьыр*, *чугьур*, *цугьур*, *джуьур*, *дзугьур*, кр.-тат. *чукьур* «яма», «нора», «воронка», «впадина», корневая часть которых отождествляется с туркменским *чунг* «глубокий овраг», а *-нгур* считается отыменным

аффиксом, присоединяемым к односложным именным и глагольным основам для образования существительных и прилагательных [51, с. 210]. При этом в крымскотатарской оронимике известны как *Чукур-Кая* (имеется в виду седловина между вершиной и отрогом горы в районе Феодосии), так и *Чунгур-Кая* (в районе Алушты) [49]. При этом гласный *-у-* аффикса вызвал, надо полагать, сужение корневого *-о-* при различной рефлексации сонанта *h* в вышеприведенных лексических формах кыпчакских, огузских и чувашского языков [42, с. 68, 30–342].

Вместе с тем в кр.-тат. *Чонъгъар* и «гуннском» *Чунгарс* имела место редукция узкого гласного второго слога, которая в позиции перед сонантом в тюркских языках могла вызвать (ср. выше формы с утраченным инлаутным *-*h-*) его исчезновение [53, с. 67]. Она была завершена ко времени появления носителей древнебулгарского языка в Поволжье в IX в., когда в нем началась редукция широких гласных. В кыпчакских же языках эта редукция осуществляется под влиянием болгарских и начинается никак не ранее второй половины XIII и не позже середины XV вв. [44, с. 255, 680].

Имея же в виду, что до реформы XII в. армянского алфавита в нём посредством одной графемы передавались звуки [o] и [y] [9, с. 45], для названия «гуннского» города *Чунгарс*, известного в пределах исторической Кумыкии на Северо-Восточном Кавказе в V–VII вв., представляется возможным допустить чтение исходного *-о-*, подобно кр.-тат. *Чонъгъар*, в котором сохранилось исходное *-о-*. Таким образом, оба слова имеют более ранний древнебулгарский облик, чем чув. *чӑнкӑ* «крутой», «обрывистый», «крутизна», в котором чув. *-ӑп-* восходит к сочетанию сонанта с праторк. **ǫ* [44, с. 679, табл. 3] и могло развиваться после IX в., когда древние болгары – предки чувашей – появляются на Волге, точнее – ко времени утраты велярного сонанта *-нъ(h)* в среднечувашском, относящемся к XIV–XV вв. [44, с. 680, 704–705].

Тогда же, видимо, имело место и возникновение названия андийского с. Чанко, которое может восходить к исходному **Чанкав* «совокупность ям, впадин» ввиду известности в андийском языке нисходящих дифтонгов, например, *ав* [38, с. 276] и возможности их делабиализации (*-ав > -о*), подобно передаче собирательного значения аффиксом *-ав*, как в тюркских числительных [54, с. 151–152]. Не случайно в данном языке отразились субстратные фонетические процессы, отражающие влияние кумыкского языка [23, с. 59, прим. 51; с. 62, прим. 61].

Всё это в контексте отмеченного исходного (северокавказского) региона распространения древних болгарских диалектов может считаться одним из аргументов в пользу того, что древнебулгарский ареал мог также включать Крым. Это могло иметь место как в упомянутую догуннскую, так и в раннехазарскую эпоху до того, как носители соответствующих болгарских диалектов появились в Поволжье.

Локализация ойконима и ареал распространения болгароязычного населения на Северо-Восточном Кавказе

Форма *Чунгарс* указывает на то, что соответствующий «гуннский» город находился на реке **Чунгур-су*. Ее название можно соотнести с р. Чанты-Аргун в Западной горной Чечне, так как тейп *Чунгур-ой* первоначально локализовался в ущелье реки

Аргун. Первая часть ее чеченского наименования (чеч. *Чаьнт-ий-Орга*) отвечает чув. *чӑнкӑ* с выпадением инлаутного -к- + чеченский послелог места *-mle* [ср. бацбийский ойконим *Чантлю* в верхнем течении реки Андийское Койсу в ареально смежной (Тушетия) грузинской части Северного Кавказа, где локализуется и Пшавети, откуда вытекает Чанты-Аргун]. Тем более что семантически близким к рассматриваемому является более поздняя, надо полагать, вторая (Аргун) часть названия той же реки (ср. упомянутую на «очень высоких горах» после Дербента в пространной редакции письма кагана Иосифа X в. страну *Ар-ку* [33, с. 98], название которой представляется возможным возвести к более раннему др.-тюрк. *arqu* «изрезанный ущельями» (о горах) (VIII в.), чем позднейшему *argu* (Кашгари, XI в.) «долина между горами» [27, с. 51, 54]). Последней позднейшей форме и отвечает вост.-горночеч. (чеберлойское) *'ārgu* – исторически первичное по отношению к чеч. лит. *Orga* [30, с. 84] «Аргун». Обе формы носят более поздний характер, чем рассматриваемое болгарское, название данной реки. Это позволяет полагать, что речь в армянских источниках идет о горной области, находившейся по течению вышеуказанной реки. Кроме того, обращает на себя внимание близость вышеупомянутого др.-тюрк. *arqu* и реки Аргун к названию *Ар-к-нус* страны хазар со столицей *Казар* из Кембриджского анонима – отрывка из письма неизвестного хазарского еврея X века [33, с. 154], дальнейшая интерпретация которого не входит в число целей данной работы.

Тейп *Чунгурой*, по легенде, связывается с обществом *Дишний-Мохк* [3], досл. «дышниецев земля (страна)» (< огуз. *дыш* «внешний, наружный» при обще-, межтюрк. даш «внешняя, наружная сторона (часть)» [55, с. 164–165]). Оно локализовалось по верхнему левобережью р. Чанты-Аргун, и представители этого тейпа проживают также в с. Дишни-Ведана общества Харачой, которое граничит с с. Анди, ареально смежном с уже упоминавшимся с. *Чанко* в Дагестане, а *Дишний* – с обществом *Тер-л-ой* [46, с. 193; 48, с. 220–221, карта] (< др.-тюрк. *tör/törä* «место, против входа, почетное место» (в юрте), *tör* «ценность, значение», *törä* «закон, обычай» [27, с. 580]), ср. *тоьрели* – потомки Чингизхана у казахов.

Что касается локализации города на р. *Чунгарсу*, то обращает на себя внимание возможность его отождествления с аулом *Фаранз-Кхелли* [17, с. 43] / *Васар-кхелли* [37]. Первая часть обоих вариантов может представлять собой метатезное отражение атипичного соответствия **-rs- ~ *-z-*, восходящего к **-rs- ~ *-řs-* пратюркского времени, к числу следствий которого относится соответствие чув. *vazan* «долина, ложбина» ~ станд.-тюрк. **ozen* «река, русло реки» [45, с. 36], + показатель множественности -з, присущий древним тюркским языкам Северо-Восточного Кавказа, представлявшего собой разрушенный город-крепость. Он располагался на правом берегу верхнего течения р. Чанты-Аргун в обществе *Май-ста* (< **Умай-стан*, ср. *Даге-стан*) на нынешней границе Чечни и Грузии (Хевсуретии), что указывает на его важное стратегическое значение, и в нём был распространен древний тюркский культ богини Умай. Был захвачен в прошлом, согласно преданию, евреями (хазарами) [17, с. 43].

Анлаутное *ф-* в *Фаранз-Кхелли* характерно для говора соседнего *Май-ста* общества *Маьлхи-ста* [1, с. 172–173, вкладка], локализуемого на левом берегу р. Чан-

ты-Аргуна на границе с Хевсуретией (Грузия) и граничащего вниз по его течению с платившим подати шамхалу Тарковскому обществом *Кейн-мохк*, часть которого имеет кумыкское происхождение [26, с. 29, 89]. При этом хороним *Маьлхи-стан в первой своей части может быть возведен к упоминаемому в «Дербенд-Наме» (источник по истории Дагестана и северо-восточного Азербайджана в V–XI вв.) болгарскому ойкониму *Балх(и)* в значении «город», «крепость», идентифицируемому в этой связи не только с такими стратегическими точками, как нынешнее кумыкское с. Эндирей, контролировавшее путь с равнины в горы, но и по течению Андийского Койсу с андийским с. Ботлих, через которое идет путь в нынешнюю Чечню [24, с. 87]. Развитие анлаутного *м-* на месте *б-* в *Маьлхи-ста*, свидетельствующее о его кыпчакском звучании [28, с. 40], указывает на аналогичное время, не ранее которого (прихода кыпчаков, сменивших здесь болгар Каганата, контролировавших посредством названной крепости один из проходов по течению р. *Чунгарсу* (Чанты-Аргуна) в Закавказье, которое входило в сферу влияния арабов) оно могло стать известным поселившимся здесь будущим носителям чеченского языка.

На прошлый социальный статус его болгаро-тюркского населения, подобно обществу *Кейн-мохк*, указывает, в частности, то, что еще в XX веке в Чечне были известны князья Дышинские, один из которых Дудар в конце XVIII в. был изгнан из соседнего *Дишин-ий* общества *Чаьнт-ий* [10], располагавшегося на правом берегу одноименной реки. Всё это говорит о том, что практически по всему верхнему течению реки Чанты-Аргуна, точнее – Чунгарсу, было представлено тюрко-болгарское население, о котором или городе-крепости, находившемся в его пределах, могла идти речь в вышеупомянутых раннесредневековых источниках, в которых он упоминается. И предание о захвате города-крепости евреями отражает, надо полагать, завоевание этой области хазарами-иудеями и ее включение в Каганат, возможно, после принятия иудаизма его правящей верхушкой, каковое имело место в первой четверти VIII в. или в начале IX в. [2, с. 268].

О гораздо более обширном ареале распространения сферы его влияния говорит то, что в состав Хазарского каганата, как считает М. А. Агларов, могла входить, согласно преданию о «еврейском» (хазарском) происхождении жителей андийского аула *Муни*, соседнего уже упоминавшимся селениям *Чанко* и *Ботлих*, вся территория по левому берегу Андийского Койсу. Она принадлежала обширному государству *Жугьутхана* (досл. «Еврейский хан»), которому подчинялись и верхнеандийские села, а правобережные земли – Суракату Аварскому, но при этом, по его мнению, они не входили в состав Хазарского каганата. Земли Жугьутхана простирались в горах до Хунзахского плато, в плоскости – ниже по течению *Дангъиза* [Андийское Койсу] и до *Харачоя*. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением автора статьи И. Г. Семенова, согласно которому владения Сураката Аварского должны были бы входить в состав Хазарского каганата, если принять во внимание упоминание в письме хазарского царя Йосифа в числе его данников область *С.р.ди*, что можно реконструировать и как *Сарир, который принято считать наиболее ранним государством на территории расселения современных аварцев. При этом он полагает, что предлагаемое М. А. Агларовым со-

отнесение исторических реалий предания о Жугьут I хане с эпохой Хазарского каганата не находит опоры в источниках [41].

Однако при этом вне поля его зрения остается название *Дангъиз* Андийского Койсу, которое представляет собой явное усвоение из обще-, межтюрк. *денгиз* «море», существующего в основном огузским и отдельным кыпчакским, включая кумыкский, языкам [40, с. 194], как и в ареально смежной зоне распространения андийских языков *Харачо* (чеч. Харачоь / Хорачоь) тейп *Дишиний* с отмеченным выше генетически огузским названием. В свою очередь, чеч. *Хара-чоь*, где чеч.-инг. *чоь* «внутренность» (сюда же авар. *Харачли*, последняя часть которого может быть возведена к тюрк. *ичи* «внутренность (чего-либо)», в Унцукульском районе РД) может быть возведено к болгарскому с начальным *х-* (ср. чув. *хура*) – репрезентату пратюрк. *къара* «черный» > «масса, толпа» с омонимичным значением [55, с. 287], отразившимся в русск. *чернь* (черневая тайга) «густые пихтово-еловые (иногда горно-таежные) леса с примесью осины и березы в Сибири» [5]. К последней форме может быть возведено название южноаварского общества *Къара-хъ*, для которого, аналогично Харачою и авар. Харачли, характерен соответствующий ландшафт. В свою очередь, Сарир, как уже было показано нами, являлся одной из областей Хазарского каганата, в которой было представлено и в дальнейшем тюрко-болгарское население [24, с. 89], как, впрочем, и кумыкское с древнейших времен и до конца XVIII в. в области распространения андийского языка [23, с. 58–66].

Появление легенды о Жугьут I хане отражает, следует полагать, вхождение в состав Хазарского каганата также и болгароязычного населения, проживавшего по р. Андийское Койсу. Всё это с учетом установленного болгарского генезиса рассматриваемого крымского хоронима еще раз подтверждает наличие соответствующего населения в регионах Крыма и Северо-Восточного Кавказа до их вхождения в состав Хазарского каганата.

ВЫВОДЫ

Крым и Северо-Восточный Кавказ, в пределах которых были представлены рассмотренные хоронимы, являлись территориями, где еще в догуннское и раннее хазарское время проживали древние болгарские племена. Несмотря на то, что исходной областью их проживания считается, по крайней мере, еще с первых веков до н. э. Северный Кавказ, включая его Черноморское побережье, представляется возможным присовокупить сюда также и Крым. В пределах последнего обосновано древнеболгарское происхождение этнонима тавров, носители которого известны в VI в. до н. э. – I в. н. э.

На это указывает, помимо исторических и сведений собственно языкового порядка, древнеболгарское происхождение рассмотренных исконно тюркских хоронимов. Их известные лексические эквиваленты обнаруживаются и за пределами рассматриваемого региона в более поздних кыпчакских, а также в чувашском языках. В последнем из них представлена форма *чӑнкӑ*, звучание которой обусловлено позднейшими фонетическими процессами в среднечувашском языке. Они имели место после миграции в IX в. болгар в Поволжье.

Анализ хоронима *Чунгарс*, с которым связывается одноименный чеченский тейп (род), показал, что речь в армянских источниках дохазарского времени, в которых он лишь единожды упоминается, идет о высокогорной области, находившийся по течению реки Чанты-Аргун в нынешней Чечне. В первой части ее названия отложился рассматриваемый древнебулгарский хороним, второй – собственно тюркская, хронологически более поздняя часть этого гидронима. Историческим центром соответствующей области могла быть крепость с пратюркским названием Фаранз в чеченском обществе *Май-ста* и ее вариант *Варас*, известный соседнему чеченскому обществу *Маьлхиста*.

Она была, согласно преданию, захвачена в прошлом евреями (хазарами). Это вместе с распространенностью в данном обществе древнего тюркского культа богини Умай подтверждает дохазарское время бытования соответствующего ойконима и рассматриваемого хоронима. В ареально смежных обществу *Май-ста* зонах устанавливаются иные чеченские хоронимы и ойконимы, также имеющие тюрко-булгарское происхождение.

Было установлено также тюрко-булгарское происхождение названий таких чеченских обществ, как *Дишний-Мохк*, которое локализовалось по верхнему левобережью р. Чанты-Аргун и ареально смежными с ним *Тер-л-ой*, *Кейн-мохк*, часть которого имела кумыкское происхождение, и *Харачой*. Последнее находится в непосредственной территориальной смежности с Дагестаном, и булгарский генезис его названия непосредственно поддерживается аналогичным наименованием аварского с. *Харачли*, а также южноаварского общества *Къара-хъ*, иного, собственно тюркского происхождения.

С более поздней чувашской формой *чӑнкӑ* связывается андийский ойконим *Чанко*, ареально смежный с рассматриваемой зоной. В свою очередь, анализ андийской легенды о Жугьут I хане вкупе с иными историческим и языковыми фактами позволил прийти к выводу, что булгароязычное население, которое проживало в нынешнем высокогорном юго-западном Дагестане по р. Андийское Койсу, также вошло в состав Хазарского каганата. В него же входила и ареально смежная данному региону область царства Сарир, в которой до распространения в ней нынешних носителей аварского языка было также достаточно длительное время представлено тюрко-булгарское население.

Всё это говорит, что оно было представлено в обоих регионах в дохазарское время, как, впрочем, и в иных высокогорных районах Чечни, о которых говорилось в предшествующем изложении. Более глобальный вывод, к которому представляется возможным прийти после произведенного анализа, заключается в том, что в пределы Хазарского каганата входили в дальнейшем не только равнинные и предгорные, но и вышеупомянутые высокогорные территории. В их пределах проживает в настоящее время население, говорящее на чеченском и аваро-андийских языках.

Список литературы

1. Арсаханов И. А. Чеченская диалектология / И. А. Арсаханов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1969. – 211 с.
2. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с.
3. Асламбеков С. Чунгарой [«Ча/н/-гарой»]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// ichkeria.info / index.php/...](http://ichkeria.info/index.php/...)
4. Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андреяульское городище / Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов // Древности Дагестана. – Махачкала, 1975. – № 5. – С. 121–139.
5. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http:// vedu.ru > bigenodic /70621 /...](http://vedu.ru/bigenodic/70621/)
6. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1901. – Т. 32 (63). – 480 с., 14 л. илл., карт.
7. Бушаков В. А. Большой топонимический словарь Крыма / В. А. Бушаков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http:// kimmeria.com / crimea_placenames / appearance / appearance_14_01.htm](http://kimmeria.com/crimea_placenames/appearance/appearance_14_01.htm)
8. Бушаков В. А. Историческая топонимия Крыма: автореф. дисс... докт. филол. наук / В. А. Бушаков. – Киев, 2005 (на укр. языке). – 41 с.
9. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
10. Взаимоотношения алан-иранцев и вайнахов по данным языка и фольклора [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http:// newparlament.ru / tribune / view /2615](http://newparlament.ru/tribune/view/2615)
11. Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана / М. Г. Гаджиев, О. М. Давудов, А. Р. Шихсаидов. – Махачкала, 1996. – 462 с.
12. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. / А. В. Гадло. – Л.: Наука, 1979. – 214 с.
13. Гмыря Л. Б. Некоторые сведения о гуннах в Дагестане / Л. Б. Гмыря // Материалы по археологии Дагестана (Древние и средневековые памятники Дагестана). – Махачкала, 1980. Вып. 9. – С. 151–154.
14. Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот / Л. Б. Гмыря. – Махачкала, 1995. – 228 с.
15. Гмыря Л. Б. Политические образования Прикаспийского Дагестана в постарабский период (IX–X вв.) / Л. Б. Гмыря // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Этногенетические исследования. – Махачкала, 1998. – С. 170–176.
16. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Н. Голб, О. Прицак. – М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. – 225 с.
17. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Султан-Мут, кумыки и их предки в Чечне и Ингушетии (на материале исторических, фольклорных и языковых данных) / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Вести Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала, 2006–2007. Вып. 12–14. – С. 40–45.
18. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком / Г.-Р. А.-К. Гусейнов. – Махачкала, 2010. – 214 с.
19. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об области первоначального расселения протоболгар и происхождении их названия по историко-лингвистическим данным / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. – София, XXXVII (2013), 3. – С. 59–71.
20. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К этно- и политогенезу крымских татар и кумыков в историческом контексте их древних и средневековых взаимоотношений / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Крымское историческое обозрение. – Казань – Бахчисарай, 2014. № 2. – С. 23–38.
21. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об одной из вероятных областей первоначального распространения нахско-дагестанских и осетинского языков, или еще раз о северокавказских аланизмах / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // *Actalinguistica Petropolitana*. – СПб., 2014. Т. 10, ч. 1. – С. 515–534.
22. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Сравнительный анализ булгаризмов языков венгерского, Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном контексте / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Российская тюркология. – М.-Казань, 2014. № 2 (11). – С. 20–26.
23. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Бурчебии, Сала и Аух у Д.-М. Шихалиева: некоторые аспекты историко-этимологической и ареальной интерпретации / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX века. – Махачкала, 2015. – С. 50–75.

24. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об одной новейшей концепции древней и средневековой истории Северо-Восточного Кавказа в контексте современных проблем межнациональных отношений в регионе / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Материалы Международной научной конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы Кавказа». – Назрань, 2016. – С. 80–104.
25. Дауев Саламу. Чечня: Коварные таинства истории / С. Дауев. – М., 1999. – 245 с.
26. Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей / И. А. Дахкильгов: Чечено-Ингушское книжное издательство. – Грозный, 1978. – 136 с.
27. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
28. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков / А. В. Дыбо. – М.: Восточная литература, 2007. – 223 с.
29. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары, 1964. – 355 с.
30. Имнайшвили Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков / Д. С. Имнайшвили. – Тбилиси, 1977. – 299 с.
31. История Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://ru.wikipedia.org/wiki/История_Крыма
32. Керимов И. К. Хасавюртовский диалект кумыкского языка / И. К. Керимов // Уч. зап. Дагестанского государственного женского пединститута. – Махачкала, 1957. – Т. 1. – С. 207–232.
33. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. / П. К. Коковцов. – Л., 1932. – 173 с.
34. Крым [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Крым>
35. Кумыкско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 408 с.
36. Мамакаев М. Чеченский тайп в период разложения / М. Мамакаев. – Грозный, 1973. – 98 с.
37. Микропонимия Пуога [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://nohchalla.com/istoriya/>
38. Саидова П. А. Андийский язык / П. А. Саидова // Языки Дагестана. – Махачкала – М., 2000. – С. 255–288.
39. Санжеев Г. Д., Тодаева В. Х. Монгольские языки / Г. Д. Санжеев, В. Х. Тодаева // Языки Азии и Африки. Т. V. Алтайские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 98–186.
40. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1980. – 396 с.
41. Семенов И. Г. Метаморфозы эпитета «еврейский» в дагестанских преданиях / И. Г. Семенов [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://file:///C:/index.php.Juhurocom>. Горские евреи.
42. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1984 – 484 с.
43. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
44. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
45. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
46. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии / А. С. Сулейманов. – Грозный, 1978. Ч. 2. – 299 с.
47. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии / А. С. Сулейманов. – Грозный, 1980. Ч. 3. – 222 с.
48. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии / А. С. Сулейманов. – Грозный, 1985. Ч. 4. – 223 с.
49. Топонимический словарь Крыма (Ч) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krymology.info/index.php>
50. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка / М. Р. Федотов. – Чебоксары, 1996. Т. 1. – 470 с.
51. Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование / М. А. Хабичев. – Черкесск, 1971. – 302 с.
52. Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы / И. Н. Храпунов. – Симферополь: Таврия, 1995. – 83 с.
53. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 202 с.
54. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1977. – 191 с.
55. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Восточная литература, 2000. – 261 с.

References

1. Arsakhanov I. A. Chechen dialectology. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1969, 211 p.
2. Artamonov M. I. History of the Khazars, Leningrad, State Hermitage Publishing House, 1962, 523 p.
3. Aslambekov S. Chungara [Cha/n/-garoi]. [Electronic resource]. Mode of access: [http://ichkeria.info/index.php/...](http://ichkeria.info/index.php/)
4. Atayev D. M. Magomedov M. G. Andreyaul settlement. Antiquities of Daghestan, Makhachkala, 1975, no. 5, pp. 121–139.
5. Grea Encyclopedic Dictionary. [Electronic resource]. Mode of access: // [http://vedu.ru/bigencdic/70621/...](http://vedu.ru/bigencdic/70621/)
6. Brockgauz F. A., Efron I. A. Encyclopedic Dictionary, St. Petersburg, 1901, vol. 32 (63), 480 p. 14 sheets. ill., maps.
7. Bushakov V. A. Big toponymic dictionary of Crimea. [Electronic resource]. Mode of access: // http://kimmeria.COM/crimea_placenames/appearance/appearance_14_01.htm
8. Bushakov V. A. Historical toponymy of Crimea. Abstract. of diss. ... doctor of Philology, Kiev, 2005 (in Ukrainian), 41 p.
9. Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1998, 685 p.
10. Mutual relations between alan-Iranians and Vainakh according to the language and folklore. [Electronic resource]. Mode of access: // <http://newparlament.ru/tribune/view/2615>
11. Gadzhiyev M. G., Davudov O. M., Shikhsaidov A. R. History of Daghestan. Makhachkala, 1996, 462 p.
12. Gadlo A. V. Ethnic history of the North Caucasus in IV–X centuries. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1979, 214 p.
13. Gmyrya L. B. Some information about the Huns in Daghestan. Materials on Daghestan Archaeology (Ancient and medieval monuments of Daghestan). Makhachkala, 1980, vol. 9, pp. 151–154.
14. Gmyrya L. B. Country of the Huns in the Caspian Gates. Makhachkala, 1995, 228 p.
15. Gmyrya L. B. Political entities in the Caspian Daghestan in postarabian period (IX–X centuries). Daghestan in the era of the Great Migration. Ethnogenetic research. Makhachkala, 1998, pp. 170–176.
16. Golb N., Pritsak O. Khazar-Jewish documents of the X century. Moscow – Jerusalem, Gesharim Publ., 1997, 225 p.
17. Guseinov G.-R. A.-K. Sultan-Mut, Kumyks and their ancestors in Chechnya and Ingushetia (on the basis of historical, folklore and language data). Messages of the Kumyk scientific-cultural society, Makhachkala, 2006-2007, vol. 12–14, pp. 40–45.
18. Guseinov G.-R. A.-K. The history of ancient and medieval relations between the North-Eastern Caucasus and Daghestan languages with Russian. Makhachkala, 2010, 214 p.
19. Guseinov G.-R. A.-K. The region of the original settlement of Bulgarians and the origin of their names on the historical and linguistic data / G.-R. A.-K. Guseinov // Palaeobulgarica / Starobolgaristika. Sofia, 2013, vol. XXXVII, no. 3, pp. 59–71.
20. Guseinov G.-R. A.-K. To the ethno- and politogenesis of the Crimean Tatars and Kumyks in the historical context of their ancient and medieval relations / G.-R. A.-K. Guseinov // Crimean historical review. – Kazan – Bakhchisaray, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, no. 2, pp. 23–38.
21. Guseinov G.-R. A.-K. On one of the possible areas of initial spread of the Nakh-Daghestan and Ossetian languages, or again about North-Caucasian Alanismes. Acta linguistica Petropolitana, St. Petersburg, 2014, vol. 10, part 1, pp. 515–534.
22. Guseinov G.-R. A.-K. A comparative analysis of Bulgarisms in Hungarian and in the languages of Northeastern Caucasus and Daghestan in historical, etymological and areal context. Russian turkology. Moscow-Kazan, 2014, no. 2 (11), pp. 20–26.
23. Guseinov G.-R. A.-K. Burchebijes, Sala and Aukh at D.-M. Shikhaliyev: some aspects of the historic-etymological and areal interpretation. Ethnic Culture of the peoples of the North-Eastern Caucasus in middle of

the XIX century. Makhachkala, 2015, pp. 50–75.

24. Guseinov G.-R. A.-K. About one modern concept of the ancient and medieval history of the North-East Caucasus in the context of contemporary problems of international relations in the region. Proceedings of the International scientific conference «Humanitarian and socio-political problems of the Caucasus». Nazran, 2016, pp. 80–104.

25. Dauev Salamu. Chechnya: Insidious ordinances of history. Moscow, 1999, 245 p.

26. Dahkhilgov I. A. Historical Chechens and Ingush folklore. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1978, 136 p.

27. Old Turkic Dictionary. Leningrad, Science publishing house, 1969, 676 p.

28. Dybo A. V. Linguistic contacts of early Turks. Moscow, Eastern Literature publishing house, 2007, 223 p.

29. Egorov V. Etymological dictionary of Chuvash language. Cheboksary, 1964, 355 p.

30. Imnaishvili D. S. Historical and comparative analysis of the Nakh language's phonetics. Tbilisi, 1977, 299 p.

31. The history of the Crimea [Electronic resource]. Mode of access: // http://ru.wikipedia.org/wiki/Istoriya_Kryma

32. Kerimov I. K. Khasavyurt dialect of the Kumyk language. Memoirs of Daghestan State Women Pedagogical Institute. Makhachkala, 1957, vol. 1, pp. 207–232.

33. Kokovtsov P. K. Jewish – Khazar Correspondence in the X century. Leningrad, 1932, 173 p.

34. Crimea [Electronic resource]. Mode of access: // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Crimea>

35. Kumyk-Russian dictionary. Moscow, Soviet Encyclopedia publishing house, 1969, 408 p.

36. Mamakayev M. Chechen Taip during decomposition. Grozny, 1973, 98 p.

37. Microtoponyms of Puogla [Electronic resource]. Mode of access: // [http://nohchalla.com/istoriya/..](http://nohchalla.com/istoriya/)

38. Saidova P. A. Andic language. Languages of Daghestan. Makhachkala – Moscow, 2000, pp. 255–288.

39. Sanjeev G. D., Todaeva W. H. Mongolian languages. Languages of Asia and Africa. Altai languages. Moscow, Nauka publishing house, 1993, vol. V, pp. 98–186.

40. Sevortyan E. V. Etymological dictionary of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 1980, 396 p.

41. Semenov I. G. Metamorphosis of epithet «Jewish» in Daghestan legends [Electronic resource]. Mode of access: // <http://file:///c:/index.php>. Juhuro com. Mountain Jews.

42. Comparative and historical grammar of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 1984, 484 p.

43. Comparative and historical grammar of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 2001, 822 p.

44. Comparative and historical grammar of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 2002, 767 p.

45. Comparative and historical grammar of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 2006, 908 p.

46. Suleymanov A. S. The toponymy of the Chechen-Ingush. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1978. Part 2. 299 s.

47. Suleymanov A. S. The toponymy of the Chechen-Ingush. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1980. Part 3. 222 p.

48. Suleymanov A. S. The toponymy of the Chechen-Ingush. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1985. Part 4, 223 p.

49. Toponymic Dictionary of Crimea (Ch.) // [Electronic resource]. Mode of access: <http://krymology.info/index.php>.

50. Fedotov M. R. Etymological dictionary of Chuvash language. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.

51. Habichev M. A. Karachay-Balkar nominal formation. Cherkessk, 1971, 302 p.

52. Khrapunov I. N. Sketches of the Crimea ethnic history in the early Iron Age. Tavres. Scythians. Sarmatians. Simferopol, Tavria publishing house, 1995, 83 p.

53. Shcherbak A. M. Comparative phonetics of Turkic languages. Leningrad, Science publishing house, 1970, 202 p.

54. Shcherbak A. M. Essays on the comparative morphology of the Turkic languages. Name. Leningrad, Nauka, 1977, 191 p.

55. The etymological dictionary of Turkic languages. Moscow, Eastern Literature publishing house, 2000. 261 p.

Guseinov G.-R. A.-K. The Crimean Tatar horonim chonggar «Chongar» and «Hun» oiconym chungars in the context of question about prehzarian language belonging of the Crimea and the Northeast Caucasus population / G.-R. A.-K. Guseinov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 322–336.

The article devoted to topical problems of linguistic identite prehzar population of the Crimea and North-Eastern Caucasus. It has not yet been the subject of special consideration. In accordance with its purpose, in addition to historical and linguistic information, to the analysis are drawn primarily toponymic data. Most revealing among these are burying the horonim *Chongar* and the oiconym *Coungars*. Consideration involved and other place names in both regions, and a separate ethnonyms and ethnicons.

The Crimea and the North-Eastern Caucasus, in which limits they were presented, are areas where in prehzarian and early Khazar time lived ancient Bulgarian tribes. Source area of their residence from the first century BC was the North Caucasus, including the Black Sea coast and the Central part of North Caucasus. In addition, established the ancient origin of the ethnonym *Tauri*, the carriers of which were known on the South coast of the Crimea was still earlier – in the VI century BC-I century ad. It may indicate a similar origin of its speakers. It is possible, if to keep in mind the details of the letter of Kagan Joseph V. X and other data that such an ethnonym was known in the North-Eastern Caucasus, in particular, in the mountainous Dagestan. Here as part of the Khazar khanate even before the wars with the Arabs referred to the region Tabasaran/Tabasaran, wholly within Dagestan and at the present time.

The same was said within the North-Eastern Caucasus and the ancient Bulgarian origin presented here an original bury *Chongar* and has *Chungars*. Their well-known lexical equivalents found outside the region at a later Kypchak, as well as in the Chuvash languages. The last of them submitted form *čānkā*, the sound of which is due to subsequent phonetic processes in Central average Chuvash language. They took place after migration Bulgars in the Volga region in IX c., apparently from the territory of the North-Eastern Caucasus.

Analysis of bury Courgars (it is associated with bound to the eponymous Chechen society, which originally was located in the flows of the river Argun) showed that speech in prehzar Armenian sources goes about high mountain region, which was localized by the river *Chanti-Argun* in today's Chechnya. In the first part of its name rebelled consider the ancient Bulgar bury. The second – Turkic bury, chronologically later part of this hydronym, also known in the East Turkic languages. The historical center of the considered area could be a fortress with prototurkic name of *Faranz* in Chechen society *Mai-sīa* and its variant *Varas*, known for the nearby Chechen society *Malhi-sīa*.

According to legend, it was captured in the past by Jews (Khazars). This, together with the prevalence in the society of ancient Turkic goddess Umay, confirms prehzar time of existence of the relevant placenames and review bury. In areas adjacent areal Chechen society Mai-hundred establishes other, relatively numerous Chechen placenames, which also have Turkish-Bulgarian origin.

It was identified as the Turkish-Bulgarian origin of the names of these Chechen societies, as *Dishni-Mokhk*, which were located on the upper left Chanty-Argun river and areal related, *Horacho*, *Tier-lo* and *Kane-Mokhk*, part of which population had Kumyk origins. The first of these is in the immediate territorial adjacency with Dagestan, and Bulgar the Genesis of its name is directly supported to the same origin of the names Avar village of *Kharachi* and Turkic Genesis titles universal companies *Qara-x*.

With a later the Chuvash form *čānkā* associated Andic oiconym *Chanco*, geographically adjacent to the considered area. Analysis of Andic legends of *Juggut Khan*, coupled with other historical and linguistic facts are allowed to come to the following conclusion. It is that bulgar language population, which was lived in the current mountainous South-Western Dagestan, along the river Andic Koisu, also became part of the Khazar

khanate. Within it was areal adjacent to the region region of the *Sarir Kingdom*. It to spread within the current media Avar language was quite a long time represented the Turkish-Bulgarian population.

It lived in both regions in prehazar time, as in other high mountainous areas of Chechnya, as mentioned in the previous presentation. After the made analysis it is possible to come to a more global conclusion, according to which within the Khazar Khaganate were part of the future, not only plain and foothills, but also the mountainous region of North-Eastern Caucasus with their Bulgarian population. Within them lives in the present community residents speaking in Chechen and Avar-Andic languages.

Keywords: horonim, hidronym, Crimean Tatar, Crimea, Northeast Caucasus, ancientbulgarian, Khazar khanate.

УДК 811.51

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКОЙ ПРЕССЫ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Исакова А. А.

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail: anaenigma@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности русских заимствований в языке татарской прессы на примере областной татарской газеты «Янарыш». Выявленные заимствованные лексемы (86 единиц) были объединены в различные тематические группы, среди которых наиболее многочисленная – «общественно-политическая лексика». По данным Татарского национального корпуса и Письменного корпуса татарского языка выделены наиболее употребительные русизмы в газете «Янарыш». Исследована этимология выявленных заимствований.

Ключевые слова: русские заимствования, татарский язык, язык татарской газеты, Татарский национальный корпус, Письменный корпус татарского языка.

ВВЕДЕНИЕ

Публицистический стиль татарского литературного языка обслуживает общественно-политическую сферу коммуникации татарского языка. «Публицистическая информация является особой разновидностью сообщений, она отличается абсолютной достоверностью, краткостью и сжатостью изложения, специфичностью оформления в виде целой палитры разнообразия форм газетных статей» [Москалева, 239]. «В большинстве случаев именно газета является первым письменным источником, фиксирующим появление новых слов, претендующих войти в речевую практику широких слоев общества» [Хэ Линь, 227]. Исследованиями языка татарской газеты в разные годы занимались И. А. Абдуллин, Х. Ч. Алишина, М. А. Аскарлов, Р. У. Амирханов, В. З. Гарифуллин, Л. И. Гимадеева, С. М. Ибрагимов, Б. К. Миннуллин, И. М. Низамов, В. Х. Хаков и др. «Язык ежедневной газеты отличается наибольшей восприимчивостью к различным языковым инновациям, являясь «зеркалом актуальных тенденций» в развитии языка» [Алексеева]. Язык периодики XX века (наряду с языком художественных произведений) представляет собой основу современного литературного языка [Миннуллин, 5].

Первым печатным изданием на татарском языке была газета «Нур», издававшееся в Санкт-Петербурге с 1905 по 1914 гг. [Миннуллин, 3]. Появление после революции нескольких газетных изданий в Казани и других городах стало важным этапом в развитии публицистического стиля татарской газеты.

По справедливому утверждению Л. П. Крысина, газетный текст является «посредником миграции» слов между языками [Хэ Линь, 223]. Проникновение заимствований в газетный текст способствует их общественной презентации в языке и вхождению в повседневную речь. Одно из приоритетных направлений изучения проблематики иноязычной и заимствованной лексики в современной науке – «дальнейшая, более детальная разработка частных вопросов, таких как функционирование заимствованной лексики, особенности ее фонетической, графической, грамматической

и семантической адаптации, словообразовательной активности» [Проценко, 216]. Немаловажным является изучение и выявление наиболее частотных заимствований, так как это позволяет выяснить, какие из них входят в активный словарь носителей языка, а какие относятся к пассивному словарю и могут быть заменены словами из родного языка. Русские заимствования занимают особое место в лексической системе татарского языка. «Следует подчеркнуть роль русского языка как основного языка-посредника в процессе притока слов из других языков, так как в абсолютном большинстве случаев заимствования попадают в татарский язык в фонетико-графическом оформлении, характерном для русского языка» [Гайнутдинова, Гараева, 54].

В нашем исследовании на материале одного номера региональной татарской газеты «Янарыш» мы попытаемся выделить тематические группы русских заимствований в публицистическом татарском тексте, а применив данные национальных корпусов татарского языка – определим наиболее употребительные русские заимствования и заимствования, усвоенные посредством русского языка. Определить фактический язык-источник заимствования попытаемся при помощи этимологического анализа.

О ГАЗЕТЕ «ЯНАРЫШ»

«Региональный газетный текст представляет собой феномен, в котором совмещаются общероссийские и местные составляющие в отношении как содержания, так и языковой формы его выражения» [Хэ Линь, 224]. Материалом нашего исследования является областная татарская газета «Янарыш» (перевод с татарского – «Возрождение»). 15 сентября 1990 года в Тюмени был выпущен первый номер, ранее в Тобольске с 1958 по 1963 г. выходила газета «Ленин юль». В настоящее время газета выпускается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области, тираж 3008 экземпляров, редактор – Алсу Сагитова. На титульной странице еженедельной газеты «Янарыш» дается название газеты на русском, татарском и старотатарском языках. В газете освещаются актуальные вопросы жизни региона, вопросы сохранения языка и культуры, статьи на злободневные темы, мероприятия, направленные на сохранение языка и культуры, дается программа передач русских каналов на русском языке и татарских на татарском языке, публикуются поздравления, рекламные статьи, очерки и анонсы мероприятий. «Газета поднимает актуальные вопросы по сохранению языка, культуры, обычаев местных татар, помогает укреплять дружбу между народами» [Алишина].

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ ИЗ СТАТЕЙ ОДНОГО НОМЕРА

В тексте татарской газеты «Янарыш», выпуск № 26 от 24 июня 2016 года, нами выявлены 86 заимствованных лексем. Четыре предикативных заголовка представлены полностью на русском языке: *Якушев продолжает оставаться самым эффективным губернатором по версии экспертов ФОРГО. Регион развивает биохимическую промышленность. Сражение состоится при свете факелов. Тюменские аграрии заготовят более 90 тысяч тонн сенажа.*

Бульвар – *Төсле бульварда «Дуслык күпере».* – «Мост Дружбы» на Цветном бульваре.

Июнь, региональ, фестиваль, комитет, департамент, координацион совет, бульвар – 12 июнь көнне чираттагы XXII нче «Дуслык күпере» региональ өлкә фестивале Россия көнен бәйрәм итү белән берлектә Төмән өлкәсенең милләтләр эшләре комитеты, өлкә мәдәният департаменты, милли ижтимагый оешмаларның Координацион советы оештыруында Төсле бульварда үтте. – 12 июня на Цветном бульваре совместно с Комитетом по делам национальностей Тюменской области, Департаментом культуры области и Координационного совета национально-общественных организаций состоялся очередной XXII областной фестиваль «Мост дружбы», посвященный празднованию Дня России.

Фестиваль – Быелгы фестиваль көнозын явып торган яңгыр астында барса да, төмәнлеләрне һава торышы куркытмады – бала-чага, карты-яше күпмилләтле бәйрәм мәйданына юнәлделәр. – Несмотря на небольшие дожди, все от мала до велика отправились на площадку фестиваля.

Губернатор, комитет, фестиваль, регион, традиция – Жыелган халыкны бәйрәм белән котларга өлкә губернаторы Владимир Якушев, милләтләр эшләре буенча өлкә комитеты рәисе Евгений Воробьев килгәннәр иде. «Дуслык күпере» фестивале – безнең регионда матур традициягә әйләнде һәм ул 22нче тапкыр үткәрелә. – Поздравить собравшихся с праздником приехали губернатор области Владимир Якушев, председатель областного комитета по делам национальностей Евгений Воробьев: «Проведение фестиваля “Мост дружбы” в нашем регионе стало доброй традицией, уже проходит 22 фестиваль».

Конкурс-викторина – Өлкә татар яшьләре бердәмлеге оештырган төрле кызыклы конкурс-викториналарда да халык бик теләп катнашты. – Татары области с удовольствием принимают участие в конкурсах-викторинах, организованных содружеством молодежи.

Зонтик, гимн, фестиваль – Зонтиклар астында башкарылган Россия Гимны, өлкәбезнең милли ижтимагый оешмалары катнашында үткән фестиваль төмәнлеләрнең үз илләрен яратуларын, дус-тату яшәгәнлекләрен тагын бер кат исбатлады. – Под зонтиками был исполнен российский гимн при участии национальных общественных организаций, что символизировало стремление жить дружно.

Гуманитар – Тугызга Казаннан гуманитар ярдәм килде. – В 9 вечера поступила гуманитарная помощь из Казани.

Пункт – Төмәндә дә ярдәм жыю пунктлары булдырылды. – В Тюмени создан пункт сбора помощи.

Продюсер – Моннан тыш, хәйриягә татар жырчылары Рәдиф Кашапов, Эльнар Байназаров, Мубай, шулай ук Juna һәм Oscar&C7C5 төркемнәре, продюсер Ильяс Гафаров да кушылдылар – Кроме того, в благотворительность не могли не включиться певцы Радиф Кашапов, Эльнар Байназаров, Мубай, а также группы Juna и Oscar & C7C5, продюсер Ильяс Гафаров.

Граждан, фонды, рейтинг, губернатор, регион, эффектив – Гражданлык жәмгыяте үсеше фонды рейтингының 14 чыгарылыш нәтижеләре буенча өлкә губернаторы В. Якушев Россиянең төрле регион башлыклары арасында яңадан эф-

фектив губернатор итеп билгеләнде. – По результатам рейтинга Фонда развития гражданского общества Губернатор области В. Якушев продолжает оставаться самым эффективным губернатором среди глав сельских поселений различных регионов России.

Фонд, эксперт – *Фонд экспертлары бәяләре буенча, В. Якушев 100 баллдан 96га ия булган.* – По оценкам экспертов фонда, В. Якушев получил 96 из 100 баллов.

Март, ЯНАО – *Беренче мартәбә ул 2016 елның март аенда ЯНАО башлыгы Д. Кобылкинны узып, беренчелекне яулаган иде.* – В марте 2016 года он впервые вместе с главой ЯНАО Д. Кобылкиным, завоевал первенство.

Биотехнолог – *Киләчәктә Төмән өлкәсе хезмәт базарында биотехнолог һөнәре таләп ителәчәк.* – В дальнейшем биотехнолог станет востребованной профессией на рынке труда Тюменской области.

Регион, биотехнология, инвестицион проект, план – *Чөнки тиздән регионда биотехнология өлкәсендә берничә инвестицион проект тормышка ашырылачак һәм берничәсе төзелергә планлаштырылган.* – В ближайшее время в регионе будет реализован ряд инвестиционных проектов в области биотехнологий.

Масштаб, индустриаль, объект, лизин, глютен, спирт, концентрат, завод – *2017 елда Ишим шәһәрәндә зур масштаблы индустриаль объект – лизин, глютен, спирт һәм концентрат азык-жәтештерүче «АминоСиб» заводы эшли башла-чак.* – В 2017 году в дни Священного месяца Рамадана в городе начнет работать завод «АминоСиб» – масштабный промышленный объект по производству лизина, глютена, спирта и концентрата пищевого.

Индустриаль парк, гектар, спирт, концентрат, компания, завод – *«Богандинский» индустриаль паркындагы 20 гектар җирне спирт һәм концентрат азык-жәтештерү буенча «Каргилл» халыкара компаниясе заводы биләп алачак* – В индустриальном парке «Богандинский» 20 гектаров земли займет завод по производству спирта и кормового концентрата международной компании «Каргилл».

Промышленность, завод – *Ә көз көне Төмәндә азык-төлек промышленностендә кулланылучы шикәрне алыштыручы сукралоза җәтештерүче завод ачылачак.* – А осенью в Тюмени откроется завод по производству сукралоза, заменяющего сахар и использующегося в пищевой промышленности.

Регион, бетулин, ксантановая кислота – *Хәзерге вакытта регион хакимияте бетулин һәм ксантанлы сумала җәтештерү буенча оешма төзү турында сүз алып бара.* – В настоящее время власти региона ведут переговоры об организации производства бетулина и ксантановой смолы.

Бетулин, медицина, фармакология, косметология – *Бетулин каен кайрысыннан ясалып, медицина, фармакология, косметологиядә кулланыла.* – Бетулин используется в медицине, фармакологии, косметологии.

Клуб, реконструктор – *Биредә тарихи клублар һәм Белоруссия, Германия ил-ләреннән реконструкторлар катнашачаклар.* – В мероприятия примут участие реконструкторы из исторических клубов Белоруссии и Германии.

Фестиваль, театр, мастер-класс, фольклор, ансамбль, концерт, программы – *Шулай ук фестиваль кунакларын театральләитерелгән күренешләр, күп төрле урта гасыр ярышлары, мастер-класслар, күргәзмәләр, фольклор ансамбльләре катнашында әзерләнган концерт программасы көтә.* – Также для гостей фестиваля подготовили театрализованные действия, средневековые соревнования, мастер-классы, выставки, концертную программу, подготовленную с участием фольклорных ансамблей.

Район, тонна, план – *Шуннан чыгып, Тәмән районында 90 мең тонна сенаж әзерләү эше башланды. «Эшләр план буенча бара».* – Исходя из этого, в Тюменская районе ведется работа по подготовке 90 тысяч тонн сенажа. «Всё идёт по плану».

Стимул, район – *«Хезмәт хақы да эшләргә стимул бирә», – ди АПК буенча Тәмән районы башлыгы урынбасары С. Джанбровский.* – «Заработок – стимул работать», – сказал заместитель главы Тюменского района по АПК С. Джанбровский.

Популяр – *Яшелчәләр арасында тозлау буенча кыяр иң популяр яшелчә санала.* – Самым популярным среди овощей считается соленье огурцов.

Рецепт – *Бүген сезнең игътибарга кыяр тозлау буенча берничә рецепт тәкъдим итәбез.* – Предлагаем Вам сегодня рецепт для соления огурцов.

Банка – *Кыярларны банкаларда тозлау.* – Засолка огурцов в банке.

Рецепт – *Түземсез кешеләр өчен рецепт.* – Рецепт для нетерпеливых.

Пакет – *Кыярларны пакетта тозлау.* – Засолка огурцов в пакете.

Укроп, пакет – *Юылган, киселгән кыярларны сарымсак, укроп, тоз белән болгар тып пакетка салырга.* – Положить в пакет с огурцами чеснок, укроп, соль и болгарский перец [Янарыш, выпуск № 26 от 24 июня 2016 года].

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Выявленные заимствования были объединены нами в следующие тематические группы:

Тематическая группа «Творчество»: *театр, мастер-класс, фольклор, ансамбль, программы, клуб, декоратив, популяр.*

Тематическая группа «Производственные и другие объекты»: *пункт, агрофирма, предприятие, корпункт, турист комплекс, компания, бульвар.*

Тематическая группа «Профессия, должность»: *журналист, продюсер, биотехнолог, эксперт, реконструкторы.*

Тематическая группа «Пища: печенье, прәннек, казылык, укроп.

Тематическая группа «Общественно-политическая лексика»: *комитет, департамент, координацион совет, губернатор, комитет, конгресс, автономия, республика, президент, министр, департамент, депутаты, граждан, фонды, рейтинг, региональ, гуманитар, социаль; «Государственные символы»:* *гимн.*

Тематическая группа «Время»: *июнь, май, июль.*

Тематическая группа «Массовые праздники»: *фестиваль, талант смотры, конкурс-викторина, концерт.*

Тематическая группа «Административно-территориальные единицы»: *территория, регион, район.*

Тематическая группа «Промышленность и промышленные объекты»: *промышленность, завод, консерв завод, индустриаль парк, индустриаль, объект, реконструкция, эффектив, план.*

Тематическая группа «Экономика»: *инвестицион проект, фонды.*

Тематическая группа «Бытовые предметы»: *зонтик, банка, пакет, рецепт, факел.*

Тематическая группа «Имена собственные»: *гвардия, нагорный.*

Тематическая группа «Степень и единицы оценки»: *балл, рейтинг.*

Тематическая группа «Меры площади и веса, размер»: *гектар, тонна, масштаб.*

Тематическая группа «Науки»: *медицина, фармакология, косметология, биотехнология.*

Тематическая группа «Вещества»: *полисахарид, бетулин, глютен, спирт, лизин.*

Лексика, не отнесенная к определенным тематическим группам: *традиция, барс, машина, стимул.*

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

В результате этногенетического анализа, проведенного на основе этимологических словарей, исследуемые лексемы были распределены по языку-источнику заимствования на следующие группы:

1. Заимствования из английского: рейтинг, фольклор.
2. Заимствования из немецкого: масштаб.
3. Заимствования из французского: бульвар, комитет, фонды, консервный, ансамбль, пакет.

Заимствования из французского через польский: департамент.

4. Заимствования из латинского: июнь, региональный, фестиваль, координационный, традиция, викторина (Виктор), гуманитарный, эксперт, объект, лизин, глютен, концентрат, промышленность, бетулин, ксантановая кислота (кислота – общеславянский), реконструктор, стимул, популярный.

Заимствования через общеславянский из латинского: март.

- a) Заимствования через польский из латинского: губернатор, конкурс, гимн, пункт, план, компания, медицина.

- b) Заимствования через английский из латинского: продюсер, спирт, парк.

- c) Заимствования через немецкий из латинского: машина, эффективный, инвестиционный, проект, индустриальный, рецепт.

- d) Заимствования через немецкий от итальянского из латинского: концерт.

- e) Заимствования через французский из латинского: журналист, театр, класс, район.

5. Заимствования из общеславянских языков: совет, мастер, укроп.

6. Заимствования из польского: банка.

7. Заимствования из итальянского: газета.

8. Заимствования из голландского: зонт, тонна.

9. Заимствования из греческого: гражданин (калька), биотехнолог, фармакология, косметология, программа.

10. Заимствования из греческого и французского: гектар.

11. Заимствования через немецкий из древнеисландского: клуб [Фасмер, Чудинов, Кожевлев].

ЧАСТОТА СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ

В настоящее время создано два корпуса татарского языка: Татарский национальный корпус (ТНК) и Письменный корпус татарского языка (ПК). В 2016 году был запущен корпус народных говоров татар Тюменской области, который пока находится на стадии заполнения и в нашем исследовании не представлен.

По данным корпусов выявлена следующая частота словоупотреблений русской заимствованной лексики на 26 миллионов (ТНК) и 116 миллионов (ПК) словоупотреблений соответственно: бульвар (ТНК – 12; ПК – 75), июнь (ТНК – 1283, ПК – 10440), региональ (ТНК – 87, ПК – 2944), фестиваль (ТНК – 140, ПК – 8520), комитет (ТНК – 392, ПК – 8870), департамент (ТНК – 27, ПК – 476), координацион (ТНК – 17, ПК – 803), координац. совет (ТНК – 0, ПК – 224), совет (ТНК – 7180, ПК – 27785), губернатор (ТНК – 173, ПК – 2186), традиция (ТНК – 264, ПК – 2557), конкурс-викторина (ТНК – 0, ПК – 1), зонтик (ТНК – 69, ПК – 109), гимн (ТНК – 112, ПК – 817), гуманитар (ТНК – 257, ПК – 3758), пункт (ТНК – 133, ПК – 1880), машина (ТНК – 5152, ПК – 28892), корпункт (ТНК – 0, ПК – 21), журналист (ТНК – 1095, ПК – 8946), продюсер (ТНК – 25, ПК – 541), граждан (ТНК – 51, ПК – 1107), фонды (ТНК – 390, ПК – 17365), рейтинг (ТНК – 22, ПК – 978), эффе́ктив (ТНК – 1, ПК – 199), эксперт (ТНК – 65, ПК – 1976), март (ТНК – 1493, ПК – 11462), ЯНАО (ТНК – 0, ПК – 31), биотехнолог (ТНК – 0, ПК – 1), инвестицион (ТНК – 28, ПК – 3312), проект (ТНК – 383, ПК – 14176), план (ТНК – 782, ПК – 5361), масштаб (ТНК – 17, ПК – 95), индустриаль (ТНК – 39, ПК – 1630), объект (ТНК – 186, ПК – 3526), лизин (ТНК – 12, ПК – 3), глютен (ТНК – 0, ПК – 2), спирт (ТНК – 365, ПК – 1225), концентрат (ТНК – 4, ПК – 39), завод (ТНК – 841, ПК – 6230), парк (ТНК – 141, ПК – 2278), гектар (ТНК – 331, ПК – 9291), компания (ТНК – 143, ПК – 7616), консерв (ТНК – 55, ПК – 103), промышленность (ТНК – 153, ПК – 856), бетулин (ТНК – 0, ПК – 0), ксантановая кислота (ТНК – 0, ПК – 0), кислота (ТНК – 42, ПК – 190), медицина (ТНК – 1043, ПК – 32073), фармакология (ТНК – 9, ПК – 182), косметология (ТНК – 4, ПК – 68), клуб (ТНК – 1038, ПК – 6732), реконструктор (ТНК – 0, ПК – 1), театр (ТНК – 4187, ПК – 23163), мастер-класс (ТНК – 11, ПК – 875), фольклор (ТНК – 977, ПК – 7007), ансамбль (ТНК – 175, ПК – 2253), концерт (ТНК – 1295, ПК – 16831), программа (ТНК – 608, ПК – 16828), район (ТНК – 3920, ПК – 115211), тонна (ТНК – 291, ПК – 20771), стимул (ТНК – 44, ПК – 764), газета (ТНК – 1608, ПК – 11427), популяр (ТНК – 582, ПК – 6131), рецепт (ТНК – 62, ПК – 775), банка (ТНК – 196, ПК – 535), пакет (ТНК – 120, ПК – 846), укроп (ТНК – 26, ПК – 389) [ТНК, ПК].

ВЫВОДЫ

По данным корпусов, наиболее высокая частота словоупотреблений (>500) у следующих русских заимствований: июнь, региональ, фестиваль, комитет, координаци-

он, совет, губернатор, традиция, гимн, гуманитар, пункт, машина, журналист, продюсер, гражданин, фонды, рейтинг, эксперт, март, инвестицион, проект, план, индустриаль, объект, спирт, концентрат, завод, парк, гектар, компания, консерв, промышленность, медицина, клуб, театр, мастер-класс, фольклор, ансамбль, концерт, программа, район, тонна, стимул, газета, популяр, рецепт, банка, пакет. Эти лексемы относятся к активному словарю не только татарского газетного текста, но и носителей татарского языка. Русские заимствования были распределены на тематические группы, большее количество русизмов (24) содержится в общественно-политической лексике региональной татарской газеты. Исследуемые русизмы представлены несколькими этимологическими группами, самая обширная из которых – заимствования напрямую из латинского языка и посредством польского, немецкого, французского, итальянского и английского. Характерной особенностью языка газеты «Янарыш» является написание предикативных заголовков на русском языке, объяснение на русском языке сложных и редко употребляемых слов – «малосольные огурцы» и т. п.

Список литературы

1. Алексеева М. Е. Особенности языка израильской газеты как лингвистического источника // *Europeanresearch*. – 2014. – № 1 (1).
2. Алишина Х. Ч. Проблемы развития национальной культуры и родного языка сибирских татар. – Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. – Материалы Всесоюзной научной конференции. Тезисы докладов. / Электронный ресурс. Дата обращения: 10.07 2016 г. <http://tatarica.narod.ru/cult/library/book/sebirtat/sebir03.htm>
3. Алишина Х. Ч. Адаптация русских слов в говорах татарского языка // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 19–21 окт. 2012) / Под общ. ред. Р. Р. Замалетдинова. – Казань, 2012. – С. 21–24.
4. Алишина Х. Ч. Газета «Янарыш» – зеркало духовной жизни сибирских татар региона / Х. Ч. Алишина // Культура: личность, общество : материалы Всерос. науч.-метод. конф. (Тюмень, 21–23 марта 1996) / Науч. ред. В. В. Попов; Тюм. гос. Ин-т искусств и культуры. – Тюмень, 1996. – С. 110–112.
5. Алишина Х. Ч. Азат Сагитов – первый редактор областной татарской газеты «Янарыш» / авт.-сост. Х. Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2011. – 75 с.
6. Алишина Х. Ч. Эпоха «Янарыш» в духовной культуре сибирских татар / Х. Ч. Алишина // Тумашевские чтения : актуальные проблемы тюркологии : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 15 окт. 2009 г.). – Тюмень, 2009. – С. 311–316.
7. Володина М. Н. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – Изд-во Московского университета, 2003. – Т. 2.
8. Гайнутдинова Г. Р., Гараева Л. Ф. Заимствованная лексика в публикациях Ф. Туктарова и ее перевод на русский язык // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2013. – № 1 (19).
9. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // *Русский язык в школе*. – 1994. – № 6. – С. 56–63.
10. Линь Х. Современные источники заимствований в региональной прессе // *Наука и современность*. – 2014. – № 28.
11. Миннуллин Б. К. Язык газеты «БорханеТаракки»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Казань, 2010.
12. Москалёва Е. В. Публицистический текст как объект исследования прагматики // *ВЕСТНИК*. – 2006. – С. 238–242.
13. Москалёва Е. В. Публицистический текст как объект исследования прагматики // *ВЕСТНИК МичГАУ*. – 2006. – С. 238.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКОЙ ПРЕССЫ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

---

14. Проценко Е. А. Современные исследования иноязычной и заимствованной лексики (обзор диссертационных исследований XXI века) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2.

15. Юсупова А. Ш. Русские заимствования в татарском языке: особенности их функционирования // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012. – С. 36–41.

Список литературы

1. Газета «Янарыйш», выпуск № 26 от 24 июня 2016 года.
2. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 1308 с.
3. Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.tatar/> (дата обращения: 01.07 2016 г.).
4. Татарский национальный корпус [Электронный ресурс]. URL: http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 01.07 2016 г.).
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://fasmerbook.com/link.htm> (дата обращения: 11.06 2016 г.).
6. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка // СПб.: Издание В. И. Губинского, 1894. – 1004 с.

References

1. Alekseyeva M. E. Features of Israel newspaper language as a linguistic source, *European research* 12 (2014).
2. Alishina Kh. Ch. Problems of development of national culture and language of the Siberian Tatars, *Ethnic and socio-cultural processes of the peoples of the Soviet Union* (Omsk, 1990).
3. Alishina Kh. Ch. Adaptation of Russian words in the dialects of the Tatar language. The preservation and development of native languages in a multinational state: problems and prospects (Kazan, 2012), p. 21.
4. Alishina Kh. Ch. «Yanarysh» – a mirror of the spiritual life of the Siberian Tatars in the region, *Culture: individual, society: Proc. scientific-method. Conf.* (Tyumen, 1996), p. 110.
5. Alishina Kh. Ch. Azat Sagitov – the first editor of the regional Tatar newspaper «Yanarysh» (The printer, Tyumen, 2011), p. 75.
6. Alishina Kh. Ch. «Yanarysh» in the spiritual culture of the Siberian Tatars, *Tumashevskie readings: actual problems of Turkic Studies* (Tyumen, 2009), p. 311.
7. Volodin M. N. Language of media as an object of interdisciplinary research (Publishing House of Moscow University, Moscow, 2003).
8. Gainutdinova G. R., Garayev L. F. Loanwords in publications F. Tuktarova and its translation into Russian language, *Philology. Questions of theory and practice*, № 1 (2013).
9. Krysin L. P. Foreign words in the context of contemporary social life, *Russian language at school*, № 6 (1994), p. 56.
10. Minnullin B. K. Language of newspaper «Borhane Tarakki» (Kazan, 2010).
11. Moskalyova E. V. Journalistic text as an object of study of pragmatics, *HERALD* (2006), p. 238.
12. Protsenko E. A. Modern foreign language study and borrowed vocabulary (review of the dissertation research of the XXI century), *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication* № 2 (2012).
13. Yusupova A. Sh. Russian loans in the Tatar language: the characteristics of their operation, *In the world of science and art: Philology questions, art and culture* (Sibak, Novosibirsk, 2012).

Sources

1. Newspaper «Yanarysh», № 26, 24 June 2016.
2. Komlev N. G. Dictionary of foreign words (Eksmo, Moscow, 2006).

3. Corpus of Written Tatar [electronic resource]. URL: <http://corpus.tatar/> (reference date: 01.07 2016).
4. Tatar National Corpus «Tugan tel» [electronic resource]. URL: http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/?interface_language=ru (reference date: 01.07 2016).
5. Vasmer M. Dictionary of Russian language. [Electronic resource]. URL: <http://fasmerbook.com/link.htm> (reference date: 11.06 2016).
6. Chudinov A. N. Dictionary of foreign words included in the Russian language (SPb, 1910).

Isakova A. A. Russian loanwords in the tatar language of tyumen region press / A. A. Isakova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 337–346.

The article considers the peculiarities of Russian loans in the Tatar language of the press as an example of regional Tatar newspaper «Yanarysh». 86 borrowed lexemes have been revealed in the text of the Tatar newspaper «Yanarysh» (edition №26, June 24, 2016), four predicative header presented entirely in Russian.

According to the corpus It was found the next frequency Russian loanwords at 26 million (TNCs) and 116 million (PC) lexemes, respectively, highlighted the most common Russianisms in the newspaper «Yanarysh». Studied etymology identified borrowings. Identified borrowing were grouped into the following thematic groups: Creativity, Industrial and other facilities, Profession, position, Food, Time, Mass celebrations, Administrative-territorial units, Industry and industrial objects, Economy, Household items, Proper names, The extent and assessment unit, Measures space and weight, the size, Science, Substance.

The largest – «Social and political vocabulary». The investigated Russianisms presented few etymological groups, the most extensive of which – borrowing directly from Latin and means Polish, German, French, Italian and English.

According to the corpus, the highest frequency of word usage (> 500) in the following Russian loans: June, regional, festival, committee, the coordination, the council, the governor, the tradition, the national anthem, humanitarian, item, machine, journalist, producer, citizens, foundations, rating, expert, March, investment, project, plan, industrialists, object, alcohol, concentrate, plant, park, hectare, the company canned food, industry, medicine, club, theater, workshop, folklore ensemble, a concert, a program area, ton, an incentive, a newspaper, popular, recipe, bank, package.

These lexemes are active not only in the dictionary of Tatar newspaper text, but also in colloquial speech of Tatar language. Besides It is important to study and identify the most frequency of borrowing, since it allows to figure out which ones are included in the active vocabulary of native speakers, and which relate to passive vocabulary and can be replaced with the words of the native language.

Keywords: Russian borrowings, Tatar, Tatar language newspaper, Tatar National Corpus «Tugan tel», Corpus of written Tatar.

УДК 81.21

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ «КИҢӘШ», «КОРЫЛТАЙ» И «ИЛ»

Алеева Г. У.

Казанский государственный университет, Казань, Татарстан, Россия

E-mail: 2450774@mail.ru

В статье рассматриваются процесс изменения и этапы развития общественно-политической лексики татарского языка на примере нескольких лексем. Анализ по ним проводится в сравнительно-историческом аспекте на материале тюркских языков. Путем сравнительного исследования историко-генетических пластов ОПЛ татарского языка прослежена исконность или заимствованный характер названий. Анализ показывает, что на определенном отрезке времени эти лексемы расширяют свое первоначальное значение и начинают обозначать новые понятия.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, ил, корылтай, кинәш.

Каждый язык имеет свою историю и развитие. В истории взаимоотношений любого народа с другими есть свои этапы. Так и общественно-политическая лексика татарского языка находится в процессе изменения и в своем развитии прошла несколько этапов. Этот путь, как известно, называется историческим. В татарском языке прослеживается развитие от общеалтайского через общетюркский к татарскому языку.

Путем сравнительного исследования историко-генетических пластов общественно-политической лексики татарского языка нами сделана попытка проследить исконность и заимствованный характер названий. Однако в прослеженные нами в этимологических и других словарях сведения не всегда являются исчерпывающими, они порой даже противоречивы.

В процессе этимологических исследований и сравнительно-исторического анализа в общественно-политической лексике татарского языка выделяются четыре основных историко-генетических пласта: 1) общеалтайский, 2) общетюркский, 3) собственно татарский, 4) заимствованный пласт.

Выбранные нами слова *киңәш*, *корылтай*, *ил* относятся к общетюркскому пласту.

Киңәш («совет») – 1) распорядительный или совещательный орган при каком-либо учреждении, организации; *институтның гыйльми советы* «ученый совет института»; 2) название некоторых органов государственного управления, состоящих из выборных или назначенных лиц и имеющих руководящее значение в жизни государства или какой-либо его отрасли. *Дәүләт Советы Рәисе Ф. Мөхәмәтшин Республика югары уку йортлары ректорлар киңәшмәсендә катнашты* [МЖ, 2009, 13 февраль].

Слово *киңәш* является общетюркским. Оно встречается в татарских диалектах, в башкирском языке в форме *кәңәш*, в чувашском языке *канаши*. В государстве Волжской Булгарии данное слово обозначало название общественного органа. Данное слово в древнетюркском языке образовалось от *кәңэ-*, *кэйңэ-*: *киңәш биру* (давать совет), *киңәшләшү* (советоваться), *киңәшсорау* (обратиться за советом). Этот глагол образован от слова *киң*, *кэйең* «советник хана».

В старину важнейшие вопросы как внешних, так и внутренних отношений обсуждались и решались на совещаниях знати. Понятие «совет, совещание» в ранних старотюркских письменных источниках выражается исконным словом *кэнаш* [МК, III, 37]. В первый раз это название встречается в словаре М. Кашгари (XI в.). Оно там зафиксировано в форме *кеңәш* (в значении «совет») [ДТС, 1969, 299]. В Codex Cumanicus (1303), в «Ат-тухфа» наблюдаются глагольные формы *каниш-* и *кинкаш-* («просить совета, советовать»). В словаре И. Гиганова (1801) дано в форме *кинаш*. В словаре Н. П. Остроумова (1876) это слово зафиксировано в форме *киняш* (в значении «советоваться, совещаться»), у А. Воскресенского (1894) – в форме *киняш*.

Это слово также зафиксировано Ибн Фадланом в составе угузского титула *күрәз-кин* < *күзәр киң* (в значении политического советника), в дастане Идегей *Киң Жанбай* (в значении советника Туктамыш-хана); по утверждению А. Мухаммадиева, данное слово встречается на монетах написанных на древнехорезмском алфавите в Волго-Уральском регионе; А. Мухаммадиев это слово рассматривает как однокоренное от английского *киң* < *кайң* («король») и немецкого *кёниг* (> рус. *князь*) и предполагает, что данную лексему древнегерманские народы заимствовали у хуннов [Мухаммадиев, 2000, 86–87]. *Киң* в значении «король» также имеет место и у сибирских татар, встречается также в составе слов *кәңгел* («добродушный, щедрый»), *киңә*, *кәйңә* (предупреждение: «куркытып эмер биру»).

Имеет место в орхоно-енисейских памятниках форма *кэнгу* в значении одного титула. Р. Ахметьянов рассматривает его также как синоним слова *шаньюй* «император» (*кэнгу* > *чэнгу* > *шэньу* «шаньюй»), которое встречается в древнем фольклоре. *Киң* (в значении «патша, император») употреблялось в составе слова *чынгыз* (в основе *чэнгиз* < древ. уйг. *кэнгиз* «правитель») [Ахметьянов, 2001, 106]. В современном татарском языке функционирует в значении: 1) совещание; 2) совет, совещательный орган [ГТАС, 2005].

В «Татарско-русском словаре» слово *киңәш* имеет 3 значения: 1) совет; 2) наставление; 3) совет, совещание [ТРС, 2002, 164].

С небольшими фонетическими изменениями слово употребляется в следующих тюркских языках: татарском – *киңәш*, ногайском – *кенъес*, башкирском – *кһһһи*, карачай-балкарском – *кенгеш*, азербайджанском – *кенеш*, кумыкском – *генгеш*, каракалпакском – *кеңес*, узбекском – *кенгаш*, туркменском – *геңеш*, уйгурском – *кеңәш*, казахском – *кеңес*, киргизском – *кеңеш*, чувашском – *канаш*.

Слово *киңәш* (полит.) встречается в 13-ти из изученных нами 18-ти тюркских языков.

Корылтай («съезд») – 1) встреча какой-либо группы людей, общества (обычно торжественная, с большим числом участников); 2) большое собрание представителей многих государств и стран. *12–16 декабрьдә Казанда Бөтендөнъя татар конгрессының IV корылтае үткәреләчәк* [МЖ, 2007, 7 декабрь]; *Корылтайда Бөтендөнъя татар конгрессы башкарма комитетының яңа җитәкчелеге дә сайланачак* [МЖ, 2007, 7 декабрь].

Данное слово в смысле «собрание» первоначально зафиксировано в «Огуз-наме», а в других старотюркских памятниках оно нами не выявлено. В словаре И. П. Берез-

гина (1914) это слово зафиксировано в виде قوريلتاي *курултай* в значениях: 1) общее собрание; 2) общий совет; 3) сбор частей.

Эта лексема была широко распространена во времена правления Чингизхана (*курултай* < монг. *хурылтай*, *хурилтай*) и имела значение «большое собрание, курултай, где присутствовали представители законодательной и исполнительной власти» (монг. *хурал*, *хурил* «собрание, съезд, заседание» и *-тай* – суффикс). Тюркским эквивалентом является *карын* < *курун*, *курум* в значении «круглый стол» [Ахметьянов, 2001, 113].

У Чингизидов термин *курултай* (*qurilta*) обозначал «великий сейм, на котором в присутствии царевичей Чингизидов, знатной феодальной верхушки, военачальников происходило торжественное провозглашение главы всей монгольской империи» [Козин, 1941, 282; Бартольд, 1963, 63, 64].

После создания Джучидского, Чагатайского и других улусов проходили улусные, удельные курултаи, на которых уже провозглашались улусные ханы. Первый курултай в Средней Азии был созван весной 1259 г. на р. Талас под главенством внука Угэдэ Хайду [Бартольд, 1963, 69].

При сельджукидах, когда умирал султан, вопрос престола обсуждался на курултае, где собирались представители огузских племен [Горделевский, 1941, 59]. Как правило, «кандидаты на престол намечались заранее, а на курултае происходил не акт избрания, а акт торжественного провозглашения; кто не хотел подчиняться, тот вообще не являлся на курултай» [Бартольд, 1963, 743].

По мнению Г. Дерфера, *курултай* является производным от монгольского слова *курул* («собрание, сборище») при помощи суффикса *-тай* [Дерфер, I, 435].

В настоящее время слово *курултай* активно употребляется и зафиксировано во многих современных словарях татарского языка.

В «Татарско-русском словаре» лексема *корылтай* представлена в значении «курултай, съезд, народное собрание» [ТРС, 2002, 174].

По нашим материалам, лексема *корылтай* в значении «съезд» с небольшими фонетическими изменениями встречается в 6-ти из изученных нами 18-ти тюркских языков и в 2-х монгольских языках. Таких, как: татарский – *корылтай*, башкирский – *iorолтай*, азербайджанский – *гурултај*, узбекский – *јурултои*, туркменский – *гурултай*, турецкий – *kurultay*, монгольский и калмыцкий – *хурул*.

Ил («страна») – 1) местность, территория, выделяемая по географическому положению и природным условиям; 2) государство, страна, имеющая определенное управление. *Илдә урнаштырылган бүгенге* («суверен демократия»); *шартларында нәтижәләр башкача була да алмый* [МЖ, 2007, 7 декабрь]. *Рәсми даирәләр күпмилләтле һәм күпконфессияле илдә жәмгыятьчелекне толерантлыкка да чакыра* [МЖ, 2008, 6 июня].

В современном татарском языке слово **ил** используется в таком же значении, этот же вариант слова присутствует и в башкирском языке, а в казахском и каракалпакском языках слово *ил* имеет форму *ел*, в ногайском – *эл*, в узбекском – *эл*, в уйгурском – *эл*.

По нашим материалам, слово *ил* встречается в 7-ми тюркских языках из изученных нами 18-ти, имея одинаковую основу с небольшими фонетическими изменениями.

Общетюркское слово *эл, ил* («страна, народ; мир») встречается в текстах Орхон-енисейских памятников: *Бэнгу ил тута олур тачы сэн* (Ты вечно можешь править страной) [Большая надпись...; 2004, 18].

В древнетюркских памятниках, как можно судить по «Древнетюркскому словарю», данное слово имеет значение «племенной союз, народ, государство» [ДТС, 1969, 168–169]. Современное значение этого слова совпадает с древнетюркским, однако в фонетическом отношении произошел сдвиг в шкале гласных татарского языка.

В татарском и башкирском языках слово *ил* является довольно продуктивной основой, но некоторые дериваты образованы нерегулярным путем. Если образование слова *илче* (башкирское *илсе*) < общетюркское *элчи* («посланник, посол») совершенно ясно, то этого нельзя сказать относительно татарского, башкирского *иләү, илу* («община»), *иләмән* («руководитель страны, общины») (см. посл.: *Агай илдә иләмән, юлда юламан, кырда Сөләйман*. – Крестьянин в общине – руководитель, на дороге – проводник, на поле – пророк Соломон). Эти слова в других тюркских языках встречаются не часто [Ахметьянов, 2005, 67].

Общекыпчакскими образованиями (композиатами) являются татарское, башкирское *илгизәр* < *элгеззәр* («путешественник»), *илбашы* ~ *элбашы* («вождь, руководитель страны»), *илбасар* ~ *элбасар* («захватчик») и пр.

В ранних старотюркских памятниках это слово нередко представлено в значении «государство, народ, страна» [МК, I, 83]. Государство Караханидов, Тимуридов опиралось на систему удельного управления. Удел, округ или область как и страна, государство назывались *эл/ил* [Кб, 48, 16]. Часто данное слово употребляется в значении «народ всего государства» [Поппе, 1985, 119]. Изредка оно обозначает «власть» [МК, II, 32], зафиксировано в «Тефсире» [9, I: 98]. Значение «мир, согласие», имеющееся в слове *эл/ил*, отмечается у Ю. Баласагунского. Встречается и в поэмах Мухамедьяра *ил* («страна, государство, местность») [Кадилова, 2001, 155]. В современном татарском языке слово *ил* имеет значение «страна», и оно совпадает с древнетюркским.

Оно также встречается в памятнике XIII в. в начертании *ил* (ایل, ایل), в значениях: 1) мир (*против войны*); 2) страна, область, территория, край, населенное место. В этих же значениях: в словаре Махмуда Кашгари – *эл, элиг*; Codex Cumanicus (1303) – *ел, ил* < *el [al]* («народ, страна») [Махмутова, 1982, 94]; в приложении к грамматике Л. М. Лазарева [Лазарев, 1864, 65] – *эл, эйел* («страна»); татарское, башкирское – *ил*, ногайское – *эл*, кумыкское – *эл. элик*; казахское – *ел, елдiк* [Журышжанов, 1970, 116].

В словарях И. Гиганова (1801) и Н. П. Остроумова (1876) слово *иль* обозначает «селение, населенный пункт». В татарском литературном языке оно обозначает «государство, отечество, родина». Это слово в значении «деревня, селение» употреблялось и в татарских письменных памятниках и сохранилось в топонимии: *Муллиле, Казиле, Кариле, Чуриле*. Отсюда вывод, что лексема *ил* в значении «селение», «село» существовала в языке волжских булгар и народов Казанского ханства. Исходя из это-

го, данное слово не только диалектное, но и относится к разряду устаревших слов [Саттаров, 1989, 160].

Данное слово встречается в диалектах и фольклоре в значении «деревня, село» [ДС, III, 59-60], «мир, мирно, дружно» в словарях [Л. З. Будагов, I, 203–204; В. В. Радлов, I, 803, 805; ЭСТЯ, I, 339–343], также в трудах учёных [Мухаммедова, 1973, 94; Гумилев, 1964, 100–102; Ахметьянов, 1989, 107].

Слово *ил* (в собственно татарском звучании) известно в языке живших до нашей эры среднеазиатских гуннов. Еще в те времена означало «государство, мирный путь». Встречающееся в татарских говорах слово *ил* – в значении «мир, благополучие, безопасность», когда спрашивают о событиях в мире: «илме – яумы?» («мир или война?»). Зафиксировано оно еще в Орхонских письменах: *ил такы (тагы) ил болды*. В татарском языке сохранились возникшие еще в древнетюркском языке и относящиеся к государственности следующие выражения: *ил-көн* («население»), *ил-күз* («рабочая сила страны (налогоплательщики)'), *ил-су* («цивилизованное население государства и его армия») и т. д.

При помощи персидского суффикса *-дар* в татарском языке образовано имя собственное *Илдар* («человек который имеет свою страну, гражданин страны»).

В «Татарско-русском словаре» к лексеме *ил* дано 6 значений: 1) страна; 2) родина; 3) край; 4) *диал.* деревня, село; 5) народ, мир, общество; 6) *прил.* мирской [ТРС, 2002, 109].

Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что на определенном отрезке времени это слово расширило свое первоначальное значение и начало обозначать новые понятия.

В заключение можно отметить, что в общественно-политической лексике общетюркский пласт занимает значительное место, которое характеризуется тем, что основные названия явлений и др. встречаются во всех или во многих языках, в том или ином фонетическом варианте. У многих из них прослеживается интересная судьба, что было рассмотрено выше.

Список литературы

1. Ахметьянов М. И. О лексике татарских эпитафий XVII–XVIII вв. / М. И. Ахметьянов // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников: сб. ст. – Казань, 1983. – 69–75.
2. Ёхмётъянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сызлеге / Р. Г. Ёхмётъянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
3. Ёхмётжанов Р. Г. Татар теленең этимологик сызлеге / Р. Г. Ёхмётъянов. – Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. – 233 с.
4. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения – Т. I. / В. В. Бартольд. – М.: Наука, 1963.
5. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: в 2-х т. / Л. З. Будагов. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1869. – Т. 1. – 810 с.; – СПб.: Тип. Акад. наук, 1871. – Т. 2. – 415 с.
6. Гумилев Л. Н. Древние турки. / Л. Н. Гумилев. – М.: Наука, 1964.
7. Doerfer G. Türkische Elemente im Neupersischen. Alif bis ta. Bd. 2. Wisbaden, 1965.
8. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

9. Кадилова Э. Х. Поэмы Мухаммадьяра «Тухва-и Мардан» и «Нур-и Содур»: Лексика. / Э. Х. Кадилова. – Казань: РИЦ «Дом печати», 2001. – 232 с.
10. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник: в 2 т. / С. А. Козин. – М.-Л., 1941. – Т. I. – 135 с.
11. [МК] Кошгари М. Девону лугот-ит турк: 3 томда / М. Кошгари. – Ташкент: Узбек. ССР ФА, 1960–1963.
12. Махмутова Л. Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Sumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) / Л.Т. Махмутова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка: Сб. ст. / Отв. ред. Д. Б. Рамазанова. – Казань, 1982. – С. 68–153.
13. Мухаммадиев А. Хунны и Туранские писмена. – Казань, 2000. – С. 86–87.
14. Мухаммедова З. Б. Исследование по истории туркменского языка XI–XIV веков. / З. Б. Мухаммедова. – Ашхабад, 1973.
15. Поппе Н. Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб. – Ч. I–II. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1985. – 451 с.
16. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: Т. I–IV. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1893–1911.
17. Саттаров Г. Ф. Исеме матур, кемнәр куйган? / Г. Ф. Саттаров. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 255 с.
18. Татар теленәһ аһлатмалы сызлеге / Баш редактор Ф. Ғ. Ганиев. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
19. Татарско-русский словарь / Под. ред. Ф. А. Ганиева. – Казань: Татар. кит. нәшр., 2002. – 488 с.
20. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 804 с.

Aleeva G. U. Comparative historical and etymological characteristics of the words «Kinash», «Kuryltai» and «Il» / G. U. Aleeva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 347–352.

Socio-political vocabulary the Tatar language is in the process of change and its development passed through several stages. This way, as you know, is called historical. In the Tatar language traces the development from absentismo through Turkic to Tatar language.

Through a comparative study of historical and genetic reservoirs of public and political vocabulary of the Tatar language us attempts to trace the ancestral and derived character names. However, in the us is traced in the etymological and other dictionaries, the information is not always exhaustive, they are sometimes even contradictory.

In the process of etymological research and comparative historical analysis in the social and political vocabulary of the Tatar language there are four main historical-genetic layers: 1) almaatinskiy, 2) common, 3) actually Tatar, 4) derived layer.

The chosen words kinash, karaltay, il belong to the Turkic layer.

Our study is conducted on the material 18 of the Turkic languages and the sources from, Orkhon-Yenisey monuments to the materials of today

In socio-political vocabulary the common layer occupies a significant place, which is characterized in that the main titles etc. phenomena occur in all or many languages, in a particular phonetic variant.

Keywords: socio-political vocabulary, il, karaltay, kinash.

УДК 811.512.145'161.1'367.633

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Алиева В. Н.

*Таврическая академия ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»*

E-mail: vasfiye.ali@gmail.com

В данной статье анализируются особенности классификации и образования послелогов и предлогов в крымскотатарском и русском языках. Отмечается, что послеложное управление в тюркских языках отличается своеобразием, поскольку послелог не обладает в полной мере семантической самостоятельностью. В результате перехода слова из одной части речи в другую (диахронной трансформации) исходное слово и трансформант образуют функциональные омонимы. Данные единицы мы определяем как генетически родственные слова, состоящие из исходного слова и трансформанта, имеющие, как правило, одинаковый звуковой (в большинстве случаев – и графический) облик, но отличающиеся комплексом дифференциальных признаков.

Ключевые слова: послелог, предлог, диахронная трансформация, эмиграционный потенциал, иммиграционный потенциал, препозиционализация, послеложное управление.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом настоящей работы являются часть послелогов в крымскотатарском языке и предлоги, образованные путём диахронной трансформации в русском языке.

За последние годы тюркологами проделан значительный объём работы по изучению категории послелогов (см. научные труды Н. А. Баскакова, Н. К. Дмитриева, Ф. Р. Зейналова, В. А. Исенгалиевой, А. Н. Кононова, А. А. Кокляновой, Дж. Мураталиевой, Т. М. Тошакковой, Х.-М. И. Ходжилаева и др.), однако отметим, что в крымскотатарском языке данная проблема специально не исследовалась.

Несмотря на то что русские предлоги были объектом специального изучения (см. работы Н. И. Астафьевой, В. С. Бондарко, Н. И. Букатевича, И. Р. Выхованца, Ю. Г. Скибы, В. М. Глухих, И. М. Ермоленко, П. С. Жгенти, Г. Н. Золотовой, Е. П. Калечиц, Н. А. Каламовой, А. М. Финкеля, Е. Т. Черкасовой; функционально-грамматическое описание русских предложных единиц М. В. Всеволодовой, О. В. Кукушкиной, А. А. Поликарпова и монографию З. Д. Поповой, изданных в последнее время), они исследованы недостаточно. Причин этого, на наш взгляд, немало: предлоги и послелог относятся к сфере служебной лексики, но по частотности употребления и по способности участвовать в передаче разнообразных отношений объективной действительности занимают особое положение.

Цель статьи – рассмотреть процессы образования и классификации послелогов и предлогов в крымскотатарском и русском языках. Принципиальной разницы между грамматическими функциями исследуемых единиц не наблюдается. Функционирование послелогов в крымскотатарском языке связано со словопорядком в предложе-

нии: подлежащее – дополнение – сказуемое; в русском языке, где преобладает категория предлога, наблюдается иная схема: подлежащее – сказуемое – дополнение.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Послелогии, как известно, употребляются во всех тюркских языках, основной базой для них послужили знаменательные слова, которые, постепенно грамматикализуясь, утратили свою самостоятельность. Послелогии могли образоваться не от каждого знаменательного слова: прежде всего это были лексемы со сравнительно широким значением, в семантике которых была заложена релятивность; часть послелогов возникла из слов со значением названий человеческого тела, его одежды и повседневной деятельности (например, *бурун – нос, этек – подол* и другие) [15, с. 12; 2, с. 9].

В результате утраты знаменательности и усиления формальной стороны слова, перешедшие в послелог, становятся выразителями синтаксических отношений, подобных отношениям, выражаемым падежными аффиксами. Это сходство послужило в своё время основанием для отождествления послелогов и падежных показателей. Ещё в «Общей грамматике турецко-татарского языка» М. Казем-Бека к послелогии относят и «буквы или слоги, характеризующие падежи, а также служебные имена, вспомогательную частицу» [6, с. 356]. Иосиф Гиганов около двух веков назад, описывая татарские послелогии, «послеположения» по его терминологии, относил к ним части, которые, употребляясь после имён, местоимений, причастий, «управляли падежами оных» [3, с. 178]. В состав простых «послеположений» наряду с послелогии он включал и аффиксы падежей: дательного, местного, исходного [3, с. 186].

Являясь средством связи слов в предложении и выражая разную соотносённость между членами предложения (объектную, обстоятельственную и др.), послелогии тесно связаны с падежной системой. Однако послелог – это слово, обладающее специфическим лексическим значением. В предложении единицы данной категории выступают в сочетании с каким-либо словом, чаще с именной частью речи, образуя с ним единый член предложения и намного увеличивая «возможность выражения различных нюансов значений» [12, с. 17]. Ряд послелогов, теряя своё лексическое значение, максимально приближается по своим синтаксическим признакам к падежным аффиксам, тем самым увеличивая число «агглютинативных прилеп», а значит, и укрепляя агглютинативный строй языка. Развитие падежных аффиксов из послелогов – явление, характерное не только для тюркских языков. П. С. Кузнецов в «Очерках по морфологии праславянского языка» связывает происхождение падежных формантов со служебными частями речи [9, с. 43–48].

В тюркологии существует несколько классификаций послелогов, которые производятся по следующим признакам: этимологическая природа послелогов; степень их грамматикализации; падежное управление послелогов, то есть учитываются лексико-семантические, морфологические и синтаксические особенности данных слов.

Послеложное управление в тюркских языках отличается своеобразием, поскольку послелогии не обладают в полной мере семантической самостоятельностью, а значит, не имеют возможности образовать словосочетание. Однако послелогии являются тем

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

компонентом, который, управляя словами в определённой падежной форме (в крымскотатарском языке – это основной падеж и родительный падеж местоимений, дательно-направительный и исходный падежи), связывает их с членами предложения. Подчинённая часть словосочетания выражается именами и субстантивированными словами, управляющая часть – спрягаемыми глаголами, глагольными формами и послелогоми. Как известно, способность к управлению в меньшей степени присуща именам, наречиям и местоимениям. Отметим, что именные словосочетания с подобным видом управления наблюдаются реже, чем глагольные.

Послеложное управление в крымскотатарском языке – распространённое языковое явление. Послелог в данном словосочетании является важнейшим элементом, что не мешает ему оставаться вспомогательным средством, так как основное значение выражается посредством семантики и грамматической формы стержневого компонента. Исходя из этого, некоторые лингвисты считают, что к вопросу «об управлении стержневых слов послелогоми следует подходить с некоторой осторожностью» [11, с. 11]. Вероятнее всего, данные слова, будучи самостоятельными и полнозначными, обладали функцией управления каким-либо падежом, подобную способность они сохранили и в служебной форме. При этом наблюдается своеобразное перераспределение: слово-доминанта, подчиняющее и требующее определённого падежа имени существительного, выступает в качестве вспомогательного средства (послелога), в котором первичная форма сохранилась в застывшем виде, содержание же полностью изменилось [11, с. 12]. Таким образом, исключение словосочетаний со служебными словами (в данном случае – послелогоми) «представляется нецелесообразным: 1) поскольку служебные слова признаются *словами*; 2) поскольку граница между ними и знаменательными часто является зыбкой при процессе грамматикализации знаменательных слов в служебные» [4, с. 5–6].

По мнению А. С. Аманжолова, «становление категории управления связано, в первую очередь, со специализацией винительного падежа в качестве падежа прямого управления при переходных глаголах и, соответственно, с выделением объектных связей из определительно-обстоятельственных связей... В памятниках древнетюркской письменности уже обнаруживается дифференциация объектных и определительно-обстоятельственных связей...» [1, с. 16]. В памятниках в честь Тоньюкука уже функционируют сочетания с многозначным послелогом *uza* [5, с. 66]. Таким образом, послелогои употребляются после управляемых ими слов и служат для выражения объектно-субъектных и определительно-обстоятельственных отношений, которые в крымскотатарском языке мало изучены.

При анализе тюркских послелогов предлагаются разные классификации, которые учитывают несколько дополняющих друг друга признаков: по особенностям падежного управления и по степени грамматикализации (устойчивые, неустойчивые, послелоги-аффиксы), по структуре (простые, производные, сложные) и другие. Исходя из генетических и морфологических особенностей крымскотатарских послелогов, мы выделим три группы: а) собственно послелогои (послелогои древнего происхождения); б) отыменные послелогои; в) отглагольные послелогои.

Первая группа послелогов настолько видоизменилась, что её происхождение трудно восстановить. Эти языковые единицы характеризуются потерей реальной семантики, предельным многообразием передаваемых значений, по сути они относятся к формально-грамматическим элементам, наиболее приближённым к падежным показателям. Это послелого древнего происхождения, которые совмещают самые разные значения, раскрывающиеся в составе словосочетаний. Собственно послелого тесно связаны с падежной семантикой; глагол или отглагольное имя управляет послелогом, а тот, в свою очередь, управляет падежной формой. Функционально сближаясь с падежными аффиксами, данные послелого дублируют их: *отъмекалмагъакеттим* – *отъмекалмагъичюнкеттим* (пошёл для того, чтобы купить / взять хлеб).

В крымскотатарском языке выделяются следующие собственно послелого: *иле/-ле/-нен; ичюн, сайын, таба, бери/берли, киби, отърю*.

Отымённые послелого, образованные от имён существительных, прилагательных, местоимений и наречий, генетически связаны с именами и до настоящего времени функционируют не только в качестве послелого, но и как знаменательное слово. Это следующие послелого: *сонъ/сонъра, эвель, къадар, якъын, узере/узъре, башкъа, бою, боюнджа, бурун, акъкъында*.

В этой группе мы рассматриваем и так называемые служебные имена, которые по терминологии некоторых лингвистов – послелого-имена (А. Н. Кононов), по определению Н. К. Дмитриева – служебные имена, по описанию Н. А. Баскакова – изолированные формы имён существительных, входящих в разряд послелогов. Для них характерно то, что они «в служебном (грамматикализированном) использовании, органически сливаясь с падежом и растворяя в чисто грамматических функциях своё лексическое значение, превращаются в формально-грамматический элемент, осложняющий значение падежа особыми, главным образом, пространственными значениями» [7, с. 328].

В процессе закрепления данных слов в служебной функции происходило абстрагирование значения, но оно не становилось полностью отвлечённым: его «отягощала» прежняя вещественность; «лексические значения имён, устойчиво выполняющие служебные функции, не утрачиваются, а лишь перестают быть центрами смысловой структуры» [16, с. 57]. Первоначально конкретное значение некоторых служебных имён было связано с обозначением частей тела и органов человека; они явились основой выражения пространственной ориентации. По ассоциации сходства и смежности названия частей тела переносились на предметы, окружающие людей. Для того чтобы сообщить о местонахождении предмета где-либо, за чем-либо, использовалась, к примеру, лексема *аркъасында* («за спиной кого-, чего-либо»). В других случаях стали говорить о «боке», «переде», «животе» предмета (горы, дома, реки и другие). В перечень подобных слов включаются названия частей тела и органов человека (*баш* – голова, *аякъ* – нога, *ич* – нутро, внутренности, *бурун* – нос и др.). Они дополняются элементами одежды и особенностями человеческой деятельности (*этек* – подол, *чет* – край, сторона, *удж* – край чего-либо, конец, острый [острый конец], *бой* – рост, протяжённость, длина, размер), а также группой слов со значением предела, повода, меры.

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Со временем локальные значения дополнились темпоральными: *алд* – перед; местонахождение; в современном крымскотатарском языке данное слово способно выражать и временные оттенки значений (раньше, за..., до...); ср.: *эвалдында* – перед домом; *эксааталдында* – за два часа до...; *эвининьичинде* – в доме; *бирйылыныньичинде* – за год. Образование новой лексической единицы в целом не затрагивает существования исходной лексемы, которая в своём большинстве продолжает употребляться в языке параллельно трансформанту.

Поскольку лексические значения данных слов-трансформантов тесным образом связаны с грамматическими значениями падежных аффиксов, то сочетаются они только с пространственными падежами: дательным, местным, исходным. В отличие от собственно послелогов синтаксическая связь с управляемым именем оформляется с помощью изафетной конструкции. Являясь вторым компонентом подобного сочетания, в грамматических падежах они выполняют именную функцию, а в пространственных падежах выступают в качестве служебного слова, являясь по форме существительными, а по функции – послелогоми. Таким образом, эта конструкция состоит из имени-послелога, оформленного посредством аффиксов (принадлежности и падежного): *Александровканынь четинде теренбирчукъуркъаздылар* (Йыл.). – На окраине Александровки вырыли глубокую яму; *Орман этегинде ерлешкен, кумескибикучюк тахта баракларымызда собалар гурюль – гурюляна* (Йыл.). – Печи ярко горят в наших маленьких, дощатых, подобных куриным бараках, расположенных у подножия леса.

Можно предположить, что образование послелогов отглагольного происхождения приблизительно такое же, как и у отымённых послелогов. Однако набор семантических признаков иной, так как это слова, в которых возможно развитие значений направления, цели, причины и др.

Кроме того, для отымённых послелогов характерно управление основным и родительным падежами, а для отглагольных послелогов – винительным, дательным и исходным.

Тем не менее «чёткой границы между именными и глагольными послелогоми нет вследствие того, что глагольные формы восходят к именам действия и так или иначе проявляют признаки грамматической природы» [16, с. 54–55].

Отглагольные послелогои представляют собой застывшие формы деепричастий, которые восходят к глаголам, широко употребляемым в современных тюркских языках. Большинство послелогов рунических памятников (ТРИ) VII–IX вв. отглагольного происхождения, с которым они сохраняют связь, поэтому прямое дополнение оформляется основным и винительным падежами [8, с. 201]. В крымскотатарском языке это: *коре, къаран, къарагъанда, бакъмаздан, бакъын, бакъкъанда, къаршы, догъру, отърю, даир*.

Основное отличие собственно послелогов древнего происхождения от двух других групп в том, что первые выступают только в функции служебного слова (полная грамматикализация, потеря лексической значимости), тогда как отымённые и отглагольные послелогои сосуществуют наряду со знаменательными формами (лек-

сико-грамматические омонимы послелогов). Образование послелогов из именных и глагольных основ – характерная особенность крымскотатарских послелогов.

Наблюдения над диахронной трансформацией, хотя и не имеют системного характера, всё-таки позволяют видеть общую направленность этого явления как исторического процесса. Мы воспользуемся результатами работы, проделанной лингвистами в этом направлении, и представим сложившуюся систему послелогов и предлогов, чтобы на следующем этапе рассмотреть особенности функционирования послелогов и производных предлогов, сопоставив их с исходными формами.

Обогащение производных предлогов в русском языке происходит, как известно, за счёт наречий, имён существительных и деепричастий. В зависимости от того, с какой частью речи предлоги имеют словообразовательную связь, они делятся на три группы: отадвербиальные (отнаречные), отымённые и отглагольные.

Для выражения новых явлений, понятий, отношений в языке существуют специальные средства. Одним из способов приспособления языка к выполнению новых задач является переходность как свойство языковой системы в целом. Исследуя этот процесс, лингвисты использовали разные термины для его обозначения: «переход» (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, Г. П. Павский, В. В. Виноградов, А. Я. Баудер и др.), «переходность» (А. С. Бедняков, В. В. Бабайцева, Н. А. Каламова, М. Ф. Лукин, Е. Н. Сидоренко и др.), «диахронная трансформация» (В. Н. Мигирин и др.), «транспозиция» (О. В. Скороглядова, О. М. Ким), «конверсия» (А. И. Смирницкий и др.). В последние годы используются чаще два первых термина, при этом в узком значении термина переходность понимается как свойство языковой системы в целом, а переход – как конкретный факт изменения лексико-грамматических свойств исходного слова и приобретение дифференциальных признаков новой части речи, то есть учитываются диахронные преобразования в слове, результатом которых будет появление функциональных омонимов. В результате перехода слова из одной части речи в другую (диахронной трансформации) исходное слово и трансформант образуют функциональные омонимы. Данные единицы мы определяем как генетически родственные слова, состоящие из исходного слова и трансформанта, имеющие, как правило, одинаковый звуковой (в большинстве случаев – и графический) облик, но отличающиеся комплексом дифференциальных признаков. Функциональные омонимы, представляющие собой совокупность слов, пополняющих данную часть речи, образуют её иммиграционный потенциал; совокупность слов, используемых в качестве исходных при переходе в другие части речи, образует её эмиграционный потенциал [Мигирин В. Н., 1971].

Иммиграционный потенциал могут иметь практически все части речи, за исключением глаголов (если не учитывать переход имён существительных в инфинитив, произошедший в дописьменный период развития языка) и имён числительных (к трансформантам причисляют только числительные *пять* и *сорок*, образдревнейшим путём перехода из имён существительных). Рассмотрим предлоги, образованные путём диахронной трансформации от разных частей речи: наречий (отадвербиальные предлоги), имён существительных (отымённые предлоги) и формы глаголов – деепричастий (отглагольные предлоги).

Формирование производных предлогов русского языка происходило и происходит за счёт препозиционализации. В предлоги перешло большое количество наречий. Предлоги наречного происхождения в русском языке являются древнейшим слоем производных предлогов. «Преобладающая часть предлогов этого типа русским языком унаследована из общеславянского фонда. Специфика образования наречных предлогов состоит в том, что по пути от имени к предлогу соответствующие формы имён существительных проходят обязательную ступень онаречивания, путь развития в этих случаях был следующий: существительное – наречие – предлог» [15, с. 26–27]. Препозиционализация наречий происходит в том случае, если наречие теряет связь с глаголом и начинает употребляться при имени существительном. Сравним:

1. *Троллейбус прошёл (как?) **мимо**, не останавливаясь.*
2. *Троллейбус прошёл **мимо** (чего?) остановки, едва притормозив.*
3. *Я зайду к тебе (когда?) **после**.*
4. *Я зайду к тебе **после** (чего?) праздника.*

В первом и третьем предложениях выделены наречия. Они примыкают к глаголам, выступают в роли обстоятельств. Во втором и третьем предложениях – предлоги, образованные в результате препозиционализации. Они превратились в служебные слова, используются при имени существительном, требуют его постановки в определённом падеже (то есть управляют им). Исходное наречие и трансформант-предлог образуют функциональные омонимы (омопару). В числе причин перехода наречий в предлоги выделим следующие: способность передавать те или иные отношения объективной действительности (временные, пространственные и др.), наличие у исходной формы и функционального омонима «семантических мостиков», то есть способности наречия и предложного сочетания имени существительного (местоимения) передавать одинаковые отношения: временные, пространственные и т. д.; комплетивность наречной лексемы, восполнение которой «переводит» слово из полнозначного в служебное – предлог. Таким образом, лексическая полнота наречий, их автосемантичность являются фактором, препятствующим переходу в предлоги, наоборот: высокая абстрактность, потребность в восполнении значения наречий способствуют диахронной трансформации [Сидоренко И. Я., 1992].

Переход имён существительных в предлоги – один из интересных и дискуссионных процессов. По мнению Е. Т. Черкасовой, в разряд предлогов переходят лишь те существительные, в которых содержится «оттенок релятивности, а также существительные, в значении которых при определённых условиях такой оттенок развивается» [14, с. 76]. В имени существительном при его переходе в предлоги происходят следующие изменения: исходное слово при диахронной трансформации теряет номинативность (значение предметности) и становится средством выражения релятивности. В семантике слова происходят существенные сдвиги. На базе значения имени существительного развивается значение предлога. Это качественно новое значение, не соотносительное с лексическим. Значение в целом передаёт не предлог, а сочетание предлога с последующим именем. Однако отметим, что именные предлоги более лексичны, так как причинные, целевые и др. отношения подчеркнуты лексическим

значением именной основы (*по причине, с целью, во время* и др.). Данные предлоги наиболее активно используются в научной, публицистической и социально-деловой речи.

Например: **В силу отсутствия противоправности такое деяние не является преступлением.** – *Следует отметить, что конкурсы на получение прав недропользования в целях разработки руд проводятся только для государственных предприятий [Государство и право].*

Группа отглагольных предлогов немногочисленна: *благодаря, спустя, включая, исключая, не считая, судя по* и др. Объяснение возможности перехода деепричастия в предлоги, видимо, следует искать в контаминационном характере этого лексико-грамматического класса слов, совмещении в них некоторых признаков глаголов и наречий. Именно наречный компонент деепричастий даёт возможность этому классу слов получить право на переход в предлоги.

ВЫВОДЫ

Изучение данной служебной части речи в русском и крымскотатарском языках связано с понятием основного словарного фонда: простые первообразные предлоги и послелого древнего происхождения относятся к основному словарному фонду и имеют общенародный характер. Предлоги и послелого отличаются исключительной устойчивостью, например, в крымскотатарском языке такие послелого, как *сайын, ичюн, таба*, сохраняются на протяжении ряда эпох. Однако со временем может измениться падежное управление послелога, появляются новые слова-послелого типа *меселесинде, негизинде* и др., то есть систему послелогов нельзя считать застывшей и навсегда сложившейся, рассматривать её, как и предлоги русского языка, следует в динамике её развития.

Список литературы

1. Аманжолов А. С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников / А. С. Аманжолов. – М.: Наука, 1969. – 103 с.
2. Базарова Д. Х. Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках: Автореф. дис... канд. филол. наук / Д. Х. Базарова. – Ташкент, 1967. – 21 с.
3. Гиганов И. Грамматика татарского языка / И. Гиганов. – СПб., 1801. – 188 с.
4. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов / В. М. Жирмунский. – М.: Наука, 1976. – 696 с.
5. Ибрагимов Ф. Именное управление в современном узбекском литературном языке: Автореф. дис... канд. филол. наук / Ф. Ибрагимов. – Ташкент, 1972. – 28 с.
6. Казем-Бек М. А. Общая грамматика турецко-татарского языка / М. А. Казем-Бек. – Казань, 1846. – 457 с.
7. Кононов А. Н. Послелого // Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 312–345.
8. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
9. Кузнецов П. С. Историческая грамматика: Морфология / П. С. Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 1953. – 306 с.

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

10. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.
11. Сеидов Ю. Словосочетания в азербайджанском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук / Ю. Сеидов. – Баку, 1965. – 28 с.
12. Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков / Б. А. Серебренников. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 8–26.
13. Сидоренко И. Я. Эмиграционный трансформационный потенциал русских наречий в синхронном освещении: Автореф. дис... канд. филол. наук / И. Я. Сидоренко. – Орёл, 1992. – 19 с.
14. Черкасова Е. Т. К изучению образования русских отымённых предлогов // Исследования по грамматике русского литературного языка / Е. Т. Черкасова. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 73–139.
15. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.
16. Щербак А. М. Служебные части речи. Послелоги // Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова) / А. М. Щербак. – М.: Наука, 1987. – С. 50–92.

Aliyeva V. N. Meaning and Specific Usage of Postpositions and Derivative Prepositions in the Crimean Tatar and Modern Russian languages / V. N. Aliyeva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 353–361.

The article reviews peculiarities of forming and classification of postpositions and prepositions in the Crimean Tatar and Russian languages. It is noted that postpositions in Turkic languages are governed in a specific way because when a word changes from one part of speech to another (diachronic transformation), the source word and transformant form functional homonyms.

The units consisting of source word and transformant are determined as genetically related words. As a rule they are phonetically and in most cases graphically similar but have a different set of differential features.

Keywords: postpositions, prepositions, diachronic transformation, emigrational potential, immigrational potential, prepositionalization, postposition governing.

УДК 002.704.31

КРЫМСКИЙ ДИСКУРС В МЕДИАЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (на примере СМИ Свердловской области)

Исхаков Р. Л.

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: rafa-iskhakov@yandex.ru*

Корсаков А. Н.

*ИА «Агентство политической информации», Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: concordat1122@mail.ru*

В статье приводятся итоги мониторинга СМИ Среднего Урала по вопросам крымского медиадискурса в 2014–2016 гг. Показано, что жизнь Крыма как субъекта федерации все активнее вовлекается в жизнь других субъектов и постепенно становится привычной российской реальностью.

Ключевые слова: медиалегитимация, этническая журналистика, Сахиб-Гарей Саидгалиев, Ибрагим Факидов, постэтническая (гражданская) государственность.

ВВЕДЕНИЕ

Сложившаяся в начале XXI века геополитическая ситуация стала питательной средой для рецидива ирриденции [7, 135]. Термином «ирриденция» обозначается часть этноса, составляющая меньшинство населения в пределах одного государства, но компактно проживающая в непосредственной близости от другого государства, в котором близкий или идентичный ей народ составляет большинство. После присоединения Крыма к России независимая британская газета «The Guardian» отметила, что в политический лексикон возвращается забытое слово «ирриденцизм», а американский политолог, бывший заместитель госсекретаря США С. Тэлбот на своей странице в Twitter заявил, что В. В. Путин вынуждает вернуть в обращение слово «ирриденцизм».

Участие средств массовой информации в становлении национальной государственности представляет двуединую целостность – ее легализацию и легитимацию [8, 79–86]. То есть в основе легитимности лежит фактор признания населением страны существующей политической власти [16]. Формально как все бывшие члены ООН (в том числе СССР, Югославия, Чехословакия и ГДР), так и нынешние постсоветские государства были и являются легитимными государствами, ибо оформлены приемлемыми внутренними и внешними процедурами.

Относительно недавно в российской политической науке был введен новый термин – медиалегитимация. Теория медиалегитимации разработана в работах Д. В. Березнякова [1, 169–170] и А. И. Вертешина [3]. Медиалегитимация в широком смысле предполагает «целостный комплекс организационных и агитационно-пропагандистских мер субъектов политики в целях укрепления ими политической системы, собственной власти, ее признания в обществе на основе включения в процесс имею-

щегося медийного ресурса, в более узком – журналистскую рефлексию по поводу поддержки, или оппонирования, политических решений власти» [2, 98–107].

Этническая журналистика представлена нами как превращенная форма этнической картины мира, а система ценностей и ценностных ориентаций, этнических стереотипов находит выражение в иноязычных лингвистических нарративах [5, 10].

Функциональную роль СМИ мы обозначили термином «инклюзивность» (включенность) [10, 67–69]. Инклюзивность прессы в нациестроительство начинается на этапе формирования младоэтничности. Движущей силой младоэтнического этапа является патриотизм.

На выходе из младоэтнического этапа этногенеза появляется идея национального государства, т. е. границы государства должны совпадать с нацией (Дж. Ст. Милль, 1861). В мире должно быть столько же государств, сколько в нем различных наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а каждое государство должно строиться на национальной основе, считал швейцарский исследователь международного права И. К. Блюнчли (1870) [цит. по: 4, 237]. Поэтому многие государства всё еще находятся в начале процесса нациестроительства [16, 9–23]. Примером реализации этого полуторавековой давности принципа служат постсоветские государства Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и т. п.

Пресса постэтнических наций отражает новую национальную идентичность [12, 132–137]. Печать постэтнической нации России – это пресса *россиян*, российского суперэтноса. Основным контентом прессы постэтнических наций становится легитимация национальной государственности [9, 184–188].

Легитимация власти считается одним из базовых понятий в политологии. Она означает политический процесс, опирающийся на механизмы и приёмы, посредством которых власть, её институты и действия приобретают свойство легитимности, т. е. предстают в общественном сознании как правомерные, естественные и справедливые. К СМИ, участвующим в медиалегитимации, относят популярные и/или лояльные к власти средства массовой информации, поддерживающие развитие выбранной информационной политики и формирующие повестку дня.

Каким виден Крым с Уральских гор?

Задача нашего исследования – проанализировать процесс медиалегитимации воссоединения Крыма на региональном уровне. За основу анализа взят мониторинг СМИ г. Екатеринбурга и Свердловской области по данной теме за период с марта 2014 г. до середины 2016 г. Тема Крыма всегда актуальна для средств массовой информации Урала. В начале XXI века (2002 г.) здесь проживали представители более чем 160 народов, в т. ч. русских 4,0 млн. чел., татар – 168,1 тыс. (3,8% населения), из них крымских татар – 44 чел., украинцев – 55,4 тыс. чел. (1,2%). Представители как Урала, так и Крыма во все исторические периоды показывали примеры гражданского служения Отечеству.

Так, с Уралом связано начало революционной деятельности крымского партийного и государственного деятеля Сахиб-Гарей Саидгалиева (1894–1939) [13]. В ав-

густе 1917 года он возглавил Уральский мусульманский военный Совет, был организатором II съезда воинов-мусульман Уральской области (22–24 ноября 1917 года), который решил сформировать I Уральский революционный батальон. Председатель гарнизонного комитета и Уральского областного Совета воинов-мусульман, он был известен также и как организатор татарского книгоиздания в Екатеринбурге [12, 244; 10, 224–230]. Позже он стал председателем Совнаркома Татарской АССР (1919–1921) [ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 894, л. 15, 96–101], а затем – председателем Совета народных комиссаров Крымской АССР (1921–1924).

Иная судьба у Ибрагима Гафуровича Факидова (1906–2002) [6]. 1 августа 2016 года исполнилось 110 лет со дня его рождения. Об участнике легендарной экспедиции челюскинцев Ибрагиме Факидове писали журналисты Е. Фадеев, А. Юсин, Л. Жмырев, В. Губарев (газета «Правда»), В. Снегирев, К. Лаврова («Комсомольская правда»), Н. Кодратов («Уральский рабочий»), В. Зайцев, О. Капорейко («Вечерний Свердловск»), Н. Чапаева («Главный проспект», г. Екатеринбург), Евг. Бирюков, В. Чемезова (газета УрО РАН «Наука Урала»), И. Любарский (газета «За индустриальные кадры» Уральского политехнического института).

Ибрагим Факидов родился 1906 года в Крыму в деревне Хуру-Узень. После окончания рабфака в 1925 году Ибрагим поступил в Ленинградский политехнический институт. В Ленинградском физико-техническом институте (ЛФТИ) начал свою научную работу в магнитной лаборатории. Академик Отто Юльевич Шмидт пригласил Ибрагима на ледокол «Челюскин». Перед участниками похода ставилась небывалая задача – за одну навигацию пройти на пароходе из Мурманска во Владивосток. Однако в декабре 1933 года счастье изменило экипажу. В Беринговом проливе «Челюскин» был зажат дрейфующими льдами, которые потащили его обратно в Чукотское море. Эвакуация пассажиров и членов экипажа завершилась 13 апреля 1934 года. 11 апреля 1934 года летчик Н. Каманин предпоследним рейсом вывез Факидова. «Когда дядя Ибрагим попал в челюскинскую историю, наш колхоз переименовали в колхоз имени Челюскина», – с гордостью вспоминал племянник Факидова Шевкет Усеинович.

В 1932 году из ЛФТИ был выделен Уральский физико-технический институт, который переехал в Свердловск. Директор института академик А. Ф. Иоффе направил туда способнейших и зрелых. Поехал и Ибрагим Гафурович Факидов. Здесь он работал с 1936 по 1938 год. А потом была война... После сдачи И. В. Курчатову научного отчета Президиум АН СССР перевел его в число научных работников Института физики металлов Уральского филиала АН СССР. Ибрагим Гафурович вернулся в Свердловск. С 1946 года до выхода на пенсию в 1986 году работал заведующим лабораторией электрических явлений ИФМ УНЦ АН СССР. В последний день зимы, 28 февраля 2002 года, его не стало, он похоронен на Широкореченском кладбище города Екатеринбурга.

Поэтому тема воссоединения Крыма и России для средств массовой информации Урала – не случайная. Все исследуемые средства массовой информации были разделены на три группы (названия не типологические, а условные):

КРЫМСКИЙ ДИСКУРС В МЕДИАЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СМИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

1. «Популярные» – это средства массовой информации, которые имеют наибольшую аудиторию в медиапространстве Свердловской области, или СМИ, чья значимость и авторитет признается большинством в журналистском сообществе. Это подтверждается высокой цитируемостью данных СМИ и транзитом их новостного контента в другие источники. Исходя из этого, можно утверждать, что данные медийные ресурсы участвуют в формировании повестки дня, а в более широком смысле – участвуют в формировании массового сознания и поведения. К этой категории относятся такие источники, как «Коммерсант-Урал», «МК-Урал», «Российская газета», «Экономика УрФО», «Эксперт-Урал», «Деловой квартал», «АиФ-Урал», Россия1 (ГТРК «Урал»), «Эхо Москвы-Екатеринбург», «Бизнес ФМ-Екатеринбург», Радио КП, Znak.com, «Интерфакс-Урал», Ura.ru, e1.ru, 66.ru.

2. «Областные СМИ» – проводники информационной политики губернатора и правительства Свердловской области (ОТВ, «Областная газета», АТН, midural.ru). Роль данных СМИ – ретранслировать в общество информацию властных структур.

3. «Городские СМИ», или «Городской пул СМИ» – целый ряд источников, традиционно являющихся медийными ресурсами Администрации г. Екатеринбурга («Вечерний Екатеринбург», «Уральский рабочий», «41 канал», Ekburg.ru).

Данные мониторинга демонстрируют, что пик освещения темы присоединения Крыма приходится на 2014 год, однако очевидно, что и в последующие годы к теме сохраняется интерес.

Из диаграммы видно, что большую роль в освещении темы играли популярные СМИ и эта тенденция сохранялась на протяжении трех лет (2014 г. – 941 сообщение, 2015 г. – 567 сообщений, 2016 г. – 181 сообщение). Также особо стоит отметить, что областные СМИ и городские СМИ освещали тему на одном уровне – примерно одинаковое количество сообщений: за три года – 144 сообщения областных СМИ против 141 сообщения городских СМИ.

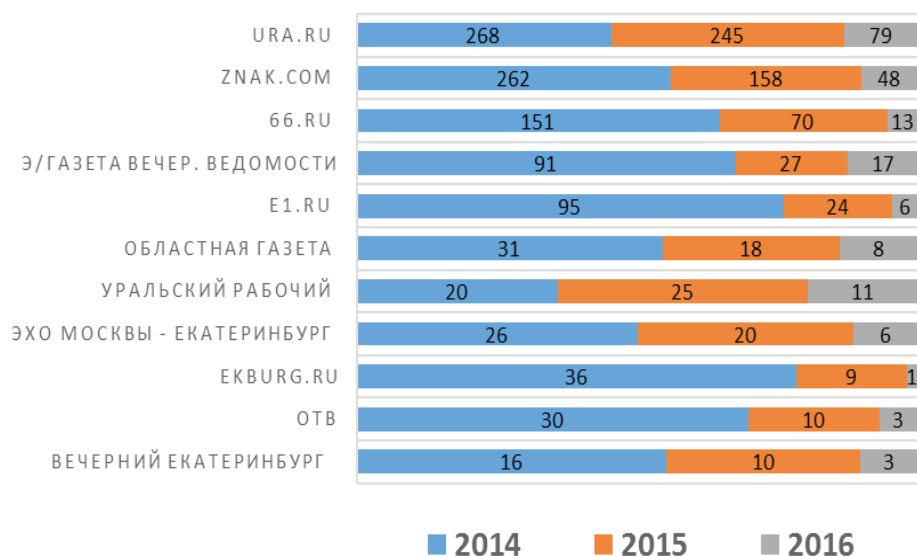
Стоит коснуться тональности и тематики сообщений СМИ.

Областные СМИ, как и следовало ожидать, акцентировали внимание на позитивных моментах. Одна часть публикаций освещала глобальные вопросы – историческая справедливость процесса, электоральная поддержка президента, перспективы. В связи с этим публиковались интервью с губернатором, депутатами, министрами и с представителями науки и бизнеса. Второй пласт материалов посвящен социальному и культурному сотрудничеству Среднего Урала с Крымом.

«Городской пул» СМИ также в позитивном русле освещал «крымский вопрос» на протяжении всего периода. Более того, нужно отметить, что материалы «городских» СМИ отличались большей эмоциональностью и аргументированностью. Что в свою очередь имеет большое значение для медиалегитимации. «Чтобы политическая информация была воспринята населением ..., она должна быть связана с аргументацией» [2, 98–107]. Городские СМИ при освещении вопроса выгодно отличались выбором агитационно-пропагандистских мер и творческим подходом к освещению событий.

В популярных СМИ спектр освещаемых событий широк – и внешнеполитические аспекты и узкорегionalные эпизоды: санкции Запада и продуктовое эмбарго; влияние на бюджет России; вопросы туризма; развитие среднего и малого бизнеса в Крыму, «миграция» жителей Урала в Крым; митинги к годовщинам присоединения Крыма; выпуск денежных купюр в честь присоединения Крыма. А такие новости, как наречение новорожденного ребенка именем Крым, просто «взрывали» региональное медиапространство.

ТОП СМИ: КОЛИЧЕСТВО ПУБЛИКАЦИЙ ПО ГОДАМ

При этом нужно отметить, что контент популярных СМИ не был однороден по тональности на протяжении всего исследуемого периода. Тенденция такова, что в 2014 году популярные СМИ освещали события преимущественно сдержанно-нейтрально и даже несколько настороженно, отмечая различные сложности и препятствия в процессе присоединения Крыма. Это было характерно как для СМИ, рассчитанных на широкие массы населения (порталы E1.ru, 66.ru), так и для СМИ с более узкой аудиторией – политически активной прослойкой населения («Деловой квартал», «Эхо Москвы-Екатеринбург», Znak.com, Ura.ru). В 2015 году появляется больше позитивных новостей. В 2016 г. уже можно отметить спокойное комментирование всех событий, связанных с Крымом.

Особо выразительно тенденция просматривается по информационной повестке одного СМИ. В течение 2014 г. материалы агентства Znak.com отличались резко негативной оценкой присоединения Крыма. В отличие от других источников СМИ стремилось акцентировать внимание только на негативных моментах. Лента агентства пестрила заголовками: «А если завтра война?» – 06.05 2014 г., «Имперский проект Путина: раздуться, чтобы лопнуть» – 02.06 2014 г., «Денег осталось только на Крым» – 03.09 2014 г., «Россия теряет миллиарды» – 26.12 2014 г. Однако в 2015 году информационное агентство резко меняет свой подход к освещению темы. Заголовки перестают быть негативно-шокирующими и все события, связанные с Крымом, освещаются более сдержанно.

И такая тенденция в освещении событий – достаточно любопытное явление в процессе медиалегитимации. Некоторые исследователи уделяют внимание неоднозначности процесса медиалегитимации в целом [18]. В частности, исходя из позиции немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, выделяют две стороны легитимации власти: «с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессии процессе коммуникаций, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями».

В медиапространстве Свердловской области мы видим обе стороны этого процесса. С одной стороны, это СМИ, с помощью которых административная власть пытается формировать общественное мнение сверху. И нужно признать, что данные СМИ, используя свои наработанные PR-методы, достаточно успешно справились с легитимацией «крымского вопроса». С другой стороны, можно видеть и СМИ, которые через поддержку власти или оппонирование ей «в свободном от всякой репрессии процессе коммуникаций» участвуют в формировании отношения населения вопросу о присоединении Крыма. Ключевой месседж, который СМИ передали населению, заключается в том, что жизнь Крыма как субъекта федерации все активнее вовлекается в жизнь других субъектов, постепенно становясь привычной российской реальностью.

Список литературы

1. Березняков Д. В. Медиалегитимация и российский политический контекст // Международный конгресс «300 лет Российской газете. От печатного станка к электронным медиа»: сб. материалов. – М., 2002. – С. 169–170.
2. Вертешин А. И. Использование журналистики при легитимации власти в период трансформации российского общества // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 1. – С. 98–107.
3. Вертешин А. И. Медиалегитимация политической власти в современной России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2009.
4. Гаджиев К. С. Политическая философия. – М.: Изд-во «Экономика», 1999. – С. 237.
5. Исхаков Р. Л. Эволюция тюркской печати в XX веке: от этничности к постэтнической идентификации. Автореф. дис. ... канд. филолог. н. – Екатеринбург, 2009. – С. 10.
6. Исхаков Р. Л. Его называли Фарадей... // Сафчишма (Чистый источник). 2011, № 2 (103), февраль : [Электронный документ]. – URL<http://tatory-urala.ru/novosti-kongressa/ego-nazivali-faradey>
7. Исхаков Р. Л. Периодика ириденды как средство внутриэтнического диалога // Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор диалога. – М.: МедиаМир, 2015. – С. 135.
8. Исхаков Р. Л. Пресса и государственность: к вопросу о легализации и легитимации государственности // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2007. – № 48. – С. 79–86.
9. Исхаков Р. Л. Пресса постэтнических наций // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 25/26. 2009. № 62. – С. 184–188.
10. Исхаков Р. Л. СМИ в механизме нациестроительства // Актуальные проблемы журналистики в условиях глобализации информационного пространства. – Челябинск: ЮУрГУ, 2008. – С. 67–69.
11. Исхаков Р. Л. Татарская книжная культура: современный взгляд. Круглый стол, посвященный 290-летию первой печатной татарской книги в России // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (114). – С. 224–230.
12. Исхаков Р. Л. Этническая журналистика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 132–137.
13. Каримуллин А. Г. Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917–1932). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – С. 244.
14. Касимов С., Мухарямов М., Сайдашева М. Сахиб-Гарей Саидгалиев. – Казань: Таткнигоиздат, 1964.
15. Кузнецов А. М. Этническое и национальное / А. М. Кузнецов // Полис. 2007. № 6. – С. 9–23.
16. Плавинский В. Б. О проблеме международной легитимации новых государств: политико-правовой анализ // Научный журнал КубГАУ, 2016, № 117 (03).
17. ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 894, л. 15, 96–101.
18. Юрьев А. И., Ханнанова Э. И. Роль СМИ в обеспечении политической стабильности в современной России: [Электронный документ]. – URLhttp://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnalapep/2016/2/politics/yuriev-khannanova.pdf

References

1. Bereznyakov D. V. Media legitimation and the Russian political context // International Congress «300 years of Russian newspaper. From the printing press to the electronic media»: materials. – M., 2002. P. 169–170.
2. Verteshin A. I. Use of journalism, the legitimation of power in the period of transformation of Russian society // Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences. 2006, No. 1. – P. 98–107.
3. Verteshin A. I. Media legitimation of the political power in modern Russia : Abstracts... d. polit. sc. SPb., 2009.
4. Gadzhiev K. S. Political philosophy. – M.: Economy Publishing house, 1999. – P. 237.
5. Iskhakov R. L. Evolution of the Turkic press in the twentieth century: from ethnicity to post-ethnic identification. Abstract. PhD in philology – Yekaterinburg, 2009. – P. 10.

**КРЫМСКИЙ ДИСКУРС В МЕДИАЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ СМИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

---

6. Iskhakov R. L. He was called Faraday...// Safchishma (Chistyistochnik). 2011, № 2 (103), February : URL <http://tatar-y-urala.ru/novosti-kongressa/ego-nazivali-faradey>
7. Iskhakov R. L. Periodical Press of theirridenta as a means of inter-ethnic dialogue/ Journalism in 2014. Media as a factor of dialogue. – Moscow: Mediamir, 2015. – P. 135.
8. Iskhakov R. L. Press and statehood: the question of the legalization and legitimization of state // Izvesyia of the Ural State University. Series 3. Social Sciences. 2007, No. 48. – P. 79–86.
9. Iskhakov R. L. Press of the Political Nations // Izvesyia of the Ural State University. Series 1. Problems of education, science and culture. Vol. 25/26. 2009, No. 62. – P. 184–188.
10. Iskhakov R. L. Mass media in the mechanism of nation-building // Actual problems of journalism in the context of globalization of information space. – Chelyabinsk: SUSU, 2008. – P. 67–69.
11. Iskhakov R. L. Tatar book culture: a modern view. A round table dedicated to the 290th anniversary of the first printed Tatar book in Russia // Izvesyia of Ural Federal University. Series 2. Humanities. – 2013, № 2 (114). – P. 224–230.
12. Iskhakov R. L. Ethnic journalism. – Yekaterinburg: University press, 2013. – P. 132–137.
13. Karimullin A. G. Tatar state and Tatar publishing house book of Russia (1917–1932). – The Kazan Tatars. kN. publishing house, 1999. – S. 244.
14. Kasimov S., Muharyamov M., Saidashev M. Sahib Burnt Saidvaliev. – Kazan: Tatknigoizdat, 1964.
15. Kuznetsov A. M. Ethnic and national / A. M. Kuznetsov // Polis. 2007, No. 6. – P. 9–23.
16. Plavinsky V. B. The problem of international legitimization of new States: political and legal analysis // Scientific journal of KubSAU, 2016, No. 117 (03).
17. CSA HPM RT, f. 30, op. 3, d. 894, l. 15. – P. 96–101.
18. Yuriev A. I., Khannanov E. I. The role of the media in ensuring political stability in modern Russia : URL http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2016/2/politics/yuriev-khannanova.pdf

Iskhakov R. L., Korsakov A. N. Legitimation of the statehood: Crimean discourse in media of the sverdlovsk region / R. L. Iskhakov, A. N. Korsakov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 362–369.

The article presents the results of media monitoring of the Middle Urals on the issues of the Crimean media discourse in 2014–2016. It's shown that the life of the Crimea as a subject of the Federation getting actively involved in the lives of others, and gradually becoming familiar to the Russian reality.

Keywords: media legitimation, ethnic journalism, Sahib-Garey Saidgaliev, Ibrahim Fakidov, post-ethnic (civic) statehood

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 811.512.19'28

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕВЕРНОГО (СТЕПНОГО) ДИАЛЕКТА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА (на материале сборника произведений Мемета НУЗЕТА «Къырымнынъ чэль аятындан»)¹

Гибадулин Я. Н.

*Издательство «Инсан», Москва, Россия
E-mail: insan6@hotmail.com*

Селендили Л. С.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
E-mail: lemara2002@hotmail.com*

Гибадулин Р. Я.

*Институт перспективных исследований
Московского педагогического государственного университета,
Москва, Россия
E-mail: rias.mggu@gmail.com*

В статье на материале сборника произведений Мемета Нузета описываются возможности лексикографического описания северного (степного) диалекта крымскотатарского языка с использованием программы компьютерной обработки текстов Wordsmith (WS).

Ключевые слова: тюркология, крымскотатарский язык, северный (степной) диалект, программы компьютерной обработки текстов.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 15-34-10116 «Электронный словарь диалектов крымскотатарского языка».

ВВЕДЕНИЕ

Согласно данным Центра новостей ООН со ссылкой на обновленную в декабре 2010 года информацию интерактивного атласа ЮНЕСКО «Языки мира, находящиеся под угрозой исчезновения», крымскотатарский язык находится под угрозой исчезновения, особенно его ногайский диалект (иначе «северный (степной) диалект крымскотатарского языка» или, согласно предложению А. Меметова, «кыпчакизированный диалект крымскотатарского языка». – Л. С.) [1]. Известно, что «судьба любого этнического языка в условиях культурной и языковой полифонии зависит не столько от усилий по его защите, хотя в современной ситуации они обязательно должны осуществляться, но прежде всего от усилий по сохранению самой культуры, а это требует осознания и поддержания тех культурных моделей, которые лежат в ее основании, ведь для нормального развития культуры необходим общий запас культурных ценностей, инвентарь культуры, который должен транслироваться следующим поколениям и всем, кто собирается изучать данный этнический язык как неродной» [2].

Для крымскотатарского языка изучение и сохранение диалектного богатства важно еще и потому, что диалектная лексика может явиться интересным лексическим материалом для обогащения словарного запаса современного крымскотатарского языка: обогащение языка за счет собственных языковых ресурсов. Поэтому проблемы решение проблем инвентаризации языковых единиц реальной действительности и создания электронного словаря с использованием инструментов автоматической обработки стоят перед крымскотатарской лингвистической наукой как сверхактуальные.

В настоящее время носители северного (степного) диалекта крымскотатарского языка дисперсно расселены по всей территории Крыма и за его пределами. Молодые крымские татары, представители этой диалектной группы, знают свой диалект очень плохо, а пожилых, знающих додепортационный крымскотатарский язык и свой диалект, практически не осталось. Это значительно усложняет возможности сбора фактического материала для «Электронного словаря диалектов крымскотатарского языка». Думаем, что реальным инструментом, который позволяет сделать весомый шаг в избранном направлении, является изученная нами программа Wordsmith (WS) [3], с помощью которой мы анализируем сборник крымскотатарского писателя-носителя северного (степного) диалекта -Мемета Нузета «КЪЫРЫМНЫНЪ ЧЁЛЬ АЯТЫН-ДАН» [4].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Программный комплекс WordSmith (WS) позволяет исследовать различные характеристики текстов. Среди них: частотность слов, конкорданс, ключевые, однокоренные слова, также более тонкие групповые свойства – корреляция слов и др.

Рабочие инструменты программы **C**, **K**, **W** показаны ниже на рабочем поле WS (рис.1).

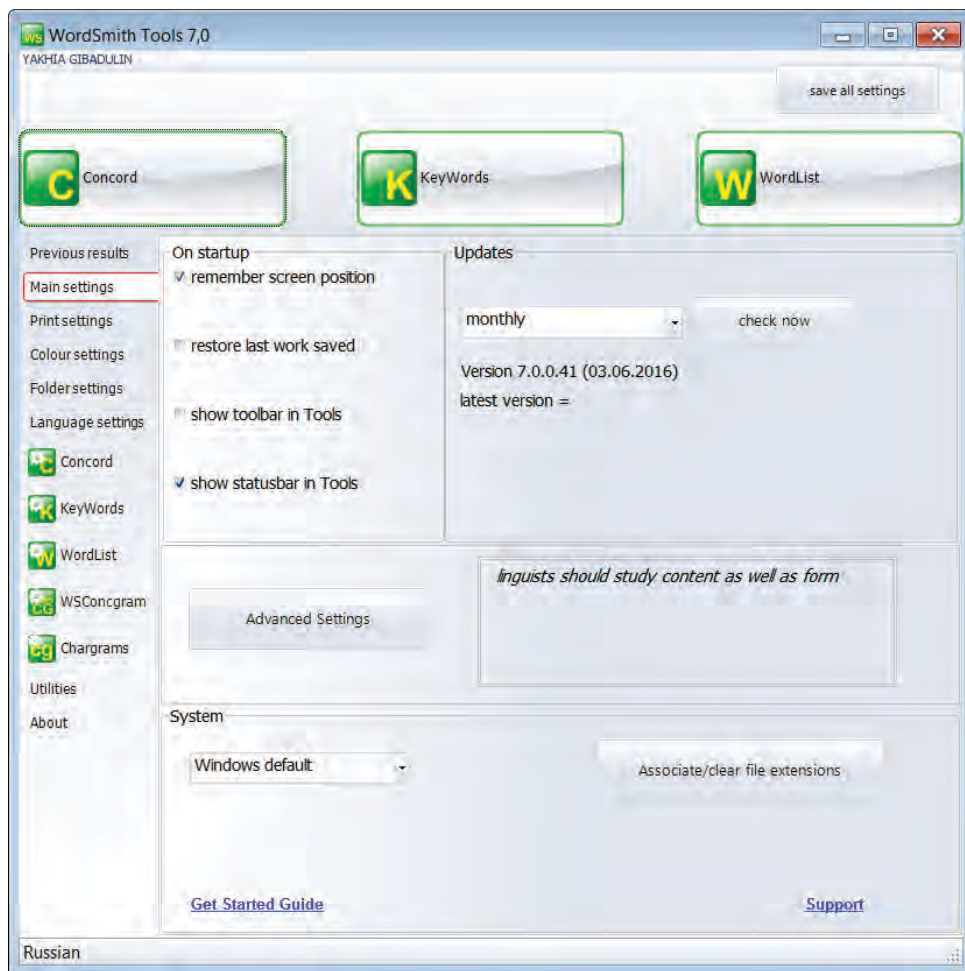

Рис. 1. Рабочие инструменты программы С, К, W.

Инструмент Wordlist (W). Результаты обработки текста инструментом W иллюстрируются скриншотами (рис.2). Всего в списке 11382 элемента. Ниже показаны начальный и конечный сегменты алфавитного списка. Список позволяет наблюдать за варьированием однокоренных слов и за формированием их лексико-грамматических форм, например: абдест и абдес «ритуальное омовение» (имя существительное) – абдестленип «совершив ритуальное омовение» (деепричастие), или абдырай «торопится» (глагол в форме настоящего продолженного времени) – абдырап «торопливо» – абдыракълап «поторапливаясь» – абдырашып «в спешке, спеша» (3 деепричастия, их парадигматические отношения позволяют увидеть аффиксы, указывающие на степень интенсивности действия).

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕВЕРНОГО (СТЕПНОГО)
 ДИАЛЕКТА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА...

Memetlist-col2withdelet-alf11382wlist.txt

N	Word	Freq.	% Texts	% emmas Set
1	А	1	1 100,0	
2	АБАДАН	1	1 100,0	
3	АБАЙСЫЗ	1	1 100,0	
4	АБДЕС	1	1 100,0	
5	АБДЕСТ	1	1 100,0	
6	АБДЕСТЛЕНИП	1	1 100,0	
7	АБДИЙГИН	1	1 100,0	
8	АБДИЙИК	1	1 100,0	
9	АБДУЛЛА	1	1 100,0	
10	АБДУЛЬХАЙ	1	1 100,0	
11	АБДУРЕШИТ	1	1 100,0	
12	АБДЫРАЙ	1	1 100,0	
13	АБДЫРАКЪЛАП	1	1 100,0	
14	АБДЫРАП	1	1 100,0	
15	АБДЫРАШЫП	1	1 100,0	
16	АБЛА	1	1 100,0	
17	АБЛАКЪАЙ	1	1 100,0	
18	АБЛЯЙ	1	1 100,0	
19	АБЛЯЛИМ	1	1 100,0	
20	АБЛЯМИТТЕ	1	1 100,0	

frequency alphabetical statistics filenames notes
 11 382 entries Row 1 0%

Memetlist-col2withdelet-alf11382wlist.txt

N	Word	Freq.	% Texts	% emmas Set
11 364	ЯШЛЫКЪТАН	1	1 100,0	
11 365	ЯШЛЫКЪЧЮН	1	1 100,0	
11 366	ЯШМАГЪЫНЫ	1	1 100,0	
11 367	ЯШНЫНЪ	1	1 100,0	
11 368	ЯШЫ	1	1 100,0	
11 369	ЯШЫМ	1	1 100,0	
11 370	ЯШЫН	1	1 100,0	
11 371	ЯШЫНА	1	1 100,0	
11 372	ЯШЫНАЧЕ	1	1 100,0	
11 373	ЯШЫНДА	1	1 100,0	
11 374	ЯШЫНДАГЪЫ	1	1 100,0	
11 375	ЯШЫНЪ	1	1 100,0	
11 376	ЯШЫНЫ	1	1 100,0	
11 377	ЯШЫНЫРЛАР	1	1 100,0	
11 378	ЯШЫРМАНЪЫЗ	1	1 100,0	
11 379	ЯШЫРТЫН	1	1 100,0	
11 380	ЯШЫРТЫНДАН	1	1 100,0	
11 381	ЯШ-ЯВКЪА	1	1 100,0	
11 382	ЯШ-ЯВКЪАГЪА	1	1 100,0	

frequency alphabetical statistics filenames notes
 11 382 entries Row 11 364 0% ЯШЛЫКЪТАН

Рис. 2. Результаты обработки текста инструментом W.

Инструмент Concordance(C). На скриншотах (рис.3) можно наблюдать конкордансы слов «вефат» и «бир». Это лексика современного литературного крымскотатарского языка, которая обнаружена в тексте. Здесь мы видим потенциальные

возможности и особенности употребления приведенных лексических единиц, их реализацию в диалектном контексте. Современный крымскотатарский язык, его литературная норма, представляет собой словарный запас, составленный на паритетном соглашении представителей южного и северного диалектов крымскотатарского языка. В процессе обработки лексического материала диалектизмы, как южного, так и северного диалектов, будут маркироваться. Это в дальнейшем позволит пользователям словаря наблюдать ареальные особенности диалектной лексики.

N	Concordance	Set	Tag	Word	#	Set	Par	Par	Has	Sec	Sec	File
1	кетирип ташлагъан эдилер... Дайым вефат этеджекте бир район	253	2С	1С	0	6%	0	1%	MHyzetFF	2016.a		
2	ола ве шу куню мийине къан урып, вефат эте... Янджу коюнде дефн	272	2С	9С	0	7%	0	1%	MHyzetFF	2016.a		
3	блокада вакътында ачлыкъдан вефат этерек, Пискарёв къардаш	2 35	1Е	77	0	6С	0	9%	MHyzetFF	2016.a		
4	, сонъра Янджу коюнде, анда вефат этти. Биринджи эвлилиги	215	1Е	9С	0	5%	0	1%	MHyzetFF	2016.a		
5	ве эши бир-бири артындан вефат этелер. Экинджи эвлилиги	227	17	8С	0	6%	0	1%	MHyzetFF	2016.a		
6	'бар эди, Юсуф ве Фарукъ. Дайым вефат эткен сонъ, онларны бизим	243	1Е	27	0	6%	0	1%	MHyzetFF	2016.a		

N	Concordance	Set	Tag	Word	#	Set	Par	Par	Has	Sec	Sec	File
1	эди. Бек коп алда яланларым Бир ерине уймаз эди. Бек тевекюль	19 0	1	67	3	3С	0	7С	MHyzetFF	2016		
2	дюрюлю безмез эдим. Къач кунъде бир ичип, тойып, Уйге саруш	19 0	1	24	3	3С	0	6С	MHyzetFF	2016		
3	, Шай боса да , о къызлардан Ич бир дюрюлю безмез эдим. Къач	19 0	1	82	3	3С	0	6С	MHyzetFF	2016		
4	. О ташланып биткенден сонъ Бир коп тойлар башланыр.	19 2	1	67	3	34	0	7С	MHyzetFF	2016		
5	Берекетни бильдирир. О эгинлер, аз бир джелъмен Толкъунлангъанда	19 11	1	3С	3	34	0	7С	MHyzetFF	2016		
6	биле, Джойталмайсынъ ич изинъни Бир шей айтсанъ, эп азырлер	19 11	1	2С	3	34	0	7С	MHyzetFF	2016		
7	. Мында джаткъан акълы-акъсыз бир коп инсан баллары Чекишелер,	18 81	1	3С	3	31	0	6С	MHyzetFF	2016		
8	пычакъ, Окюсю къалды баллары, тап бир очакъ. Шунуны ичюн тыштим	18 7	1	9С	3	3С	0	6С	MHyzetFF	2016		
9	Корюмий экен коюне эвляд къаны Бир гуны къызып, къарнына	18 7	1	1С	3	3С	0	6С	MHyzetFF	2016		
10	болды коюзюден. МыРЫЛДЫ Бир вакъытлар, хаялыма Не кельсе	18 91	1	1С	3	3С	0	6С	MHyzetFF	2016		
11	, Башташыма «Бек бахытсыз бир инсан» деп язынлар». Корип	18 9	1	77	3	3С	0	6С	MHyzetFF	2016		
12	коюнде. Коралмайдыр о бир шавле не кунештен, не айдан,	18 91	1	2С	3	31	0	6С	MHyzetFF	2016		
13	иши. Дар-дюньяда болгъан тек бир къардашы, Бошамагъан онынъ	19 3	1	4С	3	3С	0	71	MHyzetFF	2016		
14	Къартлар сёзю Бир вакъыт яшагъан бир бай киши, Гедже-кунъдюз зевкъ	19 3	1	5С	3	3С	0	71	MHyzetFF	2016		
15	эньсенъде турсу. Къартлар сёзю Бир вакъыт яшагъан бир бай киши,	19 3	1	2С	3	3С	0	71	MHyzetFF	2016		
16	сёзюне «Амин» деген. Бир галава, бир баяр, бир пыристав,	19 4	1	3С	3	3С	0	71	MHyzetFF	2016		
17	Эр кез онынъ сёзюне «Амин» деген Бир галава, бир баяр, бир пыристав	19 4	1	17	3	3С	0	71	MHyzetFF	2016		
18	. (1) Бай дюньяда бек бильген тек бир озюм, Къайда барса, кечирген	19 4	1	57	3	3С	0	71	MHyzetFF	2016		
19	, Деген эрлер байылды. Не демек? Бир гъарип къыз, Дюньяда тек бир	19 31	1	1С	3	3С	0	7С	MHyzetFF	2016		
20	, дюньягъа джайылды, Эр, къадын бир сайылды. Бутюн акълар	19 2	1	8С	3	3С	0	7С	MHyzetFF	2016		

Рис. 3. Конкордансы слов «вефат» и «бир».

Полученный материал позволяет продемонстрировать особенности употребления слов «вефат» и «бир».

Так, слово «вефат» употребляется только в составе сложного слова-глагола «вефат этмек» «умирать, скончаться» (литературном крымскотатарском языке – «вефат олмакъ» и «вефат этмек» глаголы-синонимы, имеющие одинаковое употребление и значение) и самостоятельно, вне сложного слова, в рассматриваемом тексте не функционирует. Словосочетания с главным словом «вефат этмек» могут обозначать: субъект и время действия – «дайым вефат этеджекте» «когда умирал мой дядя», причину действия – «къан урып вефат эте» «умирает от кровоизлияния» и «ачлыкьдан вефат этерек» «умирая от голода», место действия – «...анда вефат этти» «умер там...», место в последовательности действий – «бири-бири артындан вефат эттилер» «умерли друг за другом», существование других последовательных действий после свершения события «дайым вефат эткен сонъ» «после смерти дяди».

Интересным представляется анализ слова «бир». Основное значение слова «бир» – слово-числительное, обозначающее число, равное единице. Конкорданс позволяет не только наглядно показать специфику употребления этого слова – числительного, прилагательного, наречия, предикатива, усилительной частицы – но и увидеть переход из одной части речи в другую:

Крат. яз	Рус. яз	Часть речи и значение слова «бир»
Яланларым бир ерине уймаз эди	Моя ложь ни к чему не подходила	предикатив: используется в составе устойчивого сочетания-предикатива, обозначающего то, что является ненужным, излишним, не необходимым
Куньде бир ичип	Иногда попивая	наречие: время от времени, в некоторых случаях, в некоторые моменты времени, порой
Ич бир дюрлю бермез эдим	Я абсолютно ничего не дал бы	наречие: выражает полное недопущение чего-либо

Бир коп тойлар	Очень много свадеб	усилит. частица: в очень большом количестве, количество кого-чего-нибудь сверх обычной нормы
Аз бир джелмен	Лёгким ветерком (Дуновением ветерка)	в зависимости от контекста – 1) прилагательное: отличающийся меньшей силой или мощностью; 2) сложное существительное: лёгкое движение воздуха «дуновение»
Бир шей айтсань	Если что-то скажешь	местоимение: нечто, некий предмет, о чем-то
Бир коп инсан баллары	букв.: слишком много человеческих детенышей	усилит. частица: в очень большом количестве, количество кого-чего-нибудь сверх обычной нормы
Тап бир очакь	Найди какой-нибудь очаг	местоимение: тот или иной, любой из ряда подобных
Бир гунь	Однажды	наречие: в какой-то промежуток времени в прошлом или будущем
Бир вакьытлар	Когда-то	наречие: в какой-то промежуток времени в прошлом или будущем
Бек бахытсыз бир инсан	Какой-то очень несчастный из людей	усиливая основное значение «несчастный» в функции постпозитивной усилительной частицы «очень», одновременно с этим реализуется как послелог, который обозначает выделение части из какого-нибудь целого

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕВЕРНОГО (СТЕПНОГО)
 ДИАЛЕКТА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА...

Коралмайдыр о бир шавле	Не видит ни одного луча	числительное: в сочетании с препозитивным глаголом-сказуемым в отрицательном значении обозначает полное отсутствие чего-либо
Тек бир кърдашы	Только единственный братишка (сестрѐнка)	усиливает значение ограничительного наречия, реализуясь в его составе; означает предельное количество и меру «один»
Бир бай киши	Очень богатый человек	усиливает основное значение «богатый» в функции препозитивной усилительной частицы «очень», одновременно с этим реализуется как местоимение «какой-то», т.е. до некоторой степени сходный, несколько напоминающий богача
Бир баяр, бир галава, бир пыристав, бир къыз	Один боярин, один голова, один пристав, одна девушка	числительное: основное значение – число, цифра, количество, равное единице
Бир гъарип къыз	Очень несчастная девушка	усиливает основное значение «несчастная» в функции препозитивной усилительной частицы «очень», т.е. до некоторой степени напоминающая «бедняжку»
Тек бир озюн	Только самого себя	усиливает значение существительного или личного местоимения при указании на лицо или предмет, лично, непосредственно являющийся источником или объектом действия, состояния
Эр, къадын бир сайылды	Мужчины и женщины считались вместе	наречие: включать в общее число при количественном подсчете, скопом, вместе

ВЫВОДЫ

Программный комплекс Wordsmith является эффективным средством исследования текстовых корпусов. Может быть использован для создания информационной базы при разработке словарей. При обработке фактического материала, извлеченного инструментами программного комплекса Wordsmith из сборника произведений М. Нузета, сформирован алфавитный (и частотный) список-словник из 11382 слов.

Список литературы

1. Языки мира, находящиеся под угрозой исчезновения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/ endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/> (10.11.2014)
2. Уфимцева Н. В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии [Электронный ресурс] // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2(28). – С. 129-132. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/ufimtseva-12.htm>
3. Wordsmith Passes The Test [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://automatedinsights.com/wordsmith>
4. Къырымнынъ чёлъ аятиндан : Сайлама эсерлер джыйынтыгы / М. Нузет. – Симферополь : Доля, 2003. – 239 с.

Гибадулин Я. Н., Селендили Л. С., Гибадулин Р. Я. Опыт лексикографического описания северного (степного) диалекта крымскотатарского языка (на материале сборника произведений Мемета Нузета «Къырымнынъ чёлъ аятиндан» / Я. Н. Гибадулин, Л. С. Селендили, Р. Я. Гибадулин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского – 2016. Серия: Филологические науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 370–379.

В статье на материале сборника произведений Мемета Нузета описываются возможности лексикографического описания северного (степного) диалекта крымскотатарского языка с использованием программы компьютерной обработки текстов Wordsmith (WS).

Ключевые слова: тюркология, крымскотатарский язык, северный (степной) диалект, программы компьютерной обработки текстов.

Гібадулін Я. Н., Селенділі Л. С., Гібадулін Р. Я. Досвід лексикографічного опису північного (степового) діалекту кримськотатарської мови (на матеріалі збірки творів Мемета Нузета «Къиримнинъ чёлъ аятиндан» / Я. М. Гібадулін, Л. С. Селенділі, Р. Я. Гібадулін // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 370–379.

У статті на матеріалі збірки творів Мемета Нузета описуються можливості лексикографічного опису північного (степового) діалекту кримськотатарської мови з використанням програми комп'ютерної обробки текстів Wordsmith (WS).

Ключові слова: тюркологія, кримськотатарська мова, північний (степовий) діалект, програми комп'ютерної обробки текстів.

Gibadulin Y. N, Selendili L. S., Gibadulin R. Y. Experience of lexicographical description of the northern (steppe) dialect of the Crimean Tatar language (based on the collection of Memet Nuzet works “Qyrymnynъ chöl’ ajatyndan“ / Y. N. Gibadulin, L. S. Selendili, R. Y. Gibadulin // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 370–379.

According to the UN News Center data, based on the link updated in December 2010, concerning information of the interactive UNESCO ‘Atlas of the World Languages in danger’, the Crimean Tatar language is considered as endangered, especially its Nogay North (steppe) Crimean Tatar dialect – L. S. Selendili). ‘The fate of every language in conditions of cultural and linguistic polyphony depends, not only on its protection,

although in modern times it is necessary, that these efforts are realized, but more on the efforts on preservation the culture itself, what requires awareness and maintainment of its basic cultural models. Though, normal cultural development requires general preservation of cultural values and cultural inventory, which has to be translated to the next generations and to those, who want to learn the ethnic language as foreign.

The article on the material of the collection of Memet Nuzet works describes features of the lexicographic description of the northern (steppe) dialect of the Crimean Tatar language using the word processing computer program Wordsmith (WS). The software package Wordsmith (WS) allows you to explore the different characteristics of the texts. Among them: Word frequency, concordance, key, root words, and the more subtle properties of the group – the correlation of words and word processing etc. The results are illustrated by screenshots tool W. Just a list of item 11382. The screenshots can be seen articles concordances words “vefat” and “bir”. This vocabulary of modern literary Crimean Tatar language, which is found in the text. Here we see the potential for the use of the above features and lexical units, their implementation in the context of the dialect. The modern Crimean Tatar language, his literary norm, is a vocabulary created at parity agreement of representatives of southern and northern dialects of the Crimean Tatar language. During the processing of lexical material dialect as the southern and northern dialects, will be marked. It will further allow users to watch the dictionary areal features of dialect vocabulary.

Keywords: turkology, Crimean Tatar language, the northern (steppe) dialect, computer word processing program.

References

1. Jazyki mira, nahodjashhiesja pod ugrozoi ischeznovenija [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim doštupa: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/> (10.11.2014)
2. Ufimceva N. V. Jetnicheskij jazyk v uslovijah kul'turnoj i jazykovej polifonii [Jelektronnyj resurs] // Filologija i kul'tura. – Kazan', 2012. – № 2(28). – S. 129-132. – Rezhim doštupa: <http://www.philology.ru/linguistics1/ufimtseva-12.htm>
3. Wordsmith Passes The Tešt [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim doštupa: <https://automatedinsights.com/wordsmith>
4. Qyrymnyñ chöl' ajatyndan : Sajlama eserler dzhyjnytyğy / M. Nuzjet. – Simferopol' : Dolja, 2003. – 239 s.

УДК 81'33

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА (НА ОПЫТЕ ТАТАРСКОГО)

Кубединова Л. Ш.

Институт иностранной филологии, Таврическая академия, КФУ им. В. И. Вернадского

Гатиатуллин А. Р.

НИИ «Прикладная семиотика», Академия наук Республики Татарстан

В статье рассматривается первый этап системы морфологической разметки на уровне словоформы в крымскотатарском электронном корпусе. Представлены результаты сравнительного анализа аффиксальных морфем татарского и крымскотатарского языков.

Ключевые слова: электронный корпус, крымскотатарский язык, морфологическая разметка.

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистический корпус крымскотатарского языка является на сегодняшний день первым и пока единственным корпусом национального языка крымских татар. Работа над ним совместно со старшим научным сотрудником Института языкознания им. Л. И. Штура Радованом Гарабиком началась еще в 2006 году [1]. Корпус пополняется в основном за счет публицистических текстов двух и единственных выпускаемых газет на крымскотатарском языке – «Янъы дюнъя» и «Къырым». Первоначально работа велась только над текстами на кириллице. Впоследствии был создан небольшой подкорпус текстов на латинской графике, а также корпус крымскотатарской Википедии [2].

На начальном этапе в данном корпусе отсутствовал сложный лингвистический анализ текста, кроме элементарной токенизации и определения пределов предложений. Также отсутствие поиска по леммам, используя агглютинативный характер крымскотатарского языка, было замещено использованием регулярных выражений. Так, например, для того чтобы найти все формы слова *бала* (ребенок), надо ввести регулярное выражение *бала.**, где *.* заменяет любой символ и *** соответствует нулю или более копий предыдущего (любого) символа, в результате чего такой запрос вернёт все формы (т. е. падежи) слова *бала*.

В 2014 году совместно с научными сотрудниками научно-исследовательского института «Прикладная семиотика», Академии наук Татарстана началась работа по созданию морфологической разметки крымскотатарского электронного корпуса [3, 4].

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ РАЗМЕТКИ

В электронном корпусе крымскотатарского языка идет работа по созданию различных систем разметок. Создание системы автоматического анализа морфологии

крымскотатарского языка является насущной и актуальной задачей. Она необходима для того, чтобы осуществлять поиск нужных пользователю слов.

Так, морфологическая разметка национального корпуса русского языка содержит информацию о морфологических формах и значениях (часть речи, род, число, падеж, наклонение и т. д.). В тюркских языках морфологическая разметка немного отличается. Там нет родов и такого строгого деления по частям речи, поэтому в предложенной нами разметке основам в результате анализа приписываются не части речи, а их морфологические категории в зависимости от присоединяемых аффиксальных морфем, форм слова, конструкций и т. д.

Система морфологической разметки в крымскотатарском электронном корпусе представляет собой разметку двух уровней:

- морфологическая разметка на уровне словоформы;
- морфологическая разметка на уровне аналитических форм.

В настоящее время реализован первый этап создания системы морфологической разметки на уровне словоформ и ведется работа по реализации системы разметки аналитических форм. Разметка системы аналитических форм предполагает подготовку базы данных со служебными словами крымскотатарского языка, которые используются для образования аналитических форм, а также системы тэгов для обозначения элементов этой базы данных.

Работа первого этапа по созданию системы морфологической разметки состояла из следующих этапов:

- сравнительный анализ системы разметок (тэгов) для других тюркских языков, в частности татарского и турецкого;
- разработка системы морфологических тэгов;
- разработка системы морфотактических правил крымскотатарского языка;
- подготовка словаря крымскотатарских основ с морфологической разметкой;
- заполнение информации в программный комплекс для многофункциональной модели тюркской морфемы.

Морфологическая разметка электронного корпуса основана на поморфемном разбиении крымскотатарской словоформы.

Например:

⟨савускъанларнынъ⟩

1) *N(савускъан) + PL (-лар) + GEN (-нынъ)*

⟨Ава⟩

1) *V(ав) + PRES_1 (-й)*

2) *N(ава)*

В примере показаны исходная словоформа и варианты результатов морфологического анализа. Результаты вариантов анализа имеют следующую структуру:

- корневая морфема с указанием морфологического типа;
- аффиксальные морфемы с указанием морфологической категории.

В нашей системе разметки используется 5 морфологических типов для корневых морфем: N, A, V, D, S. Количество морфологических типов не совпадает с частями речи, так как типы определяются наборами присоединяемых аффиксальных морфем.

Для обозначения аффиксальных морфем с морфологическими категориями приняты следующие определения.

Морфема в лингвистике определяется как минимальная значащая часть слова, совокупность морфов (алломорфов), имеющих одинаковое значение и ряд других общих признаков. В нашей системе разметок мы считаем одной морфемой те варианты, которые совпадают по правилам чередования и синтактике, но различаются по выражаемым значениям (т. е. многозначная морфема).

Обозначения морфологических категорий морфем необходимы для того, чтобы отличать омонимичные морфемы, выражающие разные морфологические категории и имеющие разные правила следования в словоформе. Для обозначения морфологических категорий использована система обозначений, описанная в работах И. А. Мельчука [5] и В. А. Плунгяна [6].

Например, в предыдущем примере использованы следующие обозначения грамматических категорий:

PL – *PLURAL*;

GEN – *GENITIVE*;

PRES_1 – *PRESENT*.

Несколько вариантов морфологической разметки связаны с тем, что морфологический анализатор может выдавать несколько вариантов морфологического анализа, как это показано в примере выше для словоформы *ava*. На данном этапе морфологической разметки корпуса указываются все варианты анализа без снятия морфологической неоднозначности. В дальнейшем планируется реализовать снятие морфологической неоднозначности с использованием механизмов контекстного снятия многозначности. Однако контекстно также не всегда возможно снять многозначность, поэтому планируется реализовать технологии ручного снятия многозначности экспертами.

Для составления системы аффиксальных морфем и морфологических категорий был проведен сравнительный анализ аффиксальных морфем татарского и крымскотатарского языков. Этот анализ показал, что среди крымскотатарских морфем есть целый ряд морфем, которые отсутствуют в татарском языке. Список этих морфем приведен в таблице 1.

Таблица 1

	Морфема	Алломорфы
1	-нен	-нен
2	-джа	-джа, -дже, -ча, -че
3	-макта	-макъта, -мекте
4	-Г[ъ]Айды	-гъайды, -гейди, -къайды, -кейди

**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО
КОРПУСА (НА ОПЫТЕ ТАТАРСКОГО)**

5	-МА+Й+Ып	-майып, -мейип
6	-мАлЫ	-малы, -мели
7	-АрАк[ъ]	-аракъ, - ерек, - яракъ
8	-мАдАн	-мадан, -меден
9	-ГЪАн+джА[къ]	-гъандже(къ), -гендже(к), -къандже(къ), -кендже(к)

Для всех этих морфем подготовлены свои тэги и морфотактические правила построения словоформ крымскотатарского языка, которые были использованы в морфологическом анализаторе.

Например:

-мАлЫ	– DEB – Debitive
-Г[ъ]АйдЫ	– OPT – Optative
-мАдАн	– ADVV_NEG_2

ВЫВОДЫ

Таким образом, подготовлена система морфологической крымскотатарской словоформы и продолжается работа по созданию морфологической разметки аналитических форм. При создании следующих версий системы разметок крымскотатарского электронного корпуса планируется использование теоретических и практических работ, созданных крымскотатарскими лингвистами в области морфологии, синтаксиса и семантики крымскотатарского языка. В частности, это работы по синтаксису крымскотатарского языка Л. С. Селендили.

В виде проблемных моментов отметим: небольшой объем словаря крымскотатарских основ, который необходимо расширить, а также разное написание одних и тех же слов у разных крымскотатарских авторов.

Список литературы

1. Кубединова Л. Ш., Радован Гарабик Лингвистический корпус крымскотатарского языка // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології: MegaLing-2006:36. наук. пр. / НАН України. Укр. мовн.-інформ. фонд, Таврійськ. нац. ун-т ім. В.І. Вернадського; за ред. В. А. Широкова. – К.: Довіра, 2007. – С. 83–89.
2. Kubedinova Lenara. Corpus Linguistics: Studies in Crimean Tatar Language / Kubedinova Lenara, Radovan Garabik // TURKLANG'14 International Conference on Turkic Language Processing, 6–7 November 2014 – <http://turklang.itu.edu.tr/invited-speakers.htm>
3. Kubedinova Lenara, Gatiatullin Ayrat. Morphological tagging of Crimean Tatar electronic corpus / Kubedinova Lenara, Gatiatullin Ayrat // Proceedings of the International Conference «Turkic Languages Processing: Turklang-2015». – Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2015. – 331–337 с.
4. Кубединова Л. Ш., Гатиатуллин А. Р. О реализации системы морфологической разметки крымскотатарского электронного корпуса // Труды Международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2016. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 90–94.

5. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV. / Пер. с фр. Е. Н. Саввиной под общ. ред. Н. В. Перцова. – М., Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 584 с.

6. Плуменя В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.

Кубедінова Л. Ш., Гатіатуллін А. Р. Морфологічна розмітка кримськотатарського електронного корпусу (на досвід татарського) / Л. Ш. Кубедінова, А. Р. Гатіатуллін // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 380–384.

У статті розглядається перший етап системи морфологічної розмітки на рівні словоформи в кримськотатарському електронному корпусі. Представлені результати порівняльного аналізу афіксальних морфем татарської і кримськотатарської мов.

Ключові слова: електронний корпус, кримськотатарська мова, морфологічна розмітка.

Kubedinova L. Sh., Gatiatullin A. R. Morphological tagging of crimean tatar electronic corpus (by experiment on tatar language) / L. Sh. Kubedinova, A. R. Gatiatullin // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 380–384.

Nowadays many text electronic corpuses are created for many languages of Turkic group. Such corpuses already exist for Turkish, Tatar, Kazakh, Bashkir, Tuviniian and other Turkic languages. All authors of these corpuses are faced the same problems and start heading the same way of creating their own systems of corpus annotation. Although structure similarity of Turkic languages allows to create a common base of computer and program models for processing texts in Turkic languages.

The work on the Linguistic corpus of Crimean Tatar language started in 2006 jointly with a senior researcher of L. I. Stura Institute of linguistics Radovan Garabik. The corpus is mostly supplemented with texts from the only two Crimean Tatar newspapers «Yanı dünya» and «Kırım». At the beginning there were used only the Cyrillic texts in Crimean Tatar language. Afterwards a subcorpus in Latin script and the corpus of Crimean Tatar Wikipedia were created.

The work on morphological tagging of Crimean Tatar electronic corpus started in 2014 in cooperation with researches of Research Institute of Applied semiotics of Tatarstan Academy of Sciences.

In this article the system of morphological Crimean Tatar wordforms is suggested and the work on the creating of morphological tagging of analytical forms is proceeding. This system is developed on the basis of tags which are used for annotation of electronic corpus of Tatar language «Тугантел» («Mother tongue»). The results of the comparative analyses of affix morphemes of Tatar and Crimean Tatar languages were represented. While creating next tagging systems of Crimean Tatar electronic corpus it is planned to use theoretical and practical works of Crimean Tatar linguists in fields of morphology, syntax and semantics of Crimean Tatar language.

Keywords: electronic corpus, Crimean Tatar language, morphological tagging.

УДК 81'362 / 81'366.541 / (811.161.1'06 + 811.512.161)

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В ТУРЕЦКОМ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Шеремет В. В.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
E-mail: sheremetvitaliy@gmail.com*

Именительный падеж русского языка, как правило, считается обладающим наиболее простой из всех падежей семантикой, не требующей детального исследования принципов ее передачи в других языках. В связи с этим в настоящий момент отсутствуют сопоставительные описания специфики отражения именительного падежа русского языка в турецком.

В данной статье приводятся результаты исследования, в котором изучаются особенности передачи именительного падежа местоимений русского языка в турецком на материале одной тысячи четырехсот сорока семи выражений, полученных выборкой из экспериментального грамматического параллельного корпуса.

Ключевые слова: русский язык, турецкий язык, именительный падеж, параллельный корпус, грамматический корпус, сопоставительный анализ, языкознание.

ВВЕДЕНИЕ

Сопоставительные исследования по специфике передачи падежных значений русского языка в разнородных языках достаточно многочисленны (Г. В. Савицкая, Сунь Шуан, И. В. Шведова, Г. В. Матченко, А. К. Макаров и др.). [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. В свою очередь, сопоставлению подвергаются падежи со сложной семантикой: творительный, винительный, дательный. В меньшем количестве представлены в научной литературе исследования по родительному и предложному падежам. В аспекте турецкого языка работы, посвященные сопоставлению именительного падежа, отсутствуют.

Именительный падеж в русском языке достаточно широко описан на всех языковых уровнях [9; 10; 11; 12]. В них он полагается грамматическим значением, обладающим коммуникативной функцией наименования, семантической функцией субъекта, синтаксической функцией координации. Схожим образом описывается данный падеж в турецком языке [13; 14; 15; 16; 17]. Функции, которыми обладает именительный падеж, не свойственны большинству из падежных значений, в связи с чем перспективны в изучении в плане раскрытия новых особенностей межязыковых взаимосвязей для дальнейшего использования в машинной обработке языка, в преподавании. При этом работы, посвященные специфике передачи падежа как носителя данных функций в разнородных языках, как носителя данных функций, отсутствуют. В сложившейся ситуации изучение данной проблемы видится актуальным.

Проведение сопоставительного исследования на современном уровне требует обращения к параллельным корпусам текстов с целью получения массива верифицируемых данных. В связи с отсутствием русско-турецких корпусов нами был разработан параллельный русско-турецкий грамматический корпус, содержащий 12 тысяч выражений русского языка и их эквиваленты в турецком языке. Исходный язык корпуса – русский, разметка осуществлялась для русского языка по 14 универсальным параметрам. Это позволило получить данные для описания предмета исследования.

Целью работы стало выявление специфики передачи в турецком языке выражений русского языка с местоимениями в именительном падеже.

Для достижения цели решались следующие **задачи**: 1) произвести выборку из параллельного корпуса по параметрам «семантическое отношение» и «синтаксическая структура» с целью классификации выражений; 2) описать классифицированные выражения и произвести их сопоставительный анализ.

В качестве **методов** в ходе исследования использовались методы выборки из параллельного корпуса, метод классификации, метод сопоставления и описания.

В качестве материала работы выступает повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» без дополнений и ее перевод на турецкий язык, выполненный писателем и переводчиком Эргином Алтаем (Ergin Altay) [18; 19].

Общее число проанализированных эквивалентов составляет 1447 выражений.

1. КЛАССИФИКАЦИЯ ВЫРАЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА С ИМЕНТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

Именительный падеж, оформляющий местоимение в русском языке в рамках выборки, участвует в реализации 9 семантических отношений и 2-х видов структурных образований: **агентивного**: «я пошел», «Швабрин и я остались»; **бенефицианта**: «я получил», «которые претерпели голод»; **времени**: «*тот* самый год»; **объекта**: «она состояла», «успел я вырасти»; **паиенса**: «*ты* будешь переведен», «был я записан»; **параметра**: «он записан», «готов *он* был ехать», «он противен»; **ситуации**: «это – реестр», «я был у генерала»; **обладателя**: «воля *твоя*»; **экспериментера**: «сержусь-то я»; **структур с восклицанием**; **структур с вопросом**: «*что* из этого выйдет?», «*кто* просил?».

Данные семантические отношения реализуются в 83 синтаксических структурах, представляющих собой различные варианты структур: «глагол + местоимение» и «местоимение + глагол».

2. ПЕРЕДАЧА ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА, НОСИТЕЛЕМ КОТОРОГО ВЫСТУПАЕТ МЕСТОИМЕНИЕ, НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ, СИНТАКСИЧЕСКОМ, СЕМАНТИЧЕСКОМ И КОММУНИКАТИВНОМ УРОВНЯХ

Местоимения, оформленные в русском языке именительным падежом, в турецком языке, как правило, передаются при помощи номинативного аффикса: «жил он» –

«*yaşıyordu*», «выучился я» – «*öğrenmiş*». В этом случае синтаксические связи, существовавшие в русском выражении элиминируются, семантические связи приобретают частично морфологический план выражения. Однако у этого правила есть ряд исключений. Так, в выборке оформление номинативным аффиксом происходит за исключением случаев:

1.1. использования вопросительных местоимений. Данный вид местоимений в выборке не имплицитируются: «кто просил» – «*kim istedi*»;

1.2. включения исходной конструкции в сложные смысловые отношения. В некоторых случаях это влечет использование в целевых языках дополнительных лексем: «я пересчитывал» – «*okuuyur (duruuyordum)*»; «прибавил он» – «*tamamladı (sözlerini)*»;

1.3. употребления в русском языке относительного местоимения «который» и его вариаций. Ввиду того, что с его помощью оформляются сложные смысловые структуры, выходящие за рамки монопредикативных, можно предоставить только контекстный эквивалент: «[которая] не сомневалась» передается в контексте: «*olumlu yanıt alacağımızdan kuşkusu kalmadı artık*»;

1.4. если в исходном выражении слово передается в контексте, состоящем из нескольких последовательных действий, то в целевом языке возможно разнесение номинативного аффикса и непосредственно глагола, связанного с местоимением в русском языке: «при имени его он взглянул на меня быстро» – «*babamın adını işitince bana şöyle bir bakıp: – Tanrım, dedi*»;

1.5. также возможна полная элиминация с плана выражения личного местоимения: «я уж решился, предав себя божией воле, почевать посреди степи» – «*tam kendimi Tanrı'ya emanet edip bozkırın or tasında gecelemeğe karar vermişken*»;

1.6. в диалогах некоторые из лексем русского языка могут опускаться: «спросил я [у Савельича]» – «*Savelyiç'e: – Ya kılavuz nerede?*»; «[где] ты видишь [дорогу]?» – «*hani, yol nerede?*»; «я стою [на твердой полосе]» – «*yol, burada, ayaklarımın altında*»;

1.7. если выражение полипропозитивно и обладает несколькими активными участниками, возможно появление лексемы-местоимения: «[Савельич ворчал; я глядел [во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги]]» – «*Savelyiç homurdanıy ordu. Ben hiç değilse bir ev ya da bir yol izi görürüm umuduyla dört bir yana bakınıyor*»;

1.8. если переводчиком принято решение использовать устойчивое выражение, возможно растворение первоначальной структуры и исчезновение местоимения: «всё исчезло» – «*göz gözü görmez oldu*»;

1.9. в случае если исходное выражение участвует в полипредикативной конструкции, выражение может передаваться со сложным придаточным предложением: «мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть» – «*ömrüm boyunca unutamayacağım bir düş görüyordum.*»; «я только что стал одеваться» – «*giyinmek üzereyken*»;

1.10. если смысловая композиция исходного выражения обладает сложной структурой, целевая синтагма может трансформироваться: «эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он её без особенного участия, и

чтение это производило в нём всегда удивительное волнение желчи» – «bu kitaba karşı eksilmeyen bir ilgisi vardı. Her okuyuşunda şaşılacak kadar heyecanlanır, neredeyse kendinden geçerdi»;

1.11. в некоторых случаях элемент исходного выражения местоимение-носитель падежа, может быть разнесен на значительное расстояние от исходного выражения. «Я старался вообразить» – «Emrine gireceğim yüzbaşı Mironov'u gözümün önünde canlandırmaya çalışıyor; görevinden başka bir şey düşünmeyen, en küçük dengesizliğimi katıksız hapisle cezalandırmaya hazır, sert, öfkeli bir ihtiyar olarak düşünüyordum onu»;

1.12. в зависимости от интенций переводчика возможно растворение исходного выражения в целевой синтагме: «ВЫ ИЗВОЛИЛИ СЛУЖИТЬ» – «Söyledim: – Muhafiz birliğinden buraya gönderilişinin nedenini de sorabilir miyim?»;

1.13. в случае если элементы сложного сказуемого являются полнозначными глаголами, в целевом языке используется инфинитив с необходимым падежным формантом. «(я) лёг спать» – «yatmaya çekildim»; «мы условились драться» – «bulunmayı kararlaştırdık»; «я стал ожидать» – «uygun bir fırsat kollamaya başladım. Çok bekledim»;

1.14. в случае если в русском языке используется сложное подлежащее с союзом «Швабрин и я остались», в турецком возможно использование инструментального падежа: «Şvabrin'le kaldık» (Контекст: «Bunu söyleyip evine saptı. Şvabrin'le yalnız kaldık»). «Прачка и коровница согласились» – «çamaşırıcı ile sığırtmacı kız anlaşmışlar». Схожая ситуация наблюдается с глаголами, подразумевающими обязательное наличие контрагента: «Он женился» – «evlenmişler» (Контекст: «Avdotya Vasilyevna Y. [de, oralı, yoksul fakat soylu bir ailenin kızıydı.] Babamla [Simbirsk'te] evlenmişler»);

1.15. местоимения, участвующие в семантическом отношении «Параметр», где подразумевается участие еще одного контрагента, могут передаваться описательно: «он [мне] противен» – «kanım hiç ısınmadı ona»;

1.16. в случае если сказуемое выражает простую характеристику подлежащего без осложнений, местоимение в выборке передается эксплицитно: «они люди простые» – «sade insanlardır onlar»;

1.17. в конструкции «Местоимение + существительное», обслуживающей семантическое отношение «Параметр», местоимение с именительным падежом передается эксплицитно либо растворяется в контексте: «я причина» – «senin yaralanmana da ben yol açtım»; «не вы зачинщик» – «fakat ben, kavgayı sizin çıkarmadığınıza eminim»; «он насмешник» – «o kadar alaycı ki!»; «он кум» – «sonra bize hısım olur»;

1.18. в определенных конструкциях в турецком языке «он был малого роста» – «Kısa boylu bir adamdı»; «мы люди brave» – «yiğit kimseler olduğumuz»;

ВЫВОДЫ

Морфологический аспект. Исследование отражения именительного падежа русского языка в турецком языке интересно, прежде всего, исключениями в рамках передачи именительного падежа местоимений. Так, анализ выборки показывает, что в большинстве случаев местоимение русского языка представлено номинативным

аффиксом. Однако в ряде случаев в турецком языке возможно появление личного местоимения, усложнение морфологической и синтаксической конструкции выражения, а также растворение в целевой синтагме семантики именительного падежа.

В целом, можно выявить следующие закономерности:

1) именительный падеж личных местоимений в монопропозитивных, монопредикативных выражениях передается, как правило, морфологически;

2) в случае если предикативная часть выражения, содержащего местоимение в именительном падеже, оформляет таксис с другим предикатом, то в турецком языке используются конструкции с придаточным предложением, причастные и деепричастные аффиксы. В зависимости от характера придаточного предложения номинативный аффикс может растворяться в контексте либо удаляться по синтагме от предиката;

3) если сложное подлежащее оформлено с помощью союза «и», в турецком языке используется инструментальный падеж;

4) вопросительные местоимения передаются эксплицитно;

5) наличие сложной семантики у лексем, окружающих местоимение с именительным падежом, может повлечь трансформацию целевой синтагмы и элиминацию местоимения с падежом;

6) переводческие интенции, если того требуют коммуникативные цели высказывания, могут деконструировать исходное выражение, передавая его соответствующим для понимания коммуникативной ситуации в турецком языке образом.

Синтаксический аспект. С точки зрения синтаксической функции именительный падеж местоимений русского языка при передаче в турецком в большинстве случаев теряет свой синтаксический статус маркера подлежащего и координативных отношений.

Семантический и коммуникативный аспекты. Отражение реализации падежа на плане означаемого менее всего подвержено изменениям.

Таким образом, можно отметить, что основная специфика передачи именительного падежа местоимений русского языка связана с делегированием семантических и коммуникативных функций на морфологический уровень и фактической трансформацией синтаксических функций в семантические.

Список литературы

1. Макаров А. К. Дативные отношения в скрытой грамматике : канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Макаров Андрей Константинович – Воронеж, 2008. – 166 с.
2. Мансурова О. Ю. Представление и передача пространственных отношений в многоязычной системе машинного перевода (на материале английского, русского и турецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии» / Мансурова Оксана Юрьевна : Рос. ун. дружбы нар. – М., 2006. – 160 с.
3. Матченко Г. В. Генетивные отношения в английском языке : канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Матченко Герман Валерьевич. – Курск, 2005. – 131 с.
4. Сунь Шуан. Семантическая интерпретация падежных форм русско-китайского машинного перевода : на примере творительного падежа : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 «Сравнительно-сопоставительное языкознание» / Сунь Шуан : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 198 с.

5. Ташдемир Исмаил. Беспредложный датив в современном русском языке: семантический и функциональный аспекты : дис. к. ф. н. : 10.02.01. / Ташдемир Исмаил. – Новосибирск, 2006. – 178 с.
6. Савицкая Г. В. Функциональные эквиваленты русского творительного падежа (адвербиального) в немецком языке. : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Савицкая Галина Викторовна : МНУ. – Минск, 1983. – 188 с.
7. Шведова И. В. Функционирование дательного падежа в немецком и русском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Шведова Ирина Викторовна : М., 2011. – 175 с.
8. Гаврилова А. И. Casus Instrumentalis в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика» / Гаврилова Александра Ивановна : М., 2009. – 161 с.
9. Шведова Н. Ю. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 709 с.
10. Лаврентьев А. М. Типологический анализ категории падежа в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Лаврентьев Алексей Михайлович. – Новосибирск, 1999. – 229 с.
11. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Золотова Г. А. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 440 с.
12. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка / Зализняк А. А. – М.: Русский язык, 1977. – 880 с.
13. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / Кононов А. Н. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 570 с.
14. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-тюркского языка) / Гузев В. Г. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. – 141 с.
15. Гузев В. Г. Словоизменение существительных в турецком языке / Гузев В. Г. // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. – 395 с. – ISBN : 978-5-288-051-93-7.
16. Гениш Эйюп. Грамматика турецкого языка / Гениш Эйюп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с. – ISBN : 978-5-382-00500-3.
17. Hengirmen Mehmet. Türkçe Temel Dilbilgisi / Hengirmen Mehmet. – Ankara, 2006. – 427 s. – ISBN : 978-975-32-0026-4.
18. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – Т. 8.
19. Puşkin A. S. Yuzbaşın kızı / çeviren Ergin Altay. – İstanbul, 2010. – 189 s. – ISBN : 13: 978-975-05-1731-0.

Sheremet V. V. Nominative case in the russian language and its equivalents in the Turkish: the experience of the corpora studing / V. V. Sheremet // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 385–390.

The nominative case is usually supposed to have the most simple semantics among the cases of the Russian language, but now there are no his comparative description for Russian and Turkish languages. The most interest in the row of the structures with nominative case (in the light of comparison the Russian language and the Turkish) is structure «V+Pron». It is interesting that in the Turkish languages in the most of cases the Russian Nominative disappeared. It happens because of implication of the part of speech – pronoun into the affix of verb. But in the some cases there are exceptions. Because of this it is necessary to investigate the ways of translation expressions with in the structures, including pronoun. This article presents the results of research, in which case the material is considered to 3465 expressions derived from the experimental sample grammatical parallel corpus, based on 13 key parameters for mortality of meaning.

Keywords: the Russian language, the Turkish languages, nominative case, parallel corpora, comparative analysis, linguistics.

УДК 811.222.1'06

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН: ДОСТИЖЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Фаткулин Б. Г.

ФГБОУ ВПО Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
bfatkulin@gmail.com

Статья рассказывает о последних тенденциях в развитии прикладной лингвистики в Исламской Республике Иран. Исследователем подробно раскрываются задачи, решаемые иранской школой прикладной лингвистики, анализируются лингвистические ресурсы языка фарси. Автор статьи считает развитие лингвистических ресурсов и прикладных инструментов частью языковой политики государства, проводит обзор государственных и научных учреждений ИРИ, использующих достижения прикладной лингвистики и являющихся заказчиками научных исследований в этой сфере.

Ключевые слова: Иран, персидский язык, прикладная лингвистика, лингвистические ресурсы, электронные словари, тезаурусы, корпуса персидского языка.

ВВЕДЕНИЕ

Обладая высокой степенью политического, культурного и научного суверенитета, Иран в настоящее время является наиболее стабильной страной Среднего и Ближнего Востока. Среди стран региона Иран отличается также высокими темпами развития науки. Международные санкции, объявленные Ирану рядом стран с целью изоляции страны, привели к тому, что Иран нарастил темпы собственных научных разработок и занял в регионе ключевые позиции во многих научных отраслях. По уровню информатизации Иран занимает ведущее место в ряду ближневосточных и средневосточных стран. Иранские специалисты в области информации работают в рамках операционных систем Windows, Unix, Linux (проекты в рамках открытого программного обеспечения), MacOS и Android, регулярно публикуют результаты своих исследований [10; 11; 12; 13; 14; 15]. Репозитории программного обеспечения (Github, sourceforge.net, PyPI – the Python Package Index и т. п.) содержат множество сценариев и скриптов для обработки текстов на персидском языке, включающей токенизацию, лемматизацию, парсинг и другие функции.

В изучении и преподавании языка фарси, а также в информационно-аналитической работе с иранскими источниками информации российскими иранистами пока в большинстве случаев используются классические, проверенные временем методы и приемы ручной выборки информации, требующие больших временных затрат. Однако время не стоит на месте, и российские иранисты постепенно овладевают современными методами и инструментарием, основанным на достижениях современной прикладной лингвистики.

В номенклатуре наук «прикладная лингвистика» – это деятельность по приложению научных знаний об устройстве и функционировании языка в нелингвистических научных дисциплинах и в различных сферах практической деятельности человека.

Исламская Республика Иран является одним из передовых центров по прикладной лингвистике на уровне региона. Наличие собственной научной школы прикладной лингвистики является частью языковой политики и залогом культурного суверенитета страны.

Персидский язык является одним из ключевых языков Востока и одновременно с этим входит в индоевропейскую языковую семью. Поэтому многие алгоритмы, используемые в обработке современных европейских языков (английского, немецкого, французского и др.), с успехом могут быть экстраполированы и на персидский язык. Письменность на основе арабского алфавита отличает персидский язык от других индоевропейских языков, однако современная прикладная лингвистика успешно справилась и с этой задачей, создав множество текстовых кодировок, учитывающих эту особенность персидского языка, например кодировку UTF-8. Овладение компетенциями прикладной лингвистики позволяет современному иранисту избежать множества рутинных операций, работать с большими массивами оцифрованной информации на персидском языке, обогатить свои исследования количественно-статистическими подходами. Исследователь, работающий на стыке иранистики и прикладной лингвистики должен обладать следующими знаниями и умениями:

- 1) знать основные лингвистические ресурсы персидского языка;
- 2) уметь работать с корпусами персидского языка;
- 3) понимать принципы основных алгоритмов по обработке естественных языков;
- 4) уметь пользоваться программным обеспечением для обработки текстов на персидском языке в различных операционных системах.

По месту расположения научные школы прикладной лингвистики в области иранских языков делятся на две группы – внешнюю и внутреннюю [2]:

- 1) внешние научные школы расположены вне пределов Ирана: на востоковедческих отделениях ведущих мировых университетов, в соответствующих силовых ведомствах крупных государств, а также в транснациональных корпорациях;
- 2) внутренняя иранская школа прикладной лингвистики в области иранских языков – прикладная лингвистика, которую иранские ученые сами развивают на своей территории. (Иранские прикладники обрабатывают и другие мировые языки (английский, русский, арабский, китайский и т. д.).

Иранское государство ставит перед прикладной лингвистикой следующие задачи:

- 1) сохранение культурного наследия персидского языка, создание электронных корпусов языка фарси, корпусов классических произведений текстов на персидском языке;
- 2) оцифровка источников по шиитскому направлению в исламе;
- 3) накопление и оцифровка лингвистических ресурсов персидского языка, создание алгоритмов и прикладных программ для обработки языка фарси и других языков;
- 4) создание и хранение лингвистических ресурсов на языке фарси;

- 5) разработка стандартов для электронного документооборота на языке фарси;
- 6) структурирование данных на языке фарси.

Проводниками государственной политики Ирана в области прикладных лингвистических исследований выступают специализированные организации, к примеру:

- 1) Научно-исследовательский институт информационных наук и технологий Ирана (IRANDOC) <http://www.irandoc.ac.ir/>;

- 2) Iranian Journal of Applied Linguistics Studies (IJALS). Этот журнал издается в сотрудничестве с Лингвистическим обществом Ирана, а также Университетом Уппсала, одним из главных центров исследований по иранским языкам в Европе;

- 3) Иранское лингвистическое общество (основано в 2001 году) было признано Министерством науки, исследований и технологий в качестве академического общества в 2004 году, ее цели и деятельность Ирана включают в себя развитие языкового и культурного исследования, сотрудничество с научно-исследовательскими центрами, проекты, связанные с лингвистикой и изучением языка, предоставление образовательных, научно-исследовательских и технических услуг на национальном и международном уровнях, организацию и проведение местных, региональных и всемирных конференций и издание книг, журналов и информационных бюллетеней.

М. Фаал-Хамеданчи в своей статье [Ошибка: источник перекрестной ссылки не найден], написанной в 2010 году, подробно рассматривает развитие лексикографической деятельности в современном Иране с точки зрения прикладной лингвистики. Информация, данная М. Фаал-Хамеданчи, дополнена и актуализирована в диссертации выпускника Уппсальского университета Можгана Сираджи, в которой он проводит обзор современного программного обеспечения в области обработки персидского языка [Ошибка: источник перекрестной ссылки не найден].

Лингвистические ресурсы языка фарси

Прикладная лингвистика оперирует таким понятием, как «лингвистические ресурсы». Лингвистические информационные ресурсы – это множество определенным образом организованных речевых и языковых данных, находящихся на машинных носителях информации и используемых в различных сферах практической деятельности (образовании, промышленности, экономике, культуре, искусстве и т. д.).

Выделяют активные и пассивные лингвистические ресурсы. К пассивным формам относят письменный лексикон, терминологические словари, письменные текстовые массивы (корпуса текстов), фонетические ресурсы, электронные библиотеки и т. д., к активным – алгоритмы, модели, программы, базы знаний.

Проблемам создания лингвистических ресурсов ежегодно посвящается большое количество научных конференций во всем мире. Создан ряд организаций, занимающихся разработкой лингвистических ресурсов: LDC (Linguistic Data Consortium, USA), ELRA (European Language Resources Association), TELRI (TransEuropean Language Resources Infrastructure). Перед этими организациями стоят следующие задачи:

- 1) разработка единых стандартов создания ресурсов;
- 2) разработка способов защиты от несанкционированного доступа;
- 3) создание единых экспертных требований;
- 4) планирование единой стратегии разработки лингвистических ресурсов;
- 5) создание многофункциональных лингвистических ресурсов большого объема для использования в разных странах.

Перечисленные выше задачи стоят и перед иранскими научными структурами. М. Фаал-Хамеданчи в своей статье [3] перечисляет примеры лингвистических ресурсов персидского языка, созданных в Иране. В качестве дополнения к списку М. Фаал-Хамеданчи мы можем привести Корпус Бижанхан (Vijankhan) – размеченный корпус, который содержит ежедневные новости и тексты на общую тематику (4300 различных тематических подразделов). Этот корпус был создан в Университете Тегерана (Database Research Group).

Программные продукты для обработки персидского языка могут быть представлены в различных видах:

- 1) программы с графическим интерфейсом (для пользователей ОС Windows);
- 2) программы для командной строки (для пользователей ОС UNIX и многочисленных разновидностей Linux);
- 3) модули для включения в скрипты на языках программирования (для продвинутых специалистов, использующих языки программирования, например Python).

В качестве примера результатов использования инструментов прикладной лингвистики для обработки текстов на языке фарси мы можем привести библиотеку `hazm 0.5.2`. Python (NLTK совместима и поддерживает язык Python версий 2.7, 3.2, 3.3, 3.4 и 3.5) для обработки текстов на персидском языке, которая выполняет следующие функции:

- 1) нормализация текста (устранение лишних символов);
- 2) токенизация слов на уровне предложений (отделение слов друг от друга и представление их в виде списков);
- 3) лемматизация слов (отделение от слова словообразовательных частиц): сведение слова к его корню;
- 4) низкоуровневый анализ предложений;
- 5) синтаксический анализ и формирование диаграммы зависимостей;
- 6) предоставление интерфейса для просмотра корпусов текстов на персидском языке.

Мы апробировали эту библиотеку в командной строке в языке Python и получили следующий вывод:

```
>>> from __future__ import unicode_literals
>>> from hazm import *
>>> normalizer = Normalizer ()
>>> normalizer.normalize('اصلاح نویسه ها و استفاده از نیمفاصله پردازش را آسان می کند')
'اصلاح نویسه‌ها و استفاده از نیم‌فاصله پردازش را آسان می‌کند'
```

```
>>> sent_tokenize('ما هم برای وصل کردن آمدیم! ولی برای پردازش، جدا بهتر نیست؟')
[ 'ما هم برای وصل کردن آمدیم!', 'ولی برای پردازش، جدا بهتر نیست?' ]
>>> word_tokenize('ما هم برای پردازش، جدا بهتر نیست؟')
[ 'ما', 'هم', 'برای', 'پردازش', '،', 'جدا', 'بهتر', 'نیست', '؟' ]
>>> stemmer = Stemmer()
>>> stemmer.stem('کتابها', 'کتاب', 'کتاب')
```

ВЫВОДЫ

Российские иранисты, работающие на стыке иранистики и прикладной лингвистики, должны установить и поддерживать контакты с иранскими коллегами-прикладниками, активно участвовать в научных конференциях на территории Ирана, печататься в иранских научных журналах и повышать уровень взаимоцитирования с иранскими специалистами. Прикладная лингвистика дает российским иранистам мощный инструментарий для повышения эффективности и качества исследований.

Список литературы

1. Гладкова Е. Л. Школы преподавания индоиранских и африканских языков // Вестник МГИМО Университета. 2014. Т. 5 (38).
2. Фаал-Хамеданчи М. Современная лексикографическая деятельность в Иране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. Т. 1.
3. Фаткулин Б. Г. Использование лингвистически ориентированных модулей на языке Python для обработки больших текстовых массивов на восточных языках в целях эффективного сбора и обработки данных по отраслям востоковедческой тематики (на примере NLTK) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12, № 1. – С. 72–75.
4. Фаткулин Б. Г. Современные методы извлечения терминологии и представления выборки терминов в виде базы данных (на примере исламоведческой отрасли современного китайского языка) // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов III Международной научной конференции / Под ред. Смирнова М. Челябинск: Энциклопедия, 2015. – С. 395–398.
5. Фаткулин Б. Г. Использование современных инструментов прикладной лингвистики для извлечения терминологических единиц (на примере обработки раздела «Афганистан» в китайской он-лайн энциклопедии Baidu) // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2013. Т. 3, № 12. – С. 143–147.
6. Фаткулин Б. Г. Прикладная лингвистика на службе китаеведения: автоматизация загрузки контента на заданную тему из китайской энциклопедии «БАЙДУ БАЙКЕ» с помощью специального программного обеспечения в рамках операционной системы LINUX // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы V Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов, Н. В. Киреева. 2015. Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск), 2015. – С. 374–378.
7. Esfahbod B., Pournader R. FarsiTeX and the Iranian TeX Community // TUG 2002. 2002. Т. 23, № 23-1. – С. 41–45.
8. Megerdoomian K., Parvaz D. Low-density language bootstrapping: The case of Tajiki Persian // Proceedings of LREC 2008 (Language Resources and Evaluation Conference). Marrakech, Morocco, 2008.
9. Dolamic L., Savoy J. Ad Hoc Retrieval with the Persian Language // Lect. Notes Comput. Sci. Springer, 2010. Т. 6241/2010. – С. 102–109.

10. Shamsfard M., Barforoush A. A. An Introduction to Naṣṭi: An Ontology Learning System // Proceedings of the 6th Conference on Artificial Intelligence and Soft Computing, 2002.

11. Evaluation of Part of Speech Tagging on Persian Text // Proceedings of the 2nd Workshop on Computational Approaches to Arabic Script-based Languages / Под ред. Farghaly A., Megerdooian K. Stanford, California, USA, 2007.

12. Seraji M. Morphosyntactic Corpora and Tools for Persian. Uppsala University, Department of Linguistics and Philology, 2015. № 16. – 191 с.

13. Bijankhan M. и др. Lessons from building a Persian written corpus: Peykare // Lang. Resour. Eval. 2011. Т. 45, № 2. – С. 143–164.

УДК 811.512.145

ПЕРЕВОД СЛОВ-РЕАЛИЙ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «МИЯУБИКЭ» Г. ТУКАЯ НА РУССКИЙ, ТУРЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Конова А. И.

*Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, РТ
E-mail: alfi.pupon2009@gmail.com*

Данная статья посвящена анализу переводов национальных реалий, употребленных в стихотворении великим татарским поэтом Г. Тукаем. Произведения поэта характеризуются достаточно частым употреблением слов-реалий. Автор использует слова, содержащие культурную информацию о повседневной жизни татарского народа, о предметах его национальной одежды, об окружающей его природе, о фольклоре, придуманном этим народом, и т. д. В стихотворении «Мияубикэ» проанализирован перевод слов-реалий на русский, турецкий и английский языки.

Ключевые слова: перевод, Тукай, культурная информация, национальные реалии, слова-реалии.

ВВЕДЕНИЕ

Почти у каждого народа имеется свой писатель, который признан, с одной стороны, недостижимой звездой, с другой – своим, родным, истинно народным писателем. Подобной фигурой для русского народа является Александр Сергеевич Пушкин, для английского народа – Уильям Шекспир. Для татарского же народа, бесспорно, это – Габдулла Тукай. Творческое наследие Габдуллы Тукая является неопределимым богатством для татарского языка и литературы.

Изучение творчества Габдуллы Тукая является чрезвычайно ответственной задачей. Ещё более важной задачей является распространение этого наследия, с тем чтобы как можно большее количество людей были знакомы с настоящими шедеврами, созданными талантливым сыном татарского народа. Тем более сам Г. Тукай хорошо знал мировую литературу и был знаком с творчеством многих выдающихся писателей. Более того, поэт переводил на татарский язык произведения некоторых русских и турецких писателей-поэтов.

Стихотворения Г. Тукая переведены на английский, немецкий, финский, французский, китайский турецкий, башкирский, казахский, киргизский, узбекский, уйгурский, русский, украинский, венгерский, арабский, персидский, таджикский и др. языки. Бесспорно, для татарского народа важно, как переводчики справляются с такой сложной задачей, как представление другому народу произведений поэта, чьё творчество является гордостью национальной литературы. Именно этой проблеме посвящена данная статья.

Наличие большого количества научных трудов лингвистического и литературоведческого характера, посвященных изучению творческого наследия данного поэта, свидетельствует о большом интересе к поэзии Г. Тукая. И в настоящее время продолжают появляться работы, в которых анализируются всё новые аспекты творчества поэта, что говорит о многогранности таланта Г. Тукая. Язык великого Тукая отличает-

ся своим богатством, яркой красочностью и большим разнообразием стилистических средств.

ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЙ Г. ТУКАЯ

Свои ранние произведения Г. Тукай писал на старотатарском литературном языке (тюрки), который до середины XIX века представлял собой смесь арабского, персидского, чагатайского и османо-турецкого языков.

Современному носителю татарского языка очень сложно даже понять оригинальные произведения Г. Тукая, написанные на старотатарском литературном языке. Поэтому начиная с 1955 года была проведена определенная работа по переводу данных стихотворений на современный татарский язык.

Наряду с насыщенностью словами, заимствованными из арабского и персидского языков, тексты произведений Г. Тукая характеризуются достаточно частым употреблением слов-реалий. Данное свойство стихотворений автора мы связываем с их содержанием – полностью посвящены родному для поэта народу, его чаяниям; они повествуют о нём; они адресованы ему. Соответственно, автор использует слова, содержащие культурную информацию о повседневной жизни татарского народа, о предметах его национальной одежды, об окружающей его природе, о фольклоре, придуманном этим народом, и т. д. – слова-реалии.

СЛОВА-РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ТУКАЯ

Как лингвистическое явление реалии (лат. *realia* – «вещественный», «действительный») относятся к категории безэквивалентной лексики.

Абсолютно народный характер поэзии Габдуллы Тукая, о котором уже упоминалось выше, обеспечивается и благодаря употреблению достаточно большого количества слов-реалий. Иначе как можно представить себе столь реальное изображение жизни, быта, традиций и обычаев татарского народа, являющегося центральной фигурой творчества писателя, как это получалось у Г. Тукая. Именно употребление подобной лексики обеспечивает высокую степень достоверности и правдоподобности ситуаций, описанных писателем в его произведениях.

В произведениях татарского поэта Габдуллы Тукая отмечается достаточно частое использование слов-реалий, что можно связать с тем, что автор пишет о народе, о его быте, его мыслях, переживаниях и т. д. Героями произведений являются представители разных слоев общества в некоторых произведениях – определенная часть общества или даже целый народ.

Остановимся на анализе перевода на турецкий, русский и английский языки слов-реалий, употребленных в стихотворении Г. Тукая.

СЛОВА-РЕАЛИИ С КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ СВЕТСКОГО ХАРАКТЕРА

В стихотворении Г. Тукая «Мияубикэ» были употреблены национальные реалии *бәләш* и *сумса* [1, 140]:

*Кайвакытурлапашасаңсинбәләшләр, сумсалар,
Һәм сине: «ник урладың?» – дип, орсаларйәсуксалар,*

По татарско-русскому словарю реалия *бәләш* переводится на русский язык как «бәләш (большой круглый пирог с начинкой)» [2, с. 90], реалия *сумса* переводится как «пирожок» [2, с. 491].

На турецкий язык это стихотворение было переведено Ф. Озкан под названием «*Miyav Sultan*» [3, с. 703].

Остановимся на переводе отрывка из двух строк:

*Bazen, çalarakıyincesen, börekler, çörekler,
Neden çaldın, diyevursalarsana, senidövseler.*

Как мы видим, из двустишия были употреблены слова *börek* – «пирог, пирожок (с сыром, мясом и т. п.)» [2, с. 131] и *çörek* – «нечто круглое, диск; чурек, сдобная лепешка; хлеб, коврига хлеба» [2, с. 199]. В данном переводе вместо реалии «сумса» было использовано слово «*çörek*», хотя в стихотворении «*Ләззәт вә тәм нәрсәдә?*» та же самая национальная реалия была переведена как *börek*. А в рассматриваемом стихотворении слово *börek* было использовано при переводе национальной реалии «*бәләш*». Нельзя не отметить, что предложенный перевод не передает культурную информацию оригинала, заключающуюся в способе его приготовления, подачи к столу и торжественности обстановки при этом, т. к. бәләш всегда готовили по праздникам или для дорогих гостей. Ради справедливости следует отметить, что в языке перевода не существует языковой единицы, которая могла передать данную культурную информацию. В данном случае были употреблены аналоги двух татарских реалий *бәләш* и *сумса* – *çörekbörek*. Способ перевода упомянутых реалий – сусституция (дифференция).

На английский язык стихотворение было переведено как «Eulogy» [4]. Однако при переводе данного произведения переводчик позволил себе заметное опущение: английский вариант перевода состоит из четырех строк, тогда как в оригинале 148. Соответственно, вышеупомянутые слова не присутствуют в переводе.

На русский язык стихотворение было переведено А. Шпиртом под заглавием «Кисонька (поэма)» [5, с. 242]; В. С. Думаева-Валиева перевела название стихотворения «Мияубике» [6, с. 151], т. е. транскрипцией.

А. Шпирт перевел приведенное двустишие как:

*Беляши крала на кухне, пищу вкусную любя.
И за это беспощадно били палкою тебя.*

Переводчик передал соответственно только одну реалию *бәләш* при помощи слова *беляши*. Можно считать, что слово переводится эквивалентом, заимствованным из тюркских языков. Заимствование можно считать фонетическим, так как в разговор-

ной речи слово употребляется достаточно часто, однако в словарях русского языка оно не зафиксировано. Реалия *сумса* была переведена просто как *пицца*. В данном переводе также присутствует искажение денотативного значения татарской реалии *сумса*, так как переводчику не удалось передать культурную информацию татарской реалии. Переводчик применил лексическую трансформацию – генерализацию: *сумса* – *пицца*.

Перевод В. С. Думаевой-Валиевой звучит следующим образом:

Иногда случилось если, что утащишь невзначай

Ты сумсу, кусок бляшиша, и тебя знала энкяй.

Как видно из двустишия, переводчица передала национальные реалии *бәләш* и *сумса* на русский язык транскрипцией. Однако нельзя ожидать, что у русского читателя данные слова вызывают те же самые ассоциации, которые возникают у читателя текста оригинала.

В стихотворении Г. Тукая «Мияубикә» [1, с. 140] была также употреблена национальная реалия *калфак*.

Уталыганһөйэчендә, яктылыккаганзалын;

Бай хатыныкөзгеалдындатөзтәкәлфагын.

На турецкий язык реалия «калфак» в данном отрывке переводится как «*kalpak*». Слово *калфак* определяется татарско-русским словарем как «*национальный женский головной убор, расшитый бисером или жемчугом*» [2, с. 217]. Основной функцией данного головного убора было украшение женщины. Калфак готовился вручную, поэтому каждый калфак был уникальным. Возможно, калфак имел символическое значение, как коронование красоты девушки/женщины, что кажется еще более реалистичным, если учитывать отношение к дочери в татарской семье – ее оберегали и о ней заботились ее отец и братья. В татарско-турецком словаре слово *калфак* переводится как «*kız başlığı*», т. е. по-русски «*девичий головной убор*» [7, с. 132]. Однако выражение *kız başlığı* является общим для всех женских головных уборов, и в турецко-русских словарях не обнаруживается отдельного слова с соответствующим значением. А перевод слова *kalpak* на татарский язык в словаре не дается. В данном случае следует отметить искажение значения, неточный перевод, ошибку переводчика, в результате которой вместо слова, обозначающего чисто женский предмет одежды, украшающий образ женщины, употребляется слово, которое обозначает чисто мужской головной убор. Таким образом, вместо нежного образа девушки перед читателем турецкого перевода возникает образ женщины в мужском головном уборе. Поэтому данный перевод можно квалифицировать как явную ошибку переводчика.

Işıkyakılmış eviçerisinde, aydınlatılmış oda,

Beyinkarısı düzeltirkalpağını aynakarşısında.

На русский язык А. Шпирт передал реалию «калфак» как «калфак».

Ждет. Огонь уже зажегся, разгоняя в доме мрак.

Перед зеркалом хозяйка поправляет свой калфак.

В. С. Думаева-Валиева передала реалию «калфак» подобным же образом, т. е. транслитерацией:

*Яркий свет сияет в доме, зала вся освещена,
В калфаке хозяйка дома в зеркалах отражена.*

Все переводчики, работавшие с данным тестом, передали реалию на русский язык с помощью транскрипции, однако нет ссылки на значение данной реалии.

На английский язык данную реалию не перевели, так как при переводе стихотворение подверглось сильному сокращению, вместо нескольких частей переводчик оставил четыре строчки.

*Кайвакытурлапашасаңсинбәләшләр, сумсалар,
Һәм сине: «ник урладың?» – дип, орсаларйәсуксалар,*

Представленные выше строки из стихотворения Г. Тукая «Мияубикә» содержат национальные реалии в виде слов *бәләш* и *сумса*. О втором из упомянутых слов выше дается подробный комментарий. *Бәләш* – это вид большого круглого пирога с начинкой, основными ингредиентами которой являются мясо, картошка и лук. Как и большинство блюд татарской национальной кухни, *бәләш* является высококалорийным блюдом. Это возможно связано с тем фактом, что племена, от которых татарский народ происходит, вели в основном кочевой образ жизни, что естественно требовало больших энергетических затрат. Поэтому при приготовлении *бәләша*, как и при приготовлении других блюд, предпочтение отдавалось жирному мясу. С этим связана и подача данного блюда на стол с бульоном, который, как считается, облегчает переваривание жирного продукта. Нельзя не отметить, что процесс подачи и принятия *бәләша* имеет свои правила, которые придуманы с учетом уважения к старшим членам семьи, заботы о здоровье принимающих пищу и соблюдения правил личной гигиены. Естественно, *бәләш* не повседневное блюдо. Он готовится по особым случаям, поэтому данное слово вызывает чувства, которые ассоциируются с национальными или семейными праздниками.

Таким образом, язык великого татарского поэта Г. Тукая богат и разнообразен.

В произведениях Г. Тукаянаблюдается достаточно частое употребление слов-реалий, т. е. слов с содержанием особой культурной информации, которая не всегда понятна носителям другого языка.

При переводе слов-реалий с культурной информацией светского характера на русский язык основным фактором, способствующим сохранению культурной информации, является географическая близость народов, благодаря чему народы имеют общие предметы материальной культуры или имеют определенные знания о культуре друг друга.

Проведенный анализ даёт нам право сделать вывод о том, что большое количество опущений татарских слов, содержащих культурную информацию, при переводе на английский язык или несохранение культурной информации при переводе самих слов объясняются отдаленностью народов-носителей двух языков как географически, так и генетически. Свою негативную роль сыграло также использование языка посредника.

Перевод слов-реалий на турецкий язык осуществлялся путем подбора аналогов. Однако культурная информация при таком способе перевода не сохраняется.

Список литературы

1. Тукай Г. Собрание сочинений: в 4 т. / Габдулла Тукай. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. (62)
2. Татарско-русский словарь / Под ред. М. М. Османова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 863 с. (46)
3. Özkan F. Abdullah Tukay'ın Şiirleri. İnceleme-Metin-Aktarma. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1994. – 958 s. (108)
4. Тукай Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gabdullatukay.ru> (119)
5. Тукай Г. Стихи, поэмы и сказки / Г. Тукай; под ред. М. Львова, Р. Башкурова. – Казань: Таткнигоиздат, 1958. – 276 с. (68)
6. Тукай Г. Избранное / Г. Тукай. – Пер. с татар. В. С. Думаевой-Валиевой. – Казань: Магариф, 2008. – 223 с. (55)
7. Tatarca-Türkçe sözlük. Kazan-Moskova: İnsanYayınevi, 1997. – 496 s. (112)

Konova A. I. The translation of words-realities from G. Tukay's poem «miyaubike» into the Russian, Turkish and English languages / A. I. Konova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 397–402.

Gabdulla Tukay (1886–1913) – is an outstanding Tatar national poet, the literary critic, the public figure, the publicist and the translator who has gained recognition not only among Tatars but also well-known among all Turkic people. The creative heritage of Gabdulla Tukay is invaluable wealth for Tatar language and literature.

G. Tukay's great language is characterized by its richness, bright beauty and a big variety of stylistic means.

In addition to the richness of words borrowed from Arabic and Persian languages, the texts of G. Tukay's works characterized by fairly frequent use of word-realities. This property of the author's poems we associate with their content – completely dedicated to the poet's native people, their aspirations; they tell about it; they are addressed to them.

Language of the great Tatar poet G. Tukay demonstrates his great talent. This poet is surprising not only the richness and diversity of their language, and wonder how brilliantly talented writer creates his poems.

The translation of words-realities demands from the translator not only specific knowledge and also ability to solve complex translation challenges.

This article is devoted to the analysis of the translations of the national realities used in the poem by the great Tatar poet G. Tukay. Works of the poet are characterized by rather frequent use of words-realities. The author uses the words containing cultural information about the daily life of the Tatar people, on pieces of his national clothes, on the nature surrounding him, on folklore, invented by these people, etc. In the poem «Miyaubike» is analysed the translation of words-realities into the Russian, Turkish and English languages.

Keywords: translation, Tukay, cultural information, national realities, words realities.

УДК 811.512'33

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Меметов И. А.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: Isken25@mail.ru

В статье обосновывается целесообразность использования мультимедийных средств и Интернета в обучении турецкому языку в качестве основного или дополнительного компонента учебной программы наравне с традиционными материалами и методами. Применение новых технических (мультимедийных) средств предполагает освоение новых форм и методов преподавания, разработку новых подходов к процессу обучения. Анализируются преимущества использования компьютерных и Интернет-технологий на занятиях по турецкому языку, с предложением новых технологических решений.

Ключевые слова: технические средства, Интернет, мультимедийные устройства, турецкий язык.

ВВЕДЕНИЕ

До появления в классах, рассчитанных на изучение иностранных языков, технических средств обучения, прилагалось немало усилий. Все начиналось с простейших аудиотехнических средств используемых в аудировании языка.

В современном мире в овладении иностранными языками всесторонне используются мультимедийные устройства и Интернет.

Интернет открыл целый новый мир возможностей для тех, кто стремится изучать турецкий язык. Развитие информационных технологий вносит в нашу жизнь свои коррективы: вместо того чтобы посещать обычные уроки и учиться с преподавателем в традиционной обстановке, многие изучают иностранные языки, не выходя из собственного дома. Помимо экономии времени, образование через Интернет предоставляет целый ряд новых возможностей.

Сам термин «*мультимедиа*» образован из слов «*мульти*» (много) и «*медиа*» (среда, носитель, средства сообщения), и в первом приближении его можно перевести как «*многосредность*».

Мультимедиа – это собирательное понятие для различных компьютерных технологий, при которых используется несколько информационных сред, таких как *графика, текст, видео, фотография, движущиеся образы (анимация), звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение*.

Технологию мультимедиа составляют два основных компонента – *аппаратный* и *программный*.

Мультимедиа-устройства – это устройства ПК, которые непосредственно служат для работы со звуковой, графической и видеоинформацией.

Мультимедиа-компьютер – это компьютер, снабженный аппаратными и программными средствами, реализующими технологию мультимедиа.

К устройствам мультимедиа относят:

- **графические акселераторы (ускорители)**. Современные видеокарты все являются графическими ускорителями;
- **приводы CD-ROM/RW, DVD-ROM/RW** и др.;
- **звуковые карты и звуковые системы**. Звуковые системы создают так называемый 3D-звук и включают в себя несколько колонок и **сабвуфер** (усилитель), который управляет воспроизведением звука.

Тюнер – это плата расширения (иногда тюнер объединяется с видеокартами или аудиокартами) или внешнее устройство, с помощью которого на ПК возможен прием, просмотр и оцифровка телевизионного сигнала и сигнала с видеомagneфона (**ТВ-тюнеры**), радиосигнала (**FM-тюнеры**).

Колонки – небольшие громкоговорители, через которые проигрывается звук. Колонки бывают **пассивные** и **активные**. Пассивные колонки работают за счет мощности встроенного усилителя звуковой карты, а активные сами содержат усилитель. Звучание активных колонок обычно лучше.

Микрофон. В зависимости от физических принципов действия подразделяются на угольные, динамические, электромагнитные, пьезоэлектрические, конденсаторные. Сферы применения в ПК самые разнообразные: реализация возможностей телефона, автоответчика, работа с мультимедийными программами, переговоры по сети (видеоконференции) и т. д.

MIDI-клавиатуры. Для создания музыки в стандарте MIDI через специальный разъем практически ко всем звуковым картам может быть подключена MIDI-клавиатура. Это устройство аналогично клавиатуре синтезатора, но вместо того, чтобы самостоятельно синтезировать музыку, MIDI-клавиатура преобразует ее в сигналы ПК.

Другие периферийные устройства, подключаемые к ПК: цифровые **фото** и **видеокамеры**, **MP3-плееры** и др.

Конечно, все эти «новинки» современного мира изначально разрабатывались для изучения английского и немецкого языков, видимо, потому, что изначальной родной мультимедийных новшеств были либо англоязычные страны, такие как США, Канада, Англия, либо страны, в которых на первом месте стояла цель изучения английского языка, это Япония, Германия и т. п.

А вот что касается турецкого языка, то развитие мультимедиа-аудио и видеоматериалы намного отстали от вышперечисленных языков. Нашей целью является определение степени применения мультимедийных устройств и видеоматериалов в изучении турецкого языка.

Так, например, при помощи Интернета можно:

- включать материалы сети в содержание занятия (интегрировать их в программу обучения);
- проводить самостоятельный поиск информации учащимися в рамках работы над проектом;
- формировать и развивать умения и навыки чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;

– формировать и развивать умения и навыки аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет, также соответственно подготовленных преподавателем;

– пополнять словарный запас лексикой современного турецкого языка.

На данный момент существует большое количество сайтов, посвященных преподаванию турецкого языка. На таких сайтах можно найти готовые занятия преподавателей, различные тематические тексты, упражнения, грамматические пояснения, аудиокниги и др. Однако специфика предмета «Турецкий язык» заключается в том, что он предполагает обучение различным видам речевой деятельности: говорению, аудированию, чтению, письму. Обучать речевой деятельности можно лишь в живом общении, а для этого нужен партнер. Компьютерная программа, компакт-диск, какими бы интерактивными при этом они ни были, могут обеспечить лишь общение с машиной. При традиционном обучении коммуникативный аспект реализуется более эффективно, поэтому компьютерные программы должны использоваться в качестве важного, но дополнительного компонента учебной программы, наравне с традиционными материалами и методами.

Еще одно. Прежде всего четко определите для себя, зачем вам нужен турецкий язык: а) **для учебы** (сдать экзамены, поступить в вуз); б) **для работы** (общаться с коллегами, писать письма, читать литературу); в) **для зарубежной поездки** (разговорные фразы в повседневных ситуациях, на отдыхе); г) **для перевода текстов** (научная работа, написание статей, цитирование тюркоязычных источников) и т. д. Надо уяснить свою **мотивацию**. В зависимости от вашей цели вам понадобится тот или иной объем языка. Ваши успехи будут прямо пропорциональны вашей мотивации (как, собственно, в любом деле).

Для более эффективного изучения турецкого языка, надо понимать следующие **факты**:

– выучить весь турецкий язык невозможно (или практически невозможно). Но главный плюс понимания этого факта в том, что знать весь язык идеально и не требуется;

– нужно знать определенный объем, способный удовлетворить **реальные** потребности, соответствующий вашей цели. Мы не знаем всего объема нашего родного языка, и нас это нисколько не напрягает;

– мы не помним все грамматические правила, не знаем огромного количества узкопрофессиональных терминов и т. д.

Есть определенный объем **грамматики** и **лексики**, который можно и нужно выучить. Наиболее употребительные слова и элементарные правила грамматики надо знать. Как определить эти слова и правила? Это, опять-таки, зависит от вашей цели. Какие слова вы используете чаще всего на родном языке? Именно их надо знать и в турецком: существительные, описывающие окружающий нас мир, личные местоимения, числительные, основные глаголы и прилагательные. Что касается грамматики – это порядок слов в предложении, 4 основных времени глагола – настоящее, прошедшее, будущее и время на **MİŞ**.

Основные принципы технического обучения языкам при помощи «видео».

Во времена, когда видео впервые появилось в наших домах, использование видео в классах воспринималось студентами как «награда», которая с нетерпением ждала своего «присуждения». Из-за того что учебные заведения не могли себе позволить использовать более одного видеоаппарата, просмотр учебных видеопрограмм проходил в специально оборудованной и оснащенной системой охраны видеокомнате. Видео считалось едва ли не «святым», недостижимым, и непривычность использования его приводила к отрицательным результатам. Из-за отсутствия каких-либо учебных пособий по использованию видео в обучающей программе преподаватели пользовались им как развлечением для студентов, так и для просмотра и прослушивания видеоматериалов в своих целях. Прежде всего нужно определить, что такое видео:

- видео – это не «чудодейственный» прибор, который займет место преподавателя и заменит его;
- видео, используемое в классах, отличается от видео, используемого в доме. В классах во время использования видео необходимо участие студентов;
- видео должно быть не «показываемым» материалом, а «используемым»;
- видео, абстрагированное от других видов деятельности и языка, не является материалом, который используется для обучения;
- видео – это не цель, а средство. Для определения степени наблюдаемости в конце просмотра материала должна быть проведена заключительная работа;
- главная функция видео – научить правильно пользоваться видеоматериалами и передавать смысл, близкий к сюжету.

Видеоматериалы.

Все виды программ, которые просматриваются дома по телевизору (художественные фильмы, реклама, мультфильмы, соревнования, новости, документальные фильмы и др.), могут использоваться и в классах. Эти программы нужны для обогащения знаний. При обсуждении применяются слова из двух видов видеоматериалов: реальные материалы и фильмы, разработанные для изучения языка:

- **реальные материалы.** В эту группу входят упомянутые выше, разработанные для телевидения и видео различные фильмы, не подходящие для изучения языка;
- **фильмы, разработанные для изучения языка.** Эти фильмы отличаются от реальных материалов тем, что они включают в себя определенные темы, главная цель которых – научить. Однако эти выражения редко используются за пределами класса. Но и здесь есть исключение.

Для выбора видеоматериалов для преподавания языка существует несколько критериев. Самым главным является время действия видеосюжета, по поводу которого появляются различные точки зрения. Приблизительно время действия должно быть 30–40 минут. Для выбора видео учитываются следующие элементы: а) получить лингвистические и нелингвистические знания и проработать их; б) распределение внимания; в) память; г) классические программы; д) существующее оборудование; е) цель курса; ж) необходимый уровень студентов.

Для использования видео при изучении турецкого языка мы применяем следующие жанры видеоматериалов.

1) Сленг или свойственные определенной среде разговоры, содержащиеся в фильме и программах.

В этой работе термин «фильм» не включает в себя те фильмы, которые показываются на видео или в кинотеатре. Этот термин может включать видео с театральным представлением, сериалами. Но целью студентов не является изучение сленга или языка, присущего отдельной среде. Документальные или дискуссионные программы полезны для объяснения различных значений в языке. Однако в фильмах с сюжетом актеры приносят изменения в язык, но нет необходимости изучения этих изменений студентами.

2) Мультфильмы для детей.

В мультфильмах, где приводятся карикатуры людей и других существ (например, Насреддин Ходжа), разговоры неестественны. Если задуматься над тем, что иногда даже тем, для кого турецкий является родным языком, тяжело понять эти мультфильмы; таким образом, существуют недостатки этих видов фильмов.

3) Иностранные фильмы, озвученные на турецком языке.

В отличие от аудиокассет на видео мы можем видеть изображение. Студенты должны не только слышать, но и видеть обстановку, людей в фильме. Для того чтобы дети научились разговаривать на родном языке и параллельно этому для того чтобы студенты изучили иностранный язык, смотрящие должны видеть рот говорящего. Иногда, если студенты что-то не услышали, то могли понять эти слова по движению губ. Но в озвученных фильмах студенты лишены этой возможности. К тому же в иностранных фильмах нет возможности проследить культуру страны, изучаемого языка.

4) Фильмы с титрами.

Эта категория фильмов будет привлекать внимание, и вместо того чтобы слушать, студенты будут читать. При выборе видеоматериала не должно быть ничего лишнего перед глазами.

На самом деле вне зависимости от уровня студентов необходимо использование видеоматериалов. Это не зависит от желания студентов, т. е. это «обязательно».

Использование видео.

Любой материал изучения языка требует первоначального выбора видео, затем – обработка, и уже в последнюю очередь нужно: **а)** расширять или **б)** проверять знания. Расширение значит, что видеоматериал должен способствовать укреплению и расширению знаний.

Затем необходимо проверить знание после просмотра. Выбор видео (период перед просмотром), обработка (период просмотра) и проверка (период после просмотра) включают несколько упражнений:

1) «Несистематизированная отработка».

Найти близкие по значению слова на предложенное.

А. Работа над пополнением знаний. Дополнение видеоматериалов рисунками, плакатами.

Б. Резюме на фильм. Перед написанием резюме нужно вникнуть в проблему фильма.

В. Анкеты и интервью студентов. Определить личные взгляды студентов на проблему, изложенную в фильме.

2) Разрешение проблем. Поставить вопрос, касающийся сюжета, и требовать от студентов предложений по поводу данной проблемы.

А. Работа со словарем. Соединить все слова на видеоматериале для решения проблемы.

Б. Дискуссия по поводу названия фильма. Дать название фильма со студентами, дополнить пропущенные в сюжете проблемы.

3) Выключить звук.

Студенты без звука, по сюжету, движениям, обстановке должны объяснить, что происходит.

4) Убрать изображение.

Студенты должны только слушать. После того как у студентов сложилось мнение по поводу видео, можно начать просмотр.

При использовании этих правил в работе с видеоматериалом вы достигните поставленной цели.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги применения видеотехники при изучении турецкого языка.

Для того чтобы использовать видео для изучения турецкого языка как иностранного, нужно знать основные пункты разработки и применения видеоматериалов.

1. Обязательно учитывать уровень знаний.

2. Видео должно использоваться для работы с сюжетом. Цель – не показывать фильм, а использовать его для изучения языка и получения знаний.

3. Каждый видеурок должен подразделяться на: допросмотровый период, непосредственный просмотр и послепросмотровый период.

4. Если даже преподаватель перед занятием неоднократно работал с материалом, то должен еще раз просмотреть его. Все упущенные ранее пункты должны быть замечены и восстановлены в памяти.

5. Делать интересными длинные и монотонные видеоматериалы.

6. Перед занятием проверять видеоаппарат и научиться устранять мелкие неисправности.

7. Во избежание лишней затраты электроэнергии и других неполадок преподаватель заранее должен подготовить видеотехнику и видеоматериалы.

8. Видео не должно использоваться для времяпрепровождения и развлечений.

9. Избегать использования длинных полнометражных фильмов, т. к. этот вид фильмов занимает много времени и неэффективен во время его обработки.

10. Видео не служит для того, чтобы преподаватель спокойно проводил свое время. Преподаватель не должен отлучаться во время просмотра видеоматериала, а находиться с учащимися в аудитории.

Вторым шагом является правильное использование мультимедийных устройств в образовании.

В образовании мультимедиа используется для создания компьютерных учебных курсов, словарей, справочников, таких как энциклопедии и сборники. Компьютерные учебники и справочники позволяют студенту пройти через серию презентаций тематического текста и связанных с ним иллюстраций в различных форматах представления информации.

Теория обучения за последнее десятилетие была значительно развита в связи с появлением мультимедиа. Выделилось несколько направлений исследований, такие как теория **когнитивной нагрузки**, **мультимедийное обучение** и другие. Возможности для обучения и воспитания почти бесконечны.

Теория **когнитивной нагрузки** – это количество логических связей и переходов, необходимых нашему мозгу для осознания и понимания объекта, на который мы смотрим.

Приступая к созданию электронного курса для обучения определенного языка, наверняка каждый составитель планирует сделать свою обучающую программу более насыщенной, интересной и легкой для восприятия учащимися. Визуальные элементы: иллюстрации, видеоматериалы, анимация, фотографии т. п. – всё это важные элементы учебного мультимедийного процесса. Но мы всегда должны помнить, что простота – ключ к успеху продукта. И в первую очередь это касается содержания и элементов дизайна электронных курсов. Если в интерфейсе содержится слишком много графики или слишком много текста, то это будет препятствовать приобретению знаний и приведёт к **когнитивной нагрузке**.

Чем меньше информации поступает в мозг обучаемого для обработки, тем лучше это будет сказываться на обучении.

Всегда надо помнить, что даже цвет является информацией и чрезмерное использование его уменьшает производительность обучения. Поэтому использование цвета и визуальных эффектов нужно минимизировать, чтобы обращать внимание только на самые важные вещи и в нужное время.

Но что же делать, если содержание обучения должно содержать много важных деталей? Мультимедиа имеет отличное оружие для таких случаев, и это интерактивная графика. Например, студенты языковых курсов, а именно изучающие турецкий язык, должны видеть много деталей: буквы, окончания, аффиксы и т. п. должны быть выделены ярким цветом, быть крупными и в хорошем начертании.

Особенности турецкого языка таковы, что у него непривычные грамматические правила. Турецкий язык относится к агглютинативным языкам, т. е. к таким, в которых грамматические категории выражаются определенными суффиксами, которые один за другим лепятся к корню. Например, слово **dersane** [дэрсанэ] переводится как «аудитория, класс». Чтобы образовать множественное число, необходимо добавить суффикс **-ler** [лер]: **dersaneler**. Чтобы сказать «наши аудитории», необходимо прилепить суффикс **-imiz** [имиз]: **dersanelerimiz**. Чтобы сказать «в наших аудиториях», то следует добавить суффикс местного падежа **-de** [дэ]: **dersanelerimizde**.

Например, буквы алфавита. В турецком языке их **29**. Гласные **a, ı, o, u, e, i, ö, ü** и согласные **b, c, ç, d, f, g, ğ, h, j, k, l, m, n, p, r, s, ş, t, v, y, z**. Указательные местоимения (**bu, şu, o**). Вопросительные местоимения (**kim, ne**). Обозначения множественного числа (**-lar** и **-ler**). Особое внимание уделить закону гармонии гласных. **Негубными** являются **a, ı, e, i**. **Губными** являются **o, u, ö, ü**, и что за чем следует: **A → I; E → İ; O → U; Ö → Ü**. Временные окончания глаголов.

Настоящее время (**-yor**). Прошедшее категорическое время (**-ti/-di**). Будущее категорическое время (**-[y]acak/-[y]ecek**). Настоящее-будущее время (**-r, -ır, -ar**). Прошедшее субъективное (неочевидное) время (**-miş**) и так далее.

Так мы имеем возможность разворачивать мелкие детали, не теряя более широкий контекст.

Таким образом ставить вопрос: «Как эффективнее изучать турецкий язык более распространенным способом при помощи учителя, книг и тетрадей или сидеть и до потери сознания слушать и смотреть обучающие программы, фильмы, мультфильмы по телевизору, пока они сами «автоматом» не отпечатаются в мозгу и вы в один прекрасный момент, как по взмаху волшебной палочки, бегло заговорите на языке?» – будет не правильно. В обучении турецкому языку нужно комплексно применять все методы. И разъяснение предмета, и заучивание новых слов с записью их в словники с последующим переводом с одного языка на другой и наоборот. А также использовать новые современные технические средства, аудио, видео, компьютерную технику и Интернет в совершенствовании разговорной речи, правильного произношения слов и выражений.

Список литературы

1. Абалуев Р. Н. Интернет-технологии в образовании: учебно-метод. пособие. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2002. – 125 с.
2. Андреев В. И. Педагогика высшей школы: инновационно-прогностический курс: учеб. пособие. Казань: Центр инновац. технологий, 2005. – 499 с.
3. Громов Г. Р. Очерки информационной технологии. М.: Эксмо, 2003. – 157 с.
4. Дмитриева Е. И. Дидактические возможности компьютерных телекоммуникационных сетей для обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1997. № 4. – С. 22–26.
5. Карамышева Т. В. Изучение иностранных языков с помощью компьютера. СПб.: Союз, 2009. – 192 с.
6. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика. Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 2009. – 205 с.
7. Сомова С. В. Инновационные технологии в обучении иностранным языкам // Язык и коммуникация в контексте культуры: мат-лы V Междунар. науч. конф. Рязань, 2010. – С. 330–336.
8. Федорова И. В. Мультимедийный аспект обучения иностранным языкам // Язык и коммуникация в контексте культуры: мат-лы V Междунар. науч. конф. Рязань, 2010. – С. 344–345.
9. DİL DERGİSİ. A. Ü. TÖMER Dil Öğretim Merkezi. Kasım. 1997.
10. Higgins J., Tim J. 1984. Компьютерное изучение языков. London and Glasgow: CollinsELT. Lonergan J. 1983. «Video applications in English language teaching».
11. I. «Video and language comprehension» ELT. journal, 40, 2. Morley J. ve Lawrence M. S. 1971. «The use of films in teaching English as a second language».

Интернет ресурсы

1. Обучение он-лайн турецкому языку. [Электронный ресурс]: грамматические правила: URL: <http://www.de-fa.ru/dersonline.htm>
2. Турецкий в словах и выражениях. [Электронный ресурс]: URL: <http://hosgeldi.com/turk/>
3. Турецкий язык он-лайн (Урок № 2). Бесплатно. Для начинающих [Электронный ресурс]: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=DQCA1pbONAM>
4. Турецкий язык. Урок 1. Турецкий алфавит. Часть 1. Произношение гласных [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sJK2V-xNWmg>

Memetov I. A. The use of multimedia in the study of Turkish language / Memetov I. A. // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 403–411.

The article deals with the importance of using multimedia and the Internet in teaching the Turkish language as a primary or secondary component of the curriculum along with traditional materials and methods. The use of new technology (multimedia) resources involves the development of new forms and methods of teaching, the development of new approaches to learn languages. It shows the advantages of using computer and Internet technologies in teaching the Turkish language, with the offer of new technological solutions.

Keywords: hardware, Internet, multimedia devices, the Turkish language.

ТЮРКОЛОГИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.512.145

ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЯХ

Нуриева Ф. Ш. , Хузина Э. С.

Казанский (Приволжский) государственный университет, Казань, Россия

E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Стереотипные представления зафиксированные в татарской языковой картине мира такие: мужчина-татарин – это мужественный, сильный, гордый, прямолинейный, щедрый и малословный человек. В паремиях мужчина предстает как воин, защитник своей родины и семьи, глава семьи и рачительный хозяин. В паремиях отражается более высокое, по сравнению с женщиной, положение мужчины в обществе.

Ключевые слова: татарский язык, паремии, гендерные стереотипы, аксиология, лингвокультурология.

ВВЕДЕНИЕ

Ярким образцом воплощения в языке характерологических черт мировидения представителей того или иного языкового сообщества и средством исторической трансляции культурных установок народа – носителя языка являются паремии.

Для нашей работы из сборников татарских пословиц и поговорок были отобраны 3260 единиц. Статистический анализ показал гендерный сдвиг в сторону номинаций лиц мужского пола в паремиях (1988 – 61%) по сравнению с женскими номинациями (1272 – 39%).

Ключевыми лексемами с гендерным компонентом являются *ир* (мужчина), *ир-ат* (мужчина), *ир-егет* (мужчина), *ир* (муж), *егет* (джигит).

С целью выявления языковых средств, репрезентирующих образ мужчины в паремиях, была проведена сплошная выборка номинаций, именующих мужчину по следующим параметрам: общее наименование лиц мужского пола (*ир*, *ир-ат*, *ир-егет* и др.); семейное положение (*ир*, *хужа*; *тол ир*, *буйдак* и др.); отношения кровного родства (*ата*, *агай*, *бабай*, *эне*, *ул* и др.); отношения некровного родства (*кяю*, *каенага*, *кода*,

каиниш, жизни и др.); возрастные характеристики (*олан, егет, карт, абышкы* и др.); сословное положение (*баяр, би, морза, йомышлы* и др.); род деятельности (*тимерче* – кузнец, *көмешче, алтынчы* – мастер серебряных дел, *дегетче* – дегтярник, *балтачы* – плотник, *тирече* – выделыватель шкур, и др.); управление государством (*патша, хан, амир* и др.). На материале паремий наибольшее количество номинаций, актуализирующих мужчину, зафиксировано в лексико-семантической группе «именование мужчин по роду деятельности» (48,6%).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Вслед за языковедом В. Н. Телия [Телия, 1996: 261] в своём исследовании паремии с компонентом значения «мужчина» классифицировали по следующим признакам: физиологическая, психологическая и статусно-ролевая характеристики.

Физиологические характеристики образа мужчины в татарском языке. Анализ группы паремий о природно-физических характеристиках образа мужчины в татарском языке позволил выделить внутри группы такие параметры, как внешность, возраст и физиологические особенности. Доминантными областями при оценочной квалификации мужской внешности в татарском языке выступают лицо, рост, походка, общий вид.

Гендерный анализ языкового материала показывает, что для мужчины внешность не является основным показателем: *Ир битенә имән үсмәгән (На лице мужчины лишь бы дуб не рос)*. Паремии акцентируют внимание на его умениях создавать общее впечатление через свои умственные способности, душевные качества, физическую силу: *Егетнең күз каравы мәнәбәт булыр (Во взгляде джигита – достоинство)*; *Буре суга торган егет беләгәннән беләнә (Парня, который может забить волка, видно по мускулам его руки)* и др.

Физическая сила мужчины в татарском языке чаще всего описывается с помощью сравнений: *арыслан авызыннан сөяк алырдай; аю егарлык; басса бакыр изәрдәй, тинсә тимер өзәрдәй, арыслан йөрәк (львиное сердце)* и др.

Зафиксированы паремии, отражающие женский взгляд на проблему мужской красоты, в которых через красоту указывается на внутренние качества мужчины: *Һәр Йосыф гүзәл булмас (Не каждый Юсуф красив)*; *Үзен иркәләгән ирне иргә санама (Мужчина, который себя слишком холит, – это уже не мужчина)*.

Возрастные характеристики в зависимости от практических навыков, черт характера образуют оппозицию *яшь* (молодой) – *карт* (старый): *Ир утызда – арыслан (Мужчина в тридцать – лев)*; *Кырыкка хәтле – малай, кырыктан соң – бабай (До сорока – мальчик, после сорока – дед)*. Если молодость характеризуется через физическую силу, то старость у татар пользуется почетом и уважением, старый человек – это прежде всего мудрый человек: *Яшь көченә таяна, карт акылына (Молодой опирается на свою силу, старый на свой ум)*; *Бабан бурега белән киңәш итсә, барын да булдыра (Если дед посоветуется даже со своей шапкой на голове, ему всё удастся)*.

Психологические особенности образа мужчины в татарском языке. Анализ группы паремий и авторских афоризмов о психологических особенностях характера

мужчины в татарском языке позволил выделить внутри группы такие параметры, как *черты характера, умственные способности, взаимоотношения между мужчиной и женщиной*.

В паремиях и авторских афоризмах черты характера мужчин имеют положительную и отрицательную коннотативную оценку. В татарских паремиях четко обозначен образ идеального мужчины-татарина. В мужчинах положительно оцениваются решительность, смелость и храбрость. Эти признаки формируют в языковом сознании образ стойкого, отважного человека: *Ирдә кыюлык булса, эштә кыенлык булмый (Если мужчина решительный, то любая работа ему по плечу); Ир кичмәслек елга юк (Нет такой реки, которую не переплывет мужчина)*. Смелость и решительность джигита в паремиях соотносятся с образом *арыслан*, *шир* (лев): *Егет булсаң, егет бул, арыслан киек кебек бул (Если ты джигит, будь джигитом во всём, как лев-охотник); Егетнең асылы – арысланнар нәселе (Настоящий джигит – из породы львов)*.

Настоящий мужчина за своё слово отвечает, поэтому дорожит каждым своим словом: *Ир сүзеннән аерылмас (Мужчина слов на ветер не бросает); Ирнең сүзе бер булыр (Слово мужчины – закон); Ир әйткәннән кайтмас (Мужчина от своего слова не отступит)*. Если в русской языковой картине мира данное качество носит общечеловеческий характер, то в татарской оно характерно только для мужчин. Нарушить слово означало для татарина упасть в глазах людей.

Болтливость считается женским качеством, а мужчинам свойственна немногословность: *Азамат ирнең билгесе – аз сөйләр дә, күп тыңлар (Настоящий мужчина мало говорит, много слушает)*.

Мужчину красят доброта и щедрость: *Ага булыр егетнең итәк-җиңе мул булыр (Джигит, который станет почтительным, всегда щедрый); Егет буласың килсә, юмарт бул (Хочешь быть настоящим парнем, будь щедрым); ум: Егет күрке – акылы белән (Джигита красит ум); трудолюбие: Егет булсаң, егетлегеңне эштә күрсәт (Если ты джигит, прояви свою молодцеватость в деле); Егет кешегә җитмеш төрле һөнәр дә аз (Молодцу и семидесяти ремёсел мало); Һөнәрсез егет – йөгәнсез ат (Юноша без ремесла, что конь без узды)*.

Татарам свойственны честность, порядочность, скромность: *Алдан сөйләү ир-егет эше түгел (Говорить заранее – не мужское дело); Намуслы ир хур булмас (Порядочный мужчина не пропадет); Күлне камыш матурлый, ирне намус матурлый (Озеро украшает камыши, мужчину – порядочность)*, а также гордость и свободолюбие: *Ир, башын бөксә дә, тезен чүкмәс (Мужчина может склонить голову, но никогда не преклонит колени); Ир икмәге иркенлек (Хлеб мужчины – свобода); Ир күңеле – сәхрә (Душа мужчины – раздолье)*.

Жизненный путь мужчины – это поэтапное продвижение вперед, активное развитие и становление. Возможные ошибки на жизненном пути мужчин – это скорее допустимые случайности, из которых всегда есть реальный выход. Такие ошибки только учат их и делают более мудрыми. Паремии татарского народа отражают стремление мужского пола к поиску своего жизненного пути и достижению своих целей: *Дөнья күрми, ир булмый (Мужчина не станет мужчиной, пока не пройдет через все житейские заботы);*

Кайда гына барып, кайда йөрмәс ир башкае белән ат башы (Куда только не забросит судьба доброго джигита и его коня).

Таким образом, в паремиях мужчина предстает как человек целеустремленный, мудрый, верный своему слову, обещанию, готовый бороться за свою честь, смелый, решительный, готовый преодолеть любые трудности на пути достижения своей цели, стремящийся к великим делам. Обобщив эти качества, получим главную черту настоящего мужчины – мужественность: *Ир кеше ирлек хакына жанын аямас (Мужчина ради мужественности души не пожалеет); Ирлек беләктә түгел – йөрәктә (Мужественность не в бицепсах, а в сердце).* В паремиях всё же отмечается, что не всякий мужчина способен достичь мужественности, для этого недостаточного только полового признака. Паремиологические единицы указывают на гендерные особенности личности: *Ирмен дигән ир унбиштә дә «башмын» диер; ир түгелмен дигән ир егерме биштә дә «яшьмен» диер (Зрелый мужчина и в пятнадцать лет скажет «я же мужчина»; а незрелый – и в двадцать лет скажет «я еще молод»); Йә хурлык, йә ирлек (Или мужество, или позор); Һәр бүрек кигән ир түгел (Не каждый, кто носит ушанку, мужчина) и др.*

Если обратиться к истокам татарской литературы, можно найти множество примеров, подтверждающих наши наблюдения. Например, отрывок из произведения золотоордынского поэта Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.) ясно показывает, что биологический пол мужчины еще не показатель мужественности:

*Морадыңа иреш ирлек белән син,
Бүтәннәр дә сине ир дип беләлсен.
Ерактан күр һәр эшине, бул акылдар,
Хатын син – сиңа баи булса хатыннар.*

Дословный перевод:

*Достигай свои цели мужественностью,
И окружающие пусть признают в тебе мужчину.
Сумей заранее всё предугадать, будь умным,
Женщина ты – если властвуешь тобой женщины.*

Можно сделать вывод, что допустимые для мужчины рамки поведения гораздо уже, так как любое отклонение от нормы и смещение в сторону женских стереотипов поведения активно осуждается обществом: *Катышма, катышма булырсың (Не вмешивайся в бабские дела, а то сам обабишься); Хатын кыяфәтле ирдән хатын артык (Женщина лучше, чем женоподобный мужчина).*

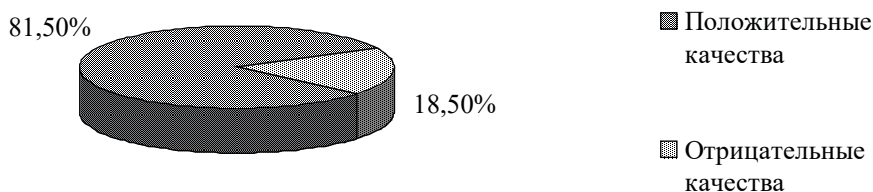
Таким образом, если женственность есть нечто естественное, то мужественность нужно еще приобрести, для чего необходимо трудиться и работать над собой.

Отрицательными качествами мужского характера являются ленивость, бездарность, бездеятельность, беззаботность, трусость: *Өйдә арыслан кебек, урамга чыкса – тычкан кебек (Дома словно лев, на улице – мышь); Төшкә хәтле ачылмаган кибеттән биз, төшкә хәтле йоклаган егеттән биз (Отвыкай от магазина, который закрыт до обеда, сторонись парня, который спит до обеда).* Отношение к такому мужчине резко отрицательное, так как это является отклонением от норм культуры, по которым мужчина всегда считался кормильцем семьи и примером для своих детей, а женщина хранительницей домашнего очага.

Взаимоотношения между мужчиной и женщиной в паремиях характеризуются через образы мужа и жены в семейной жизни. Четко выделяется полярное отношение их друг к другу – позитивное и негативное. Положительное отношение заключается в том, что в рамках семьи муж и жена воспринимаются как единое целое, подчеркивается их взаимная потребность друг в друге: *Ир белән хатын – игезәк жан* (Муж и жена – родственные души) и т. д. Однако в паремиях встречается чисто женский взгляд, который отрицательно характеризует мужчин в семейной жизни: *Ирләр – төнге дустың, көндезге дошманың* (Муж – ночной приятель, дневной неприятель); *Идел төпсез, ир денсез* (Волга – бездонна, муж – безбожник).

В результате количественного анализа нам удалось сопоставить проявление положительных и отрицательных качеств в характере мужчин в татарских паремиях. Процентное соотношение исчислялось от общего числа паремий о чертах характера соответствующего пола (210 ед.),

Количественное соотношение положительных и отрицательных качеств мужского характера по данным татарских паремий.

где в **положительные качества** входят: *батырлык* – смелость (42,9%), *ирлек сый-фатлары* – мужество (12%), *сузгә тугрылык* – верность слову (6,7%), *эичәнлек* – трудолюбие (5,1%), *кыюлык* – отважность (2,8%), *юмартлык* – щедрость (2,9%), *горурлык* – гордость (2,4%), *ирек сөүчәнлек* – свободолюбие (2%), *акыл* – ум (1,9%), *твәкәллек* – решительность (1,4%), *азсүзлек* – малословность (1,4%); в **отрицательные качества** входят: *куркаклык* – трусость (1,9%), *яман, дуамал* – злой, плохой (7,1%), *оялчанлык* – стеснительность (2%), *хатынша* – женоподобие (2%), *ялкаулык* – лень (1,4%), *кыланчылык* – хвастливость (1,4%), *булдыксызлык* – бездарность (1%), *алдашу* – лживость (0,5%), *ахмаклык* – глупость (1,3%).

Статусно-ролевые характеристики образа мужчины в татарском языке. Из статусно-ролевых характеристик языкового образа мужчины рассматриваются социальный статус, сферы социально значимой деятельности, семейное положение, родственные отношения.

При рассмотрении татарских паремий становится очевидным, что есть сугубо «мужские» виды занятий (по крайней мере именно так они воспринимаются носителями татарского языка), такие как торговля, военное дело, государственная служба,

воспитание сыновей. В паремиях встречаются следующие исключительно мужские виды ремесла: *тимерче* (кузнец), *көмешче*, *алтынчы* (мастер серебряных дел), *дегетче* (дегтярник), *балтачы* (плотник), *тирече* (выделыватель шкур); *карачы* (член дивана), *десәтник* (десятник), *канагун* (рабочий шахты); род деятельности: *мулла*, *мәзин* (муэдзин), *ишан*, *суфи* (аскет), *казый* (судья); термины, характеризующие сословное положение мужчин: *бояр* (боярин), *алпавыт* (помещик); *бәк*, *би* (бей), *морза* (мурза), *йомышлы* (служилый) и др. Например: *Тары чәчмәгән жир калмады, десәтник булмаган ир калмады* (Не осталось ни клочка земли, не засеянной пшеном, не осталось ни одного мужика, кто бы не был десятником) и др.

Социально значимая деятельность мужчины раскрывается в паремиях, прежде всего в военной и религиозной сферах. Исторически сложилось так, что в татарском языковом сознании понятия *ир* (мужчина) и *ил* (родина) рассматриваются как единое целое, так как безопасность страны напрямую зависит от его сыновей: *Ир бар жирдә ил хур булмас* (Страна, где есть настоящие мужчины, не познает позора); *Ир егет үзе өчен туа, иле өчен үлә* (Земля ценна своей водой, страна своими сыновьями).

Особенностью татарского языка является наличие в языке большого количества паремий, образованных сравнением мужчины с образом *ат* (конь) или проведением параллели между ними: *Ат – туйган жиренә, ир – туган жиренә* (Конь – для того места, где его кормят, мужчина – для того места, где он родился); *Ат басмамын дигән жиргә өч басар, ир татымамын дигән суны өч татыр* (Конь наступит трижды на то место, куда зарекся наступать, мужчина трижды отведает воду, которую зарекся пить).

Вполне закономерно, что в паремиях народа тюркского происхождения большое место занимает лексема *ат* (конь, лошадь). Если обратиться к древнетюркской мифологии, мужчина-татарин – это всегда воин, а конь в сознании татарского народа символ мужчины, его опора и сила. Не зря в народе говорят: *Ир канаты – ат* (Крылья мужчины – конь).

Представляет интерес отношение народа к религиозным деятелям. Религия в жизни татар играет огромную роль, так как она во многом послужила формированию татарской культуры, традиции. Религия способствует сохранению нравственных ценностей, что необходимо для сохранения национального менталитета. В паремиях больше внимания уделяется религиозным деятелям, чем самой религиозной идеологии. Например, паремии с компонентом *мулла* (179), *мәзин* (9), *ишан* (8), *суфи* (16) составляют 10% от всего количества паремий о мужчинах. В паремиях подчеркивается мастерство муллы и знание им своего дела: *Оста барда кулың тый, мулла барда телең тый* (Не тягайся в ремесле с мастером, а в красноречии – с муллою). Но есть и паремии, критикующие недобросовестных религиозных деятелей, в которых выражено сомнение в их искренности: *Карак – адәм көлкесе, мулла – авыл төлкесе* (Муллы, что лиса, забравшаяся в деревню) и др.

Как показывает фактический материал, семейные отношения в паремиях характеризуются через лексемы *кияу егет* (жених), *ир* (муж). Основное место отводится роли жениха. При рассмотрении материала о женитьбе было выявлено, что в паремиях

женитьба оценивается положительно: *Ир өйләнми тәүфыйк тапмый (Молодой мужчина не бывает благовоспитанным, пока не женится); Өйләнгәч акыл керә (Юноша умнеет только после женитьбы)*», а также паремии призывают подойти к этому поступку с большой ответственностью и предостерегают от необдуманной женитьбы через сопоставления: *Өйләнү – тун тегеп кию тугел, ярамаса, сатып котыла алмассың (Жениться – это тебе не шубу приобрести, не подойдет – так не продашь); Өйләнә белмәсәң – имгәккә төшәрсең (Не сумеешь правильно жениться – в беду попадешь)*.

В паремиях жениху даются советы о том, как выбрать невесту. Паремиологические единицы, в которых содержатся такие советы, часто делятся на две части: первая – о том, как выбрать коня, вторая – как выбрать жену. Как упоминалось выше, конь в жизни мужчины – неотъемлемый атрибут. Для татарина конь – бесценное богатство. Может быть, поэтому и выбор жены мужчина ставит в один ряд с выбором коня: *Ат алсаң, өең белән киңәш, хатын алсаң, авылың белән киңәш (При покупке коня посоветуйся со всеми домочадцами, при выборе жены – со всеми односельчанами); Атның юргасын, бичәнәң уңанын ал (Бери коня иноходца, а жену уметую); Бәйрәм көнне кыз алма, яңгырлы көнне ат алма (Не покупай коня в дождливый день, не бери в жены девушку в праздничный день)*.

При заключении брака обязательно обращали внимание на происхождение и родословную будущей невесты. Невеста должна была иметь хорошее, незапятнанное происхождение, исполнять обряды мусульманской веры, быть девственницей. При рассмотрении всех сторон родословной женихом двигало стремление сохранить и укрепить будущее поколение, поэтому неудивительна шепетильность в вопросах здоровья рода, с которым собирались породниться: *Белмәгән кызны алганчы, иясез ат ал (Лучше приобрести бесхозного коня, чем взять в жены девушку, о которой ты ничего не знаешь); Белмәгән чибәрне алганчы, белгән ямьсезне ал (Лучше взять в жены некрасивую, о которой ты всё знаешь, чем незнакомую красоту); Кәләш алсаң, нәселен карап ал (Прежде чем взять девушку в невесты, хорошенько изучи ее родословную)*.

Являясь единственным собственником всего движимого и недвижимого имущества, муж обладал преимущественным правом решения всех вопросов семейной жизни и был непререкаемым авторитетом в семье. Об этом свидетельствуют паремии, объясняющие главенствующее положение мужчины: *Ир ризасы – Тәңре ризасы (Веление мужа – веление Бога)*. Муж является хозяином над своей женой: *Хатын хуҗасы – ир, ир хуҗасы – бурыч (Над женой хозяин – муж, над мужем – долг)*. Подчиненное положение мужа по отношению к жене воспринимается как отклонение от нормы: *Заман ахры булганда, һәркем хатын сүзе белән йөрер, имеш (Говорят, перед концом света мужья будут жить по команде жён); Ир кеше үз вазифасын белмәсә, аңа хатыннар баш була, ди (Если муж своих обязанностей не знает, им жена командует)*.

По данным паремий были выявлены полярные характеристики мужчины в хозяйственно-бытовой деятельности: *эшчән (трудолюбивый) – ялкау (ленивый)*. Татары считают, что трудолюбие, способность к разным ремеслам и мастерству – главное украшение мужчины: *Ир кеше икмәген таштан чыгарыр (Мужчина добудет хлеб свой даже из камня); Ир асылы эштә беләнә (Сущность мужчины проявляется в труде);*

они очень ценят в мужчинах способность к разным ремеслам и мастерству: *Ир кешегә илле һөнәр дә аз* (Для настоящего мужчины и пятидесяти видов ремёсел мало); *Ир куанычы – хезмәт* (Мужчина находит удовольствие в труде).

Таким образом, традиционная татарская семья моногамна и основана на патриархальных принципах. В татарском обществе главой семьи является мужчина. Его власть в семье утверждается за счет покорения жены, лишения ее воли, поэтому подчиненное положение мужа по отношению к жене воспринимается как отклонение от нормы.

В татарских паремиях, характеризующих **родственные отношения**, наличествуют следующие оппозиционные пары: *кыз – ул* (сын – дочь), *кияу – килен* (зять – невестка), *ата – ана* (отец – мать) и др.

Сын в татарских паремиях – это продолжатель рода, наследник, будущий хозяин, что по положению ставит его выше своих родных женского пола: *Ир бала унбиштә өй хужасы* (В пятнадцать лет сын – хозяин); *Кыз тапканга ай туган, ул тапканга көн туган* (Для того, у кого родилась дочь, – рождается ночь, для того, у кого родился сын, – рождается день).

В татарском языке, как и в других тюркских языках, муж дочери, муж младшей сестры, мужья племянниц, т. е. муж любой младшей родственницы, именуется термином *кияу* (жених, молодой муж, зять) [Рамазанова, 1991: 91]. С этим термином родства естественным образом связано множество этнографических понятий: *кияу бүләге* (подарки, которыми одарял жених родственников невесты), *кияу егете* (друг жениха), *кияу келәте* (помещение, где проводят первую брачную ночь жених с невестой), *кияу эңиңгәсе* (женщина, которая накрывала молодым чайный стол) и др. [Замалетдинов, 2004: 164].

Традиционным для татарской семьи является вхождение невесты в дом мужа (приличье – отступление от нормы, считалось позором для татар) [Татары, 2001: 331]. По этому поводу в народе говорят: *Йортка кергәнче, утка кер* (Лучше войти в огонь, чем зятем в дом невесты); *Ерак кияүнең башына чатыр корыр, йорттагы кияу башына таяк орыр* (Над головой дальнего зятя шатёр соорудят, на голову зятя в доме тёщи лишь палка попадет); *Кайнадагы кияүдән каргалган эт артык* (Бездомной собаке лучше, чем зятю в доме тёщи). В доме невесты жених всегда был уважаемым гостем: *Кияүгә торса да камау, утырса да камау* (Хоть сядет, хоть встанет – зятю всегда почёт); *Кияу килде – хан килде* (В гости зять пришёл – хан пришёл). В языке он сравнивается с дорогими вещами, за которыми требуется деликатный уход: *Кияу – кеш тун* (Зять – соболиная шуба); *Кияу – камчат бүрек* (Зять – бобровая шапка). Однако зять – это не родной сын: *Кияу орышса, өйдән чыгып кит, улын орышса, мич башына менеп ят* (Зять ругается – беги из дома, сын ругается – залезай на печку).

Некоторые паремии указывают на недостатки в характере зятя: *Көзге көннең акылы – кияүләң акылы* (Настроение зятя, как осенняя погода); *Киявең көйсез булса, теш сызлавыннан яман булыр* (Непокладистый зять хуже зубной боли), указывают на то, что зятя бывают очень капризными. Пословица *Юньсез кияу йорт тотмас* (Плохой зять – плохой хозяин) показывает, что если зять неспособный, бездельник и лентяй, то его хозяйство обречено на гибель. Однако в паремиях татарского языка превалирует положительное отношение семьи девушки к зятю, а не отрицательное, в то время как

к невестке отношение не столь доброжелательное: *Көзге катык, көмеш кашык – киявем белән кызыма, язгы катык, ярык кашык – киленем белән улыма (Густой катык и серебряная ложка – для дочери и зятя, жидкий катык и треснутая ложка – для сына и невестки); Килен үпкәләп таш алыр, кияү үпкәләп аш алыр (Обиженная невестка получит тяжесть, зять обидевшись, получит угощение).*

В татарском языке, как и в большинстве тюркских языков, отец передается термином *ата/эти*. В татарской семье отец является уважаемой авторитарной фигурой, дети его слушаются и почитают: *Ата хақы – Тәңре хақы (Право отца – право Всевышнего);* отец и мать являются незаменимыми людьми для ребёнка: *Алтын-көмешнең искесе булмас, ата-ананың бәһәсе булмас (Злато-серебро не стареют, отец и мать не обесцениваются); Ата-ана – алтын канат (Родители – золотые крылья).*

ВЫВОДЫ

Итак, на основе рассмотренных выше паремий, содержащих компоненты *ир-ат* (мужчина), *ир* (мужчина), *ир* (муж), *егет* (юноша), были воссозданы сложившиеся представления об этих образах в языковом сознании татарского народа.

Таким образом, нами выделены гендерные стереотипы в татарском языке, отражающие национально-культурные представления о мужчине, сложившиеся в обществе. Стереотипные представления, зафиксированные в татарской языковой картине мира, такие: мужчина-татарин – это мужественный, сильный, гордый, прямолинейный, щедрый и малословный человек. В паремиях мужчина предстаёт как воин, защитник своей родины и семьи, глава семьи и рачительный хозяин. В паремиях отражается более высокое, по сравнению с женщиной, положение мужчины в обществе.

В данной работе мы рассмотрели в гендерном аспекте сравнительно небольшой фрагмент концептосферы татарского языка, однако даже этот фрагмент даёт определенное представление о неоднозначности данной проблемы и важности её тщательного изучения.

Список литературы

1. Замалетдинов Р. Р. Татарская культура в языковом сознании. М., 2004. – 239 с.
2. Исәнбәт Н. С. Татар халык мәкальләре: Мәкальләр жыйнагы. Т. 3. Казан, 2010. – С. 6–167.
3. Нуриева Ф. Ш., Хузина Э. С. Отражение гендерных стереотипов в татарских паремиях // Урал-алтайские исследования. № 2 (13), 2014. – С. 60–73.
4. Рамазанова Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке. Казань, 1991. – 360 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. – 288 с.

References

- Zamaletdinov R. R. Tatar culture in the linguistic consciousness. M., 2004. – 239 p.
- Isanbat N. S. Tatar folk proverbs: Collection of proverbs. T. 3. Kazan, 2010. – P. 6–167.
- Nurieva F. Sh., Khuzina E. S. Gender stereotypes in the Tatar proverbs // Ural-altaic studies. – № 2 (13). – 2014. – P. 60–73.
- Ramazanova D. B. Terms of relationship and property in the Tatar language. Kazan, 1991. – 360 p.
- Telia V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects. M., 1996. – 228 p.

Nurieva F. Sh., Khuzina E. S. Gender stereotype of man's image in the Tatar proverbs / F. Sh. Nurieva, E. S. Khuzina // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 412–421.

The article is devoted to the gender analysis of the tokens «man» on the material of the Tatar proverbs. Axiological characteristics of man's images were studied on the basis of physiological (features of appearance, age characteristics), psychological (personality traits, intellectual abilities, relationships between a man) and status and role characteristics (behavioral characteristics, family relations, social status, property condition). The study of gender stereotypes with linguistic and cultural perspective reveals ethnically and culturally conditioned specifics of conceptualization of masculinity in the Tatar proverbs. Stereotypes settled in the Tatar linguistic world-image as follows: a Tatar man is a courageous, strong, proud, straightforward, generous person and a man of few words. In proverbs a man appears as a warrior, a defender of his homeland and family, a head of the family, and a thrifty manager. The proverbs show a higher position of a man in the society compared with a woman.

Keywords: Tatar, proverbs, gender stereotypes, axiology, linguoculture.

УДК 851. 512.145. «19»: (17+111.852)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ ШАМИЛЯ АЛЯДИНА «РОДНИКИ»

Юнусов Ш. Э.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

E-mail: shew.yunusoff2010@yandex.ua

В статье анализируются специфические содержательно-формальные особенности исторической повести признанного крымскотатарского художника пера через призму авторской интерпретации исторических реалий. В контексте рассматриваемой проблемы акцентируются аспекты композиционной константы, интеллектуализации образа сельского учителя, жанровой доминанты эссе.

Ключевые слова: авторская концепция, объект речи, домысел, философская проблематика.

ВВЕДЕНИЕ

В крымскотатарском литературоведении последних двух десятилетий в вопросе изучения литературно-художественного наследия Шамиля Алядина и определения места прозаика в литературном процессе налицо поступательные движения: изданы сборник его произведений [3], сборник воспоминаний о писателе [4], опубликованы научные и научно-публицистические статьи; функционирует официальный сайт Шамиля Алядина, где размещена обширная информация о жизни и творчестве писателя, литературоведческие статьи, видеоматериалы, фотогалерея и др.; 12 июля 2012 года к 100-летию писателя в Симферополе была торжественно открыта мемориальная доска и проведена научно-практическая конференция; решением Союза писателей Крыма учреждена Литературная премия имени Шамиля Алядина. А между тем проблема комплексного изучения прозы указанного писателя до сих пор остаётся в рудиментарном состоянии.

Цель настоящей статьи как продолжения цикла работ об исторической прозе названного автора – на основе конкретных примеров рассмотреть вопросы жанровой специфики, художественного домысла и проблематики повести «Родники».

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач:

- показать роль повествователя в раскрытии национального мироощущения;
- выявить жанровую специфику повести;
- проанализировать особенности сюжетно-фабульной сцепки произведения для определения авторской концепции.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Время творческого поиска Шамиля Алядина пришлось на период негласной борьбы с проявлениями «национализма», где тема связи крымскотатарского народа и Крыма не вписывалась в рамки официальной идеологии государства. Как непосредственному участнику трагических событий в судьбе своего народа в середине

XX века, писателю, носившему этот груз горьких и болезненных воспоминаний на своих плечах, необходимо было высказаться. Осознавая ответственность творческой интеллигенции перед своим народом в условиях складывающейся социально-политической ситуации, он был серьёзно озабочен мыслями о сохранении национальной самоидентификации. Думы о возрождении народа были вызваны обеспокоенностью за сохранение и развитие родного языка, культуры, литературы, искусства. Процесс, направленный на пересмотр национально-этнического самосознания, деформированного вследствие исторической драмы крымскотатарского народа, должен был способствовать пробуждению интереса к истокам. Поэтому, понимая, что народ, лишённый духовного родства с предшествующими поколениями, может лишиться и исторической национальной памяти, и, соответственно, опоры, прозаик ощущал потребность в иных приёмах и методах художественного осмысления исторической действительности. Так, произведения, где «без оглядки на идеологическую заданность воссоздавался национально-этнический мир» (Н. Суинова) с учётом национального характера, специфического этнонационального опыта, их исторической обусловленности, стал создавать Шамиль Алядин. Если ещё в 1979 году в повести «Иблисинь зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир») он сумел связать индивидуальную неповторимость личности с этнической психологией своего народа, то в историческом романе «Тугай-бей» писатель задался целью воскресить страницы героического прошлого и исторических личностей, повлиявших на ход истории.

Повесть Шамиля Алядина «Родники» (в крымскотатарском варианте – «Чорачыкълар», 1983) в плане отображения реалий исторического времени, портретной и ментальной характеристики героев произведений, комплекса рассматриваемых проблем логически связана с такими средними эпическими формами писателя, как «Теселли» (1957) и «Приглашение к дьяволу на пир» (1979). Иными словами, к восьмидесятым годам прошлого столетия посредством создания отмеченных исторических произведений писатель получил солидный опыт, который позволил ему «экспериментировать»: построенная по принципу «рассказ в рассказе» повесть «Родники» склоняется к эссеистике, где автор может позволить себе несколько свободное обращение с историческим материалом. Думается, финал повести «Родники», посвящённой незабвенному образу первого учителя Шамиля Алядина, и, как следствие, встреча учителя с учеником, состоявшаяся спустя 63 года, мысленно возвращая читателя к началу XX века, поясняет смысл названия этой повести. Но об этом – чуть позже.

Композиционную основу повести образует принцип последовательного освещения махульдурского (Махульдур – родное село Шамиля Алядина-автора) периода жизни Абдурешиды Селяметова – главного героя. В повествовательной структуре повести за образом первого учителя проглядываются обыденные реалии села с их проблемами и взаимоотношениями. Ввиду этого произведение «Родники», задуманное как историко-биографическая повесть, в процессе работы над ним несколько вышло за рамки жанрово-видовой специфики, тем самым позволив автору раскрыть и другие исторические события и его участников. К примеру, читатель обнаружит здесь образ Ягьи Байрашевского, описание отдельных событий периода сильнейшего го-

лода в Крыму в начале 20-х гг. XX века, историю села, а также узнает об истории создания песни «Топузлы шалым» («Моя шаль с бусинками»), основанную на реальных трагических событиях.

В начале упомянутой повести её автор и главный герой Абдурешид Селяметов как представители старшего и «среднего» поколений, с одной стороны, и внук-вондитель, который привёз дедушку, – с другой, абстрактно выступают носителями разных мировоззренческих интересов: если пожилые люди тяготеют к воспоминаниям, которые пленят их живыми эмоциями, чем это прошлое для них, собственно, и дорого, незабвенно и естественно, в отличие от них молодой человек пребывает в состоянии полного безучастия и абсолютной отчуждённости, поскольку он живёт интересами совершенного иного времени. Однако именно этот фактор и повышает идейную ценность произведения: учитель и ученик, которым посчастливилось насладиться встречей спустя многие и многие годы, имели моральное право утверждать, что от увиденного ими «мрамор бы раскрошился», «железо бы заржавело» [3, с. 410]. Большая временная пауза, имевшая место в жизни двух пожилых людей и их последующая беседа, использованная в качестве художественного материала, где бывший ученик и сам уже пребывает в состоянии «наслаждения старостью», показывает пример неперемного уважительного отношения к своему первому учителю. Внешний облик, манера общения, отношение к пережитому Абдурешидом-оджа выдаёт в нём представителя славной плеяды крымскотатарских просветителей. Его учительствование в селе в начале двадцатых годов нарисовано реалистичными красками. Автор же повести, повествующей о событиях давно минувших дней, в то время был мальчиком восьмилетнего возраста. Роль крымскотатарской интеллигенции в лице Ягьи Наджиба Байбуртлы, Ягьи Байрашевского и его супруги Сафие-оджапче, Усеина Шамиля Токтаргазы в просвещении народа велика. Абдурешид Селяметов же – пока ещё девятнадцатилетний юноша-учитель, не имеющий диплома и, стало быть, не обладающий каким-либо опытом обращения с учениками. Видимо, поэтому в удобный момент в процессе беседы, состоявшейся при встрече в Дормене (местечко, расположенное недалеко от столицы Узбекистана, где находилась дача писателя), бывший ученик «упрекает» своего учителя за то, что тот никогда не рассказывал о себе, то и дело занимаясь лишь чтением и письмом. В ответ на это учитель незамысловато отвечает: «Время моего учительствования в вашей деревне было короткое, но историю оно имеет длинную. Я испытал там не только горе, но и радость. Врангелевцы, уходя из Крыма, оставили после себя разруху, голод... Вы говорите, я о себе не рассказывал. Что я мог рассказывать о себе? Тогда у меня не было-то биографии... Родился я в Бахчисарае, в первом году нового, как теперь говорят, беспокойного и богатого перемеными века, в религиозной семье. Отец, Селямет-эфенди, был учителем, преподавал в школе... На средства «Джемиети Хайрие» он построил новое здание школы и сам стал заведующим в ней. И с гордостью могу сказать, что ставшие впоследствии в Крыму известными людьми Осман Зекки, Умер Ипчи, Якуб и Февзи Мусанифы, Усни Пенирджи, Абдулла Сеит-Умер, Якуб Куркчи учились в этой школе. В тот год, когда началась Первая мировая война, отец мой умер. Положение

нашей семьи ухудшилось... Мне помнится, Бахчисарай был освобождён от врангелевцев 14 ноября 1920 года. Спустя шестнадцать дней после этого из деревни Махульдур приехал на линейке учитель Исман Акки-эфенди, чтобы подыскать учителя для местной школы... Директором тогда у нас был Ягъя Наджип Байбуртлы, он-то и счёл самым подходящим для учительства в вашей деревне меня» [3, с. 445–446]. Как явствует, цитируемый момент способствует детализации биографии главного героя повести...

Выше отмечалось, что стержень идейно-художественной основы подвергаемой анализу исторической повести сосредоточен в двух её последних страницах – тут автор в уста состарившегося учителя-гостя вкладывает толкование смысла слова «Родники», из чего читатель сделает вывод об учителе, подобном роднику, из которого позже образовались роднички (отметим, что в оригинале эта повесть называется «Чорачыкълар»; изначальная форма «чокъракъчыкълар» – «роднички»): Шамиль Алядин, как и десятки бывших учеников этого учителя-родника, стали известными людьми, сами впоследствии став подобными своему учителю «родниками». Завершая повествование о далёком прошлом, учитель обращается к гостеприимному хозяину: «Время, проведённое в Махульдуре, я считаю лучшим в моей жизни... Вы помните тот неописуемой красоты родник на окраине Махульдур, у подножия высокой горы, вершина которой зимой была постоянно покрыта снегом, а летом туманом?.. Из-под высокой скалы, бурно вскипая, била ключом холодная, как лёд, и прозрачная, как хрусталь, вода; временами, – продолжает гость, – она выносила из-под земли мелкий красный песок... Рассказывали, будто на этом месте некогда были четыре небольших родничка. Их соединили, сделали один большой источник. А название осталось старое – Родники...» (в переводе Эмиля Амида) [2, с. 514–515]. Впрочем, и сам автор об одном из таких «родников» с чувством особой благодарности вспоминает в беседе с Сафтером Нагаевым (1987 с.): «Дело началось шестьдесят три года тому назад в Бахчисарайской школе с великого Ягъя Наджипа Байбуртлы, дававшего крымскотатарской интеллигенции уроки языка и литературы, с его неподражаемого усердия. Учившиеся у Байбуртлы со временем овладели различными профессиями, однако язык, литературу не забыли. Значит, наше творческое начало – подарок Ягъя Наджипа Байбуртлы. Поэтому он не только учитель языка и литературы, он для крымскотатарского народа настоящая история, источник культуры, сама цивилизация» [1, с. 64]. Как явствует, автор повести пытается выразить идею о том, что хороший первый учитель способен заложить основу определённого таланта, который раскроется со временем.

Повествование от первого лица усиливает чувство реалистичности. (Здесь позволим себе немного отвлечься от главной темы и поразмышлять над «участью» писателя. Как известно, при повествовании от первого лица автору придётся попытаться раскрывать внутренний мир своих персонажей через их поступки, взгляды, слова. Такой вид нарратива идеально подходит для рассказа и повести, от которого произведение получает большую эмоциональную окраску [2, с. 300–303]. Чтобы избежать монотонности при подаче событий в своей интерпретации писатель может привлечь

ряд сюжетных ходов. Фокусируя отмеченное на рассматриваемой повести, можно отметить, что для истории, повествуемой от первого лица, оказался характерен житейский опыт и кругозор самого писателя, где оказываются затронутыми важные для него исторические события и персоналии. К тому же разрыв между описанием и временем событий дал хороший эффект. Рассуждая о давно минувшем, повествователь попытался как бы взглянуть на себя со стороны и осмыслить историю.) Автор, имеющий право на типизацию в историческом произведении, использует и такую форму художественного эффекта, как субъективизация, т. е. личное отношение к кому- или чему-либо. Поэтому, видимо, прозаик не может не воспользоваться возможностью упомянуть о своей семье – братьях, маме, описать особенности собрания односельчан (подобная практика, кстати, имеет место и в «Теселли», и в «Приглашении к дьяволу на пир»). Такой подход к проблеме раскрытия образа главного героя даёт возможность автору наиболее детально выразить внутренне состояние не только Абдурешиды Селяметова, но и самого автора. Таким образом, при помощи домысла автор выступает своеобразным объединяющим началом прошлого и настоящего. Автор-повествователь пытается пояснить отдельные моменты повести, которые для понятийного аппарата читателя могут показаться сложными. Так, к примеру, мы начинаем понимать причину приезда в село Махульдур неокрепшего ещё как учитель Абдурешиды-оджа, причину временной неприязни тётушки Саабэ к молодому учителю, причину осторожно-этичного выражения своих взглядов Сафие-оджапче – супруги Ягьи Байрашевского.

Как видим, динамически развивающийся сюжет повести Шамиля Алядина «Родники» в памяти читателя «размещается» постепенно. Иными словами, события, описанные в отмеченной повести, раскрываются в рамках фабульно-сюжетного соотношения, а иногда с учётом логики содержательно-формальной сцепки образовавшиеся временные вакуумы автор заполняет эпизодами повседневной жизни. Эти истории изобилуют реалиями собственно национальными (село, простонародье, тяжкая участь сельчан) и веяниями новой политики (повальный голод в Крыму; странные люди, прибывшие в село за Байрашевским), которые способствуют созданию широкой картины исторического прошлого. Поэтому эта автобиографическая повесть с присовокуплением исторических фактов и рассуждений превращается в своеобразный исторический документ...

«Родники» – тот этап в творческом наследии Шамиля Алядина, который позволяет говорить о том, что прозаик «сосредотачивается» (это – начало 80-х гг. XX века!): пока он вынужден «мириться», сдерживать эмоции, обходя острые углы истории. Своё же истинное отношение ко вчерашней идеологии он выразит чуть позже в таких публицистических работах, как «Я – ваш царь и бог», «Кремль кьурбанлары» («Погубленные Кремлём»), «Махульдюрге бардым, агълап кьайттым» («Побывал в Махульдюре, вернулся со слезами»). А между тем неприятие некоторых социально-политических взглядов большевиков автор выражает и в «Родниках» – это отношение прослеживается, например, в эпизоде, связанном с выступлениями односельчан на «сходке»: народ не примет решение властей о заборе имущества простых

людей... Также повествователь устами Исмаила-эфенди (директора местной школы, духовного лица – имама) размышляет следующим образом: «Новая власть будет признавать нашу религию или будет наказывать тех, кто её проявляет? В таком случае как сохранить наши традиции, порядки шариата, молитвы?.. Общество без религии? Сможет ли такое общество существовать? Разве не религия помогает отделять человеческое общество от животного мира? Религия... служит той власти, которая руководит обществом... А Советская власть?.. Я ждал прихода её, быть может, не меньше, чем Якуб Хайбулла-оглы (староста. – *Ш. Ю.*). И могу верно служить новому строю. Однако без веры, без религии... представить свою жизнь не могу», – заключает Исмаил-эфенди [3, с. 473–474].

Внутренней солидарности писателя со своим героем служит тот факт, что Шамиль Алядин, имея солидный творческий стаж, а тем более являясь человеком, который в 1939 году в возрасте 27 лет возглавил Союз писателей Крыма, сам был участником культурно-политических и социальных изменений в стране, которые не лучшим образом сказались на судьбе окраин. В этом процессе духовенство, как известно, испытало наибольший прессинг. Крымскотатарская проза 30-х гг. XX века весьма показательна в этом отношении: деформация этнонационального мироощущения наиболее зримо запечатлена в произведениях Умера Ипчи, Джемиля Сейдамета, Джафера Гафара, Мамута Диблага. К примеру, в пьесе последнего «Гизли нишан» («Тайное сватовство», 1940) не стоявшая прежде так остро проблема «отцов и детей» освещена в третьем акте произведения, когда в условиях постепенной утраты традиционных устоев и дальнейшей интенсивной идеологизации общества главная героиня пьесы Нияр без особого чувства стыда позволяет себе обрушиваться на маму или же преспокойно гадать на картах, сидя с растрёпанными волосами на неприбранной кровати, при этом сердиться на «планируемого» жениха, который до сих пор не удосужился (!) купить ей туфли... (Изображение подобных конфликтных ситуаций, думается, не характерно для крымскотатарской литературы прошлых периодов. Даже проза предыдущей эпохи – 20-х годов XX столетия – фокусировала свой взгляд на вопросах общечеловеческого уровня, как бы отрабатывая их на местном материале. Концепции, получившие отражение в прозаическом наследии таких признанных художников слова, как А. С. Айвазов, А. Ильмий, А. Одабаш и др., весьма объективно презентовали недуги и чаяния народа.)

Последние 15–20 лет своей жизни Шамиль Алядин прожил с неистовым желанием написать объёмное историческое полотно «Тугай-бей», которое так и оказалось недописанным. А рассматриваемая повесть, как и предыдущие произведения этого вида, явилась опытной площадкой для его создания (впору упомянуть эпизод повести «Родники», где Ягья Байрашевский в беседе с юным Абдурешидом Селяметовым радуется осведомлённости последнего об исторических событиях 1648 года, когда крымский хан Ислям Герай III помог гетману Украины выбить шляхтичей с её территории. Задача писателя состояла, думается, не столько в том, чтобы акцентировать начитанность молодого учителя, сколько в информировании (в условиях идеологической завуалированности общества) читателя о славном прошлом своего народа. Эти раздумья в последующем и вылились в планы по написанию романа «Тугай-бей»).

ВЫВОДЫ

Историческая повесть Шамиля Алядина – произведение, имеющее характерные черты эссе. Будучи написанной в форме повествования от первого лица, оно потребовало детализации внутреннего состояния главного героя. Авторская концепция произведения позволяет акцентировать роль первого учителя в дальнейшем становлении личности, «сеющей разумное, вечное, доброе». Думается, на художественное воплощение подобных исторических тем с такой глубиной восприятия в советское время способен был лишь Шамиль Алядин. А литературоведческое изучение этого опыта позволило бы выразить то неповторимое звучание этнонационального инструмента, которое называется крымскотатарской художественной литературой новейшего периода.

Список литературы

1. Алядин Ш. Ер делиджилер / Ш. Алядин. – Ташкент, 1991. – 224 с.
2. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Хализев. – Москва: Высшая школа, 1999. – 400 с.
3. Шамиль Алядин. Избранные произведения. Сайлама эсерлер / Ш. Алядин. – Симферополь, 1999. – 624 с.
4. Шамиль Алядин замандашларынынъ хатырлавларында. Эдипнинъ рухий дюнъясы. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2013. – 296 с.

Yunusov Sh. E. The problem of the relation of historical facts artistic expression in the story of the Shamil Aladin «Spirings» / Sh. E. Yunusov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 422–428.

Shamil Aladin (1912–1996) – a prominent Crimean Tatar prose writer of the twentieth century. They created a number of works on historical themes. Among them, the historical novel «the Springs» has a special place. She is dedicated to meeting the older student with his first teacher, after more than sixty years. In the course of their conversation emerge moments of their youth. Against this background, depicts the realities of the village Mahuldur in the Crimea, where he started to work as a teacher and where I came from the writer himself.

Shamil Aladin was the author of numerous short stories and novels. He is known in the pre-war period. In 1939 he headed the Union of writers of Crimea. His work had a period of pressure of censorship. So that failed the writer to reflect before he invested in the works of the last quarter of the twentieth century. Considering the story is valuable because it reflected the realities of the beginning of the previous century. And for readers of the 80-ies it was essential, because the example of the work of such distinguished writers learned to create young authors, and the people learned about their glorious past.

The story is written on the principle of «the story», and the storyline has a consistent composition. The concept of the work leads the reader to the conclusion that a good teacher is able to lay the Foundation of a particular talent, which will be revealed over time. The meeting of two elderly people sixty years is an example of such a positive effect.

The article examines the specific content and formal features of the historical novel, acclaimed Crimean Tatar artist pen through the prism of the author's interpretation of historical realities. In the context of the problem is accentuated aspects of compositional constants of intellectualization of the image of rural teachers, the dominant genre of the essay.

Keywords: author's conception, the object of the question, speculation, philosophical issues.

УДК 811.512.145

ЦЕННОСТЬ «ХЕЗМЭТ» (ТРУД) В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТАТАР

Сагдеева Ф. К.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань

E-mail: fauzia.sagdeewa@yandex.ru

В статье анализируются специфические черты обыденного сознания татарского этноса, которые хранятся в паремиологическом фонде. Во множестве пословиц о труде можно выделить две категории: первая из них содержит пословицы, представляющие собой общеоценочные аксиологические суждения; вторая – частнооценочные суждения по комплексу близкородственных признаков, условно обозначаемому как «значимость хезмэт». Анализ паремиологического фонда позволяет сделать вывод, что татары придают труду первостепенное значение. В татарском языковом сознании «хезмэт» (труд) в основном маркирован положительно.

Ключевые слова: ценность, хезмэт (труд), языковое сознание татар, пословицы и поговорки, стереотипное представление.

ВВЕДЕНИЕ

Ценностная составляющая в словах, выражающих концепты, трансформируется в виде оценочного компонента значения. Оценка как семантическая категория, по мнению исследователей, обладает рядом специфических свойств. Она отражает отношения между существующим миром и его идеализированной моделью, в силу чего соотносится с субъективным фактором отражения действительности. В процессе оценки субъект рассматривает объект с определенной точки зрения: практической пользы, этических представлений, эстетических идеалов. Ученые считают, что различия между ценностями и оценкой слишком размыты. Для получения полной картины представления ценностей в языке предлагается учитывать аксиологическую сторону проблемы. При этом обнаруживается, что ценности в определенной мере определяются идеологией, общественными институтами, потребностями.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В таблице К. Ситарамы и Р. Когделла «Структура ценностей в разных культурах», в которой рассматриваются западные, восточные, мусульманские культуры, труд как ценность не характеризуется. Л. Б. Савенкова, исследовавшая русские паремии, отражающие ценность «труд», отмечает, что данные паремии составляют 615 единиц и по численности стоят на 15-м месте в общей системе ценностей. В числе первых оказываются паремии, репрезентирующие ценности «деньги» (1813 ед.), «семья» (1437 ед.), «толк» (1328 ед.) и т. д.

В татарских паремиях *хезмэт* (труд) входит в число значимых. У Н. Исанбета в сборнике пословиц поговорок «Татар халык мәкальләре» нами обнаружено 1446 единиц, отражающих ценность «хезмэт»; для сравнения: ценность «акча» (деньги) представлена семьями семнадцатью единицами (717).

В ряду семиотических понятий (значение, смысл, референция и др.) «*хезмэт*» (труд) представляет собой базовую категорию. Как большинство универсальных культурных концептов в своем вербальном представлении он характеризуется разноименностью и семантической дублетностью «*хезмэт*» (труд) – «*эш*» (работа). Эти слова имеют тождественные признаки: деятельность, целесообразность, целью которой является создание материальных и культурных ценностей. Таким образом, в татарском языке слова «*хезмэт*» и «*эш*» – синонимы. Различие этих слов обусловлено «памятью» о том, что вкладывали люди в их содержание. Существительное *хезмэт* связано с понятием «усилие», а *эш* – с понятием «производство самого дела».

Качественная оценка отношения к труду социально обусловлена и условно определяется следующими характеристиками: положительное отношение к труду, отрицательное отношение к труду.

Интересно заметить, что в целом сознание татарского народа единодушно с мусульманской религией. Каждый работоспособный человек должен трудиться. Труд ислам рассматривает как деятельность, сравнимую по значимости с поклонением Аллаху (труд представляется своего рода молитвой). Важно, чтобы человек работал, а не пребывал в безделье. Трудящийся имеет право требовать справедливую оплату за свой труд и нормальные условия труда. Ислам запрещает труд, связанный с недостойными способами зарабатывания (например, мошенничество, обман, взяточничество, производство и реализация алкоголя, игорный бизнес и др.). Если способ зарабатывания честный, то он считается разрешенным и в татарском языке передается лексемой «*халал*». Любой способ зарабатывания с причинением вреда другим людям считается запретным и в татарском языке передается лексемой «*хэрэм*» («*харам*»).

Многообразие пословиц, поговорок, фразеологических единиц, характеризующих труд человека, свидетельствует о том, что ценность «*хезмэт*» (труд) в сознании татар является первостепенной.

В татарских пословицах о труде можно выделить две категории. Первая из них содержит пословицы, представляющие собой общеоценочные аксиологические суждения. Ко второй категории относятся пословицы, содержащие частнооценочные суждения по комплексу признаков, обозначаемому как «ценность труда». Данный факт обусловлен как универсальным отношением человека к труду как к деятельности, требующей усилий, так и отношением к труду как к деятельности, являющейся источником жизнеобеспечения.

Анализ паремиологического фонда позволяет сделать вывод, что в татарском языковом сознании *хезмэт* в целом маркирован положительно, например: *Хезмэт төбе – хазинә; Ир куанычы – хезмэт; Өйрәнмиңә хезмэт юк, хезмэт итми хөрмәт юк* и др.

В татарских поговорках главное в работе – это *ният* (намерение, цель) и *тәвәккәллек* (решительность, решимость, риск, дерзание, задумка): *Эшинең башы – ният; Ниятсез эш – бөятсез камыт; Ният – гамәлдән артык; Билгесез эштә тәвәккәл*

коткара; Ният тәвәккәл белән. Смысл этой поговорки заключается в том, что задуманную работу следует довести до конца.

Приоритетное отношение к труду в татарских пословицах и поговорках проявляется в противопоставлении работы игре: *Эш беткәч, уйнарга ярый; Эшкә вакыт, уенга сәгать.*

Необходимость трудиться и разумное отношение к труду в татарских паремиях предполагает совмещение работы и игры, и отдыха: *Уйнавын уйна, эшеңне дә уйла; Эшне эшсезлек белән куш, үткәрерсең гомреңне хуш.*

В татарских пословицах с положительной оценкой выделяется практическая ценность труда. Он может быть тяжелым, однако его результат окупит все усилия: *Хезмәт итеп ашаган икмәк тәмлерәк була; Эшенә күрә ашы, хезмәтенә күрә күмәче.* Общий смысл этих пословиц заключается в том, что работа кормит человека. И в то же время *эшләп кем баеган.* Человек выполняет определенную работу, за которую ждет достойную плату. Однако полученное вознаграждение не удовлетворяет его потребности.

Положительный идеал труда утверждается через противоположное. Несмотря на то что умственный труд ассоциируется с постоянным тяжелым трудом, требующим невероятных усилий (*Белем алу – энә белән көе казу*), получение знаний имеет положительную оценочность: *Кытайга булса да барып белем ал.*

Труд перерастает из утилитарной потребности в нравственную ценность: *Хезмәтенә күрә хөрмәте.* Отсюда следует: кто старательно трудится, тот способен на многое: *Тырышкан табар, ташка кадак кагар.* И наоборот, лень, безделье расслабляют человека, делают его не приспособленным к жизни, приучают жить за счёт тех, кто работает. Ленивый в обществе не может быть уважаемым человеком, его поведение заслуживает порицания, он недостоин чего-либо: *Әрәм тамакка ити катысы да хәрәм.*

Образный уровень представлен в основном тематическими группами слов соматиического и зоонимического типа, которые выступают в качестве компонентов фразеологических единиц, пословиц и поговорок о труде.

Так, например, многочисленными стереотипными представлениями, связанные с трудовой деятельностью, отражаются посредством такого квазимвола, как «кул» (рука). Формой олицетворения руки является человек-герой: *Куз куркак, кул-батыр; Күңел куркак, кул-батыр.*

Часть руки *бармак* репрезентирует нежелание трудиться, ничегонеделанье, беспечность, небрежность по отношению к выполняемой работе: *Бармакка бармак сукмау.* Человек, который «палец о палец не ударит», подвергается отрицательной оценке.

Локоть репрезентирует старательную работу. Данный образ находит опосредованное, описательное выражение в языке: *жин сызганып.*

Рука является стереотипом качества выполнения деятельности: *кулы кулга йокмый, кулы килә, кулында ут уйната* и др. Отрицательные коннотации обусловлены следующими единицами: *кулында эш күгәрә, кулыннан берни килми* и др.

Отсюда следует: квазиденотативное содержание единиц с лексемой «кул» определяет ценность труда и человека, уровень мастерства и т. д. Для татарского сознания значим и квазисимвол «аяк» (нога), который выражает стереотипные представления о выполнении той или иной работы. Внутренняя форма выражает отрицательную оценку, поэтому квазистереотип «аяк» имеет отрицательные коннотации: *аяк өстеннән генә эшләү, аягы белән эшләгән*. Образ «нога» репрезентирует уставшего человека: *аяксыз калу, аяктан егылганчы эшләү* и др.

Квазисимволы «аяк», «теиш», «авыз» вербализуют представления о связи работы и ее результата: работаешь – кушаешь: *Аягың ләпелдәп торса, авызың чәпелдәп торыр; Эшең каты булса, төшеңә йомшак булыр*.

Стереотипом чрезмерного напряжения сил являются представления о поте. Пот становится своеобразной мерой и оценкой труда. Именно с потом связаны представления о вознаграждении, плате за труд: *Тиргә батып эшләгәч, тәмле итеп ашарсын*.

Стереотипом больших усилий является представление о лице и волосах: *Бит белән жир себерү, чәч белән идән юу*.

Представление об интеллектуальном труде репрезентируется квазисимволом «баш»: *Баш белән эшләгәнче, кул белән эшләү жиңелрәк*. Выбор данного образа обусловлен представлением о том, что голова являетсяместищем ума.

При выражении положительного и отрицательного отношения к труду в татарских пословицах используются и зоонимы, такие, как, например, «буре» (волк), «эт» (собака), «ат» (лошадь), «сыер» (корова), «тавык» (курица) и др.: *Бүренең көче төшендә, кешенең көче эшендә; Эт кебек эшли, ат кебек ашый; Авыр йөкне ат тарта, авыр эшне ир тарта* и др.

Как видно, используемые в качестве компонентов пословиц о труде соматизмы и зоонимы употребляются в переносном значении и производят впечатление своей семантической необычностью, тем самым помогая косвенно описать отношение к труду как человека труженика, так и бездельника.

ВЫВОДЫ

Таким образом, противоречивость представлений о труде, отраженная в татарских поговорках, проявляется в том, что труд является мерилем как практических, так и нравственных ценностей, и поэтому лень, безделье находят осуждение в народе.

Список литературы

1. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Т. 1. Казан, 1959. – 263–371 бб.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

References

1. Isenbet N. Tatar halyk mekallere. T. 1. Kazan, 1959, – 263–371 bb.
2. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnoct, kontcepty, diskurs. – Volgograd, 2002. – 477 s.

Sagdeeva F. K. Word «Hezmət» (work) in the linguistic consciousness of Tatars / F. K. Sagdeeva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 429–433.

The article analyzes peculiar features of the ordinary consciousness of the Tatar ethnos, which are stored in paremiological fund. In many proverbs about work can be distinguished two categories: the first one of them contains the proverbs representing general axiological judgments; the second one – peculiar judgments based on the complex of closely related signs which is conditionally designated as «importance of hezmət». The analysis of paremiological fund allows to make conclusion that Tatars give the work paramount importance. In Tatar language consciousness «hezmət» (work) is generally marked positively.

Keywords: value, «hezmət» (work), linguistic consciousness of Tatars, proverbs and sayings, stereotypic representation.

УДК 930.85

ИСТОКИ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ДАГЕСТАНА XVIII – НАЧАЛА XIX вв.

Магомедова З. А.

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН,
Махачкала, Дагестан, Российская Федерация*

E-mail: zaynab@yandex.ru

В статье освещаются основные этапы распространения арабо-мусульманских литературных традиций в Дагестане XVIII – начала XIX вв. Рассматривается влияние исламизационного процесса на формирование культурных традиций данного региона.

Ключевые слова: ислам, Дагестан, арабо-мусульманская литература, арабский язык, книжные коллекции.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время всё больше и больше российская научная общественность обращается к теме ислама и исламской культуры. Исламизационный процесс, продолжавшийся на протяжении нескольких веков, подключил народы Северного и Восточного Кавказа к мусульманскому кругу мирового культурного сообщества. Взаимный обмен материальными и духовными ценностями в условиях более развитых традиций арабо-мусульманской цивилизации пробуждал в местных культурах их собственные потенции, вызывал к жизни новые интеллектуальные потребности и творческие возможности здешних народов. Научный интерес представляет не только сам процесс исламизации, но и влияние его на развитие национальных культур, а также роль арабо-мусульманской литературы и арабского языка в данном процессе.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Дагестан – крупнейший очаг арабо-мусульманской литературной традиции. Усвоение арабо-мусульманских культурно-философских традиций началось с утверждением ислама. На сегодняшний день все ярче вырисовывается роль арабо-мусульманской литературы и арабского языка в развитии национальных культур, в усилении культурных контактов народов Ближнего и Среднего Востока и Кавказа. Арабо-мусульманская культура выступает здесь как один из источников, вспоивших культуры этого региона. **Целью** данной статьи является изучение влияния процесса исламизации на развитие местной дагестанской культуры.

Арабская культура и арабская рукописная книга получили более широкое распространение, чем территория обитания арабов или область их военного и политического господства. По словам И. Ю. Крачковского, первая волна распространения арабской культуры шла за ранними завоеваниями, которые параллельно несли исламизацию и арабизацию края [8, с. 611].

Исламизационный процесс на долгие века подключил народы Северного и Восточного Кавказа к мусульманскому кругу мирового культурного сообщества. Взаимный обмен материальными и духовными ценностями в условиях более развитых традиций арабо-мусульманской цивилизации пробуждал в местных культурах их собственные потенции, вызывал к жизни новые интеллектуальные потребности и творческие возможности здешних народов.

Известно, что X–XV вв. в средневосточной зоне Старого Света, а это ареал функционирования арабской, персидской, тюркской и кавказской культур, – время наибольшего расцвета возрожденческой культуры. Именно арабская литература выступала для многих народов как ведущая и втягивала в свой процесс другие литературы, развивавшиеся рядом и входившие в данный культурный круг. Если обратиться к хронологии, то проникновение арабского языка в Дагестан можно отнести к VII в., а проникновение арабской рукописной книги – к VIII–IX вв., т. е. раннеаббасидскому периоду. На начальном этапе масштабы распространения этого процесса ограничивались Дербентом и близлежащими пунктами, населенными арабами. Но, как замечает А. К. Аликберов, не исключена возможность проявления этого процесса в предшествующий период, а именно в период заселения кварталов Дербента арабским населением и строительством квартальных мечетей Масламой в 733 г. [1, с. 54].

С середины VIII в. внимание арабов от завоевательной политики переходит к внутренним проблемам государства. В этот период возникают все условия для развития арабской книжной культуры, центром которой был Багдад. Именно с этим городом связано возникновение арабских книжных собраний, «Домов науки», уступивших место библиотекам, мечетям и медресе во второй половине XI в. [12].

Что касается тематики памятников восточной письменности, то это традиционные для средневекового Востока дисциплины – богословие и филология (грамматические трактаты, лексикография, юриспруденция, философия и т. д.) [10, с. 60]. Наиболее древними и дошедшими до нас произведениями арабских ученых являются копии знаменитого арабского словаря «ас-Сихах» («Достоверный») ал-Джаухари (ум. в 1008 г.), которые были сделаны в 519/1125, 574/1178–1179, 593/1196 гг., и не менее известная книга «ал-Гарибайн» ал-Харави (ум. в 1010 г.) – толковый словарь арабского языка, переписанный Мухаммадом, сыном Абу ал-Хасана в 689/1290 г. [1, с. 53].

Исчезновение книжных коллекций VIII–X вв. в Дагестане связано с внутривосточной ситуацией в этот период: кровопролитными столкновениями арабов с хазарами, междоусобными войнами местных правителей, неустойчивостью быта, что никак не способствовало сохранению имевшихся книг. Однако восполнить этот пробел помогает эпиграфический материал, тесно связанный с истоками книжной культуры Дагестана. Так, сохранившиеся поныне куфийские надписи свидетельствуют о распространении в Дагестане арабской письменной грамоты уже в IX–X вв. В последующие XI–XV вв. значение арабского языка усиливается, на что также указывают эпиграфические памятники, выявленные в Дербенте, Табасаране, Ахта, Рутуле, Тпиге, Цудахаре, Кумухе, Хунзахе [11, с. 231]. По словам В. В. Бартольда, арабский

язык из всех языков мусульманских народов сделался международным языком по преимуществу [2, с. 255].

Изучение арабского языка повлекло за собой создание многочисленных учебных пособий, составленных местными авторами. Таким образом, письменная литература народов Ближнего и Среднего Востока явилась для дагестанской письменной литературы той базой, которая способствовала ее возникновению и дальнейшему развитию. Творческое усвоение памятников письменной литературы Ближнего и Среднего Востока имело в Дагестане свое логическое продолжение. С X в. создаются такие значительные сочинения узколокального характера, как «Ахты-наме» (X в.), «История Абу Муслима» (начало X в.), «История Ширвана и Дербента», охватывающая события с конца VIII в. вплоть до 1075 г., «Тарих Дагестан» (XIV в.), «Дербенд-наме» ал-Акташи (XVI в.). Одновременно с этим создаются и одноаульные хроники: «История Цахура» (XIII в.), «История Каракайтага» (конец XV – начало XVI вв.), «История аула Куркли» (XV в.) [6, с. 189].

Наряду с историческими трудами местных ученых важное место в дагестанской литературе принадлежит также таким жанрам, как суфийская литература и хадисы. Ведь само распространение ислама в Дагестане шло в виде суфизма, который именовался как религиозной философией, так и религией ислама. Экземпляры Корана, комментарии к нему (тафсиры), рассказы о делах и поступках пророка Мухаммада (хадисы), сочинения по мусульманскому праву, грамматике арабского языка, логике, истории, суфизму, этике, словари, художественное и поэтическое творчество пользовались в Дагестане большой популярностью.

Крупнейшим достижением в культурной жизни Дагестана было создание на арабском языке сочинений местных авторов, таких как Йусуф б. ал-Хусайн б. Дауд Абу Йакуб ал-Баби ал-Лакзи (ум. в 1089/1090 г.) – знаток хадисов и историограф династии Аглабидов в Дербенте; Мухаммад ад-Дарбанди (ум. в первой половине XII в.) – автор уникального суфийского энциклопедического словаря «Базилик истин и сад тонкостей»; Мухаммад Рафии – автор исторической хроники, составленной в 1465 г.; Шабан из Обода (ум. в 1667 г.) – составитель обширного комментария на сборник хадисов ал-Багави; Мухаммад, сын Мусы из Кудутля (ум. в 1717 г.), – автор грамматических сочинений и комментариев «Хашийа ала Чарпарди» («Комментарий на Чарпарди») и «Истиара»; Дауд из Усиши (ум. в 1757 г.) – автор «Хашийа-Давуд» – комментария на грамматический труд Динкузи; Дамадан из Мегеба (ум. в 1724 г.) – составитель астрономических и медицинских трактатов; Мухаммад Тахир ал-Карахи (ум. в 1880 г.) – известный автор исторических хроник; Гасан Алкадари (1834–1910) – автор историко-поэтических и философских трудов «Диван ал-Мамнун» и «Джираб ал-Мамнун»; Назир из Дургели (1891–1935) – составитель библиографического справочника [12, с. 64].

Из других ученых, получивших признание не только в Дагестане, но и за его пределами, следует отметить Абу ‘Умара’ Усмана ибн ал-Мусаддада ибн Ахмада ад-Дарбанди, который некоторое время пребывал в Багдаде. Не менее известен и шафитский факих Хаким ибн Ибрахим ибн Хаким ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дарбанди,

изучавший право у такого выдающегося ученого, как Абу Хамид Мухаммад ал-Газали (ум. в 1111 г.), сочинения которого вызывали глубокий интерес в Дагестане в XV–XVII вв. [17, с. 18]. В результате этого в средневековом Дагестане в течение многих сотен лет накапливалась обширная восточная литература в виде частных и общественных коллекций арабской книги.

Многие из этих библиотечных собраний содержали не только теологическую литературу, но и источники по гуманитарным и естественным наукам, философии, филологии, математике, географии, астрономии, медицине. Историки отмечают, например, широкое распространение в Дагестане, которое получили еще в XII–XIV вв. известные на мусульманском Востоке труды по толкованию шафиитского учения «Китаб ал-имам аш-Шафи‘и» («Книга имама Шафии») и «Космография» Казвини – своего рода энциклопедия естественных наук мусульманского мира. Проникали сюда и всемирно известные многотомные сочинения и изложения величайшего арабского историка раннего периода – ат-Табари [3, с. 103]. Необходимо отметить, что после XV в. арабский язык настойчиво прокладывая себе дорогу в Индию и Малайский архипелаг, в Центральную Африку, Малую Азию, на Балканы и, наконец, в пределы России, а именно: в Татарию, Крым, на Северный Кавказ, т. е. в ту эпоху, когда окончательно гибнет самостоятельность арабских стран, арабский язык вопреки всему покоряет всё новые и новые территории, переживая своеобразный «ренессанс» [5, с. 240].

В XV–XVII вв. одним из творческих центров в Дагестане становится Кумух. В первой половине XV в. здесь жили и работали Ахмад б. Ибрагим б. Мухаммад ал-Йамани (ум. в 1450 г.), автор книги «Вафк ал-мурад» («Соответствие предмету желаний»), религиозный деятель, мударрис, ученый, переписчик рукописей, распространитель ислама в Дагестане [14, с. 9], и Али Кумухский (ум. в 1528 г.), перу которого принадлежит «Ал-Мухтасар» («Компендий»), многократно используемый учёными Дагестана и Египта. Академик И. Ю. Крачковский, устанавливая время создания оригинальной местной литературы в Дагестане и на Северном Кавказе вообще, писал: «На Кавказе мы можем проследить две волны арабского влияния: первая, шедшая с ранними завоеваниями, неглубоко затрагивала местное население Закавказья, а вторая, медленно нарастающая с XVI в., постепенно создавала в Дагестане, Чечне, Ингушетии оригинальную местную литературу на арабском языке» [1, с. 612].

Дагестанские ученые Г. Г. Гамзатов, М.-С. Саидов, А. Р. Шихсаидов несколько расширяют хронологический аспект данного вопроса. Они пришли к выводу, что следовало бы «продвинуть значительно вперед хронологические рамки «второй волны» и отнести их к X–XV вв., или раннему этапу создания местной дагестанской литературы на арабском языке» [4, с. 108]. В первый из указанных периодов в Дагестане возникает несколько центров арабомусульманской культуры – Дербент, Кумух, Акуша и др. Особое место отводилось Дербенту, который «был важнейшей опорой «арабизма» на Кавказе» [7, с. 108].

В связи с накоплением богатой арабоязычной литературы с XVI–XVII вв. в Дагестане всё больше и больше возникает библиотек при мечетях, примечетских школах

и в домах ученых-арабистов, пользующихся, по словам И. Ю. Крачковского, признанным авторитетом со стороны представителей всего мусульманского мира в целом [9, с. 575]. Так, дагестанский ученый Мухаммад, сын Мусы ал-Кудуки, путешествовавший по Египту, Хиджазу и Йемену и обосновавшийся в Алеппо, где и умер около 1717 г., был учеником шейха Салих ал-Йамани (ум. в 1109/1698 г.) [15, с. 51]. В 70-х гг. XIX в. другой дагестанец Мухаммад Тахир ал-Карахи (1809 –1880) также поддерживал довольно тесные связи с мекканскими и египетскими учеными. Ал-Карахи получил хорошее образование в различных медресе, переходя, по сложившейся тогда традиции, из селения в селение. По его словам, он прошел курс предметов в селениях Корода, Мохсох, в обществе Гидатль, в селениях Гагатль, Гонох [16, с. 40]. Известный йеменский учёный-арабист аш-Шаукани, посетивший в конце XVIII в. Дагестан, с восторгом писал об одном дагестанце: «...я не видал похожего на него в умении хорошо выражаться, пользоваться чистым языком, избегать в беседе вульгаризмов, прекрасно произносить речь. При слушании его слов мной овладел такой восторг и радость, что даже дрожь пошла по мне» [7, с. 84].

Уровень знаний вообще и арабского языка в частности был очень высок, так как многие дагестанцы, получавшие образование в городах Арабского халифата, поддерживали контакты с учеными стран Ближнего Востока и Средней Азии. История материальной и духовной культуры народов Дагестана дает многочисленные свидетельства того, что данный регион никогда не находился в изоляции от других географических ареалов и исторических цивилизаций. Средневековые отмечено определенными связями Страны гор с Европой и многими районами Востока, такими как Средняя и Передняя Азия, Индия и др. Известно, например, что сюда, в самую, казалось бы, отдаленную глушь, проникали не только образцы суфистики ал-Маарри и ал-Фараби, не только мусульманские учения Египта, но и трактаты Аристотеля и Платона. Передатчиком и «переносчиком» этих ценностей на Кавказ и в Дагестан была арабо-мусульманская культура.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги сказанного, следует отметить, что культура арабо-мусульманского Востока сыграла огромную роль в судьбах национальных культур и творчестве народов Дагестана. В настоящее время у нас есть все основания полагать, что если вначале местная культура, носившая общedaгестанский характер, обогащалась за счет арабо-мусульманской, то теперь она приобрела самостоятельность и вносит свой небольшой, но весьма ощутимый по содержанию вклад в общую культуру и литературу Востока.

Список литературы

1. Аликберов А. К. О некоторых особенностях зарождения и становления книжной культуры Дагестана // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. – С. 50–56.
2. Бартольд В. В. Этнографический состав мусульманского мира. Значение арабского языка и арабской культуры // Сочинения. М., 1996. Т. 4. – 495 с.

3. Гамзатов Г. Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978. – 420 с.
4. Гамзатов Г. Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Сокровищница памятников письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Вып. 9. Тбилиси, 1982. – С. 203–223.
5. Гамзатов Г. Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Арабо-мусульманская литературная традиция в Дагестане. Проблемы изучения // Гамзатов Г. Г. Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала, 1990. – С. 211–246.
6. Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древних времён до конца XV в. Махачкала, 1996. – 462 с.
7. Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.-Л., 1941. – с. 80–85.
8. Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: в 6 т. М.-Л., 1960. Т. 6. – С. 605–611.
9. Крачковский И. Ю. Дагестан и Йемен // Избр. соч.: в 6 т. М.-Л., 1960. Т. 6. – с. 732–737.
10. Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985. – 305 с.
11. Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. М., 1984. – 463 с.
12. Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. – 256 с.
13. Шихсаидов А. Р. Дагестан и Багдад: X–XIII вв // Дагестанская правда. 1997. 10 июля. № 134.
14. Шихсаидов А. Р. Ахмад ал-Йамани // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. – С. 9–11.
15. Шихсаидов А. Р. Ал-Кудуки // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999 – С. 50–51.
16. Шихсаидов А. Р. Ал-Карахи // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Вып. 4. М., 2003. – С. 40–41.
17. Shikhsaidov A. R., Khalidov A. B. Manuscripts of al-Ghazālī's Works in Daghestan // Manuscripta Orientalia. Vol. 3. No 2. June 1997. – P. 17–36.

Magomedova Z. A. Origins arab-islamic literature traditions of Dagestan in XVIII – XIX centuries / Z. A. Magomedova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 434–439.

In article the main stages of distribution of Arab-Muslim literary traditions in Dagestan with XVIII – the beginnings of the XIXth century are consecrated. Influence of process of islamization on formation of cultural traditions of this region is considered.

Keywords: Islam, Dagestan, Arab-Muslim literature, Arab language, book collections.

УДК 398.32

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ЧЫРШЫ (ЕЛЬ)
(на материале татарских фольклорных,
этнографических, художественных текстов и ассоциатов)¹

Мансурова Г. К.

ГБУ «Республиканский центр развития традиционной культуры»,

Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

E-mail: gully87@mail.ru

Для выявления семантических и когнитивных признаков татарского культурного кода ЧЫРШЫ проанализированы корпуса татарских пословиц, поговорок, загадок, песен, сорэнов, плачей, лирических произведений детской литературы, содержащих лексему «чыршы», словарных статей, письменный корпус татарского языка, а также ассоциаты, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента и система поверий, выявленная в экспедициях (районы Республики Татарстан, 2015, 2016 гг.) с использованием методов сравнительного, компонентного, статистического анализа, свободного ассоциативного эксперимента, а также метода когнитивной интерпретации. В результате получена семантическая сеть культурного кода ЧЫРШЫ, содержащая характеристики изучаемого объекта как дерева, материала и символа праздника «Новый год». Особенность данных характеристик заключается в том, что среди них представлены разнополярные признаки.

Ключевые слова: чыршы, ель, культурный код, семантический признак, когнитивный признак, фольклор, ассоциативный эксперимент.

ВВЕДЕНИЕ

Решение насущной проблемы самоидентификации народов в свете глобализации и унификации напрямую связано со знанием и пониманием своих культурных кодов и исторического культурного контекста. Дерево является значимым культурным кодом в системе мировоззрения тюркских народов. Однако как в тюркологии, так и в татарской науке мало работ, посвященных комплексному описанию дендрологического кода с привлечением фольклорного, этнографического материала, корпусов художественных текстов.

В тюркологии, в татарской науке первые исследования названий растений проводились в рамках лексикографии. В словаре Махмуда ал-Кашгари, А. Троянского, В. В. Радлова, Дж. Валиди, в двуязычных и трехязычных словарях «Кодекс Куманикус», С. Хальфина, Л. З. Будагова, К. Насыри представлен богатый лексический материал по цветам, лечебным травам, деревьям, грибам, ягодам, лесам и кустарникам.

Впервые в татарской науке названия деревьев целенаправленно были изучены К. Насыри. В работе «Гөлзар вә чәмэнзар» («Гульзар и чаманзар», 1903) он привел переводы названий с татарского на арабский, латинский и русский языки, также описал полезные свойства растений [1]. В трудах Р. Г. Ахметьянова [2, 3], Ф. С. Баязитовой [4], Н. Б. Бургановой [5], Л. В. Дмитриевой [6], Л. Т. Махмутовой

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Дерево в мировоззренческой системе татар: локус дома и придомовой территории» № 16-14-16033.

[7], К. М. Мусаева [8], Г. Г. Саберовой [9], Д. Г. Тумашевой [10], Т. Х. Хайрутдиновой [11], Ф. Ю. Юсупова [12], выполненных в сравнительно-исторической и системно-структурной парадигмах, рассматривались этимологические, словообразовательные, морфологические особенности растительной лексики, их фонетические варианты в говорах и диалектах татарского языка, а также в тюркских языках. На современном этапе лингвистические исследования татарской фитонимии ведутся в свете антропологической парадигмы на материале не только лингвистических единиц, но и образов художественной литературы, текстов устного народного творчества. Так, например, в работах К. М. Миннуллина [13], Э. Н. Денмухаметовой [14], Д. Ш. Исрафиловой [15] на основе корпусов паремий, песен, фразеологизмов описываются некоторые семантические признаки лексем «дерево», «дуб», «береза», «ива», «осина», приводится статистический анализ художественных образов.

Вместе с тем в татарской науке есть ряд работ, в которых показан иной подход в филологическом изучении растений. В 1926 году вышел в свет труд Г. Рахима и М. Васильева под названием «Фольклор һәм халык әдәбияты жыю өчен кулланма» («Пособие по собиранию фольклора и народной литературы»). В данной работе представлен вопросник по разным темам устного народного творчества, этнографии, в том числе и растениям. Например: священные леса, рощи и связанные с ними легенды; одинокие деревья, почитаемые народом; традиция привязывать к веткам деревьев ленты, другие вещи; считается ли грехом ломать ветки деревьев, срывать цветы?; верит ли народ, что у растений есть душа?; почему листья осины дрожат и в безветренную погоду?; какие деревья нельзя сажать в саду? [16] и т. д.

Благодаря такому функциональному подходу к исследованию темы растений палитра семантических значений татарского культурного кода существенно обогащается.

В работе «Авыллар һәм калалар тарихыннан» [17] Ф. Г. Гарипова, сопоставляя с современным состоянием, дает историческую справку о деревьях Татарстана. Во второй части данного объемного труда представлены две статьи, описывающие на базе песен, пословиц, топонимических сведений семантические признаки березы и дуба, при этом автор указывает на важную роль деревьев в системе мировоззрения татар.

Стоит отметить и работу Ф. Х. Завгаровой [18]. В вопроснике о святых местах автор отводит отдельный блок вопросам, связанным со священными деревьями, в котором определяются этиологические и прагматические особенности деревьев.

Тем не менее комплексного анализа культурного кода деревьев на данный момент в татарской науке нет.

В данной статье делается попытка анализа дендрологического кода ЧЫРШЫ.

Цель данной статьи – описание семантических и когнитивных признаков татарского культурного кода ЧЫРШЫ (ЕЛЬ), выявленных на основе фольклорных, этнографических, художественных текстов и ассоциатов. Материалом для определения семантических и когнитивных признаков служат корпусы татарских пословиц и поговорок [19], загадок [20], песен [21], сорэнов, плачей [22], словарных статей [3, 23], лирических произведений детской литературы [24], содержащих лексему «чыршы»,

письменный корпус татарского языка [25], а также ассоциаты, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, и система поверий, выявленная нами в полевых исследованиях (экспедиции в районы Республики Татарстан в 2015, 2016 гг.).

Основным методом исследования семантических и когнитивных признаков является метод когнитивной интерпретации [26], который представляет собой обобщение результатов семантического описания языковых единиц, номинирующих культурный код. Также в исследовании используются методы сравнительного, компонентного, статистического анализа, свободного ассоциативного эксперимента.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРНОГО КОДА ЧЫРШЫ

Ядро культурного кода ЧЫРШЫ составляют семантические признаки, представленные в словарях татарского языка [3, с. 245; 23, с. 462]:

1. Дерево: 1) наратлар семьялыгыннан = из семейства Сосновые, 2) ябалдашы конус сыман = конусовидная крона, 3) мәңге яшел ылыслы = с вечнозеленой хвоей, 4) биек = высокое.

2. Материал (например, чыршы өстэл = стол из ели, чыршы такта = еловые доски).

3. Символ праздника «Новый год»: 1) Яңа ел бәйрәмендә = во время праздника «Новый год», 2) балалар күңел ачсын өчен = для радости детей, 3) урманнан кисеп китерелгән = срубленное в лесу, 4) бизәп куелган = украшенное.

В ходе исследования были выявлены следующие когнитивные признаки дендрологического кода ЧЫРШЫ (в скобках указана частотность – яркость признака):

Фольклорные и этнографические тексты

Характеристика дерева: егет = юноша (9), тиз кабынучан = легковоспламеняемый (5), яшел = зеленый (5), үлем китерә = приносит смерть (4), киём = одежда (повседневная: чапан, бүрек) (3), күп инәле = много иголок (3), бер төсле чәчәк = цветы одного цвета (2), нарат-чыршыдай = как сосна-ель (в значении *стройный*) (2), яшь = молодой (1), сукуяр күзле = слепой (1), хуш исле = душистый (1), озын = длинный (1), урысларныкы = принадлежит русским (1), безнеке түгел = не наш (1), безгә ярамый = нам нельзя (1).

Характеристика материала (изафет 1-й формы): чыршы күркә = шишка (3), чыршы багана + кайгы = столб из ели + горе (2), чыршы ызба + кайгы = изба из ели + горе (2), чыршы өстэл + кайгы = стол из ели + горе (2), чыршы келәт + кайгы = клеть из ели + горе (1), чыршы чыра = лучина из ели (1), чыршы шырыпы = спичка из ели (1).

Художественные тексты

Характеристика дерева: Яңа ел = Новый год (30), яшел = зеленый (15), бәйрәм = праздник (6), йолдыз = звезда (5), бизәү = украшать, наряжать (4), урманда үсә = растет в лесу (4), әйлән-бәйлән = хоровод (3), зифа = стройная (2), ылыслар = хвоя, иголки (2), киём = наряд (2), кар чәчәкләр = снежные цветы (1), яңа = новая (1), уенчыклар = игрушки (1).

Письменный корпус татарского языка

Характеристика дерева: бэйрэм = праздник (749), бизэлгән = украшенная (88), ак = белая (76), яшел = зеленая (66), уенчык = игрушка (53), матур = красивая (34), зур = большая (31), яшь = молодая (27).

Ассоциаты

В ходе свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 50 человек, в возрасте 50–60 лет, было получено 50 реакций. Далее они были обобщены в следующие когнитивные признаки дендрологического кода ЧЫРШЫ: Яна ел = Новый год (33), ылыс = хвоя (5), хуш ис = душистый запах (3), агач = дерево (3), яшел = зеленый (2), дэва = лечение (2), өй = дом (2), матур = красивый (1), файдалы = полезный (1), ель (1).

ВЫВОДЫ

Опираясь на полученные результаты, мы пришли к следующим выводам:

1. Когнитивные признаки, выявленные на основе фольклорных и этнографических текстов, и когнитивные признаки, выявленные на основе художественной литературы и ассоциатов, семантически отличаются, так как являются маркерами разных социально-культурных факторов влияния.

2. Фольклорный и этнографический материал дает представление об образе ЧЫРШЫ, сформированном в традиционной культуре татарского народа. Прежде всего этот образ ассоциируется с вечно молодым юношей.

3. В фольклорно-этнографических текстах фигурируют устойчивые словосочетания с изафетной связью (первая форма: существительные с нулевым окончанием). В данных словосочетаниях ЧЫРШЫ выступает как материал, из которого сделаны спички, лучины, столы, столбы, построены клетки и дома. Присутствует устойчивая видовая связь с сосной и ассоциация со свойствами сосны, констатируется их «похожесть», а также положительные качества материала. Контекст жанров песни и плача (тематика – разлука с семьей, Родиной), в котором употреблены словосочетания, поддерживающие лексему «чыршы», диктует коннотацию глубокой печали, вследствие чего образуется ассоциация «ЧЫРШЫ – печаль, горе, беда, разлука».

4. По данным, полученным в ходе экспедиций в Апастовский, Алькеевский районы Республики Татарстан в 2015 г., Спасский район Республики Татарстан в 2016 г., для татар Поволжья старшего поколения культурный код ЧЫРШЫ имеет такие характеристики, как «чужой», «не наш», «символ, принадлежащий русской православленной культуре», «опасный». Данное дерево нельзя сажать у дома, так как оно «приносит» пожар, беду. По словам информантов¹, если ель вырастет до толщины с человеческую шею, хозяин дома скоро умрёт, поэтому это дерево «мертвых» нельзя

---

¹ Сабирова Гульфия Ибрагимовна, 1964 г. р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Чэчэкле; Шагимарданова Мадина Сабировна, 1955 г. р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Чэчэкле; Габделвалиева Гульсина Мирхузевна, 1955 г. р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Чэчэкле; Исмагилова Асхадия Наилевна, 1963 г. р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Чэчэкле.

сажать у дома, только в общественных местах – парках, рядом с клубами¹. У татарского населения данные поверья доминируют.

В то же время встречаются и поверья (редко) о ели как зеленом, красивом дереве, которое не приносит никакой беды², зачастую у таких информантов в саду растут ёлочки. Об уважительном отношении татар к ели свидетельствует и топонимия Татарстана. В Высокогорском районе Республики Татарстан есть деревня, а рядом с ней речка под названием Чыршы, номинация топонимов связана с растущими вокруг деревни густыми хвойными лесами – гордостью данного края [17, с. 494].

5. Произведения художественные, в частности тексты детской литературы, содержащие лексему «чыршы», были созданы в советское время, когда в обществе пропагандировалась и внедрялась новая-старая традиция украшения ёлки (новогодняя ёлка пришла на смену рождественской). Под влиянием советского праздника ёлка-красавица в нарядном платье (женская атрибутика, свойственная русской культуре) ассоциируется с праздником, радостью, песнями, хороводом, подарками.

6. Проведенный ассоциативный эксперимент, а также результаты статистического анализа письменного корпуса татарского языка (где представлены тексты татарских СМИ) продемонстрировали, что в сознании носителей татарской культуры среднего возраста ЧЫРШЫ ассоциируется именно с праздником, а традиционные образы отошли на задний план.

7. Общими когнитивными признаками для традиционного и художественного образов являются: киём = одежда, яшел = зелёный, ылыслар = хвоя, связанные с биологическими характеристиками дерева и универсальным метафорическим мышлением.

Данное исследование показывает, что дендрологический культурный код татарского народа содержит богатую семантическую сеть, которая должна быть отражена в современных толковых словарях татарского языка.

Список литературы

1. Тюрко-татарская лексика как проекция национального менталитета: на материале лексической группы «Природа» / Г. Р. Галиуллина, А. Ш. Юсупова, Г. К. Хадиева. – Казань: Редакционно-издательский центр, 2011. – 119 с.
2. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов; Отв. ред. М. З. Закиев. – М.: Наука, 1989. – 199 с.
3. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р. Г. Әхмәтъянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
4. Баязитова Ф. С. Халык традицияләре лексикасы: Соңгы туй. (Дини фольклор һәм жирле сөйләш текстлары яссылыгында.) / Ф. С. Баязитова. – Казан: Г. Ибраһимов ис. ТӘҺСИ, 2015. – 711 б.
5. Бурганова Н. Б. О татарских народных названиях растений / Н. Б. Бурганова // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань, 1976. – С. 125–141.
6. Дмитриева Л. В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках / Л. В. Дмитриева // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972. – С. 151–223.

¹ Нигматуллина Райса Шамсутдиновна, 1936 г. р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Тукай.

² Сиразетдинова Маптуха Тихомировна, 1934 г. р., Республика Татарстан, Спасский район, д. Иске Рязяп.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ЧЫРШЫ (ЕЛЬ) (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ, ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ И АССОЦИАТОВ)...

---

7. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка / Л. Т. Махмутова; отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1978. – 271 с.
8. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении / К. М. Мусаев. – М.: Наука, 1975. – 359 с.
9. Саберова Г. Г. Названия растений в татарском литературном языке / Г. Г. Саберова. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. – 130 с.
10. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар: Татарско-русский / Д. Г. Тумашева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с.
11. Хайрутдинова Т. Х. Народные названия растений в татарском языке / Т. Х. Хайрутдинова. – Казань: Фикер, 2004. – 224 с.
12. Юсупов Ф. Ю. Сафакул татарлары: тарих, тел, халык ижаты / Ф. Ю. Юсупов; ТФА; КДУ; Татар дәүләт фольклор үзәге; Бөтендөнья татар конгрессы. – Казан: Фикер, 2006. – 607 б.
13. Миннуллин К. М. Растительная символика в песенной поэзии народов Поволжья и Приуралья / К. М. Миннуллин // Ядкяр. – 2008. – № 2. – С. 107–109.
14. Денмухаметова Э. Н. Паремии как источник лингвистического наследия татарского народа / Э. Н. Денмухаметова // Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (16–19 июля 2014 г.). – Казань: Ихлас, 2014. – С. 477–484.
15. Ибрафилова Д. Ш. Концепт «tree/дерево/агач» как средство выражения языковой действительности в английском, русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ибрафилова Диляра Шамильевна. – Казань, 2012. – 157 с.
16. Гайнутдинов А. М. Вопросы теории и методологии собирания фольклора в пособии Г. Рахима и М. Васильева «Фольклор һәм халык әдәбияты жыю өчен кулланма» / А. М. Гайнутдинов, М. И. Ибрагимов // Татарская фольклористика. Исследования молодых. Вып. 6. – Казань: Ихлас, 2015. – С. 15–51.
17. Гарипова Ф. Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. Икенче жилд / Ф. Г. Гарипова. – Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 2003. – 719 б.
18. Жәүһәрова Ф. Х. Изге урыннарга бәйле легендалар / Ф. Х. Жәүһәрова // Урта Идел буе татарлары традицион мәдәнияте (материал туплау өчен сораулыктар жьентыгы). – Казан: Ихлас, 2013. – Б. 5–11.
19. Исанбет Н. Татарские народные пословицы : собрание пословиц : в 3-х т. / Н. Исанбет. – 2-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010.
20. Татар халык ижаты = Татарское народное творчество: табышмактар / СССР ФА Казан филиалы, Г. Ибрагимов исем. Тел, әдәбият һәм тарих ин-ты; Томны төз., кереш мәкалә язучы, искәртмәләр хәзерләүче Х. Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 271 б.
21. Татар халык жырлары / Төз. Р. Шакирова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 238 б.
22. Татар халык ижаты: Хрестоматия / Төз. Ф. Урманче, К. Миңнуллин. – Казан: Мәгариф, 2004. – 479 б.
23. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 т. [= Толковый словарь татарского языка: в 3 т.]. Т. III. Т-Һ. / СССР ФА КФ Г. Ибрагимов исемдәге ТӘТИ; Төз.: И. А. Абдуллин, С. Б. Вахитова, Ф. М. Газизова, Л. Р. Гайнанова, Ф. А. Ганиев, М. Г. Мөхәммәдиев, Ш. С. Ханбикова, Р. Г. Әхмәтиянов; Редкол.: Л. Т. Махмутова, М. Г. Мөхәммәдиев, К. С. Сабиров, Ш. С. Ханбикова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 832 б.
24. Гөлбакча: балалар бакчалары өчен хрестоматия / Төз. Ф. Ю. Юсупов, З. Ф. Камалова, Р. А. Борһанова; Фәнни ред. Ф. Ю. Юсупов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 254 б.
25. Письменный корпус татарского языка. URL: <http://corpus.tatar> (дата обращения: 20.07 2016 г.).
26. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 315 с.

References

1. Tyurko-tatarskaya leksika kak proyekcia nacional'nogo mentaliteta: na materiale leksicheskoi gruppy «Priroda» [Turkic-Tatar vocabulary as a projection of the national mentality: on the lexical material of the «Nature»] / G. R. Galiullina, A. Sh. Yusupova, G. K. Khadieva. – Kazan: Editorial and Publishing Center, 2011. – 119 p.
2. Akhmet'yanov R. G. Obschaya leksika material'noy kul'tury narodov Srednego Povolj'ya [Total vocabulary of the material culture of the peoples of the Middle Volga] / R. G. Akhmet'yanov. – M.: Nauka, 1989 – 199 p.
3. Ehmetyanov R. G. Tatar teleneng kyskacha Tarikhi-etimologik suzlege [Historical-etymological dictionary of the Tatar language] / R. G. Ehmetyanov. – Kazan: Tatar book house, 2001. – 272 p.
4. Bayazitova F. S. Khalyk traditsiyalere leksikasy: Songgy tui. (Dini folklore hem dzirle soylesh tekstlary yassylgynda.) [Lexicon of folk tradition: Last holiday] / F. S. Bayazitova. – Kazan, 2015. – 711 p.
5. Burganova N. B. O tatarskikh narodnykh nazvaniyakh rašeniy [About the Tatar folk names of the plants] / N. B. Burganova // Questions of lexicology and lexicography of the Tatar language. – Kazan, 1976. – P. 125–141.
6. Dmitrieva L. V. Nazvaniya rašeniy v tyurkskikh i drugikh altaiskikh yazykakh [Plant names in Turkic and other Altaic languages] / L. V. Dmitrieva // Sketches of comparative lexicology Altai languages. – L., 1972. – P. 151–223.
7. Makhmutova L. T. Opyt issledovaniya tyurkskikh dialektov: misharskiy dialekt tatarskogo yazyka [Studies of Turkic dialects: the Mishar dialect of the Tatar language] / L. T. Makhmutova. – M.: Nauka, 1978. – 271 p.
8. Musayev K. M. Leksika tyurkskikh yazykov v sravnitel'nom osveschenii [Vocabulary of Turkic languages in the comparative light] / K. M. Musayev. – M.: Nauka, 1975. – 359 p.
9. Saberova G. G. Nazvaniya rašeniy v tatarskom literaturnom yazyke [Plant names in the Tatar literary language] / G. G. Saberova. – Kazan, 1996. – 130 p.
10. Tumasheva D. G. Slovar' dialektov sibirskikh tatar: Tatarsko-russkiy [Dictionary of Siberian Tatars dialects: Tatar-Russian] / D. G. Tumasheva. – Kazan: Publishing House of Kazan University Press, 1992. – 255 p.
11. Khairutdinova T. Kh. Narodnye nazvaniya rašeniy v tatarskom yazyke [Folk names of plants in the Tatar language] / T. Kh. Khairutdinova. – Kazan: Ficker, 2004. – 224 p.
12. Yusupov F. Yu. Safakul Tatarlary: Tarikh, tel, khalyk idzaty [Safakul Tatars: history, language, folk] / F. Yu Yusupov. – Kazan: Ficker, 2006. – 607 p.
13. Minnullin K. M. Rašitel'naya simbolika v pesennoy poezii narodov Povolj'ya I Priural'ya [Plant symbolism in the song poetry of the peoples of Volga and Urals] / K. M. Minnullin // Yadkyar. – 2008. – № 2. – P. 107–109.
14. Denmuhametova E. N. Paremii kak istochnik lingvišticheskogo naslediya tatarskogo naroda [Proverbs as the source of the linguistic heritage of the Tatar people / E. N. Denmuhametova] // Intangible cultural heritage of the Turkic peoples as the object of conservation: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (16–19 July 2014). – Kazan: Ikhlas, 2014. – P. 477–484.
15. Israfilova D. Sh. Koncept «tree / derevo / agach» kak sredstvo vyrajeniya yazykovoy deystvitel'nosti v angliyskom, russkom I tatarskom yazykakh [Concept «tree / derevo / agach» as a means of expressing the linguistic reality in the English, Russian and Tatar languages]: dis. ... cand. of Philology. Sciences: 10.02.20 / Israfilova Dilara Shamilevna. – Kazan, 2012. – 157 p.
16. Gainutdinov A. M. Voprosy teorii I metodologii sobiraniya folklor v posobii G. Rakhima i M. Vasil'yeva «Folklore hem khalyk edebiyaty dzyyu ochen kullanna» [Questions of the theory and methodology of collecting folklore in the manual by G. Rahim and M. Vasiliev «Folklore hem khalyk edebiyaty dzyyu ochen kullanna»] / A. M. Gainutdinov, M. I. Ibragimov // Tatar folklore. Researches of Young Scientists. Vol. 6. – Kazan: Ikhlas, 2015. – P. 15–51.
17. Garipova F. G. History of villages and cities [Avyillar hem kalalar tarihyndan. Ikenche dzild] / F. G. Garipova. – Kazan: Matbugat Yorty, 2003. – 719 p.
18. Dzeuherova F. Kh Izge urynnarga beyle legendalar [Legends about saint places] / F. Kh. Dzeuherova // Traditional culture of the Tatars in the Middle Volga. – Kazan: Ikhlas, 2013. – P. 5–11.

19. Isanbet N. Tatarskiye narodnyye posloviy [Tatar folk proverbs: a collection of proverbs]: 3 volumes / N. Isanbet. – 2nd ed. – Kazan: Tatar book house, 2010.
20. Tatar khalyk idzaty: tabyshmaklar [Tatar folk art: riddles]. – Kazan: Tatar book house, 1977. – 271 p.
21. Tatar khalyk dzrylary [Tatar folk songs]. – Kazan: Tatar book house, 2014. – 238 p.
22. Tatar khalyk idzaty: Khrestomatiya [Tatar folk art: Reader]. – Kazan: Megarif, 2004. – 479 p.
23. Tatar teleneng anglatmaly suzlege [Explanatory dictionary of the Tatar language]: Vol. 3. T-h. – Kazan: Tatar book house, 1981. – 832 p.
24. Golbakcha: balalar bakchalary ochen khrestomatiya [Golbakcha: reader for children]. – Kazan: Tatar book house, 1990. – 254 p.
25. Corpus of the Tatar written language. URL: <http://corpus.tatar> (reference date: 20.07.2016).
26. Popova Z. D. Kognitivnaya lingvistik: uchebnoye izdaniye [Cognitive Linguistics: textbook] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – M.: AST: «East-West», 2007. – 315 p.

Mansurova G. K. The cultural code of Chyrshy (Fir-tree) (based on the Tatar folklore, ethnographic, literary texts and associates) / G. K. Mansurova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 440–448.

The solution of a modern self-identification problem of the peoples is directly connected with understanding of the cultural codes and a historical cultural context. The tree is a significant cultural code in the Turkic people's system of outlook. However there are not enough works devoted to the complex description of a dendrology code in Turkology, and in the Tatar science.

For the first time in the Tatar science phytonyms, names of trees were purposefully studied by Nasyri K. in «Gulzar and chamanzar» (1903), he gave the translations of names in the Tatar, Arab, Latin and Russian languages, also described useful properties of plants. In works of Akhmetyanov R. G., Bayazitova F. S., Burganova N. B., Dmitriyeva L. V., Makhmutova L. T., Musayev K. M., Saberova G. G., Tumasheva D. G., Khayrutdinov T. Kh., Yusupov F. Yu. there were considered etymological, word-formation, morphological features of plant lexicon, their phonetic options in dialects and dialects of the Tatar, and also in Turkic languages. At present, linguistic researches of the Tatar phytonyms are conducted in the light of an anthropological paradigm on material of folklore and literature texts (works of Minnullin K. M., Denmukhammetova E. N., Israfilova D. Sh.).

At the same time in the Tatar science there is a number of works in which functional, pragmatical approach in philological studying of plants is shown (works of Rakhim G., Garipovoy F. G., Zavgarova F. Kh.).

Nevertheless now there is no complex analysis of a cultural code of trees in the Tatar science.

The purpose of this article is to describe the semantic and cognitive signs of the Tatar cultural code CHYRSHY (FIR-TREE), revealed on the basis of folklore, ethnographic, art texts and associates. As material for definition of semantic and cognitive signs we used the Tatar proverbs and sayings, riddles, songs, sores, cryings, dictionary entries, the lyrical works of children's literature containing a lexeme of «chyrshy», Corpus of the Tatar written language, and also the associates received from free associative experiment and the system of beliefs revealed in field researches (expedition to the regions of the Republic of Tatarstan in 2015, 2016).

The main method of research is cognitive interpretation, also we used comparative, component, statistical analysis, free associative experiment.

Relying on the received results, we came to the following conclusions:

1. The cognitive signs, revealed on the basis of folklore and ethnographic texts, and the cognitive signs, revealed on the basis of fiction and associates, are different semantically as they are markers of different factors of influence. Folklore and ethnographic material gives an idea of image of CHYRSHY created in traditional culture. First of all, this image is associated with the forever young man.

2. According to the data from expeditions to the Apas, Alkey districts of the Republic of Tatarstan in 2015, the Spas district of the Republic of Tatarstan in 2016 for Tatars of the Volga region (the senior generation) the CHYRSHY cultural code has such characteristics as «stranger», «not ours», «the symbol belonging to the Russian orthodox culture», «dangerous». This tree can not be planted at the house as it «brings» the fire, trouble. According to informants, if the fir-tree grows up (width is about a human neck), a host of a house will die, and therefore this tree of «dead people» can be planted only in public places like parks, clubs. At the same

time there are (but seldom) beliefs about this tree as a green, beautiful tree which does not bring any trouble. Respect of Tatars for a fir-tree is demonstrated also by toponyms in Tatarstan. In the Biyek Tau region of the Republic of Tatarstan there is a village, and near the small river under the name of Chyrshy, the nomination of toponyms is connected with the forests growing around the village.

3. Works of art, in particular, texts of children's literature, containing a lexeme of «chyrshy», were created in Soviet period when in society the new-old tradition of decoration of a fir-tree was propagandized (the New Year tree came instead of Christmas tree). Because of the Soviet holiday influence the fir-tree in an elegant dress (the female attributes peculiar to the Russian culture) is associated with a holiday, pleasure, songs, a round dance, gifts.

4. The associative experiment, and also results of the statistical analysis of Corpus of the Tatar written language (the Tatar mass media texts) showed that for native speakers of average age CHYRSHY code is associated with a holiday, and traditional images receded into the background.

УДК 81. 411. 21» 367. 625» 373. 7

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРАЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Бекиров Р. А.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии,
Таурическая академия (структурное подразделение),
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: rbekirov@mail.ru*

В статье делается попытка исследования лексико-семантических особенностей глагольных фразеологических сращений современного арабского языка. Ставятся следующие задачи: собрать и систематизировать группу фразеологизмов, имеющих в своём составе глагольный компонент.

В ходе исследования установлено отличие глагольных фразеологических сращений от других групп фразеологизмов. Фразеология как древняя и обширная часть состава арабского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем арабского языкознания.

Ключевые слова: фразеологизм, классификация, глагольный, имя, арабский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Фразеология арабского языка является малоисследованной областью арабской филологии, представляя собой выражения образного, метафорического характера.

Актуальность. История арабского языка насчитывает не одно тысячелетие, при том что его фразеология изучена недостаточно. Современный арабский литературный язык является наиболее распространенным среди семитских языков. Число говорящих на нём составляет около 300 миллионов. Актуальность исследования определяется неразработанностью проблемы и недостаточной изученностью фразеологических единиц современного арабского языка. В современной арабистике изучение фразеологизмов и дополнение на этой основе словарей, пособий, других лексикографических изданий является актуальным направлением в арабском языкознании.

Цель статьи – собрать и исследовать в этимологическом и других планах глагольные фразеологические сращения арабского языка. Особое внимание, по нашему представлению, следует уделить:

- 1) сбору, изучению и обобщению сведений из различных источников по арабскому и общему языкознанию;
- 2) выявлению лексико-семантических характеристик глагольных фразеологических сращений;
- 3) исследованию лексико-семантических особенностей глагольных фразеологизмов.

Для научных изысканий в этой области материалом могут послужить данные первоисточников (материалы классического и современного арабского литературного языка, живых народных говоров и другие письменные источники), а также сведения арабских средневековых авторов, доводы современных исследований в области арабского языка.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать следующие методы исследования: сравнительно-исторический, описательный, сопоставительный, функциональный и типологический приемы и методы исследования [2, с. 5]. В методологическом отношении обоснованным является исследование фразеологии арабского языка в сравнительно-историческом, семасиологическом, этимологическом и других планах [2, с. 8].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Академиком В. В. Виноградовым была предложена следующая классификация фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания [1]. Позднее Н. М. Шанский дополнил классификацию фразеологическими выражениями [9]. Подобного подхода к лексико-семантическим характеристикам фразеологизмов придерживаются и многие другие учёные [4; 5; 6; 7; 8]. Говоря о семантической слитности фразеологических единиц арабского языка, в которых существует соотношение между общим значением фразеологизма и «частной» семантикой образующих его частей, следует отметить, что среди фразеологических оборотов арабского языка можно выделить глагольные фразеологические сращения.

Фразеологические сращения арабского языка характеризуются следующими особенностями.

Во-первых, во фразеологических сращениях общее значение всего выражения не эквивалентно конкретному лексическому значению тех слов, которые входят во фразеологическую единицу, т. е. сумма означающих не равна сумме означаемого. Например, в современном арабском языке имеются словоформы «بلغ» «достигать», «سيل» «ручей» и «زبي» «волчья яма», но значение этих слов не имеет ничего общего со значением фразеологического оборота «بلغ السيل الزبي» «дело приняло опасный поворот» (букв. «достиг ручей волчьей ямы») [11, с. 325].

Слова, которые входят во фразеологические сращения, не имеют самостоятельного значения. В некоторых случаях значение слов может быть раскрыто лишь в результате исследования их этимологии. Многие арабские фразеологические единицы могут не иметь особых примет. Например: «مات في جلده» «перепугаться до смерти» (букв. «он умер в своей коже») [11, с. 134]; «فرغت الجعاب» «запас новостей иссяк» (букв. «опустели колчаны, патронташи, сумки») [11, с. 131]; «جرض بریق» «сильно волноваться, быть сильно взволнованным» (букв. «он давился слюной») [11, с. 126]; «أريه أريه» «показать, где раки зимуют» (букв. «я покажу ему красноту звёзд в самый полдень») [11, с. 281]; «يده ضاقت» «он обеднел» (букв. «рука его сузилась») [11, с. 917].

Во-вторых, фразеологическим сращениям арабского языка характерна устойчивость, как, например, нерасчленимость выражения: «ضرب في حديد بارد» «толочь воду в ступе» (букв. «он бил по холодному железу, ковал холодное железо») [11, с. 159].

Невозможно заменить какой-либо компонент выражения другим словом. Во фразеологическом обороте «أحرز قصب السبق» «заоевать пальму первенства» (букв. «он добился тростника первенства») [11, с. 165]. Ни одно слово нельзя заменить другим, так как компоненты этого фразеологического оборота семантически тесно связаны.

Невозможны и перестановки компонентов во фразеологических единицах. Например, во фразеологизмах «جاشت نفسه» «он почувствовал тошноту» (букв. «забурлила, взволновалась, вскипела его душа») [11, с. 151]; «ذهب كأمس دابر» «бесследно исчезнуть» (букв. «уйти как вчерашнее прошлое») [11, с. 277]; «لا يرزأ العدو فتيلًا» «он не причинит никакого вреда» (букв. «он не поражает врага и на финиковую плеву») [10; 3] нельзя переставить компоненты, иначе потеряется образное значение.

В-третьих, некоторые фразеологические сращения арабского языка характеризуются синтаксической усеченностью. Например: «لا يسوى بصلة» «яйца выеденного не стоит» (букв. «не стоит луковицы») или «لا يسوى حبة الخردلة» «яйца выеденного не стоит» (букв. «не равняется и горчичному зерну»).

Очевидно, что здесь не хватает определенного компонента и, в данном контексте, могут употребляться слово «أمر» «дело» и некоторые другие синонимичные ему лексемы, как, например, «شان» «вопрос, дело».

В арабском языке существует ряд терминов, определяющих фразеологические единицы: «تركيب» «фразеологический оборот» [12], «كناية» «намек, троп» [7], «مجاز» «метафора, троп» [7] и др.

ВЫВОДЫ

Семантика фразеологических сращений не выводится из значения составляющих его компонентов. Из этого следует неаддитивность суммы значений означаемому. Часто фразеологические сращения могут быть эквивалентны отдельным словам. Высокая степень абстрактности содержания фразеологических единиц способствует их восприятию как эквивалентов словоформ и синтагм в какой-либо ситуации.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140–161.
2. Иванова Л. П. Методы лингвистических исследований [Текст] / Л. П. Иванова. – Киев: ИСДО, 1995. – 87 с.
3. Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. – 726 с.
4. Кунин А. В. О соотносительности фразеологической единицы со словом [Текст] / А. В. Кунин // Вопросы фразеологии III: Тр. СамГУ им. А. Навои, нов. сер. Вып. 178. – Самарканд, 1970. – С. 94–112.
5. Куртсеитов А. М. Структурно-семантический анализ крымскотатарских фразеологизмов : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. М. Куртсеитов. – Киев, 2006. – 19 с.
6. Морозова В. С. Структурно-семантическая характеристика фразеологии современного арабского литературного языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В. С. Морозова. – М., 1985. – 27 с.
7. Ушаков В. Д. Фразеология Корана : Опыт сопоставления фразеоречений Корана и арабского классического языка / В. Д. Ушаков. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 204 с.

8. Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка [Текст] / З. Г. Ураксин. – М.: Наука, 1975. – 192 с.
9. Шанский Н. М. Современный русский язык / Н. М. Шанский, В. В. Иванов – М.: Просвещение, 1987. – 191 с.

На иностранных языках

10. القرآن الكريم. مصحف الشروق المفصل الميسر مختصر. تفسير الامام الطبري

Лексикографические источники

11. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь [Текст] / ок. 42 000 слов / Х. К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 928 с.
12. Фавзи А. М. Учебный русско-арабский фразеологический словарь / А. М. Фавзи, В. Т. Шкляр – М.: Русский язык, 1989. – 616 с.

Бекіров Р. О. Дієслівні фразеологічні зрощення сучасної арабської мови / Р. О. Бекіров // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 449–452.

У статті робиться спроба дослідження лексико-семантичних особливостей дієслівних фразеологічних зрощень сучасної арабської мови. Ставляться наступні завдання: зібрати і систематизувати групу фразеологізмів, що мають в своєму складі дієслівний компонент.

В ході дослідження встановлено відміну дієслівних фразеологічних зрощень від інших груп фразеологізмів. Фразеологія як давня і велика частина складу арабської мови має інтерес для вивчення ряду проблем арабського мовознавства.

Ключові слова: фразеологізм, класифікація, дієслівний, ім'я, арабська мова.

Bekirov R. A. Verbal Idioms of Modern Standard Arabic / R. A. Bekirov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 449–452.

In article author makes an attempt to study lexicosemantic peculiarities of verbal idioms in Modern Standard Arabic. The following problems are set: to collect and systematize group of phraseological units with verbal element.

Arabic language idioms are distinguished due to the following peculiarities.

First, the general meaning of the full phrase in idioms isn't equal to lexical meaning of the words created the phraseological unit, i.e. sum of signifiers cannot be measured up to sum of signified. Words comprised the idioms don't have the independent meaning. In some cases, it is possible to reveal the meaning of components only after investigating its etymology.

Second, Arabic language idioms are characterized with its stability, for example, expression indivisibility. It is impossible to replace any component in phrase with another word. It is better to say, no one word can be changed, because all of them are strongly semantically bounded in this peculiar phraseological unit.

Third, some Arabic idioms are described by its syntactically clipped form.

During the investigation verbal idioms distinction from other phraseological groups has been determined. Phraseology as ancient and comprehensive part of Arabic language connotes interest for studying number of Arabic Linguistics issues.

Keywords: idiom, classification, verbal, denomination, Arabic Language.

УДК 821.512.161 – 31.09

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РОМАНАХ ОРХАНА ПАМУКА «БЕЛАЯ КРЕПОСТЬ», «ЧЕРНАЯ КНИГА» И «МЕНЯ ЗОВУТ КРАСНЫЙ»

Посохова Е. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: katerinaposhova@gmail.com*

Настоящее исследование посвящено интерпретации мотивов цвета в трёх романах современного турецкого писателя Орхана Памука во взаимосвязи с ключевыми архетипами и символами визуального. Характеризуется выбор автором сенсорного модуса в качестве кода и предпосылки такого выбора. Поднимается вопрос о чувственном, в частности цветовом, восприятии как структурообразующем начале художественного метода писателя. Обозначаются перспективы исследования сенсорной поэтики романистики Орхана Памука.

Ключевые слова: Орхан Памук, символика цвета, архетип, символ, сенсорная поэтика.

ВВЕДЕНИЕ

Орхан Памук – культовый турецкий писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе 2006 года. На сегодняшний день он является автором одиннадцати романов и ряда сборников критических эссе.

Литературные критики справедливо отмечают, что Орхан Памук «видит мир цветным» [1]. Названия его романов говорят в пользу этой точки зрения: «Белая крепость» (1985), «Чёрная книга» (1990), «Меня зовут Красный» (1998). Сборник эссе и очерков писателя также озаглавлен показательно – «Другие цвета» (1999). Очевидно, что сенсорная образность занимает важное место в художественном мире романиста, поэтому её изучение представляется более чем актуальным.

Настоящая статья ставит перед собой **цель** исследовать символику цвета в трёх произведениях Орхана Памука путём последовательного анализа и интерпретации колористических мотивов и образов во взаимосвязи с ключевыми архетипами и символами. Выбор материала исследования обусловлен, во-первых, непосредственным указанием на цвет (белый, чёрный и красный) в названиях романов, во-вторых, его концептуальным значением в художественной системе каждого из них.

Теоретико-методологической основой работы стали труды, посвященные символике цвета и взаимодействию искусств (Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачёв, В. Кандинский, В. Тернер и др.), а также изучению литературы в контексте культуры, в том числе мифу и символу в литературе (К. Г. Юнг, М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров, С. С. Аверинцев и др.). Значительным ориентиром исследования стали публикации по семантике цветообозначения отечественного тюрколога А. Н. Кононова.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В детстве Орхан Памук активно занимался живописью. Художника из него не вышло, однако увлечение изобразительным искусством наложило колоссальный отпечаток на творчество романиста. Осмысление автором собственных попыток рисовать является основой сюжетной линии его автобиографического произведения «Стамбул: город воспоминаний» (2003). Идеино-тематическое ядро романа «Меня зовут Красный» составляет диалогизм исламского и европейского направлений в живописи. В одном из интервью Орхан Памук отметил, что «семена «Красного» были посеяны ещё в детстве, когда родители поощряли его попытки рисовать незаслуженными похвалами» [7, пер. наш. – Е. П.]. Из личной беседы с романистом выяснилось, что вектор его предпочтений в области изобразительного искусства направлен в сторону французского импрессионизма. Сам Орхан Памук, как и герои его романа «Меня зовут Красный», никогда не писал портреты. Помимо видов Стамбула, составляющих основу тематики его картин, в «детской коллекции» писателя присутствует несколько натюрмортов. Хотя романист достаточно критически относится к своему увлечению детства и юности, оно, несомненно, является значимым аспектом его биографии, обеспечивающим понимание ряда его произведений, в которых центральное место занимает символика цвета.

Символику цвета определяют ассоциации, вызываемые определенным цветом, «которые уходят своими корнями в исторические, мифологические и религиозные представления и являются частью общей языковой картины мира» [3, с. 9]. Цветосимвол в художественном произведении «определяет цельность внешнего и внутреннего, реального и идеального, изображаемого и подразумеваемого пространства текста, соотносит описание эмпирической действительности с миром человеческих переживаний и умозаключений», «создает двуплановость повествования. Изобразительность и эмотивное содержание цвета эксплицируются в контексте, а глубинные символические смыслы скрыты в подтекстных ассоциациях» [4, с. 143].

Названия выбранных для анализа романов Орхана Памука отсылают к устойчивой древней триаде в символике цвета – «белый-чёрный-красный». Практически во всех культурах она является исходной с точки зрения развития цветового восприятия и системы цветообозначений. Архетипические значения цвета, исторически сложившиеся первыми, базируются на наиболее значимых для человека объектах и явлениях внешнего мира: день и ночь, небо и земля, огонь и вода, кровь, солнце, снег и т. д. Дальнейшая символизация цвета включает в себя мифологические элементы. Каждая историческая эпоха привносит свои идеи и концепты, усложняя колористическую символику; смыслы цвета обогащаются психофизиологическими, эмоционально обусловленными и рефлексивными значениями.

Представляется уместным упомянуть, что у многих, в том числе тюрских, народов существовала сложная геосимволическая система. Так, в уйгурских письменных памятниках стороны света обозначались следующим образом: восток – синий/зелёный, <...> запад – белый, <...> юг – красный, <...> север – чёрный [цит. по: 2, с. 160]. Впоследствии цветовую геосимволику у тюрков заменила линейно-пространствен-

ная ориентация, однако цветовые обозначения в тюркских этнонимах, урбанонимах, ойконимах, гидронимах, в личной ономастике и титулатуре обращают на себя внимание.

Обратимся к семантике чёрного, белого и красного в тюркских языках, что необходимо для понимания культурно-исторической, мифологической и архетипической основы памуковской колористической символики.

Kara («чёрный») преимущественно имеет в тюркских языках следующие значения: «1) «чёрный», «тёмный», «мрачный», «суровый», «печальный», «несчастный»; 2) «скот», «толпа», «народ», «войско»; 3) «суша», «земля»; 4) «холм», «сопка», «высокий бугор»» [2, с. 161]. Данное слово также использовалось для обозначения севера. Его дополнительные значения в некоторых устойчивых словосочетаниях включают в себя «большой», «крупный», «обильный», «главный», «могучий», «сильный», «великий». Эпитет *kara* в тюркском эпосе «Книга моего деда Коркута» описывает коня и оружие героя, а также нередко прилагается к именам персонажей, указывая на их храбрость, силу и величие. В свете сказанного А. Н. Кононов поднимал вопрос о том, как следует толковать тюркское *Kara deniz*: Чёрное море или Великое море? У выдающегося тюрколога В. В. Бартольда не было сомнений в том, что *Kara* должно здесь, собственно, обозначать не «чёрное», а «большое», «могучее», «страшное» [цит. по: 2, с. 164].

Ak/beaz («белый») известно в следующих значениях: 1) «белый»; 2) «чистый», «незапятнанный», «невинный», «честный», «правильный», «прекрасный», «роскошный», «великолепный»; 3) «сивый» (масть лошади); 4) «белизна», «белок» (глаза, яйца); 5) «бельмо»; 6) «молочные продукты» [2, с. 170]. Данное слово вошло в географическую номенклатуру в значении «проточный», «быстротекущий» (барханные пески *ak kum*), а также для указания на запад.

Для обозначения красного цвета в тюркских языках существуют слова *кызыл* и *ала*; *кызмызы* – в турецком. В некоторых случаях *кызыл* может означать «узкий», «сжатый», «тонкий», «легкий». *Ала* понимается как «пестрый», «пегий», «полосатый». Это слово активно используется как компонент-детерминатив в сложных словах. Следует отметить, что в турецком языке *алагез* имеет два противоположных значения – «храбрый» и «трусливый». В первом из них словосочетание *алагезлю* встречается в «Книге моего деда Коркута» [2, с. 178].

Чёрный и белый цвета составляет оппозиционную пару, и оба являются семантической универсалией. В символике как чёрного, так и белого цвета имеется и негативный, и позитивный компонент.

Представляется, что в художественном мире романа «Белая крепость» символика белого цвета носит положительный характер. Белый символизирует свет и благо, жизнь, полноту бытия, причём во многих культурах. В христианстве: белая роза и лилия – символы Девы Марии; в Индии: цвет касты брахманов; в «Тысячи и одной ночи»: атрибут высшей красоты (согласно белой невольнице). В тексте романа присутствует следующее описание: «Крепость стояла на вершине холма, заходящее солнце нежно окрашивало её башни с флагами, она была ослепительно белая и пре-

красная. Мне подумалось, что только во сне можно увидеть такую красоту и совершенство» [5, с. 171]. Белая крепость предстает как нечто волшебное, неземное и идеальное. Существует несколько мнений о том, что она символизирует. Возможно, это главный приз или оплот добра, выстоявший под натиском невежества. Или, как считает Д. Парини, «сама правда, как и крепость, остаётся непокоренной» [8, пер. наш. – Е. П.]. Белый цвет также ассоциируется со снегом, ключевым символическим образом одноимённого романа Орхана Памука, анализ которого представляется задачей отдельного исследования.

Символика чёрного цвета во многом негативна (смерть, печаль, ночь, чёрная магия), однако на мусульманском Востоке он приобретает особое значение. Это цвет камня Каабы (главного мусульманского храма в Мекке); халифы династии Аббасидов облачались в чёрный цвет и имели чёрное знамя; в сказках «Тысячи и одной ночи» чёрный цвет – знак молодости, красоты и женственности. Более того, как отмечалось ранее, слово *кара* имеет ряд дополнительных значений, а именно «большой», «главный», «великий». Так, *kara kaplı kitap* (дословно «книга в чёрном переплёте») означает «кодекс законов» или «достоверный источник какой-либо информации». Соответственно в названии романа «Чёрная книга» может присутствовать вышеуказанная коннотация. Обращает на себя внимание тот факт, что имя главного героя романа «Меня зовут Красный» – Кара.

В романе «Меня зовут Красный» речь идёт об изобразительном искусстве и цвете, который выступает в качестве одного из нарраторов данного произведения. Красным обозначены многие явления, как позитивные, так и негативные: с одной стороны, – кровь, смерть и война, а с другой, – красота, мужество и даже свадьба. Показателен монолог Красного: «Я люблю, когда мною раскрашивают сцены битв, где кровь расцветает, как цветы, кафтаны выдающихся поэтов и вино, которое пьют красивые юноши и поэты на лоне природы, слушая музыку, крылья ангелов, губы женщин, раны и отрубленные кровоточащие головы мёртвых» [6, с. 218]. В этом отрывке сочетаются, казалось бы, совершенно несовместимые понятия, тем самым вызывая широкой спектр ассоциаций с данным цветом.

ВЫВОДЫ

Итак, колористическая образность выступает одной из поэтологических доминант художественного мира Орхана Памука. В «Белой крепости», «Чёрной книге» и «Меня зовут Красный» цвет не только вынесен в заглавия, тем самым образуя смысловой и идейный центр, но и наделён концептуальным значением в художественной системе данных произведений. Ключевые цветосимволы Памука соответствуют древней архетипической триаде. Представляется, что в каждом из романов соответственно белый символизирует прекрасное; в семантике чёрного скрыто одно из дополнительных значений слова *кара*, а именно «великий», «главный»; и выразительность красного включает в себя широчайший спектр значений. Перспективным представляется исследование иных аспектов поэтики цвета, в первую очередь всей палитры романиста в рассмотренных текстах, а также эстетической роли, архетипи-

**СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РОМАНАХ ОРХАНА ПАМУКА
«БЕЛАЯ КРЕПОСТЬ», «ЧЕРНАЯ КНИГА» И «МЕНЯ ЗОВУТ КРАСНЫЙ»**

ческого и индивидуально-авторского содержания колористики в других произведениях писателя.

Список литературы

1. Кингисепт М. Идеальный роман – это рассказ о красоте [Электронный ресурс] / беседа с Орханом Памуком // Невское время. – 2006. – 22 июня. – Режим доступа: [www/URL:http://www.nevskoevremya.spb.ru/kultura/3679/orhan_pamuk_idealizmnej_roman/](http://www.nevskoevremya.spb.ru/kultura/3679/orhan_pamuk_idealizmnej_roman/) – Загл. с экрана (дата обращения: 26.03 2012 г.).
2. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник-1975. – М.: Наука, 1978. – С. 159–179.
3. Курмакаева В. Ш. Символика цвета в английском художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. Ш. Курмакаева. – М., 2001. – 214 с.
4. Нельзина Ю. А. Цветовой художественный символ / Ю. А. Нельзина // Вестник удмуртского университета. Филологические науки, 2007. – № 5 (2). – С. 143–146.
5. Памук О. Белая крепость / О. Памук; [пер. с тур. В. Феоновой]. – СПб.: Амфора, 2007. – 191 с.
6. Памук О. Меня зовут Красный / О. Памук; [пер. с тур. В. Феоновой]. – СПб.: Амфора, 2006. – 479 с.
7. Lavery V. In the Thick of Change Where Continents Meet / Interview with Orhan Pamuk [Электронный ресурс] // New York Times Magazine. – 2003. – 27 aug. – Режим доступа: [www/URL:http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9C00E5D61339F934A1575BC0A9659C8B63](http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9C00E5D61339F934A1575BC0A9659C8B63) . – Загл. с экрана (дата обращения: 26.03 2012 г.).
8. Parini J. Pirates, Pashas, and the Imperial Astrologer [Электронный ресурс] / J. Parini // New York Times Book Review. – 1991. – 19 may (№ 3). – Режим доступа: [www/ URL: http://www.nytimes.com/1991/05/19/books/pirates-pashas-and-the-imperial-astrologer.html/](http://www.nytimes.com/1991/05/19/books/pirates-pashas-and-the-imperial-astrologer.html/). – Загл. с экрана (дата обращения: 26.03 2012 г.).

Посохова К. В. Символика кольору в романах орхана памука «Біла фортеця», «Чорна книга» і «Мене звуть червоний» / К. В. Посохова // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 453–458.

Це дослідження присвячене інтерпретації мотивів кольору в трьох романах сучасного турецького письменника Орхана Памука у взаємозв'язку з ключовими архетипами і символами візуального. Характеризується вибір автором сенсорного модусу в якості коду і передумови такого вибору. Піднімається питання про чуттєве, зокрема колірне, сприйняття як структуроутворююче початок художнього методу письменника. Позначаються перспективи дослідження сенсорної поетики романістики Орхана Памука.

Ключові слова: Орхан Памук, символика кольору, архетип, символ, сенсорна поетика.

Posokhova E. V. The symbolism of colour in orhan pamuk's novels "White castle", "Black book" and "My name is red" / E. V. Posokhova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 453–458.

The present paper is dedicated to the interpretation of colour motives in three novels by modern Turkish writer Orhan Pamuk. The analysis is conducted in correlation to the key archetypes and symbols of the visual.

Orhan Pamuk is a cult Turkish novelist and a Nobel Prize winner (2006). He has written eleven novels and several collections of critical essays. Literary critics fairly claim that he sees the world in colour. The titles of his novels – *White Castle*, *The Black Book*, *My Name is Red* – confirm this point of view. The author's collection of essays is entitled indicatively as well – *The Other Colours*. It is evident that the sensory figurativeness occupies a central place in the world of Orhan Pamuk's fiction therefore its investigation is more than topical. The present article addresses the stated issue.

The works dedicated to colour symbolism and art interactions (Yuri Lotman, Dmitry Likhachev, Vasily Kandinsky) as well as the studies on myth and symbol in literature (Carl Jung, Mikhail Bakhtin, Aleksei Losev, Eleazar Meletinsky, Vladimir Toporov, Sergei Averintsev) have served as a theoretical and methodological basis of the preset research. The publication on the colour semantics by a turkologist Andrei Kononov has become a guiding line for the present study.

The symbolism of colour is determined by associations caused by a definite colour. They are rooted in historical, mythological and religious beliefs and are a part of general linguistic world-image.

The titles of the three novels under study direct to a settled ancient triad in colour symbolism (white-black-red). It is basic in almost every culture in terms of developing chromatic sensitivity and colour naming systems. Archetypical meanings of colours, which were historically the first to arise, are based on the most significant objects and phenomena of the world: day and night, ground and sky, blood, sun, snow etc. The further symbolization of colour includes mythical elements. Each epoch brings its ideas and concepts thus complicating colour symbolism. The meaning of colour is enriched by psychophysiological, emotionally determined and introspective aspects.

Turning to the semantics of black, white and red in Turkic languages is essential to understand cultural, historical, mythical and archetypical basis of Pamuk's colour symbolism.

Kara («black») means the following: 1) black, dark, gloomy, harsh, sad, unhappy; 2) cattle, mob, folk, crowd, army; 3) land, ground; 4) hill, knoll, mound. The word was also used to determine the North. Its additional meaning in some word combinations include: big, large, main, mighty, strong and great.

Ak/bayaz («white») means the following: 1) white; 2) clean, virgin, stainless, innocent, honest, right, beautiful, splendid, magnificent; 3) ash grey; 4) egg-white; 5) wall-eye; 6) dairy produce. The word was also used to determine the West.

There are several words to indicate red: *ala, kızıl, kırmızı*. The first can also mean mixed, many-coloured.

In the world of *White Castle* the colour symbolism possesses positive implications. The white castle appears to be something magical, heavenly beautiful and ideal. White colour symbolizes light and good, life and being. It is also associated with snow, which is the key symbol figure in Orhan Pamuk's novel *Snow*.

A general symbolism of black is predominantly negative: death, sorrow, night, black magic). But in Muslim East this colour gathers sacred connotation. «Kara kaplı kitap» which can be translated as «the black book» means «a law code» or «a reliable source of information». It is necessary to mention that the main character of *My Name is Red* is called Kara.

One of the narrators of *My Name is Red* is the colour itself. It denotes numerous, sometimes antithetical phenomena: blood, death and war and beauty, courage and even wedding. The spectrum of associations with this colour is wide.

It is proved that colour figurativeness is one of the dominant poetic features of Orhan Pamuk's writing. In *White Castle*, *The Black Book* and *My Name is Red* colour is not only presented in the titles of the novels, therefore constituting their ideological centre, but also is given conceptual importance in the novel systems. The key colour symbols of Orhan Pamuk's prose are in agreement with an ancient archetypical triad.

Keywords: Orhan Pamuk, the Symbolism of Colour, Archetype, Symbol, Sensory Poetics.

УДК 81»362.2»373.612.2 / «373.7

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В АРАБСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рублёва В. В.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии,
Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
E-mail: fikturiya@rambler.ru*

В статье делается попытка сопоставительного исследования особенностей цветовой восприятия на примере фразеологических единиц в арабском, английском и русском языках. Ставятся следующие задачи: собрать, систематизировать и классифицировать группу фразеологизмов, имеющих в своём составе компонент, обозначающий цветовосприятие.

В ходе исследования установлены различия в цветовой восприятии в разных языках на примере фразеологических единиц. Фразеология, как наиболее самобытная часть любого языка, представляет собой интерес для изучения ряда проблем языкознания.

Ключевые слова: фразеологизм, цветовосприятие, арабский, английский, русский.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение особенностей цветовой восприятия разными народами, особенно в аспекте компаративистики, позволяет выделить ключевые символы, структурирующие восприятие. Понятие цвета существует в каждой культуре и обладает особыми многогранными значениями, которые ложатся в основу метафорических моделей, образующих фразеологизмы. Ранее в научной статье «Фразеологические единицы, отображающие цветовосприятие в арабском, русском и английском языках» были рассмотрены идиомы, образованные такими цветами как «жёлтый», «синий» и «белый». В данной научной статье мы продолжим исследование и рассмотрим особенности образования и перевода фразеологизмов образованных при помощи метафорических значений зелёного цвета.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов образования фразеологизмов, содержащих в себе концепт «цвет», а также выявления новых метафор и идиом, образованных посредством их применения в речи.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей фразеологизмов с концептом «зелёный» в фразеологизмах английского, арабского и русского языков.

Для реализации поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

- собрать и систематизировать по группам фразеологизмы с концептом «зелёный» в трёх языках исследования;
- сделать соответствующие выводы.

Источниками фактического материала являются двуязычные специализированные русско-арабские и арабско-русские словари: Х. К. Баранов «Арабско-русский словарь» [5], В. М. Борисов «Русско-арабский словарь» [6], «Англо-русский фразео-

логический словарь» А. В. Кунина [4], Cambridge Dictionary of Idioms [1], многоязычный он-лайн словарь Globse [2, 3].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Все цвета обладают особым символическим значением. Что касается зелёного цвета, то в зависимости от пропорций и качеств соединяемых компонентов зелёный цвет может быть тёплым или холодным. В этой двойственности, неопределённости состоит причина многообразия его символики в истории искусства. В Древнем Риме зелёный считался «женским цветом», признаком женственности, изнеженности. В самом широком смысле зелёный, составленный из синего – цвета неба и жёлтого – цвета земли, означал весну, надежду, юность. В христианстве тёплый, травяной зелёный – символ Богоявления, Епифании; бледно-зелёный холодного оттенка – цвет Сатаны. «Зелёный плод», в смысле незрелый, – символ смерти; тёплый – жизни. В английском фольклоре и литературе зелёный цвет традиционно ассоциировался с природой и её атрибутами – плодородием и возрождением. Произведения Средневековья также связывали цвет с любовью и основными желаниями человека. В связи с причастностью к феям и духам в раннем английском фольклоре зелёный цвет также отождествлялся с колдовством, происками дьявола и злом. В исламе же зелёный цвет ассоциируется с жизнью, новым началом, отдыхом, природой. Интересен тот факт, что в арабской культуре данный цвет не несёт в себе никакого негативного значения, в отличие от русскоязычной и англоязычной культур, в которых ему присущи значения неопытности и плохого самочувствия.

Рассмотрим примеры в английском языке. Для более точной и эффективной их характеристики мы разделили их на смысловые группы, к которым они принадлежат. Нами было создано 5 смысловых групп:

- соматизм + цвет;
- свобода и разрешение;
- психологическое и физическое состояния;
- опыт и возраст;
- экология.

Соматизмы и цвет. В английском языке существуют фразеологизмы, которые содержат в себе два компонента – цвет и соматизм. В данном случае, нами было выявлено три фразеологизма, построенных на модели «цвет + соматизм», а именно «зелёный + рука» и «зелёный + пальцы». Первой модели соответствует выражение: *green hand* [1] (букв. «зелёная рука») – новичок, неопытный человек. Оно несёт в себе концепцию неопытности в каком-либо деле. В данном случае это можно рассмотреть как пример метонимии: работоспособность и способность к какому-либо виду деятельности заменили соматизмом «рука». Например, в русском языке существует выражение «набить руку», т. е. стать опытным в любом виде деятельности.

По второй модели построены выражения: *green thumb* [1] (букв. «зелёный большой палец») – способность к садоводству и *green fingers* [1] (букв. «зелёные паль-

цы») – способность к садоводству. Как видим, в данном случае, способность к работе объединена со значением «природа», с которым отождествляется зелёный цвет.

Свобода и разрешение. Еще одно значение зелёного цвета в фразеологизмах – это свобода и разрешение: green light [1] – 1) зелёный свет (светофора), 2) разг. разрешение на беспрепятственные действия (осуществление проекта), «зелёная улица»; give someone the green light [1] (букв. «дать кому-либо зелёный свет») – открыть путь; get the green light [1] (букв. «получить зелёный свет») – получить разрешение действовать; green card [1] (букв. «зелёная карта») – документ, разрешающий человеку, не являющемуся гражданином США, жить и работать в этой стране

Психологическое и физическое состояния. В английском языке существует несколько выражений с цветом «зелёный», которые обозначают такие негативные эмоции, как ревность и зависть. Ассоциируясь с болезненным цветом кожи (как и жёлтый) и болезненным состоянием, данный цвет как воплощение ревности был, скорее всего, впервые использован Уильямом Шекспиром в его пьесе «Венецианский купец» (1569), а позднее и в другом его известном произведении – «Отелло» (1604). Рассмотрим пример из пьесы «Венецианский купец» и его перевод на русский язык И. Б. Мандельштама:

How all the other passions fleet to air,	Как вдруг не стало всех иных волнений –
As doubtful thoughts, and rash-embraced despair,	Зеленоглазой ревности, сомнений,
And shuddering fear, and <i>green-eyed jealousy!</i>	И дрожи страха, и тоски глухой!

Данная метафора – метафора зелёного как ревности и зависти также легла в основу следующих выражений: to look through green glasses [1] (букв. «смотреть сквозь зелёные очки») – ревновать; завидовать. В английском языке есть выражение «to look through pink glasses», означающее наивное восприятие окружающей действительности. В данном случае цвет стёкол был заменён на зелёный для отражения уже другой, негативной оценки восприятия мира. Green-eyed monster [1] (букв. «зеленоглазый монстр») – ревность. Green with envy [1] (букв. «зелёный от ненависти») – быть полным ненависти, злости.

Еще одно выражение с зелёным цветом, которое отображает эмоции говорящего: Grass is always greener on the other side [1] (букв. «за чужим забором трава зеленее») – хорошо там, где нас нет. Данная пословица также обозначает эмоциональное состояние говорящего, в английском языке близкое к зависти. В данной пословице объединилось два основных символических значения зелёного цвета – зелёный как природа, процветание и гармония и зелёный как зависть. Тут мы имеем дело с причинно-следственной связью и особенностью восприятия человека: зелёный как

процветание привлекает внимание и вызывает негативный наплыв зависти. Таким образом, поговорка «grass is always greener on the other side» вошла в употребление как описывающая эмоциональное состояние говорящего.

Физическое состояние, а именно состояние недомогания, также можно передать выражением с цветом зелёный: be green around the gills [1] – мутить, испытывать недомогание. Дословно gills переводится как жабры. Известно, что у испорченной рыбы жабры зеленеют. Таким образом, можно предположить, что появление данного фразеологизма связано с употреблением испортившейся рыбы в пищу, что и вызывает недомогание. Со временем данное изречение вошло в обиход со значением плохого самочувствия, дурноты.

Опыт и возраст. Также в английском языке зелёный цвет несёт в себе смысловой оттенок «опыта» в ряде выражений, а именно – «неопытности», с которой и ассоциируется зелёный цвет в англоязычной культуре: green as grass [1] – зелёный, как трава, очень неопытный, не знающий жизни, «молодо-зелено»; to be green [1] – незрелый, неопытный

Также существует идиома спокойной и счастливой старости: green old age [1] – счастливая, бодрая старость; to enjoy a green old age – быть молодым духом, в самом расцвете лет.

Это выражение употребляется по отношению к людям в возрасте, которые ещё молоды душой. Как видим на этом примере, идиома построена на концепте «молодости» и «духовного обновления», которые и присущи символике зелёного цвета в английском языке.

Экология. Известно, что зелёный цвет ассоциируется с природой. Однако с возникновением движения «Зелёных» в 1970-м и появлением их партий во всех странах мира стали появляться фразеологизмы с «экологическим значением». Данный концепт «экологии», «экологически чистых» продуктов, работы, предприятий и прочих аспектов нашёл своё отражение в фразеологии. Все «экологически чистые» фразеологизмы построены на модели «зелёный + существительное». В данном случае зелёный цвет отражает это метафорическое значение чистых, безвредных продуктов или действий, в то время как существительное приносит в выражение своё прямое значение. Нами было выявлено 12 фразеологизмов семантического поля «экология» в английском языке: green job (букв. «зелёная работа») – работа, связанная с защитой окружающей среды; green audit (букв. «зелёный аудит») – официальная проверка, проводимая с целью выявления вреда, оказываемого деятельностью компании или организации; green belt (букв. «зелёный пояс») – полоса насаждений, окружающих город, где запрещена застройка; green power (букв. «зелёная энергия») – возобновляемая (неисчерпаемая) энергия, получаемая из деятельности солнца, ветра, воды, приливов/отливов и т. д.; green electricity (букв. «зелёная электроэнергия») – электрическая энергия, выработанная с использованием экологически чистых технологий; green waste (букв. «зелёный мусор / зелёные отходы») – мусор, разлагающийся естественным путем и не наносящий вреда окружающей среде; green building / green dwelling (букв. «зелёное здание») – здание, построенное

таким образом, чтобы не наносить вреда окружающей среде; методика постройки зданий с использованием альтернативных источников энергии; green business (букв. «зелёный бизнес») – способ ведения предпринимательской деятельности, не нанося вреда окружающей среде; green-collar (букв. «зелёный воротничок») – используется по отношению к человеку, чья работа связана с защитой окружающей среды; green consumer (букв. «зелёная покупатель») – покупатель, который приобретает только экологически чистые продукты; green marketing (букв. «зелёный рынок») – продвижение и сбыт экологически чистых товаров, которые не наносят вреда окружающей среде [1]. Однако существует в данной среде и выражение с негативным оттенком значения – «greenwashing», которое переводится как «зелёный пиар» или «зелёная отмывка» [8]. Оно употребляется в отношении компаний, которые лишь используют лозунги экологически чистого производства или продуктов с целью продвижения на самом деле некачественной продукции.

В фразеологии русского языка «зелёный» символизирует плохое самочувствие, обморок: в глазах зеленеет – плохое самочувствие, близкое к обмороку; также состояние сильного алкогольного опьянения: до зелёного змия – напиться до чёртиков, до белой горячки, до галлюцинаций. Как и в английском, зелёный цвет ассоциируется со злостью – позеленеть от злости [11]. Неопытность и молодость также представляются в зелёном цвете: молодо-зелено. В английском языке и в современном русском выражение «зелёная улица» и «открывать зелёную улицу» [11] означают открывать путь, дорогу, не препятствовать выполнению планов. Однако стоит учитывать тот факт, что наряду с современным пониманием выражения в языке существует историзм: «зелёная улица» – два поставленных друг против друга ряда солдат со шпиретками, сквозь строй которых (напр. во время Николая I) прогоняли истязуемых. Что касается фразеологизмов с концепцией экологически чистых продуктов, товаров и деятельности, то в русском языке используется либо калька с английского, например, «green marketing» – «зелёный маркетинг», или же чаще встречается такое выражение, как «экологический маркетинг», так же, как «green power» в русскоязычных источниках, упоминается как «возобновляемая энергия», а «green electricity» в публицистике зачастую переводят как «зеленая электроэнергия» или же, используя описательный метод, – «электроэнергия, выработанная экологически чистым путём». Как видим на данных примерах, все фразеологизмы, образованные на тему экологии и экологически чистых продуктов в английском языке, также получили распространение и в русском языке, однако для упрощения их понимания вместо концепта «зелёный» при переводе используют метафорическое значение, заложенное в него носителями – экологический, экологически чистый и т. д.

В арабско-русском словаре Х. К. Баранова [5, с. 112] в словарной статье «خضر» (быть зелёным) нами были выявлены следующие выражения, которые относятся к описанию природы и растительного мира: الخضراء – небо (букв. «зелёный в определенном состоянии»); خضراء الدمن – навозный жук (букв. «зелень навозная»); اخضران – деревья и трава (букв. «два зелёных»). Интересен тот факт, что метафорическое

значение выражениям в арабском языке сообщается не только путём построения идафы, как в случае с «навозным жуком», а также при помощи добавления определённого артикля (первый пример) и постановкой слова в двойственное число.

Также в арабском языке употребляются фразеологизмы смысловой группы «экология».

Следующие примеры были выявлены нами в арабском языке:

اقتصاد أخضر (букв. «зелёная экономика») – зелёная экономика, экономика, направленная на улучшение экологической среды; السور الأخضر / الحائط الأخضر (букв. «зелёная стена») – зелёные насаждения; بناء أخضر (букв. «зелёное здание») – экологически чистое здание; حزام أخضر (букв. «зелёный пояс») – парковый пояс, парковая зона; حظر أخضر – запрет на проведение работ, способных ухудшить окружающую среду (букв. «зелёный запрет»); منتج أخضر – экопродукт, экологически чистый продукт; نمو أخضر (букв. «зелёный рост») – экологически устойчивый экономический рост [2].

ВЫВОДЫ

Как видим из приведенных примеров, в настоящее время наблюдается расширение значения символики зелёного цвета, а именно переход от общего значения «природа» к более узкому «защита природы» и «экология». Вследствие возникновения «движения зелёных» возникло множество фразеологизмов в английском языке с концептом «green», отражающих экологически чистые продукты, энергию, действия и так далее. В последующем они были переняты русским и арабским языками, либо сохранив при дословном переводе концепт «зелёный», либо используя при переводе метафорическое значение «экологический», «экологически чистый» и так далее.

В последующем будут проанализированы фразеологизмы с концептом «чёрный» в арабском, русском и английском языках.

Список литературы

1. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства в 10 т. / В. Г. Власов. – СПб.: Азбука-классика, 2004–2009.

Лексикографические источники

2. Англо-русский фразеологический словарь: [Ок. 5000 единиц / составитель А. В. Кунин]. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, А. В. Кунин, 2007. – XII, 571, [9] с. ISBN 978-5-9576-0370-2

3. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь / ок. 42 000 слов / Х. К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 928 с.

4. Борисов В. М. Русско-арабский словарь / ок. 53 000 слов, в 2-х т. / В. М. Борисов. – 2-е изд., стереотип., с прил. новых слов. – М.: Русский яз., 1981–1982. – 640 с.

5. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 3-е, стереотип. изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

6. Фавзи А. М. Учебный русско-арабский фразеологический словарь / А. М. Фавзи, В. Т. Шкляров. – М.: Русский язык, 1989. – 616 с.

Электронные источники

7. Словарь Мультитран [Электронный ресурс]: Режим доступа – <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=1&SHL=2>
8. Современный словарь «живого» русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]: Режим доступа – <http://mega.km.ru/ojgov/>
9. Cambridge online dictionary: «green» [Электронный ресурс]: Режим доступа – <http://dictionary.cambridge.org/search/english/?q=green>
10. Globse online dictionary: [Электронный ресурс]: Режим доступа – «اخضر» <https://ru.glosbe.com/ar/ru/%D8%A7%D8%AE%D8%B6%D8%B1>
11. Globse online dictionary: «green» [Электронный ресурс]: Режим доступа – <https://en.glosbe.com/en/ar/green%20job>

Рубльова В. В. Порівняльна характеристика особливостей сприйняття кольору фразеологічними одиницями в арабській, англійській та російській мовах / В. В. Рубльова // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 459–466.

У статті робиться спроба порівняльного дослідження особливостей сприйняття кольору на прикладі фразеологічних одиниць в арабській, англійській та російській мовах. Ставляться наступні завдання: зібрати, систематизувати і класифікувати групу фразеологізмів, що мають в своєму складі компонент, означаючий сприйняття кольору.

В ході дослідження встановлено відмінності в сприйнятті кольору в різних мовах на прикладі фразеологічних одиниць, наведено класифікацію фразеологізмів з концептом «зелений», а також виявлена група фразеологічних одиниць семантичного поля «екологія», які мають у своєму складі «зелений» колір з метафоричним значенням захисту довкілля.

Ключові слова: фразеологізм, сприйняття кольорів, арабська мова, англійська мова, російська мова.

Rublyova V. V. Comparative Analysis of Color Perception Peculiarities Illustrated by Idioms in Arabic, English and Russian Languages / V. V. Rublyova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 459–466.

In this paper color perception peculiarities illustrated by idioms in Arabic, English and Russian languages were analyzed. The main purpose of this article was to collect and study phraseological units with color concept, in this particular case – color concept «green». Idioms with concepts «blue», «yellow» and «white» and its characteristics were discussed in the previous scientific research «Phraseological Units Expressing Colour Perception in Arabic, English and Russian Languages» published in Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 157–162.

Idioms with color concept «green» were studied separately in three languages mentioned above and divided into five main groups: experience and age, ecology, emotional and physical states, freedom and permission and somatism + color.

It is interesting to note that in English and Russian languages, expressions with concept «green» have wide semantical fields including both positive and negative meanings from its basic «nature» concept up to «bad physical states». As about Arabic, idioms with «green» possess only positive meanings and describe nature and ecology, whilst in Russian with green concept is spread expression «drink till green serpent» (drink oneself into delirium tremens) or in English – «be green around the gills» (feel bad, be pale because of illness or greed as well).

However, the most interesting group with idioms is that one belonging to «ecology» semantic field. The primary meaning of green color is associated with nature in various cultures. But with emerging «green movement» in the whole world since 1970 year, appeared group of idioms with concept «green» with the metaphorical meaning «ecologically healthy», «causing no harm to environment». All of them are built on the

model «green + noun» like «green audit», «green power», «green belt» and so on. Appeared in English such units have been loaned by Russian and Arabic languages and are used in its literal translation or with descriptive phrases.

After examination of expression with color concept «green» it is possible to make a conclusion that all expressions in Arabic, English and Russian are closely related to the culture and semantic fields covered by idioms with «green» concept are widened due to the contemporary process, like appearing of semantic field «ecology» in parallel with «nature» after «Green movement» expansion.

Keywords: idioms, color perception, Arabic, English, Russian.

УДК 821.512.161 – 31.09

ВКЛАД МУСТАФЫ КУТЛУ В ТУРЕЦКУЮ МАЛУЮ ПРОЗУ

Экен О.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии
Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: omereken@mail.ru*

Настоящая статья посвящена исследованию вклада Мустафы Кутлу в жанр турецкой малой прозы. Прослежена эволюция данного жанра с обращением к персоналиям с точки зрения учета их роли в развитии турецкого рассказа. Очерчена специфика творческого метода Мустафы Кутлу и выявлены основные элементы его литературного новаторства. Доказывается, что основу поэтики рассказов автора составляет синтез традиционных восточных повествовательных стратегий и современных принципов малых прозаических форм.

Ключевые слова: Мустафа Кутлу, турецкая малая проза, восточный эпос, рамочное повествование, повествовательные стратегии.

ВВЕДЕНИЕ

Мустафа Кутлу – современный турецкий писатель, работающий исключительно в жанре малой прозы. Впервые он вплотную столкнулся с художественным миром малых повествовательных форм в университете при написании дипломной работы на тему «Художественные образы и перспективы в рассказах Сайта Фаика». Началом литературной карьеры Мустафы Кутлу стала новелла «Он» (1968 г.), и с тех пор автор неизменно оставался верен жанру малой прозы, в рамках которого непрестанно вёл поиск новых форм, стилей, концепций и тематических пониманий. Творчество писателя продолжает играть ключевую роль в развитии данного жанра турецкой литературы. Художественные достижения Мустафы Кутлу добавляют новое измерение в понятие турецкой малой прозы.

Актуальность исследования вклада Мустафы Кутлу в турецкую малую прозу и определения его места в ней не вызывает сомнения, поскольку решение данного вопроса существенно для понимания национальной специфики турецких малых повествовательных форм и отвечает на потребность в определении вектора движения современной турецкой литературы. Отсутствие в отечественном литературоведении фундаментальных работ, посвященных турецкому рассказу второй половины XX – начала XXI вв. в целом и творчеству Мустафы Кутлу в частности, создает научную лауну, которую назрела необходимость заполнить.

Настоящая статья ставит перед собой **цель** исследовать ключевые художественные достижения Мустафы Кутлу и очертить его вклад в современную турецкую малую прозу.

Научная новизна работы обусловлена тем, что подобного рода исследование принимается в отечественной тюркологии впервые и построено на материале, впервые вводимом в научный оборот.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Турецкая малая проза, как и другие жанры литературы, развивалась и продолжает развиваться, претерпевая качественные изменения и переживая периоды обновлений. Турецкие авторы малых повествовательных форм испытали влияние Мопассана и Чехова, переносили на национальное литературное поле элементы потока сознания, магического реализма, экзистенциализма и постмодернизма в стремлении создавать аутентичные произведения.

Представляется необходимым проследить историю развития турецкой малой прозы и кратко охарактеризовать достижения авторов, творчество которых сыграло значительную роль в формировании данного жанра.

Если не говорить о писателях переходного периода от традиционных форм к жанру малой прозы в его современном понимании, то пионером турецкого рассказа можно считать Халида Зию Ушаклыгиля (1867–1945). Он был в первую очередь романистом, и, вероятно, его художественные достижения как автора малой прозы не так уж велики, однако именно Халид Зия Ушаклыгиль познакомил широкую аудиторию с жанром рассказа.

Первым писателем, посвятившим себя малой прозе, был Омер Сейфеддин (1884–1920). Именно он открыл для турецкой литературы художественный потенциал рассказа. В те же годы творил Рефик Халит Карай (1888–1965). Намеченные в его творчестве идейно-тематические комплексы стали ориентиром для следующего поколения турецких авторов.

Мемдух Шевкет Эсендаль (1883–1952) обогатил турецкую литературу рассказами, по концептуальному наполнению и форме коррелирующими с произведениями Чехова. До этого в турецкой прозе были широко распространены новеллы, в художественном методе ориентирующиеся на творчество Мопассана.

Садри Эртем (1889–1943) значительно расширил тематический спектр турецкой малой прозы и подготовил почву для появления реалистического рассказа.

Выдающимися писателями, чьи литературные заслуги не вызывают сомнения и чей вклад в развитие турецкого рассказа тяжело переоценить, являются Сабахаттин Али (1907–1948), писавший о селе и жизни в тюрьме, Азиз Несин (1915–1995), автор сатирических рассказов, обращённых к острым социальным и политическим проблемам, и Саит Фаик (1906–1954), признанный мастер жанра малой прозы, который впервые в турецкой литературе обратился к проблеме «маленького человека». Именно благодаря этим авторам турецкая малая проза в 1950-е годы переживает расцвет, обогащается новыми тематическими вариациями, стилистическими решениями, творческими методами и художественными техниками и открывает для писателей новые горизонты. Растет и число авторов, пробующих себя в этом жанре.

В последующие годы Ахмет Хамди Танпынар (1901–1962) создает в рамках малой прозы эстетику сна, Фейаз Кайаджан (1919) предпринимает первые попытки воплотить художественные принципы постмодернизма, Селим Илери (1949) экспериментирует с формами повествования, Огуз Атай (1934–1977) сочетает элементы ультрареализма и сюрреализма. Их творческий поиск обогащает данный жанр и добавляет в него все новые измерения.

В последней четверти XX в. на литературной арене появляется плеяда авторов малой прозы, которые в своем творческом методе пытаются соединить достижения традиционной литературы и опыт современного рассказа: «Звёзды Расима Озденорена и Мустафы Кутлу взошли на литературном небосводе, продолжая путь, начатый Ахметом Митхатом, Омером Сейфедином, Ахметом Хамди Танпынаром, Мемдухом Шевкетом Эсендалем и Тарыком Бугрой, и формируя облик современной жанра рассказа» [4, с. 11]. Писатели этой группы смотрели на бытие «из своего окна», сквозь призму национального мировосприятия. Вскоре такой подход стал завоевывать позиции в турецкой малой прозе и превратился в мейнстрим. Мустафа Кутлу (1947) был одним из тех, чей творческий поиск устремил жанр рассказа в этом направлении.

Литературовед, академик, романист, новеллист и эссеист Ахмет Хамди Танпынар однажды получил для оценки рассказ одного молодого автора. Задумка была оригинальной, стиль и язык не вызывал нареканий, однако литератору всё же не понравилось данное произведение. Он сказал: «Всё прекрасно, но нас тут нет» [цит. по: 3, с. 50]. Слова Танпынара метко описывают не только рассказ того молодого автора, но и весь жанр в целом. В то время национальная специфика и внутренний мир турецкого человека не были адекватно отражены в малых повествовательных формах: «В 1950-е годы турецкие писатели прониклись пришедшими с Запада концептами отчуждения, депрессии и одиночества, восприняли основы экзистенциальной философии и ориентировались на творчество Сартра, Камю и Кафки, что отдалило их от национального образа» [1, с. 44].

Дж. Мерич очень лаконично и чётко описывает причины подобной ситуации. Он говорит о том, что, когда в период Танзимата Турция обратилась к Западу, литераторы вместо поиска собственного аутентичного голоса, который бы соединил восточные и западные художественные достижения, отвергнули Восток, то есть свое национальное достояние: «Бедная турецкая интеллигенция... Она стесняется своих сокровищ и прячет их от Запада. А со временем вообще забывает, что у неё были сокровища...» [2, с. 9]. Творческие искания Мустафы Кутлу направлены на то, чтобы вновь обрести эту сокровищницу. Автор следующим образом описал собственные художественные задачи: «Я решил посвятить себя рассказу в 1968 году. Изучив литературную ситуацию в рамках этого жанра, я столкнулся с тем, что картина не соответствует национальным реалиям, и впервые сказал сам себе: «Нужно искать новые формы выражения». В процессе поиска и художественных экспериментов я понял, что вся наша литературная традиция так или иначе опирается на суфизм, где центральное место отведено символизму. В турецкой литературной традиции символизм присутствует везде: в поэзии, в маснави, даже в народном рассказе. Это открытие стало отправной точкой моего творческого метода. Я задался вопросом о том, каким образом возможно преподнести суфийский текст современному писателю, используя современные художественные техники и стиль, что привело меня к восточному эпосу. Наиболее показательным его образцом я считаю «Беседу птиц», где каждая из сорока птиц рассказывает свою историю. Когда птицы собираются вместе, читатель понимает, что все эти истории являются частью одного повествования. Такая форма

нарратива вполне соответствует суфийской эстетике... Если говорить коротко, такова поэтика и моих рассказов...» [цит. по: 5].

С самого начала своей литературной карьеры Мустафа Кутлу ни разу не обращался к идеям экзистенциализма и кафкианства, которые получили широкое распространение в прозе его современников. Писатель считал, что эти течения и техники, ими порожденные, не соответствуют национальному концептуальному содержанию. Вместо этого он, начиная с рассказа «Воды, текущие в гору» (1979), стал эксплуатировать принципы восточного повествования, совмещая их с новыми художественными стратегиями и создавая произведения, актуальные для современного читателя. В турецкой литературе такой подход стал новаторским, обогатив жанр малой прозы смысловой многоплановостью.

Еще одним вкладом писателя в жанр турецкой малой прозы стала техника «рамочного повествования», заимствованная из восточной литературной традиции. В сборниках его рассказов каждый из них прочитывается как отдельное произведение, но при этом они составляют единое целое, дополняя друг друга. Подобная техника использовалась в упомянутом ранее эпосе «Беседа птиц».

Первые два сборника рассказов Мустафы Кутлу, написанные до того, как было сформировано его творческое кредо, – «Человек на распутье» (1970) и «Сердечные дела» (1974) – не были впоследствии опубликованы и могут быть расценены как пробы пера автора, поэтому они не стали предметом настоящего исследования. Пять сборников, увидевшие свет начиная с 1979 года, – «Воды, текущие в гору» (1979), «Бедность внутри нас» (1981), «Смирение или борьба» (1983), «Это так» (1987) и «Тайна» (1990) – объединены общим проблемно-тематическим комплексом и повествовательной техникой, интериоризирующей элементы восточной литературной традиции. Они интертекстуально связаны с классической диванной литературой и суфийской эстетикой, и их прочтение требует определенной культурной компетенции. Следующие пять сборников – «Длинная история» (2000), «Тщетная жизнь» (2001), «Синяя птица» (2002), «Перед наводнением» (2003), «Ветреное воскресенье» (2004) – опираются на народную литературу, художественные стратегии которой он привносит в современный рассказ. В турецком фольклоре рассказчик при необходимости отходит от оригинала, делая лирические отступления и пояснения, задает вопросы, вступая в диалог со слушателем, вставляет в повествование стихотворение или песню. Подобные особенности присущи и рассказам Мустафы Кутлу. Адаптируя традицию под современность, автор нередко пользуется и постмодернистскими художественными приемами.

ВЫВОДЫ

Мустафа Кутлу, опираясь на творческое наследие Омера Сейфеддина и Сайта Фаика, продолжает вносить свой вклад в развитие турецкой малой прозы, создавая произведения, обладающие высокой художественной ценностью. Ему удалось связать воедино современный рассказ и традиционные стратегии фольклора, суфийской и диванной литературы. Писатель привнес ещё одну грань в видение турецкого расска-

за как жанра, обогатив его новыми изобразительными средствами и повествовательными техниками. Он выбрал этот путь с целью максимально аутентично осмыслить турецкие реалии, установив связь между прошлым и будущим, и стал основоположником движения, представители которого стремятся взглянуть на бытие сквозь призму национального.

Список литературы

1. Karaca A. Ortadaki Adam'dan Hayat Güzeldir'e Mustafa Kutlu'nun Hikâyesi / Alaattin Karaca // Türk Edebiyatı Dergisi. – Sayı:462. – Nisan 2012. – 80 s.
2. Meriç C. Ümrandan Uygurlığa / Meriç Cemil. – İstanbul: İletişim Yayınları,1977. – 379 s.
3. Tökel D. A. Zihniyet ve kaynakları açısından Hikayemize bakmak / Tökel Dursun Ali // Hece Dergisi Türk Öykücülüğü Özel Sayısı. – Ankara, 2000. – No: 46/47. – с. 42–52.
4. Tosun N. Günümüz Öyküsü / Necip Tosun. – İstanbul: Dedalus, 2015. – 382 s.
5. Yılmaz H. Modern Türk hikâyesine Mustafa Kutlu'nun getirdikleri [Электронный ресурс] / Hüseyin Yılmaz. – İstanbul: Fatih Sultan Mehmet Vakıf Üniversitesi, 2013. – 246 s. – Режим доступа: www/ URL: http://www.academia.edu/6726846/FAT%C4%B0HSULTANMEHMETVAKIF%C3%9CN%C4%B0VERSC4%B0TES%C4%B0_SOSYALB%C4%B0L%C4%B0MLERENST%C4%B0T%C3%9CS%C3%9C_T%C3%9CRKD%C4%B0L%C4%B0VEEDEV%C4%B0YATIANAB%C4%B0L%C4%B0MDALI_Y%C3%9CKSEKL%C4%B0SANSTEZ%C4%B0_MODERNT%C3%9CRKH%C4%B0K%C3%82YES%C4%B0NE_MUSTAFAKUTLUNUNGET%C4%B0RD%C4%B0KLER%C4%B0_H%C3%9CSEY%C4%B0NYILMAZ_110101023_TEZDANI%C5%9EMANI. – Загл. с экрана (дата обращения: 14.07 2016 г.).

Екен О. Внесок Мустафи Кутлу у турецьку малу прозу / О. Екен // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 467–472.

Ця стаття присвячена дослідженню внеска Мустафи Кутлу в жанр турецької малої прози. Простежено еволюцію даного жанру зі зверненням до персоналій з точки зору врахування їх ролі в розвитку турецького оповідання. Окреслена специфіка творчого методу Мустафи Кутлу та виявлено основні елементи його літературного новаторства. Доводиться, що основу поетики оповідань автора становить синтез традиційних східних оповідних стратегій і сучасних принципів малих прозових форм.

Ключові слова: Мустафа Кутлу, турецька мала проза, східний епос, рамкове оповідання, оповідні стратегії.

Eken O. Mustafa Kutlu's contribution into Turkish short story / O. Eken // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 467–472.

The present paper is dedicated to the investigation of Mustafa Kutlu's contribution into Turkish short story. Mustafa Kutlu is a contemporary Turkish short story writer. He took a first closer look at the artistic world of short story genre at university while writing a thesis entitled «Figures and perspectives in Said Faik's short stories». The short story «He» written in 1968 became a starting point of the author's literary career, and since then he has been faithful to this genre searching for the new forms, styles, conceptions and themes. Mustafa Kutlu's creative works keep playing a crucial part in the development of Turkish short story. His literary achievements have added a new dimension to the concept of Turkish short story.

The topicality of the investigation of Mustafa Kutlu's contribution into Turkish short story and the determination of the author's place in it is out of question since the analysis of the stated issue is sufficient for the understanding of national specificity of Turkish short story. It also satisfies the need to determine the vector of contemporary Turkish literature development. The absence of fundamental studies dedicated to Turkish short story of the second half of XX – the beginning of XXI century in general and Mustafa Kutlu's

oeuvre in particular in Russian Literary Studies, creates a scientific lacuna which is of absolute necessity to fill up.

The present paper aims to analyze Mustafa Kutlu's key literary achievements and to reveal his contribution into contemporary Turkish short story.

The scientific novelty of the present study is determined by the fact that this kind of investigation is pioneered in Russian Turkology and is based on the material introduced into scientific use for the first time.

Turkish short story as well as the other genres has been developing, undergoing qualitative changes and periods of renewal. Turkish short story writers were influenced by Maupassant and Chekhov, tried to adopt the elements of stream of consciousness, magical realism, existentialism, postmodernism in their desire to create authentic literary works.

From the very beginning of his literary career Mustafa Kutlu has never exploited the ideas of existentialism, which were widespread in his contemporary's prose. The author believed that the tendencies, trends and techniques generated by European conceptions do not correspond to the national content. Instead, starting from his short story *Water that Flows Uphill* (1979), he turned to the principles of Eastern narration combining them with the new artistic strategies. As a result the literary works that are topical for a contemporary reader has been created. This approach was innovative in Turkish short story writing enriching it with multisemantics. One more contribution into the genre made by Mustafa Kutlu was the technique of framing also taken from Oriental literary tradition. In his collected stories each of them is read as a separate work but at the same time they create an artistic unity complementing each other.

Mustafa Kutlu, being guided by Omer Seyfeddin's and Sait Faik's artistic accomplishments, keeps contributing into the development of Turkish short story. He creates literary works of high artistic value. The author managed to connect a contemporary short story with traditional strategies of folk, Sufi and Divan literature. Mustafa Kutlu created one more edge in understanding of Turkish short story as a genre, having enriched it with new expressive means and narrative techniques. He has chosen that path in order to authentically comprehend Turkish realia and to create a connection between the past and the future. Mustafa Kutlu is the founder of literary movement, whose representatives are aiming at considering the reality through national prism. Nowadays this approach has turned into mainstream in Turkish literature.

Keywords: Mustafa Kutlu, Turkish Short Story, Oriental Epics, Framing, Narrative Strategies.

УДК82.091:[(821.411.21+821.222.1):(821.521.161+821.512.19)]

ВЛИЯНИЕ ПЕРСИДСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ НА ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Эмирсале Э. Я.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии,
Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
E-mail: elvira.emirsale@mail.ru*

В статье рассматриваются основные столпы арабо-персидского поэтического средневекового канона и его влияние на турецкую придворную литературу и в этом контексте его проникновение в крымскотатарскую письменную поэзию классического периода. Исследуются структурные и семантические особенности тюркоязычных литератур с учетом влияния арабской и персидской литературной традиции.

Ключевые слова: тюркоязычные литературы, арабо-персидская поэзия, поэтический канон, заимствования.

ВВЕДЕНИЕ

Постигнуть высокохудожественность и великолепие турецкого литературного дивана или крымскотатарской поэзии классического периода невозможно, не постигнув поэтики канонического искусства. В данной статье мы рассмотрим влияние арабской и персидской литературных традиций на тюркоязычные литературы в целом и крымскотатарскую поэзию классического периода в частности.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более детального изучения и систематизации влияния арабской и персидской литературных традиций на тюркские литературы, установлением их происхождения и путей проникновения.

Целью данной статьи является семантическое исследование тюркоязычной поэзии и литературы с учетом влияния ближневосточных литературных традиций. Реализация цели подразумевает выполнение следующих задач:

- определение происхождения форм поэзии, написанных на основе метрического стихосложения;
- изучение влияния арабской и персидской литературных традиций на тюркоязычные литературы.

Теоретико-методологической основой исследования стали научные труды советских востоковедов А. Е. Бертельса, И. С. Брагинского, И. В. Стеблевой, работы отечественных учёных А. М. Меметова, Т. Б. Усеинова.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Канон играл важную роль как в творчестве персидских, арабских и турецких средневековых поэтов, так и в произведениях ярчайших крымскотатарских средневековых поэтов Ашика Умера и Мустафы Джевхери. Прежде чем приступить к описанию поэтического канона персидской средневековой поэзии, необходимо провести параллели с арабским поэтическим каноном, на котором эта поэзия и основывалась

и из которого заимствовала основные принципы стихосложения – метрику, стиль, рифму, художественные образы.

Основными элементами арабской поэтики были учения о классической арабской метрике (*elm al-arud*), учения о рифме (*elm al-qavafi*) и учения об образной системе (*elm al-badi*). Соответственно, в персидских поэтиках также были приняты три основных раздела: метрика (*aruz*), рифма (*qafiyе*), образность (*badi*). Большое значение в арабских и персидских поэтиках занимали также теоретические проблемы поэтических стилей и жанровых форм, учения о «поэтических заимствованиях» (*sarikat*) и др.

Поэтическое творчество персидских классиков основывалось на законах арабской поэтики, основы которой были разработаны уже в VIII столетии. В XI веке появилась первая поэтесса Радуйани «*Tarjomanal-balaga*», в которой четко прослеживается связь между арабской и персидской поэтической традицией. «Так иранская поэзия, выступавшая в арабоязычном облачении, не только подняла на новую высоту арабскую литературу, неотъемлемой частью которой она и является, но и подготовила предпосылки для рождения блестящей литературы уже на родном языке – фарси» [2, с. 118].

Литературы средневекового периода отличаются ярко выраженным традиционализмом, что обуславливает специфику их художественной системы. Создается впечатление, что арабская, персидская, византийская и другие средневековые поэзии вышли из-под пера одного автора и переведены на разные языки. Это обусловлено тем, что все эти произведения были созданы в соответствии со строгими правилами канонического искусства.

«Созданная в Бухаре, Балхе, Ширазе, Гяндже, Нишапуре, Конье, Дели персидская поэзия на протяжении столетий сохраняла единую поэтику, единые представления о красоте и истине, единые традиции, общую канву сюжетов и образов. Сотни и тысячи поэтических ответов (джаваб), наследий прославленных предшественников (назира), намеков (кинайа) на бейт Хафиза, Атгара или Низами свидетельствуют об осознанном творцами, несмотря на отдаленность, единстве поэтической традиции» [1, с. 3].

Общность поэтической традиции прослеживается и при рассмотрении придворной турецкой литературы и турецкой мистической поэзии, а также других тюркоязычных литератур, в частности крымскотатарской, азербайджанской и узбекской, которые сформировались под непосредственным влиянием персидской классической поэзии.

Так, творчество Юсуфа Баласагуни, автора «*Кутадгу билиг*», наиболее значительного тюркоязычного памятника XI века, создавалось по законам арабо-персидской классической поэтики. Исследование лексики «*Кутадгу билиг*» демонстрирует, что литературный язык этой эпохи испытывал на себе огромное влияние арабского и персидского языков. Арабо-персидские заимствования обогащали синонимические средства языка, разнообразили оттенки значения слов. Широкое употребление таких заимствований в языке поэтического произведения обуславливалось также требованиями метрики, рифмы, особенностями поэтической речи. «Первым произведени-

ем классической тюркоязычной поэзии, создававшейся в контакте с арабской и персидской литературами, была поэма «Кутадгу билиг». Относительно ее формальных признаков известно, что она написана метром аруза в виде месневи с включением более двухсот четверостиший с рифмой типа рубайи, т. е. формальная сторона поэмы в основных своих чертах удовлетворяет требованиям арабо-персидской поэтики. Следовательно, особенности стиховой структуры поэмы «Кутадгу билиг» могут стать мерилем, показывающим степень проникновения правил арабо-персидского стихосложения в тюркоязычную поэзию в XI в. [5, с. 9].

В раннее Средневековье в тюркоязычную дворцовую поэзию из арабского и персоязычного дивана проникает *учение о рифме*, несмотря на то что это учение не в полной мере соответствовало особенностям тюркских языков. Одновременно развивалась наука об *арузе*, так как понятие рифмы и аруза неразрывно связаны друг с другом. Первоначально система правил использования рифмы была описана и систематизирована арабскими, а впоследствии персидскими и тюркоязычными учеными.

По мнению известного крымскотатарского литературоведа Т. Б. Усеинова, «стремление нейтрализовать различия и сблизить тюркские, с одной стороны, арабские и персидские языки, с другой, и тем самым оправдать искусственное использование несвойственного для тюрков «Учения о рифме» привело к тому, что средневековые тюркоязычные поэты пришли к мнению считать рифмующейся единицей букву основы слова. Причислив к категории редиф все остальные рифмующиеся буквы и звуки (вне основы слова) кроме равии, они существенно уменьшили то «нескромное» количество рифмующихся букв в тюркских словах и таким образом стремились соответствовать арабо-персидской теории стихосложения» [6, с. 38].

Особое внимание следует обратить на метрическую систему стихосложения аруза, основанную на чередовании долгих и кратких слогов. Беря во внимание тот факт, что качественные показатели звукового состава арабского и персидского языков сходны, данная система стихосложения в короткие сроки проникла из арабской в персидскую поэзию, а затем и в поэзию большинства тюркских народов, приграничных с Ираном и ближневосточными арабскими странами. Необходимо отметить, что в персидском и тюркских языках имеют место существенные различия в долготе гласных звуков. Возникающее при этом несоответствие и неестественность использования аруза в языке классической поэзии тюркоязычные поэты начали компенсировать большим количеством арабо-персидских заимствований.

Проблематикой персидских заимствований в тюркских и, в частности, в крымскотатарском языке занимался известный отечественный иранист и тюрколог А. М. Меметов. В своей работе он отмечает, что «в XV–XVII вв. в литературе тюркоязычных народов мусульманского Востока наступает период персидско-тюркского билингвизма. Однако уже тогда всё большее внимание уделяется переводу научных и поэтических произведений с арабского и персидского языков на тюркские. Влияние персидского языка на тюркские в области лексики продолжалось и в последующие периоды. Так, газели Ашика Умера, написанные в XVII веке на крымскотатарском языке, пестрят фарсизмами» [4, с. 8].

По мнению Т. Б. Усеинова, религиозно-культурные ценности арабов и персов, отраженные в дворцовой литературе, оказали значительное, в культурном отношении, влияние на тюркоязычные народы, которые проживали на приграничных территориях. Подтверждением этому является тот факт, что дворцовая поэзия, основанная на арузе, фигурирует лишь в литературах вышеупомянутых тюркоязычных народов, к которым можно отнести и крымских татар.

В отличие от арабского языка, который в средневековый период был языком религии, персидский являлся языком литературы тюрков. Отсюда и заимствование имен героев и образов из литературы Ирана, самым известным из которых является образ Рустема (Рустама – прославленного иранского воина, воспетого известным персидским поэтом Фирдоуси в произведении «Шахнаме»). Его образ богатыря и защитника родины прославляется и средневековыми крымскотатарскими поэтами. «Особенно убедительными казались поэту народные предания о сказочном иранском богатыре Рустаме, который в течение нескольких веков, как неприступная крепость, стоял на страже родины, объединяя вокруг себя всех богатырей, готовых на смерть ради спасения родной земли...» [3, с. 23].

Затрагивая вопрос о влиянии персидской поэзии и литературы на тюркские, нельзя не отметить классика поэзии Востока, внёсшего вклад в развитие османской и крымскотатарской литературных традиций ашикской поэзии Джалаладдина Руми (1207–1273). Суфийское учение Руми, в котором тесно переплелись гуманистическое содержимое и совершенство поэтических форм, оказало огромное влияние на творчество поэтов религиозной и дворцовой османской, а впоследствии и крымскотатарской литератур.

ВЫВОДЫ

Из вышеприведенного можно сделать вывод о том, что средневековая арабо-персидская поэтика позволяет проследить пути становления классической тюркоязычной литературы и становится теоретической основой классической поэзии на тюркских языках. Складывается прочное равновесие между природными свойствами тюркских языков и нормами стиха, первоначально созданными применительно к иноязычным поэтическим образцам. Это послужило условием, которое позволило арабо-персидской поэтике глубоко проникнуть в тюркоязычную литературу и вдохновило в дальнейшем на появление выдающихся поэтических произведений.

В последующих работах будут проанализированы непосредственно персидские заимствования в поэзии крымскотатарских средневековых авторов.

Список литературы

1. Бертельс А. Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков / А. Е. Бертельс. – М.: Восточная литература, 1997. – 422 с.
2. Брагинский И. С. Иранское литературное наследие [Текст] / И. С. Брагинский. – М.: [б. и.], 1984. – 296 с.
3. Брагинский И. С. Персидская литература [Текст] / И. С. Брагинский, Д. Комиссаров. – М., 1963. – 213 с.

ВЛИЯНИЕ ПЕРСИДСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ НА ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

---

4. Меметов А. Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке / А. Меметов; [автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук]. – Ташкент: Фан, 1974. – 24 с.

5. Стеблева И. В. Развитие тюркских поэтических форм XI века / И. В. Стеблева. – М.: Наука, 1971. – 299 с.

6. Усеинов Т. Б. Ритм и образ в крымскотатарской письменной поэзии классического периода (конец XVI – начало XVIII вв.) / Т. Б. Усеинов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2012. – 424 с.

Лексикографические источники

7. Крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Ашыка Омера [3400 единиц / составитель А. Меметов, Т. Б. Усеинов]. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2010. – 130 с.

8. Большой крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Мустафы Джебхери [4300 единиц / составитель Т. Б. Усеинов, Л. В. Грицак]. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2014. – 192 с.

Емірсале. Е. Я. Вплив перської середньовічної поезії на тюркомовні літератури / Е. Я. Емірсале // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 473–477.

У статті розглядаються основні засади арабо-перського поетичного середньовічного канону і його вплив на турецьку придворну літературу і в цьому контексті його проникнення в кримськотатарську письмову поезію класичного періоду. Досліджуються структурні та семантичні особливості тюркомовних літератур з урахуванням впливу арабської і перської літературної традиції.

Ключові слова: тюркомовні літератури, арабо-перська поезія, поетичний канон, запозичення.

Emirsale E. The influence of Persian medieval poetry on Turkic literatures / E. Emirsale // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 473–477.

The article examines the main pillars of Arabic Persian poetic medieval canon and its influence on Turkish court literature, and as a result – its insight into Crimean Tatar written poetry of the classical period. Structural and semantical features of Turkic literatures considering the influence of Arabic and Persian literary traditions are analyzed.

The novelty of this scientific research is driven by the need of more detailed examination and systematization of the influence of Arabic and Persian literary traditions on Turkic literatures, determination of its origins and ways of loaning. This poetry borrowed the best things like aruz, metaphors, symbols system from the Arabic and Persian classic poetry has not been studied well yet.

The paper outlines the main elements of the Arabic poetics like teaching of classical Arabic metric (elm al-arud), the doctrine of the rhyme (elm al-qavafi) and the doctrine of imagery (elm al-badi). Accordingly to its classification, Persian poetic created three main categories too: metric (aruz), rhyme (quafiye) and imagery (badi). The special emphasis in Arabic and Persian poetics was laid on theoretical issues of poetic styles and genres forms, the doctrines of «poetic loans» (sarikat) and others.

Particular attention is drawn to Arabic-Persian metric system aruz based on interchange of long and short syllables. The author outlines the significant difference in vowel sounds length in Persian and Turkish languages. This difference caused disharmony and unnatural use of aruz in classical poetry and as a result – Turkic poets started borrowing Arabic and Persian words to compensate it.

The article points out similarity of poetic tradition revealed during the examination of Turkish court literature, Turkish mystical poetry and other Turkic literatures among which are Crimean Tatar, Azerbaijani and Uzbek, which were created and developed under the direct Persian classic poetry influence.

Keywords: Turkic literatures, Arabic-Persian poetry, poetic canon, loan words.

УДК: 821.512.145 – 32.09

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЭШРЕФА-ШЕМЬИ-ЗАДЕ

Джемилева А. А.

*кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии
факультета крымскотатарской и восточной филологии
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского»
E-mail: Ayshe66-2008@mail.ru*

Известный крымскотатарский поэт Э. Шемьи-заде оставил неизгладимый след в развитии переводческой науки в крымскотатарской литературе. Он одним из первых познакомил крымскотатарского читателя с образцами русской и мировой классики. Поэт перевёл на крымскотатарский язык произведения А.С. Пушкина, в том числе поэму «Бахчисарайский фонтан», произведения Л. Толстого, А. Твардовского, Т. Шевченко, В. Маяковского, С. Есенина, К. Кулиева, Р. Гамзатова и др.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, русская литература, перевод, стихи.

ВВЕДЕНИЕ

Переводческое наследие талантливого крымскотатарского поэта Эшрефа Шемьи-заде – один малоизученных пластов в крымскотатарской литературе.

Актуальностью данной работы является то, что в крымскотатарском литературоведении переводческое наследие Эшрефа Шемьи-заде является малоисследованным аспектом и нуждается в серьёзных исследованиях.

Основная цель работы – изучение переводческого наследия Э. Шемьи-заде, систематизация переведённых поэтом произведений.

Задача исследования – показать влияние переводов Э. Шемьи-заде на развитие крымскотатарской литературы.

Методы исследования: метод сравнительно-исторического исследования; описательный метод.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эшреф Абдураман-оглы Шемьи-заде родился в 1908 года в г. Евпатория в семье народного учителя. Стихи начал писать рано. В 1923 году из под его пера вышло прекрасное стихотворение «Чельде яз акьшамы» («Летний вечер в степи»). Молодого поэта заметили выдающиеся поэты Бекир Чобан-заде, Абдулла Ляtif-заде и пригласили его в Симферополь, где он приобщился к литературным кругам.

В сентябре 1927 года молодой одаренный поэт выдвигается ответственным секретарем, затем редактором молодежного журнала «Козь айдын» («Радостная весть»). В 1930 году направляется на учебу в Москву, где в 1932 году оканчивает литературно-сценарный факультет (ВГИК).

С 1928 года Э Шемьи-заде состоял членом Крымского отделения Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). В 1934 году был делегатом Первого

съезда писателей СССР и в том же году одним из первых становится членом Союза писателей СССР. Тогда же избирается членом Президиума и секретарем Союза писателей Крыма.

Уже в довоенные годы имя Э. Шемьи-заде, как глубоко лирического поэта, мастера художественного слова было в одном ряду с такими классиками крымскотатарской литературы как Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, А. Лятиф-заде, А. Гирайбай. Им осуществлен перевод стихотворения Т. Шевченко «Завещание». Творчество Э. Шемьи-заде широко освещалась в украинской печати (журнал «Червоний шлях» 1927 г. 11, стр.196–201, статья академика А. Е. Крымского «литература крымских татар» в сборнике «Студии з Криму», Киев, 1930 г. стр. 188. и др.).

Творчество Э. Шемьи-заде отражалось как в «Малой Советской Энциклопедии», изданной в 1931 году, так и в «Большой Советской Энциклопедии». В 62–ом томе этой энциклопедии, изданной в 1933 году, в статье, посвященной поэту, подчеркивается: «...*Стихи Шемьи-заде последних лет (эпопея «Днепрельстан» и другие), ... отличаются лирической напряженностью и художественным мастерством. Деятельность Шемьи-заде имеет огромное значение для развития крымскотатарского языка*».

Следует отметить, что в 65–ти томах «Большой Советской Энциклопедии» (1926–1974), помещены лишь пять портретов деятелей литературы, искусства и науки мусульманского и советского Востока: народного поэта Татарстана Абдуллы Тукая; выдающегося иранского поэта-революционера Абулкасема Лахути; классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова; народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского и крымскотатарского поэта Эшрефа Шемьи-заде.

Одним из шедевров переводческого мастерства Эшрефа Шемьи-заде по праву является «Багъчасарай чешмеси» («Бахчисарайский фонтан») А.С. Пушкина. Отметим, что ранее «Бахчисарайский фонтан» великого русского поэта к 100-летию автора был переведён Османом Акчокраклы и данный перевод отдельным изданием был выпущен в Санкт-Петербурге в 1899 г.

И. Керимов пишет о том, что, в свое время произведения Пушкина переводили Усеин Шамиль Тохтаргазы, Абдулла Лятиф-заде, Осман Амит. В статье С. Сулеймана высказывается мнение о том, что, крымские татары чуть ли не первые среди тюркских народов начали переводить русскую классику [6]. Из более поздних переводов произведений А.С. Пушкина, сделанных в наше время, следует назвать переводы современных поэтов: А. Велиева «Багъчасарай чешмеси» («Бахчисарайский фонтан») (1999 г.), «Кавказ эсири» («Кавказский пленник»); «Анчар», «Кавказский пленник», «Кучюк фаджиалар» («Маленькие трагедии») в переводе Ш. Селима (1986); «Сибирьге» («Во глубине сибирских руд...») Черкез-Али; переводы Ш. Али «Денъизге» («К морю»), «Бейит уйдурьджынынъ олюмине эпиграмма» («Эпиграмма на смерть стихотворца»), «Бульбуль ве гуль» («Соловей и роза»), «Алтын ве ханджер» («Золото и булат»).

Литературоведы Р. Фазыл и С. Нагаев в книге «Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы» (2001 с.) дают высокую оценку переводам Э. Шемьи-заде. Отдельного вни-

мания заслуживает перевод поэмы Пушкина «Багъчасарай чешмеси». По мнению авторов, перевод справедливо составляет «золотой фонд» национальной переводной литературы [7, с. 326].

Сам поэт в книге «Халкъ хызметинде» пишет: «произведения А.С. Пушкина – несколько стихотворений и сказок, на наш язык впервые перевёл в 1848 году учитель татарского языка гимназии Симферопольской губернии Абдураман-Челеби Кыырым-хавадже. В те годы на родном языке были изданы «Капитан кызы» («Капитанская дочка»), «Дубровский», «Станция бакъыджысы» («Станционный смотритель»), «Къар бораны» («Метель»), поэма «Багъчасарай чешмеси» («Бахчисарайский фонтан»), отрывки из поэмы «Руслан ве Людмила», «Балыкъчы ве балыкъ акъкъында масалы» («Сказка о рыбаке и рыбке») Пушкина и др.» [9, с. 25].

В вышедшем в Крыму журнале «Илери» (1927 – № 12 (20) находим заметку о том, что Э. Шемьи-заде вместе А. Алимом готовит доклад к 35-летию литературной деятельности М. Горького [3, с. 18–22]. В том же издании за 1928 г. (№ 1 (21) январь) есть информация о переводе Э. Шемьи-заде на крымскотатарский язык рассказа М. Горького «Макар Чудра» [3, с. 37–41].

В газете «Енъи дюнъя» («Новый мир») за 1937 г. одна страница посвящена великому классику А.С. Пушкину. Здесь помещены статьи К. Джаманаклы «Тохтаргъазынынъ Пушкинден бир терджимеси акъкъында» («О переводах Пушкина Тохтаргъазы») и статья У. Ипчи «Пушкин ве кыырымтатар эдебияты» («Пушкин и крымскотатарская литература») [13, с. 283].

Как справедливо отмечает Р. Девлетов, «переводя на крымскотатарский язык, Шемьи-заде ставил целью сохранить пушкинский пленительный, восточный колорит, но при этом неизбежно отражал особенности крымскотатарского художественного мышления» [1, с. 150].

Примечательно, что крымскотатарский поэт переводит и эпиграф к поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» – цитату из «Бустан»а Саади. В переводе Османа Акчокраклы эпиграф опущен.

Многие, так же как и я, посещали сей фонтан;
Но иных уже нет, другие странствуют далече [5, с. 48].
Меним киби, бу чешмени пек чокълары зиярет этти;
Лякин оларнынъ бир кысымы артыкъ ёкъ,
Дигерлери исе даа узакъларда джурелер [10, с. 204].

Обратим внимание как воссоздаётся характер хана в переводе Эшрефа Шемьи-заде. Отображение национального характера гармонирует с колоритом исторической эпохи. Без воспроизведения национального характера не может проявляться в полной мере колорит эпохи. В оригинале: Гирей сидел, потупя взор; Янтарь в устах его дымился [5, с. 48]. В переводе Э. Шемьи-заде: Кербар ташлы чубугъыны думанла-тып; (досл. Дымя янтарной трубкой); Кыырым Герай къашын чатып, ойгъа далгъан: (досл. Кыырым Герай, нахмутив (нахмутив) брови, погрузился в думы) [10, с. 204]. Пушкинское «потупя взор» крымскотатарский поэт переводит фразеологизмом «къашын чатып» (букв. свести брови), что сразу объясняет крымскотатарскому читате-

лю гнев и печальное настроение хана. Таким образом передаётся психологическое состояние Гирея.

«Раболепный двор» Пушкина, на наш взгляд, очень удачно передано словами «сарай халкы». Степень страха, охвативших придворных, переводчик показывает сложной конструкцией «кьоркьусына кьоркью кьатып» (букв. «к страху прибавился страх»): Сарай халкы кьоркьусына кьоркью кьатып, Явуз ханнынъ этрафыны сарып алгъан [10, с. 204].

Чтобы показать безмолвие и тишину, царящие в ханском дворце, крымскотатарский поэт использует наречие «чым-чырт», одно из значений которого абсолютная тишина: Эр ер чым-чырт кенъ сарайнынъ ичерсинде. Это свидетельствует о безупречном владении им родного языка и тонком художественном чутье переводчика. Безмолвное, благоговейное состояние людей, находящихся в страхе перед грозным ханом мастерски передано фразой: «Эр кес сусып, эль кьавушып отурмакьта» (досл. «Все стояли молча, в почтении сложа руки»).

О близком вхождении, о благодатном воздействии творчества А. С. Пушкина на крымскотатарскую литературу пишет и искусствовед С. Керимова: «Образы Пушкина настолько многогранны, они вобрали в себя кусочки народной жизни многих стран. Произведения русского классика сыграли большую роль в развитии крымскотатарской литературы. В частности, отмечает С. Керимова: неопределимо влияние переводов драм Пушкина на развитие крымскотатарской драматургии. И как следствие этого, произведения поэтов-переводчиков отличаются богатством и разнообразием художественных форм [4, с. 102]. Высокое художественное мастерство А. С. Пушкина, его поэтическая сила, продолжает свою мысль автор, невольно впитались через переводы произведений в крымскотатарскую литературу, обогатили её своим содержанием [4, с. 103].

ВЫВОДЫ

Среди известных переводов Э. Шемьи-заде следует назвать «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, стихи «Эйкель» («Памятник»), «Чаадаевге» («К Чаадаеву»), «Сув периси» («Русалка»), «Гурджистаннынъ кьырларында ята саарь туманы...» («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»), Юзюм («Виноград»), «Кяин Олег акькьында йыр» («Песнь о вещем Олеге»); стихи Лермонтова; «Севастопольские рассказы» Л. Толстого; стихотворение «Ким олайым экен» («Кем быть») В. Маяковского; рассказы М. Горького; стихи Т.Шевченко; «Двенадцатая ночь» В.Шекспира, «Конрад Валленрод» А.Мицкевича, «Дон Кихот» М. Сервантеса; образцы восточной поэзии – отрывки из поэмы Низами «Лейля и Меджнун», рубаи Омара Хайяма. Отдельно стоит упомянуть писателей и деятелей культуры, с кем Э.Шемьи–заде был близко знаком, общался или дружил: М. Горький, В. Маяковский, К. Чуковский, С. Маршак, Ф. Гладков, М. Светлов, Б. Чичибабин, А. Самойлович, А. Крымский, С. Эйзенштейн и др.

Таким образом, вклад Эшрефа Шемьи-заде в развитие переводческой науки в крымскотатарском литературоведении неопределим. Переводы поэта являются неисчерпаемым кладом для исследователей крымскотатарской литературы.

Список литературы:

1. Девлетов Р. Р. Крымскотатарский текст в мировой художественной литературе XIX века / Р. Девлетов // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сборник. – Выпуск 26 (83). – Симферополь: Бизнес-информ, 2013. – С. 149–154.
2. Закир Къуртнезир. Къырымтатар эдиплери. Омюр ве яратыджылыкълары акъкъында къыска малюмат Къуртнезир Закир. Акъмесджит, «Таврия нешрияты, 2000, – 219 с.
3. Керимов И. А. Медений эснас. Поступь культуры. По материалам крымскотатарской периодической печати 1920–38 гг. / И. А. Керимов. – Симферополь: Таврия, 1997. – 496 с.
4. Керимова С. Къырымтатар миллий театри: (тарих саифелери) /С. Керимова. - Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2003. - 264 с.
5. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. /А.С. Пушкин. - М.: Худож. лит., 1986. – 527 с.
6. Сулейман С. Время переводить /С. Сулейман // Газета «Голос Крыма», № 44 (982) от 02.11.2012 г.
7. Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыска бир назар /Р. Фазылов, С. Нагаев. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
8. Шаир намын халкъ сакълар (Славу поэта народ сбережёт) /Тертип этиджи муэллиф Р. Фазыл – Симферополь: КъДжИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты», 2008. – 248 с.
9. Шемъи-заде Э. «Халкъ хызметинде» («На службе народу»). Сборник лиературно-критических статей / Э. Шемъи-заде – Ташкент, Гъ. Гъулам адына нешрияты, 1977. – 200 с.
10. Шемъи-заде Эшреф. Сайлама эсерлер. Тертип эткен ве неширге азырлагъан Риза Фазыл. Уч джытлыкълар сайлама эсерлер. Акъмесджит, Тарпан, 2008. – 285 с.
11. Эмирсуинова Н. К, Умерова Л. Р. Образный строй поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в переводческой интерпретации Э. Шемъи-заде / Н. К. Эмирсуинова, Л. Р. Умерова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 25 (64). № 2, ч. 2. – 2012 г. С. 40–47.
12. Эшреф Шемъи-заденинъ 100 йыллыгы мунасебетинен азырлангъан библиографик косьтергич // Янны донья. – 2009. – Февр. 21. – С. 5.
13. Юксель Г. Выборочный библиографический указатель содержания крымскотатарского журнала «Илери» («Вперёд»). – № 1–20. / Г.З. Юксель // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2. – С. 175-183.
14. Яшар А. Пушкин къырымтатар терджиме эдебиятында / А. Яшар //Литературный Крым. Эдебий Къырым. – 2013. – № 1. – С. 1.
15. Электронный ресурс:
16. <http://gasprinskylibrary.ru/node/177>
17. <http://medeniye.org/ru/node/779>

Джемилева А. А. Перекладацька спадщина Ешрефа Шем’ї-заде / А. А. Джемилева // Вчені записки Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. – 2016. Серія: Філологічні науки. – Т. 2 (68), № 3. – С. 478–483.

Ешреф Шем’ї-заде залишив помітний слід у розвитку перекладацької науки в кримськотатарській літературі. Поет одним із перших познайомив кримськотатарського читача з творами російської та світової класики. Він переклав кримськотатарською твори О.С. Пушкіна, у тому числі поему «Бахчисарайський фонтан», твори Л. Толстого, О. Твардовського, Т. Шевченка, В. Маяковського, С. Єсеніна, К. Кулієва, Р. Гамзатова та ін.

Перекладацька спадщина кримськотатарського письменника Ешрефа Шем’ї-заде – один з маловивчених пластів кримськотатарської літератури.

Актуальність даної роботи полягає в тому, що в кримськотатарському літературознавстві літературоведенню перекладацька спадщина Ешрефа Шем’ї-заде є малодослідженим аспектом.

Таким чином, внесок поета в розвиток перекладацької науки в національному літературознавстві бесцінний. Переклади діяча – це невичерпна скарбниця для дослідників кримськотатарської літератури.

Ключові слова: кримськотатарська література, російська література, переклад, вірш.

Dzhemileva A. A. Translation heritage Eşref Shemyi--Zade / A. A. Dzhemileva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 478–483.

E. Shemyi-zade left an indelible mark in the development of science in the translation of the Crimeantatar literature. He was one of the first introduced Crimean reader with samples of Russian and world classics. The poet translated into Crimeantatar language works A.S. Pushkin, including the poem “The Fountain of Bakhchisarai”, works of Tolstoy, A. Twardowski, T. Shevchenko, Vladimir Mayakovsky, Esenin, K. Kuliev, R.Gamzatova and others.

Translation heritage of the Crimeantatar poet Eşref Shemyi-zade - a little-known reservoirs in the Crimeantatar literature. The urgency of this work is that in the Crimeantatar literary translation heritage Eşref Shemyi-zade is little studied aspect. The main objective of the work – the study of translation E. Shemyi-zade., systematization of translated works of the poet. The research problem - to show the impact of remittances E. Shemyi-zade on the development of the Crimeantatar literature. Methods: method of comparative historical studies; descriptive method.

One of the masterpieces of the translation skills Eşref Shemyi-zade on the right is “Bagchasaray cheshmesi” (“The Fountain of Bakhchisarai”) A.S. Pushkin. Note that earlier, “The Fountain of Bakhchisarai” the great Russian poet to the 100-anniversary of the author Osman was transferred and the transfer Akchokrakly separate edition was released in St. Petersburg in 1899, I. Karimov wrote that, in his time translated works by Pushkin Usein Tohtargazy Shamil Abdullah Latif-zade, Osman Amit. Article S. Suleiman has been suggested that the Crimean Tatars almost first among the Turkic peoples began translating Russian classics. [6] Of the more recent translations of A.S. Pushkin made in our time, we should mention translations of contemporary poets: A. Veliyev “Bagchasaray cheshmesi” (“The Fountain of Bakhchisarai”) (1999), “Caucasus esiri” (“Prisoner of the Caucasus”); “Anchar”, “Prisoner of the Caucasus”, “Kuchyuk fadzhialar” (“Little Tragedies”) in the translation of S. Selim (1986); “Sibirge” (“In the depths of the Siberian ores ...”) Cerkez-Ali; translations Sh Ali “Denizge” (“To the Sea”), “Beyit uydurydzhynyn olyumine epigram” (“The epigram on the death of the poet”), “Bulbul ve gul” (“The Nightingale and the Rose”), “Altyn’ve Khandjeri” (“Gold and damask”).

Notable transfers E. Shemyi-zade should be called “The Fountain of Bakhchisarai” Pushkin’s poem “Eykel” (“Monument”), “Chaadaevge” (“To Chaadaev”), “Suv Paris” (“Mermaid”), “Gurdzhiştannyn kyrlarynda Yata Saarland miştis ... “ (“ the hills of Georgia the night is darkness ... “), Yuzyum (“ Grape “),” Oleg Kyain akkyndda yyr (“The Song of Wise Oleg “); Lermontov’s verses;”Sevastopol Stories” Tolstoy; poem “Kim Olaya Eken” (“Who to be”), Vladimir Mayakovsky; stories Gorky; Shevchenko poetry; “Twelfth Night” by William Shakespeare, “Conrad Wallenrod” Adam Mickiewicz, “Don Quihote” of Servantes; Oriental poetry samples – extracts from the poem of Nizami “Leili and Majnun” Rubaiyat of Omar Khayyam. Thus, the contribution of Eşref Shemyi-zade in the development of translational science in the Crimeantatar literary invaluable. Translations are therefore an inexhaustible fount of the Crimeantatar literature researchers.

Keywords: Crimeantatar literature, Russian literature, translation, poetry.

УДК 811.512.161

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРЕЦКОЙ ГРАММАТИКИ

Шукринов С. Д.

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь

E-mail: shukrinser@mail.ru

В статье изучена взаимосвязь истории развития турецкого языка и становления его грамматического строя. Как оказалось на его формировании географическое положение и политическое влияние, выделяя особенности грамматики и морфологии. Представлен краткий перечень работ турецких, западноевропейских и отечественных авторов в области турецкой грамматики. Рассмотрены особенности. Сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: турецкий язык, история, история турецкого языка, грамматика, периодизация, арабский язык, реформа.

ВВЕДЕНИЕ

Язык можно изучать с точки зрения различных аспектов: с точки зрения грамматики, лексики, фонетики, стиля и т. п. В изучении турецкого языка мы учитываем все эти аспекты одновременно. Мы рассматриваем язык как фиксированную неизменяемую систему. Хотя с этим можно поспорить, ведь язык постоянно изменяется, даже в настоящее время. Для объяснения фонетических, грамматических, лексических, стилевых и прочих аспектов мы часто прибегаем к истории турецкого языка.

Любой лингвистический факт относится к определенной стадии истории языка. Зная историю, нам становится проще понять сам язык. К примеру, некоторые турецкие слова имеют арабскую и персидскую транскрипцию. Мы не понимаем, почему мы должны произносить какое-то слово именно по-арабски или по-персидски. Ответ дает нам история: в годы Османской империи турецкий язык находился под безграничным влиянием арабского и персидского языков. Арабский язык – язык религии – выполнял функции придворного языка, языка государственной бюрократии, а персидский язык был языком литературы и поэзии. Заимствования из арабского и персидского языков присутствуют в различных слоях лексического состава современного турецкого языка. Значительная часть из них входит в лексическое ядро турецкого языка и уже не воспринимается носителями турецкого языка как заимствования. Это в первую очередь слова повседневного обихода.

Изучение истории турецкого языка помогает многое понять, стать ближе к языку. Кроме того, история турецкого языка напрямую связана с национальной историей.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что турецкий язык относится к слабоизученным языкам, который имеет интересную историю возникновения, что дает возможность появляться новым исследованиям в области грамматики, лексикологии, стилистики и т. д. Объектом исследования является турецкий язык. Предметом исследования выступают история грамматического строя турецкого языка, особенности его происхождения и формирования.

Цель работы:

- а) проследить взаимосвязь истории турецкого языка и становления его грамматического строя;
- б) дать краткий перечень работ по грамматике турецкого языка.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С точки зрения языкового родства языки мира делятся на пять языковых семей: индоевропейские языки; семито-хамитские языки; языки банту; тибето-китайские языки; урало-алтайские языки. Турецкий язык относится к тюркским языкам алтайской группы урало-алтайской языковой семьи.

Тюркские племена, тюркские языки существовали задолго до того, как их этноним был зарегистрирован в анналах истории.

С этнонимом «тюрк» можно связать и более раннее сообщение китайских источников. В «Истории династии Цзинь», в разделе о хуннах (гуннах) от 284 г. н. э., перечислен ряд племён, среди которых названо племя ту-гэ, которое было «наиболее сильным и уважаемым» [2, с. 251]. Созвучие «ту-гэ» и «ту-по» вряд ли случайно. Если это так, то тюрки входили в состав хуннского союза. Многие исследователи вообще считают, что он был тюркоязычен в своей основной массе. Правда, есть мнение, что хунны были монголоязычны.

Но скорее всего племенной союз хуннов был смешанным, этнически неоднородным: в него входили тюрки, монголы, угры (т. е. предки мадьяров), ханты и манси, а также палеоазиаты. В языках всех этих народов лингвисты находят сходные черты, тюркские, монгольские, а также тунгусо-маньчжурские языки гипотетически объединяют в алтайскую языковую семью; угорские же, вместе с финскими и самодийскими, – в уральскую, а обе эти семьи – в большую урало-алтайскую семью.

От речи тюркских племён ведёт своё происхождение турецкий язык, от их общего имени – название турецкой нации (по-турецки «тюрк», по-русски «турок»). Учёные различают значения слов «тюрк» и «турок». При этом тюрками называют все народы, говорящие на тюркских языках: это азербайджанцы, алтайцы (алтай-кижи), афшары, балкарцы, башкиры, гагаузы, долганы, каджары, казахи, карагасы, каракалпаки, карапахи, карачаевцы, кашкайцы, киргизы, кумыки, ногайцы, татары, тофы, тувинцы, турки, туркмены, узбеки, уйгуры, хакасы, чувашаи, чулымцы, шорцы, якуты. Из этих языков наиболее близки друг другу турецкий, гагаузский, южнокрымско-татарский, азербайджанский, туркменский, составляющие огузскую подгруппу тюркской группы алтайской языковой семьи.

Турецкий язык имеет очень продолжительную и полную событий историю. Он сложился в результате многовекового процесса развития языков огузо-сельджукских племен, проникших в X–XI вв. из Средней Азии на Анатолийский полуостров и сформировавших там в XII в. государство Сельджуков, а позже, в XIV в., Османское государство, ставшее затем Османской империей, которая достигла своего наивысшего расцвета в XV–XVI вв. Именно в этот период началось становление турецкой народности и турецкого языка.

Всего правильно было бы выделять 3 периода в истории развития турецкого языка [3, с. 18]:

- 1 – древнетюркский;
- 2 – среднетюркский (северно-восточный);
- 3 – западный тюркский язык.

1. Древнетюркский язык

Древнетюркский язык принадлежит к периоду XII–XIII веков. Это первый письменный турецкий язык. В то время все тюркские племена использовали эту письменность.

2. Среднетюркский (северо-восточный)

На этом языке, пришедшем на смену древнетюркскому, говорили тюркские народы Средней Азии и северного побережья Каспийского моря. В среднетюркском языке осталось еще много общих черт с древнетюркским языком, при этом уже начались изменения, сближающие этот язык с современным турецким. Среднетюркский язык использовался в XIII–XIV вв. В XV веке этот язык разделился на северные тюркские языки и восточные тюркские языки:

а) северные тюркские языки – это языки, имеющие свою письменность, на которых с XV века и по сей день говорят тюркские народы, живущие к северу от Турции. К этой подгруппе относятся татарский и кыпчакский языки;

б) восточные тюркские языки – это языки, на которых с XV века говорят в Средней Азии. Они имеют свою письменность. Еще одно название этого письменного языка – чагатайский. Сегодня его место занял узбекский язык. На языках этой подгруппы говорят в Восточном и Западном Туркестане.

3. Западный тюркский язык

Западный тюркский язык возник после эпохи древних тюркских языков и является одним из двух современных языков, имеющих свою письменность. Этим языком, распространившимся от юга Каспийского региона на запад, пользовались западные тюркские племена.

Делится на следующие три группы:

- а) древние анатолийские тюркские языки;
- б) османский язык;
- в) турецкий язык.

а. Древние анатолийские тюркские языки

Период раннего западного тюркского языка включает XIII–XV века. Он несёт в себе черты древнетюркских языков. До сих пор не установлено, заимствованы ли эти элементы из арабского языка или языка фарси. Однако иностранные элементы были использованы. Западный тюркский язык является языком со своей письменностью, на котором говорили турки-сельджуки, племена анатолийских бейликов и первые турки-османы. Эта эпоха связана с периодом становления турецкой государственности и зарождения турецкого языка. В этот же период – период формирования феодального государства – из смешанных, типологически разнородных фонетических, лексических, морфологических и синтаксических элементов араб-

ского, персидского и собственно турецкого стал формироваться и «высокий» литературный стиль [8, с. 6].

В XIII столетии анатолийский турецкий становится языком произведений, вызвавших к народу, в связи с чем облегчился путь к приобретению турецким языком статуса языка письменности. Благодаря усилиям переводчиков с персидского и с арабского увидели свет сотни произведений. В этот период язык, несмотря на влияние фарси и арабского, всё же носил больше отпечатков исконно тюркского языка.

Существует множество стихотворных и прозаических произведений, созданных в ту эпоху и дошедших до нашего времени в рукописях и в устной передаче. В качестве примера можно привести собрание стихотворений Юнуса Эмре, «Рождество Мухаммеда» Сулеймана Челеби и «Сказания деда Коркута». Однако эта эпоха продолжалась недолго. С расширением границ Османской империи арабская и персидская культуры вновь стали завоевывать авторитет. В связи с этим в духовных училищах (медресе) преподавались в основном произведения арабских и персидских авторов. Во дворцах же отдавали предпочтение иностранным (чаще всего персидским) поэтам. Поскольку османский язык также формировался преимущественно при значительном участии мусульманских духовных лиц (богословов и суфиев), в нём и в османской литературе отчётливо прослеживаются исламские элементы и мотивы.

В этой ситуации, когда персидский возымел явное преимущество, некоторые поэты и представители интеллигенции стали полагать турецкий язык недостаточно литературным и красивым для выражения «высоких» мыслей и чувств. В историю турецкой литературы вошли такие случаи, когда авторы, писавшие на родном языке, такие как Ходжа Месуд (переводчик поэмы «Сухейль и Невбахар»), Мустафа Шейхоглу (автор поэмы «Хуршиднаме»), Сарыджа Кемаль (автор «Селятиннаме»), просили извинения у читателей за использование османско-турецкого языка вместо «благозвучного» персидского и даже испытывали неловкость за «грубость» родного языка [15, с. 6].

6. Османский язык

Второй период западных тюркских языков длится с XVI по начало XX вв. Следы древнетюркского языка практически исчезли. В это время усиливаются роль и значение арабского языка, являвшегося языком ислама – государственной религии Османской империи. На арабском языке велось преподавание в религиозных школах, без основательного знания арабского и персидского языков было невозможно читать и писать «по-османски». В языке этого периода появляются новые грамматические явления. Они выразились в заимствовании некоторых грамматических категорий, не свойственных тюркской типологии: категории союзов, предлогов, системы арабских глагольных имен-масдаров, причастий и т. д. В заимствованной лексике присутствовали формы грамматического рода, «ломаного» множественного числа, которые отсутствуют в турецкой грамматике.

В синтаксисе влияние арабского и персидского языков проявилось в образовании словосочетаний (арабский и персидский изафеты) и в конструкции сложных предложений при помощи формальных средств связи, свойственных этим языкам (артикли,

союзы и т. д.). При этом компоненты данных синтаксических конструкций располагались в соответствии с правилами арабского и персидского языков – с препозицией главного члена, которые противоположны правилам словоупотребления турецкого языка – с постпозицией главного члена. В современном турецком языке сохранился ряд фразеологизмов, построенных по правилам арабского и персидского языков: reisicumhur «президент»; lûgat-it-Türk «словарь турецкого языка», а построение сложных предложений с препозицией главного предложения стало нормой [8, с. 6].

Эта эпоха связана с периодом расцвета и упадка Османской империи и развития «высокого» стиля османского языка, который безраздельно господствовал во всех сферах государственной деятельности, в литературе, науке, искусстве. В этот период окончательно сложился основной пласт арабско-персидской лексики, занявший в «высоком» стиле до 90% общего лексического фонда и отразившийся на разговорном народном языке.

Таким образом, османский язык превратился в гибрид представителей трёх различных языковых семейств (алтайского, семито-хамитского и индоевропейского, к которым соответственно принадлежат турецкий, арабский и персидский языки). Развиваясь в условиях господства мусульманской османской культуры, османский язык приобрел статус главного национального языка в многонациональной империи.

в. Турецкий язык

Турецкий язык является третьим периодом в развитии западного тюркского языка. Этот период начался в 1911 году с наступлением политики национализма и реформизма (по некоторым источникам, в 1908 году после периода конституционного правления) и продолжается по сей день.

Преобразования в языке – это часть государственной национальной политики. Необходимо было проведение мероприятий, направленных на модернизацию языка. По мере проведения этих преобразований язык, завершив собственное формирование, продолжал самостоятельно развиваться, всё более отвечая современным потребностям.

Предлагалось избегать употребления арабской и персидской лексики при наличии в языке турецких эквивалентов, отказаться от чуждых строю турецкого языка иноязычных грамматических правил, выявить лексический фонд турецкого языка, реформировать его графику и орфографию, установить основы национального турецкого языка.

В итоге всех мероприятий в области преобразования турецкого языка, его лексики, грамматики и стилистики были достигнуты основные цели «языковой революции»: ликвидирован разрыв между литературным языком и нормами разговорного турецкого языка; грамматика турецкого языка стала довольно сильно отличаться от грамматики османского языка; содержание собственно турецкой лексики в литературном языке увеличилось до 70–80%, значительно расширены социальные функции турецкого языка благодаря развитию терминологических и стилистических систем турецкого языка.

Благодаря реформе появляется большое количество работ по грамматике турецкого языка турецких, западноевропейских и отечественных авторов. Исследователи

постепенно отошли от арабской методики структурирования грамматик и начали использовать французскую схему. Этот отход очень быстро дает о себе знать:

- части речи подразделяются уже не на три, а на семь, восемь, девять частей речи;
- всё больше уделяется внимание синтаксису;
- более детально толкуются отдельные категории и т. п.

В самой Турции до 1928 года выходит лишь несколько работ по грамматике турецкого языка: в XI в. Махмуд Кашгарский написал книгу «*Sevahirü'n-Nahv*», однако она, к сожалению, не сохранилась до наших дней. В 1530 году турецкий филолог Бергамалы Кадри описывает османский турецкий язык в грамматике «*Müeyyiret-ül-Ulûm*». Позже, уже в XX в., эта работа была несколько изменена и дополнена Бесимом Аталайем – «*Müeyyiretü'l-Ulûm*» (1946 г.). Еще одна грамматика турецкого автора Абдурахмана Фувзи Кутахьялы «*Mıyas ül-Lisan ve Kıstas il-Beyan*» была написана в 1846 году. Все эти грамматики написаны по образцу грамматики арабского языка.

После перехода турецкого языка с арабского на латинский алфавит и основания Турецкого лингвистического общества в 1933 г. в свет выходят «новейшие» грамматики турецкого языка, которые отошли от арабской традиции таких авторов, как: Т. Н. Генджан (Gencan T. N. *Orta Okular için Dilbilgisi. İkinci tabi*, 1948), А. Дж. Эмре (*Türk Dilbilgisi*, 1945), К. Демирайа, М. Эргин и др. К 1970-м годам количество издаваемых работ достигает уже значительного объема. Базовые грамматики, написанные носителями языка, начали появляться с 1990 года, например: Т. Bangoğlu «*Türkçenin grameri*» (Ankara, 1990), но работы, которые охватывали бы все темы, так и не появились. И только в первом десятилетии XXI в. в результате пятнадцатилетнего опыта работы с российскими студентами Эйюп Гениш издает работу «Грамматика турецкого языка» в 3-х томах.

Первое европейское пособие по изучению турецкого языка в 1533 году составил Ф. Аргенти, секретарь флорентийского консульства в Стамбуле, а первой европейской грамматикой стала Грамматика итальянского монаха Пиетро Феррагути (1611 г.) [5, с. 11]; через год, в 1612 году, появилась работа немецкого автора Hieronimus Megiser, которая называлась «*Institutiones Linguae Turcicae*». В 1884 году выходит исследование Дж. В. Редхауса «*A Simplified Grammar of Ottoman-Turkish Language*». После Первой мировой войны интерес к Турции резко усилился, появляется много грамматик турецкого языка. В качестве примера можно привести работу французского тюрколога Жана Дени «*Grammaire de la Langue Turque (dialecte osmanli)*» (Paris, 1921) [3, с. 4].

В России первое пособие для изучения турецкого языка появилось в XVIII веке, а первые работы по грамматике появляются примерно в то же время, что и в Европе. Первой грамматикой турецкого языка, вышедшей на русском языке, была книга И. В. Холдермана «Турецкая грамматика» (1777 г.). Большим событием в истории изучения турецкого языка в России явился выход в свет труда М. А. Казем-бека «Общая грамматика турецко-татарского языка» (1839 г., 1846 г.).

В 20–30-х гг. выходят работы А. Н. Самойловича «Краткая грамматика современного османско-турецкого языка» (1925 г.), В. А. Гордлевского «Грамматика турецкого языка» (1928 г.) и др.

После этого, особенно начиная с 1941 года, в России появляется много учебных грамматик и словарей турецкого языка. В 1934 году появляется первая серьезная работа в этой области – «Грамматика современного турецкого языка» Х. Джевдет-заде и А. Н. Кононова, а за ней в 1939 году выходит книга Н. К. Дмитриева «Строй турецкого языка».

После Второй мировой войны в отечественной тюркологии начинается бум. Свет увидело большое количество исследований, словарей, статей и учебников по турецкому и другим тюркским языкам: Малов С. Е. «Древние и новые тюркские языки» (1952 г.) [18], Кононов А. Н. «Очерк истории изучения турецкого языка» (1976 г.) [6], Баскаков А. Н. «Теоретическая грамматика турецкого языка» (1983 г.) [1], Садыков Г. «Некоторые заметки относительно развития турецкого литературного языка до XIX века» (Баку, 1976 г.) [7], Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис» (1986 г.) [14], Кондратьев В. Г. «Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв.» [16], Грунина Э. А. «Историческая грамматика турецкого языка. (Морфология)» (1991 г.) [4], Кормушин И. В. «Древние тюркские языки» (Абакан, 2004) [17], Щека Ю. В. «Практическая грамматика турецкого языка» (2007 г.) [11], Сарыгёз О. В. «Турецкий язык. Практическая грамматика в таблицах» (2010 г.) [19] и др.

ВЫВОДЫ

Завершая данное исследование, необходимо сделать некоторые выводы.

Ни для кого не является секретом то, что формирование грамматического и лексического строя турецкого языка напрямую связано с развитием истории языка и народа.

Процесс формирования турецкого языка и его развития имеет ряд особенностей, которые существенным образом влияют на характер взаимопонимания в рамках монологической коммуникации, в ряде случаев сводя его на нет [9, с. 233].

Турецкий язык относится к активно развивающимся языкам с агглютинативным грамматическим типом и фонетическим сингармонизмом.

Современный турецкий язык развивается в соответствии с реформами, провозглашенными первым президентом Турецкой Республики Ататюрком в ходе реформирования страны при переходе от халифатского устройства Османской империи к светскому государству. Главными шагами, предпринятыми в процессе реформирования турецкого языка, стал переход от арабского алфавита к латинскому. Одновременно созданное в целях осуществления языковой политики и языкового строительства Турецкое лингвистическое общество развернуло борьбу с заимствованиями на всех языковых уровнях – от лексики до грамматики; изучение турецкого языка в самой Турции и за ее пределами принимает невиданные доселе масштабы; появляется большое количество трудов отечественных и зарубежных исследователей.

Список литературы

1. Баскаков А. Н. Теоретическая грамматика турецкого языка / А. Н. Баскаков. – М.: Воен. ин-т, 1983. – 288 с.

2. Васильев Л. С. История Востока: в двух томах. Учебник для студентов вузов / Л. С. Васильев. – М.: Высш. шк., 1994. – Т. 1. – 495 с.
3. Гениш Э. Грамматика турецкого языка. Фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания. Т. 1 : Язык, грамматика, фонетика, слова, имена существительные, имена прилагательные, местоимения, наречия / Э. Гениш. – М.: Книжный дом «Либриком», 2010. – Т. 1, изд. 2-е. – 232 с.
4. Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка. (Морфология) / Э. А. Грунина. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 224 с.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1956. – 572 с.
6. Кононов А. Н. Очерк истории изучения турецкого языка / А. Н. Кононов. – Л., 1976. – 120 с.
7. Садыков Г. Некоторые заметки относительно развития турецкого литературного языка до XIX века / Г. Садыков // Уч. зап. АГУ им. С. М. Кирова. – Баку, 1976. – 161 с.
8. Турецко-русский словарь / Подготовили: А. Н. Баскаков, Т. З. Голубева и др. – Стамбул: Мультилингвал, 1994. – 950 с.
9. Штанов А. В. Территориальные, возрастные и профессиональные аспекты лексической вариативности в современном турецком языке / А. В. Штанов // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. Сборник статей. В 2 ч.: четвертый межвуз. семинар по лингвострановедению. – 2006. – Ч. 1: Языки в аспекте лингвострановедения. – С. 232–242.
10. Шепелева Е. В. Этапы формирования английского языка / Е. В. Шепелева // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 278–280.
11. Щека Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка / Ю. В. Щека. – М.: Изд-во: АСТ, 2007. – 672 с.

На иностранных языках

12. Bangoğlu T. Turkçenin grameri / T. Bangoğlu. – Ankara, 1990. – 628 p.

Электронные ресурсы

13. Алтайское языкознание. [Электронный ресурс]: URL: <http://altaica.ru/papers.php>
14. Гаджиева Н. З., Серебrenников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. – М.: Наука, 1986. [Электронный ресурс]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/turks/Gadzhieva_Serebrennikov_Syntax.pdf
15. Ежемесячный научный журнал Серия «Востоковедение. Африканистика» № 8/09. [Электронный ресурс]: URL: http://rggu.com/upload/main/veŝnik/pmorv/Veŝnik-8_09.pdf
16. Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. [Электронный ресурс]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/Kondratiev_OTGrammar.pdf
17. Кормушин И. В. Древние тюркские языки. – Абакан, 2004. [Электронный ресурс]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/kormushin/kormushin_old_turkic_languages.pdf
18. Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1952, том XI, вып. 2, с. 135–143. [Электронный ресурс]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/AN_SSSR/malov1.pdf
19. Сарыгёз О. В. Турецкий язык. Практическая грамматика в таблицах. – М.: Восточная книга, 2010. – 417 с. [Электронный ресурс]: URL: http://www.bibliorossica.com/book.html?search_query=ba&currBookId=4067., ЭБС «Библиороссика».
20. Севортян Э. В. Из истории развития советской тюркологии. (Памяти Н. К. Дмитриева) // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1955, том XIV, вып. 2. [Электронный ресурс]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/AN_SSSR/sevort1.pdf

References

1. Baskakov A. N. Theoretical grammar of Turkish (M., 1983), p. 288.
2. Vasilyev L. S. East history: in two volumes. The textbook for students of higher education institutions. (M., 1994), p. 495.
3. Genish E. Grammar of Turkish. Phonetics, morphology, etymology, semantics, syntax, spelling, punctuation marks. T. 1: Language, grammar, phonetics, words, nouns, adjectives, pronouns, adverbs (M., Book house «Libriky», 2010), p. 232.
4. Grunina E. A. Historical grammar of Turkish. (Morphology) (M., MSU publishing house, 1991), p. 224.
5. Kononov A. N. Grammatik's canons of the modern Turkish literary language (M.-L., Publishing house of Academy of Sciences, 1956), p. 572.
6. Kononov A. N. Sketch of history of studying of Turkish (L., 1976), p. 120.
7. Sadykov G. Some notes concerning development of the Turkish literary language till the 19th century, Scientific Notes of O. M. Kirov ASU (Baku, 1976), p. 161.
8. The Turkish-Russian dictionary (Istanbul, Multilingual, 1994), p. 950.
9. Shtanov A. V. Territorial, age and professional aspects of lexical variability in modern Turkish, Lingvostranovedeniye: methods of the analysis, technology of training. Collection of articles. In 2 h.: fourth interhigher education institution, a seminar on a lingvostranovedeniye (2006), p. 232–242.
10. Shepeleva E. V. Stages of formation of English, Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. i V. G. Belinskogo, № 23 (2011), p. 278–280.
11. Cheek Yu. V. Prakticheskaya grammar of Turkish (M, Publishing house: Nuclear heating plant, 2007), p. 672.

In foreign languages

12. Bangoglu T. Grammar of Turkish (Ankara, 1990), p. 628.

Electronic resources

13. Altai linguistics. [Electronic resource]: URL: <http://altaica.ru/papers.php>
14. Gadzhiyeva N. Z., Serebrennikov B. A. Sravnitelno-istoricheskaya grammar of Turkic languages. Syntax (Nauka, 1986), [Electronic resource]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/turks/Gadzhiyeva_Serebrennikov_Syntax.pdf
15. Monthly scientific Series magazine «Oriental studies. African Studies» (No. 8/09), [Electronic resource]: URL: http://rggu.com/upload/main/veŝtnik/pmorv/Veŝtnik-8_09.pdf
16. Kondratyev V. G. Grammatical system of language of monuments of drevnetyurksky writing of the VIII–XIth centuries [Electronic resource]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/Kondratiev_OTGrammar.pdf
17. Kormushin I. V. Classic Turkic languages (Abakan, 2004), [Electronic resource]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/kormushin/kormushin_old_turkic_languages.pdf
18. Malov S. E. Classic and modern Turkic languages, News of Academy of Sciences of the USSR, volume XI, issue 2 (1952), p. 135–143, [Electronic resource]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/AN_SSSR/malov1.pdf
19. Sarygyoz O. V. Turkish Practical grammar in tables (M., 2010), p. 417, [Electronic resource]: URL: http://www.bibliorossica.com/book.html?search_query=ba&currBookId=4067, EBS “Bibliorossika”
20. Sevortyan E. V. From history of development of the Soviet tyurkologiya, News of Academy of Sciences of the USSR, volume XIV, issue 2 (1955), [Electronic resource]: URL: http://altaica.ru/LIBRARY/AN_SSSR/sevort1.pdf

Shucrinov S. D. The main stages of formation of the Turkish grammar / S. D. Shucrinov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 484–493.

The article deals with the interrelation between history of development of the Turkish language and formation of its grammar structure and the way how geographical position and political influence affected its formation. The short list of Turkish, West-European and native authors' works in the sphere of Turkish grammar is also represented in this article. The features are studied and also the adequate conclusions are made in this article.

The Turkish language belongs to comparatively young and actively developing languages with agglutinative grammar structure and vowel harmony.

Modern Turkish develops according to the reforms which were proclaimed by the 1st president of the Turkish Republic Atatürk during the country's reformation in the transition from the caliphate government of the Ottoman Empire to the temporal country. The transition from the Arabic alphabet to the Latin one was one of the main steps, which were taken to reform the Turkish language. At the same time the Turkish Language Association, which was founded with a view to realize the language policy and language building, began fighting against the borrowings. The learning of the Turkish language took hitherto prodigious scales. So a lot of works in the sphere of Turkish grammar were written. Researchers began using the French scheme of grammar structurization and gradually declined the Arabic methods. This situation brought the results:

- Parts of speech are subdivided not into three, but into seven, eight and nine parts;
- More attention is paid to studying syntax;
- A more detailed interpretation of the separate categories etc.

Keywords: the Turkish language, history, history of Turkish, grammar, periodization, the Arabic language, reform.

УДК 811.222.1'373

МЕСТО ОТЫМЁННЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Сухорукова А. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Таврическая академия
E-mail: allapersik@gmail.com*

Статья посвящена последним тенденциям словообразования в персидском языке и такому его малоизученному аспекту, как образование отымённых глаголов, уделяется внимание истории данного вопроса и современному его состоянию. Работа снабжена достаточным количеством примеров на материале персидской лингвистической терминологии.

Ключевые слова: персидский язык, отымённые глаголы, лингвистическая терминология, словообразование.

ВВЕДЕНИЕ

Отымённым глаголом называется тот, который был образован от основы существительного. Такой глагол может именоваться также деноминативным, отсубстантивным или постноминальным [1, 304–305]. В персидском языке (ПЯ) отымённое словообразование достаточно распространено и в той или иной мере употребляемо при создании различных частей речи.

Целью данной работы является изучение места отымённых глаголов в персидском языке на материале лингвистической терминологии. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить место отымённого способа образования глаголов в персидском языке, проанализировать имеющиеся исследования отечественных и зарубежных авторов по данной теме, определить специфику отымённого способа образования глаголов в ПЯ на материале лингвистической терминологии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Научная лексика персидского языка – это открытая система, постоянно пополняющаяся новыми элементами и лексическими единицами. Быстрые темпы обогащения словаря научной лексики вынудили термиологов обратить пристальное внимание на проблему словообразования в персидском языке. Выяснилось, что глагольная лексика персидского языка не в силах отобразить все вариации отглагольных лексем при переводе, к примеру, с английского языка.

Классическим примером тому может служить перевод ряда производных терминов от лексемы *ion* (*ион*): *ionize* (*ионизировать*), *ionized* (*ионизированный*), *ionizing* (*ионизирующий*), *ionizable* (*ионизируемый, способный к ионизации*), *ionizability* (*способность к ионизации*), *ionization* (*ионизация*), *ionizer* (*ионизатор*) и др. М. Р. Батени относительно данного ряда отглагольных форм пишет, что образование глагола от

существительного *ion* (*ион*) в английском языке позволило создать все необходимые термины. Но в персидском языке ввиду отсутствия адекватного лексического эквивалента возникает необходимость использовать сложные глагольные конструкции, что приводит к излишнему нагромождению лексических единиц [3, 46]. Однако искусственное создание отымённого глагола *یونیدن* позволило решить данную проблему. Этот глагол можно встретить в опубликованном в 1990 году словаре А. Пурджавади, следующее издание словаря пополнилось уже новыми отглагольными формами, такими как *یونیده* (*ionized*), *یونیدنی* (*ionizable*), *یوننده* (*ionizing*), *یونش* (*ionization*) [4]. В настоящее время эти и новые отглагольные формы искусственного неологизма *یونیدن* активно применяются Академией персидского языка и литературы (АПЯЛ) при создании новых и рекомендации к применению старых терминов. Так, в словарях АПЯЛ начиная с 2005 года (2-й том рекомендованных к употреблению терминов) и далее регулярно встречаются различные отглагольные формы этого неологизма.

Глаголы в ПЯ по структуре принято делить на простые, префиксальные (превербиальные) и сложные. По происхождению простые делятся на два вида – первичные и отымённые. Первичные глаголы более в языке не образуются. Вопрос недостатка простых глаголов в научной лексике не раз поднимался известными иранскими лингвистами. Так, М. Р. Адель в своей статье под названием «Глагол в персидском языке» отмечает, что «число простых глаголов с каждым днем становится меньше, в то время как использование сложных глаголов находит всё большую популярность. Настолько, что порой в нескольких предложениях подряд нельзя найти ни одного простого глагола...» [10].

Вопросом численности простых, а также отымённых глаголов не раз задавались иранские ученые. Известный иранский ученый П. Н. Ханлари в своем труде «История персидского языка» попытался дать полный список всех простых глаголов персидского языка, для чего ему пришлось обработать множество устных и письменных источников. В полученный список вошли 277 простых глаголов. Однако, по мнению М. Р. Батени, даже беглый взгляд на представленный список дает понять, что очень большое количество из этих глагольных лексем устарели и не используются [3, 50]. Иные данные представлены С. А. Табатабаи. По его утверждению, общее число простых глаголов в персидском языке не превышает 300, причем отымённых глаголов среди них не больше шестидесяти [9, 20].

Учитывая столь большие расхождения, для установления точного числа простых глаголов, использующихся на сегодняшний день, дополнительно было проведено три независимых исследования. Авторами их стали молодые ученые-студенты Тегеранского университета: П. Гафури, А. Ш. Фаршчи, Э. Садиги-Эрфаи. Обобщённый результат работы исследователей показал, что число простых глаголов, активно употребляющихся в современном персидском языке, не превышает 115 единиц. С учётом малоупотребимых простых глаголов список у различных исследователей увеличивался до 150–200 единиц [3, 50].

Вопросом состояния и тенденций развития глагольной лексики в пехлевийскую и последующие эпохи интересовались А. А. Садеги, М. Р. Батени, М. Х. Молайери,

Я. Мансури и другие. Садеги и Батени пришли к выводу, что в пехлевийском языке были распространены как простые, так и сложные глаголы. Также стала проследиваться тенденция к снижению употребления простых глаголов в пользу сложных. А. А. Садеги в одной из своих статей отмечает, что в среднеперсидском языке «не было тенденции к созданию простых глаголов, а малое количество отыменных глаголов, образованных от арабских основ, – яркое тому подтверждение» [8, 242]. Зато «первые века после ислама персидский язык охватила мода на образование сложных глаголов, что говорит о начале этого процесса в еще доисламскую эпоху» [8, 242]. В то же время Садеги утверждает, что традиция образования простых глаголов более древняя, чем традиция образования сложных глагольных конструкций [8, 239].

Несколько иной взгляд на развитие глагольной лексики имеет иранский ученый Молайери. Он отмечает, что образование отыменных глаголов – не новое явление в персидском языке, а скорее характерная его особенность [12, 47–48]. По мнению Молайери, отыменные глаголы создавались по мере необходимости в процессе развития языка с давних времен. В определенной степени о состоянии пехлевийского или среднеперсидского языка можно судить по сохранившемуся дари – прямому наследнику этих языков. «Пехлевийский язык имел большой флективный потенциал, от имён существительных, прилагательных, наречий и местоимений образовывались основы для глаголов. Несомненно, что в пехлевийском языке присутствовали сложные глаголы и глагольные обороты – пехлевийский язык, как и дари, обладал потенциалом для их образования. Однако количество данных глагольных конструкций не сравнимо по численности с простыми глаголами» [12, 48].

По мнению Молайери, именно арабское завоевание послужило причиной снижения числа простых отыменных глаголов в персидском языке. Ввиду распространения арабского языка употребление традиционных глагольных форм постепенно стало выходить из употребления. В период с начала арабского завоевания и до XIII века сохраняются многие традиционные для пехлевийского языка грамматические правила и формы, число простых глаголов превалирует, но со временем начинает сказываться влияние арабского языка – трудности в адаптации арабских слов к персидской грамматике приводят к росту числа сложных глаголов. С XIII века выходит из употребления часть префиксальных глаголов, а простые глаголы начинают уступать место сложным [12, 48].

Детально описать особенности появления и употребления отыменных глаголов в пехлевийском языке удалось Я. Мансури. Исследователь пришла к выводу, что отыменные глаголы в текстах на среднеперсидском языке использовались преимущественно при толковании философских, религиозных и других научных понятий, что позволило ей утверждать об искусственном создании данных лексем в ходе цитирования или при переводе текстов с других языков на среднеперсидский [13, 110]. Мансури отмечает, что отыменные глаголы этого периода образовывались от имён существительных, прилагательных, наречий, местоимений и даже префиксов и предлогов [13, 110].

МЕСТО ОТЫМЁННЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ
В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Как видим, изучением проблемы отыменных глаголов занималось немалое число ученых. Что же касается возможности возрождения традиции образования отыменных глаголов, то мнения учёных значительно расходятся. Так, Молайери и Табатабаи подчеркивают, что отыменные глаголы, в отличие от сложных, часто обладают семантической непрозрачностью. По мнению Молайери, этот вид лексем скорее подходит для языка, представляющего собой определенную семантическую систему. К примеру, с первого раза нельзя определить, какое конкретно значение имел бы глагол کتابیدن *ketābidan* – «писать книгу», «издавать книгу», «читать» или что-нибудь иное. Ученый считает, что подходящим языком для функционирования такого рода новых глагольных лексем может стать язык науки, в котором системность значений играет важную роль [12, 48]. Табатабаи также отмечает, что необходимость в простых глаголах в последние десятилетия возникает скорее в связи с необходимостью восполнения пробелов в научной лексике, чем в разговорном языке [9, 21].

Одним из первых указал на возможность создания новых отыменных глаголов Ахмед Кесрави. В опубликованной в 1943 году его работе «Чистый язык» он говорит, что при подборе пуристических замен для иноязычных глаголов предпочтение следует отдавать образованию простых по структуре персидских глаголов. Например, вместо сложного глагола с арабизмом в качестве его именной части قضاوتکردن (*судить*) он предложил неологизм на основе староиранской лексемы داورزیدن, а вместо محاکمهکردن (*вести судебное дело*) неологизм تاهیدن [2, 33]. Однако неологизмы Кесрави не закрепились в языке.

Попытки Кесрави продолжил Голямхосейн Мосахеб. В своих трудах «Словарь географических терминов» (1959) и «Энциклопедия персидского языка» (1966) он впервые употребил новые глагольные лексемы. Отыменные глаголы Мосахеба были образованы от имён существительных и прилагательных персидского и арабского происхождения, некоторые имели латинские корни [9, 21]. Неудачные попытки создавать отыменные глаголы предпринимал иранский философ М. Хумен. Его термин فلسفیدن (*философствовать*) не пришелся по вкусу общественности и был отвергнут. Призывы к созданию новых терминов – отыменных глаголов М. Мокаддама имели пуристический оттенок. Ученый подчеркивал необходимость в исконно персидском происхождении основы для отыменных глаголов [3, 58].

Известный ученый и преподаватель языковедения Тегеранского университета А. М. Хакшенас осветил данную проблему в ряде статей из своего сборника «Персидский язык и литература на рубеже традиций и современности» (*Zabān-o-adab-e fārsi dar gozargāh-e sonnat va modernite* زبانواديفارسيدرگذرگاهسنتومدرنيتها) [6]. Следует отметить, что ученым также предпринимались попытки создания новых терминов – отыменных глаголов, о которых мы упомянем позже.

В конце XX века внимание общественности к вопросу отыменных глаголов привлек известный иранский ученый М. Р. Батени. В 1993 году в 33-м номере журнала «Адине» вышла его статья под названием «Персидский язык – бесплодный?». В ней автор отмечал, что «самым важным и продуктивным способом словообразования в научной сфере является создание отыменных глаголов... Только

путём создания глагола можно разом решить проблему нехватки лексики в языке науки» [3, 58].

В 1999 году серьезное исследование потенциала отыменных глаголов с позиции стандартной теории порождающей грамматики и синтаксической Х-штрих теории провел М. М. Вахе́ди-Лангруды, преподаватель кафедры лингвистики университета Тарбият модарес [14].

Несмотря на значительное число сторонников создания отыменных глаголов, в научных кругах Ирана можно встретить и ярых противников этого движения. К таким ученым относятся известнейшие иранские лингвисты Х. Фаршидвард и М. Дж. Шариат. Фаршидвард называет этот способ словообразования «неуместным подражанием иностранным грамматическим конструкциям», «подделывание глаголов, противоречащее духу персидского языка» [14, 104]. По мнению Фаршидварда, персидский язык естественным путем в ходе своего исторического развития выбрал способы словообразования для создания двухструктурных типов глаголов – сложный глагол и глагольный оборот [14, 104]. М. Дж. Шариат также отвергает данный способ словообразования для восполнения лексических пробелов в языке науки [7].

В лингвистической терминологии сосуществуют несколько вариантов названий для передачи понятия «отыменный глагол». Интересно, что само отношение лингвистов к возможности создавать неологизмы – отымённые глаголы – определяет их выбор того или иного варианта. Так, Садеги использует термин *فعل اسمی* (отымённый глагол), Батени – *فعل تبدیلی* (отымённый глагол, преобразованный глагол), Фаршидвард – *فعل جعلی* (фальшивый глагол) или *فعل صناعی* (искусственный глагол).

Развитие науки и активный процесс глобализации привёл к росту внешнего влияния на персидский язык. Попытки ревнителей чистоты языка создавать пуристические замены выявили необходимость обращения ко всем словообразовательным резервам персидского языка. В случае необходимости создания глаголов-неологизмов, в том числе и от иноязычной именной основы, традиционно следовали по пути образования сложных глаголов, добавляя лишь соответствующий компонирующий глагол. Однако вскоре стало очевидным, что отдельные лексемы, создаваемые на базе новых сложных глаголов, не отличаются лаконичностью.

Но и путь создания отыменных глаголов-неологизмов не является универсальным ввиду некоторых причин, в том числе указанных выше. Поэтому, помимо преимущественного пути создания сложных глаголов, иранские терминологи для заполнения языковых лакун прибегают также к методу расширения значения уже имеющихся или вышедших из употребления простых глаголов.

Приведём несколько примеров из лингвистической терминологии современного персидского языка. Так, для иностранного термина со значением «расщепленное предложение» в персидской терминологии имеется несколько терминов, образованных от сложных и простых глаголов: *جمله اسنادی شده jomle-yeesnādishode* (образован от сложного глагола *اسنادی شدن esnādishodan*), *جمله شکافته jomle-yeshekoftē* (образован от простого отыменного глагола *شکافتن shekāftan* с основным значением «раскалывать, раскалываться»), *جمله گسسته jomle-yegosašte* (образован от простого глагола *گسیختن*

gosikhtan с основным значением «рвать, рваться»).

Для иностранного термина со значением «аффиксация» (как процесс) в персидской терминологии имеется два термина: *پیوند زدن peyvandzadan* (от сложного глагола со значением «присоединять») и *چسباندن chasbāndan* (от простого отыменного глагола со значением «приклеивать»). Оба эти термина были выбраны А. М. Хакшенасом для обозначения новых понятий при переводе книги Роберта Х. Робенса «Краткая история лингвистики» [5].

А. М. Хакшенас также является автором еще двух уникальных терминов в области лингвистики. Эти термины еще не успели прочно закрепиться в терминологии, однако обладают потенциалом ввиду их лаконичности и производности.

Первый термин используется для обозначения понятия «субстантивировать» – *اسمیدن esmidan*. Он образован от устоявшегося грамматического термина арабского происхождения – *اسم esm* (имя). Наряду с ним используется целый ряд синонимов, по структуре относящихся к сложным глаголам и даже глагольным оборотам: *به اسم تبدیل کردن beesmtabdilkardan*, *اسم ساختن esmsākhtan*, *نامگون گشتن nāmgungashtan*, *نامگون ساختن nāmgunsākhtan*.

Второй термин используется для обозначения понятия «превращать в глагол, вербализовать» – *فعلیدن fe'lidan*. Он также образован от старого грамматического термина арабского происхождения *فعل fe'l* (глагол). Наряду с ним используется целый ряд синонимов, по структуре относящихся к сложным глаголам и глагольным оборотам, в том числе: *فعل گون گشتن fe'lgungashtan*, *فعل گون ساختن fe'lgunsākhtan*, *به فعل تبدیل کردن befe'ltabdilkardan*.

Для терминотворчества данные глаголы имеют важное значение, так как один простой глагол может стать основой для образования более десяти новых терминов-слов, выраженных разными частями речи. От сложных глаголов также создаются производные термины, однако они намного уступают простым по лаконичности. Так, от вышеупомянутого сложного термина *فعل گون گشتن fe'lgungashtan* «вербализовать, преобразовывать в глагол» образован довольно объемный термин *فعل گون گردی fe'lgungardi* «вербализация»; от сложного термина *فعل گون ساختن fe'lgunsākhtan* образован объемный термин *فعل گون سازی fe'lgunsāzi* «вербализация». По тому же принципу созданы и следующие термины: *اسم سازی esmsāzi* «субстантивация» (от сложного глагола *اسم ساختن esmsākhtan*), *نامگون گردی nāmgungardi* (от сложного термина *نامگون گشتن nāmgungashtan*), *نام گون سازی nāmgunsāzi* (от сложного термина *نامگون ساختن nāmgunsākhtan*). Очевидно, что громоздкость указанных терминов не будет способствовать росту их популярности в среде специалистов.

ВЫВОДЫ

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что отымённые глаголы имеют давнюю историю функционирования в персидском языке. До недавнего времени возможность образования новых отымённых глаголов даже не рассматривалась специалистами. Однако с середины XX века в связи с активизацией терминотворческого процесса в Иране отдельные лингвисты указали на перспективы

отымённой модели создания новых глаголов. В настоящее время в среде иранских языковедов нет единства взглядов по данному вопросу. Тем не менее многие неологизмы – отымённые глаголы – постепенно входят в употребление как в сфере научной терминологии, так и в разговорном языке.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Сухоруков А. Н. Инновации Ахмеда Кесрави в области иранской филологии // Научная дискуссия: инновации в современном мире: сб. ст. по материалам XLV Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: инновации в современном мире». – № 1 (44). Часть 2. – М.: Изд. «Интернаука», 2016. – С. 25–35.
3. باطنی محمد رضا. فارسی زبانی عقیم؟ // پیرامون زبان و زبان‌شناسی. مجموعه مقالات. – تهران، آگه، 1385. – ص. 136.
4. پورجوادی علی. واژگان‌شیمیومهندسی‌شیمی (انگلیسی - فارسی، فارسی - انگلیسی). – تهران: مرکز نشر دانشگاهی، 1392. – 1066 ص.
5. حوقشناس علی محمد. تاریخ مختصر زبان شناسی (ترجمه). آر.ا.ج. روبینز، نشر مرکز، تهران، 1370.
6. حوقشناسعلیمحمد. زبان و ادب فارسی در گذرگاه سنت و مدرنیته. – نشر آگه 1382. – ص. 302.
7. شریعت محمد جواد. نقد و تحلیل لغات و ترکیبات نو // مجموعه مقالات سمینار زبان‌فارس‌سیوزبان‌علم. زیر نظر علی‌کافی. 1372.
8. صادقی علیاشرف. درباره فعل‌های جعلی در زبان فارسی // مجموعه مقالات سمینار زبان فارسی و زبان علم. زیر نظر علی‌کافی. 1372.
9. طباطبایی سید علاء‌الدین. فعل بسیط و مرکب در زبان فارسی. // نشر دانش. فصلنامه فلسفی، ادبی، تاریخی. – سال نوزدهم، شماره دوم، تابستان 1381 – شماره پیاپی 101. ص. 20-24.
10. عادل محمد رضا. فعل در زبان فارسی // آموزش ادب فارسی، تهران، بهار و تابستان 1367.
11. فرشیدورد، خسرو. دستور مفصل‌امروز بر پایه زبان‌شناسی جدید: شامل پژوهش‌های تازه‌ایدیواریتاز و اشناسیو صرفونحو فارسی معاصر و مقایسه‌آ نبقوا عددستوری... / نگار شخصرو فرشیدورد. – تهران: سخن، 2003. – 703 ص.
12. ملایری محمد حیدری. بحثی درباره صرف فعل در زبان علمی فارسی. کتاب امروز، پاییز 1352 – ص. 45-48.
13. منصوری بدالله. بررسی ساختار فعل‌های جعلی در فارسی میانه و فارسی دری // نامه فرهنگستان: بهمن 1382، دوره 6، شماره 2 (پیاپی 22) – ص. 108 – 124.
14. واحدینگرودی، محمد مهدی. بررسی مقایسه‌خیرایند هابواژ هساز یدرزبان‌فارسی // مجموعه مقالات نخستین هم‌اندیشی‌مسائلواژ مگزینوا صطلاح‌شناسی، فرهنگستان زبان، مرکز نشر دانشگاهی: تهران، 1378. – ص. 95-136.
15. همایون‌نهادخت. واژهنام‌زبان‌شناسیو علومواسته (باتجدیدنظر و اضافات) پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی، تهران 1379. – 688 ص.

References

1. Akhmanova O. S. Dictionary of linguistic terms. – M.: Soviet Encyclopedia, 1969. – 608 p.
2. Sukhorukov A. N. Innovation of Ahmad Kasravi in Iranian philology // Scientific discussion: Innovation in the Modern World: Sat. Art. Materials XLV International scientific-practical conference «Scientific discussion: Innovation in the Modern World». – № 1 (44). Part 2 – Moscow: Pub. «Internauka», 2016. – P. 25–35.
3. Bateni M. R. Is Persian language sterile? // On language and linguistics. Essay collection. – Tehran, Agah, 1385. – 136 p.
4. Purjavadi Ali. Chemistry and Chemical Engineering vocabulary (English – Persian, Persian – English). – Tehran, University Publishing Center, 1392. – 1066 p.
5. Haghshenas Ali Mohammed. A Brief History of linguistics (translation). R. H. Robins, Publishing center, Tehran, 1370.
6. Haghshenas Ali Mohammed. Persian Language and Literature at the crossing between tradition and modernity. – Agah Publishing 1382. – P. 302.
7. Shariat Mohammed Jawad. Review and analysis of new words and formations // Collection of Persian language and the language of science seminar papers. Edited by Ali Kafi. 1372.

**МЕСТО ОТЫМЁННЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ
В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

---

8. Ali Ashraf Sadeghi. About denominative verbs in Persian language // Persian language and the language of science seminar papers collection. Edited by Ali Kafi. 1372.

9. Tabatabai Seyed Aladdin. Simple and compound verbs in Persian language // Nashr-e danesh. Journal of philosophy, literature and history. – 19th year, second edition, 1381 – serial number 101. – P. 20–24.

10. Adel. M. R. Verb in Persian language // Persian literature Training, Tehran, Spring and Summer 1367.

11. Farshydvard Kh. Modern comprehensive grammar upon new linguistics view: including new researches on phonetics and grammar of contemporary Persian and comparing it with grammar... / Frshydvrđ Kh. view – Tehran: Word, 2003. – 703 p.

12. Malayeri Mohammad Heydari. Debate about verb conjugation in Persian language of science. Book today, Fall 1352. – P. 45–48.

13. Mansouri Yadu'llah. Study of fake verb structure in Middle Persian and Farsi- Dari // Name-ye Farhangeštan: April 1382, Volume 6, Number 2 (22). – P. 108–124.

14. Langroodi vahedi, Mohammad Mehdi. Study and comparison of some word-formation processes in the Persian language and terminology // Proceedings of the first seminar Vazhehgozyny issues, Academy of Language, Markaze nashreh daneshgahy: Tehran, 1378. – P. 95–136.

15. Hamayoon Hamadokht. Glossary of linguistics and related sciences (with revisions and additions) Institute for Humanities and Cultural Studies, Tehran, 1379. – 688 p.

Sukhorukova A. V. Place of denominative verbs in Persian language termformation in the context of linguistic terminology / A. V. Sukhorukova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 494–502.

Verbs in Persian language are usually divided according to their structure into simple verbs, prefix verbs and phrasal verbs. There are two types of simple verbs according to the origin: primary and denominative. The primary verbs are not produced in language anymore.

Ahmed Kesravi was the first to point out the possibility of developing new denominative verbs. In his work «Pure language», published in 1943 he says that in process of choosing puristic equivalents for foreign verbs the preference should be given to developing simple verbs. For example, instead of the complex verb قضاوت کردن (to judge) with arabism as its verbal base he proposed a neologism on the basis of old Iranian lexeme داورزیدن and instead of محاکمه کردن (to prosecute a case) he proposed a neologism تاهیدن [2, 33]. However Kesravi's neologisms have not found their place in language.

Kesravi's tries were continued by Gholamhossein Mosaheb. For the first time he used new verbal lexemes in his works «Dictionary of geographic terms» (1959) and «Encyclopedia of Persian language» (1966).

Unsuccessful attempts to create denominative verbs were also taken by the Iranian philosopher M. Humen. His term فلسفیدن (to philosophize) was not appreciated by public and was rejected. Calls for the creation of new terms - denominative verbs by M. Mokaddam had a purist color. The scientist stressed the need for the native Persian basis of denominative verb [3, 58].

Despite the large number of supporters of creating denominative verbs, ardent opponents of this movement can also be found in academic circles of Iran. These scholars include prominent Iranian linguists H. Farshidvard and M. J. Shariat.

There are many names in linguistic terminology for the concept «denominative verb». Interestingly, the attitude of linguists to the ability of creating neologisms – denominative verbs determines their choice of a particular variant of the term. Thus, Sadeghi uses the term فعلاسمى (denominative verb), Baten – فعلتبدیلی (denominative verb, verb converted) Farshidvard – فعلجعلی (fake verb) or فعلصناعی (artificial verb).

The development of science and an active process of globalization has led to the growth of external influence on the Persian language. Attempts to create puristic replacements by zealots of language purity revealed the need to appeal to all the word-formation reserves of the Persian language. In order to create verbal neologisms including those from foreign-language nominal stem it was a traditional practice to make complex verbs, adding an appropriate linked verb. However, it soon became apparent that some lexemes which were created on the basis of new complex verbs do not differ by laconicism.

But the way of denominative verbs – neologism creation is also not universal because of certain reasons, including those mentioned above. Therefore, in addition to the pre-emptive way of complex verbs creation, Iranian terminologists resort to the method of expanding the meaning of existing or out of use simple verbs to fill the language gaps.

Keywords: Persian language, denominative verbs, linguistic terminology, word-formation.

УДК 821.222.1+924

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖАЛАЛАДДИНА РУМИ НА ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ В КРЫМУ

Сухоруков А. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Таврическая академия
E-mail: sankafd2004@gmail.com*

В предлагаемой статье поднимается вопрос о влиянии творчества Дж. Руми и его философских идей на духовную жизнь в Крыму в XIV–XIX вв., рассматривается роль поэзии Руми в формировании оригинальной крымскотатарской литературы, уделяется внимание поэтическим ответам на «Маснави манави» Дж. Руми крымскотатарских авторов, в том числе и на персидском языке. Особое внимание уделено духовным последователям ордена мевлеви на территории Крыма.

Ключевые слова: Джалаладдин Руми, Крым, Каландар-нама, Маснави, мевлеви.

ВВЕДЕНИЕ

Джалаладдин Руми или Балхи (1207–1273), известный также как Мевлана (с арабского «господин наш»), является великим персоязычным поэтом-мистиком, оставившим после себя богатое литературное наследие. Родился он в Балхе, на севере современного Афганистана, но большую часть жизни провёл в Малой Азии, известной тогда как Рум и находившейся под управлением турок-сельджуков. Наиболее известным его произведением считается «Маснави-йи ма’нави» («Поэма о сокрытом смысле»). Это мистико-дидактическая поэма в шести тетрадах, своеобразная энциклопедия суфизма в стихах, названная Абдурахманом Джами «Кораном на персидском языке». Кроме того, Дж. Руми является автором сборника газелей, четверостиший и других коротких поэтических форм общим объёмом около 30 тысяч бейтов, объединённых в «Диван Шамса Табризи». Эти стихи, как отмечает О. Акимешкин, «были написаны большей частью для радений и отличаются высоким эмоциональным настроением, мелодичностью, ритмичностью, экстатическим характером; почти все посвящены беззаветной любви к Богу и мистическим восторгам» [20, 12]. Пояснением к отдельным теоретическим и практическим вопросам из «Маснави» посвящено собрание «Фихи ма фихи» («Здесь то, что здесь (есть)»). Письма Дж. Руми представлены в сборнике «Мактубат», а отдельные проповеди с пояснениями к некоторым хадисам, прославлением Бога и Пророка вошли в собрание «Мава’из ал-маджалис ас-саб’а». Сам Дж. Руми писал мало – собственноручно им записаны лишь «Мактубат» и первые 18 бейтов «Маснави», остальное собрано его учениками, в первую очередь Хусам ад-Дином Челеби и старшим сыном самого Руми – Султаном Веледом.

Школа Руми была сформирована ещё около 1240 года, но после встречи Руми с Шамсом Табризи и полным преображением в 1244 году учение Руми приобретает совершенно иную окраску. Философская глубина содержания «Маснави», ритмичность и мистическая экстатичность многих стихотворных произведений Руми способствовали росту его популярности среди различных слоёв населения Сельджукско-

го султаната. Уже вскоре после смерти Дж. Руми (1273 г.) его ученики формируют новый суфийский орден, получивший известность как «мевлеви», хотя Ибн Баттута, посетивший Конью в 1332 г., называет его «джалилийа» [11, 431]. Церемониальной отличительной особенностью ордена является особое место «сама» – религиозных песнопений с характерными движениями, из-за чего в западном мире орден известен как «братство кружащихся дервишей». Усеинов Т. Б. пишет: «Великий мистик создал суфийскую общину мевлеви, которая в короткий срок стала столь популярной в османском и крымском обществе, что правители данных государств вынуждены были считаться с позицией последователей Руми при решении тех или иных общественных и политических вопросов» [25]. «Концепция мистической любви [Дж. Руми], – продолжает Усеинов Т. Б., – оказала существенное влияние на развитие культуры и литературы средневекового Крыма» [24, 39].

При сельджукидах, как и при последующих династиях, орден мевлеви пользовался всемерной поддержкой султанов, отдельные из которых были его искренними последователями. Это обстоятельство во многом послужило причиной того, что орден был распространён, преимущественно, в пределах влияния турок-сельджуков, а потом османов, в том числе в Крыму.

В настоящей работе будет изучено влияние творчества Джалаладдина Руми и его философских идей на духовную жизнь в Крыму в XIV–XIX веках. Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать деятельность ордена мевлеви на территории Крыма, а также определить место поэзии Руми в формировании оригинальной крымскотатарской литературы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Прежде всего кратко рассмотрим основные этапы исламизации Крыма. Традиция связывает появление первых мусульман на Крымском полуострове с именами двух сподвижников пророка ислама – Малика Аштера и Гази Мансура. Подтвердить это или опровергнуть представляется затруднительным, доподлинно же известно, что в 1222 году после захвата Судака турками-сельджуками всего за две недели там была построена мечеть, поставлены кади, муэдзин и хатиб [10, 103]. Косвенным подтверждением присутствия мусульман в Солхате в первой четверти XIII века является создание там в то время Махмудом Кырымлы поэмы «Юсуф и Зулейха». Последние исследования поэмы говорят в пользу того, что автор был последователем среднеазиатского суфийского шейха Ахмеда Ясави [3, 142]. По свидетельству Э. Челеби, в 1262–1263 гг. в Солхате Бей-Хаджи Умаром Бухари была построена мечеть [14, 83]. Уже через четыре года, как об этом говорится в «Истории Тохта-бая», хан Берке, первый чингизид, принявший ислам, привёл в Крым около 1800 учёных-шейхов из Балха и Бухары, построил им соборные мечети и медресе и наделил их имуществом [19, 7]. В это же время хан Берке привлекает в Крым многих видных проповедников и шейхов из Сельджукского султаната. Государственной религией в Крыму ислам становится только при хане Узбеке (правил в 1313–1341 гг.).

Первое упоминание об учениках и последователях Дж. Руми на территории Крыма связано с именем сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II (1234–1279 гг.). Ещё при жизни Дж. Руми он, покорённый личностью и творчеством поэта, стал его учеником. Однако в результате заговора Кейкавус был свергнут и находился под домашним арестом при византийском дворе. Около 1265 г. по просьбе хана Берке Кейкавус был освобождён и вместе со многими дервишами во главе с Сары Салтуком прибыл в Крым. Хан Берке пожаловал Кейкавусу два города – Солхат и Судак. В этом отношении стоит обратить внимание на два обстоятельства. Первое – что именно в этих двух городах, по указанным выше источникам, уже существовала исламская община. Второе – вопрос, на который хотелось бы получить ответ: почему хан Берке вступился за опального султана, добился его освобождения и отдал ему в управление два крупнейших города? Что связывало хана Берке и Кейкавуса? Учитывая политику хана Берке по привлечению исламских шейхов и проповедников в Крым, а также возможности Кейкавуса в новом статусе в столице Крыма (г. Солхат), нелишним будет предположить, что Кейкавус был далеко не единственным последователем Дж. Руми на Крымском полуострове. Близкое мнение высказывает известный современный исследователь Н. Абдульваапов. Он пишет: «Довольно длительный период проживания Кейкавуса в Крыму даёт основания предполагать, что имя Руми и его творчество, – одна из вершин мировой мистической литературы, – могли стать известными в Крыму уже при жизни поэта» [3, 145].

Следующим фактом, свидетельствующим о пребывании в Крыму последователей Дж. Руми, является написание в первой половине XIV века объёмного поэтического труда на суфийскую тематику – «Каландар-наме». Это произведение лишь недавно оказалось введено в научный оборот и, несомненно, хранит немало интересной и оригинальной информации о Крыме. С 2014 года переводы отдельных глав «Каландар-наме» с комментариями регулярно издаются в журнале «Золотоордынское обозрение».

Автором «Каландар-наме» является Абу-Бакр Каландар, или, как он сам называет себя в тексте, Пир Каландар. Опираясь на слова самого автора, можно говорить о том, что написание её заняло не менее 23 лет (около 1320–1342 гг. и, возможно, позже), а местом составления однозначно называется город Кырым (قریم), столица золотоордынского улуса на полуострове. Именно в этом городе Абу-Бакр, выходец из города Аксарай (Анатолия), выполнял функции имама Соборной мечети.

«Каландар-наме», состоящая из пяти томов и написанная на персидском языке, является поэтическим ответом на «Маснави» Дж. Руми, – она имеет сходную структуру, написана тем же поэтическим метром (маснави) и посвящена тем же темам. Повествование перемежается притчами, наставлениями и некоторыми историческими справками. Помимо отдельных разделов, посвящённых видным суфийским авторитетам, в том числе Джалаладдину Руми и Ф. Аттару (с. 357–358 рукописи), ценность представляет глава, повествующая о встрече автора с Султаном Веледом – старшим сыном Дж. Руми, продолжившим дело отца и руководившим орденом мевлеви до 1312 года (с. 201 рукописи) [21, 151–153].

Ибн Батутта, посетивший Крым в 1333 году, встречался в Солхате с Абу-Бакром, автором «Каландар-наме», о чём сохранилась соответствующая запись. Известно также, что в Солхате в обители Саида Бохарзи Ибн Батутта присутствовал при исполнении «сема» – ритуального танца суфиев [16, 65].

Есть основания полагать, что в конце XIII века ещё одна обитель мевлеви возникла вблизи города Гезлев (современная Евпатория) в западной части Крымского полуострова. Первоначально текие дервишей было деревянным. А когда Гезлев перешёл под управление крымских ханов, то на прежнем фундаменте вместо деревянного текие было возведено каменное. Невдалеке построили Соборную мечеть, известную как мечеть Шукурулла-эфенди, а позднее ещё и медресе [1,16]. Археологические исследования свидетельствуют о неоднократной реставрации текие, начиная с XVII века. При постройке текие использовалась традиционная техника усиления звука посредством размещения в стенах особых керамических сосудов, выполняющих роль резонаторов, – таким образом, чтобы звук, распространяясь из центра помещения, усиленным эхом возвращался из-под верха купола. Подобный звуковой эффект позволял быстрее достичь нужного состояния во время проведения «сема» со специальным танцем и повторением под музыку молитвенных фраз (зикром). По периметру центрального зала текие расположены входы в девятнадцать келий, семь из которых – двойные.

В настоящее время это текие дервишей считается единственным в Европе, сохранившим свой первоначальный вид. В отдельных источниках при упоминании об этой обители используется выражение «текие Одун-базар къапусы» или просто «Одун-базар» по названию самых крупных крепостных ворот Гезлева, за пределами которых, несколько севернее, располагалась обитель дервишей мевлеви. Находившийся в 1666–1667 годах в Крыму турецкий путешественник Эвлия Челеби отмечал чрезвычайную «многолюдность» текие на «Одун-базаре» [26, 90]. Всего в Гезлеве Челеби упомянул три текие.

Сам Э. Челеби был членом ордена мевлеви, и маршрут его путешествия строился, большей частью, на переезде от одного текие к другому. В своих путевых заметках («Сеяхетнаме») он оставил много интересных данных о различных аспектах социально-политической и духовной жизни на Крымском полуострове, его истории и современном ему положении. Примечательно, что его фамилия напрямую говорит о связи с высшей прослойкой представителей ордена мевлеви. Челеби Хусам ад-Дин (ум. в 1284 г.) был ближайшим учеником и доверенной особой Дж. Руми, именно ему Руми диктовал свои стихи и именно он возглавил братство после смерти его духовного основателя. «Челеби» со временем стало обозначать высшую духовную степень, а самого главу ордена мевлеви стали именовать «Челеби-эфенди» [6, 611–614]. История сохранила имена некоторых литературных деятелей крымского ханства, которые носили фамилию Челеби. Наиболее известным является Шуайб Челеби. В их художественных произведениях всегда была заметна суфийская направленность.

Возвращаясь к «Сеяхетнаме» Эвлия Челеби, укажем, что автор путевых заметок старался быть точным и беспристрастным в описании виденного. Так, характеризуя

конфессиональное положение в г. Кафа (современная Феодосия), он пишет: «Короче говоря, так как народ Кефе весь – народ единобожников, то здесь имеются текие братств хальвети, джалъвети, кадири и гольшени. Однако текие братства Мевляны или мевлеви-хане здесь нет». При этом, оценивая в целом положение суфийских орденов в ханстве, он называет орден мевлеви в числе самых влиятельных в Крыму [26, 90]. О степени популярности «кружащихся дервишей» Мевляны в Крыму говорит тот факт, что их мистический танец был заимствован крымскими татарами и трансформировался в народный танец хайтарма [1, 16].

Дервиши любых орденов пользовались большим почтением среди населения. Орден мевлеви отличался от всех особым отношением к нему крымских ханов. В Османской Турции этот орден сохранял тесные отношения с верхушкой страны, считаясь особо приближённым к правителям. В Крыму также с возникновением Крымского ханства орден оказался под покровительством правящей ханской династии Гераев. Орден мевлеви называют самым богатым и привилегированным среди суфиев. Во главе ордена стоял шейх. Власть шейха была наследственной и почти неограниченной [1, 16]. Именно он в «Хан-джами» короновал наследника престола и опоясывал хана мечом Османа.

Всего Э. Челеби указывает на 33 текие различных орденов в Крыму. Наибольшая концентрация их приходилась на Кафу и Бахчисарай (по 9 текие в каждом). Однако окраска орденов в этих местах заметно отличалась. В городе Кафа были представлены «народные» суфийские братства – ни одного текие мевлеви, тогда как в Бахчисарае и его округе их было несколько. Неслучайно центром этого ордена в Крыму считалось текие на городище Эски-Юрт (на территории современного Бахчисарая), где находились мавзолеи некоторых крымских ханов.

Селения, располагавшиеся на месте современного Бахчисарая и в его округе (Эски-Юрт, Салачик и Кырк-Ер) ещё раньше, с середины XIV века, сформировали один из центров ислама в Крыму. По данным Акчокраклы, в 1346 году в Эски-Юрте была возведена мечеть, а затем и медресе [17, 52]. Здесь же были обнаружены, среди прочего, две могильные плиты с надписями на персидском языке. Относились они к концу XIV – началу XV столетий. Примечательно, что одна из надписей (нач. XV в.) – «...از نی او افتادم خون شد جگر من...» [12, 27–28] – обращается к мотиву флейты, столь популярному среди ордена мевлеви.

Известно, что текие в Эски-Юрте было построено при Мехмеде IV (правил в 1641–1644, 1654–1667 гг.), который считался покровителем братства мевлеви. Помимо Мехмеда IV членами суфийских братств (преимущественно мевлеви) были ханы Ислам II (1584–1588), Хаджи Селим I (1671–1678, 1684–1691, 1692–1699, 1702–1704), Шехбаз (1787–1789), принц Халим Герай (ум. 1823), члены семьи Шехбаз Герай (ум. 1836), Саид Герай (1-я пол. XIX в.) и другие [4, 25].

Сохранившиеся данные свидетельствуют, что ханы иногда отдавали своих детей на воспитание суфийским шейхам. Так, например, Ислам Герай II (член братства мевлеви) отдал своего сына Девлета на воспитание (аталычество) шейху Абдурахман-эфенди. О силе и чистоте веры ханов-членов ордена мевлеви можно судить по воспо-

минаниям известного османского шейха XVII в. Мехмеда Ниязи-и Мысри, бывшего в дружеских отношениях с прославленным ханом Хаджи Селим Гераем (ум. 1704). Шейх был в восторге от личности хана (члена ордена мевлеви) и вообще – от крымских татар, считая их веру более искренней и «здоровой» (в сравнении с верой в Бога османов) [4, 20].

Поэзия Дж. Руми оказала сильнейшее влияние на османскую и крымскотатарскую литературу. Н. Абдульваапов указывает, что «значительная часть наиболее известных османских поэтов дивана были мевлеви» [5, 233]. Подобная ситуация наблюдалась и в Крымском ханстве. Подробнее о поэтах-суфиях из династии Гиреев можно ознакомиться в статье «Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература» Абдульваапова Наримана [4, 25]. В этой же статье автор в качестве примера приводит имена некоторых членов ордена мевлеви в Крыму, которые покинули родину и достигли высот на различных поприщах в других частях Османской империи. Так, Абдулла Рамиз-паша (ум. 1813), выходец из Бахчисарая, поэт, стал высокопоставленным сановником и членом правительства «Рушукских братьев»; Феррух Исмаил (ум. 1840), бахчисараец, известный просветитель, богослов, поэт, переводчик, в 1797–1800 гг. был послом Османской империи в Англии; Ахмед Эфляки-деде (1808–1876), главный придворный часовщик, выдающийся представитель османского часового искусства; Фазыл Мехмед-паша (ум. 1882) – известный поэт, мулла Белграда, управляющий Боснией в отсутствие паши [4, 24].

Обилие крымских членов ордена мевлеви на службе в Османской империи в XIX веке объясняется тем, что с конца XVIII века Крым оказался в составе Российской империи, после чего ситуация постепенно заметно изменилась. После доноса генерал-губернатору графу Воронцову, что дервиши, якобы, готовят заговор, дервишей перестали пускать на территорию Крыма, а те, кто остался, рассматривались как неблагонадёжная часть населения. В результате текие постепенно приходили в запустение. Если в конце XVIII века в Крыму насчитывалось 22 текие различных орденов, то к 1830 году их стало значительно меньше. Три текие в Евпатории, бывшем Гезлеве, оказались закрыты. К одной из них ещё некоторое время оставался доступ, но с 1918-го была перекрыта и эта возможность. Подобная судьба ждала и большинство остальных центров суфизма в Крыму.

Дольше всего просуществовала суфийская община в Эски-Юрте (на территории современного Бахчисарая). Ещё в XIX веке одно из текие мевлеви в результате незначительной трансформации утратило своё прежнее название и стало именоваться «саади», сохраняя при этом все характерные церемониальные особенности. В 1914 году для ордена саади в Эски-Юрте было построено новое текие, выполнявшее одновременно функции мечети. Именно с этим текие связаны яркие воспоминания некоторых деятелей культуры и литературы конца XIX – начала XX веков, посетивших Бахчисарай.

В 1892 в составе земской комиссии Бахчисарай посетил будущий знаменитый украинский писатель М. Коцюбинский. Он оказался под сильным впечатлением от виденного в текие кружащихся дервишей, сделал записи, которые осенью 1904 года

оформил в рассказ «Под минаретами» [15]. Опубликован был он уже в 1905 году. По словам Коцюбинского, на то время в Крыму было около 200 дервишей. Приведём небольшой отрывок из данного рассказа на языке оригинала: «Жива каблучка уже хитнулася. Раз у той бік, раз у другий. Спочатку плавко, поволі, у такт, немов тихі вітри хитають колом, немов лагідні хвилі гойдають водні лілеї. Схиляються чалми в честь шейха, гойдається мозок, як у колиці, душа бажає розгону, й дедалі зростає рух. Здається, вітри міцніють, підхоплюють коло. Все швидше та й швидше. Зростає пісня... дужчає голос, обличчя сяють. Білі халати надулись від вітру, і мають поли. Поклони все глибші, все нижчі. Тіло згинається удвоє, в'ється, як вуж, китиці фезів скачуть по чалмах, а слова пісні злились у крик <...> Дика радість хапає за серце... Абібула чує, як нові сили, великі, незміряні, ввілляла та пісня у його члени. Вони всі скачуть, радіють, усі славлять Бога... Плигає тіло в шалених рухах, хвилюють груди, і скаче голова, залита потом, а крізь заплющені очі він бачить небо, усе в огнях».

Путешественник и писатель Михаил Шевляков, побывавший в Крыму в начале XX века, так описывал богослужение дервишей ордена саади в мечети на улице Азиз в Бахчисарае: «Вертящиеся дервиши, несомненно, произведут очень сильное впечатление... Богослужение дервишей заключается в произнесении громких гортанных звуков и в покачивании на месте всем туловищем и отдельно головой, с таким ежеминутно нарастающим ожесточением, что с зрителями случаются обмороки и едва ли вообще кто может наблюдать за этими людьми без головокружения и страшного подъема нервов. Их возбуждение легко передаётся наблюдающим, и если сами они не валятся долгое время с ног, так потому только, что стоят в тесном кружке и крепко держат друг друга за руки» [8].

Несколькими годами позже (1913) в путеводителе по Крыму Григорий Москвич описывал подобную же картину: «Другую достопримечательность Бахчисарая составляют «вертящиеся дервиши». Одежда дервишей различного покроя и цвета. Головной убор состоит из тюрбанов. Дервиши собираются в мечеть вечером на молитву, становятся в круг и начинают выкрикивать слово Гуве. У татар дервиши считаются священными лицами, и их молитвы, по всеобщему верованию, исцеляют больных. Поэтому перед богослужением татары приводят своих больных, которых дервиши укладывают на пол, покрывая халатами, и становятся вокруг них. Молитва муллы сопровождается криками сильнее всех остальных. Постепенно движения молящихся становятся чаще, крики – громче. Наконец, они доходят до полного экстаза и начинают вертеться. В исступлении дервиши иногда падают на пол без чувств» [18].

После революции 1917 года и распространения в Крыму коммунизма практика дервишей, и прежде бывшая в затруднительном положении, оказалось невозможной. В 1950 году знаменитое текие и мечеть в Эски-Юрте была разрушена, а на ее месте построен городской рынок Бахчисарая. С 2006 года по требованию народа место очищено и в настоящее время готовится к музеефикации. Текие дервишей мевлеви в Евпатории также восстановлено усилиями Алифе Ханум Яшлавской и сейчас входит в состав Этнографического музея. В частном порядке ведутся восстановительные работы и в текие Газы Мансур, располагающемся в бывшем селении Кырк-Ер (Чуфут-Кале).

О степени популярности «Маснави» Дж. Руми в Крыму можно судить по сохранившимся в архивах музеев экземплярам этого произведения, а также написанным к нему комментариям. Данная тема специально никем не изучалась. Кроме того, известно, что большая часть рукописей и ценных печатных изданий была вывезена из Крыма ещё до 1941 года. Наиболее ценный материал изложен в статье Н. Абдульваапова «Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае» [2], в которой автор опирается на Инвентарную книгу Бахчисарайского дворца-музея. Среди прочего сообщается, что в Бахчисарайском музее представлен экземпляр «Маснави» Дж. Руми с апокрифичным 7-м томом, изданный в Египте в 1852 году. Этот экземпляр «Маснави» принадлежал И. Гаспринскому, но был передан им в медресе Зынджирлы (Бахчисарай), а оттуда попал в музей. Кроме того, Гаспринским в 1902 г. было издано 2 тома перевода «Маснави» на османский язык. Экземпляры этого издания сохранились в Отделе национальных литератур РГБ Москвы [2, 94].

Не все места написанного на персидском языке «Маснави» Дж. Руми могли быть точно поняты его последователями в Крыму, потому естественна была потребность в комментариях к этому произведению. В коллекции Бахчисарайского музея имеется три османских комментария, точнее – их фрагмента. Первый представляет собой экземпляр 4-го тома 4-томного стамбульского издания 1288 г. х. (1871/72) на турецком языке, принадлежащий известному османскому шейху суфийского братства байрамийе Сары Абдуллаху (1584–1660) (полное название произведения: «Джевахир-и бевахир-и Месневи»). Второй – экземпляр 2-го тома 6-томного стамбульского перевода на турецкий язык (полного) с комментарием (на первые 2 тома) известного османского государственного деятеля и публициста Абидина Паши (1843–1906). Полное название: «Терджюме ве Шерх-и Месневи-и шериф». Примечательно, что в Инвентарной книге 1938 года присутствуют тома со 2-го по 6-й. Третий комментарий принадлежит Али бин Ахмеду. Этот экземпляр представляет собой рукопись, датированную 1007 г. х. (1598/99). Абдульваапов указывает: «К началу XX века к «Месневи» было написано по меньшей мере 19 комментариев – на арабском, персидском и тюркских языках. <...> Обращает внимание, что шерх Али бин Ахмеда в известных нам списках комментариев к «Месневи» отсутствует. Возможно, в нашей коллекции сохранился оригинальный список неизвестного в научных кругах комментария» [2, 94].

Тюркоязычным почитателям таланта Дж. Руми помогал постигать тайны его «Маснави» персидско-турецкий словарь в стихах «Тухфе-и Шахиди» («Дар Шахиди») (1515), принадлежащий перу известного османского поэта, члена братства мевлеви Шахиди Ибрахима Деде (ум. 1550). Этот словарь присутствует в Инвентарной книге Бахчисарайского музея 1938 года, упоминается он и В. А. Гордлевским в Коллекции Ялтинского историко-литературного музея в 1927 году [2, 95].

В Бахчисарайском музее представлены также литературные работы некоторых членов ордена мевлеви, творивших в Османской Турции и труды которых были популярны и востребованны в Крыму. Прежде всего стоит указать на «Мевлид» (1409) Сулеймана Челеби, повествующий о жизни пророка Мухаммеда. Вокруг «Мевлида»

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖАЛАЛАДДИНА РУМИ НА ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ В КРЫМУ

Челеби сформировалась целая группа сходных по тематике литературных произведений, условно объединяемых под названием «Мевлидский канон». Абдульваапov отмечает, что «Мевлидский канон» был чрезвычайно популярен в широких народных слоях, достигнув славы подлинно научной литературы [2, 95]. В Бахчисарайском музее хранится несколько рукописных списков и семь экземпляров печатных изданий «Мевлида» Сулеймана Челеби (ум. 1422).

ВЫВОДЫ

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что творчество Джалаладдина Руми оказало заметное влияние на духовную жизнь в Крыму как в золотоордынский период, так и во время существования Крымского ханства. Орден мевлеви, состоящий из последователей философско-мистической доктрины Дж. Руми, стал одним из ведущих в Крыму, пользовался всемерной поддержкой правящих династий и последним прекратил своё существование. В музеях Крыма сохранились экземпляры «Маснави» Дж. Руми и комментарии к ним, в том числе на турецком языке, известен поэтический ответ Абу-Бакра Каландара на «Маснави» Руми.

Список литературы

1. Абдулаева Г. Святая обитель суфиев // Татарский мир, 2009, № 6. – с. 16
2. Абдульваапov Н. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае / Н. Абдульваапov // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57, Т. 2. – С. 92–98.
3. Абдульваапov Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. – № 79. – 2006. – С. 140–149.
4. Абдульваапov Н. Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература : основные направления исследований / Н. Абдульваапov / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т. 1. – Симферополь: КРИ «Издательство Крымчпедгиз», 2011. – С. 135–158.
5. Абдульваапov Н. Р. Суфизм и крымскотатарская поэзия дивана // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь. – 2013. – Т. 26 (65). – № 1, ч. 1. – С. 231–240.
6. Бартольд В. В. Челеби // Бартольд В. В. Сочинения. – М.: Наука, 1968. – Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – 759 с.
7. Бахревский Е. В. Суфизм в Крыму (по материалам «Книги путешествия» Эвлии Челеби) // Проблемы истории и археологии Крыма. – 1996. – № 1. – С. 398–401.
8. Васильев А. Священные тайны Крыма. – Библикс, 2013. – 256 с.
9. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. : пути развития : рукописи, тексты и источники / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост лит., 2009. – 304 с.
10. Зайцев И. В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII веках // 2015 / Золотоордынское обозрение, № 2, 2015, Казань. – С. 103–128.
11. Ибн Баттута (пер. Гибба). – Travels of Ibn Battuta. Trad. H. A. R. Gibb, Vol 2. Nakluyt Society, 1962.
12. Иванов А. А. Надписи из Эски-Эрта / Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 1989. – С. 24–31.
13. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь: Таврия. 1996.
14. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлии Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). – Симферополь: Дар. 1999. – 345 с.

15. Коцюбинский М. Под минаретами / М. Коцюбинский // Киевская старина. – 1905. – Т. 88. – Кн. 3. – 176 с.
16. Крамаровский М. Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение, № 1 / 2016, Казань. – С. 55–88.
17. Мамутова З. А. Рукописные книги XIII–XV веков по изучению основ ислама в фондах КРУ «Бакчисарайский историко-культурный заповедник» // Східний світ. – 2014. – № 1. – С. 48–54.
18. Москвич Г. Путеводитель по Крыму / Г. Москвич. – СПб., 1913. – 157 с.
19. Резюме «Истории» Тохта Бая / Транскрипция и перевод на рус. яз. Н. Сейтияхья // Научный бюллетень (Орган НИЦ КГИПУ). – 2002. – № 2. – С. 3–8.
20. Руми Джалал ад-дин. Маснави-йи манави («Поэма о скрытом смысле»). Первый дафтар (байты 1–4003) – Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина, Ю. А. Иоаннесяна, Б. В. Норика, А. А. Хисматулина, О. М. Ястребовой / Общ. науч. редакция и указ. А. А. Хисматулина. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. – 448 с.
21. Сухоруков А. Н. Персидский язык в Крыму до XX века / Актуальные проблемы отечественной и зарубежной иранистики. – Казань, 2015. – С. 139–167.
22. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / Пер с англ. Азы Ставиской. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 328 с.
23. Тунманн Иоганн. Крымское ханство. – Симферополь: Таврия, 1991. – 298 с.
24. Усеинов Т. Б. Семантический аспект поэзии Газаи (газельное наследие крымского хана). – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – 140 с.
25. Усеинов Т. Б. Религиозно-суфийская литература Крымского ханства / Размышления о поэзии Крымского ханства (Сборник статей) / Тимур Бекирович Усеинов. – Симферополь: «Оджак», 2005. – С. 116–122.
26. Эмиров Р. С. Дервиши в духовной культуре крымских татар // Культура народов Причерноморья, 2011, № 199, т. 1. – С. 90–91.

References

1. Abdulaeva G. Holy Sufi monastery // Tatar world of 2009, number 6. – P.16.
2. Abdulvaapov N. Artworks religious and Sufi content in the collection of manuscripts and early printed books Khan Palace Museum in Bakhchisaray / N Abdulvapov // Culture of the Black Sea. – 2005. – Number 57, T. 2. – P. 92–98.
3. Abdulvaapov N. Sufism and the initial phase of the active spread of Islam in Crimea // Culture of the Black Sea. – № 79. – 2006. – S. 140–149.
4. Abdulvaapov N. Sufism in the Crimea and Crimean Tatar religious and Sufi literature: the main areas of research / N Abdulvapov / Proceedings of the SIC of the Crimean Tatar language and literature. CEPU. Collection. V. 1. – Simferopol: KRI «Publisher Krymuchpedgiz», 2011. – P. 135–158.
5. Abdulvaapov N. Sufism and Crimean Tatar divan poetry // Scientific notes of Taurida National University of Vernadsky. The series «Philology. Social communications». – Simferopol. – 2013. – T. 26 (65). – Number 1, Part 1. – Pp. 231–240.
6. Bartold V. V. Chelebi // V. V. Bartold Works. – М.: Nauka, 1968. – Т. V: Works on history and philology of the Turkic and Mongolian peoples. – 759 s.
7. Bakhrevskii E. V. Sufism in Crimea (based on the «Book Travel» Evliya Chelebi) // Problems of history and archeology of Crimea. – 1996. – № 1. – S. 398–401.
8. Emirov R. S. Dervishes in the spiritual culture of the Crimean Tatars // Culture of the Black Sea, 2011, № 199, that is 1. – P. 90–91.
9. Ibn Battuta (trans. Gibb). – Travels of Ibn Battuta. Trad. H. A. R. Gibb, VoL 2. Hakluyt Society, 1962.
10. Ivanov A. A. Inscriptions from the Eski-Eartha / Northern Black Sea and the Volga region in the relations between East and West in the XII–XVI centuries. – Roštov-on-Don: Roštov State University Press, 1989. – P. 24–31.
11. Kotsyubinsky M. Under the minarets / Kotsyubinsky // Kievan antiquity. – 1905. – V. 88. – Bk. 3. – 176 seconds.

**ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖАЛАЛАДДИНА РУМИ
НА ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ В КРЫМУ**

---

12. Kramarovskii M. G. Crimea and Rum in the XIII–XIV centuries (Anatolian Diaspora and urban culture Solkhat) // *Golden Review*, № 1 / 2016, Kazan, s. 55–88.
13. Mamutova Z. A. Handwritten books XIII–XV centuries for the Study of Islam in the funds of foundations KRU «Bakhchisaray Historical and Cultural Reserve» // *Shidny's World*. 2014. – № 1. – S. 48–54.
14. Moskvich G. Guide to Crimea / G. Moskvich. – St. Petersburg, 1913. P. 157.
15. Rumi Jalal al-Din Masnavi Manavi («Poem of the hidden meaning»). First Daftar (bytes 1–4003) – Trans. with Persian. Akimushkin, Yu A. Hovhannisyan, BV Norica, A. A. Hismatulina, O. M. Yastrebova / Com., Sci. revision and the decree. A. A. Hismatulina. – SPb.: «Petersburg Oriental Studies», 2007. – 448 p.
16. Sukhorukov A. N. Persian language in the Crimea until the XXth century / Actual problems of domestic and foreign iraništiki. – Kazan, 2015. – P. 139–167.
17. Summary of the «History» Tokhta Baia / Transkriptsiya and translated into Russian. lang. N. Seyityahya // *Scientific Bulletin (SIC KGIPU Authority)*. – 2002. – № 2. – S. 3–8.
18. Travel book of Evliya Chelebi. Hiking and travel with the Tatars in Crimea (1641–1667 gg.). Simferopol. Rep. 1996.
19. Travel book. Turkish writer Evliya Chelebi about the Crimea (1666–1667 gg.). – Simferopol. Gift. 1999. – 345 p.
20. Trimingem J. C. The Sufi Orders in Islam / Translated from English. Foundations Stavisky. – M.: Nauka. Home edition of oriental literature, 1989. – 328 p.
21. Tunmann Johann. Crimean Khanate. – Simferopol: Tavria, 1991. – 298 p.
22. Useinov T. B. Semantic aspect of poetry Strip (gazelnoe heritage of Crimean Khan). – Simferopol: Krymchpedgiz, 2008. – 140 p.
23. Useinov T. B. Religious and Sufi literature of the Crimean Khanate / Reflections on the poetry of the Crimean Khanate (Collection of articles) / Timur Bekirovich Useinov. – Simferopol «Odzhak», 2005. – P. 116–122.
24. Vasiliev A. Sacred mystery of Crimea. – Bibleks, 2013. – 256 p.
25. Zaitsev I. V. Crimean historiographical tradition of XV–XIX centuries. : Ways of Development: manuscripts, texts and sources / Institute of Oriental Studies. – M.: Eastern lit., 2009. – 304 p.
26. Zaitsev I. V. Islam in the Crimea in the XIV–XVIII centuries // 2015 / *Golden Horde review*, number 2/2015, Kazan. – P. 103–128.

Sukhorukov A. N. Influence of Jalaladdin Rumi's creative writings on the spiritual life in Crimea / A. N. Sukhorukov // *Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University*. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 503–514.

The first mention of J. Rumi's disciples and followers in Crimea is connected with the name of Seljuk sultan İzzeddin Keykavus II (1234–1279). During the lifetime he became his disciple. However, as a result of a conspiracy Keykavus was deposed and placed under house arrest at the Byzantine court. Around 1265, at the request of Khan Berke, Keykavus was released and together with many dervishes led by Sarah Saltuk arrived in Crimea. Berke Khan granted Keykavusu two cities – Solkhat and Sudak.

Another evidence of J. Rumi's followers's staying in the Crimea, is a writing a big poetic work on Sufi theme – «Kalandar-name» – in the first half of the XIVth century. The author of «Kalandar-name» is Abu Bakr Kalandar or, as he calls himself in the text – Pir Qalandar. According to the author's own words, we can say that its writing took not less than 23 years (about 1320–1342), and the place of its compilation is uniquely called Kyrim (قریم), the capital of the Golden Horde's ulus on the peninsula.

«Kalandar-name», consisting of five volumes and being written in Persian, is a poetic response to the «Masnavi» by J. Rumi – it has a similar structure and is written in the same poetic meter called masnavi, and devoted to the same topics. The author repeatedly calls himself a disciple of J. Rumi. The story is punctuated by parables, teachings and some historical references. In addition to separate sections devoted to prominent Sufi gravitas (including J. Rumi and F. Attar (p. 357–358 of manuscripts), the chapter telling the story of meeting with Sultan Weled – the eldest son of J. Rumi – is also of great value.

At the end of the XIIIth century, another cloister Mevlevi came near Gezlevciшен (modern Yevpatoriya) in the western part of the Crimean peninsula.

Currently, this tekke is considered to be the only Tekke of dervishes in Europe, that has preserved its original appearance. Turkish traveler Evliya Chelebi staying in the Crimea in the years 1666–1667 was noting extreme «populousness» of this tekke.

The Mevlevi Order in the Crimea along with the emergence of the Crimean Khanate turned out to be under the patronage of the ruling dynasty Giray khan. Mevlevi Order is called to be the richest and most privileged among the Sufis of the Crimea. The Tekke Eski-Yurt (on the territory of modern Bakhchisaray) was considered to be the center of this Order in the Crimea, where the tombs of some of the Crimean khans were located. Two tombstones with inscriptions in Persian were also found here. They belonged to the late XIVth – early XVth centuries. It is known that Tekke in Eski-Yurt was built at Mehmed IV (reigned 1641–1644, 1654–1667 gg.), who was considered to be the patron of the Mevlevi brotherhood. Apart from Mehmed IV Sufi brotherhood's members (mainly Mevlevi) were khans Islam II (1584–1588), Haji Selim I (1671–1678, 1684–1691, 1692–1699, 1702–1704), Shehbaz (1787–1789), Prince Halim Garay (d. 1823), family members Shehbaz Garay (d. 1836) Said Garay (1st floor. the XIX c.) and others [4, 25].

After the revolution in 1917 and the spread of communism in the Crimea, the practice of dervishes became impossible. The famous Tekke and mosque in Eski-Yurt was destroyed in 1950, and in its place the city market of Bakhchisarai was built. Since 2006, this place was cleared in at present is preparing for muzefikatsii on the people's demand. Mevlevi dervishes's Tekke was also restored in Yevpatoria by efforts of Alife Khanum Yashlavskaya and now is a part of the Museum of Ethnography. Gaza Mansour Tekke located in the former village of Kirk-Er (Chufut-kale) is under private reconstruction.

The degree of J. Rumi's «Masnavi» popularity in Crimea can be judged from the copies of this work preserved in the archives of museums, as well as written comments to it.

A copy of «Masnavi» by J. Rumi with apocryphal volume 7, published in Egypt in 1852 is presented in Bakhchisarai museum. This exemplar of «Masnavi» belonged to I. Gasprinskomu and was handed over by him to madrasah Zyndzhirly (Bakhchisarai), and then it went to the museum. In addition, two volumes of «Masnavi» translation into Ottoman language were published by Gasprinsky in 1902. Copies of this publication have been preserved in the Department of National Literatures of Moscow library (RGB) [2, 94].

There are three Ottoman comments on «Masnavi» in Bakhchisarai museum collection, to be exact – a fragment of it, Persian-Turkish dictionary in verse «Tuhf-e-Shahidi» («The Gift of Shahidi») (1515) etc.

Keywords: Jalaladdin Rumi, Crimea, Kalandar-nama, Masnavi, Mevlevi.

УДК 7.048

THE SEMIOTICS IN PLANT MOTIFS OF BAKHTARI MENTAL WEAVER RUGS

Sh. Bavarsad

*Tutor non-profit institution of higher education and PNU center of Semnan Semnan, Iran
E-mail: shiva.bavarsad@yahoo.com*

The motifs of trees and plants are one of the most common motifs on the weaving of Iranian ethnics from the ancient to the present time. These motifs are one of important mythological and sacred motifs that are considered one of the most important motifs in Bakhtiari rugs and used in various kinds in the main motif or in texture design. The importance of plant and tree motifs in Bakhtiari rugs are to the extent that one of the main semiotics of this kind of rugs, is the cypress tree motif in brick-shaped design. However, despite the great importance, these motifs have received little attention from scientists, carpet researchers, and caused the motifs to be in the risk of forgotten. Therefore, it is necessary to pay attention at the motifs that are based on the beliefs of weavers in relation to their nature and habits. The research method is descriptive and historical research and data collecting is conducted in the form of library study for historical sources and field interview by weavers.

Keywords: Motifs; Mental Weaver, Bakhtiari Nomads, Myth.

INTRODUCTION

One of the most interesting types of Iranian carpets is called Iliati (tribal) carpet that accounted as the ancient and genuine designs in Iranian carpets. Among these designs and carpets can point to carpet of Bakhtiari, half of its reputation is related to utilization symbolic figures that are subjectively knitted. Stylish and simplified figures outside of any realistic or pragmatic trait, beyond what of their unadorned appearances, they are plenty of mysterious concepts and implications, concepts in relation to credence and beliefs of weaver about its natural perimeter.

STATEMENT THE BASIC MATERIAL RESERCH

Among these most important figures can mention for designs of plants and trees in carpet of Bakhtiari that save its holiness from far past until now, among women who are tribal weavers. This figure in ancient ages was used as synonymous with renaissance, renewal of life, felicity and source of life, in symbology, (to link three levels of the world together « underground, on earth, height and sky» (Cavalier, 2000: 188). And among common beliefs of people it shows happiness, greenness and life and in Bakhtiais' beliefs particularly if it grew solely and become old has high status and order and accounted as saints up to the where women and girls to knit it cloth for realization their wishes and bless it and to request their problems solutions. Sanctity of trees and plants is very high between Bakhtiari people so that they believe if a person causes harm to plants he commits a guilty action and the

person will catch God's scourge. Therefore to forgive by God the person ought to sacrifice a rooster near the stem of damaged plant, and or in their funeral, they put two branches of tree that linked via the stem, beneath bosom of corpse and they construe it as rod, and believe that this rod will help spirit of the dead at very start of passed away travel. Certainly these beliefs are inspired and continuance of beliefs of ancient Iranians in relation to guardian tree's goddess (Oruz), and tree or herb also are symbols of eternity and regeneration of life, these symbols keep their presence impressively among women of tribe and sometimes it shows in the most important art of Bakhtiaris' tribes and peasants as main or secondary role. Therefore, we discuss about most frequent herbal figures in carpet of Bakhtiari.

1. Willow tree (Bid Majnoon)

Willow tree is a wild plant and generally grows plentifully along riversides, lakes and pathways in Bakhtiaris' geographic zone.

In classic symbology «this tree is emblem of mourning, love without happiness, funeral and spellbound, and it is holy for Artemis» (kooper, 2007: 64).

Willow tree in Bakhtiaris' beliefs however, is symbol of life, amazement, female, love and perplexity, and its figure is being used a lot in adobe design of Bakhtiari's carpet. «Toraj Joule in his book with title of a study about Iranian carpet, professed : Impression of willow that is named weepy willow by most western people, is full of sorrow, the west or narrations about this impressive role imply on carpet of mourning and say that this carpet has been woven for covering grave and funeral» (Joule, 2002: 24).

But exactly at the contrary point of such thinking the willow tree in Bakhtiari's carpet implies on specific greenness and lively and in their beliefs it is a symbol of love and fascination. This role is setting next to cedar, sometimes. Possibly, reminder of woman and man who fell in love of each other or because cedar figure in weaver mind is a portray of husband and herself man, to sit willow beside it certainly suggests weaver much desire to marriage with her beloved person or love for her partner, if this impressive figure used solely, also can be a symbol of love and fascination and perplexity of its *weaver*.

Figure 1 : Willow tree (Bid Majnoon).

2. Plane-tree (Chendar)

«the oldest historical writ regarding plane-tree is narrated by Herodotus , he is saying: the last king of Modd dynasty (Aji Dehak) dreamed his daughter Mandana that ,she became mother of the great Cyrus , branches of plane-tree and grapevine have been grew from Mondana womb and covered throughout Asia, dream interpreters and astronomers of the king explained the dream in this manner : Mandana will give birth a son who destroy Modd dynasty and will capture the world , because plane-tree is sign of king and grapevine is sign of queen and twisting grapevine and plane-tree is sign of continuity of reign by means of blood. Plane tree in Iranian mythology is symbol of richness, greenness, nature and cause to bliss and of divinities and sprites. While Darius the great was in Asia Minor received a golden plane-tree and grapevine as gift , thereafter this gift was set in the king's room, often» (Zabeti Jahromi, 2010: 288—302). «ancient Iranian believed plane-tree is king of trees , also they believed old plane-tree is bestowing high bliss and productivity to land and family and causes to expectancy and healthy of women, therefore in some regions old plane-tree was supposed tree of wishes » (Yahaghi, 1990: 17).

«In addition plane –tree is the biggest tree with the longest life among trees of Iran and its height is high so that can be seen from far distance, this tree peeling annually and its thick branches becomes light green color. This annual Juvenescent causes to sanctify the tree , plane-tree is symbol of glory , magnificence and edification» (kooper, 2007: 115). And in Bakhtiaris' beliefs this tree is showing glory, height, youth, shadow (comfort and calmness), and originality, also Bakhtiaris have a proverb «plane-tree if has not fruit however has widespread and favorite shadow» and this aspect expresses magnificence

Greenness and youthful of this tree. Probably tribal people favorably enjoyed of the shadow of this tree and this plant caused their comfort , in addition they believe plane-tree is an original tree and its roots are very deep and stable. To use this figure in texture of Bakhtiari's adobe carpet in addition to glory and magnificence also emphasizes on youth and power of productivity, originality or chastity of family or genetic traits transmission through blood because Bakhtiari people believe to genetic and congenital, a lot.

Figure 2: Plane-tree (Chendar).

3. Chestnut (Balit)

This tree is sacred in many traditions and due to its strong, long life and stability is accounted as ideal mystery of cosmictree (Kooch Noor, 2005: 152). chestnut enjoys privileges of God, because arrests lightning and is symbol of glory and magnificence. Usually, this plant was equivalent to power in all places and times (Cavalier, 2000: 110). In classic symbology chestnut is symbol of «protection, durability, courage, reality, man, human body and its specific sign or lord of heaven and productivity, therefore possibly it is also symbol of lightning and fire» (Koooper, 2007: 60). Life expectancy of this tree nearly estimated 400 to 1000 years, and in Bakhtiari's domain that include woods of chestnut, this plant is very important and plays important role in worldly and economic life of Bakhtiari's tribe and the tribe regards it very valuable. Bakhtiari use wood of this tree for making agricultural tools such as handle of plow, stock, and gadgets like tripod of musk, pillar of tent, club of men, roof shield, weaving tools like scaffold of carpet and Korkit for combustible material, cooking and heating, leaves of the tree were used for feeding of livestock and inner skin of its fruit, is called Joft, is being used for preparing musk, flour of chestnut fruit is also using for baking bread and it can be mixed with yoghurt uses for traditional remedy as constipated material to prevent diarrhea. important role of this tree among Bakhtiari people is high so that they know it as holy tree, in order that when a son coming out into the chestnut woods they nominate the boy Balooti, because it is a sacred tree.«This plant in their beliefs is symbol of resistance, power, bliss and long life, same traits that a Bakhtiari person feels in himself and supposes double with it.

Chestnut fruit is hard and useful, opened a part for itself in oral literature of the tribe and sounds it is symbol of Bakhtiari themselves, symbol of a male identity» (Madadi, 2007: 91,92). This expressive figure of carpet in addition to key and important role that this plant plays in Bakhtiari's life also it is originated from their beliefs in relation to chestnut so that Bakhtiari woman by weaving this expressive figure imagining her spouse or great men of the tribe stable and immortal, in her mind.

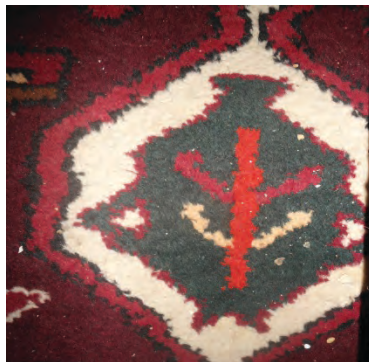

Figure3: Chestnut (Balit).

4. Tulip (Golsor)

Don't snip off tulip this sign promises coming spring; let an amorous merry girl to lop it.

This flower is called scathing flower too, because of fiery or very red color of the edges and blacked middle, this flower plentifully existing in geographical limit of Bakhtiari, so that all plains of the region is full of tulips at May.

Tulip is called Golsor (red) in dialect of Bakhtiari and in their belief it a symbol of coming spring , short life, sign of blood and love and amorous are ineffectual and using this expressive figure in adobe carpet of Bakhtiari can shows weaver of carpet spiritual moods, and the weaver by using this design in her carpet in addition of elegance, also use it as a symbol of ineffectual love of springtime or as memorial of lost youth.

Figure 4:Tulip (Golsor).

5. Plum tree (sisten)

Plum tree major grows in Zagros Mountains and in Bakhtiari beliefs this plant is symbol of Zagros Mountains. Generally, if we know carpet of Bakhtiari as symbol of their geographical region this figure is the first fence (brim) of the carpet, because this expressive figure to a great extent is being used at the small edge of Bakhtiari's carpet and can be indicator and explanatory of around mountains where they are living.

Figure 5: Plum tree (sisten)

CONCLUSION

Living in pastures and neighborhood with nature cause Bakhtiari tribes account nature as a sacred factor and main source of life, this holiness is high to such a degree most elements of nature include plants are playing important role in Bakhtiaris simple life, they believe these factors to carry paranormal and supernatural forces. Figures of plants and trees that are distinctive traits designs of Bakhtiari's carpet than other Iranian ethnic groups' carpets, to indicate very important role of these plants in their geographical life and holiness that they believe it. Belief that they indebted it all their life. These beliefs are originated from Bakhtiaris' women who weave the carpet and due to their extreme need for these plants to survive and ongoing life and sometimes affected by ancient Iranian beliefs and to assimilate these beliefs with basics of Islamic cognition and their settlement.

References

1. Cavalier, Jean, Culture symbols, Soudabeh fazayeli translation, Jeyhoon, Tehran, 2002.
2. Joule, Touraj, Pavement management in Iran, yasavoli, Tehran, 2002.
3. Kooch noor, Esfandiar (2005), Encyclopedia of Iranian traditional art, Noor hekmat , Mashhad, 2005.
4. Kooper J. C. Illustrated dictionary of traditional symbols, Maliha karbassian translation, No, Tehran, 2007.
5. Madadi, Hossein, Bakhtiari culture icon, Mahzyar, Ahvaz, 2007.
6. Yahaghi, Mohhammad jafar, Culture, mythology and fiction references in Persian literature, Soroosh, Tehran, 1990.
7. Zabeti jahromi, Ahmadreza, Study the Iranian art, Ney, Tehran, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллина Г. Р., доктор филологических наук, профессор, Стерлитамакский филиал БашГУ, г. Стерлитамак, Башкортостан, Российская Федерация, e-mail: abguri@yandex.ru

Абидулин А. М., доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений ННГУ имени Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: abidulinam@gmail.com

Абсемиева Л. С., старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: leniyar.absemieva@mail.ru

Аврutiна А. С., Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки, кандидат филологических наук, доцент, e-mail: a.avrutina@spbu.ru

Аджимуратова З. Н., старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук: e-mail: lzarema@mail.ru

Алеева А. Х., ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства АН РТ (ИЯЛИ Академии наук Республики ТАТАРСТАН), кандидат филологических наук, e-mail: 2450774@mail.ru

Алеева Г. У., доцент КГАУ, кандидат филологических наук, г. Казань Республика Татарстан, e-mail: 2450774@mail.ru

Алиева В. Н., доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: vasfiye.ali@gmail.com

Алиева Л. А., старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доцент, e-mail: fox__ne@mail.ru

Алишина Х. Ч., Тюменский государственный университет, доктор филологических наук, профессор, г. Тюмень, Россия, e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

Баварсад Ш., старший преподаватель кафедры истории и общественных наук Университета «Пейаме нур», город Семнан (Иран) e-mail: shiva.bavarsad@yahoo.com

Бекиров Р. А., доцент кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, e-mail: rbekirov@mail.ru

Бекирова Л. И., доцент кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент, e-mail: bekirova.79@mail.ru

Ваапова М. Р., преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: merem.vaapova@mail.ru

Валеев Р. М., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Академия наук Республики Татарстан, доктор исторических наук, профессор, Казань, Российская Федерация, e-mail: valeev200655@mail.ru

Валеева Р. З., Казанский государственный институт культуры, Казанский инновационный университет (ИЭУП), Казань, Российская Федерация, e-mail: gozazv@mail.ru

Валиева М. Р., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, Уфа, e-mail: valieva_1979@list.ru

Васильев А. Д., Институт востоковедения РАН, кандидат исторических наук, г. Москва, e-mail: advasilyev@mail.ru

Василюк О. Д., Институт востоковедения им. А. Е. Крымского, Киев

Галиуллина Г. Р., Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского федерального университета, доктор филологических наук, профессор, e-mail: caliullina@list.ru

Гатиатуллин А. Р., НИИ «Прикладная семиотика», Академия наук Республики Татарстан <http://kpfu.ru/Ajrat.Gatiatullin>

Гибадулин Р. Я., директор Института перспективных исследований МПГУ. Г. Москва, e-mail: rias.mggu@gmail.com

Гибадулин Я. Н., директор издательства «Инсан», г. Москва, e-mail: insan6@hotmail.com

Гусейнов Г.-Р. А.-К., ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», доктор филологических наук, профессор, г. Махачкала, Республика Дагестан, e-mail: garun48@mail.ru

Денмухаметова Э. Н., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация, e-mail: denmukhametova@gmail.com

Джемилева А. А., доцент кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, e-mail: Ayshe66-2008@mail.ru

Закиев М. З., академик Академии наук Республики Татарстан, доктор филологических наук, профессор, г. Казань, Республика Татарстан, e-mail: m.z.zakiev@mail.ru

Зяппаров Т. И., ИМОИВ КФУ, Казань, e-mail: valeev200655@mail.ru

Ибрагимов Р., Член творческого объединения «Чатыр -Даг», Бахчисарай, Россия, e-mail: abuanvar2012@gmail.com

Исакова А. А., Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, e-mail: anaenigma@yandex.ru

Исхаков Р. Л., Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: rafa-iskhakov@yandex.ru

Канапацкая З. И., Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, e-mail: zorina_kanapacka@mail.ru

Кириллова З. Н., Казанский (Приволжский) федеральный университет, кандидат филологических наук, доцент, г. Казань, Республика Татарстан, e-mail: zkirillova@yandex.ru

Конкин Д. В., Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: denis_konkin@mail.ru

Конова А. И., Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, РТ, e-mail: alfi.pupon2009@gmail.com

Корсаков А. Н., ИА «Агентство политической информации», Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: concordat1122@mail.ru

Кубединова Л. Ш., Институт иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент, e-mail: kubedinova@gmail.com

Куртсеитов А. М., доцент кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент, e-mail: otarli@mail.ru

Лебедев Э. Е., старший научный сотрудник БНУ Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, кандидат филологических наук, e-mail: edlebed@gmail.com

Магомедова З. А., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Дагестан, Российская Федерация, e-mail: zaunab@yandex.ru

Мансурова Г. К., ГБУ «Республиканский центр развития традиционной культуры», Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, e-mail: gully87@mail.ru

Меджитова Э. Н., старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», e-mail: medzhitova-ydi2008@yandex.ru

Меметов А. М., декан факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор филологических наук, профессор, г. Симферополь, Республика Крым e-mail: aydem44@mail.ru

Меметов И. А., доцент кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент, e-mail: isken25@mail.ru

Меметова Э. Ш., зав. кафедрой крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент, e-mail: edie70@mail.ru

Мукашева Г. А., Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия e-mail: guzikfajzullina@mail.ru

Муртазалиев А. М., Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала, Россия e-mail: ahmurt@mail.ru

Нуриева Ф. Ш., Казанский (Приволжский) федеральный университет доктор филологических наук, профессор, e-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Османов Э. Э., ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», e-mail: elvis_osmanov@mail.ru

Османова М. Н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, РФ, e-mail: osmanova-milena@rambler.ru

Посохова Е. В., Институт иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, e-mail: katerinaposohova@gmail.com

Прохоров Д. А., НИЦ истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Рублёва В. В., аспирантка факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: fikturiya@rambler.ru

Сагдеева Ф. К., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, e-mail: fauzia.sagdeewa@yandex.ru

Селендили Л. С., доцент кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор филологических наук, доцент, e-mail: lemara2002@hotmail.com

Скибин Р., член творческого объединения «Чатыр -Даг», кандидат в члены Национального союза мастеров народного искусства Украины, e-mail: el.cheber@gmail.com

Сулейманова А. С., доцент кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: suleymanova2001@mail.ru

Сухоруков А. Н., старший преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: sankafd2004@gmail.com

Сухорукова А. В., магистр кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: allapersik@gmail.com

Усеинов Т. Б., профессор кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор филологических наук, доцент, e-mail: useinovtb@mail.ru

Фаткулин Б. Г., ФГБОУ ВПО Южно-Уральский государственный университет (НИУ), e-mail: bfatkulin@gmail.com

Фетиева Э. О., старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Фомин Э. В., БОУ ВО Чувашской Республики «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, кандидат филологических наук, г. Чебоксары, e-mail: yeresen@yandex.ru

Хайрединова З. З., доцент кафедры культурологии и религиоведения философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: hzarema@gmail.com

Ханмурзаев И. И., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, e-mail: xanmurzaev@yandex.ru

Хисамитдинова Ф. Г., заведующая отделом языкознания ФГБУН Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, г. Уфа, Республика Башкортостан: e-mail: hisamitdinova@list.ru

Храпунов Н. И., Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: khrapunovn@gmail.com

Хузина Э. С., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Чурлу М. Ю., заслуженный художник Украины. Член Союза художников Украины и РФ, г. Симферополь, Россия, e-mail: chatirdag@rambler.ru

Шеремет В. В., аспирант факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: sheremetvitaliy@gmail.com

Шукринов С. Д., преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: shukrinser@mail.ru

Экен О., старший преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: omereken@mail.ru

Эмирсале Э. Я., аспирантка кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», e-mail: elvira.emirsale@mail.ru

Юнусов Ш. Э., доцент кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент, e-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua

Юсупова А. Ш., директор Высшей школы татаристики и тюркологии им. Г. Тукая, заведующая отделением татарской филологии и культуры им. Г. Тукая Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор филологических наук, профессор, e-mail: alyusupova@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

I. КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Меметов А. М.

Саки и аланы в Крыму и их участие
в этногенезе крымских татар 3

Меметова Э. Ш.

Образные средства в романе У. Эдемовой
«Айдын геджеде» («Светлой ночью»)..... 12

Бекирова Л. И.

Прошедшее время глагола на – имя + экен
в современном крымскотатарском языке 20

Куртсеитов А. М.

Иностранные слова
во фразеологизмах крымскотатарского языка..... 25

Меджитова Э. Н.

Служебные части речи и особенности
их употребления в северном диалекте
крымскотатарского языка. Послелог 34

Алиева Л. А.

Структурные особенности сказуемого
крымскотатарского языка..... 43

Абсемиева Л. С.

Семантическая роль топонимов
в романе Юсуфа Болата «Анифе»..... 49

Аджимуратова З. Н.

Подражания звукам воды в крымскотатарском языке..... 55

Вапова М. Р.

Структурные модели внутриглагольного
образования в крымскотатарском языке 61

Фетиева Э. О.

Семантика и способы выражения определений
в предложениях крымскотатарского языка..... 67

II. ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Закиев М. З. Лингвистические следы древнейших тюрков Черноморского ареала	75
Хисамитдинова Ф. Г. Огузские элементы в башкирском языке	81
Юсупова А. Ш., Денмухаметова Э. Н. Двоязычные словари тюркских народов как источник контрастивной информации	92
Валеев Р. М., Абидулин А. М., Валеева Р. З. Университетская тюркология в Казани: традиции и новации (XIX – нач. XX вв.)	101
Галиуллина Г. Р. Прецедентные имена в современном татарском языке.....	117
Кириллова З. Н. Деятельность научного общества татароведения	122
Фомин Э. В. Новые семантизации абсолютных агномимов чувашского языка на основе татарского материала.....	128
Лебедев Э. Е. О составе форм и категорий глагола в чувашском языке	134
Канапацкая З. И. Возникновение славяноязычных арабскоалфавитных рукописей белорусских татар.....	140

III. ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Усеинов Т. Б. Образная система крымскотатарской ашыкской силлабической поэзии конца XVI — начала XVIII вв. Земная лирика	153
Аврутина А. С. Роман «Рыжеволосая женщина О. Памука как развитие идей романа «Мадонна в меховом манто» Сабахаттина Али.....	159

Сулейманова А. С.	
Литературный культ Орхана Вели Каныка	167
Джемилева А. А.	
Переводческое наследие Эшрефа Шемьи-заде	178
Ханмурзаев И. И.	
Суфийское произведение Шейха Ташава-Хаджи Ал-Индири (Из Эндирея) «Умм ал-хисан»	184
Муртазалиев А. М.	
Поэтика романа Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?».....	194

IV. ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ КРЫМА

Меметов А. М., Меметов И. А.	
Готы в Крыму и их участие в этногенезе крымских татар	201
Хайрединова З. З.	
Крымскотатарское купечество в конце XVIII – начале XIX вв.: по материалам архивных источников	209
Васильев А. Д.	
Новые материалы по латинизации тюркских алфавитов в Крыму в 1920–1930 гг.....	215
Храпунов Н. И.	
Записки иностранцев о народах Крыма в конце XVIII – начале XIX вв.: между реальностью и фантазией	226
Конкин Д. В.	
Источники по вакуфному землевладению в Крыму из Государственного архива Республики Крым: в поисках «Голоса мусульманина»	234
Прохоров Д. А.	
Материалы Государственного архива Республики Крым в контексте истории караимов (конец XVIII — начало XX вв.): к проблеме использования и интерпретации источников	242

Османова М. Н.	
Казанская арабоязычная старопечатная книга в Дагестане (По материалам археографических экспедиций)	251
Мукашева Г. А.	
Этногенетическая характеристика антропонимов в произведениях Я. К. Занкиева и Б. В. Сулейманова (на материале романов «Любовь, объятая пламенем», «Зори Иртыша» (в 2-х частях), рассказа «Остроушко» и сборника рассказов «Я — сибирский татарин»)	260
Чурлу М. Ю., Скибин Р., Ибрагимов Р.	
Аспекты сохранения и идентификации крымской традиционной культуры	266
Османов Э. Э.	
Исчезнувшие мечети старого Бахчисарая.....	276
Валеев Р. М., Василюк О. Д., Валеева Р. З., Зяппаров Т. И.	
Эпистолярное наследие А. Е. Крымского: письма востоковедам-коллегам В. Р. Розену, В. В. Бартольд и П. К. Коковцову (1890—1920-е гг.)	284

V. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Алишина Х. Ч.	
Вспомогательные глаголы тоболо-иртышского диалекта сибирских татар	291
Абдуллина Г. Р.	
Космонимы в башкирском языке (в сравнении с другими тюркскими языками).....	297
Алеева А. Х.	
Особенности художественного изображения Хронотопа в «Путешествие по Европе» Ф. Карими.....	312
Валиева М. Р.	
Словесный портрет мужчин в башкирских народных песнях	317
Гусейнов Г.-Р. А.-К.	
Крымскотатарский хороним чонгар и «гуннский» ойконим Чунгарс в контексте вопроса о языковой принадлежности дохазарского населения Крыма и Северо-Восточного кавказа	322

Исакова А. А.
Русские заимствования в языке
татарской прессы Тюменской области..... 337

Алеева Г. У.
Сравнительно-историческая
и этимологическая характеристика слов
«киңәш», «корылтай» и «ил»..... 347

Алиева В. Н.
Значение и особенности употребления
послелогов и производных предлогов
в крымскотатарском и современном русском языках..... 353

Исхаков Р. Л., Корсаков А. Н.
Крымский дискурс в медиалегитимации
государственности (на примере СМИ Свердловской области)..... 362

VI. ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Гибадулин Я. Н., Селендили Л. С., Гибадулин Р. Я.
Опыт лексикографического анализа текста
(на материале сборника произведений Мемета Нузета
«Къырымнынъ чэль аятындан» 370

Кубединова Л. Ш., Гатиатуллин А. Р.
Морфологическая разметка
крымскотатарского электронного корпуса
(на опыте татарского)..... 380

Шеремет В. В.
Именительный падеж в русском языке
и его эквиваленты в турецком:
опыт корпусного исследования 385

Фаткулин Б. Г.
Прикладная лингвистика в исламской
Республике Иран: достижения и тенденции развития 391

Конова А. И.
Перевод слов-реалий из стихотворения «Мияубикә»
Г. Тукая на русский, турецкий и английский языки 397

Меметов И. А.
Использование мультимедиа при изучении турецкого языка 403

VII. ТЮРКОЛОГИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Нуриева Ф. Ш., Хузина Э. С. Гендерный стереотип образа мужчины в татарских поговорах.....	412
Юнусов Ш. Э. Проблема соотношения исторических фактов и художественного воплощения в повести Шамиля Алядина «Родники»	422
Сагдеева Ф. К. Ценность «Хезмэт» (труд) в языковом сознании татар.....	429
Магомедова З. А. Истоки арабо-мусульманских литературных традиций Дагестана XVIII – начала XIX вв.	434
Мансурова Г. К. Культурный код Чыршы (ель) (на материале татарских фольклорных, этнографических, художественных текстов и ассоциатов).....	440
Бекиров Р. А. Глагольные фразеологические сочетания современного арабского языка	449
Посохова Е. В. Символика цвета в романах орхана памука «Белая крепость», «Черная книга» и «Меня зовут красный»	453
Рублёва В. В. Сопоставительная характеристика особенностей цветовосприятия фразеологизмами в арабском, английском и русском языках	459
Экен О. Вклад Мустафы Кутлу в турецкую малую прозу.....	467
Эмирсале Э. Я. Влияние персидской средневековой поэзии на тюркоязычную литературу	473
Джемилева А. А. Переводческое наследие Эшрефа Шемьи-заде	478

Шукринов С. Д.	
Основные этапы формирования турецкой грамматики.....	484
Сухорукова А. В.	
Место отымённых глаголов в терминологии	
в персидском языке на примере	
лингвистической терминологии.....	494
Сухоруков А. Н.	
Влияние творчества Джалаладдина Руми	
на духовную жизнь в Крыму	503
Баварсад Ш.	
Символизм в растительных мотивах Бахтиарских	
ковров (The semiotics in plant motifs	
of bakhtari mental weaver rugs).....	515
Сведения об авторах	521

